

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

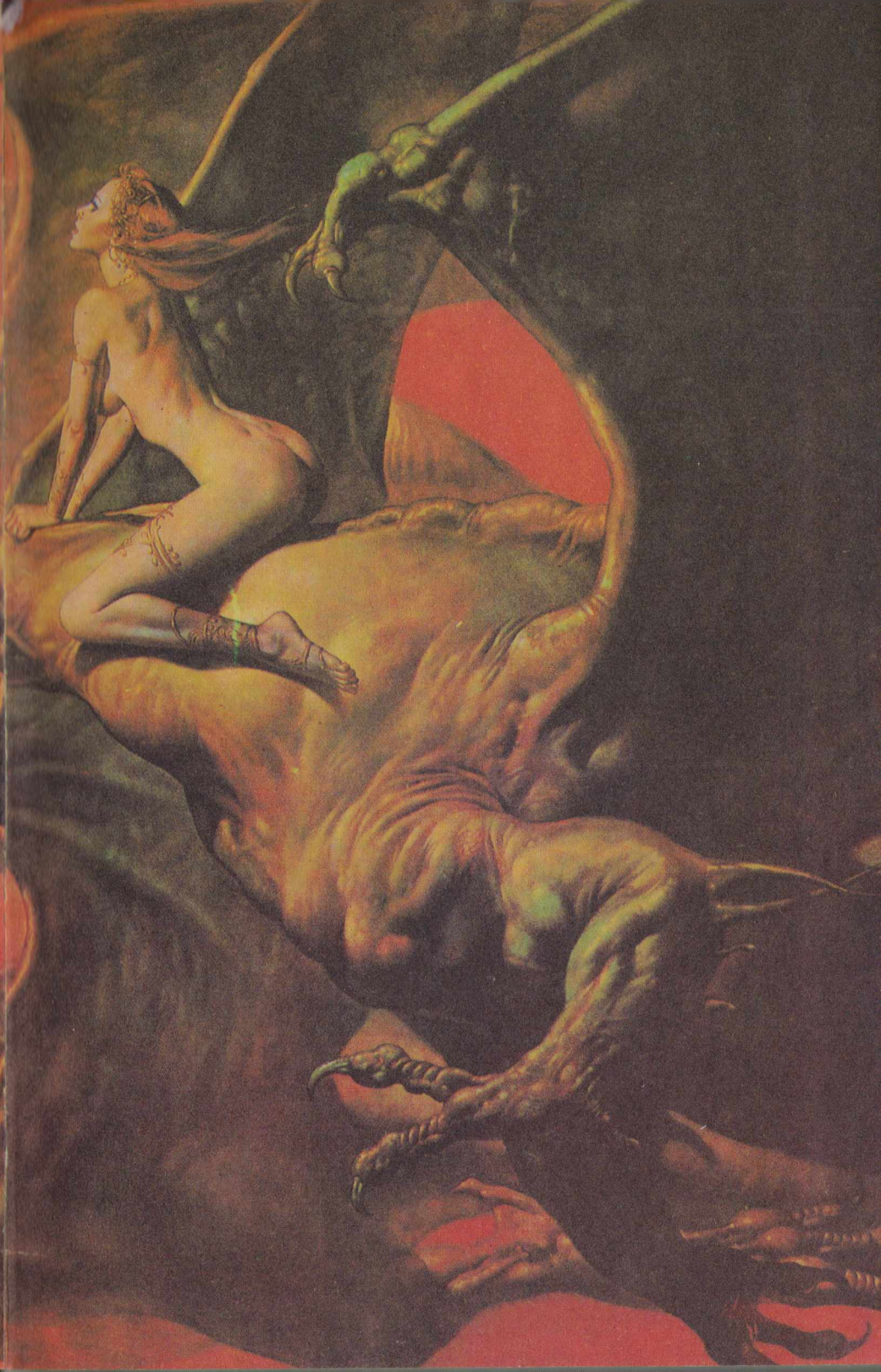
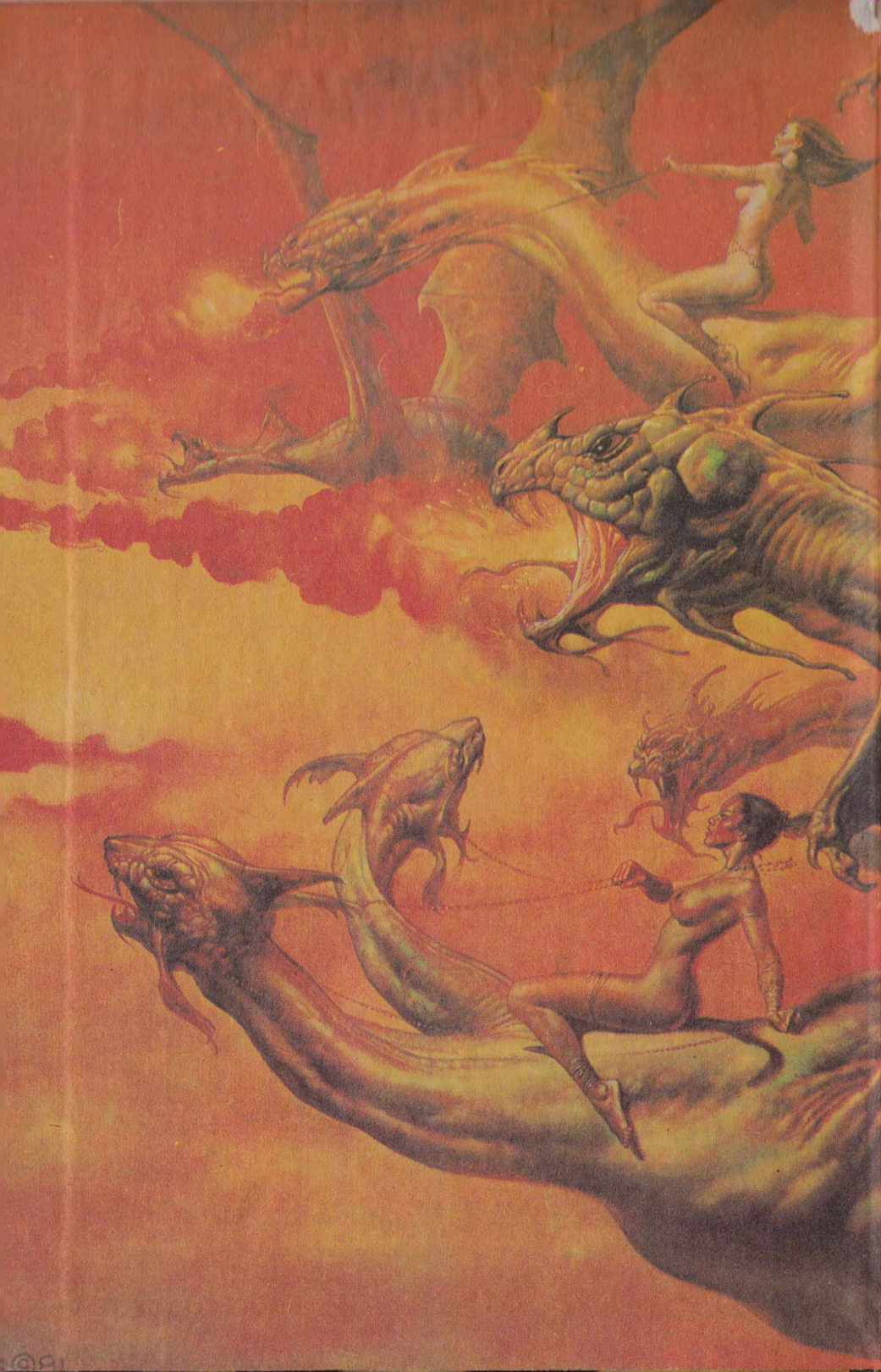
Фрэнк ХЕРБЕРТ

ВТОРЫЕ ВОЙНЫ ПУСТЫНИ

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА

2*-3*

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

**Зарубежная
остросюжетная
фантастика**

ФРЭНК ХЕРБЕРТ

ВТОРЫЕ ВОЙНЫ ПУСТЫНИ

TALLINN "MELOR"
1994

ВНИМАНИЮ КНИГОИЗДАТЕЛЕЙ!

Сериалы «Звездные войны» и «Войны пустыни» являются интеллектуальной собственностью издательства Эстонии и охраняются Законом.

Перепечатка данных сериалов с нарушением авторских прав ЗАПРЕЩЕНА!

Нарушители Закона будут преследоваться в судебном порядке в соответствии с межгосударственным соглашением между Эстонией и Россией, а также другими государствами.

ФРЭНК ХЕРБЕРТ.

"Вторые войны пустыни". Перевод с англ. Составитель А.Саяпин. Таллинн: "Мелор". 1994, 416 стр. ил. /"Библиотека зарубежного криминального романа". Выпуск 2*-3*/.

Продолжаем публикацию нового подсериала "Войны пустыни".

После кровопролитных сражений описанных в "Первых войнах пустыни" проходит 12 лет. Наголову разбив легионы сардукаров на песчаных равнинах Арракиса, Пол Атридес сам приходит к власти. Принцесса Ирулэн не может смириться с ролью фиктивной жены Муад Дибы. Она вынашивает планы коварной мести в традициях школы Бене Джессерит. Возглавляемая Полом армия Свободных наводит ужас по всей Галактике, безжалостно расправляясь с врагами нового Императора. Никто не осмеливается открыто оспаривать у него власть. И тогда в ход идет заговор...

ИТАК, "ВТОРЫЕ ВОЙНЫ ПУСТЫНИ"...

Н $\frac{470310100-015}{8УЗ/03/-94}$

ISBN 5-7979-0412-8

ISBN 5-87005-015-4

© «MELOR», 1994г.

ЗАГОВОР

Глава 1

Скайтейл, лицевой танцор с Тлейлакса, старался не думать о том, какой зловещий характер носит их заговор. Однако он снова и снова возвращался к печальной мысли: «Я сожалею о том, что должен принести смерть Муад Дибу».

Свою жалость он тщательно скрывал от соучастников. Сам же он находил, что ему легче понять жертву, чем мучителей — очень характерное для лицевого танцора свойство.

Скайтейл держался в стороне от остальных. Сначала они обсуждали вопрос о возможности применения яда. Энергичное и яростное по сути, это обсуждение внешне выглядело бесстрастно и чопорно и проходило в манере, свойственной представителям Великих Школ, когда затрагиваются их догмы.

— Тебе кажется, что он погиб, а он вновь невредим!

Это сказала старая Преподобная Мать Бене Гессерит Гаиус Хэлен Моахим, их хозяйка здесь, на Валлахе IX. Закутанная в черное, старуха сидела в плавающем кресле слева от Скайтейла. Капюшон абы был откинут, обнажив обтянутое сухое кожей лицо, обрамленное серебряными прядями волос. Глубоко запавшие глаза смотрели настороженно и сердито.

Она говорила на языке мирабхаза, со множеством гортанных согласных и дифтонгов. Этот язык хорошо передавал тончайшие оттенки эмоций. Преподобной Матери отвечал Адрик, навигатор Союза. В его вежливом голосе звучала насмешка.

Скайтейл взглянул на посланца Союза. Адрик плавал в контейнере с оранжевым газом в нескольких шагах от него. Контейнер находился в центре прозрачного купола, специально сооруженного для него Бене Гессерит. Продолговатое тело, отдаленно гуманоидное, с увеличенными плавниками-ногами и с перепончатыми кистями рук — рыба в чужом море, это и был рулевой Союза. Вентиляторы его контейнера выбросили бледно-оранжевое облако, насыщенное запахом меланжа.

— Если так будет продолжаться, мы умрем от собственной глупости!

Это произнес четвертый из присутствующих — потенциальный участник заговора, принцесса Ирулэн, жена (но не настоящая, вспомнил Скайтейл) их общего врага. Она стояла у контейнера Адрика, высокая, светловолосая красавица, в великолепном платье из голубой китовой шерсти и в такого же цвета плаще и шляпе. Золотые серьги блестяли у нее в ушах. Она вела себя с аристократическим высокомерием, но что-то

в выражении ее лица говорило, что усвоенный у Бене Гессерит самоконтроль дается ей с большим трудом.

Мысли Скайтейла от созерцания тонкостей языка и лиц перенеслись к окружающей их местности. Со всех сторон расстилались холмы, почерневшие от тающего снега, отражавшего грязноватую голубизну маленького бело-голубого солнца, повисшего над горизонтом.

«Почему выбрано именно это место? — подумал Скайтейл. — Бене Гессерит редко поступает беспричинно. Возьмем этот павильон: более просторное, но закрытое помещение могло вызвать у представителя Союза клаустрофобию. Адрик привык к просторам своей родной планеты. Но построить такой купол специально для него — значило прямо указать на его чужеродность».

«А для меня лично, что здесь приготовлено?» — подумал Скайтейл.

— А вам разве нечего сказать, Скайтейл? — в упор спросила его Преподобная Мать.

— Вы хотите втянуть меня в эту дурацкую борьбу? Мы имеем дело с потенциальной мессией. На него нельзя нападать открыто. Если мы превратим его в мученика, это будет нашим поражением.

Взоры всех присутствующих обратились на него.

— Вы думаете, в этом единственная опасность? — снова спросила Преподобная Мать своим пронзительным голосом.

Скайтейл пожал плечами. Для этой встречи он выбрал круглое открытое лицо, веселые глаза, полные губы — внешность обрюзгшего коротышки. Сейчас, глядя на соучастников заговора, он подумал, что сделал идеальный выбор, возможно, инстинктивный. Он единственный из них мог выбирать из большого набора внешностей. Он — человек-хамелсон, лицевой танцор, — и внешность, которую он сейчас надел, заставляла остальных воспринимать его слишком легкомысленно.

— Ну, так как же? — настаивала Преподобная Мать.

— Я наслаждался тишиной, — сказала Скайтейл. — Лучше не выражать вслух нашу враждебность.

Преподобная Мать отпрянула от него, и Скайтейл увидел, что она меняет свое мнение. Все они прошли жесткую школу прана-бинду, все владели своими мышцами и нервами так, как мало кто из людей. Но Скайтейл, лицевой танцор, мог делать со своими мышцами и нервами то, что было недоступно другим, и вдобавок обладал особым даром проникновения — он мог надевать на себя не только внешность другого человека, но и вживаться в его душу.

Скайтейл дал ей возможность завершить переоценку, сказанного потом коротко сказал:

— Яд!

Он произнес это слово с такой интонацией, как будто только он один понимал его истинное значение.

Представитель Союза шевельнулся, и его голос полился из блестящего шара, укрепленного в углу контейнера:

— Мы говорим не о физической отраве, а о психологической.

Скайтейл рассмеялся. Смех на языке мирабхаза срывал маску с собеседника, и тому нечего было больше прятать свое лицо.

Ирулэн одобрительно улыбнулась, но в глазах Преподобной Матери блеснул гнев.

— Прекратите! — выдохнула Моахим.

Скайтейл замолчал, но теперь общее внимание было приковано к нему: Адрик разгневан, Моахим взбешена, Ирулэн удивлена, но забавляется.

— Наш друг Адрик предполагает, — сказал Скайтейл, — что две опытные Бене Гессерит не знают всех возможностей обмана.

Моахим отвернулась и посмотрела на холодные холмы родной планеты Бене Гессерит. Скайтейл понял, что она готова пойти на уступку. Это хорошо. Другое дело — Ирулэн.

— Вы с нами или нет? — спросил Адрик, глядя на Скайтейла своими круглыми глазами грызуна.

— Дело не во мне, — ответил Скайтейл. Он продолжал привлекать внимание Ирулэн. — Вы удивлены, принцесса, зачем мы с таким риском добирались сюда за много парсеков?

Она кивнула в знак согласия.

— Для того разве, чтобы обменяться банальностями с человеком-рыбой или спорить с толстым лицевым танцором с Тлейлакса? — спросил Скайтейл.

Она отступила от контейнера Адрика, раздраженно отмахиваясь от густого запаха меланжа.

Адрик воспользовался этим моментом, чтобы бросить себе в рот еще одну таблетку меланжа. Он ел спайс и дышал им, он даже пил его, как заметил Скайтейл. Вполне понятно — спайс обостряет проницательность рулевого, дает ему возможность вести лайнеры Союза со сверхсветовой скоростью. Спайс помогает ему угадывать курс, на котором корабль не подстерегает опасность. Сейчас Адрик ощущал присутствие другой опасности, но на этот раз ему не мог помочь даже его меланжевый костыль.

— Я думаю, с моей стороны было ошибкой явиться сюда, — сказала Ирулэн.

Повернувшись к ней, Преподобная Мать раскрыла, точно рептилия, затем снова закрыла его.

Скайтейл перевел взгляд с Ирулэн на контейнер, будто приглашая принцессу разделить его точку зрения. Он знал, что Адрик ей отвратителен: самоуверенный взгляд, безобразные руки и ноги, медленнодвигающиеся в газе, клубы меланжевого запаха вокруг. Она задумывается над его сексуальными обычаями, подумывает, как странно было бы видеть

себя парой такого существа. Даже генератор поля, который создавал для Адрика невесомость космоса, был ей отвратителен.

— Принцесса, — сказал Скайтейл, — благодаря присутствию Адрика, ясновидение вашего супруга не сможет проникнуть в некоторые события, включая и нашу встречу... предположительно.

— Предположительно, — механически повторила Ирулэн.

Преподобная Мать кивнула с закрытыми глазами.

— Сущность проникновения в будущее непонятна даже тем, кто обладает этим даром, — сказала она.

— Я полноправный представитель Союза и обладаю этой способностью, — заявил Адрик.

Преподобная Мать снова открыла глаза. На этот раз с пронизательностью, свойственной Бене Гессерит, она смотрела на лицевого танцора. Она взвешивала его слова.

— Нет, Преподобная Мать, — пробормотал про себя Скайтейл, — я не так прост, каким кажусь.

— Мы не понимаем сущности проникновения, — сказала Ирулэн. — Вот, например, Адрик говорит, что мой муж не может знать, видеть или предвидеть то, что происходит в присутствии рулевого Союза, — этому мешает его воздействие. Но каковы границы этого воздействия?

— Существуют люди и явления в нашей вселенной, о которых я знаю лишь по их последствиям. — Рыбий рот Адрика сжался в тонкую линию. — Я знаю, что они существуют... где-то. Как морское животное колеблет поверхность моря, так и проникновение в будущее лишь колеблет ткань времени. Я видел места, где был ваш супруг. Но ни его самого, ни тех, кто разделяет его цели и стремления, я не видел. Точно так же я сам укрыт от него и могу укрыть других.

— Ирулэн не нуждается в этом, — возразил Скайтейл, искоса взглянув на принцессу.

— Мы все знаем, что заговор должен осуществляться только в моем присутствии, — сказал Адрик.

Голосом, каким говорят об использовании машины, Ирулэн произнесла:

— Конечно, у вас есть свои достоинства...

«Теперь она поняла, кто он такой», — удовлетворенно подумал Скайтейл.

— Будущее надо создавать, — сказал он, — подумайте об этом, принцесса.

Ирулэн взглянула на лицевого танцора и подумала о людях, разделяющих цели и стремления Пола, о легионерах из числа Свободных. Она видела, как он пророчествовал для них, видела знаки слепого преклонения перед их Махджи, их Муад Дибом.

«Ей кажется, — подумал Скайтейл, — что она перед судом, который ее оправдает или уничтожит. Она видит ловушку, которую мы все приготовили для нее».

На мгновение он встретился взглядом с Преподобной Матерью и испытал странное ощущение, будто их мысли о Ирулэн совпали. Конечно, орден Бене Гессерит подготовил принцессу, обучил ее, теперь настало время воспользоваться результатами этой подготовки.

— Принцесса, я знаю, чего вы больше всего хотите от Императора, — произнес Адрик.

— Кто же этого не знает? — ответила Ирулэн.

— Вы хотите стать основательницей династии, — продолжал Адрик, как будто не слыша ее реплики. — Я хочу заставить вас поверить моему дару предвидения: Император женился на вас из политических соображений, и вы никогда не делили с ним ложе.

— Значит, ваш оракул еще и сводня, — усмехнулась Ирулэн.

— Настоящая жена Императора — его возлюбленная из Свободных, а не вы! — выпалил Адрик.

— Но она не может дать ему наследника, — вспыхнула Ирулэн.

— Разум — первая жертва сильных эмоций, — пробормотал Скайтейл. Он видел гнев Ирулэн, видел, что его предостережение на нее не подействовало.

— Она не может дать ему наследника. — повторила Ирулэн уже спокойнее, беря себя в руки, — потому что я тайно даю ей противозачаточные средства. Вам было нужно это признание?

— Но Императору этого знать не следует, — с улыбкой заметил Адрик.

— У меня готово объяснение для него, — возразила Ирулэн. — Может, он и обладает чувством правды, но иногда в ложь легче поверить, чем в правду.

— Вы должны сделать выбор, принцесса, — сказал Скайтейл.

— Пол добр со мной, — проговорила она. — И я заседаю в его Совете.

— За двенадцать лет брака проявил он к вам хоть немного нежности? — спросил Адрик.

Ирулэн покачала головой.

— Он сверг вашего отца с помощью своих злобных орд и женился на вас, чтобы законно претендовать на трон, но его настоящей женой вы так и не стали, — продолжал Адрик.

— Адрик старается воздействовать на ваши чувства, — заметил Скайтейл. — Разве это не забавно?

Она взглянула на лицевого танцора, увидела его дерзкую улыбку, и брови ее поползли вверх. Скайтейл видел: теперь она совершенно уверена, что если она покинет встречу соучастницей заговора. Пол этого определить не сможет, если же она не согласится, тогда...

— Не кажется ли вам, принцесса, — спросил Скайтейл, — что Адрик обладает в нашем заговоре слишком большой властью?

— Я заранее согласен подчиниться наиболее разумному предложению, — сказал Адрик.

— А кто его определит, это наиболее разумное предложение?

— Вы не хотите, чтобы принцесса присоединилась к нам? — спросил Адрик.

— Он хочет, чтобы присоединение было искренним, — проворчала Преподобная Мать. — Между нами не должно быть обмана.

Скайтейл видел, что Ирулэн задумалась, спрятав руки в складках одежды. Теперь она думает о подброшенной Адриком наживке — об основании династии. Она думает и о том, как заговорщики собираются воспользоваться ею. Ей многое нужно взвесить.

— Скайтейл, — наконец сказала она, — говорят, у вас, на Тлейлаксе, странные представления о заговоре — ваши жертвы всегда имеют возможность спастись.

— Если найдут эту возможность, — согласился Скайтейл.

— А я — жертва?

Скайтейл рассмеялся. Преподобная Мать фыркнула.

— Принцесса, — как можно убедительнее сказал Скайтейл, — не бойтесь, вы уже давно одна из нас. Разве не вы посылали регулярные сообщения Бене Гессерит?

— Пол знает, что я пишу своим учителям.

— Но разве не вы снабжаете их материалом для пропаганды против вашего мужа и Императора? — спросил Адрик.

«Не "нашего" Императора, — отметил про себя Скайтейл, — а "вашего" Императора. Ирулэн слишком хорошо обучена Бене Гессерит, чтобы не заметить этой детали».

— Вопрос в том, чем и как воспользоваться, — сказал Скайтейл, подходя ближе к контейнеру представителя Союза. — Мы, на Тлейлаксе, считаем, что самое прочное во Вселенной — это убеждения.

— Вы не убедили меня в том, что мы сможем убедить Императора, — сказала Ирулэн.

— Мы не убедили в этом даже самих себя, — заметил Скайтейл.

— Куда мы ни посмотрим, — продолжала Ирулэн, — всюду его власть противостоит нам. Он — Квизах Садерах, он может быть одновременно во множестве мест. Он — Махди, и любой его каприз — непрекаемый приказ для миссионеров Квизарата. Он — ментат, чей интеллект превосходит знаменитые компьютеры древних. Он — Муад Диб, чьи повеления легионам Свободных опустошают целые планеты. Он обладает пророческим видением, он проникает в будущее. Именно его гениальный рисунок Бене Гессерит искал...

— Мы все знаем его свойства, — прервала ее Преподобная Мать. — И мы знаем, что эта мерзость — его сестра Алиа, обладает

тем же генетическим рисунком. Но оба они люди, и, значит, у них есть слабости.

— И где же эти человеческие слабости? — спросил лицевой танцор. — Следует ли искать их в религии джихада? Можно ли обратить против него императорский Квизарат? А власть Великих Домов? Может ли Ландсраад сделать больше, чем просто выразить протест?

— Я советую опереться на КХОАМ, — сказал Адрик, поворачиваясь в своем контейнере. — КХОАМ — это бизнес, а бизнес всегда ищет прибыль.

— А может, на мать Императора? — предложил Скайтейл. — Леди Джессика, насколько я знаю, остается на Келадане, но поддерживает постоянную связь с сыном.

— Шлюха, предательница, — ровным голосом произнесла Мо-ахим. — Я отрубила бы собственные руки, которые учили ее.

— Нашему заговору необходим руководитель, — сказал Скайтейл.

— Мы не просто заговорщики, — возразила Преподобная Мать.

— Да, — согласился лицевой танцор. — Мы энергичны и быстро набираем опыт. Это делает нас единственной надеждой человечества. — Он произнес это тоном величайшей убежденности, который звучал на-смешкой в устах тлейлаксу¹ — лицевого танцора.

По-видимому, только одна Преподобная Мать поняла это.

— В чем дело? — спросила она у Скайтейла.

Прежде чем лицевой танцор успел ответить, Адрик, прочистив горло, сказал:

— Оставим этот философский вздор! Любой вопрос может быть сведен к одной фразе: почему, вообще, все? Любые религиозные, политические и деловые проблемы сводятся тоже к одной фразе: кому принадлежит власть? Союзы, объединения, блоки — все это лишь иллюзия, если за ними нет настоящей власти. А все остальное — вообще чепуха, и это понимает любое мыслящее существо.

Скайтейл пожал плечами. Жест его предназначался Преподобной Матери: Адрик ответил за него на ее вопрос. Чтобы окончательно убедиться, что она это поняла, Скайтейл сказал:

— Внимательно слушая учителя, приобретаешь знания.

Преподобная Мать медленно кивнула.

— Принцесса, — снова заговорил Адрик, — делайте выбор! Вы избраны как орудие судьбы, прекраснейшая...

— Поберегите свои комплименты для тех, на кого они могут подействовать, — оборвала его Ирулэн. — Вы упомянули о призраке,

¹ Тлейлаксу — ученые, лицевые танцоры и ментаты, живущие на планете Тлейлакс, производящие противоестественные эксперименты над человеком и его мозгом.

мстителе, который может покончить с Императором. Объясните, что вы имели в виду.

— Атридес победит сам себя! — воскликнул Адрик.

— Перестаньте говорить загадками! — рассердилась Ирулэн.— Что это за призрак?

— Весьма необычный, — сказал Адрик. — У него есть тело и имя. Тело — плоть знаменитого фехтовальщика Данкана Айдахо. Имя...

— Но Айдахо мертв, — быстро вставила Ирулэн. — И Пол часто оплакивал его в моем присутствии. Он сам видел, как Айдахо был убит сардукаром моего отца.

— Предположим: сардукару вашего отца не изменила мудрость, — сказал Адрик. — Предположим, что мудрый командир сардукаров узнал в убитом великого бойца. Что же тогда? Можно использовать такое тело и его умение... если действовать быстро.

— Гхола тлейлаксу... — прошептала Ирулэн, искоса взглянув на Скайтейла.

Скайтейл, уловив этот взгляд, продемонстрировал свое искусство лицевого танцора — овал лица у него изменился, черты расплылись... И вот уже перед ней стоит стройный мужчина: лицо более смуглое, с чуть плоскими чертами, выступающие скулы, морщины у глаз, черные взлохмаченные волосы...

— Гхола с такой внешностью, — сказал Адрик, указывая на Скайтейла.

— Или еще один лицевой танцор? — спросила Ирулэн.

— Не лицевой танцор, — возразил Адрик. — При длительном наблюдении лицевой танцор может быть раскрыт. Но, предположим, что наш мудрый командир сардукаров сохранил тело Айдахо для аксолотлиевых резервуаров. Почему бы и нет? Оно принадлежало одному из лучших фехтовальщиков в истории — советнику Атридесов, военному гению. Зачем терять такие способности, когда можно получить великолепного инструктора для сардукаров?

— Но я ни разу не слышала об этом, а я ведь была очень близка к отцу, — возразила Ирулэн.

— Ваш отец потерпел поражение, и спустя несколько часов вы были проданы новому Императору, — сказал Адрик.

— Это все действительно имело место? — спросила Ирулэн повелительным тоном.

С благодушием, способным свести с ума, Адрик ответил:

— Предположим, наш мудрый командир сардукаров, понимая необходимость быстрых действий, немедленно отправил сохраненное тело Айдахо на планету Тлейлакс. Предположим далее, что этот командир и все его люди, которые знали об этом, погибли раньше, чем успели сообщить эту информацию вашему отцу, который, впрочем, все равно не успел бы ею воспользоваться. Тогда остается лишь голый факт —

тело, отправленное на Тлейлакс. Существовал лишь один способ переправить его — вскоростном лайнере, конечно. А Союз, естественно, знает, какие грузы перевозят его корабли. Разве при этих обстоятельствах не мудро заключить, что такой подарок подходит Императору Муад Дибу?

— И вы это сделали? — спросила Ирулэн.

Скайтейл, вернувший себе первоначальный облик пухлого корытши, сказал:

— Как уже справедливо отметил наш друг с длинными плавниками, мы сделали это.

— И к чему же готовили Айдахо? — спросила Ирулэн.

— Айдахо... — повторил Адрик и посмотрел на лицевого танцора. — Вы знаете, кто такой Айдахо, Скайтейл?

— Мы продали вам создание по имени Хейт, — ответил тот.

— Верно, Хейт, — согласился Адрик. — Почему же вы нам его продали?

— Потому что однажды мы вырастили собственного Квизац Хадераха, — ответил Скайтейл.

Быстро повернув голову, старая Преподобная Мать посмотрела на него.

— Вы нам этого не говорили! — обвиняюще произнесла она.

— А вы нас об этом и не спрашивали, — возразил Скайтейл.

— Как же вы распорядились своим Квизац Хадерахом? — спросила Ирулэн.

— Существо, всю жизнь делавшее нечто определенное, как проявление своей сущности, скорее умрет, чем станет противоположностью этой сущности, — ответил Скайтейл.

— Не понимаю, — вмешался Адрик.

— Он убил себя, — проворчала Преподобная Мать.

— Внимательно слушайте меня, Преподобная Мать, — предупредил Скайтейл, в то же время телепатически передавая ей: «Ты не обладаешь Полом, не обладала им и никогда не будешь обладать!»

Тлейлаксу подождал, пока она все поймет. Она не должна заблуждаться относительно его намерений. Гнев пройдет, и она осознает, что лицевого танцор не мог предъявить такое обвинение, зная генетическую программу Бене Гессерит. В тоне Скайтейла звучало оскорбление, совершенно не характерное для тлейлаксу.

Используя умиротворяющую интонацию мирабхаза, Адрик поспешил смягчить напряжение:

— Скайтейл, вы ведь говорили нам, что продали Хейта, потому что разделяете наши планы по его использованию?

— Вы, Адрик, будете молчать, пока я не разрешу вам говорить, — сказал Скайтейл.

И, так как представитель Союза собрался запротестовать, Преподобная Мать крикнула:

— Помолчите, Адрик!

Тот отступил в глубину своего контейнера.

— Мимолетные эмоции неуместны при решении общей программы, — сказал Скайтейл. — Они неуместны потому, что единственная общая эмоция, которая собрала нас здесь, — страх.

— Да, — согласилась Ирулэн, оглянувшись на Преподобную Мать.

— Вы должны видеть слабое звено в нашей защите, — продолжал Скайтейл. — И оракул может натолкнуться на нечто непонятное.

— А вы изобретательны, Скайтейл, — сказала Ирулэн.

«Она и не догадывается, насколько справедливо это замечание, — подумал Скайтейл. — Когда дело будет сделано, в наших руках окажется Квизац Хадерах, которого сможем контролировать только мы. А все остальные не получат ничего».

— Каково происхождение вашего Квизац Хадераха? — спросила Преподобная Мать.

— Мы имеем дело с чистыми сущностями, — ответил Скайтейл. — Добро и зло в чистом виде. Злодей, испытывающий наслаждение, лишь причиняя боль и ужас, легко поддается обучению.

— Старый барон Харконнен, дед нашего Императора, был ли он создателем Тлейлакса? — спросила Ирулэн.

— Нет, — ответил Скайтейл. — Но природа часто создает существа, не менее смертоносные, чем наши. Мы лишь ставим их в условия, в которых можем их изучать.

— Я не потерплю такого обращения с собой! — не выдержав, заявил Адрик. — Кто скрывает нашу встречу от...?

— Именно поэтому вы и должны быть благоразумнее, — напомнил ему Скайтейл.

— Давайте обсудим, как мы подарим Хейта Императору, — настаивал Адрик. — По-моему мнению, Хейт олицетворяет старую верность, испытанную Атридесом с самого рождения. С помощью Хейта Император смягчит свои действия, установит равновесие позитивных и негативных эмоций в жизни и религии.

Скайтейл улыбнулся, снисходительно разглядывая сообщников. Они вели себя так, как он и ожидал. Старая Преподобная Мать орудовала заговором, точно косой. Ирулэн хорошо подготовлена к возложенной на нее задаче, но все же потерпела поражение — это ошибка Бене Гессерит. Адрик не больше не меньше, чем орудие — он сможет скрывать и отвлекать. Сейчас Адрик погрузился в угрюмое молчание, остальные не обращали на него внимания.

— Правильно ли я поняла, что Хейт должен отравить душу Императора? — спросила Ирулэн.

— Более или менее, — ответил Скайтейл.

— А как же Квизарат? — спросила она снова.

— Нужен лишь легкий толчок, небольшое акцентирование определенных эмоций, чтобы превратить зависть во вражду, — ответил Скайтейл.

— А КХОАМ?

— Ее интересует только прибыль.

— А другие группировки?

— Придется действовать от имени правительства, — сказал Скайтейл. Менее могущественные мы проглотим — во имя морали и прогресса. Наши противники задохнутся в петле собственных трудностей.

— Алия?

— Хейт — гхола многоцелевого назначения, — ответил Скайтейл. — Сестра Императора в том возрасте, когда ее сможет привлечь мужчина, специально для этого созданный. Его могущественность и способности ментата не останутся без ее внимания.

Моахим позволила своим старым глазам удивленно раскрыться.

— Гхола — ментат? Рискованный ход.

— Мне кажется, что ментат должен иметь точные данные, — произнесла Ирулэн с ноткой сомнения. — Что, если Пол спросит его об истинной цели подарка?

— Хейт скажет правду, но это не будет иметь никакого значения, — заверил ее Скайтейл.

— Значит, двери спасения открыты для Пола? — Ирулэн задала свой вопрос утвердительным тоном.

— Ментат! — фыркнула Моахим.

Скайтейл смотрел на Преподобную Мать и видел дремучую наивность, скрашивающую ее реакцию. Еще со времен Бутлерианского Джихада, когда «думающие машины» были стерты с лица Вселенной, компьютеры внушали недоверие, а человеческие компьютеры — тем более.

— Мне не нравится ваша улыбка, — сказала Моахим с внезапной откровенностью.

В тон ей Скайтейл ответил:

— А я и не собираюсь вам нравиться, но мы должны работать вместе и мы все это понимаем. — Он оглянулся на представителя Союза. — Как, Адрик?

— Вы преподали нам болезненный урок, — ответил тот. — Мне кажется, я не должен возражать против мнения всех других участников.

— Видите, его можно научить, — улыбнулся Скайтейл.

— Я вижу и другое, — проворчал Адрик. — Атридесу принадлежит монополия на спайс. Без него я не могу проникать в будущее, а Бене Гессерит утратит свое чувство правды. У нас, конечно, есть запасы, но они не беспредельны. Меланж — могучая сила.

— У нашей цивилизации не одна эта сила, — многозначительно сказал Скайтейл.

— Вы думаете выкрасть секрет меланжа? — взвизгнула Моахим. — С планеты, охраняемой этими безумными Свободными?!

— Свободные тоже бывают разные, — спокойно возразил ей Скайтейл. — И они не безумны. Просто их приучили не думать, а верить, а верой вполне можно манипулировать. Опасно только знание.

— Но я буду родоначальницей династии? — спросила Ирулэн.

Все уловили жалобную интонацию в ее голосе, но улыбнулся только Адрик.

— Конечно, — успокоил ее Скайтейл.

— Это будет означать конец Атридесов как правящей партии, — констатировал Адрик.

— Другие, менее одаренные оракулы, уже сделали это пророчество, — заметил Скайтейл. — Для них это «мектуб ал меллах», как говорят Свободные.

— «Написано солью», — перевела Ирулэн.

И когда она сказала это, Скайтейл понял, кого выставил против него орден Бене Гессерит — прекрасную умную женщину, которая никогда не будет принадлежать ему. «Что же, — подумал он, — у меня будет ее копия».

Глава 2

Пол сел на край кровати и стал снимать пустынные сапоги. Они резко пахли смазкой, которая предохраняла насосы его стилсьюта. Было поздно. Он задержался на своей вечерней прогулке, чем вызвал беспокойство тех, кто его любил. Он и сам сознавал, что такие прогулки опасны, но эту опасность он мог распознать и немедленно на нее отреагировать. Что-то привлекательное было в ночных прогулках по темным улицам Арракина.

Швырнув сапоги в угол комнаты, под единственный светящийся глоул-лоб, он принялся за застёжки стилсьюта. Великий Боже, как же он устал! Но усталость притаилась лишь в мышцах, мозг продолжал свою активную деятельность. Зрелище обычной городской жизни вызывало в нем острую зависть. Император не мог влиться в этот безымянный поток жизни, но пройти по улицам, не привлекая ничего внимания, — какое это удовольствие! Миновать крикливую толпу нищенствующих пилигримов, слышать, как Свободный бранит лавочника: «У тебя влажные руки!»

Улыбаясь своим воспоминаниям, Пол освободился от стилсьюта.

Он стоял обнаженный, странно не настроенный на свой привычный мир. Дюна теперь парадокс: планета в осаде, но в то же время — центр власти. Глядя себе под ноги, на зеленый ковер, ощущая подошвами его грубый ворс, он решил, что оказаться в осаде — неизбежная прерогатива власти.

Улицы по шиколотку были полны песка, надутого ветрами из-за Защитной стены. Пешеходы поднимали удушливую пыль, забивавшую фильтры стилсьюта. Даже здесь, несмотря на мощную вентиляцию крепости, он ощущал запах пыли. Этот запах напоминал ему о пустыне.

Другое время — другие опасности.

Сравнительно с теми, прежними днями опасность, сопровождавшая его одинокие прогулки, ничтожна. Но, надев стилсьют, он надевает и пустыню. Костюм, со всеми его приспособлениями, предназначенными для сбережения влаги тела, организовывал мысли по-другому. Пол снова становился диким Свободным. В костюме он забывал об опасности, снова, как прежде, полагаясь на навыки Свободного. Пилигримы и жители города скользили мимо него, опустив глаза. Они благоразумно не задевали дикаря. У горожан было свое представление о лике пустыни — это было лицо Свободного, скрытое носовыми фильтрами стилсьюта.

По правде говоря, существовала лишь мизерная вероятность, что кто-то из прежней жизни — жизни сьетча — узнает его по походке, запаху и глазам. Но даже и в этом случае вероятность встречи с врагом была ничтожна мала.

Шум дверных занавесей и полоса света прервали его размышления. Вошла Чани с кофейным сервизом на платиновом подносе. За ней следовали два светящихся шара: один повис над изголовьем кровати, другой светил ей на руки.

Движения Чани оставляли впечатление хрупкости и уязвимости, но в то же время и уверенности. Что-то в ее позе, когда она склонилась над кофе, напомнило ему их первые дни. Черты ее лица оставались тонкими, годы их не тронули — разве что внимательно присмотревшись, можно было разглядеть морщинки в уголках лишенных белков глаз — «песчаные следы», как называют их Свободные.

Чани подняла крышу кофейника — откуда повалил пар. Она опустила крышку и Пол понял, что кофе еще не готов. Серебряный кофейник в форме беременной женщины — это ганима, военная добыча, доставшаяся ему после того, как он убил его прежнего владельца в личном поединке. Кажется, его звали Джемиз... верно, Джемиз. Что за странное бессмертие выпало на его долю! Зная, что смерть неизбежна, неужели он именно такую прочил сам себе?

Чани поставила чашки, голубые, приземистые, словно повитухи, рядом с кофейником. Три чашки: по одной на каждого пьющего и одну — для всех прежних владельцев.

— Через минуту кофе будет готов, — сказала она, взглянув на Пола, и он постарался представить себе, каким она его видит. Все еще чужеземец, сухошавый, жилистый, но все же полный воды по сравнению со Свободными. Напоминает ли он ей Узула, того, чье имя он принял, когда они с матерью были беглецами в пустыне?

Пол оглядел себя — стройное тело, тугие мышцы, немного прибавилось шрамов, но в целом все тот же, а ведь он уже двенадцать лет Император. Подняв голову, он увидел свое лицо в зеркале: синие глаза Свободного — след приверженности к спайсу, нос Атридесов. Ведь он родной внук Атридеса, который погиб на арене в схватке с быком, на глазах у своего народа, жаждущего зрелищ.

Пол вспомнил слова старика: «Тот, кто правит, берет на себя ответственность за тех, кем он правит. Ты хозяин, но это значит, что иногда от тебя требуется самопожертвование, бескорыстный акт любви, который может лишь позабавить тех, кем ты правишь». Подданные до сих пор вспоминают старика с любовью.

«А что сделал я во славу Атридесов? — спросил себя Пол. — Выпустил волка в стаю овец».

На минуту он задумался над всеми убийствами, над всем насилием, что творятся его именем.

— Немедленно в постель! — приказала Чани и Пол с усмешкой подумал, в какое замешательство пришли бы его подданные, если бы они могли услышать ее повелительный тон.

Он послушно лег навзничь, закинув руки за голову и отдаваясь привычным движениям Чани.

Неожиданно окружающая обстановка поразила его своей необычностью. Совсем не так представляли себе спальню Императора его подданные. Свет беспокойно плавающих шаров перемещал тени множества кувшинов на полке, за спиной Чани. Пол про себя перечислил их содержимое — сухие ингредиенты пустынной фармакопеи, мази, ладан, горсть песка из съезда Табр, прядь волос их сына, невинного младенца, убитого двенадцать лет назад в битве, которая сделала его, Пола, Императором.

Густой запах спайсового кофе заполнил комнату. Пол вдохнул этот запах, и взгляд его упал на желтую чашку рядом с подносом, на котором Чани готовила кофе. В чашке лежали земляные орехи. Неизбежный распознаватель яда, смонтированный под столом, размахивал над чашкой своими могучими лапками. Это рассердило Пола: в дни пустыни не было нужды искать в пище яд.

— Кофе готов, — сказала Чани. — Есть будешь?

Его сердитый ответ потонул в грохоте спайсового лайнера, поднимающегося в небо с взлетного поля Арракина.

Чани видела, что Пол не в духе, однако налила кофе и подвинула ему чашку. Потом она села на край кровати, обнажила его ноги и начала

растирать ему мышцы, затекшие от долгой ходьбы в стилсьюте. Самым обыденным тоном, который, однако же, не обманул Пола, она сказала:

— Давай поговорим о желании Ирулэн иметь ребенка.

Пол раскрыл глаза и внимательно посмотрел на Чани:

— Прошло всего два дня, как Ирулэн вернулась с Валлаха IX. Она что, уже была у тебя?

— Мы не говорили с ней об этом, — сказала Чани.

Пол напряг свои способности ментата и стал рассматривать Чани, подмечая каждую деталь, как учила его мать, Бене Гессерит. Ему не хотелось проделывать это с Чани. Секрет ее притягательности отчасти заключался для него в том, что ему не надо было рядом с ней напрягать свои способности ментата. Чани обычно избегала не прямых вопросов. Ее вопросы, как правило, касались практической стороны. Чани интересовали факты, от которых зависело положение ее мужчины, его влияние в Совете, верность его легионов, сила и слабость его союзников. В памяти у нее хранилось множество имен и подробностей. Она легко могла перечислить все слабые стороны любого из известных ей врагов, представить возможное расположение вражеских сил, предугадать военные планы предводителей вражеской армии, определить производственные мощности главных отраслей промышленности противника.

«Почему же теперь она заговорила об Ирулэн?» — силился понять Пол.

— Я тебя встревожила, — извинилась Чани. — Я не хотела этого.

— Чего же ты хотела?

Она стыдливо улыбнулась, встретив его взгляд.

— Если ты сердисься, любимый, не скрывай этого.

Пол снова опустил голову на подушки.

— Может быть, отослать ее? — спросил он. — Польза от Ирулэн теперь сомнительная, к тому же мне очень не нравится ее последнее путешествие.

— Ты не отошлешь ее, — сказала Чани, продолжая массировать ему ноги. — Ты много раз говорил, что она — твоя связь с врагами, что по ее действиям ты угадываешь их планы.

— Почему же тогда ты заговорила о ее желании иметь ребенка?

— Я думаю, это обескуражит наших врагов и поставит Ирулэн в зависимое положение... если ты сделаешь ее матерью.

По движениям ее рук, он понял чего стоили ей эти слова. В горле у него застрял ком. Он негромко сказал:

— Чани, любимая, я поклялся, что она никогда не будет лежать в моей кровати. А ребенок дал бы ей слишком большую власть. Ты что, хочешь, чтобы она заняла твое место?

— У меня нет места.

— Неправда, Сихайя, моя пустынная весна. Почему ты вдруг решила позаботиться об Ирулэн?

— Я забочусь о тебе, а не о ней. Если у нее будет ребенок Атридесов, ее друзья усомнятся в ее верности им. Чем меньше они будут верить ей, тем меньше она принесет им пользы.

— Ее ребенок может повлечь за собой твою смерть, — сказал Пол. — Ты знаешь, какие здесь возможны заговоры. — Он повел рукой, повторяя очертания крепости.

— Ты должен иметь наследника! — выдохнула она чуть слышно.

— Ах, вот оно что!

Теперь все ясно: Чани не родила ему наследника, значит, это должен сделать кто-то другой. Почему бы и не Ирулэн? Так рассуждала Чани. И это должно быть сделано при помощи секса, так как по всей Империи действовало строжайшее табу на любые искусственные способы оплодотворения. Чани пришла к этому заключению, руководствуясь естественной логикой Свободных.

Пол в новом свете рассматривал ее лицо. Его он знал лучше, чем свое собственное. Он видел его в экстазе страсти, видел смягченным сном, видел на нем выражение страха, гнева, печали...

Он закрыл глаза и снова мысленно увидел Чани еще юной девушкой — поющей, просыпающейся рядом с ним. В его воспоминаниях она улыбалась, сначала стыдливо, потом напряженно — как будто хотела бежать из его видений.

У Пола пересохло во рту. На мгновение он ощутил дым опустошенного будущего; голос из другого видения приказывал ему: освободись, освободись, освободись!.. Его пророческие видения уже очень давно приносили ему картины будущего, обрывки чужих языков. С того самого мгновения, как первое видение посетило его, он вглядывался в будущее, надеясь увидеть там другой мир.

Конечно, путь существует, он знает это. Не зря видение кричит ему: освободись... освободись... освободись!

Пол открыл глаза и посмотрел на Чани. Она перестала массировать ему ноги и сидела теперь неподвижно, как изваяние, настоящая Свободная! Черты ее лица оставались знакомыми под голубым незхони — шарфом, который она обычно носила в помещении. Но на лице ее застыла непреклонность, древний и чуждый ему образ мыслей. В течение тысячелетий женщины Свободных жили рядом со своими мужьями обязательно в мире и согласии. Сейчас в Чани было что-то не от тех женщин.

— Единственного наследника, который мне нужен, дашь мне ты, — сказал Пол.

— Ты видел это? — спросила она, имея в виду его пророческое видение.

Как и много раз до этого, Пол подумал, как трудно объяснить ей сложность видений, бесконечное число временных линий, которые одновременно проходят перед ним. Он вздохнул, представляя себе воду, поднятую из реки в ладонях, струйки, вытекающие сквозь дрожащие пальцы. Как может он рассказать о будущем, утекающем, как эта вода? Слишком много оракулов скрывают от него это будущее.

— Значит, ты не видел, — утвердительно сказала Чани.

Видение будущего, доступное для него путем крайнего напряжения сил, что оно может показать им, кроме горя? Пол почувствовал, что находится в негостеприимной промежуточной зоне, где его чувства качаются и плывут — бесконечно, безостановочно...

Чани укрыла ему ноги и сказала:

— Наследник Дома Атридесов — это не шутка. Не следует полагаться на волю случая, ставить это в зависимость от одной женщины.

«Так могла бы сказать моя мать», — подумал Пол. Неужели леди Джессика тайно общается с Чани? Его мать, разумеется, встала бы на защиту интересов Дома Атридесов. Такой воспитала ее школа Бене Гессерит. И это остается в ней даже теперь, когда она противостоит воспитавшему ее ордену.

— Ты подслушивала, когда ко мне сегодня приходила Ирулэн? — в его голосе прозвучала суровость.

— Да. — ответила она, не поднимая на него глаз.

Пол вспомнил посещение Ирулэн. Он сидел в семейной комнате. На бкацком станке Чани он заметил незаконченное платье. Комната пропахла едким запахом пустынного червя, злым запахом, почти забивающим запах меланжа. Кто-то пролил жидкий спайс на ковер. Не самое удачное сочетание. Спайс растворил материю ковра. На том месте, где лежал ковер, на пластиковом полу остались масляные следы. Пол уже хотел позвать кого-нибудь, чтобы вытерли пол, но вошла Хара, жена Стилгара и лучшая подруга Чани, и доложила о приходе Ирулэн.

Пол вынужден был принять Ирулэн среди этих острых запахов, будучи не в состоянии преодолеть суеверие Свободных, что злые запахи предотвращают покушение на убийство.

Впустив Ирулэн, Хара вышла.

— Добро пожаловать, — сказал Пол.

На Ирулэн было платье из серой китовой шерсти. Она запахнула его плотнее и поправила волосы. Его мирный тон удивил ее, и заготовленные гневные слова замерли на ее губах.

— Ты пришла сообщить мне, что орден растерял последние остатки морали? — спросил Пол.

— Разве не опасно быть таким злым? — возразила она.

«Злой» и «опасный» — сомнительное сочетание, — подумал Пол. Его опыт ученика Бене Гессерит подсказывал ему, что она едва преодолевает

желание уйти. За этим скрывается страх, и он понял, что ей предстоит дело, которое она не вполне одобряет.

— Они слишком многого ожидали от принцессы королевской крови? — спросил он.

Ирулэн застыла на месте, и Пол понял, что она изо всех сил сдерживает себя. «Тяжелая ноша», — подумал он.

Ирулэн мало-помалу расслабилась. Она, видно, решила, что теперь уже нет смысла поддаваться страху и отступать.

— Очень жарко, — сказала она, потирая руки. — Сухо, и сегодня, к тому же, был песчаный шторм. Неужели так никогда и не будет дождя?

— Ты пришла сюда не для разговоров о погоде, — заметил Пол. Он чувствовал, что Ирулэн хочет сказать ему что-то, чего ей не позволяет сделать открыто ее воспитание.

— Я должна иметь ребенка! — выпалила она, наконец

Он покачал головой.

— Должна! — упрямо повторила Ирулэн. — И если тебе понадобится, я найду отца для своего ребенка — просто наставлю тебе рога. Посмей тогда обвинить меня!

— Изменяй мне сколько тебе угодно, — возразил он, — но никакого ребенка!

— Как ты сможешь мне помешать?

С бесконечно нежной улыбкой он произнес:

— Если понадобится, я тебя задушю.

На мгновение повисло молчание, и Пол почувствовал, что Чани подслушивает за тяжелыми занавесями их личных покоев.

— Я — твоя жена, — прошептала Ирулэн.

— Не будем играть в глупые игры, — ответил он. — Мы оба знаем, кто на самом деле моя жена.

— А я всего лишь средство достижения твоей цели? — горько усмехнулась она.

— Мне не хотелось бы быть с тобой грубым.

— Отчего же? Ты выбрал меня как раз для этого.

— Не я, — возразил он. — Тебя выбрала судьба. Твой отец, орден Бене Гессерит, Союз — вот кто сделал этот выбор. А теперь они избрали тебя еще раз. Для чего, Ирулэн?

— Почему я не могу иметь от тебя ребенка?

— Потому что тебя выбрали не для этой роли.

— Мое право дать тебе наследника!.. Мой отец был...

— Твой отец был и остается зверем. Мы оба знаем, что он утратил почти все связи с людьми, которыми должен был править и которых должен был защищать.

— Разве его ненавидели больше, чем тебя? — вспыхнула она.

— Хороший вопрос, — согласился он. Сардоническая улыбка застыла в уголках его рта.

— Ты говоришь, что не хочешь быть несправедливым со мной, однако...

— Потому я и допускаю возможность твоей измены. Но пойми и ты меня, заводи себе любовников, но не приноси в мой дом плодов своей любви. Я откажусь от такого ребенка. Я буду на все закрывать глаза, пока ты будешь благоразумна. В подобных обстоятельствах было бы глупо вести себя по-другому. Но не злоупотребляй позволением, которое я тебе даю. Поскольку дело касается трона, вопрос о наследнике буду решать только я. Не Бене Гессерит и не Союз. Это одна из тех привилегий, которые я завоевал, разбив легионы сардукаров твоего отца здесь, на равнинах Арракиса.

— Так пусть это падет на твою голову! — сказала Ирулэн и, повернувшись, вышла...

Пол, оторвавшись от воспоминаний, взглянул на Чани, сидевшую в изножье кровати. Он понимал, почему Чани приняла такое решение. В других обстоятельствах Чани и Ирулэн могли бы быть друзьями.

— Что же ты решил? — спросила она.

— Никакого ребенка.

Сложив указательный и большой пальцы правой руки, Чани сделала знак, означающий у Свободных криснож.

— Может дойти и до этого, — согласился Пол.

— Разве ребенок не решил бы проблемы Ирулэн?

— Только глупец может так думать.

— Я не так глупа, любимый.

Его охватил гнев.

— Я никогда этого не говорил. Но мы обсуждаем не какой-нибудь вульгарный ее роман. Там, во дворце, подлинная принцесса, выросшая среди отвратительных интриг императорского двора. Устраивать заговоры для нее также естественно, как и писать глупые истории.

— Они не глупые, любимый.

— Вероятно, нет, — он взял себя в руки и коснулся ее плеча. — Прости меня, но эта женщина вся сплетена из интриг. Удовлетвори одно ее требование, и она тут же предъявит другое.

Чани спокойно возразила:

— Разве я не утверждала это много раз?

— Да, конечно. Но что тогда, в сущности, ты хочешь мне сказать?

Она легла рядом с ним, прижавшись головой к его шее.

— Они сговорились, как бороться с тобой, — сказала она. — От Ирулэн так и несет заговором.

Пол погладил ее волосы: наконец-то она сбросила покровы со своей души!

— Чани, любимая, — прошептал он, — ты знаешь, что я хочу положить конец джихаду, отделиться от божества, роль которого навязал мне Квизарат?

Она вздрогнула всем телом.

— Тебе стоит только приказать...

— О, нет! Даже если бы я сейчас умер, мое имя все равно повело бы их. Когда я думаю об имени Атридесов, связанном с этой религиозной бойней...

— Но ты Император! Ты...

— Я лишь номинальный вождь. Однажды появившись, так называемое божество лишается власти. — Горький смех сотрясал его тело. Он чувствовал, как смотрит на него будущее — смотрит глазами не народившейся еще династии. Он чувствовал, как в страхе гибнет его существо, отвязавшееся от цепи судьбы — остается только его имя. — Я был избран, — сказал он. — Может быть, при рождении... и, в всяком случае, раньше, чем я начал говорить. Я был избран.

— Тогда окажись от выбора.

Он еще крепче обнял ее за плечи.

— Со временем, любимая. Дай мне немного времени.

Невыплаканные слезы жгли ему глаза.

— Мы должны вернуться в сьетч Табр, — сказала Чани. — В этом каменном шатре становится слишком опасно.

Он кивнул, проводя подбородком по гладкой поверхности шарфа, укрывающего ее голову. Успокаивающий запах спайса наполнил его ноздри.

Сьетч... Древний смысл проступил в этом слове: место отступления и безопасности... во времена опасности. Предложение Чани вызвало у него острый приступ тоски по открытым песчаным просторам, по далеким горизонтам, где любого врага видно издалека.

— Племена ждут возвращения Муад Диб, — сказала она, затем подняла голову и посмотрела на него. — Ты принадлежишь нам.

— Я принадлежу провидению, — прошептал он.

Он подумал о джихаде, о генах, смешивающихся во многих парсеках, и о предвидении, которое показало ему, как покончить со всем этим. Должен ли он уплатить эту цену? Тогда вся ненависть умрет, погаснет, как костер — уголек за угольком. Но... ах! Что за ужасная цена!

«Я никогда не хотел быть Богом, — подумал он. — Я хотел лишь исчезнуть, как исчезает жемчужная роса по утрам. Не хотел быть ни среди ангелов, ни среди дьяволов... один, брошенный, словно по недосмотру».

— Мы вернемся в сьетч? — настаивала Чани.

— Да, — прошептал он, а про себя подумал: «Я должен заплатить эту цену».

Чани тяжело вздохнула, устраиваясь поудобней.

«Я медлю», — подумал он. И увидел, как связывают его требования любви и джихада. Что значит одна жизнь, как бы ты не любил этого человека, по сравнению со множеством жизней, которые заберет

джихад? Можно ли страдания одного противопоставить мучениям миллионов?

— Любимый? — вопросительно произнесла Чани.

Он закрыл ей рот рукой.

«Я сдамся сам, — подумал он. — Я попытаюсь, пока у меня еще есть силы, найду щель, через которую не пролететь и птице». Бесполезная мысль, и он это знал. Джихад следует за его тенью.

Что он может ответить? Как объяснить тем, кто обвиняет его в несусветной глупости? Кто поймет?

Он хотел только оглянуться и сказать: «Вот! Вот мир, в котором я существую... Смотрите — я исчезаю! Никакая сеть человеческих желаний больше не поймает меня! Я отрекаюсь от своей религии! Этот великолепный миг — мой! Я свободен!»

Пустые слова.

— Вчера у Защитной стены видели большого червя, — сказала Чани. — Длиннее ста метров. В том районе теперь редко появляются такие большие черви. Я думаю, их прогоняет вода. Говорят, этот червь пришел звать Муад Дибя домой, в пустыню. — Она ущипнула его. — Не смейся надо мной!

— Я не смеюсь.

Пол, удивленный живучестью мифов Свободных, чувствовал, как сжимается его сердце. Происходит нечто, влияющее на его линию жизни, — адаб, требовательное воспоминание. Он вспомнил свою детскую комнату на Келадане... темную ночь в каменном помещении... видение! Один из самых первых случаев его предвидения. Он чувствовал, как разум его окунается в это видение, видел сквозь затуманенную память (видение в видении) линию Свободных в запыленных одеждах. Они двигались мимо щели в высоких скалах и несли что-то продолговатое, завернутое в ткань.

Пол слышал свой собственный голос в видении: «Много было хорошего... но ты была лучше всех...»

Адаб освободил его.

— Ты лежал так тихо, — прошептала Чани. — Что это было?

Пол вздрогнул, сел и отвернул лицо.

— Ты сердись, потому что я была на краю пустыни, — сказала Чани.

Он молча покачал головой.

— Я пошла туда, потому что хочу ребенка.

Пол не мог говорить. Он чувствовал, как его захватило это раннее видение. Ужасная цель! Вся жизнь его в этот момент представилась ему веткой, дрожащей после взлета птицы, а эта птица была — возможность. Свободная воля.

«Я уступаю оракулу», — подумал Пол.

И почувствовал, что, уступая, он закрепляется на единственно возможной линии жизни. «Неужели, — подумал он, — оракул не просто предсказывает будущее? Неужели оракул создает его?» Он давным-давно попал в сеть, и теперь ужасное будущее надвигалось на него со своими зияющими челюстями.

В мозгу его вспыхнула аксиома Бене Гессерит: использовать грубую силу — значит, оказаться во власти гораздо более могущественных сил.

— Я знаю, что сердит тебя, — сказала Чани, дотрагиваясь до его руки. — Да, племена возобновили старые обряды и кровавые жертвоприношения, но я в этом не участвовала.

Пол, весь дрожа, сделал глубокий вдох. Поток его видений расширился и превратился в тихую глубокую заводь. Течение же ушло далеко, за пределы его досягаемости.

— Я хочу ребенка, — просила Чани, — нашего ребенка. Разве это так много?

Пол погладил ее руку и отодвинулся, потом встал с постели, погасил шары, подошел к балконному окну и отодвинул занавеси. Прямо перед ним в ночное небо поднималась стена без окон. Пустыня могла вторгаться сюда только своими запахами. Лунный свет падал в сад, освещал деревья, влажную листву. Пол видел пруд, в котором отражались звезды. На мгновение он увидел этот сад глазами Свободного: чуждый, угрожающий, опасный изобилием воды.

Он думал о продавцах воды, исчезнувших после того, как он стал щедро раздавать воду. Они его ненавидят, он убил прошлое. Были и другие, даже те, что сражались за драгоценную воду. Они ненавидели его за то, что он изменил их жизнь. По мере того, как, повинаясь приказам Муад Дибя, изменилась биология планеты, усиливалось и сопротивление людей. «Разве не самонадеянно, — думал он, — пытаться взять верх над целой планетой?» А если ему это удастся, то его ждет вся Вселенная. А с ней он сможет справиться?

Он резко задернул занавеси и повернулся в темноте к Чани. Ее водные кольца звенели, как колокольчики пилигримов. На ощупь он пробрался к ней и встретил протянутые руки.

— Любимый, — прошептала она, — я растревожила тебя?

Руки ее, обнимая его, скрыли видения будущего.

— Не ты... — ответил он. — О... не ты.

Глава 3

Старик стоял в дверях, глядя на пришельца своими синими без белков глазами. В его взгляде застыла подозрительность, которую все жители пустыни проявляют по отношению к чужакам. Глубокие морщины прорезали лицо, там, где начиналась белая борода. На нем не было стилизюта, и он беспокоился о влаге, уходящей через дверь его жилища.

Скайтейл поклонился и сделал условный знак заговорщиков. Откуда-то изнутри, из-за старика, донеслись стонущие звуки семуты. В старике не чувствовалось пристрастия к наркотику, значит, семута — слабость кого-то другого. Скайтейл не ожидал встретить в таком месте столь утонченный порок.

— Привет, — сказал Скайтейл, улыбаясь плоским лицом, которое он выбрал для этой встречи. Потом ему пришло в голову, что старик может узнать это лицо: некоторые Свободные знали на Дюне Данкана Айдахо. Скайтейл испугался, что выбор внешности, которая вначале показалась ему забавной, может в конце концов оказаться ошибкой. Он не рискнул тут же сменить лицо. Он нервно оглядел улицу. Неужели старик так никогда и не пригласит его внутрь?

— Вы знали моего сына? — спросил старик.

Вот, по крайней мере, одна из условных фраз. Скайтейл назвал отзыв, все время озираясь. Ему не нравилась эта позиция. Улица оказалась тупиком, заканчивающимся на этом доме. Все дома вокруг были выстроены для ветеранов джихада. Они образовывали пригород Арракина, тянувшегося до имперского бассейна мимо Таймега. На улицу выходили сплошные стены серовато-коричневого цвета, кое-где прерывающиеся герметическими дверями. На стенах были нацарапаны непристойности. Рядом с дверью, у которой стоял Скайтейл, кто-то нацарапал, что некий Берис вернулся на Арракис с постыдной болезнью, лишившей его мужества.

— С вами пришел еще кто-то? — спросил старик.

— Нет, я один.

Старик откашлялся, все еще пребывая в нерешительности.

Скайтейл напомнил себе: необходимо быть осторожным и терпеливым. Контакты такого рода таили в себе особую опасность. Возможно, у старика были причины вести себя так. Впрочем, час соответствует. Бледное солнце стоит прямо над головой. В это время люди сидят в закрытых домах, самые жаркие часы они проводят в дремоте.

Может, старик опасается нового соседа? Скайтейл знал, что соседний дом предназначался для Отейна, некогда бывшего членом ужасного отряда федайкинов Муад Дибя. А с Отейном жил карлик Биджаз.

Скайтейл снова взглянул на старика, отметив пустой левый рукав и отсутствие стилсьюта. В старике чувствовалась властность. Он явно не был простым пехотинцем джихада.

— Могу я узнать имя гостя? — спросил он.

Скайтейл еле сдержал вздох облегчения: его в конце концов примут.

— Я — Заал, — ответил он, называя имя, принятое им для этого дела.

— Я — Фарок, — ответил старик. — Я был башаром девятого легиона в джихаде. Это вам о чем-нибудь говорит?

Скайтейл почувствовал вызов в этих словах и сказал:

— Вы родились в съетче Табр, которым руководил Стилгар.

Фарок сделал шаг в сторону.

— Добро пожаловать в мой дом.

Скайтейл прошел мимо него в затененную прихожую. Голубой кирпичный дом, сверкающие панно на стенах. За прихожей находился крытый двор. Через прозрачные фильтры проходил свет, сверкающий, как серебро белых ночей Первой луны. Сзади плотно затворилась наружная дверь.

— Мы были благородными людьми, — говорил Фарок, показывая путь во двор. — Не какие-нибудь оборванцы. Мы не жили тогда в таких домах, как вот этот! У нас был свой съетч в Защитной стене над хребтом Хаббания. Один червь моготнести нас в Кедом, во внутреннюю пустыню.

— Я с вами согласен! — подхватил Скайтейл, сообразив, что именно привело Фарока к участию в заговоре. Свободный тосковал по прежней жизни и обычаям.

Они вошли во двор.

Скайтейл понял, что Фарок борется с неприязнью к посетителю. Свободные не доверяют тем, у кого нет синих глаз ибада. Недаром Свободные говорят, что глаза чужеземцев видят не то, что нужно.

При их приближении музыка семуты смолкла. Потом слышались звуки девятиструнного бализета — вначале аккорды, потом чистые ноты песни, популярной на мирах Нараджа.

Когда глаза Скайтейла привыкли к свету, он увидел юношу, сидевшего со скрещенными ногами на низком диване, под аркой справа. У юноши были пустые глазницы. С необыкновенной проницательностью слепых он начал петь в тот самый момент, когда Скайтейл глянул на него. Голос у него был высокий и приятный:

Ветер дул землю,
И небо,
И всех людей!

Что это за ветер?
Деревья не склоняются;
Они пьют там,
Где пили люди.
Я знаю слишком много миров,
Слишком много людей,
Слишком много деревьев,
Слишком много ветров!

Это не были подлинные слова песни, как отметил Скайтейл. Фарок подвел его к арке на противоположной стороне, указал на подушки, разбросанные на черепичном полу, украшенном изображениями морских животных.

— Вот на этой подушке когда-то в сѣтче сидел Муад Диб, — старик указал на круглую черную подушку. — Теперь она ваша.

— Я у вас в долгу, — ответил Скайтейл, опускаясь на черную подушку. Он улыбнулся: арок проявляет мудрость. Он говорит, как верноподданный, даже слушая слова песни со скрытым смыслом. Кто не знает деспотизма Императора-тирана?

Перемежая свои слова с песней, так, чтобы не нарушить ее ритма, Фарок спросил:

— Музыка моего сына не мешает вам?

Скайтейл прижался спиной к прохладному столбу и указал старику на подушку рядом с собой.

— Я наслаждаюсь музыкой, — сказал он.

— Мой сын потерял глаза при завоевании Нараджа, — сказал Фарок. — Теперь ни одна из наших женщин не пожелает его. Но мне приятно думать, что где-то на Нарадже у меня есть внуки, которых я никогда не увижу. Вы знаете миры Нараджа, Заал?

— В юности я посетил их с труппой лицевых танцоров, — ответил Скайтейл.

— Значит вы — лицевой танцор? Я удивился вашему лицу. Оно напомнило мне лицо человека, которого я когда-то знал.

— Данкана Айдахо?

— Да, его. Известного мастера меча из приближенных Императора.

— Говорят, он был убит.

— Да, говорят, — согласился старик. — А вы на самом деле мужчина? Я слышал рассказы о лицевых танцорах... — он вздрогнул.

— Мы гермафродиты Джадачи, — ответил Скайтейл. — Принимаем пол по желанию. И в настоящее время я мужчина.

Фарок поджал губы, храня молчание, потом сказал:

— Хотите освежиться? Воды? Охлажденных фруктов?

— С меня довольно беседы, — вежливо отозвался Скайтейл.

— Желание гостя — закон, — ответил Фарок, садясь на подушку лицом к Скайтейлу.

— Благословен будь Абу д'Дур, Отец бесконечных дорог времени, — сказал Скайтейл. И подумал: «Вот! Я сказал ему, что пришел от рулевого Союза».

— Трижды благословен! — отозвался старик, складывая руки в ритуальном жесте. Старые руки с набухшими венами, отметил гость.

— Предмет, рассматриваемый с удаления, открывает лишь главные принципы своего устройства, — сказал Скайтейл, показывая, что желает говорить об императорской крепости.

— Зло видно с любого расстояния, — возразил в Фарок, советуя тем самым отложить обсуждение.

«Почему?» — не понял Скайтейл, но вслух сказал:

— Как ваш сын потерял глаза?

— Защитники Нараджа применили прожигатель камня. Мой сын оказался слишком близко... Проклятая атомная энергия! Даже прожигатель камня должен быть объявлен вне закона.

— Его применение на самой грани закона, — согласился Скайтейл. И подумал: «Нараджский прожигатель камня! Об этом ничего не сообщали. Почему старик заговорил о нем?»

— Я предложил ему купить у ваших хозяев с Тлейлакса глаза, — Но в летописях сказано, что глаза, купленные на Тлейлаксе, поработают своих владельцев. Сын сказал, что эти глаза металлические, а он — из плоти и крови, и что такой союз будет греховен.

— Принципы использования предмета должны соответствовать первоначальным намерениям, — сказал Скайтейл, пытаясь вернуть разговор в нужное ему русло.

Фарок сжал губы.

— Говорите открыто, — сказал он. — Мы должны верить нашему рулевому.

— Вы бывали в императорской крепости? — спросил Скайтейл.

— Я там был в первую годовщину победы над Молитором. В этом каменном здании было холодно, несмотря на лучшие иксианские обогреватели. Предыдущую ночь мы спали на террасе храма Алии. Там растут необыкновенные деревья, привезенные со множества миров. Мы, башары, были одеты в лучшие зеленые костюмы, и наши столы стояли отдельно. Мы слишком много ели и пили. Многое из того что я видел, вызвало у меня отвращение. Пришли калеки на костылях. Не думаю, что наш Муад Диб знает, сколько людей он искалечил.

— Вы не любите пирушек? — спросил Скайтейл, зная об оргиях Свободных, которые вызывались спайсовым пивом.

— Это совсем не то, что тау, слияние наших душ в сьetchах, — возразил Фарок. — Для развлечения нам дали рабынь, а ветераны рассказывали о своих битвах и ранах.

— Значит, вы были в каменной башне?

— Муад Диб вышел к нам на террасу, — продолжал Фарок, — и провозгласил: «Удачи вам всем!» Разве это не кощунство — использовать приветствие пустыни в таком месте!

— Вы знаете, где размещены его личные апартаменты?

— Глубоко внутри. Где-то в глубине его крепости. Я слышал, что он и Чани живут, как кочевники, в пещере. В Большой зал он выходит лишь для публичных аудиенций. У него есть приемные залы для официальных встреч, целое крыло отведено для его личной охраны, есть помещения для торжественных церемоний и внутренняя секция связи. Говорят, глубоко под его крепостью держат песчаного червя, окруженного водой. Вода для червя — яд. Там он питает будущее.

«Мифы, перемешанные с фактами», — подумал Скайтейл.

— Правительственный аппарат всюду сопровождает его, — продолжал бормотать Фарок. — Чиновники, адъютанты, адъютанты адъютантов ... Он верит только таким, как Стилгар, тем, кто был близок к нему в былые дни.

— Не вам, — констатировал Скайтейл.

— Я думаю, он забыл о моем существовании.

— Как он входит и выходит из крепости?

— Сразу же за внутренней стеной есть небольшая посадочная площадка для топтеров. Я слышал, что Муад Диб никому не позволяет прикасаться там к приборам. Говорят, там нужна предельная точность, любая, даже малейшая ошибка приведет к столкновению со стеной одного из его проклятых садов.

Скайтейл кивнул. Вероятно, это правда. Воздушный путь в крепость должен хорошо охраняться. А все Атридесы — превосходные пилоты.

— Для передачи сообщений он использует дистранс. Никогда нельзя знать, какие препятствия возникнут между посылающим сообщением и адресатом.

— Даже его налоговые чиновники пользуются этим методом, — жаловался Фарок. — А в мое время дистранс помещали только в низших животных.

«Информация о годовом доходе должна содержаться в строжайшей тайне, — подумал Скайтейл. — Не одно правительство пало из-за того, что народ обнаруживал подлинные источники его доходов.»

— Что теперь думают когорты Свободных о джихаде Муад Диб? — спросил Скайтейл. — Возражают ли они против превращения их Императора в Бога?

— Большая их часть вообще не думает об этом, — ответил Фарок. — Другие же думают о джихаде так же, как и я сам. Это — источник приключений и необычайного богатства. Хижина, в которой я живу, — Фарок обвел рукой двор, — обошлась в шестьдесят лидасов спайса. Девяносто контаров! Были времена, когда я и представить себе не мог такого богатства. — Он покачал головой.

В противоположном углу двора слепой юноша наигрывал на бализете сентиментальную балладу.

«Девяносто контаров, — подумал Скайтейл. — Действительно, большая сумма. Хижина Фарока на многих других мирах сошла бы за дворец. Но все относительно, даже контары. Знает ли, например, Фарок происхождение этой меры спайса? Знает ли он, что когда-то полтора контара означали груз одного верблюда? Вряд ли. Фарок, должно быть, никогда и не слышал о верблюдах или о Золотом веке на Земле».

В странном соответствии с мелодией бализета Фарок сказал:

— У меня был криснож, водные кольца на десять литров, копье, которое раньше принадлежало моему отцу, кофейный сервиз, бутылка из красного стекла, такая старая, что никто в съетче и не помнил ее происхождения. У меня была доля в нашем спайсе, но не было денег. Я был богат и не знал этого. Две жены было у меня: одна умная и любимая мной, другая глупая и упрямая, но с фигурой и лицом ангела. Я был свободным наибом, всадником на червях, хозяином левиафана и песков пустыни.

Юноша продолжал наигрывать мелодию.

— Я знал многое, не думая об этом, — продолжал старик. — Я знал, что глубоко под нашими песками есть вода, удерживаемая там маленькими Создателями. Я знал, что мои предки приносили в жертву Шаи-Хулуду девственницу, пока Льет-Кайнз не прекратил это. Мы неправильно сделали, что прекратили. Я видел жемчуга в пасти червя. У моей души было четверо ворот, и я знал их все.

Он замолчал, думая о чем-то своем.

— Потом пришел Атридес со своей колдуньей-матерью, — напомнил Скайтейл.

— Потом пришел Атридес, — подхватил Фарок. — Тот, кого мы называли Узулом в нашем съетче. И он остался среди нас. Наш Муад Диб, наш Махди! И когда он провозгласил джихад, я был среди тех, кто спрашивал: «Зачем мне идти туда сражаться? У меня там нет родичей». Но другие: молодежь, друзья, товарищи моего детства — пошли за ним. Они говорили о колдовской силе спасителя Атридеса. Он сразил нашего врага Харконнена, и Льет-Кайнз, обещавший нам рай на нашей планете, благословил его. Говорили, что Атридес пришел изменить нашу планету и нашу Вселенную, что он подобен цветку, золотому цветку в ночи.

Фарок поднял руки и посмотрел на свои ладони.

— Люди указывали на первую луну и говорили: «Его душа там». И он был назван Муад Дибом. Я не понимал всего этого.

Темп музыки стал более быстрым.

— Знаете, почему я записался в джихад? — старик пристально посмотрел на Скайтейла. — Я слышал, что существует нечто, называемое тем. Трудно поверить в него, проведя всю жизнь среди дюн. У нас нет ей. Народ Дюны никогда не знал их. Мы собирали воду для Великого изменения, которое Муад Диб принес одним мановением руки. Я мог представить себе канал, воду, текущую среди песков. Я мог вообразить даже реку. Но море?!

Фарок взглянул на прозрачный купол своего двора, как бы пытаясь проникнуть во Вселенную.

— Море... — негромко повторил он. — Это было за пределами моего воображения. Однако, люди, которых я знал, говорили, что видели это чудо. Я думал, что они лгут, но хотел проверить это сам. Вот почему я записался в Джихад.

Послышался громкий заключительный аккорд бализета, и юноша начал новую песню со странным, волнообразным ритмом.

— Вы нашли ваше море? — спросил Скайтейл.

Старик молчал, и Скайтейл подумал, что Фарок не расслышал вопроса. Музыка бализета поднималась и опускалась, как морской прибой. Фарок дышал в унисон.

— Был закат, — внезапно заговорил Фарок, — такой закат мог бы быть написан одним из древних художников: красный, цвета моей бутылки, палевый, как жидкое золото... Это было на планете Энфэйл, где я вел свой легион к победе. Мы спустились с гор по узкой тропе. Воздух был напоен влагой, и я с трудом мог дышать. И вот подо мной оказалось то, о чем говорили мои друзья: вода без конца и без края. Мы спустились к ней. Я вошел в воду и начал ее пить. Вода была горько-соленая. Чувство удивления перед этим чудом не покидает меня с тех пор...

Скайтейл почувствовал, что разделяет благоговейный страх Старого Свободного.

— Я погрузился в море, — продолжал Фарок, глядя на изображенных на полу морских зверей. — В воду погрузился один человек, а вышел из нее совсем другой. И я почувствовал, что могу вспомнить прошлое, которого никогда не было. Я смотрел вокруг себя глазами, которые могли вобрать в себя абсолютно все: плавающий в воде труп убитого нами защитника планеты, торчащий из воды обломок дерева с обгоревшим концом... И сейчас, закрыв глаза, я вижу это почерневшее бревно, обрывок веревки, плавающий в воде, желтую тряпку, рваную и грязную... Я смотрел на все это и понимал, зачем оно оказалось здесь: чтобы я мог это увидеть.

Фарок медленно повернулся и посмотрел в глаза Скайтейлу:

— Вселенная не кончается.

«Хоть болтлив, но глубокомыслен», — подумал Скайтейл и сказал:

— Я вижу, это произвело на вас большое впечатление.

— Вы — тлейлаксу, — отозвался Фарок. — Вы видели много морей. Я видел лишь одно, но я знаю о море то, чего вы не знаете.

Скайтейл почувствовал, что его охватывает странное беспокойство.

— Мать Хаоса родилась в море, — сказал Фарок. — Квизара Тафвид стоял поблизости, когда я вышел из воды. Он не входил в море. Он стоял на песке, на влажном песке, с несколькими моими людьми, которые разделяли его страх. Он смотрел на меня и видел, что я познал недоступное для него. Я стал морским созданием, пугающим его. Море излечило меня от джихада, и, я думаю, он понял это.

Внезапно Скайтейл отметил, что во время этого рассказа музыка прекратилась. Его беспокоило, что он не мог точно определить момент, когда это произошло.

Будто продолжая свою невысказанную мысль, Фарок вдруг проговорил:

— Каждый вход строго охраняется. В крепость Императора нет доступа.

— В этом ее слабость, — сказал Скайтейл.

Фарок вытянул шею, вглядываясь в него.

— Доступ есть, — пояснил Скайтейл. — Если большинство людей — я надеюсь, Император входит в их число — думают иначе, то мы имеем преимущество. — Он потер лицо, ощущая несоответствие избранной им внешности. Молчание музыканта его тревожило. Означало ли это, что сын Фарока закончил передачу? Разумеется, это был естественный способ сообщения, сжатого и переданного с музыкой. Оно теперь запечатлено в нервной системе Скайтейла, и в нужный момент будет выдано благодаря дистансу, вживленному в кору его головного мозга. Если сообщение передано, он стал вместилищем новых сведений, сосудом, заполненным данными: все звенья заговора на Арракисе, имена, условные фразы — словом, вся жизненно важная информация.

— У нас здесь женщина, — сказал Фарок. — Хотите увидеть ее?

— Я ее видел, — ответил Скайтейл. — Я ее очень внимательно изучил. Где она?

Фарок щелкнул пальцами.

Юноша взял инструмент, наложил на него смычок. Зазвучала воющая музыка семуты. И как будто привлеченная этими звуками, из двери позади музыканта появилась молодая женщина в голубом платье. Наркотическая тупость заполняла ее абсолютно синие глаза. Свободная, привыкшая к спайсу, а теперь захваченная чужеземным пороком, слушающая музыку семуты, она ни в чем не отдавала себе отчета.

— Дочь Отейна, — сказал Фарок. — Мой сын дает ей наркотик, надеясь, несмотря на слепоту, получить женщину своего племени. Как

видите, это напрасная победа: семута захватила все, что он мог приобрести.

— Знает ли об этом ее отец? — спросил Скайтейл.

— Она и сама не знает. Мой сын снабжает ее ложными воспоминаниями, которыми она объясняет свои посещения. Она считает, что любит его. Так думает и ее семья. Ее родные сердятся, так как он калека, но не хотят вмешиваться.

Музыка снова прекратилась.

По сигналу музыканта девушка села рядом с ним, наклонилась и слушала, что он ей шепчет.

— Что вы с ней сделаете? — спросил Фарок.

Скайтейл еще раз осмотрелся.

— Кто еще есть в доме? — спросил он.

— Больше никого, — ответил Фарок. — Вы не ответили, что собираетесь делать с этой женщиной. Мой сын хочет знать.

Как бы собираясь ответить, Скайтейл протянул правую руку. Из рукава высунулась сверкающая игла и погрузилась в шею Фарока. Не было ни вскрика, ни даже изменения позы. Через минуту старику предстояло умереть, а сейчас он сидел неподвижно, парализованный ядом.

Скайтейл неторопливо встал и подошел к слепому музыканту. Тот продолжал что-то нашептывать девушке, когда и его коснулась игла.

Скайтейл изменил свою внешность и взял девушку за руку.

— Что, Фарок? — спросила она.

— Мой сын устал и хочет отдохнуть, — ответил Скайтейл. — Идем. Ты должна вернуться домой.

— Мы так хорошо говорили, — сказала девушка. — Мне кажется, я убедила взять его глаза тлейлаксу. Тогда он снова станет мужчиной.

— Разве я не говорил это уже неоднократно? — спросил Скайтейл, подталкивая ее во внутреннее помещение.

Он с гордостью отметил, что голос точно соответствовал новым чертам лица: это был голос старого Свободного, который уже был мертв.

Скайтейл вздохнул. «Я сделал это не без сожаления, — подумал он, — и жертвы, бесспорно, знали об опасности».

Теперь ему предстояло заняться девушкой.

Глава 4

Алия понимала, что предстоящее собрание Имперского Совета будет напряженным. Она чувствовала растущее противостояние во всем: в том,

что Ирулэн не смотрит на Чани, как нервно Стилгар перебирает бумаги, как хмурится идол, глядя на Корбу.

Она сидела в самом конце золотого стола Совета и видела в балконное окно пыльный свет полудня.

Корба, замолчавший, когда она вошла, продолжал разговор с Полом:

— Я хочу сказать, милорд, что сейчас не так много богов, как было раньше.

Алия рассмеялась, откинув голову назад. От резкого движения черный капюшон ее абы упал, открывая синие, без белков, «спайсовые» глаза, овальное, как у матери, лицо под шапкой бронзовых волос, маленький нос, широкий, благородного рисунка, рот.

Щеки Корбы приобрели цвет его оранжевого одеяния. Он посмотрел на Алию — разгневанный лысый гном, кипящий негодованием.

— Вы знаете, что говорят о вашем брате? — спросил он.

— Я знаю, что говорят о вашем Квизарате, — парировала Алия. — Вы не боги, вы шпионы богов.

Посрамленный Корба взглянул на Императора, ища поддержки. Так как тот промолчал, Корба обиженно произнес:

— Мы действуем по предписанию Муад Дибя, чтобы он знал правду о своем народе и чтобы народ знал правду о нем.

— Шпионы, — повторила Алия.

Корба оскорбленно поджал губы.

Пол взглянул на сестру, удивляясь, почему она провоцирует Корбу. И вдруг увидел, что Алия превратилась в женщину, прекрасную в своей юной невинности. Он удивился, что до сих пор не замечал этого. Ей скоро будет шестнадцать, этой Преподобной Матери — без материнства, девственной жрице, объекту безмолвного поклонения суеверных масс — Алии Нож.

— Сейчас не время для легкомысленных замечаний твоей сестры, — сказала Ирулэн.

Не обращая на нее внимания, Пол кивнул Корбе:

— Площадь полна пилигримов. Иди и возглавь их моления.

— Но они ожидают вас, милорд, — возразил Корба.

— Ну, в таком случае, надень мой тюрбан, — ответил Пол. — На таком расстоянии они не разглядят.

Ирулэн, раздраженная тем, что на нее не обращают внимания, следила, как Корба встает, чтобы выполнить приказ. У нее внезапно появилась тревожная мысль, что Адрик не сумел скрыть ее действия от Алии. «Что мы, в сущности, знаем о его сестре?» — подумала она.

Чани, плотно сцепив руки на коленях, взглянула через стол на Стилгара, своего дядю и государственного секретаря Пола. «Не тоскует ли старый Свободный наиб о простой жизни в пустынном съетче?» — подумала она. Чани отметила, что черные волосы Стилгара уже посебрила седина, но глаза под густыми бровями оставались по-прежнему

зоркими. У него был орлиный взгляд дикаря, а в бороде до сих пор еще виднелся след от трубки стилсьюта.

Нервная под пристальным взглядом Чани, Стилгар осмотрел зал заседания Совета. Его взгляд упал на балконное окно и на Корбу, стоявшего на балконе. Тот поднял вытянутые для благословения руки, и лучи полуденного солнца образовали красное гало в окне за ним. На мгновение Стилгару показалось, что Квизара двора распят на огненном колесе. Корба опустил руки, уничтожая иллюзию, но Стилгар был потрясен ею. Мысли его в гневном раздражении обратились к лстывым просителям, ожидавшим в зале аудиенций, и к неистовой помпе, окружающей трон Муад Дибя.

Гул отдаленной толпы ворвался в комнату с возвращением Корбы. Балконная дверь за ним плотно закрылась, и стало тихо.

Взгляд Пола следовал за Квизарой. Корба с непроницаемым лицом и глазами, остекленевшими от фанатизма, занял свое место. Он наслаждался мгновением религиозной власти.

— Дух проснулся... — проговорил он.

— И слава Богу, — насмешливо вставила Алия.

Губы Корбы побелели от гнева.

И снова Пол с удивлением посмотрел на сестру, не понимая мотивов ее поведения. И сказал себе, что за внешне невинным видом скрывается какая-то хитрость. У нее та же генетическая программа Бене Гессерит, что и у него. Что произвела в ней генетика Квизац Хадераха? Всегда существовала разница между ними: она была еще зародышем в чреве матери, когда та приняла большую дозу сырого ядовитого меланжа. Мать и еще нерожденная дочь одновременно стали Преподобными Матерями. Но одновременность не означает идентичность.

Алия говорила, что в одно ужасное мгновение в ней проснулось осознание того, что ее память поглотила бесчисленные жизни других.

— Я стала своей матерью и всеми остальными, — говорила она. — Я была еще несформировавшейся, нерожденной, когда уже стала старухой.

Чувствуя, что Пол думает о ней, Алия улыбнулась ему. Выражение его лица смягчилось. «Как можно реагировать на все иначе, как не с циничным юмором? — спросил себя Пол. — Что может быть отвратительнее, чем беспощадный командос, преобразившийся в ханжеского жреца?»

Стилгар зашелестел бумагами.

— Если будет позволено, — начал он, — есть несколько срочных и неприятных дел.

— Тупайльский договор? — спросил Пол.

— Союз настаивает, чтобы мы подписали договор, не зная точного состава Тупайльской Антанты. Он пользуется поддержкой делегатов Ландсраада.

— Какие меры вы приняли? — спросила Ирулэн.

— Меры, предложенные Императором, — в сжатом, формальном ответе Стилгара звучало явно выраженное неодобрительное отношение к принцессе-супруге.

— Мой господин и супруг! — Ирулэн обратилась к Полу, привлекая к себе его внимание.

«Подчеркивать в присутствии Чани разницу в титулах — признак слабости», — подумал Пол. В такие мгновения он разделял открытую неприязнь Стилгара к Ирулэн, но осторожность сдерживала его чувства. Что такое Ирулэн? Всего лишь пешка Бене Гессерит.

— Да? — сказал Пол вслух.

Ирулэн посмотрела на него.

— Если ты удержишь их меланж...

Чани покачала головой, не соглашаясь заранее.

— Мы действуем осторожно, — сказал Пол. — Тупайл остается священным местом для побежденных Великих Домов. Он символизирует для них последний рубеж, последнее прибежище для наших вассалов. Если они откроют эту святыню, она станет легко уязвимой.

— Если они прячут людей, то вполне могут прятать и кое-что другое, — проворчал Стилгар. — Армию, например, или начало собственного производства меланжа.

— Не следует загонять людей в угол, — сказала Алия, — если хотите, чтобы они оставались покорными и мирными. — Она с грустью заметила, что позволила вовлечь себя в спор, как и предвидела.

— Значит, десять лет торговли ни к чему не привели, — сказала Ирулэн.

— Ни одно из действий моего брата не проходит зря, — возразила Алия.

Ирулэн сжала перо так, что у нее побелели пальцы. Пол видел, как она гасит свои эмоции по методу Бене Гессерит: устремленный внутрь взгляд, глубокое дыхание. Он почти слышал, как она повторяет молитву. Вскоре она заметила почти спокойно:

— Что же мы выиграли?

— Мы вывели Союз из равновесия, — ответила Чани.

— Мы хотим избежать открытой конфронтации с нашими врагами, — сказала Алия. — И у нас нет особого желания убивать их. И так уж достаточно крови льется под знаменами Атридесов.

«Она тоже чувствует это, — подумал Пол. — Не странно ли, что обе они испытывают одинаково непреодолимое чувство ответственности за эту раздираемую ссорами, поклоняющуюся идолам Вселенную с ее дикими порывами, сменяющимися стремлением к спокойствию. Должны ли мы защищать их от самих себя? — думал он. — Они играют с ничем — играют пустыми жизнями, пустыми словами». Горло у него пересохло. Сколько он за это время утратил? Каких сыновей? Какие

сны? Стоят ли такой цены его видения? Кто спросит об этом будущее поколения, кто обратится к ним со словами: «Если бы не Муад Диб, вас бы здесь не было?»

— Задержка их меланжа ничего не решит, — сказала Чани. — Рулевые Союза потеряют способность видеть пространственно-временные линии. Твои сестры из Бене Гессерит утратят свое чувство правды. Многие люди умрут преждевременной смертью. Разорвутся связи. Кто будет виноват во всем этом?

— Они не доведут до этого, — сказала Ирулэн.

— Отчего же? — спросила Чани. — Кто обвинит Союз? Он беспомощен и продемонстрирует это.

— Мы подпишем договор в его теперешнем виде, — сказал Пол.

— Милорд, — вмешался Стилгар, разглядывая свои руки, — мы все думаем об одном и том же.

— О чем же?

— Вы обладаете определенными... способностями. Не могли бы вы определить местонахождение Антанты вопреки Союзу?

«Способности! — подумал Пол. — Стилгар не может просто сказать: «Вы обладаете даром предвидения. Так уловите линию будущего, которая ведет к Тупайлу».

Пол посмотрел на золотую поверхность стола. Всегда одна и та же проблема: как объяснить пределы необъяснимого? Должен ли он говорить о дроблении, о делении на осколки — естественной судьбе любого государства? Как объяснить тем, кто никогда этого не испытывал, что видение не показывает единственно возможного будущего?

Он взглянул на Алию и увидел, что та смотрит на Ирулэн. Алия уловила его взгляд, посмотрела на него и многозначительно кивнула в сторону невестки. Конечно, любое принятое сегодня решение будет отражено в одном из сообщений Ирулэн для Бене Гессерит. Орден никогда не прекратит поиски своего Квизац Хадераха.

Впрочем, Стилгар ждет ответа. Да и Ирулэн тоже.

— Предвидение повинует естественным законам, — сказал Пол. — Одинаково справедливо будет утверждать, что небо говорит с нами и что человек действует в соответствии, может быть, со своей природой. Другими словами, предвидения включаются в естественную последовательность событий настоящего. Они выступают в облики естественных законов. Знает ли щепка, брошенная в поток, куда ее несет течение? В оракуле нет ни причины, ни следствия. Причины становятся случаями, они переплетаются друг с другом в местах, где встречаются течения. Принимая предвидение, вы вступаете в противоречие с разумом. Поэтому ваше интеллектуальное сознание отрицает предвидение. Тем самым, в своем отрицании интеллект становится частью процесса и подчиняется ему.

— Вы не можете этого сделать? — спросил Стилгар.

— Когда я ищу Тупайл с помощью предвидения, — Пол обращался непосредственно к Ирулэн, — я тем самым прячу его.

— Хаос! — возразила Ирулэн. — В этом нет... последовательности.

— Я сказал, что предвидение подчиняется законам природы.

— Значит, существует предел твоего предвидения и твоей власти? — не унималась Ирулэн.

Прежде чем Пол успел ответить, вмешалась Алия:

— Дорогая Ирулэн, предвидение не имеет пределов. Ты говоришь, нет последовательности? Последовательность — обязательное условие существования Вселенной.

— Но он сказал...

— Как может мой брат дать исчерпывающую информацию о пределах того, что не имеет пределов? Разум просто не в состоянии это постичь.

«Зря Алия так сказала, — подумал Пол. — Теперь Ирулэн встретится». Взгляд Пола перешел на Корбу, который сидел в позе религиозного поклонения — слушал душой. Какие выводы сделает Квизара из этого разговора? Больше религиозных чудес? Что-нибудь, стимулирующее благоговейный страх? Несомненно».

— Значит, вы подпишите договор в его теперешнем виде? — переспросил Стилгар.

Пол улыбнулся. Вопрос о предвидении, по мнению Стилгара, исчерпан.

Стилгар нацелен только на победу, а не на постижение истины. Мир, справедливость и разумный подход — вот на чем основана Вселенная Стилгара. Ему нужно нечто осязаемое и реальное, в данном случае — подпись на договоре.

— Я подпишу его, — сказал Пол.

Стилгар взял новую папку.

— Последние донесения наших полевых командиров из Иксианского сектора говорят об агитации за конституцию. — Старый Свободный взглянул на Чани, которая пожала плечами.

Ирулэн, сидевшая с закрытыми глазами, прижав руки ко лбу, сосредоточившаяся на запоминании, открыла глаза и внимательно посмотрела на Пола.

— Иксианская конференция начинает кампанию неповиновения, — говорил Стилгар. — Их торговцы протестуют против ставок императорского налога, который они...

— Они хотят ограничить мою власть, власть Императора, — сказал Пол. — Кто будет править мною: Ландсраад или КХОАМ?

Стилгар достал из папки лист самоуничтожающейся бумаги.

— Один из наших агентов прислал этот меморандум о встречах меньшинства КХОАМ. — Он ровным голосом начал читать расшифрованный текст: — «Попытка трона захватить монопольную власть должна быть пресечена. Мы должны рассказать правду об Атридесе. О его

манипуляциях, прикрытых тройным обманом: законотворчество Лансраада, религиозная война и деятельность бюрократических учреждений». — Он положил лист обратно в папку.

— Конституция... — пробормотала про себя Чани.

Пол посмотрел на нее, потом снова на Стилгара. «Итак, джихад агонизирует, — подумал он, — но недостаточно быстро, чтобы спасти меня». Эта мысль вызвала в нем эмоциональное напряжение. Пол вспомнил свои ранние видения будущего джихада, ужас и отвращение, вызванные им. Теперь, конечно, он видел гораздо более страшное. Он постоянно жил в обстановке ужасов. Он видел, как Свободные, наделенные мистической силой, сметали перед собой все в религиозной войне. Джихад приобрел новую перспективу. Конечно, он ограничен в сравнении с вечностью, но в нем заключены ужасы, превосходящие все прежние.

«И все это — моим именем», — подумал он.

— Возможно, им следует дать что-то вроде конституции, — предложила Чани. — Она совсем не обязательно должна быть действенной.

— Обман — орудие власти, — согласилась Ирулэн.

— У государственной власти есть пределы, и те, кто полагается на конституцию, рано или поздно это обнаруживают, — сказал Пол.

Корба изменил позу.

— Милорд!

— Да? — Пол повернулся к нему, успев подумать: «Вот кто скрывает тайные симпатии к мифической власти закона».

— Можно начать с религиозной конституции, — заговорил Корба, — предназначенной для верующих, для тех, кто...

— Нет! — отрезал Пол. — Мы обязаны оформить это как приказы Совета. Ты записываешь, Ирулэн?

— Да, милорд, — ответила Ирулэн враждебным тоном: ей не нравилась отведенная ей второстепенная роль.

— Конституции превращаются в тиранию, — начал диктовать Пол. — Они организуют власть в таких масштабах, которые должны быть превзойдены. В конституции нет предвидения. Она сокрушает и сильных, и слабых — она отрицает индивидуальность. У нее нет ограничений, и, значит, есть внутренняя нестабильность. У меня, однако, такие ограничения есть. И в своем стремлении защитить свой народ я запрещаю конституцию. Приказ Совета, сегодняшнее число, и так далее, и тому подобное.

— А как насчет беспокойства икснандцев о налогах, милорд? — спросил Стилгар.

Пол заставил себя оторваться от сердитого лица Корбы и спросил:

— Что ты предлагаешь, Стил?

— Мы должны контролировать налоги.

— Наша цена Союзу за мою подпись под Тупайлским договором, — сказал Пол, — принятие иксианской конфедерацией наших налоговых ставок. Конфедерация не может торговать без транспорта Союза. Она заплатит.

— Хорошо, милорд, — Стилгар взял еще одну папку и откашлялся. — Сообщение Квизарата с Салузы Второй. Отец Ирулэн начал маневры десанта своих легионеров.

— Ирулэн, — сказал Пол. — Ты продолжаешь утверждать, что легион твоего отца — всего лишь забава?

— Что он может сделать с одним легионом? — спросила она, глядя на него бегающими глазами.

— Он может добиться, что его убьют, — сказала Чани.

— А обвинят меня, — подхватил Пол.

— Я знаю немало командиров джихада, — сказала Алиа, — которые, узнав о его маневрах, тут же нападут на него.

— Но это лишь полицейские силы, — возразила Ирулэн.

— В таком случае им совершенно не нужны посадочные учения, — заметил Пол. — Я хочу, чтобы в следующем письме отцу ты четко и откровенно изложила ему мои взгляды по этому деликатному вопросу. Она опустила глаза.

— Да, милорд. Я надеюсь, этим все кончится. Мой отец не должен стать жертвой.

— А моя сестра, — сказал Пол, — не будет ничего сообщать упомянутым ею командирам, если только я не попрошу ее об этом.

— Нападение на моего отца возможно не только из соображений безопасности, — сказала Ирулэн. — Люди начинают оглядываться на его правление с явной ностальгией.

— Однажды ты зайдешь слишком далеко, — бесстрастным голосом, выдававшим холодное бешенство Свободной, сказала Чани.

— Хватит! — приказал Пол.

Он знал, что в словах Ирулэн содержится доля истины. Ирулэн еще раз доказала ему свою полезность.

— Орден Бене Гессерит прислал официальный запрос, — сказал Стилгар, доставая очередную бумагу. — Они хотят проконсультировать нас относительно сохранения вашей генетической линии.

Чани взглянула на папку так, будто в ней содержалось смертоносное оружие.

— Пошлите ордену обычные извинения, — сказал Пол.

— Правильно ли это будет? — вмешалась Ирулэн.

— Возможно... пришло время обсудить этот вопрос, — сказала Чани.

Пол резко потрянул головой. Они не знают, что эта часть цены, которую он еще не решил заплатить.

Но Чани было не так просто остановить.

— Я посетила Стену молитв в сьете Табр, где родилась, — проговорила она. — Меня осматривали доктора. Я сошла в пустыне и послала свои мольбы в ее глубину, где живет Шай-Хулуд. И все же... — она пожала плечами. — Ничего не выходит.

«Наука и суеверие — все против нее, — подумал Пол. — Может, и я с ними заодно — ведь я сказал ей, что означает для нее рождение наследника Атридесов?» Он увидел выражение жалости в глазах Алии. Сама мысль о жалости со стороны сестры возмутила его. Неужели она тоже видела ужасное будущее?

— Милорд должен сознавать опасности, которым подвергается его трон, пока нет наследника, — сказала Ирулэн, используя убежденность тона, вкрадчивость интонации, усвоенную у Бене Гессерит. — Такие проблемы, естественно, трудно обсуждать, но тем не менее их необходимо вынести на открытое обсуждение. Император больше, чем человек. Он возглавляет государство. Если он умрет без наследника, начнется гражданская война. Из любви к своему народу он не должен допустить этого.

Пол оттолкнулся от стола и прошел к балконному окну. Ветер разогнал дымы города. Небо темного серебристо-голубого цвета затуманилось вечерней пылью с Защитной стены. Пол смотрел на юг, на стену, прикрывающую его город от кориолисовых ветров и думал, где ему найти такую защиту для собственного мозга.

Совет молча ждал, все чувствовали, как близок он к вспышке гнева.

Пол ощутил, как на него обрушивается время. Он пытался успокоиться, найти равновесие, чтобы сформировать новое будущее.

«Освобождайся... Освобождайся... Освобождайся!» — подумал он. Что, если взять Чани и уйти, поискать убежища на Тупайле? Останется его имя. Джихад примет новые, еще более ужасные формы. И в этом тоже обвинят его. Он понял с внезапным испугом, как любой новый ход может уничтожить самое дорогое для него, что изданный им самый слабый звук вызовет крушение Вселенной.

Внизу, под ним, площадь превратилась в лагерь пилигримов в бело-зеленых одеждах хаджа. Они двигались за проводником, как огромная змея. Пол подумал, что уже сейчас его приемный зал забит просителями. Пилигримы! Их поклонение стало источником богатства Империи. Хаджж заполняет космические пути ордами пилигримов, а они все идут, идут и идут.

«Неужели это я привел их в движение?» — подумал он.

Конечно, все сдвинулось само собой. Столетиями складывался генный рисунок, который привел к такому результату.

Влекомые глубочайшими религиозными инстинктами, люди приходят в поисках воскресения. Паломничество заканчивается здесь... на Арракисе, в месте воскресения, в месте смерти.

Свободные говорили, что пилигримы ищут воду. А что на самом деле они ищут? Они говорят, что пришли в Святое место. Но они должны знать, что во Вселенной нет рая и нет Тупайла для души. Они говорят, что Арракис — место, где разгадываются все загадки. Здесь связь между этой Вселенной и следующей. И самое пугающее, что они уходят удовлетворенные.

«Что они находят здесь?» — подумал Пол.

Часто в своем религиозном экстазе они наполняют улицы криками, будто птицы в птичнике. Свободные так и зовут их — «перелетные птицы». А те немногие, которые умирают здесь, называются «крылатые души».

Пол со вздохом подумал, что каждая новая планета, завоеванная его легионами, поставляет новые массы пилигримов. Они приходят в знак благодарности за «мир Муад Дибя».

Он чувствовал, как некая его часть лежит неподвижно, погруженная в бесконечную морозную тьму. Его способность к предвидению изменила Вселенную человечества. Он потряс космос и заменил безопасность джихадом. Он одержал победу над Вселенной людей, но что-то ему подсказывало, что эта Вселенная по-прежнему избегает его.

Эта планета под ним, планета, превратившаяся по его воле из пустыни в богатый водой край, она живая. У нее пульс, как у человека. Она борется с ним, сопротивляется, ускользает от него.

Кто-то взял его за руку. Обернувшись, он увидел Чани. В ее глазах была тревога. Она тихонько произнесла:

— Любимый, не надо бороться с собой.

Волна ее чувства поддержала его.

— Сихайя, — прошептал он.

— Нам нужно вернуться в пустыню, — негромко сказала она.

Он сжал ее руку и вернулся к столу, но не сел.

Чани заняла свое место.

Ирулэн, поджав губы, смотрела на бумаги, лежащие перед Стилгаром.

— Ирулэн предлагает себя в качестве матери наследника Императора, — сказал Пол. Он взглянул на Чани, потом снова на Ирулэн, которая избегала встречаться с ним взглядом. — Все мы знаем, что она не любит меня.

Ирулэн застыла, будто изваяние.

— Мне известны политические аргументы, — продолжал Пол. — Но меня интересуют человеческие доводы. Если бы принцесса-супруга поступила так не по приказу Бене Гессерит, если бы она не искала личной власти, мой ответ мог бы быть иным. А в нынешних обстоятельствах я отвергаю это предложение.

Ирулэн вздохнула, глубоко потрясенная его словами.

Садясь на место, Пол подумал, что никогда не видел Ирулэн в таком состоянии, как сейчас. Наклонившись к ней, он сказал:

— Прости, Ирулэн.

Она вздернула подбородок, в глазах ее сверкнула ярость.

— Мне не нужна твоя жалость! — прошипела она. И, повернувшись к Стилгару, спросила:

— Есть еще срочные дела?

Глядя прямо на Пола, Стилгар ответил:

— Еще одно дело, милорд. Союз предлагает прислать сюда, на Арракис, своего посла.

— Одно из существ глубокого космоса? — спросил Корба тоном крайнего омерзения.

— Вероятно, — кивнул Стилгар.

— Это нуждается в тщательном обсуждении, — предостерег Корба. — Совету наибов это не понравится. Представитель Союза здесь, на Арракисе! Он осквернит землю, которой коснется его нога.

— Они живут в баках и не касаются земли, — возразил Пол чуть раздраженно.

— Наибы могут взять это дело в свои руки, милорд, — предложил Корба.

Пол взглянул на него.

— В конце концов, они — Свободные, милорд, — настаивал Корба. — Мы помним, как Союз привел сюда угнетателей. Мы помним, как Союз похищал наш меланж...

— Хватит! — вскричал Пол. — Ты думаешь, я забыл об этом?

Корба что-то пробормотал, неразборчиво, будто спросонья. Потом сказал:

— Простите, милорд. Я не хотел сказать, что вы не Свободный. Я не...

— Пусть присылают своего рулевого, — решил Пол. — Врядли он сунется сюда, если предвидит опасность.

С искаженным от ужаса лицом Ирулэн внезапно спросила:

— Ты видел... приезд сюда рулевого?

— Конечно, я не «видел приезд рулевого», — передразнил ее Пол. —

Пусть сдет, если ему это угодно. Возможно, он нам пригодится.

— Да будет так, — сказал Стилгар.

А Ирулэн, прикрывая рукой торжествующую улыбку, думала: «Император не видел рулевого. Наш заговор не раскрыт».

Глава 5

Сквозь тайное окошко Алия всматривалась в большой приемный зал, ожидая появления посла Союза со свитой.

Яркий серебристый свет полудня врвался в окна, освещая голубой с зеленым пол, имитировавший заболоченный залив с водяными растениями. Тут и там вспышка экзотического цвета символизировала птицу или животное.

Свита посла двигалась по расписанным плитам пола, точно охотники, преследующие дичь в неких экзотических джунглях.

Сопровождающие образовали подвижную картину из серых, черных и оранжевых одеяний, расположенных в произвольном, на посторонний взгляд, порядке. Свита окружала прозрачный бак, внутри которого плавал в облаках оранжевого газа посол-рулевой. Бак скользил, поддерживаемый суспензерным полем; два помощника в сером вели его на буксире, точно корабль, заводимый в док.

Прямо под тем местом, где находилась Алия, на Львином троне, установленном на возвышении, сидел Пол. На нем была корона с изображением рыбы и кулака и унизанная драгоценными камнями мантия; мерцание защитного силового поля окружало его. На возвышении и на ведущих к нему ступенях расположились в два ряда охранники. Стилгар стоял в двух шагах от трона. Он был в белой одежде, перепоясанный желтым шнуром.

Чувство родственного единения говорило Алии, что Пол испытывает сейчас то же потрясение, что и она сама, хотя вряд ли это было заметно кому-нибудь другому. Взгляд Пола был устремлен на одетого в оранжевое члена свиты, чьи металлические глаза смотрели, не мигая, прямо. Этот помощник шел у правого угла бака посла, как верховой стражник, сопровождающий экипаж. Шапка черных курчавых волос, плоское лицо, сложение, которое позволяло разглядеть оранжевое одеяние, — все в нем, даже мельчайший жест, говорило и кричало о сходстве.

Это был Данкан Айдахо. Этого не могло быть, и все же это был он.

Алия мгновенно узнала его, узнала памятью матери. Она знала, что Пол смотрит на него из глубины своего личного опыта, благодарности и юношеского восхищения.

Это был Данкан.

Алия вздрогнула. Вывод мог быть только один — это гхола, существо, воссозданное на Тлейлаксе из мертвой плоти оригинала.

Оригинал погиб, спасая Пола. А этот его двойник вышел из аксолотлевых баков Тлейлакса.

Гхола шел походкой искусного фехтовальщика. Он остановился, когда бак посла замер в десяти шагах от ступеней.

Благодаря методу Бене Гессерит, от которого не могла избавиться, Алия прочла беспокойство Пола. Он больше не смотрел на фигуру из своего прошлого. Но все его существо смотрело не глядя. Преодолевая судорожный спазм, Пол обратился к послу Союза:

— Мне сообщили, что вас зовут Адрик. Мы приветствуем вас, Адрик, при нашем дворе и надеемся, что ваш приезд послужит взаимопониманию между нами.

Рулевой принял позу сибарита, изогнувшись в своем оранжевом газе, и, прежде чем встретиться взглядом с Полом, бросил себе в рот таблетку меланжа. Миниатюрный передатчик, встроенный в бак, воспроизвел его кашель, затем только послышался скрипучий голос:

— Нижайше склоняюсь перед глазами Императора и прошу разрешения вручить верительные грамоты и преподнести скромный подарок.

Один из его помощников передал Стилгару сверток. Тот просмотрел его и кивнул Полу. Стилгар и Пол тут же повернулись к гхоле, который терпеливо стоял у помоста.

— Милорд разглядел подарок? — спросил посол.

— Мы принимаем ваши верительные грамоты, — сказал Пол. — Объясните подарок.

Адрик перевернулся в баке.

— Его зовут Хейт, — сказал он, объясняя. — Насколько позволяют судить произведенные нами расследования, у него очень любопытное прошлое. Он был убит здесь, на Арракисе, ужасная рана на голове потребовала многих месяцев восстановления. Тело было передано тлейлаксу, как тело опытного фехтовальщика, последователя школы Гайнеза. Мы считаем, что это был Данкан Айдахо, ваш приверженец, друг вашей юности. Мы сочли, что такой подарок достоин Императора. — Адрик посмотрел на Пола в упор. — Разве это не Айдахо, сир?

У Пола перехватило дыхание.

— Он похож на Айдахо.

«Неужели Пол видит что-то такое, чего не вижу я? — подумала Алия. — Нет! Это Данкан!»

Человек, представленный как Хейт, стоял неподвижно, чуть расслабившись, устремив взгляд прямо перед собой. Ничто в нем не говорило о том, что он понимает, что является предметом обсуждения.

— В соответствии с нашими сведениями, это Айдахо, — повторил Адрик.

— Но теперь его зовут Хейт, — сказал Пол. — Любопытное имя.

— Сир, нельзя определить, по какому принципу тлейлаксу дают имена. Но его имя вполне можно изменить. То, как его называли тлейлаксу, не имеет значения.

«Это существо создали на Тлейлаксе, — подумал Пол. — Добро и зло приобретают странное значение в философии жителей этой планеты. Что же вложили они в тело Айдахо по своему желанию или капризу?»

Пол взглянул на Стилгара и заметил суеверный страх в глазах Свободного. Все охранники испытывали такое же чувство. Стилгар, должно быть, думал об отвратительных обычаях членов Союза, о тлейлаксу и о гхоле.

Повернувшись к гхоло, Пол спросил:

— Хейт — это твое единственное имя?

Спокойная улыбка появилась на плоском лице. Металлические глаза остановились на Поле, их взгляд оставался механическим.

— Так меня называли, милорд.

Алия вздрогнула в своем укрытии, когда прозвучал голос Айдахо — она помнила его каждой клеточкой своего тела.

— Пусть милорду будет приятно, — добавил гхола, — если я скажу, что ваш голос доставляет мне удовольствие. Тлейлаксу говорил, что это признак того, что я слышал этот голос раньше.

— Но ты не знаешь этого точно? — спросил Пол.

— Я вообще не знаю ничего о своем прошлом, милорд. Мне объяснили, что я не могу сохранить память о своей прошлой жизни, сохраняется только запись в генах. Но иногда прошлое и настоящее могут совпадать, и тогда... я помню голоса, места, лица, звуки и поступки, чувствую меч в своей руке, знаю, как управлять топтером...

Заметив, как внимательно посол Союза следит за этим разговором, Пол спросил:

— Ты понимаешь, что тебя подарили?

— Мне объяснили это, милорд.

Пол откинулся на спинку трона, сжав руками подлокотники.

«У меня долг перед памятью Данкана, — подумал он. — Человек погиб, спасая мне жизнь. Но ведь это не Айдахо, это — гхола. С другой стороны, это то самое тело и тот самый мозг, которые научили его, Пола, управлять топтером так, как если бы у него за спиной были собственные крылья. Пол знал, что беря в руки меч, он опирается на знания, преподанные ему Данканом. Гхола — не что иное, как тело, вызывающее ложные впечатления и недоразумения. Но ведь старые ассоциации прочны, а этот гхола не просто носит маску Данкана Айдахо, он носит отпечаток его личности».

— Как ты можешь служить нам? — спросил Пол.

— Как пожелает милорд и позволят мои возможности.

Алию поразила робость, прозвучавшая в голосе гхола. Она не чувствовала ничего фальшивого. Что-то необыкновенно наивное просвечива-

ло в новом Данкане Айдахо. Оригинал был земным и беззаботным человеком. Но это тело от всего очищено. Чистая поверхность, на котором тлейлаксу написали... но что именно они написали?

Она ощутила скрытую опасность в этом даре. Это существо создали тлейлаксу, а они проявляли в своих творениях безудержную фантазию. Ими могло руководить безграничное любопытство. Они хвастались, что могут сотворить все, если получают соответствующий материал, — хоть дьяволов, хоть святых. Они продавали убийц-ментатов. Они произвели убийцу-врача, который преступил запрет Школы Сак на лишение человека жизни. Среди их изделий были вышколенные слуги, сексуальные игрушки на любой вкус, солдаты, генералы, философы и даже моралисты...

Пол очнулся от своих мыслей и взглянул на Адрика:

— Чему обучен этот гхола?

— Милорд будет доволен, — ответил Адрик. — Тлейлаксу позабавила возможность сделать из этого гхола ментата и философа школы Дзэнсунни. Они также усилили его способности фехтовальщика.

— У них это получилось?

— Не знаю, милорд.

Пол взвесил ответ. Чувство правды говорило ему: Адрик искренне считает, что гхола — Айдахо. Но было еще кое-что. Воды времени, через которые двигался этот рулевой-оракул, говорили об опасности, но не открывали ее природы. Тлейлакское имя Хейн тоже говорило об опасности. Пол почувствовал искушение отказаться от дара. Но он знал, что не должен даже думать об этом. Эта плоть имела свои права на дом Атридесов, и враг слишком хорошо это знал.

— Философ! — пробормотал Пол, снова взглянув на гхолу. — Ты исследовал собственную роль и побудительные мотивы?

— Я отношусь к своей службе с покорностью, сир. Я — очищенный мозг, меня освободили от желаний моего человеческого прошлого.

— Ты предпочитаешь, чтобы тебя звали Хейт или Данкан Айдахо?

— Милорд может звать меня как пожелает, это несущественно.

— Но тебе нравится имя Данкан Айдахо?

— Я думаю, это мое прежнее имя. Оно вызывает во мне отклик, но и... различные реакции. В имени может скрываться и приятное, и неприятное.

— Что доставляет тебе наибольшее удовольствие? — спросил Пол.

Гхола неожиданно рассмеялся:

— Поиски в других следов моего прошлого.

— Ты видишь здесь такие следы?

— О, да, милорд. Ваш человек Стилгар колеблется между суевериями и восхищением. Он был мне другом в моем прошлом существовании, но тело гхола внушает ему отвращение. Вы же, милорд, восхищаетесь человеком, которым я был... и которому вы верили.

— Очищенный мозг, — сказал Пол. — Как может очищенный мозг быть зависимым от нас?

— Очищенный мозг принимает решения в присутствии неизвестного без причины. Разве это не зависимость?

Пол нахмурился. Высказывание Дзэнсуни, загадочное, двусмысленное, исходящее из веры, которая отрицает объективные функции умственной активности. Без причины и эффекта? Такая мысль шокирует разум. Неизвестное? Неизвестность есть в каждом решении и даже в видении оракула.

— Ну так как? Ты хочешь, чтобы мы звали тебя Данкан Айдахо? — снова спросил Пол.

— Мне все равно, милорд. Выберите для меня имя сами.

— Что ж, тогда пусть у тебя остается имя Хейт, оно вызывает к осторожности.

Хейт поклонился и сделал шаг назад.

А Алиа удивилась: «Откуда он узнал, что разговор окончен? Это могла понять я, потому что знаю своего брата. Но чужак не мог уловить никакого знака. Неужели это откликнулась тень живущего в нем Данкана?!»

Пол повернулся к послу:

— Для вашего посольства подготовлено помещение. Мы желаем при первой же возможности иметь с вами частную беседу. Мы пошлем за вами. Я хочу проинформировать вас, прежде чем вы узнаете это из других источников, что Преподобная Мать Гайус Хэлен Моахим удалена из привезшего вас лайнера. Это сделано по нашему приказу. Ее присутствие на вашем корабле будет обсуждено во время наших переговоров.

И взмахом руки Пол отпустил посла.

— А ты, Хейт, останься, — сказал он.

Свита посла попятилась и потащила за собой бак. Адрик превратился в оранжевый вихрь в оранжевом газе — глаза, рот, беспорядочно двигающиеся конечности.

Пол смотрел вслед процессии, пока за нею не захлопнулась парадная дверь.

«Итак, дело сделано, — подумал Пол. — Я принял гхолу. Хейт — наживка, это несомненно. Вероятно, это старая карга — Преподобная Мать — играет ту же роль. Но близится время тарота, которое я уже предсказал в одном из своих ранних видений».

«Проклятый тарот! Он затуманил виды времени, и предвидение не может уловить точного момента. Рыба часто клюет, но не всегда попадает, — напомнил он себе. — И тарот действует как против меня, так и за меня. То, чего не вижу я, не смогут определить и другие».

Гхола стоял, наклонив голову и наблюдая.

Стилгар поднялся по ступенькам помоста, на мгновение скрыв гхолу от взгляда Пола. На Чакобс, охотничьем языке дней сьетча, он сказал:

— Это отвратительное существо в баке вызывает во мне дрожь омерзения. А тут еще этот непонятный дар. отошлите его назад, сир.

На том же языке Пол ответил:

— Не могу, Стил.

— Но Айдахо мертв, — настаивал Стилгар. — Это не Айдахо. Позвольте мне взять его воду для племени.

— Гхола — моя проблема, Стил. Твоя проблема — наша пленница. Я хочу, чтобы Преподобную Мать тщательно охраняли люди, специально обученные сопротивлению Голосу.

— Мне все это не нравится, сир.

— Я буду осторожен, Стил, но и ты не забывай об опасности.

— Хорошо, сир. — Стилгар спустился с помоста и направился к выходу. Проходя мимо Хейта, он с шумом втянул в себя воздух.

«Зло нельзя определить по запаху, — подумал Пол. — Стилгар водрузил зелено-черные знамена Атридесов на десятках миров, но в душе так и остался суеверным Свободным».

Пол изучал дар.

— Данкан, Данкан, — прошептал он. — Что они с тобой сделали?

— Они дали мне жизнь, милорд, — ответил Хейт.

— Но с какой целью они тебя обучили и отдали мне?

Хейт поджал губы и произнес:

— Я предназначен для вашего уничтожения, сир.

Фантастическая искренность этого ответа потрясла Пола. Но как иначе мог бы ответить ментат-Дзэнсунни? Даже будучи гхойлой, ментат мог говорить только правду, особенно ментат, обладающий внутренним спокойствием Дзэнсунни. Это человеческий компьютер, тело и мозг, которым переданы функции ненавистных машин. Обучить его системе Дзэнсунни значило удвоить его честность... если, конечно, тлейлаксу не встроили чего-нибудь еще более необычного в эту плоть.

Почему, например, у него металлические глаза? Тлейлаксу хвастают, что их металлические глаза улучшают оригинал. Странно, однако, что сами тлейлаксу ими не пользуются.

Пол взглянул в сторону смотровой щели Алии — ему не хватало ее присутствия и совета.

Потом снова перевел взгляд на гхолу: этот отнюдь не простой подарок даст честные ответы на опасные вопросы.

«То, что я знаю, что это орудие предназначено для моего уничтожения, неважно», — подумал Пол.

— Что я должен сделать, чтобы защититься от тебя? — спросил Пол. Это была прямая речь, без императорского «мы» — просто вопрос, который мог быть задан прежнему Данкану Айдахо.

— Отошлите меня обратно, милорд.

Пол покачал головой.

— Как ты собираешься уничтожить меня?

Хейт взглянул на охранников, которые после ухода Стилгара придвинулись ближе к трону. Хейт обвел взглядом громадный помпезный зал и снова остановил немигающие металлические глаза на Императоре:

— В таком месте вы изолированы от народа. Здесь все говорит о том, что все кончено, милорд. Только памятуя об этом, можно выносить такую власть. Обязан ли милорд своим теперешним положением своей способности предвидения?

Пол забарабанил пальцами по подлокотнику трона. Вопрос встревожил его.

— Я занял это положение... не только в силу своих способностей оракула. Иногда были нужны решительные действия.

— Решительные действия... — повторил Хейт в раздумье. — Они регулируют жизнь человека. Характер человека может быть получен из металла путем нагревания и охлаждения.

— Ты хочешь отвлечь меня фразами Дзэнсунни?

— У Дзэнсунни есть что исследовать, сир, и их не нужно отвлекать.

Пол провел языком по губам и сделал глубокий вдох. Неразрешенные вопросы накапливались. Не следует заниматься гхолой в ущерб основным обязанностям. Почему этого гхолу сделали ментатом-Дзэнсунни? Философия... слова... рассуждения... внутренний поиск. Пол чувствовал, что ему не хватает исходных данных.

— Нужно больше данных, — пробормотал он.

— Факты, необходимые ментату, собрать непросто. Это не пыльца, остающаяся на одежде, когда проходишь цветущим лугом. Пыльцу нужно заботливо собирать и внимательно изучать под большим увеличением.

— Ты собираешься обучать меня риторике Дзэнсунни?

Металлические глаза сверкнули пониманием:

— Возможно, так и было задумано, милорд.

«Притупить мою волю словами, внушить свои идеи...» — подумал Пол. Он сказал:

— Больше всего следует опасаться идей, которые переходят в дела.

— Отошлите меня назад, сир! — повторил Хейт голосом Айдахо, тревожащегося о своем «молодом хозяине».

И Пол понял, что этот голос заманивает его в ловушку: он не сможет отослать голос Айдахо, даже если тот принадлежит гхоле.

— Ты останешься, — решил Пол, — и мы оба будем соблюдать осторожность.

Хейт склонил голову в знак покорности.

Пол поднял глаза и посмотрел на смотровую щель. Он мысленно просил Алию взять у него этот подарок и выпытать его тайны. Гхолами пугали детей. Раньше ему не приходилось с ними сталкиваться, а с этим к тому же требовалось преодолеть столько разных чувств. Сможет ли он? Данкан, Данкан... Где в этой плоти Айдахо? Это не тело, это обман в теле Айдахо! Данкан давно лежит в Пещере мертвых.

Закрыв глаза, Пол позволил предвидению овладеть собой. Духи любви и ненависти летали над хаосом волнующегося моря. И ни одного надежного места, на котором можно утвердиться и рассмотреть будущее.

«Почему ни одно видение не показало мне этого нового Данкана Айдахо? — спросил он сам себя. — Кто скрывает от меня Время? Вероятно, другие оракулы».

Открыв глаза, Пол спросил:

— Хейт, ты обладаешь способностью предвидения?

— Нет, милорд.

Искренность звучала в его голосе. Конечно, гхола может и сам не подозревать об этой своей способности. Но это помешало бы его работе в качестве ментата. В чем же дело?

Старые видения окружали Пола. Должен ли он избрать страшный путь? Разорванное Время намекало на присутствие гхола в ужасном будущем. И это будущее все приближалось, как он ни старался отдалить его.

«Освобождайся... Освобождайся... Освобождайся...»

Мысль эта колоколом билась в его мозгу.

Наверху сидела Алия, обхватив подбородок левой рукой, и смотрела на гхолу. Этот Хейт магически притягивал ее. Тлейлаксу вернули ему юность, влекущую ее. Она поняла невысказанную просьбу Пола. Когда оракул беспомощен, приходится обращаться к реальным шпионам и физической силе. Алия сама удивилась собственной готовности выполнить его просьбу. Алия чувствовала острое желание самой быть ближе к тому существу, касаться его.

«Он представляет опасность для нас обоих», — подумала она.

Глава 6

— Меня бросает в дрожь при виде вашего бедственного положения, Преподобная Мать, — сказала Ирулэн.

Она стояла у входа в камеру, изучая ее способом Бене Гессерит. Камера представляла собой трехметровых куб, высеченный в скале под плитами пола крепости. Там был лишь шаткий плетеный стул, на котором сидела Гаиус Хэлен Моаким, матрац с коричневым одеялом, с

разбросанной колодой карт, тарот Дюны, стоял сосуд с водой, туалет Свободных со всеми приспособлениями для сохранения влаги. Все бедное, примитивное. Забранные решетками шары давали скудный желтый свет.

— Ты сообщила леди Джессике? — спросила Преподобная Мать.

— Да, но не думаю, чтобы она сказала против своего сына хоть слово, — ответила Ирулэн и взглянула на карты. Карта Большого червя лежит над Пустынным Песком. Преподобная Мать советует сохранять терпение.

Охранник снаружи следил за ними через металлическое окошко в двери. Ирулэн знала, что их разговор прослушивается. Она много пересудала, прежде чем решилась прийти сюда. Впрочем, не приходило тоже было опасно.

Преподобная Мать погрузилась в размышления праджна, время от времени осматривая карты. Несмотря на предчувствие, что ей не справиться с Арракиса живой, она сохраняла спокойствие. Способность к предвидению может быть малой, но взбаламученная вода — взбаламученная вода. К тому же молитва против страха всегда под рукой.

Она обдумывала события, приведшие ее в эту камеру. Темные подозрения роились в ее мозгу, и тарот подтверждал их. Неужели ее арест входил в планы Союза?

На мостике лайнера ее поджидал Квизара в желтом костюме, с бритой головой, глазами-бусинками, абсолютно синими на круглом лице, с кожей, потемневшей от солнца и ветров Арракиса. Он поднял голову от чашки спайсового кофе, поданного ему подобострастным стюардом, пристально посмотрел на нее и отставил чашку.

— Вы Преподобная Мать Гаиус Хэлен Моаким? — спросил Квизара. Теперь, вспоминая эти мгновения, она пережила все заново. Горло у нее сжало слезом страха. Как чиновник Императора узнал о ее присутствии на лайнере?

— Нам стало известно, что вы находитесь на борту. Вы забыли, что вам запрещено посещать нашу святую планету?

— Я нахожусь не на Арракисе, а в свободном космосе, — возразила она. — Я пассажирка лайнера Союза.

— Свободного космоса больше нет, мадам! — В его тоне она прочла смесь ненависти и подозрительности. — Муад Диб правит повсюду.

— Моя цель — не Арракис.

— Арракис — цель всех! — возразил он, и она испугалась, что сейчас он начнет цитировать путеводитель для пилигримов — на этом корабле их прилетели тысячи.

Но Квизара извлек из-под одежды амулет, поцеловал его и коснулся им лба, потом прижал к правому уху и стал слушать.

— Вам приказано собрать багаж и следовать за мной, — сказал он, пряча амулет-передатчик.

— Но у меня дела в другом месте!

В этот момент она и заподозрила вероломство Союза. Возможно, рулевой не смог скрыть их заговор. Эта мерзавка Алия, несомненно, обладает способностью Преподобной Матери Бене Гессерит. Кто может сказать, что происходит, когда ее способности объединяются с пророческим даром ее брата?

— Не возражать! — прикрикнул на нее Квизара. Все в ней восставало против того, чтобы снова вступить на проклятую планету пустыни. Здесь они потеряли Пола Атридеса, Квизац Садераха, которого готовили долгие столетия. Но у нее не было выхода.

— У нас мало времени, — уже спокойно сказал Квизара. — Когда Император приказывает, его подданные повинуются.

«Значит, это приказ Пола». Она было подумала заявить протест командиру лайнера, но ее остановила мысль о бессмысленности этого поступка. Что может сделать Союз?

— Император сказал, что я умру, если ступлю на Дюну, — сказала она, делая последнюю отчаянную попытку. — Вы знаете об этом. Если вы выведете меня отсюда, то тем самым приговорите к смерти.

— Не разговаривать! — вспылil Квизара. — Это предопределено.

Она знала, что они всегда так говорят о приказах Императора. Предопределено! Священный правитель, чьи взгляды проникают в будущее, сказал! Чему быть, того не миновать. Ведь он уже видел это!

С мучительной мыслью, что попала в собственные сети, она повиновалась.

В камере ее навестила Ирулэн. Она заметно постарела с момента их последней встречи на Валлахе IX. Беспокойные морщинки появились в уголках глаз. Что ж... пришла пора проверить, будет ли эта Сестра верна своей клятве.

— Я жила и в худших условиях, — сказала Преподобная Мать, в то время как пальцы ее энергично задвигались. — Тебя прислал Император?

Ирулэн прочла движения пальцев, и ее пальцы задвигались в ответ. А вслух она проговорила:

— Нет... я пришла, как только услышала, что вы здесь.

— Император не рассердится? — спросила Преподобная Мать, а пальцы ее двигались, требовали, настаивали.

— Ну и пусть! Вы были моим учителем в ордене так же, как когда-то учили и его мать. Неужели он думает, что я отвернусь от вас, как это сделала леди Джессика? — Разговор пальцев продолжался.

Преподобная Мать тяжело вздохнула. Это был вздох пленницы, покрывшейся своей участи. На самом же деле она в это время отвечала Ирулэн. Тщетно надеяться, что драгоценные гены Императора Атридеса будут сохранены при помощи этого инструмента. Принцесса, несмотря на свою красоту, бесполезна. Под покровом сексуальности и привлекательности скрывается сварливая женщина, более

заинтересованная в словах, нежели в делах. Впрочем, Ирулэн как-никак Бене Гессерит, а орден располагает возможностью использовать и слабые свои орудия. Они вели разговор о более мягком матрасе, о лучшей пище, а между тем Преподобная Мать пустила в ход свой арсенал убеждения, торопливо отдавая приказы: следует проверить возможность скрещивания брата с сестрой (Ирулэн чуть не вышла из себя, получив этот приказ).

— У меня тоже должна быть возможность! — упрасивали ее пальцы.

— У тебя она была! — возразила Преподобная Мать. Она продолжала давать инструкции. Сердится ли когда-нибудь Император на свою наложницу? Уникальные способности оракула должны вызывать в нем чувство одиночества. С кем он может разговаривать, надеясь на понимание? Очевидно, с сестрой. Она разделяет его чувство одиночества. Необходимо узнать содержание их бесед. Создавать условия для встреч наедине. Организовывать интимные встречи. Проверить возможность устранения наложницы: горе снимает привычные барьеры.

Ирулэн протестовала. Если Чани погибнет, подозрение падет на принцессу-супругу. К тому же существуют другие проблемы. Чани перешла на древнюю диету Свободных, которая, якобы повышает способность к деторождению. Теперь исключена всякая возможность подмешивать ей в пищу противозачаточные средства, и, следовательно, наложница станет еще более плодотворной.

Преподобная Мать с трудом скрыла свой гнев. Пальцы ее продолжали требовать. Почему информация об этом не была передана ей в самом начале разговора? И как Ирулэн могла быть так глупа, что допустила это? Если Чани родит сына, Император объявит его своим наследником!

Ирулэн возразила, что она понимает опасность, но надеется, что гены не будут окончательно утрачены.

— Будь проклята твоя глупость! — рассердилась Преподобная Мать. Кто знает, какие генетические осложнения принесет Чани от своей дикой линии Свободных? Орден заинтересован только в чистой линии! А наследник оживит честолюбие Пола, подтолкнет к новым усилиям по укреплению Империи. Заговорщики не должны допустить этого.

Ирулэн оскорбленно спросила, как же она могла помешать Чани перейти на диету?

Но Преподобная Мать была не расположена объясняться. Ирулэн получила точные инструкции, следует подмешать ей в пищу или в питье средство, прерывающее беременность. Либо придется ее просто убрать. Любой ценой нужно помешать появлению наследника из этого источника.

Ирулэн возразила, что такой способ не менее опасен, чем открытое нападение на наложницу. Она дрожит от одной мысли о покушении на Чани.

Ирулэн испугалась опасности? Пальцы Матери выразили презрение.

Рассерженная Ирулэн просигналила, что она знает себе цену как агента в императорском доме. Заговорщики хотят исключить ее из игры? Как же тогда они будут следить за императором? Или они уже ввели другого агента в его окружение и теперь пользуются ее услугами в последний раз?

Преподобная Мать возразила, что на войне взаимоотношения все время меняются. И теперь наибольшая опасность заключается в том, чтобы обезопасить Дом Атридесов со стороны наследования. Орден не может пойти на риск. Это очень опасно и для генетического рисунка Атридеса. Если Пол утвердит свою династию на троне, генетическая программа ордена на многие столетия будет сорвана.

Ирулэн поняла эти доводы, но не могла отделаться от мысли о том, что принцессой-супругой жертвует ради чего-то более ценного. Имеет ли это какое-то отношение к гхоло?

— Неужели Ирулэн считает, что орден состоит из дураков,— ответила Преподобная Мать.— Ирулэн всегда знала все, что ей было положено знать.

Ирулэн увидела в этом ответе доказательство того, что от нее что-то скрывают. Ей прямо сказали, что она будет знать ровно столько, сколько нужно, но не больше.

Она спросила, уверены ли они, что гхола сумеет уничтожить Императора.

— С таким же успехом она может спросить, уничтожит ли его меланж,— возразила Преподобная Мать.

Ирулэн поняла, что эта резкая отповедь содержит скрытый смысл. Бене Гессеритский «хлыст, который дает знания», сообщил ей, что существует связь между меланжем и гхойлой. Меланж ценен, но требует платы — пагубной привычки. Он добавляет годы жизни, некоторым десятилетия, но все же это лишь иной способ умереть.

Гхола так же смертоносна, как и меланж.

Возвращаясь к прежней теме, Преподобная Мать просигналила, что лучший способ предотвратить рождение нежелательного наследника — это убить возможную мать.

«Конечно,— подумала Ирулэн.— Решив истратить определенную сумму, вы хотите получить взамен как можно больше».

Проницательные глаза Преподобной Матери, темно-синие от потребления меланжа, смотрели на Ирулэн выжидательно и изучающие.

«Она ясно читает во мне,— с отчаянием подумала Ирулэн.— Она учила меня и наблюдала за моим обучением. Она знает, что я понимаю,

какое решение надо принять. Что ж, я приму его, и как Бене Гессерит, и как принцесса».

Ирулэн вымученно улыбнулась, выпрямилась и произнесла про себя начальные фразы молитвы против страха:

«Я не должна бояться. Страх убивает разум. Страх — малая смерть, которая приносит полное уничтожение. Я смотрю в лицо моему страху...»

Когда спокойствие вернулось к ней, она подумала: «Пусть они используют меня. Я покажу им, чего стоит принцесса. Возможно, я дам им даже больше, чем они ожидают».

После нескольких прощальных фраз Ирулэн ушла.

Преподобная Мать вернулась к картам. И немедленно Квизац Хадерах выпал рядом с Восемью Кораблями. Дурной признак: у врага имеются скрытые резервы.

Она отвернулась, размышляя, поможет ли им Ирулэн в борьбе с врагом.

Глава 7

Точно часовой, одетый в черное, Алия стояла на южной платформе своего храма, храма Оракула, который Свободные Пола выстроили для нее рядом с его крепостью.

Она ненавидела эту часть своей жизни, но не знала, как отказаться от нее, не навлекая на них всех уничтожение. Пилигримы — будь они прокляты! — с каждым днем становятся все многочисленнее. Нижний придел храма плотно забит ими всегда. Среди пилигримов расхаживают торговцы, колдуны, предсказатели — жалкие подражатели Муад Диб и его сестры.

Алия видела среди товаров красивые зеленые пакеты с новым «наркстиком» тарот Дюны. Кто поставляет это изобретение на рынок Арракиса? Почему тарот стал популярным именно сейчас, в данное время и в данном месте? Не для того ли, чтобы замутить Время? Пристрастие к спайсу всегда обостряет способности предсказания. Случайно ли Свободные так верят в предзнаменования? Она решила проверить это при первой же возможности.

С юго-востока дул слабый ветер — остатки ветра, разбитого Защитной стеной, высоко вздымавшейся над горизонтом. Ее край, освещенный солнцем, ярко сверкал сквозь полуденную пыль, горячий ветер коснулся щеки Али и она затосковала по безопасности открытых просторов. Был конец дня, последние толпы пилигримов спускались по широким каменным ступеням в одиночку и группами; некоторые

из них задерживались у лотков уличных торговцев, разглядывая сувениры и священные амулеты, советуясь с предсказателями. Пилигримы, нищие горожане, Свободные, торговцы — вся эта пестрая толпа сплошной лавиной двигалась по улице, ведущей к центру города.

Алия различила Свободных, отмечала застывшее выражение суеверного страха на их лицах, видела, как они двигались, стараясь держаться подальше от остальных. В них ее сила — и ее опасность. Они по-прежнему ловили гигантских червей для передвижения, для спорта и жертвоприношений. Они презирали чужеземцев-пилигримов, едва выносили горожан, ненавидели цинизм уличных торговцев. Не стоило задевать дикого Свободного даже в такой толпе, что кишела в храме Алии. В самом храме ножи не обнажались, но мертвые тела, случалось, обнаруживали... позже.

Уходящая толпа подняла целое облако пыли. До Алии донеслись ее запахи и пробудили новый приступ тоски по открытым песчаным просторам. Она понимала, что тоска по прошлому обострилась в ней с появлением гхола. Сколько было радости в те дни, до того, как ее брат сел на трон. Время для шуток и время для наслаждения прохладным утром или с заходом солнца, время... время... время... Даже опасность была другая в те дни — ясная опасность из известного источника. Не нужно было преодолевать границы предвидения, напрягаясь, всматриваясь в туманные черты будущего.

Хорошо говорят дикие Свободные: «Четыре вещи нельзя спрятать: любовь, дым, огненный столб и человека, идущего по открытому пространству».

С внезапным отвращением Алия отступила от края платформы в глубину храма, прошла вдоль балкона, что смотрел в сверкающую прозрачность ее зала предсказаний. Песок на плитах скрипел под ее ногами. Просители всегда приносят песок в священные помещения! Не обращая внимания на служителей, охранников, учеников, вездесущих жрецов-чиновников Квизарата, она поднялась по спиральной лестнице, ведущей в ее личные покои. Здесь, среди диванов, толстых ковров, занавесей и пустынных сувениров она отпустила амазонок-Свободных, приставленных к ней Стилгаром. Сторожевые псы! Когда они ушли, выражая неудовольствие, но опасаясь ее больше, чем самого Стилгара, она разделась, оставив только криснож в ножнах, свисающий на шнурке с шеи на обнаженную грудь, и пошла нагая в ванную.

Она знала, что он близко — теневая фигура мужчины, которого она предчувствовала в своем будущем, но не могла разглядеть. Ее сердило, что предвидение не может одеть эту тень в плоть. Он предчувствовался только, как неожиданное изменение, когда она вглядывалась в чужие жизни, либо когда она сталкивалась с туманными очертаниями в полной тьме, где невинность сочеталась с желанием. Он стоял сразу за горизонтом видимости, и она напрягла свои способности, чтобы разглядеть его.

Он был здесь — постоянный укор ее предвидению — яростный, опасный, безнравственный.

В ванной ее окутал влажный теплый воздух. Об этом обычае она узнала от бесчисленного количества Преподобных Матерей, нанизанных на ее сознание, как жемчужные бусы на нить. Теплая вода ласково прильнула к ней, когда она скользнула в ванну.

Зеленый кафель, разрисованный красными морскими рыбами, отражался в воде. Какой-нибудь Свободный из старых времен страшно рассердился бы, узнав, что такое количество воды используют только для умывания.

Он близко!

Она подумала, что это кричит ее девственность. Ее плоть жаждет пары. Секс не составляет тайны для Преподобной Матери, возглавляющей ритуальные оргии в съезде. Сознание тау — память о населявших ее других существах — могло бы снабдить ее любопытство любыми подробностями. Желание близости — это не что иное, как стремление плоти к плоти.

Жажда действия боролась в ней с летаргическим состоянием, вызываемым теплой водой.

Алия встала из воды. Мокрая и нагая, она прошла в тренировочную комнату, примыкавшую к ванной. В этой продолговатой и светлой комнате были собраны многочисленные приспособления, при помощи которых агенты Бене Гессерит поддерживают себя в постоянной физической и духовной форме. Тут были мнемонические усилители, пальцевые мельницы с планеты Икс, повышающие чувствительность пальцев рук и ног, синтезаторы запахов, температурные поля, устройства для выработки нужных альфа-ритмов, синхронизаторы, настраивающиеся на анализ света и тьмы... санти.

Вдоль одной из стен громадными буквами мнемонической краской она сама написала ключевую формулу Бене Гессерит:

«До нас все методы изучения искажались инстинктом. Мы научились учиться. До нас исследователи, побуждаемые инстинктом, обладали ограниченным полем деятельности — не дольше одной жизни. Проект, охватывающий пятьдесят и более поколений, им даже и в голову не приходил. Концепция полной мышечной и нервной подготовки в то время не могла быть выработана».

Войдя в это помещение, Алия увидела свое отражение в кристаллических призмах фехтовального зеркала в глубине тренировочного комплекса. Увидев длинную шпагу, она подумала: «Да! Я нарабаталась до изнеможения. Утомлю же окончательно тело и очищу мозг».

Эфес шпаги привычно лег в ее правую руку. Концом клинка Алия коснулась кнопки, включающей манекен. Манекен ожил и медленно отвел острие шпаги в сторону.

Зеркальные призмы сверкнули, манекен шагнул влево от нападавшей.

Алия следовала за ним концом своей длинной шпаги, как всегда думая о своем противнике, почти как о живом существе. Но это было лишь собрание сервомоторных и сложных отражательных цепей, предназначенных для выработки реакции и обучения. Этот инструмент реагировал так же, как реагировала она, анти-я, двигавшийся, как и она сама; балансирующий свет призм предлагал ей цель.

Ей казалось, что на нее нацелено множество шпаг, но лишь одна из них была реальной. Она отвела эту реальную шпагу, скользнула своей вглубь сопротивлявшегося поля и коснулась цели. Среди призм вспыхнул сверкающий красный огонек... еще одно отвлечение.

Манекен снова атаковал, двигаясь со скоростью в один сигнал, чуть-чуть быстрее, чем вначале. Она отразила нападение, двинулась в зеленую зону и нанесла второй удар.

Теперь уже две лампы горели среди призм.

Манекен увеличил скорость, двигаясь на роликах, привлекаемый, как магнитом, движениями ее тела и концом ее шпаги.

Атака — отражение — контратака...

Атака — отражение — контратака...

Теперь ожили уже четыре огня, и манекен стал более агрессивным, двигаясь все быстрее, нападая все резче и разнообразнее.

Пять огней...

Пот блестел на ее обнаженной коже. Она жила теперь во Вселенной, ограниченной угрожающей шпагой, целью, голыми ступнями на шероховатом полу, чувствами, нервами, мышцами — движением против движения.

Атака — отражение — контратака...

Шесть огней... семь...

Восемь!

Раньше она никогда не рисковала на восьми.

Каким-то уголком сознания она сопротивлялась своему дикому намерению: ведь фехтовальное оборудование, состоящее из призм и манекена, не умеет думать и не испытывает чувства жалости. И у него самое настоящее оружие. Оно может искалечить и даже убить. Лучшие фехтовальщики Империи никогда не тренировались больше, чем с семью огнями...

Девять!

Алия испытывала ощущение крайней экзальтации. Нападающая шпага превратилась в размытое пятно среди других пятен. Шпага в ее руке ожила: не она уже управляла шпагой, а наоборот, шпага управляла ее рукой.

Десять!

Одиннадцать!

Что-то промелькнуло мимо нее и проникло в защитную зону манекена. Блеснувший нож ударил в выключатель. Огни погасли, и манекен замер в неподвижности.

Алия резко повернулась, разгневанная этим вмешательством. Но в то же время ее поразило необыкновенное искусство того, кто это проделал. Нужно было точно рассчитать мгновение и проникнуть в защитную зону так, чтобы не быть отраженным, и коснуться кнопки размером в несколько миллиметров. И все это при одиннадцати огнях!

Алия почувствовала, как напряжение покидает ее, будто ее тоже выключили, как манекен. И она не удивилась, увидев, кто бросил нож.

На пороге ее тренировочной комнаты стоял Пол, а в трех шагах за ним — Стилгар. Ее глаза встретились с гневным взглядом брата.

Только сейчас, осознав свою наготу, она хотела прикрыться, но нашла эту мысль забавной: то, что уже видели глаза, стереть невозможно. Она неспеша вложила свой криснож в ножны.

— Я должна была бы догадаться, — сказала она.

— Ты, разумеется, знаешь, как это опасно, — сказал Пол, отмечая выражение ее лица, покрасневшего от напряжения, влажную полноту губ. Была в ней какая-то мятушаяся женственность, которую он не замечал раньше.

— Безумие, — тяжело выдохнул Стилгар, становясь рядом с Полом. В голосе его Алия слышала не только гнев, но и благоговейный страх.

— Одиннадцать огней, — сказал Пол, качая головой.

— Если бы ты не вмешался, было бы двенадцать, — сказала она. И добавила: — Если у этого проклятого манекена столько огней, почему бы их все не испробовать?

— Бене Гессерит должна руководствоваться разумными побуждениями, — сурово возразил Пол.

— Ты, наверное, никогда не испытывал больше семи? — гневно воскликнула она. Его пристальный взгляд начинал раздражать ее.

— Только один раз, — сказал Пол. — Гурни Хэллек поймал меня на десяти. Наказание привело меня в такое замешательство, что я не буду рассказывать тебе о нем. Кстати, о замешательстве...

— В следующий раз надо предупреждать о своем приходе! — Она проскользнула мимо Пола в спальню, отыскала свободное серое платье, надела его и причесалась перед зеркалом. Уставшая до предела, она испытывала только одно желание: снова искупаться и уснуть.

— Как вы здесь оказались? — спросила она.

— Милорд! — сказал Стилгар. В голосе его прозвучала странная, предостерегающая интонация, и Алия посмотрела на него с удивлением.

— Как ни странно может показаться, но мы здесь по предложению Ирулэн, — ответил Пол. — Она считает, и сведения Стилгара подтверждают это, что наши враги попытаются...

— Милорд! — уже настойчиво повторил Стилгар.

Ее брат повернулся к Стилгару, а Алиа продолжала всматриваться в старого наиба. Что-то в нем заставило ее вспомнить, что Стилгар во многом первобытен. Он верил, что сверхъестественный мир расположен совсем рядом. Этот мир говорил с ним безыскусным языческим языком, снимая все сомнения. Естественная Вселенная, в которой он жил, была простой и вечной, ее нельзя было остановить, в ней не было общепринятой морали Империи.

— Да, Стил? — отозвался Пол. — Ты не хочешь сказать ей, почему мы пришли?

— Сейчас не время говорить ей это, — ответил Стилгар.

— А что изменилось, Стил?

Тот продолжал смотреть на Алию.

— Сир, вы, наверное, ослепли.

Пол повернулся к сестре, чувствуя, как им овладевает беспокойство. Из всех приближенных только Стилгар осмеливался говорить с ним таким тоном, но даже Стилгар крайне редко прибегал к нему.

— Ей нужна пара! — воскликнул Стилгар. — Будут большие неприятности, если она не выйдет замуж, и притом скоро!

Алиа отвернулась, чувствуя, как кровь бросилась ей в лицо. «Почему это задело меня? — удивилась она. — Контроль Бене Гессерит оказался бессилем предотвратить мою реакцию. Как Стилгар сделал это? Он ведь не обладает властью Голоса». Она чувствовала раздражение и гнев.

— Послушайте великого Стилгара! — съязвила Алиа, осознавая сварливую нотку в своем голосе, но не в силах справиться с ним. — Свободный наиб Стилгар дает советы девушкам.

— Я люблю вас обоих и потому должен говорить, — сказал Стилгар с присущим ему достоинством. — Я не мог бы стать вождем Свободных в пустыне, если бы не знал мотивов, сближающих мужчину и женщину. Для этого не нужно быть оракулом.

Пол взвешивал слова Стилгара, вдумывался в то, что они видели, вспомнил свою мужскую реакцию на наготу собственной сестры. Да, что-то призывно распутное было в Алии. Почему она тренировалась обнаженной? И так безрассудно рисковала жизнью? Одиннадцать огней! Безмозглый автомат был наделен, в его представлении, ужасными свойствами древних машин, в нем заключалась вся их безнравственность. Когда-то ими руководили компьютеры, искусственный разум. Бутлерианский Джихад покончил с этим, но не покончил с аристократическим покровом порочности, покрывавшим подобные предметы.

Стилгар, конечно, прав. Для Алии нужно подыскивать пару.

— Я позабочусь об этом, — сказал Пол. — Мы с Алией обсудим это позже... и наедине.

Алия обернулась и посмотрела на Пола. Зная, как оперирует его мозг, она поняла, что стала субъектом решения ментата — в этом человеческом компьютере совместились бесчисленные данные. В его решении была неумолимость, как в движении планет. В нем было нечто неизбежное и ужасающее, как в непреложном порядке всей Вселенной.

— Сир,— сказал Стилгар,— может быть, мы...

— Не сейчас! — оборвал его Пол.— В данный момент у нас другие проблемы.

Сознавая, что она не может соперничать в логике с братом, Алия отбросила все второстепенное и спросила в манере Бене Гессерит:

— Вас прислала Ирулэн?

В самой этой мысли содержалась угроза.

— Не прямо,— ответил Пол.— Информация, которую она передала нам, подтверждает, что Союз пытается заполучить песчаного червя.

— Они постараются поймать небольшого червя и начать спайсовый цикл на другой планете,— сказал Стилгар.— Это означает, что они нашли планету, которую считают пригодной для этого.

— Значит, у них есть пособия среди Свободных,— подумала вслух Алия.— Ни один чужеземец не сможет поймать песчаного червя.

— Это ясно без слов,— согласился Стилгар.

— Вовсе нет! — возразила Алия. Ее рассердила такая тупость.— Пол, ты, конечно...

— Что-то прогнило в Империи,— сказал Пол.— С некоторых пор я знаю это, но ту, другую, планету я никогда не видел, вот что меня беспокоит. Если они...

— Почему это должно тебя беспокоить? Просто они закрыли ее местоположение при помощи рулевого. Точно так же они прячут свои святыни.

Стилгар открыл было рот, но снова закрыл его. У него было такое чувство, будто его идола допустили святотатственную слабость. Ощувив его тревогу, Пол сказал:

— Проблема требует немедленного решения. Я хочу знать твоё мнение, Алия. Стилгар предлагает расширить зону действия патрулей и охранять все песчаное пространство. Возможно, мы засечем высадку десанта и сможем предотвратить...

— А если ими будет руководить рулевой? — спросила Алия.

— С их стороны это был бы отчаянный ход. Вот почему я здесь.

— Может, они видели то, чего не видели мы? — предположила Алия.

— Может быть...

Алия кивнула, вспомнив свои мысли о новом тароте Дюны. Она быстро сопоставила все факты.

— На нас набрасывают одесяло,— заключил за нее Пол.

— С достаточным количеством патрулей,— вмешался Стилгар,— мы сможем помешать...

— Мы ничему не помешаем,— возразила ему Алия. Ей не нравилось, как действует мозг Стилгара. Он сузил свой кругозор, ограничившись самым очевидным. Это был уже не тот Стилгар, каким она его помнила.

— Мы должны считаться с той возможностью, что они раздобудут червя,— сказал Пол,— но еще вопрос, смогут ли они начать меланжевый цикл на другой планете. Для этого мало иметь червя.

Стилгар переводил взгляд с брата на сестру. Жизнь в сьете обучила его экологии, и он понял, о чем они говорят. Пленный червь сможет жить только в арракисских условиях — песчаный планктон, маленькие Создатели и так далее. Затруднения перед Союзом огромные, но разрешимые. Стилгара больше беспокоило другое. Он спросил:

— Значит, ваша способность к предвидению не помогла обнаружить Союз за работой?

— Проклятье! — взорвался Пол.

Алия изучала Стилгара, понимая, какие мысли возникают в его мозгу. Мысли о магии. Подсмотреть будущее — значит украсть мистический огонь от священного костра. В этом была притягательная опасность, опасность найденных и потерянных душ. Но Стилгар начал ощущать присутствие и других, может быть, более могущественных сил за невидимым горизонтом. Его королева-колдунья и его друг-волшебник проявили опасную слабость.

— Стилгар,— сказала Алия, пытаясь ему помочь,— ты стоишь в овраге, между двумя берегами. Я стою на вершине. Я вижу то, чего не видишь ты. И среди прочего я вижу горы, скрывающие дали.

— Есть вещи, скрытые и для вас,— сказал Стилгар.— Вы это сами не раз говорили.

— Любая способность имеет свои границы.

— Но опасность может прийти из-за гор? — спросил Стилгар.

— Что-то в этом роде,— подтвердила Алия.

Стилгар кивнул, задержав взгляд на лице Пола.

— То, что приходит из-за гор, должно пересечь дюны...

Глава 8

— Здесь погиб ваш отец? — спросил Адрик, указывая на жемчужный замок на рельефной карте, украшающей стену приемной Пола.

— Здесь его рака,— ответил Пол.— Мой отец умер в плену, на фрегате Харконнена.

— О, да, теперь я припоминаю,— сказал Адрик.— Я слышал об убийстве старого барона Харконнена, его смертельного врага.— Адрик перевернулся в оранжевом газе, взглянул на Пола, одиноко сидевшего на длинном диване. Он надеялся, что сумел скрыть тот ужас, который вызывают у него такие маленькие помещения.

— Моя сестра убила Барона,— сухо отозвался Пол,— как раз перед битвой на Арракисе.

«Зачем,— подумал он,— рыба-человек тревожит старые раны в такое время и в таком месте?»

Рулевой, казалось, с трудом сдерживает беспокойство; взгляд его крошечных глазок метался по комнате, спрашивая, измеряя. Единственный помощник, который сопровождал его, сидел в стороне, вблизи от линии стражников, слева от Пола. Помощник беспокоил Пола — массивный, с толстой шеей и тупым невыразительным лицом. Он только что вошел в комнату, подтащил бак с Адриком и теперь сидел, опустив руки и расслабившись.

Скайтейл, звал его Адрик. Скайтейл, помощник.

Внешность помощника кричала о глупости, но глаза выдавали его. Они смеялись над всем, что видели.

— Вашей возлюбленной как будто понравилось представление лицевых танцоров,— говорил Адрик.— Я рад, что смог доставить ей это маленькое удовольствие. Особенно я радовался ее реакции, когда ее внешность повторили одновременно все члены труппы.

— Разве это не предостережение представителей Союза, приносящих дары? — спросил Пол.

Ему припомнилось представление, которое они давали здесь, в большом зале. Танцоры появились в костюмах и гриме тарота Дюны. Последовал парад правителей — Короли и Императоры — будто лица на монетах, официальные и резко очерченные, но забавно подвижные... А чего стоили такие шутки, как имитация собственного лица и тела Пола: Чани вздрогнула, Стилгар что-то проворчал, в то время как остальные смеялись.

— Но у наших даров самые добрые намерения,— возразил Адрик.

— Как можете вы быть добры? — спросил Пол.— Гхола, которого вы дали нам, считает, что он предназначен для нашего уничтожения.

— Вашего уничтожения, сир? — недоверчиво переспросил Адрик.— Разве можно уничтожить Бога?

Стилгар, вошедший одновременно с его последними словами, остановился и посмотрел на охранников. Они находились гораздо дальше от Пола, чем это можно было допустить. Он гневно приказал им приблизиться.

— Все в порядке, Стил,— сказал Пол, подняв руку.— Просто дружеское обсуждение. Передвинь бак с послем к краю дивана.

Стилгар, взвесив приказ, решил, что в этом случае бак с послем Союза окажется между Полом и помощником Адрика. Пожалуй, слишком близко к Полу, но...

— Все в порядке, Стил,— повторил Пол и сделал знак рукой, обязывающий немедленно исполнить приказ.

Стилгар с очевидной неохотой подтолкнул бак ближе к Полу. Ему не нравился ни сам бак, ни исходящий от него густой запах меланжа. Он занял позицию у угла бака, под приспособлением, с помощью которого рулевой говорил.

— Нельзя убить Бога? — повторил Пол.— Это чрезвычайно интересно... Но кто говорит, что я Бог?

— Те, кто поклоняется вам,— ответил Адрик, указывая глазами на Стилгара.

— А вы в это верите? — спросил Пол.

— То, во что я верю, не имеет значения, сир. Большинство наблюдателей согласны с тем, что вы позволяете делать из себя Бога. А может ли смертный проделать это... безнаказанно для себя?

Пол изучал Посла. Отвратительное создание, но умное. Этот же вопрос сам Пол задавал себе неоднократно. Но он видел достаточно временных линий, чтобы знать о существовании гораздо более худших возможностей, чем собственное обожествление. Для рулевого же такое направление размышлений несведомо. Интересно, почему Адрик задал этот вопрос? Чего он рассчитывал добиться такой дерзостью? Мысли Пола неслись все быстрее... шелк /за этим ходом должен стоять союз с Тлейлаксом/ ... шелк /последняя победа Джихада на Сембу должна была ускорить действия Адрика/ ... шелк /здесь чувствуется и рука Бене Гессерит/... шелк. Процесс, включающий обработку тысяч обрывков информации, прервался в его компьютерном мозгу. На все потребовалось не больше трех секунд.

— Рулевой сомневается в руководящей роли предвидения? — спросил Пол, переводя Адрика на уязвимую почву.

Это встревожило рулевого, но он умело скрыл беспокойство, произнеся нечто, похожее на длинное обвинение:

— Ни один разумный человек не станет оспаривать возможности предвидения, сир. С самых древних времен люди знали о видениях оракулов. Эти видения запутывают нас, когда мы меньше всего об этом подозреваем. К счастью, в нашей Вселенной есть иные силы.

— Более могущественные, чем предвидение? — продолжал наступление Пол.

— Если бы существовало только предвидение, сир, оно бы самоуничтожилось. Ничего, кроме предвидения? К чему оно тогда прилагалось бы, кроме собственных движений?

— Всегда существует еще конкретная ситуация и человеческая интуиция,— примирительно сказал Пол.

— В лучшем случае предвидение слишком ненадежно, — сказал Адрик, — даже если оно не смешивается с галлюцинациями.

— Неужели мое предвидение только галлюцинация? — спросил Пол с притворной грустью в голосе. — Или вы считаете, что галлюцинируют мои приверженцы?

Стилгар, чувствуя нарастающее напряжение, подошел ближе к Полу, внимательно вглядываясь в извивающегося в баке посла Союза.

— Вы искажаете мои слова, сир, — возразил Адрик. Странная, приглушенная ярость звучала в его голосе.

«Они не посмеют, — сказал себе Пол и оглянулся на охрану. — Если только они не подкупили моих стражей».

— Но вы обвинили меня в том, что я сознательно организовал заговор, чтобы превратить себя в Бога, — сказал Пол так тихо, что его могли слышать только Стилгар и Адрик.

— Я неудачно выразился, милорд, — сказал Адрик извиняющимся тоном.

— Это было неслучайно, — возразил Пол. — Ваши слова означают, что вы ожидаете от меня худшего.

Адрик изогнул шею и покосился с опаской на Стилгара.

— Люди всегда ожидают худшего от сильных мира сего, сир. Давно уже сказано, что они открывают лишь те свои пороки, которые способствуют увеличению их популярности.

По лицу Стилгара пробежала тень. Пол, не оборачиваясь, ощутил его гнев: как смеет этот рулевой разговаривать с Муад Дибом в таком непочтительном тоне!

— Вы, конечно, шутите? — сказал Пол.

— Это не шутки, сир.

У Пола пересохло во рту. Ему вдруг показалось, что в комнате слишком много людей, что воздух, которым он дышит, прошел уже через множество легких. Запах меланжа, исходивший от бака Адрика, сделался невыносимым, в нем появилось что-то угрожающее.

— И кто же, по-вашему, участвует со мной в этом заговоре? — внезапно спросил Пол. — Вы имете в виду Квизарат?

Адрик вздрогнул, всколыхнув облако оранжевого газа. Казалось, он больше не замечает Стилгара, хотя тот продолжал пристально наблюдать за ним.

— Вы полагаете, что миссионеры Святых орденов, все без исключения, во время молитв лицемерят? — допытывался Пол.

— Это определяется мерой их личной откровенности и зависит от их искренности, — ответил Адрик.

Стилгар потянулся рукой к крисножу.

Пол покачал головой и сказал:

— Значит, вы обвиняете меня в неискренности?

— «Обвинять» — неподходящее слово, сир.

«Какое, однако, храброе существо!» — подумал Пол. И сказал:

— Во всяком случае, вы утверждаете, что я и мои епископы — разбойники, жаждущие власти.

— Власти, сир? — Адрик снова взглянул на Стилгара. — Но власть стремится изолировать тех, у кого ее слишком много. Постепенно они утрачивают связи с реальностью... и гибнут.

— Милорд, — проворчал Стилгар, — бывало, что вы раньше приказывали казнить и за меньшую вину!

— Да, — согласился Пол. — Но ведь он — посол Союза.

— Он обвинил вас в обмане!

— Ход его мыслей интересует меня, Стил, — сказал Пол. — Сдержи свой гнев, но будь наготове.

— Как прикажет Муад Диб.

— Скажите мне, рулевой, — продолжал Пол, — как можем мы поддерживать этот гипотетический обман в таких гигантских пределах пространства и времени, не имея возможности следить за каждым миссионером, проверять каждый оттенок проповедей Квизарата в храмах?

— Что значит для вас время? — возразил Адрик.

Стилгар нахмурился в очевидном замешательстве. «Муад Диб часто говорил, что видит сквозь визуальное время. Что имеет в виду этот рулевой?» — подумал старый Свободный.

— Разве в структуре такого обмана не обнаружились бы дыры? — спросил Пол. — Разногласия, споры, сомнения, признания вины — обман не смог бы удержать все это.

— То, чего не сможет скрыть религия, скрост правительство, — ответил Адрик.

— Вы проверяете границы моего терпения?

— Неужели в споре я перешел границы?

«Он хочет, чтобы мы убили его? — недоумевал Пол. — Неужели Адрик предлагает себя в качестве жертвы?»

— Мне импонирует ваш циничный подход, — сказал Пол, чтобы испытать его. — Вы, очевидно, обучены всем лицевым трюкам, вы владеете двойными значениями слов. Язык для вас — оружие, и вы теперь проверяете мое вооружение.

— Циничный подход? — улыбнулся Адрик. — Известно, что правители циничны всегда, когда дело касается религии. Религия — тоже оружие. И какое! Особенно, если религия становится во главе государства.

Пол почувствовал, как внутри у него все замерло. Осторожнее! Помнит ли Адрик, с кем он говорит? Глубокомыслящий, понимающий тон, слова, полные скрытых значений, саркастические намеки на общие тайны... Он всячески дает понять, что они с Императором два мудреца, существа с широким кругозором, которые понимают то, чего не дано понять другим. Шокированный его манерой, Пол вдруг понял, что не он он является главным его адресатом. Чудовище, посетившее дворец, обра-

шалось главным образом к остальным — к Стилгару, к охранникам. Может быть, даже к помощнику Скайтейлу.

— Божья благодать сама снизошла на меня, — заметил Пол. — Я не искал ее. — И он подумал: «Ну и пусть этот человек-рыба считает себя победителем в нашем словесном поединке».

— Почему же вы не отrekliсь от нее, сир? — спросил Адрик.

— Из-за моей сестры Алии, — ответил Пол, внимательно наблюдая за Адриком. — Она богиня. Позвольте посоветовать вам быть осторожным во всем, что касается Алии, иначе она убьет вас своим взглядом.

Насмешливое выражение, начавшее вырисовываться на лице Адрика, сменилось выражением испуга.

— Я говорю абсолютно серьезно, — добавил Пол, видя, что замешательство посла усиливается. Стилгар кивнул.

Улавшив голосом Адрик сказал:

— Вы выставите под сомнение мою уверенность в вас, сир. Несомненно, таково и было ваше намерение.

— Оставьте в покое мои намерения, — отрезал Пол и дал знак Стилгару, что аудиенция закончена.

В ответ на вопросительный взгляд Стилгара, нужно ли убить Адрика, Пол рукой просигналил: «Не нужно» — и повторил повелительный жест, чтобы Стилгар беспрекословно подчинился.

Скайтейл, помощник Адрика, взялся за задний край бака и потащил его к двери. Оказавшись напротив Пола, он остановился, обратил к нему смеющийся взгляд и спросил:

— Если позволите, милорд...

— В чем дело? — спросил Пол, видя, что Стилгар придвинулся ближе.

— Некоторые считают, — сказал Скайтейл, — что люди жаждут императорской власти потому, что пространство бесконечно. Для них, разобщенных, одиноких людей, Император — символ определенности. Они могут повернуться к нему и сказать: «Смотри, вот Он! Он связывает нас воедино». Возможно, религия служит той же цели, милорд?

Скайтейл не без приятности кивнул Полу и подтянул бак. Они выбрались из зала, причем Адрик безвольно висел в своем газе, закрыв глаза. Казалось, вся нервная энергия рулевого истощилась в споре.

Пол смотрел вслед волочившему ноги Скайтейлу, раздумывая над его словами. «Станный тип, этот Скайтейл, — подумал он. — Говорят, он излучал флюиды многих людей, как будто вся его гениальная наследственность лежала на поверхности кожи.»

— Странно, — проговорил Стилгар, не обращая ни к кому в отдельности.

Как только стражник закрыл дверь за Адриком и его экспертом, Пол встал с дивана.

— Странно, — повторил Стилгар. На его левом виске билась жилка.

Пол потушил свет в зале и подошел к окну, выходящему в угол крепостного двора. Далеко внизу сияли огни; там двигались группы рабочих, подтаскивая гигантские блоки из пласта для обновления фасада храма Али. Недавно фасад был поврежден порывом пустынного ветра.

— Глупо было приглашать сюда это существо, Узул,— сказал Стилгар.

«Узул...— подумал Пол.— Мое имя из сьetchа. Стилгар напоминает, что когда-то он руководил мной и спас меня от пустыни».

— Зачем ты это сделал? — спросил Стилгар, стоя рядом с Полом.

— Данные,— ответил Пол.— Мне необходимо больше данных.

— Ты встретил эту угрозу только как ментат. Разве это благоразумно с твоей стороны?

«Очень проникательно»,— подумал Пол.

Расчеты ментата всегда конечны — ни на одном языке нельзя выразить нечто бесконечное. Но способности ментата тоже можно использовать.

— Всегда что-то остается снаружи,— продолжал Стилгар.— Некоторые вещи лучше держать снаружи.

— Или внутри,— возразил Пол. И на мгновение задумался над единственным собственным методом ментата. Снаружи, да. Но и внутри — вот где подлинный ужас. Кто может защитить себя от самого себя? Они, несомненно, хотят, чтобы он уничтожил себя, но в его положении есть гораздо более ужасные пути.

Его размышления были прерваны звуком быстрых шагов. В дверях показался Квизара Корба. Его как будто гнала невидимая сила. Оказавшись в полумраке зала, он почти мгновенно остановился. В руках у него было множество катушек с записями. В пробивавшемся из двери свете они блестели, будто сделанные из драгоценного камня. Но вот рука охранника прикрыла дверь, и драгоценности померкли.

— Это вы, милорд? — спросил Корба, всматриваясь в тени людей.

— В чем дело? — спросил Стилгар.

— Стилгар?

— Мы оба здесь. Что случилось?

— Я обеспокоен приемом представителя Союза.

— Обеспокоен? — переспросил Пол.

— Люди говорят, милорд, что вы чувствуете наших врагов.

— Это все? — спросил Пол.— Я просил тебя принести именно эти катушки?

— Катушки... ох! Да, милорд. Это же те самые. Хотите просмотреть их здесь?

— Я их видел. Хочу, чтобы их просмотрел Стилгар.

— Я?! — удивился Стилгар. Он чувствовал, как в нем растет негодование, вызванное этим нелепым распоряжением Пола. Катушки! Они

обсуждали с Полом завоевание Забулона. Посол Союза своим визитом прервал их. А теперь вот Корба со своими катушками!

— Хорошо ли ты знаешь историю? — спросил Пол у смуглолицей фигуры рядом с собой.

— Милорд, я могу назвать каждую планету, захваченную нашими людьми. Я знаю пределы Империи...

— А золотой век Земли? Ты когда-нибудь читал о нем?

— Земля? Золотой век? — Стилгар чувствовал раздражение и изумление. Зачем Полу понадобилось обсуждать с ним древние миры? Голова Стилгара была полна данными о Забулоне — расчетами государственных ментатов: двести пять нападающих фрегатов с тридцатью легионами, батальонами поддержки, миссионеры Квизарата... потребности в пище и в меланже... оружие, обмундирование, медикаменты... урны для праха погибших... количество специалистов для пропагандистского аппарата, чиновники, шпионы... и шпионы за шпионами. Все это Стилгар держал в голове.

— Я захватил с собой пульсовой синхронизатор, милорд, — вмешался Корба. Он, очевидно, почувствовал нарастающее напряжение между Полом и Стилгаром и был обеспокоен этим.

Стилгар с сомнением покачал головой: зачем нужен пульсовой синхронизатор? Зачем Пол хочет, чтобы он использовал мнемонический усилитель к проектору? Зачем вообще рассматривать события далекой истории? Это работа ментата! Как всегда, Стилгар не мог преодолеть настороженное отношение к проектору и другим техническим приспособлениям — они вызывали у него ощущение беспокойства. Но позднее мозг отсортировал данные, поставляя ему необходимую информацию, о существовании которой он и не подозревал.

— Сир, нужно обсудить расчеты по Забулону! — сказал Стилгар.

— Засушить расчеты по Забулону! — вскипел Пол, используя самое неприличное для Свободных выражение.

— Милорд!

— Стилгар, — сказал Пол, — тебе необходима внутренняя уравновешенность, а она приходит только при понимании необходимости долговременных усилий. Корба принес с собой ту немногую информацию, которая дошла до нас, те немногие факты, которые сохранились после Бутлерианского Джихада. Начнем с Чингис-хана.

— Чингис... хан? Он что, из сардукаров, милорд?

— Он жил намного раньше и убил что-то около четырех миллионов.

— У него, должно быть, было очень хорошее оружие для этого. Ласган или...

— Он не сам убивал, Стил. Он убивал так же, как убиваю я, посылая свои легионы. Был и другой правитель — Гитлер, я хочу, чтобы ты знал о нем. Он убил свыше шестидесяти миллионов. Совсем неплохо для тех времен.

— Убил... своими легионами? — переспросил Стилгар.

— Да.

— Не очень впечатляющая статистика, милорд.

— Ну, хорошо, Стил.— Пол взглянул на катушки в руках Корбы. Тот держал их так, как будто они жгли ему руки.— А вот другая статистика: по предварительным подсчетам, я убил шестьдесят один миллиард людей, опустошил девяносто планет, полностью деморализовал еще пятьсот. Я уничтожил представителей сорока религий, которые существовали с...

— Неверные! — вскричал Корба.— Все они неверные, сир!

— Нет,— возразил Пол.— Верующие!

— Милорд шутит,— дрожащим голосом проговорил Корба.— Джихад принес свет на десять тысяч миров...

— Тьму! — оборвал его Пол.— Сотни поколений будут оправляться от джихада Муад Диба. Мне трудно представить, что кто-либо сумеет превзойти это.— Лающий смех вырвался из его горла.

— Что забавляет Муад Диба? — спросил Стилгар.

— Я не забавляюсь. Просто меня посетило видение Императора Гитлера, говорящего примерно то же самое. Несомненно, он так говорил.

— Ни у одного правителя не было вашей власти,— возразил Корба. Кто осмелится бросить вам вызов? Ваши легионы контролируют всю известную Вселенную и все...

— Легионы контролируют? — возразил Пол.— Я сомневаюсь, знают ли они об этом.

— Вы контролируете ваши легионы, сир,— прервал его Стилгар. По его тону было ясно, что он подумал о собственной позиции в цепи подчинения и о своей руке, обладающей властью.

Направив мысли Стилгара в нужное русло, Пол перенес все внимание на Корбу.

— Положи катушки на диван!

Когда Корба повиновался, Пол спросил:

— Как идет прием посла у сестры?

— Все в порядке, милорд,— ответил Корба довольно сухо.— Чани следит из смотрового отверстия. Оид подозревает, что в свите посла есть сардукары.

— Она, несомненно, права,— сказал Пол.— Шакалы собираются.

— Баннерджи,— Стилгар назвал имя руководителя службы безопасности,— беспокоился, что некоторые из них сумеют проникнуть в частные покои крепости.

— Сумели?

— Пока нет.

— Но в саду заметно некоторое смятение,— сказал Корба.

— Что именно? — спросил Стилгар.

Пол кивнул.

— Незнакомцы приходят и уходят, топчут цветы, шепчутся, — сказал Корба. — Мне докладывали об опасных высказываниях.

— Каких именно? — спросил Стилгар.

Пол кивнул.

— «Так вот на что идут наши деньги». И мне говорили, что так высказывался и сам посол!

— Не нахожу в этом ничего удивительного, — заметил Пол. — Много было неизвестных в саду?

— Десятки, милорд.

— Баннерджи поставил патрули у всех выходов, милорд, — сказал Стилгар. Он повернулся, и единственный горевший в зале шар осветил половину его лица. Это вызвало у Пола какое-то давнее воспоминание, связанное с пустыней. Но он не старался припомнить яснее, больше интересуясь Стилгаром. На лице Свободного отражались почти все его мысли. Теперь вот на нем было написано недоверие, вызванное странным поведением Императора.

— Мне не нравится вторжение в сад, — сказал Пол. — Вежливость по отношению к гостям — одно дело, нужно было принять посла в соответствии с правилами, но это...

— Я прослежу, чтобы их удалили, — сказал Корба. — Немедленно.

— Подожди, — остановил его Пол, когда тот уже собирался выйти.

В наступившем молчании Стилгар занял такую позицию, чтобы можно было изучать лицо Пола. Это было искусно сделано, и Пол восхитился этим ходом. Рассчитанное движение Свободного, необходимое, но в то же время полное уважения к другим.

— Который час? — спросил Пол.

— Скоро полночь, сир, — ответил Корба.

— Корба, я думаю, что ты — мое лучшее создание, — сказал Пол.

— Сир! — в голосе Корбы звучала обида.

— Ты благоговеешь передо мной?

— Вы Муад Диб и были Узлом в нашем съезде, — сказал Корба. — Вы знаете мою преданность...

— Ты ощущаешь себя апостолом?

Корба, очевидно, не понял этого слова, но правильно истолковал информацию.

— Император знает, что совесть моя чиста!

— Шай-Хулуд, спаси нас! — пробормотал Пол.

Наступившая тишина была нарушена свистом. Кто-то шел по внешнему залу. Свист прекратился после лающего окрика охранника.

— Корба, я думаю, ты переживешь нас всех, — сказал Пол. И увидел свет понимания, озаривший лицо Стилгара.

— Незнакомцы в саду, сир? — спросил Стилгар.

— А, да. Пусть ими займется Баннерджи, Стил. А Корба ему поможет.

— Я, сир? — в голосе Корбы слышалось глубокое беспокойство.

— Некоторые из моих людей забыли, что некогда были Свободными, — сказал Пол, обращаясь к Корбе, но адресуя свои слова Стилгару. — Ты проследишь, чтобы те, кого Чани признала сардукарами, были убиты. И сделай это сам. Я хочу, чтобы это было сделано тихо, без лишнего шума. Мы должны постоянно помнить, что религия и государство — это не только молитвы и подписание договоров.

— Повинуюсь приказам Муад Дибя, — прошептал Корба.

— Расчеты по Забулону? — напомнил Стилгар.

— Завтра, — ответил Пол. — А когда незнакомцев уберут из сада, объявите, что прием окончен.

— Понятно, милорд.

— Я уверен, что ты понял, Стил, — сказал Пол.

Глава 9

Согнувшись в три погибели, Алия смотрела на обезображенный труп, лежащий на песке, — несколько костей и остатки плоти на них. Когда-то это была молодая женщина. Руки, голова, большая часть верхней половины тела были съедены кориолисовыми ветрами. На песке всюду виднелись следы медиков и полицейских. Сейчас ушли все, кроме гробовщиков, которые стояли в стороне вместе с Хейтом, гхолой, ожидая, пока Алия закончит разгадывать эту страшную тайну.

Небо цвета спелой пшеницы накрывало ландшафт, окрашенный в серовато-зеленый цвет, обычный для полудня в этих широтах.

Тело обнаружил несколько часов назад низко летящий курьер, чьи приборы засекли слабые следы воды там, где ее не могло быть. Он вызвал экспертов, и те установили, что это была женщина примерно двадцати лет, Свободная, пристрастившаяся к семуте, и что она умерла здесь, в пустыне, от яда тлейлакского происхождения.

Смерть в пустыне — достаточно обычное дело. Но Свободная, пристрастившаяся к семуте, — это такая редкость, что Пол послал сестру осмотреть место с помощью приемов, которым научила ее мать.

Алия чувствовала, что ничего не узнала. Ее присутствие лишь набросило дополнительный ореол таинственности на это и без того загадочное происшествие. Она услышала шаги гхолы по песку и взглянула на него. Его внимание немедленно переключилось на парящие над их головами топтеры.

«Бойся Союза, принесящего дары», — подумала она.

Погребальный топтер и ее собственная машина стояли на песке у скалистого уступа за гхолу. Алии захотелось побыстрее улететь отсюда.

Но Пол считал, что она заметит нечто такое, что пропустили остальные. Она изнемогала в своем стильсюте, который казался удивительно непривычным после многих месяцев городской жизни. Она рассматривала гхолу в надежде, что тот знает что-нибудь об этой смерти. Из-под капюшона его стильсюта выбился клоч черных волос. Ей захотелось поправить их.

И как будто привлеченные этим ее побуждением, его серые металлические глаза обратились к ней. Она вздрогнула и с трудом отвела свой взгляд.

Женщина-Свободная умерла здесь от яда, называемого «врата ада».

Свободная, употреблявшая семуту.

Теперь и Алия разделяла беспокойство Пола.

Погребальные служители терпеливо ждали. В теле оставалось совсем мало воды, и им не было нужды торопиться. Всем казалось, что Алия таинственным способом читает правду, заключенную в этих останках.

Но никакой правды она не видела.

Лишь слабое чувство гнева шевельнулось в ней при этих очевидных мыслях служителей. Эти мысли — продукт проклятой религиозной мистики. Она и ее брат не имели права быть просто людьми. Они должны были быть чем-то большим. Бене Гессерит позаботились об этом, манипулируя наследственностью Атридесов. Ее мать тоже внесла свой вклад, направив их на путь колдовства.

А Пол увековечил это различие.

Преподобные Матери, заключенные в Алии, беспокойно шевелились, внушая ей: «Спокойно, малышка! У тебя есть компенсация».

«Компенсация!»

Жестом она подозвала гхолу.

Тот подошел и остановился около нее, внимательный и терпеливый.

— Что ты видишь в этом? — спросила она.

— Мы, возможно, никогда не узнаем, кем была умершая, — сказал он. — Голова, зубы исчезли. Руки... Маловероятно, чтобы сохранилась ее генетическая запись, с которой можно было бы сравнить клетки.

— Яд тлейлаксу, — сказала она. — Что ты об этом думаешь?

— Многие пользуются этим ядом.

— Верно. И это тело слишком разложилось, чтобы его можно было восстановить, как твое.

— Даже если доверить это дело тлейлаксу, — добавил он.

Она кивнула и встала.

— Отвезешь меня в город.

Когда они были в воздухе и направились на север, она сказала:

— Ты управляешь точно так же, как это делал Данкан Айдахо.

Он задумчиво посмотрел на нее.

— Мне уже говорили об этом.

— О чем ты думаешь сейчас?

— О многом.

— Не уклоняйся от вопроса, черт возьми!

— От какого вопроса?

Она вопросительно посмотрела на него в удивлении.

Он встретил ее взгляд и пожал плечами. «Жест Данкан Айдахо», — подумала она. Хрипло и напористо Алиа сказала:

— Я только хотела проверить твою реакцию на голос. Меня беспокоит смерть этой молодой женщины.

— Я думал не об этом.

— О чем же?

— О странном чувстве, которое я испытываю, когда люди говорят о том, кем я мог быть.

— Мог быть?

— Тлейлаксу чертовски умны.

— Не слишком. Ты был Данканом Айдахо.

— Вероятно. Таков их прямой расчет.

— Значит, у тебя есть эмоции?

— В известной мере. Я чувствую нетерпение, беспокойство. Иногда мне приходится сдерживать себя, чтобы не задрожать. У меня бывают ... вспышки воображения.

— Что именно ты видишь?

— Слишком быстро, чтобы распознать. Вспышки... спазмы ... почти воспоминания.

— Тебе интересны такие воспоминания?

— Конечно. Любопытство подталкивает меня вперед, к людям, но я двигаюсь с большой неохотой. Я думаю: «А что, если я не тот, кем они меня считают?» Эта мысль мне не нравится.

— И это все, о чем ты думаешь?

— Вам лучше известно, Алиа.

Как он смеет звать ее по имени! Она чувствовала, как в ней вспыхивает гнев и тут же угасает от звуков его голоса: негромкие полутона, мужская уверенность. Уголок ее рта дернулся, Она стиснула зубы.

— Это не Эль Куде — там, внизу? — спросил он, наклоня крылья, чем вызвал легкую панику в их эскорте.

Она взглянула вниз, на тень их топитера, передвигающуюся по мысу над тропой Харг. Здесь, под утесом и скальной пирамидой покоится череп ее отца.

— Эль Куде — это святое место, — сказала она.

— Мне нужно как-нибудь посетить его, — сказал он. — Поклонение останкам вашего отца может вызвать во мне воспоминания, которые я смогу удержать.

Она неожиданно поняла, как сильна в нем потребность узнать, кто он такой. Это было его главным стремлением. Она оглянулась на скалы, на утес, уходящий своим наклонным основанием в море песка. Красного цвета скалы поднимались из дюн, как корабли, борющиеся с волнами.

— Поверни назад, — сказала она.

— Но эскорт...

— Они последуют за нами, когда мы пролетим под ними.

Он повиновался.

— Ты верно служишь моему брату? — спросила она, когда они легли на новый курс, а эскорт повернул за ними.

— Я служу Атридесам, — ответил он официальным тоном.

Она увидела, как поднялась и опустилась его правая рука — почти как в давнишнем салюте, принятом на Келадане. Лицо его стало задумчивым. Она следила, как он вглядывается вниз, в скальную пирамиду.

— Что тебя беспокоит? — спросила она.

Губы его шевельнулись, голос был хриплый, резкий:

— Он был ... он был ... — по его щекам катились слезы.

Алию охватил благоговейный страх, страх Свободных. Он отдаст воду мертвым! Ритуальным жестом она коснулась пальцем его щеки, ощутила слезы ...

— Данкан ... — прошептала она.

Он не отрывал взгляда от могилы внизу.

Она повторила громче:

— Данкан!

Он покачал головой и посмотрел на нее. Его металлические глаза засверкали.

— Я ... почувствовал ... руку на моем плече, — прошептал он. — Я чувствовал ее. — В горле у него хрипело. — Это был друг .. мой друг ...

— Кто?

— Не знаю. Я думаю ... Я думаю, это был ... Нет, не знаю.

Сигнал вызова вспыхнул перед Алией. Капитан эскорта хотел знать причину возвращения в пустыню. Она взяла микрофон и объяснила, что они вспомнили место захоронения ее отца. Капитан напомнил, что час уже поздний.

— Мы возвращаемся в Арракин, — ответила она и повесила микрофон.

Хейт перевел дыхание и повернул топтер.

— Ты чувствовал руку отца на своем плече? — спросила она.

— Может быть.

Теперь это был голос ментата, подсчитывающего процент вероятности. Она видела, что к нему вернулось самообладание.

— Ты знаешь, откуда у меня воспоминание об отце?

— Представляю.

— Попробую объяснить. — Она вкратце рассказала, как проснулась в сознании еще во чреве матери — ужаснувшийся зародыш, наделенный знаниями бесчисленных жизней, впечатанных в ее нервные клетки, — и все это уже после смерти отца.

— Я знаю отца, как знала его моя мать. Все, до мельчайших подробностей. В некотором смысле я и есть моя мать. У меня все ее воспоминания до того, как она выпила Воду Жизни и впала в транс переселения.

— Ваш брат объяснил мне это.

— Почему?

— Я спросил.

— Но зачем?

— Ментату необходимы данные.

— Ага ... — Она посмотрела вниз, на плоскогорье у Защитной стены, изломанные скалы, пропасти, ущелья.

Он заметил направление ее взгляда и сказал:

— Очень открытое место там, внизу.

— Нет, там легко спрятаться. — Она посмотрела на него. — Оно напоминает мне человеческий мозг с его извилинами.

— Ах-х! — воскликнул он.

— Ах-х? Что значит ах-х? — Она неожиданно рассердилась на него, хотя причина этого была ясна и ей самой.

— Вы бы хотели знать, что скрывает мой мозг, — интонация не вопроса, а утверждения звучала в этих словах.

— Откуда ты знаешь, что я не видела тебя силой своего предвидения?

— А вы видели? — он казался искренне заинтересованным.

— Нет!

— Сибиллы тоже имеют свои пределы, — сказал он.

Казалось, что он забавляется гневом Алии.

— Забавляешься? Ты не уважаешь мой дар? — спросила она. Но даже ей самой вопрос показался неубедительным.

— Я уважаю ваши предназначения и знаки, возможно, больше, чем вы думаете, — сказал он. — Я был на приеме во время вашего утреннего ритуала.

— И что же?

— У вас большие способности к символике, — ответил он, сосредоточив все внимание на приборах топлера. — Это область Бене Гессерит. Но, подобно многим другим колдуньям, вы относитесь к своей власти беспечно.

Она почувствовала приступ страха.

— Как ты смеешь!

— Я смею гораздо больше, чем думают мои создатели, — сказал он. — Из-за этого редкого факта я и остаюсь с вашим братом.

Алия изучала стальные шары, которые служили ему глазами. В них не было человеческого выражения. Капюшон стилсьюта скрывал линии его челюстей. Рот оставался крепко сжатым. Большая сила была в нем ... и определенность. В словах его звучала уверенность: «... смею гораздо больше ...» Так мог сказать Данкан Айдахо. Неужели тлейлаксу создали своего гхолу лучше, чем сами рассчитывали? Или же это просто притворство?

— Объяснись, гхола, — приказала она.

— Познай себя — таков приказ? — спросил он.

И снова она почувствовала, что он забавляется.

— Не играй со мной словами, ты ... ты ... существо! — Она поднесла руку к рукоятке крисножа. — Зачем тебя подарили моему брату?

— Ваш брат сказал мне, что вы следили за представлением посла. Вы уже слышали мой ответ на этот вопрос.

— Отвечай снова — теперь мне.

— Я создан, чтобы уничтожить его.

— Это говорит ментат?

— Вы знали ответ заранее, — поддел ее гхола. — И вы знали также, что такой дар не был необходим. Ваш брат и так уничтожает себя.

Она взвешивала его слова, продолжая держаться за рукоять крисножа. Хитрый ответ, но в голосе звучит и искренность.

— Зачем же тогда дар?

— Возможно, это позабавило тлейлаксу. Но правда и то, что Союз предназначил меня в качестве подарка.

— Зачем?

— Ответ тот же.

— По-твоему, я беззаботно отношусь к своей власти?

— А как вы ее проявляете?

Его вопрос совпал с ее собственными мыслями. Она убрала руку с ножа и спросила:

— Почему ты сказал, что мой брат уничтожает себя?

— О, полно, дитя! Где же ваша хваленая власть? Где ваша способность рассуждать?

Сдерживая гнев, она сказала:

— Рассуждай за меня, ментат.

— Хорошо. — Он оглянулся на эскорт, потом снова занялся приборами. За северным краем Защитной стены показалась равнина Арракина. Пригородные деревья не были видны за завесой пыли, однако отдаленное сияние Арракина можно было рассмотреть.

— Симптомы, — сказал он. — Ваш брат содержит официального панегириста, который ...

— Который был даром Свободных наивов.

— Странный подарок от друзей, — сказал он. — Зачем им окружать его лестью и подхалимством? Вы когда-нибудь вслушивались в слова этого панегириста? «Мир освещен Муад Дибом. Наш Император явился из тьмы, чтобы сиять всем людям. Он наш отец. Он драгоценная влага вечного фонтана. Он источает веселье, которое пьет вся Вселенная!» Тьфу!

Алия негромко заметила:

— Стоит мне передать твои слова эскورتу, и тебя рассекут на мелкие кусочки.

— Так скажите им!

— Мой брат правит по естественному закону Неба!

— Вы сами в это не верите.

— Откуда ты знаешь, что я не верю?

Никакие приемы не могли сдержать ее дрожь. Такое воздействие гхоль она не предвидела.

— Вы приказали мне рассуждать, как ментату, — напомнил он.

— Ни один ментат не знает, во что я верю! — Она сделала два глубоких, прерывистых вдоха. — Как ты смеешь судить нас?

— Судить вас? Даже и не думал.

— Ты не представляешь себе, как нас учили!

— Вас обоих учили управлять, — сказал он. — В вас вырабатывали всепоглощающую жажду власти. Вы постигали науку политических интриг и ведения войн. Вас научили соблюдать ритуалы. Естественный закон? Этот миф населяет всю человеческую историю. Это призрак. Он не является субстанцией. Разве ваш джихад — естественный закон?

— Ментатская болтовня, — усмехнулась она.

— Я слуга Атридесов и говорю искренне.

— У нас нет слуг, только приверженцы.

— Я приверженец сознания, — сказал он. — Поймите, дитя, и вы ...

— Не смейте называть меня ребенком! — выпалила она и наполовину вытащила клинок из ножен.

— Поправка принята. — Он взглянул на нее, улыбнулся и снова занялся приборами топтера. Теперь важно было различить крепость Атридесов, возвышавшуюся, подобно утесу, в северной части Арракина. — Вы — нечто древнее в теле ребенка, — сказал он. — И тело это превращается в тело женщины.

— Сама не знаю, почему я тебя слушаю, — проворчала она, но выпустила рукоятку крисножа и вытерла ладонь о платье. Влажная, потная ладонь возмутила ее чувство Свободной — чувство бережливости. Какая потеря влаги тела!

— Вы слушаете, потому что знаете: я предан вашему брату, — сказал он. — Мои действия ясны, их легко понять.

— Ничто в тебе не ясно и не понятно. Ты самое загадочное создание из всех виденных мною. Откуда мне знать, что вложили в тебя тлейлак-су?

— По ошибке, а может, и намеренно, — ответил он, — они наделили меня способностью формировать себя.

— Мудрый человек формирует себя, глупый живет лишь для смерти, — сказала она, подражая его интонации. — Поклонник сознания!

— Люди не могут отделить средства обучения от его результата.

— Ты говоришь загадками!

— Я ничего не скрываю.

— Я передам все это Полу.

— Большую часть этого он уже слышал.

Она почувствовала, как ее переполняет любопытство.

— Почему же тогда ты до сих пор жив и ... даже на свободе? Что он тебе сказал?

— Он рассмеялся и сказал: «Людам не нужен Император-бухгалтер, им нужен хозяин, кто-нибудь, кто мог бы защитить их от перемен». Но он согласился с тем, что разрушение его Империи исходит от него самого.

— Почему он так сказал?

— Потому что убедился, что я понимаю его проблемы и хочу ему помочь.

— А что ты сказал, чтобы он это понял?

Он молчал, разворачивая топтер для посадки на хорошо охраняемую площадку башни.

— Я требую ответа на мой вопрос!

— Я не уверен, что вы примете это.

— Об этом буду судить я! Приказываю тебе говорить!

— Позвольте мне сначала приземлиться, — сказал он. И не дожидаясь ее разрешения, мягко посадил топтер на оранжевую полосу на крыше башни.

— Теперь говори! — потребовала Алия.

— Я сказал ему, что выносить самого себя, возможно, самая трудная задача во Вселенной.

Она покачала головой:

— Это ... это ...

— Горькая пилюля, — подсказал он нужное слово, наблюдая, как бегут к ним по крыше охранники, принимая на себя задачи эскорта.

— Горькая чепуха!

— Самый знатный и самый ничтожный мучаются одними и теми же проблемами. И нельзя нанять ментата, чтобы он решил их за тебя. Тут нельзя получить предписание, нельзя позвать свидетелей, чтобы получить ответ. Ни слуги, ни приверженцы не перевяжут эту рану. Пока ты не перевяжешь ее сам, она будет кровоточить.

Алия отвернулась от него и тут же поняла, что выдала этим свои чувства. Без власти Голоса, без колдовства он еще раз добрался до самых глубин ее души. Как ему это удалось?

— И что же ты посоветовал ему? — прошептала она.

— Рассуждать и устанавливать порядок.

Алия посмотрела на ожидающих в стороне охранников.

— И насаждать справедливость, — присовокупила она.

— Вовсе нет! — возразил он. — Я предложил, чтобы он рассуждал, руководствуясь одним-единственным принципом.

— И этот принцип?

— Беречь друзей и уничтожать врагов.

— Значит, судить не по справедливости?

— Что такое правосудие? Сталкиваются две силы. У каждой есть право в своей собственной сфере. Он не может предотвратить эти столкновения, он может лишь разрешить их.

— Как?

— Очень просто.

— Сохраняя друзей и уничтожая врагов?

— Разве это не служит стабильности? Людям нужен порядок, какой угодно но порядок. Они голодают и видят, что война стала спортом богатых. Это опасная форма рассуждений. Она нарушает стабильность.

— Что же, я скажу брату, что ты рассуждаешь слишком опасно и что тебя надо уничтожить, — сказала она, оборачиваясь к нему.

— Я уже предлагал ему это.

— Потому ты и опасен, что овладел своими страстями, — сказала она, справившись с собой.

— Я опасен вовсе не потому, — и прежде, чем она смогла пошевелиться, он наклонился, взял рукой ее подбородок и припал губами к ее губам.

Это был короткий и нежный поцелуй. Он отодвинулся, а она продолжала сидеть будто в шоке, замечая сдержанные улыбки на лицах охранников, которые неподвижно стояли снаружи.

Алия поднесла палец к губам. Какое знакомое ощущение в этом поцелуе! Его губы — плоть будущего, которое она видела кратчайшим путем предвидения. Грудь ее вздымалась. Она сказала:

— Мне следовало приказать, чтобы с тебя содрали кожу.

— Потому что я опасен?

— Потому что ты слишком много себе позволяешь!

— Я не беру ничего, что ранее не было бы мне предложено. Радуйтесь, что я не взял все. — Он открыл дверцу и выбрался наружу. — Выходите, мы и так слишком долго занимались пустяками. — Он пошел к выходу.

Алия выпрыгнула следом и побежала рядом с ним.

— Я расскажу ему все, что ты говорил и делал, — сказала она.

— Хорошо, — гхола открыл перед ней дверь купола.

— Он прикажет тебя казнить, — сказала она, проскальзывая в дверь.

— Почему? Из-за поцелуя? — Он вошел за ней. Дверь закрылась. — Поцелуй, которого я хотел?

— Поцелуй, которого ты хотел? — Ее переполнял гнев.

— Ладно, Алия. Поцелуй, которого мы хотели. — И он пошел впереди.

Его движение будто пробудило в ней предельно ясное сознание, и она поняла его искренность, его предельную правдивость. «Поцелуй, которого я хотела, — подумала она. — Это правда».

— Твоя правдивость, вот что опасно, — сказала она, идя следом за ним.

— Вы возвращаетесь на путь мудрости, — заметил он, не замедляя шага. — Ментат не мог бы дать более прямого ответа. А теперь: что вы видели в пустыне?

Она схватила его за руку и заставила остановиться. Он снова сделал это — привел ее мозг в состояние обостренного сознания.

— Я не могу этого объяснить, — ответила она, — но почему-то я все время думаю о лицевых танцорах. Почему?

— Именно за этим ваш брат и послал вас в пустыню, — сказал он. — Расскажите ему об этом.

— Но почему? — она посмотрела на него в упор. — Почему лицевые танцоры?

— Там мертвая женщина, — ответил он. — Но у Свободных не падала ни одна молодая женщина.

Глава 10

Пол принял большую дозу спайса и полностью погрузился в его кричащий запах, глядя внутрь себя в оракульском трансе. Он видел, как луна превратилась в продолговатую сферу и начала раскачиваться с ужасным воем и свистом. Внезапно она покатила вниз, точно мяч, брошенный рукой ребенка... Вниз ... Вниз ... С яростным шипением, с каким раскаленная звезда погружается в бескрайнее море.

Луна исчезла.

Не зашла, а именно исчезла, ее больше не было. Земля тряслась, как змея, сбрасывающая с себя старую кожу. Ужас прокатился по ней.

Он рывком сел, глядя перед собой широко раскрытыми глазами. Часть его сознания была обращена внутрь, часть — наружу. Снаружи он видел решетку вентилятора своей спальни и знал, что находится в своей крепости. Внутренним зрением он продолжал видеть, как падает луна.

Наружу! Скорее наружу!

Решетка выходила в сверкающий свет полудня над Арракином. Внутри же была черная ночь. Сладкие запахи, поднимающиеся из сада, доносились до его ноздрей, но ни один запах не мог вернуть ему эту падающую луну.

Пол опустил ноги на холодную поверхность пола и посмотрел наружу через решетку. Прямо перед собой он видел арку пешеходного мостика, сделанного из кристаллически стабилизированного золота и платины. Огненные жемчужины с далекого Седона украшали мостик. Он вел к галереям внутреннего города через бассейн и фонтаны, полные водяных цветов. С мостика, Пол это знал, можно заглянуть в их лепестки, чистые и алые, как свежая кровь.

Глаза его приспособились к этой картине, не выходя из спайсового рабства.

Ужасная картина падающей луны.

Эта картина предвещала чудовищную боль угрожала его личной безопасности. Возможно, он видел падение цивилизации, рухнувшей под напором его собственных амбиций.

Луна ... луна ... падающая луна.

Пришлось принять большую дозу спайса, чтобы преодолеть туман, напущенный таротом. А увидел он лишь падающую луну и ненавистный путь, который знал заранее. Чтобы положить конец джихаду, покончить с этим вулканом крови, он должен признать свою несостоятельность.

Освобождайся ... освобождайся ... освобождайся ...

Запах цветов из сада напомнил ему о Чани. Он тосковал по ее объятиям, объятиям любви, забытья. Но даже Чани не может прогнать это видение. Что скажет Чани, если он заявит ей, что видит смерть? Зная, что это неизбежно, почему бы не избрать аристократическую смерть? Закончить жизнь пышной церемонией, растратить впустую оставшееся время? Умереть прежде, чем иссякнет воля к власти, разве это не аристократический выбор?

Он встал, подошел к отверстию в решетке и вышел на балкон, окутанный цветами и лианами. Но во рту у него была сухость пустыни.

Луна ... луна ... что это за Луна?

Он вспомнил о словах Алии, о теле молодой женщины, найденном в пустыне. Свободная, пристрастившаяся к семуте. Все укладывалось в ненавистный рисунок.

«Никто ничего не может взять от этой Вселенной,— подумал он.— Она сама дает, что захочет».

На низком столике у балконных перил лежала морская раковина с матери-Земли. Он взял ее в руки и постарался перенестись назад во времени. Перламутровая поверхность отражала сверкающие лучи солнечного света. Он оторвал взгляд от раковины и посмотрел на небо, где

попыхал гигантский пожар. На серебре небесной полусферы повисла неяркая радуга.

«Мои Свободные называют себя детьми луны», — подумал он.

Положив раковину на место, Пол принялся расхаживать по балкону. Есть ли в этой леденящей кровь картине падающей луны надежда на спасение? Ответ он искал в мистическом общении. Спайс, однако, изнурил его, отняв последние силы.

Взглянув вниз, он увидел приземистые правительственные здания, пешеходные дорожки на крышах. По ним двигались люди, похожие на фигурки настенного фриза, повторявшие рисунок, выложенный керамической плиткой. Сами люди были плиткой! Поморгав, он смог удержать их застывшими в своем разуме. Фриз не упал!

Луна упала и исчезла ...

У него появилось такое чувство, что город, лежащий там, внизу, превратился в некий странный символ его Вселенной. Здания, которые он видел, воздвигнуты на равнине, где его Свободные одержали победу над легионами сардукаров. Земля, на которой некогда гремела битва, теперь была отдана бизнесу.

Держась наружного края балкона, Пол завернул за угол. Теперь перед ним находился пригород, дома которого терялись в скалах и подвижных песках пустыни. На заднем плане доминировал храм Алии: на зеленых и черных полотнищах, покрывавших его двухтысячестровые стены, виднелся символ луны — символ Муад Диб.

Падающая луна...

Пол провел рукой по лбу и глазам. Это символ угнетал его. Он презирал себя за свои мысли. Такие колебания в любом другом вызвали бы его гнев.

Он ненавидел свой город!

Ненависть, проистекающая из скуки, гнездилась глубоко внутри него, питаемая решением, которого нельзя было избежать. Он знал, какой тропой идти. Он много раз видел ее. Видел ее! Когда-то давно он возомнил себя создателем нового государства. Но все осталось по-старому, точно огромное сооружение с эластичной памятью: можно придать ему любую форму, но стоит лишь на мгновение ослабить давление, и оно принимает первоначальный вид. Силы, которые были вне пределов его досягаемости, силы, действовавшие в людях, нанесли ему поражение.

Пол смотрел на крыши домов. Какие сокровища новой жизни таятся под ними? Среди красных и золотых крыш виднелись участки зеленой растительности. Зелень — дар Муад Диб и его воды. Он видел сады и роши — открытые участки растительности, соперничающие с легендарным Ливаном.

«Муад Диб тратит воду, как безумный», — говорили Свободные.

Пол закрыл лицо руками.

Луна упала...

Он опустил руки, прояснившимся взглядом посмотрел на свою столицу. Она носила отпечаток чудовищного имперского варварства. Здания стояли под солнцем невероятно большие и яркие. Колоссы! Самые экстравагантные стили, какие только могла произвести необузданная фантазия, лежали перед ним: террасы в пропорциях горного плато, площади размером с город, шпили, вздымающиеся, точно скалистые пики, окультуренные под парки участки дикой пустыни, необозримые в своей бесконечности.

Образцы искусства соседствовали с невообразимой безвкусицей. Отдельные детали вновь поразили его: столб из древнего Багдада, купола, придуманные в мифологическом Дамаске, арка из Атара, мира с низкой гравитацией, гармонические подъемы и хаотические спуски. И все это должно было создавать впечатление необыкновенного величия.

Луна! Луна! Луна!

Его охватило раздражение. Он чувствовал давление массового сознания, огромной человеческой Вселенной. Человечество устремилось на него с силой гигантской приливной волны. Он видел человеческие потоки и течения, вихри, движения тел. Никакие дамбы воздержания, никакие захваты власти, никакие проклятия не могли удержать эти течения.

В этом гигантском движении джихада Муад Диб был не больше, чем миг. Орден Бене Гессерит с его поиском генных образцов так же терялся в этом потоке, как и он сам. Видение падающей луны нужно сравнивать с другими легендами, другими видениями вселенной, в которой кажущиеся вечными звезды слабеют, мигают, умирают.

Что значит одна-единственная луна для такой Вселенной?

Глубоко внутри крепости, так глубоко, что звук временами терялся в потоке городских звуков и шумов, послышалась песня джихада, сохранившаяся на Арракисе:

Ее бедра — дюны, нанесенные ветром,
Глаза ее сияют, как летний полдень.
Две пряди волос ниспадают на грудь,
Две пряди с вплетенными водными кольцами.
Мои руки помнят ее кожу,
Ароматную, как амбра, пахнувшую цветами.
Глаза дрожат от воспоминаний...
Я охвачен белым пламенем любви!

Песня неприятно поразила его. Мелодия для глупцов, погрязших в сентиментальности! Песня-наркотик для трупа, которого видела Алия. В тени у решетки показалась фигура. Пол повернулся.

На солнечный свет вышел гхола. Его металлические глаза сверкали.

— Это Данкан Айдахо или существо по имени Хейт? — спросил Пол.

Гхола остановился в двух шагах от него.

— Что предпочитает милорд? — голос негромко предупреждал об осторожности.

— Игры Дзэнсунни! — с горечью произнес Пол. — Значение внутри значения. Что может сказать философ Дзэнсунни? Может ли он хоть на йоту изменить предстоящую реальность?

— Милорд обеспокоен?

Пол отвернулся, посмотрел на отдаленную Защитную стену, увидел вырезанные ветром арки и бастионы — то ли это причудливая имитация города, то ли город мимикрирует под окружающую местность. Но скорее природа забавляется над человеком: смотри, что я могу соорудить! Он узнал щель в отдаленном массиве, место, где песок сочился из расселины, и подумал: «Здесь! Именно тут мы разбили сардукаров!»

— Что беспокоит милорда? — снова спросил гхола.

— Видение, — прошептал Пол.

— А-а! Когда тлейлаксу впервые разбудили меня, у меня тоже были видения. Я был беспокоен, одинок ... не зная, что я одинок ... Мои видения ничего не открыли мне. Тлейлаксу объяснили, что это — влияние плоти, которым страдают и люди, и гхолы; болезнь, не больше.

— Данкан ... Данкан... — прошептал Пол.

— Меня зовут Хейт.

— Я видел, как упала луна, — сказал Пол. — Она исчезла, пропала. Я слышал громкий свист ... Земля дрожала ...

— Вы слишком много выпили времени, — ответил гхола.

— Я спрашивал Дзэнсунни, а получил ответ ментата, — сказал Пол. — Хорошо, пропусти мое видение через твою логику, ментат. Проанализируй его и облеку в простые слова, пригодные для погребения.

— Действительно, для погребения, — согласился гхола. — Вы убегаете от смерти. Вы торопите следующее мгновение, отказываясь жить в настоящем. Предсказания! Что за костыль для Императора!

Пол, как зачарованный, смотрел на хорошо знакомую ему ямочку на подбородке гхолы.

— Пытаюсь жить в будущем, — продолжал гхола, — даете ли вы материю этому будущему? Делаете ли вы его реальным?

— Если я пойду путем моего видения, я буду жив, — пробормотал Пол. — Почему вы думаете, что я хочу жить здесь?

Гхола пожал плечами:

— Вы просили ответ.

— Каков же окончательный ответ? Ведь каждый неокончательный влечет за собой новый вопрос?

— Вы проглотили слишком много времени, у вас появилась иллюзия бессмертия, — сказал гхола. — Даже ваша Империя, милорд, живет во времени и во времени умрет.

— Не возжигай передо мной дымящиеся курильницы, — проворчал Пол. — Я слышал достаточно рассказов о богах и мессиях. Зачем мне какие-то особые способности, чтобы предвидеть разрушение собственной Империи, подобно всем остальным? Это может сделать самый ничтожный слуга у меня на кухне. — Он покачал головой. — Луна упала!

— Ваш мозг все еще нуждается в отдыхе, — сказал гхола.

— Так ты уничтожишь меня? — спросил Пол. — Помещаешь мне собрать мысли?

— Кто может собрать хаос? Мы, Дзэнсунни, говорим: «Не нужно собирать то, что собрано». Что вы можете собрать, не собрав первоначально самого себя?

— Меня разрывает на части мое видение, а ты несешь чепуху! — рассердился Пол. — Что ты знаешь о предвидении?

— Я видел оракулов, — просто ответил гхола. — Видел тех, кто ищет знаки и предзнаменования собственной судьбы. Они боятся того, что ищут.

— Моя падающая луна реальна, — прошептал Пол. Он сделал прерывистый вдох. — И она движется, движется ...

— Люди часто боятся того, что движется само по себе, — сказал гхола. — Вы боитесь собственной силы. Картины приходят к вам в голову ниоткуда. Вы хоть раз задумывались над тем, откуда они приходят?

— Ты утешаешь меня шипами, — проворчал Пол.

Лицо гхолы осветилось изнутри. На мгновение он стал прежним Данканом Айдахо.

— Я дал вам то утешение, какое мог, — сказал он.

Пол задумался над этим мгновенным превращением. Неужели гхола испытал чувство грусти, которое его, Пола, мозг отверг? Неужели он отбросил собственное видение?

— У моей луны есть имя, — прошептал Пол.

И снова перед ним потекли видения. Все его существо кричало, но сам он не издал ни звука. Он боялся говорить, боялся, что голос выдаст его. Ужасное будущее без Чани! Тело, кричавшее в экстазе, глаза, обжигавшие его желанием, голос, никогда не говоривший ему лжи, — все исчезло, ушло в воду и песок.

Пол медленно повернулся и взглянул на площадь перед храмом Алии. Три пилигрима входили в него. На них были угрюмые желтые одежды, они шли торопливо, наклонив головы. Один хромал на левую ногу. Завернув за угол, они исчезли из виду.

Исчезли, как исчезает луна. Видение по-прежнему лежало перед ним. Его ужасная цель не позволяла ему сделать выбор.

«Плоть сдается, — подумал он. — Вечность берет свое. Наши тела робко колеблют воды вечности, дрожат от любви, мыслят, затем подчиняются вечности. Что можно сказать об этом? Я пойман, да, я пойман ...»

Глава 11

«Одно неверно принятое решение может повлечь за собой смерть», — напомнила себе Преподобная Мать Гаиус Хэлен Моахим.

Она ковыляла, внешне беспечно, в кольце охранников-Свободных. Она знала, что один из них глухонемой, не поддающийся Голосу. Несомненно, ему велено убить ее при малейшей попытке провокации.

Зачем Пол вызвал ее? Чтобы вынести приговор? Она вспомнила, как когда-то, давным-давно, испытывала его ... ребенка, Квизац Хадераха.

Будь проклята его мать во веки веков! Ее вина, что Бсне Гессерит утратили эту генную линию.

Молчание окружало Преподобную Мать и ее стражу. Она чувствовала, как бегут перед нею слова-приказы. Пол услышит молчание еще до ее прихода. Он узнает о ее приближении еще до того, как о ней объявят. Она не обманывалась насчет сил, окружающих ее.

Будь он проклят!

Она сожалела о годах, тяжестью лежащих на плечах, — больные суставы, замедленная реакция, мускулы не такие эластичные, как в молодости. Долгий путь лежит за ее спиной и долгая жизнь. Она провела этот день с таротом Дюны в бесплодных поисках ключа к собственной судьбе. Но карты давали уклончивый ответ.

Охранники провели ее еще в один из казавшихся бесконечными коридоров. Треугольные окна из метастекла снова давали возможность взглянуть на шпалеры лоз и цветы в тени полуденного солнца. Под ногами на керамических плитках — изображения водных животных с экзотическими планет. Напоминание о воде повсюду. Богатство ... роскошь ...

Фигуры в капюшонах проходили мимо, искоса бросая взгляды на Преподобную Мать. И их напряжение свидетельствовало, что они узнавали ее.

Она внимательно приглядывалась к идущему впереди охраннику — юное тело; розовые складки над воротником мундира.

Гигантские размеры цитадели начинали угнетать ее. Коридоры ... коридоры ... Они миновали открытую дверь, откуда доносились негромкие звуки тамбурина и флейты, наигрывавших старинную мелодию. Мелькнули синие в синем глаза Свободного. В них ей почудилось движение легендарных древних генов.

Она сразу почувствовала груз, который взвалила на себя. Ни на минуту Бене Гессерит не может забыть о генах и их возможностях. Она ощутила чувство утраты — этот упрямый глупец Атридес! Потерять такую драгоценность, как Квизац Хадерах! Рожденный преждевременно, правда, но все равно реальный — реальный, как и эта его отвратительная сестра... в ней кроется неизвестная опасность. Дикая Преподобная Мать, родившаяся без вмешательства Бене Гессерит, не заботящаяся о нужной ордену генной линии. Она, несомненно, обладает способностями брата, а может, и большими.

Размеры крепости действовали на нее все более угнетающе. Неужели эти переходы никогда не кончатся? Все дышало ужасающей физической мощью. Ни одна планета, ни одна цивилизация во всей человеческой Вселенной не видели такого созданного человеком могущества. Дюжина древних городов могла укрыться в этих стенах.

Они миновали овальную дверь с мигающими огнями. Она узнала иксианскую работу — вход в транспортную пневматическую систему. Почему же тогда ей пришлось пройти пешком такое расстояние? В голове у нее уже созрел ответ: чтобы поразить ее воображение перед аудиенцией у Императора.

Ничтожная ниточка, но она увязывалась в ее сознании с другими, еще более ничтожными: выбор слов ее стражниками, намек на почтительность в их глазах, когда они называли ее Преподобной Матерью, холодные, пустынные, лишенные запахов залы на пути их следования — все сливалось в нечто единое, что могла истолковать Бене Гессерит совершенно однозначно.

Полу что-то нужно от нее!

Она подавила вздох облегчения. Все же существует возможность поторговаться! Нужно только определить природу этой силы, испытать ее. Иногда при этом получаются результаты более грандиозные, чем эта цитадель. Бывало, что одно лишь прикосновение пальца опрокидывало целые цивилизации.

Преподобная Мать вспомнила, как оценил ее Скайтейл: «Когда такое существо доходит до определенной стадии, оно скорее умрет, чем разовьется в свою противоположность».

Коридоры, по которым она шла в сопровождении охраны, становились все шире. Использование арок, постепенное утолщение опор, поддерживающих своды, глубокие выемки вокруг треугольных окон — все должно было создать впечатление грандиозности. И вот перед ней двойные двери, возвышающиеся в конце высокой приемной. Она поняла, что двери действительно огромны, и усилием воли сдержала удивленный взглас, оценив их истинную величину. Высота их достигала восьмидесяти метров, ширина — вдвое меньше.

Когда она в сопровождении охраны приблизилась, двери распахнулись внутрь будто бы сами собой: действие скрытого механизма. Она

вновь узнала иксианскую работу. Сквозь гигантскую дверь Преподобная Мать прошла в большой приемный зал Императора Пола Атридеса — Муад Дибба, «перед которым все люди карлики». Теперь она воочию видела воплощение этого популярного изречения.

Приближаясь к сидевшему на троне Полу, Преподобная Мать чувствовала, как подавляет ее грандиозность помещения, его архитектурные детали. Зал был огромен: в нем могла бы поместиться целая крепость какого-нибудь правителя древности. Было видно, что это помещение построено с тщательным расчетом. Формы и поддерживающие балки за этими стенами, далекий, уходящий ввысь купол превосходили любые постройки, возведенные когда-либо ранее. Все говорило об инженерном гении.

К концу зал незаметно уменьшался, для того чтобы Император не выглядел на своем троне карликом. Скорее, эффект был противоположным. Нетренированное сознание новичка, пораженное пропорциями окружающего, воспринимает Императора намного большим, чем он был на самом деле. Цвета обрушивались на незащищенную душу: зеленый трон Пола был высечен из единого куска хагартского изумруда, который символизировал развитие жизни. В то же время, в мифах Свободных зеленый — цвет траура. Тот, кто сидит на этом троне, может заставить вас плакать, он сочетает жизнь и смерть в едином смысле. Такое искусное соединение противоположностей оказывало сильное психологическое воздействие на посетителей. За тронем висели занавеси, горящие золотом и оранжевым — цветами, олицетворяющими пески Дюны, с коричневыми вкраплениями — цвет спайса. Для тренированного глаза символизм был очевиден, но на непосвященных он обрушивался, как удар молнии.

Время играло здесь свою роль.

Преподобная Мать рассчитала, сколько времени ей понадобится, чтобы доковылять до трона. Чтобы подавить личность, нужно время. А попытка сопротивления будет подавлена необузданными силами и большими расстояниями. Начиная долгий путь к трону человеком, полным достоинства, вы заканчивали его мошкой.

Помощники и адъютанты располагались вокруг Императора в определенном порядке — внимательные телохранители у обтянутых черным стен. Эта мерзость, Алиа, стояла на две ступени ниже Пола и слева от него. Стилгар, императорский лакей, находился на ступень ниже Алиа, прямо под ней, а справа, на нижней ступени, виднелась могучая фигура гхола — плотские остатки Данкана Айдахо. Среди охранников Преподобная Мать заметила ветеранов Свободных, бородатых наибов с рубцами от стилсбютов на носу, с крисножами в ножнах, прикрепленных к поясам, некоторые даже с ласганами. «Должно быть, это доверенные люди, — подумала она, — раз им позволили держать ласганы в присутствии Пола, конечно же, окруженного персональным силовым полем». Она издали видела его мерцание. Но

достаточно одного луча ласгана, и вместо крепости появится гигантский кратер.

Ее стражники остановились в десяти шагах от помоста и расступились, открывая вид на Императора. Преподобную Мать удивило отсутствие Чани и Ирулэн. Говорят, без них не обходится ни одна важная аудиенция.

Пол, выжидающий, молчаливый, кивнул ей.

Она решила обороняться и сказала:

— Итак, великий Пол Атридес решил взглянуть на того, кого он изгнал?

Пол сухо улыбнулся, думая: «Она знает, что я от нее чего-то хочу. Это неизбежно, поскольку она та, кто она есть». Он знал, что она сильна. Бене Гессерит не может стать Преподобной Матерью по воле случая.

— Может, не будем обмениваться колкостями? — спросил Пол.

«Неужели все так просто?» — подумала она, но вслух сказала:

— Назовите, что вам от меня нужно.

Стилгар шевельнулся и бросил быстрый взгляд на Пола. Императорскому лакею не понравился ее тон.

— Стилгар хочет, чтобы я отослал вас, — сказал Пол.

— А может, он просто хочет убить меня? — спросила она. — Я ожидала более прямого высказывания от Свободного-наиба.

Стилгар нахмурился и сказал:

— Мне часто приходится говорить не то, что я думаю. Это называется дипломатией.

— Тогда давайте откажемся от дипломатии, — предложила она. — Разве так уж необходимо мне было идти пешком? Я старая женщина.

— Нужно было показать вам, каким бессердечным я могу быть, — сказал Пол. — Так вы лучше оцените великодушие.

— Вы смеее использовать такие приемы с Бене Гессерит?

— В великих деяниях заключен особый смысл, — ответил Пол.

Она колебалась, взвешивая его слова.

— Говорите, что вам нужно от меня, — пробормотала она.

Алия взглянула на брата и кивнула в сторону занавесей за тронем. Она знала, чего добивается Пол, но ей это не нравилось. Можно назвать это диким пророчеством: она не желала принимать участие в этих торгах.

— Поосторожнее со мной, Императором, старуха, — сказал Пол.

«Он назвал меня старухой тогда, будучи ребенком, — вспомнила Преподобная Мать. — Он напоминает о моей роли в прошлом? Я тогда приняла решение. Должна ли я отступить от него сегодня?» Она чувствовала ответственность момента, ноги ее дрожали. Мышцы кричали об усталости.

— Путь был долг, — сказал Пол, — и я вижу, вы устали. Перейдем в мою комнату за тронем. Там вы сможете сесть. — Он сделал знак Стилгару и встал.

Стилгар и гхола подошли к ней и помогли подняться по ступеням. Вслед за Полом все прошли в проход между занавесями. Она поняла, почему ее принимали в Большом зале, зрелище было рассчитано на стражей и наивов. Значит, он их опасается. А сейчас — сейчас он проявляет благорасположение к Бене Гессерит. Она почувствовала чье-то присутствие сзади и, оглянувшись, увидела Алию. Глаза молодой женщины блестели так зловеще, что Преподобная Мать содрогнулась.

Комната за тронем в конце коридора оказалась двадцатиметровым кубом из пласта, с желтыми глоуглобами и оранжевыми занавесями пустынных тентов по стенам. В ней находился диван с маленькими подушками. На низком столике стояли хрустальные сосуды с водой. Чувствовался слабый запах меланжа. После огромного зала комната казалась крохотной.

Пол усадил ее на диван и встал перед ней, изучая древнее лицо — стальные зубы, глаза, прячущие больше, чем открывающие, кожа с глубокими морщинами. Он знаком указал на сосуд с водой. Она отрицательно покачала головой, при этом у нее выбился клоч седых волос.

Пол негромко сказал:

— Я буду торговаться с вами за жизнь моей любимой.

Стилгар прокашлялся.

Алия нащупала рукоять крисножа, висевшего у нее на поясе.

Гхола с непроницаемым лицом, с металлическими глазами, устремленными в пространство над головой Преподобной Матери, остался у двери.

— У вас было видение о моем участии в покушении на ее жизнь? — спросила Преподобная Мать. Она по-прежнему следила за гхойлой, странно встревоженная им. Почему она чувствует угрозу с его стороны? Ведь он — орудие заговора.

— Я знаю, чего вы хотите от меня, — сказал Пол, оставив без ответа ее вопрос.

«Значит, он только подозревает», — подумала Преподобная Мать. Она взглянула вниз, на концы своих туфель, видных из-под края черного платья. Туфли и платье несли на себе следы заключения: грязные, мятые. Она оживилась, но скрыла свою заинтересованность за сжатыми губами и полужакрытыми глазами.

— Какую цену вы предлагаете? — спросила она.

— Вы можете получить мое семя, но не меня самого, — сказал Пол. — Ирулэн будет изгнана и оплодотворена искусственным путем.

Оцепенев, Преподобная Мать потом взорвалась:

— Вы не посмаете!

Стилгар сделал шаг вперед.

Гхола беззаботно улыбнулся.

Алия внимательно посмотрела на него.

— Не будем обсуждать запреты вашего ордена,— сказал Пол.— Я не желаю слушать разглагольствования о грехе, мерзости или верованиях, оставшихся со времени прошлого джихада. Для своих планов вы можете получить мое семя, но ребенок Ирулэн не будет сидеть на моем троне.

— Ваш трон? — усмехнулась она.

— Мой трон!

— Кто же даст Императору наследника?

— Чани.

— Она бесплодна.

— Она ждет ребенка.

Невольный прерывистый вздох показал, как она потрясена.

— Вы лжете! — выпалила она.

Пол предостерегающе поднял руку, когда Стилгар шагнул вперед.

— Мы уже два дня знаем, что она носит моего ребенка...

— Но Ирулэн...

— Только искусственным способом. Таково мое предложение.

Преподобная Мать закрыла глаза, чтобы не видеть его лица. Проклятие! Бросить ордену генетическую кость таким постыдным образом! Ее переполняло отвращение. Учение Бене Гессерит, уроки Бутлерианского Джихада — все запрещало такое действие. Никто не смеет унижать высочайшее деяние человека. Ни одна машина не может функционировать, как человеческий мозг. Ни словом, ни делом нельзя допустить, чтобы человек рождался на уровне животного.

— Ваше решение? — спросил Пол.

Она покачала головой. Гены, драгоценные гены Атридесов, только они важны. Потребность сильнее, чем запрет. Для ордена сей брак означает нечто большее, чем сперма и яйцеклетки. Он нацелен на душу.

До Преподобной Матери теперь дошел смысл предложения Пола. Он заставит Бене Гессерит действовать так, чтобы вызвать гнев населения ... если это откроется. И если Император откажется от отцовства, они не смогут ничего доказать. Такой ценой будут спасены гены Атридесов, но никогда не будет приобретен его трон.

Она обвела комнату пытливым взглядом, изучая лица: Стилгар, теперь пассивный и выжидающий, гхола, застывший в каком-то внутреннем оцепенении, Алиа, следящая за гхой ... и Пол — сгусток гнева под легким покровом сдержанности.

— Это ваше единственное предложение? — спросила она.

— Да.

Она взглянула на гхолу, уловив мгновенное движение мышц его тела. Гхола может чувствовать?

— Ты, гхола,— сказала она.— Должно ли быть сделано такое предложение? И, будучи сделанным, должно ли оно быть принято? Выполни для нас функции ментата.

Металлические глаза повернулись к Полу.

— Отвечай, если хочешь, — разрешил тот.

Гхола повернул к Преподобной Матери лицо, светящееся вниманием, снова поразило ее осмысленной улыбкой.

— Любое предложение хорошо настолько, насколько реально то, что от него получают, — сказал он. — Здесь предлагают жизнь за жизнь. Высокий уровень сделки.

Алия отбросила со лба прядь медных волос и спросила:

— А что еще скрывается в этом договоре?

Преподобная Мать избегала смотреть на Алию, но ее слова горели у нее в мозгу. Да, в этом скрыто нечто более глубокое. Конечно, сестра Пола — мерзость, но нельзя не признать, что звание Преподобной Матери она носит заслуженно. Гаиус Хэлен Моахим в это мгновение чувствовала себя не отдельной личностью, но всеми остальными, которые таились в ее памяти. Все они были настороже, все Преподобные Матери, которых она восприняла, становясь жрицей ордена. Алия сейчас находилась в той же позиции.

— Что еще? — спросил гхола. — Приходится удивляться, почему колдуньи Бене Гессерит не использовали методы тлейлаксу.

Гаиус Хэлен Моахим и Преподобные Матери внутри нее содрогнулись. Да, тлейлаксу делают отвратительные вещи. Если опустить барьер перед искусственным осеменением, то следующий шаг, шаг тлейлаксу, — контролируемая мутация.

Пол, наблюдая за игрой чувств вокруг себя, неожиданно почувствовал, что никого не узнает. Он видел только незнакомцев. И даже Алия была чужой.

Алия сказала:

— Если мы пустим гены Атридесов в реку Бене Гессерит, кто знает, каков будет результат?

Гаиус Хэлен Моахим резко повернула голову и встретила взглядом с Алией. На мгновение они как бы слились в одно целое и подумали об одном и том же: «Что лежит за любыми действиями тлейлаксу? Гхола изготовлен тлейлаксу. Не он ли предложил Полу этот план? Будет ли Пол договариваться непосредственно с Бене Гессерит?»

Она оторвала взгляд от Алии, чувствуя себя уязвимой и слабой. «Ловушка для Бене Гессерит, — напомнила она себе, — заключена в заранее данной власти: такая власть предрасполагает к тщеславию и гордости. Но власть обманывает тех, кто ею пользуется. Начинаешь верить, что власть способна преодолеть любую преграду ... включая собственное невежество».

«Только один пункт здесь важен непосредственно для Бене Гессерит, — сказала она себе. — Целая пирамида поколения достигла своей вершины в Поле Атридесе и в этой его мерзкой сестре. Неверный выбор с ее стороны, — и всю пирамиду придется строить заново ... начинать за

много поколений с параллельных линий, скрещивая образцы с нужными характеристиками».

«Контролируемая мутация,— подумала она.— Практикуют ли ее тлейлаксу на самом деле? Какое искушение!» Она покачала головой. Лучше избавиться от таких мыслей.

— Вы отказываетесь от моего предложения? — спросил Пол.

— Я думаю.

И снова она посмотрела на его сестру. Оптимальное скрещивание с женской линией Атридесов утрачено: Фейд-Раус убит Полом. Впрочем, остается другая возможность — она позволяет сохранить нужные характеристики в потомстве. Пол осмелился предложить Бене Гессерит искусственное оплодотворение. Готов ли он на самом деле заплатить за жизнь Чани? Примет ли он скрещивание с собственной сестрой?

Желая выиграть время, Преподобная Мать спросила:

— Скажите мне, о беспорочный образец святого, а что скажет Ирулэн на такое ваше предложение?

— Ирулэн сделает то, что я ей прикажу, — отрезал Пол.

«Да, это так», — подумала Моахим. Она сжала губы и начала новый гамбит.

— Но ведь существует двое потомков Атридесов ...

Пол смутно догадался, к чему она клонит, и кровь бросилась ему в лицо:

— Осторожнее, старуха!

— Вы хотите использовать Ирулэн в своих интересах? — спросила она.

— А разве Ирулэн не готовили к этому? — в свою очередь спросил Пол.

«Он говорит, что обучили ее мы, — подумала Моахим. — Что Ирулэн всего лишь разменная монета. Можно ли истратить ее по-другому?»

— Посадите ли вы ребенка Чани на трон? — спросила она.

— На мой трон, — ответил Пол. Он взглянул на Алию, спрашивая себя, понимает ли она все возможности этого обмена. Алия сидела неподвижно, закрыв глаза. С какой внутренней силой она общается? Увидев сестру такой, Пол почувствовал, что его несет по течению, а она стоит на берегу и удаляется от него.

Преподобная Мать приняла, наконец, решение и сказала:

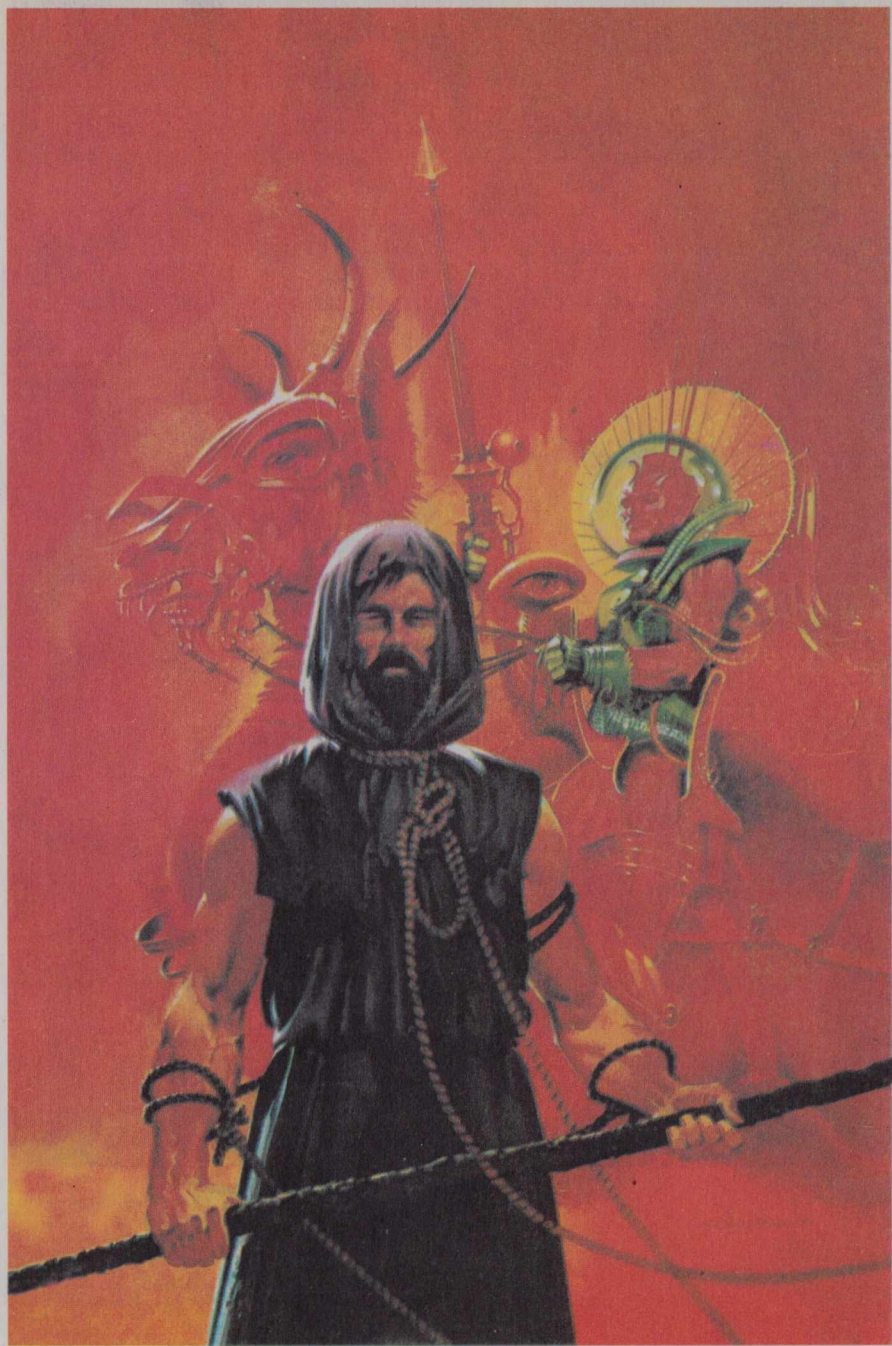
— Этот вопрос не может решать один человек. Я должна связаться со своим Советом на Валлахе. Вы позволите послать туда сообщение?

«Как будто она нуждается в моем позволении!» — подумал Пол.

Вслух он сказал:

— Согласен. Но не откладывайте надолго. Я не буду сидеть сложа руки и ждать, когда вы закончите свое обсуждение.

— Вы будете договариваться с Бене планеты Тлейлакс? — спросил гхола.

Зак. 4552, вклейка

Алия открыла глаза и посмотрела на гхолу, как будто разбуженная опасным вторжением.

— Я еще не принял решения, — сказал Пол. — При первой возможности я отправлюсь в пустыню. Наш ребенок родится в сьетче.

— Мудрое решение, — заметил Стилгар.

Алия избегала смотреть на Стилгара. Она знала, что это неверное решение. Чувствовала каждой своей клеточкой. И Пол наверняка это знал. Почему же он пошел по этой тропе?

— Предлагал ли Бене Тлейлак свои услуги? — спросила она, отметив, с каким нетерпением ждет ответа Моахим.

Пол покачал головой.

— Нет, — он взглянул на Стилгара. — Стил, организуй отправку сообщения на Валлах IX.

— Слушаюсь, милорд.

Пол подождал, пока Стилгар вызовет охрану, и вышел вместе со старухой. Перед уходом она повернулась к гхоле.

— Ментат, — сказала она, — принесут ли тлейлаксу пользу?

Гхола пожал плечами.

Пол почувствовал, что его внимание рассеивается.

«Тлейлаксу? Нет ... не это имела в виду Алия. Но ее вопрос показывает, что она не видела альтернативы ... что ж ... видения бывают разные ... Почему они не могут быть разными у брата и сестры?»

Он очнулся, уловив обрывки разговоров:

— ... должен знать, что тлейлаксу ...

— ... полнота данных всегда ...

— ... иногда необходимо усомниться ...

Пол обернулся, взглянул на сестру и уловил ее взгляд. Он знал, что она увидит на его лице слезы и задумается. Пусть думает, думать — это единственное удовольствие, которое им осталось. Он посмотрел на гхолу и увидел только Данкана Айдахо, несмотря на его металлические глаза. Печаль и сострадание боролись в Поле. Что видят эти металлические глаза?

«Есть много степеней зрения и много степеней слепоты», — подумал Пол. Его мозг перефразировал строку из Оранжевой Католической Библии: «Каких чувств нам не хватает, чтобы увидеть окружающий нас другой мир?»

Видят ли эти металлические глаза другой мир?

Алия подошла к брату, чувствуя его печаль. Благоговейным жестом Свободных она коснулась его щеки, катящихся слез и сказала:

— Не нужно печалиться о мертвых раньше, чем они умерли.

— Раньше, чем они умерли, — повторил он шепотом вслед за ней. — Скажи мне тогда, сестренка, а что такое это «раньше»?

Глава 12

— Вы рискуете, оставив свой пост и придя ко мне в такое время,— сказал Адрик, глядя сквозь стенку своего бака на лицевого танцора.

— Как слаба и ограничена ваша мысль,— ответил Скайтейл.

Адрик колебался, рассматривая громоздкую фигуру, тяжелые веки, тупое лицо. Было еще рано, и обмен веществ Адрика пока не перешел от ночного отдыха к активному дневному потреблению меланжа.

— В этом облиции вы шли по улицам? — спросил Адрик.

— Никто не захочет взглянуть во второй раз на мою сегодняшнюю внешность,— усмехнулся Скайтейл.

«Хамелеон думает, что смена формы спрячет его от всех», — в редком прозрении подумал Адрик. И задумался, действительно ли его участие в заговоре скрывает их от предвидения. Сестра Императора ...

Он покачал головой, всколыхнув оранжевый газ в баке, и спросил:

— Зачем вы здесь?

— Необходимо подтолкнуть гхолу — наш дар — к более быстрым действиям.

— Это невозможно.

— Нужно! — настаивал Скайтейл.

— Почему?

— Мне не нравится обстановка. Император пытается расколоть нас. Он уже начал переговоры с Бене Гессерит.

— А, вот оно что!

— Да, и поэтому нужно подтолкнуть гхолу ...

— Вы его создатели,— сказаал Адрик.— Вы, тлейлаксу, должны знать лучше остальных.— Он помолчал и приблизился поближе к прозрачной стенке бака.— Или вы лгали нам о замечательных свойствах этого дара?

— Лгали?

— Вы говорили, что оружие нужно лишь нацелить и отпустить, и больше ничего. После этого гхолу не нужно трогать.

— Любого гхолу можно сбить с пути,— заметил Скайтейл.— Вам нужно лишь напомнить ему о его происхождении.

— Что это даст?

— Это подтолкнет его к активным действиям в наших интересах.

— Он ментат с могучими логикой и разумом,— возразил Адрик.— Он может догадаться о моих целях, или же о них догадается сестра Императора. Если ее внимание сосредоточится на ...

— Так вы спрятали нас от пророчицы или нст?

— Я боюсь оракулов,— ответил Адрик.— Я занимаюсь логикой, реальными шпионами, физическими силами, действующими в Империи, контролем за спайсом ...

— Можно относиться к власти Императора спокойно, если помнить, что все рано или поздно кончается,— прервал его Скайтейл.

Рулевой в возбуждении отскочил, члены его затряслись. Скайтейл с трудом подавил отвращение при виде этого зрелища. На навигаторе Союза было обычное трико с утолщением на поясе, где он держал различные контейнеры. Однако ... он производил впечатление обнаженного, когда двигался. Движения у него плавные, тягучие ... Скайтейл еще раз подивился странному сочетанию заговорщиков. Что их объединяло? Несовместимая группа. В этом их слабость.

Возбуждение Адрика спало. Он смотрел на Скайтейла сквозь окружающий его оранжевый газ. Какой заговор держал в резерве лицевой танцор, чтобы спастись самому? Действия тлейлаксу невозможно предсказывать. Дурной знак.

Что-то в голосе и действиях посла Союза подсказало Скайтейлу, что навигатор боится Алии больше, чем самого Императора. Эта неожиданная мысль вспыхнула на краю сознания. Беспокойная мысль. Неужели они проглядели что-то важное, связанное с сестрой Пола? Будет ли гхола достаточно надежным оружием, чтобы погубить их обоих?

— Вы знаете, что говорят об Алии?— спросил, испытывая Адрика, Скайтейл.

— Что вы имеете в виду? — человек-рыба снова пришел в возбужденное состояние.

— Никогда еще у философии и культуры не было такой покровительницы,— сказал Скайтейл.— В ней соединяются обаяние молодости и красота ...

— Что за болтовня насчет обаяния и красоты? — возразил Адрик.— Мы уничтожим обоих Атридесов. Культура! Они уничтожают культуру, чтобы править. Красота! Красота способствует порабощению. Они создают образованное невежество — это легче всего. Они ничего не оставляют на волю случая. Они знают только одно: ковать цепи, поработать. Но рабы рано или поздно восстанут.

— Сестра может выйти замуж и произвести потомство,— сказал Скайтейл.

— Почему вы говорите о сестре? — спросил Адрик.

— Император может выбрать для нее мужа,— ответил Скайтейл.

— Пусть выбирает. Уже пора.

— Даже вы не можете предвидеть следующий ход,— предупредил Скайтейл.— Вы не создатель ... также, как и Атридесы. Не нужно переоценивать свои возможности.

— Мы не болтаем языком о созидании, — возразил Адрик. — Мы не чернь, пытающаяся сделать из Муад Дибя мессию. Что за вздор? Почему вы поднимаете такие вопросы?

— Эта планета ... — ответил Скайтейл. — Это она рождает вопросы.

— Планеты не разговаривают!

— Эта говорит.

— А?

— Она говорит о созидании. Ветер дует по ночам и наносит песок — это и есть созидание.

— Ветер наносит песок ...

— Когда просыпаешься поутру, первые солнечные лучи показывают тебе новый мир — чистый, ждущий твоих следов.

«Песок без следов? — задумался Адрик. — Созидание?» Он чувствовал, как его охватывает беспокойство: стенки бака, окружающая комната — все сжималось вокруг, душило его.

Следы на песке ...

— Вы говорите, как Свободный, — сказал Адрик.

— Это мысль Свободных, и она поучительна, — согласился Скайтейл. — Они говорят, что джихад Муад Дибя оставляет следы во Вселенной точно так же, как Свободный оставляет следы на гладком песке. Они прокладывают след будущим человеческим жизням.

— Так ли это?

— Приходит очередная ночь, — продолжал Скайтейл. — Ветер дует ...

— Да, — согласился Адрик, — джихад подходит к концу. Муад Диб использовал свой джихад и ...

— Он не использовал его, — возразил Скайтейл. — Это джихад использовал Дибя. Я думаю, Пол остановил бы его, если бы мог.

— Если бы мог? — удивился навигатор. — Все, что ему нужно было...

— Замолчите! — заорал Скайтейл. — Нельзя остановить умственную эпидемию. Она переходит от человека к человеку через много парсеков. Она на редкость заразна и поражает самое незащищенное место — человеческий разум. Можно ли ее остановить? У Муад Дибя нет противоядия. Корни эпидемии в хаосе. Можно ли там установить порядок?

— Значит, и вы заразились? — спросил Адрик. Он медленно повернулся в оранжевом газе, раздумывая, почему Скайтейл говорит с таким ужасом. Неужели лицевой танцор предал заговор? Невозможно сейчас заглянуть в будущее. Оно превратилось в мутный поток, засоренный пророчествами.

— Мы все смешались, — сказал Скайтейл и напомнил себе, что разум Адрика имеет четко обозначенные границы. Как сделать это понятным для него?

— Но когда мы уничтожим его ... — начал было Адрик.

— Мне следовало бы оставить вас в неведении, — прервал его Скайтейл. — Но мой долг не позволяет этого. К тому же, это опасно для всех нас.

Адрик резко оттолкнулся перепончатой ступней, отчего оранжевый газ завихрился вокруг его ног.

— Вы говорите довольно странно, — сказала он.

— Обстановка взрывоопасна, — уже спокойнее пояснил Скайтейл. — Когда произойдет взрыв, обломки полетят через столетия. Разве вы не видите?

— Мы и раньше имели дело с религиями, — возразил Адрик. — Это не ново ...

— Это не просто религия! — воскликнул Скайтейл, думая, что сказала бы Преподобная Мать по поводу их коллегии по заговору. — Религиозное правительство — это нечто иное. Муад Диб повсюду утвердил свой Квизарат, заменив им все прежние правительственные структуры. У него нет постоянной гражданской службы, нет посольства. Зато есть епископства — острова власти. В центре каждого острова — человек. Люди учатся приобретать и удерживать личную власть. Люди реальны.

— Когда они разделятся, мы поглотим их одного за другим, — с благодушной улыбкой заявил Адрик. — Срубим голову, а тело упадет само ...

— У этого тела две головы.

— Сестра, которая может выйти замуж?

— Которая обязательно выйдет замуж!

— Мне не нравится ваш тон, Скайтейл.

— А мне не нравится ваше невежество.

— Ну и что, если она выйдет замуж? Разве это помешает нашим планам?

— Это потрясет Вселенную.

— Но они не уникальны. Я сам обладаю способностью, которая ...

— Вы дитя, Адрик. Вы ковыляете там, где они широко шагают.

— Они не уникальны!

— Вы забыли, рулевой, что однажды мы произвели Квизац Хадераха. Это существо видит Время. Это форма существования, которой нельзя угрожать, не породив такую же угрозу против себя. Муад Диб знает, что мы собираемся напасть на Чани. Мы должны действовать быстрее, чем они. Нужно добраться до гхолы и подтолкнуть его, как я уже сказал.

— А если я этого не сделаю?

— Тогда вас поразит молния.

Глава 13

Пол вспотел, тренируясь с крисножом и короткой шпагой под руководством гхола. Теперь он стоял у окна, глядя вниз на храмовую площадь и стараясь представить себе Чани в больнице. Все утро она чувствовала себя плохо. Шла шестая неделя ее беременности. Были собраны лучшие врачи. Они сообщат, когда у них будут новости.

Темные полуденные песчаные облака закрыли небо над площадью. Свободные называли такую погоду «грязный воздух».

Неужели врачи никогда не сообщат? Каждая секунда медлила, не желая входить в его вселенную.

Ожидание ... ожидание ... Вот и Бене Гессерит молчат на своем Валлахе IX. Сознательно затягивают, конечно.

Предвидение предсказывало, разумеется, все эти моменты, но он закрыл от него свое сознание, предпочитая роль рыбы, которая плывет по времени не туда, куда хочет, а куда несет ее течение.

Было слышно, как гхола чистит оружие и осматривает снаряжение. Пол вздохнул, протянул руку к поясу и выключил личное защитное поле. Оно шкоча сбежало с его тела.

Пол сказал себе, что займется делами, когда вернется Чани. Тогда будет достаточно времени, чтобы принять тот факт, что скрытое им от нее обстоятельство продлило ее жизнь. Разве это такая уж вина — предпочесть Чани наследнику? По какому все-таки праву он сделал выбор за нее? Глупые мысли! Кто бы стал колебаться, зная альтернативу — рабские подземелья, пытки, мучительная тоска ... или еще худшее?

Он услышал скрип двери, шаги Чани и обернулся.

На лице Чани ясно читалась решимость. Широкий пояс Свободной, собиравший на талии ее золотое платье, водные кольца в ожерелье на шее и рука на бедре, острый взгляд, которым она, как всегда, окинула комнату, — все теперь отступило на второй план. На первом плане была ярость.

Когда она подошла ближе, он раскрыл объятия и привлек ее к себе.

— Кто-то, — выдохнула она, пряча лицо у него на груди, — кто-то уже давно давал мне противозачаточные средства ... до того, как я перешла на новую диету. Из-за этого роды предстоят трудные.

— Но ведь есть лекарства? — спросил он.

— Опасные лекарства. Но я знаю виновницу, и я пушу ей кровь!

— Моя Сихайя, — прошептал он, сильнее прижимая ее к себе, чтобы унять дрожь. — Ты носишь наследника, которого мы оба хотим. Разве этого не довольно?

— Моя жизнь сгорает очень быстро, — сказала она, в свою очередь прижимаясь к нему. — Будущее рождение контролирует мою жизнь. Врачи говорят, что плод развивается с ужасающей скоростью. Я должна много есть ... и принимать больше спайса ... есть его и пить его. Я убью ее!

Пол поцеловал ее в щеку.

— Нет, моя Сихайя, ты никого не убьешь!

И подумал: «Ирулэн продлила твою жизнь, любимая. Для тебя время рождения — это время смерти».

Он почувствовал, как горе убивает его и погружает в черную пустоту.

Чани оттолкнула его:

— Ей нет прощения!

— Кто говорит о прощении?

— Тогда почему я не могу убить ее?

Это было настолько в духе Свободных, такой характерный для них вопрос, что Пол почувствовал истерическое желание расслабиться и все забыть. Но он сдержал себя, ответив:

— Это не поможет.

— Ты видел это?

Пол весь напрягся при воспоминании о видении.

— Что я видел ... что я видел ... — пробормотал он. Все детали настоящего совпадали с увиденным, и это его словно парализовало. Он чувствовал себя прикованным к будущему. В горле у него пересохло. «Следовал ли он своему предвидению, пока не попал в безжалостное настоящее?» — спрашивал он себя.

— Скажи мне, что ты видел?

— Не могу.

— Почему я не должна убивать ее?

— Потому что так говорю я.

Он видел, что она приняла это. Приняла, как песок принимает воду: поглощая и пряча. Таится ли настоящее повиновение под этой горячей, гневной поверхностью? И Пол понял, что жизнь в императорской крепости не изменила Чани: она просто задержалась здесь на время, будто остановилась на отдых в пути вместе с мужем. Все пустынное осталось с ней.

Чани отошла от него и взглянула на гхолу, который стоял в ожидании вблизи тренировочной площадки.

— Ты скрестил с ним свой клинок? — спросила она.

— И неплохо сразился.

Она взглянула на круг на полу, потом снова на металлические глаза гхолы.

- Мне это не нравится.
- Он не причинит мне вреда, — возразил Пол.
- Ты видел это?
- Нет.
- Тогда откуда ты это знаешь?
- Потому что он больше, чем гхола. Он — Данкан Айдахо.
- Его сделали тлейлаксу.
- Они сделали больше, чем сами намеревались.
- Она покачала головой. Угол шарфа коснулся воротника ее платья.
- Как можно изменить тот факт, что он — гхола?
- Хейт, — спросил Пол, — ты — оружие моего уничтожения?
- Если настоящее изменяется, изменяется и прошлое, — сказал

гхола.

- Это не ответ! — возразила Чани.

Пол повысил голос:

- От чего я умру, Хейт?

В искусственных глазах гхола блеснул свет:

- Говорят, милорд, что вы умрете от денег и власти.

Чани застыла.

- Как он смеет так разговаривать с тобой?

- Ментат правдив, — ответил Пол.

- Был ли Данкан Айдахо твоим единственным другом? — спросила

она.

- Он отдал за меня жизнь.

— Печально, — прошептала Чани, — что гхола не может вернуться к своему первоначальному бытию.

- Вы хотите переделать меня? — спросил гхола, глядя на Чани.

- Что он имеет в виду? — не поняла Чани.

- Переделать — значит, вывернуть наизнанку, — ответил Пол. —

Но возврата назад нет.

- Каждый человек носит с собой свое прошлое, — сказал Хейт.

- И каждый гхола? — уточнил Пол.

- В известной степени — да, сир.

- Тогда, каково твое прошлое?

Чани видела, что вопрос обеспокоил гхола. Движения его стали быстрыми, руки сжались в кулаки. Она взглянула на Пола, не понимая, чего он добивается. Можно ли вернуть это существо в прошлое, сделать его таким, каким он некогда был?

- Гхола может помнить свое истинное прошлое? — спросила она.

- Делалось много попыток, — ответил гхола, глядя себе под ноги. —

Но ни один гхола не был восстановлен до уровня своего прежнего бытия.

- Но ты хочешь, чтобы это произошло? — спросил Пол.

Черные глаза гхола сосредоточились на лице Пола.

- Да!

Пол негромко сказал:

- Если существует способ ...
- Это тело, — прервал его Хейт, жестом салюта коснувшись лба, — не из прежнего бытия. Такое может проделать и лицевой танцор.
- Не совсем, — сказал Пол. — И ты не лицевой танцор.
- Верно, милорд.
- Откуда они взяли твою внешность?
- Из генетического образца, запечатленного в клетках.
- Говорят, древние ученые исследовали эту область еще до Бутлерианского Джихада. Каковы границы твоей памяти, Хейт? Что ты помнишь о своей прежней жизни?

Гхола пожал плечами.

- А что, если он не был Айдахо? — усомнилась Чани.
- Он был им!
- Ты уверен?
- Он — Данкан Айдахо во всех отношениях. Не могу представить себе силу, которая бы удерживала эту форму без всяких расслаблений и отклонений.

— Милорд! — возразил гхола. — То, что мы не можем себе вообразить те или иные явления, вовсе не исключает возможности их существования. Есть вещи, которые я должен делать как гхола и которые не стал бы делать как человек.

Глядя на Чани, Пол спросил:

— Видишь?

Она кивнула.

Пол отвернулся, борясь с охватившим его чувством глубокой печали. Он подошел к балконному окну, задернул занавес. В полутьме вспыхнул свет. Пол крепко затянул пояс, вслушиваясь во внутренние голоса.

Ничего ...

Он обернулся. Чани стояла, как зачарованная, не отрывая взгляда от гхолы.

Пол увидел, что Хейт полностью ушел в себя.

Услышав звуки шагов Пола, Чани повернулась к нему. На какое-то время гхола стал для нее человеком. И в это мгновение она его не боялась. Наоборот, он ей нравился и вызывал восхищение. Теперь она поняла, с какой целью Пол его испытывал. Он хотел, чтобы она увидела в теле гхолы человека.

Она посмотрела на Пола.

— Этот человек, он был Данканом Айдахо?

— Да. И он по-прежнему здесь.

— Он бы позволил Ирулэн жить?

«Вода ушла не слишком глубоко», — подумал Пол и сказал:

— Если бы я ему приказал.

— Не понимаю, — сказала она. — Разве ты не рассердился?

— Я рассердился.

— Непохоже. Ты как будто опечален.

Он закрыл глаза.

— Да. И это тоже.

— Ты мой муж,— сказала она.— Я это знаю. Но сейчас я не понимаю тебя.

Неожиданно Пол почувствовал, что он будто углубился в большую пещеру. Тело его двигалось — одна нога за другой,— но мысли были где-то в другом месте.

— Я и сам себя не понимаю,— прошептал он. Когда он открыл глаза, то обнаружил, что стоит в стороне от Чани.

Она заговорила откуда-то издалека:

— Любимый, я не буду спрашивать, что ты видел. Я знаю только, что дам тебе наследника, которого мы с тобой хотим.

Он кивнул.

— Я знал это с самого начала.

Он повернулся и посмотрел на нее. Чани казалась очень далекой.

Она встала и положила руку на живот.

— Я голодна. Врачи сказали, что я должна есть в три-четыре раза больше, чем ела раньше. Я боюсь, любимый. Слишком уж быстро он развивается.

— Слишком быстро,— согласился он.— Зародыш знает, что надо спешить.

Глава 14

Посланец оказался молодой женщиной. Чани знала ее лицо, имя и семью. Поэтому она смогла пройти через рогатки имперской службы безопасности.

Чани опознала ее в присутствии начальника службы Баннерджи, который организовал ей встречу с Муад Дибом. Баннерджи действовал инстинктивно, зная, что отец молодой женщины еще до джихада был членом императорских отрядов смерти, ужасных федайкинов. Иначе он оставил бы без внимания ее просьбу, хотя она и говорила, что ее сообщение предназначено только для ушей Муад Диб.

Разумеется, ее тщательно обыскали и проверили, прежде чем допустить к Полу. Даже сейчас Баннерджи сопровождал ее, одной рукой держа ее за руку, а другой сжимая нож.

Когда ее привели в покои Императора, был полдень. Комната представляла собой странное смещение жилища Свободного в пустыне и аристократической приемной. Три ее стены закрывали занавеси из до-

рогих тканей с вышитыми на них фигурами из мифологии Свободных. Четвертую стену занимал видеозеркало — серебристо-серая поверхность в овальной раме. Песочные часы свободных были встроены в планетарий — сложный механизм с планеты Икс, — показывающий движение Солнца и обеих лун Арракиса.

Пол стоял у стола и смотрел на Баннерджи. Начальник службы безопасности стал теперь главой полицейской службы, несмотря на свое прошлое контрабандиста. У Баннерджи была мощная фигура. Ключья темных волос спадали на темный, влажный от пота лоб, будто хохолок некой экзотической птицы. Синие в синем глаза одинаково бесстрастно взирали и на счастье, и на горе. Чани и Стилгар доверяли ему. Пол знал, что если бы он приказал Баннерджи перерезать девушке горло, тот сделал бы это, не задумываясь ни на минуту.

— Сир, вот девушка-вестница, — сказал Баннерджи. — Миледи Чани передала, что у нее есть к вам дело.

— Да, — коротко кивнул Пол.

Странно, но девушка не глядела на него. Ее внимание привлек планетарий. Она была среднего роста, с темной кожей. Платье из тонкой материи и простого покроя говорило о богатстве. Иссинья-черные волосы перехвачены лентой из того же материала, что и платье, руки спрятаны в рукава. Пол подозревал, что руки ее крепко сжаты — это соответствовало бы ее характеру. Все соответствовало характеру, включая платье — последний остаток роскоши, сбереженный для такого случая.

Пол знаком велел Баннерджи отойти. Тот поколебался, прежде чем повиноваться. Девушка сделала шаг вперед. Двигалась она грациозно, по-прежнему избегая встречаться с ним взглядом.

Пол прочистил горло.

Новот девушка подняла глаза без белков, расширенные в благоговейном страхе. Странно маленькое лицо с тонким подбородком. Глаза казались слишком большими над широкими скулами, что-то невеселое в них говорило, что она улыбается редко. В уголках притаилась легкая желтая дымка — след пылевого раздражения, а, возможно, и пристрастия к семуте.

Все соответствовало характерному облику.

— Ты хотела говорить со мной, — напомнил Пол.

Наступил момент решающего испытания способности Скайтейла. Он изучил внешность, манеры, воспроизвел пол, голос — все, что смог. Но эту женщину Муад Диб знал во время съезда. Конечно, тогда она была ребенком, но у них с Муад Дибом общий жизненный опыт. Некоторые области памяти можно сознательно отключить. Более волнующего момента Скайтейлу не приходилось испытывать никогда.

— Я Лачма, дочь Отейна Берк-ад-Диб. — Голос девушки звучал негромко, но уверенно.

Пол кивнул. Он видел теперь, почему ошиблась Чани. Тембр голоса, все, абсолютно все, воспроизведено с идеальной точностью. Если бы не его собственное обучение методам Бене Гессерит и не оракульское видение, маскировка лицевого танцора могла бы обмануть и его.

Но некоторые несоответствия он все же разглядел: слишком старательно контролировался голос, какой-то мельчайшей детали не хватало, чтобы точно воспроизвести форму плеч и посадку головы Свободной. Но тем не менее приходилось признать прекрасную работу. Даже роскошное платье слегка выпачкано, чтобы передать истинное состояние... Черты лица воспроизведены с удивительной точностью. Лицевому танцору удалось вжиться в эту роль.

— Отдыхай в моем доме, дочь Отейна, — произнес Пол ритуальное приветствие Свободных. — Ты желанна, как вода после долгого пути по пустыне.

Она слегка расслабилась — в ней появилась уверенность, что все приняли за чистую монету.

— Я принесла сообщение, — сказала она.

— Человек сам по себе сообщение, — отозвался Пол.

Скайтейл негромко вздохнул. Все идет хорошо, но наступает решающий момент: Атридес должен вступить на нужную тропу. Он должен потерять свою возлюбленную из Свободных при таких обстоятельствах, когда никого нельзя будет обвинить. Неудача должна исходить только от могущественного Муад Дибя. Он должен полностью осознать собственную неудачу и принять предложенную тлейлаксу альтернативу.

— Я дым, исчезающий в ночи, — сказал Скайтейл, что в соответствии с кодом Свободных означало: «У меня дурные новости».

Пол старался сохранять спокойствие. Он почувствовал себя обнаженным. Мощный оракул скрывал этого лицевого танцора. Лишь отдельные детали этого мгновения были известны Полу. Он знал только, чего он не должен делать: он не должен убивать этого лицевого танцора. Это приведет к будущему, которого нужно избегать любой ценой. Он, возможно, как-нибудь сумеет проникнуть во тьму и изменить ужасающий рисунок будущего.

— Сообщи мне твою весть, — сказал Пол.

Баннерджи передвинулся так, чтобы иметь возможность следить за лицом девушки. Она, казалось, впервые заметила его; взгляд ее задержался на ноже, который держал в руке глава службы безопасности.

— Невинную не следует подозревать во зле, — сказала она, глядя прямо в глаза Баннерджи.

«Хорошо сказано, — подумал Пол, — так сказала бы подлинная Лачма». На мгновение он с болью вспомнил о настоящей дочери Отейна — труп в пустыне. Но времени на переживания не было. Он нахмурился.

Баннерджи продолжал следить за девушкой.

— Мне велено передать сообщение наедине, — сказала она.

— Почему? — резко спросил Баннерджи.

— Таково желание отца.

— Это мой друг, — сказал Пол. — Разве я не Свободный? Мой друг может слышать все, что слышу я.

Скайтейл задумался. Действительно ли существует такой обычай у Свободных, или это проверка?

— Император может устанавливать свои законы, — сказал Скайтейл. — Вот сообщение: мой отец хочет, чтобы вы пришли к нему, взяв с собой Чани.

— Зачем мне брать с собой Чани?

— Она ваша женщина и сайадина. Она должна подтвердить, что мой отец говорит в соответствии с обычаями Свободных. Это водное дело, а по правилам нашего племени нет ничего важнее.

«В заговоре участвуют Свободные, — подумал Пол. — События продолжают совпадать. Да, а у меня нет иного выхода, кроме как участвовать в них».

— О чем будет говорить твой отец?

— О заговоре против вас. О заговоре среди Свободных.

— Почему он не пришел сам? — спросил Баннерджи.

— Мой отец не может прийти сюда. Заговорщики подозревают его. Он не пережил бы пути.

— Почему он не мог сообщить подробности через вас, раз уж он доверил такое сообщение дочери? — спросил Баннерджи.

— Подробности заключены в дистансе, который может открыть только Муад Диб, — сказала она. — Больше я ничего не знаю.

— Почему бы не прислать дистанс сюда? — поинтересовался Пол.

— Это человек-дистанс.

— Тогда я пойду, — сказал Пол. — Но пойду один.

— Чани должна идти вместе с вами.

— Чани ждет ребенка.

— Когда это Свободная отказывалась?

— Мои враги давали ей яд, — сказал Пол. — Роды будут трудными. Здоровье не позволяет ей сопровождать меня.

Прежде чем Скайтейл успел справиться с собой, странные чувства отразились на лице девушки: раздражение, гнев. Скайтейл напомнил себе, что у каждой жертвы должен быть путь к спасению, даже у Муад Диб. Но заговор еще не провалился: Атридес остается в сети. Он застыл в определенном образе и скорее убьет себя, чем примет другой. Так было некогда с Квизац Хадерахом тлейлаксу. Так будет с этим. И тогда наступит черед гхолы.

— Позвольте мне попросить саму Чани решить это, — сказала девушка.

— Я уже решил,— возразил Пол.— Вместо Чани меня будешь сопровождать ты.

— Нужна сайадина!

— Но разве ты не друг Чани?

«Попался! — подумал Скайтейл.— Может, он что-нибудь заподозрил? Нет! Это просто осторожность Свободного. И ведь противозачаточное средство — факт. Что ж, существуют и другие пути».

— Отец велел мне не возвращаться,— сказал Скайтейл.— Он сказал, что вы не будете рисковать мной и предоставите мне надежное убежище.

Пол кивнул. Все соответствовало. Он не мог отказать в убежище, а она должна подчиниться приказу отца.

— Я возьму с собой жену Стилгара, Хару,— сказал Пол.— А ты расскажешь, как пройти к твоему отцу.

— Откуда вы знаете, что можно доверять жене Стилгара?

— Я знаю это.

— Но я не знаю.

Пол покусал губы и спросил:

— Жива ли твоя мать?

— Моя настоящая мать ушла к Шан-Хулуду. Ее сестра, моя вторая мать, жива и заботится об отце.

— Она сейчас в сьете Табр?

— Да.

— Я помню ее,— сказал Пол.— Она заменит Чани.— Он подозревал Баннерджи.— Пусть адъютанты отведут дочь Отейна Лачму в ее помещение.

Баннерджи кивнул. Адъютанты... Это ключевое слово означало, что вестницу надо держать под особой охраной. Он взял ее за руку. Она сопротивлялась.

— Как же вы пойдете к моему отцу?

— Ты опишешь путь Баннерджи,— пояснил Пол.— Он мой друг.

— Нет! Отец приказал! Я не могу!

— Баннерджи? — спросил Пол.

Баннерджи молчал. Пол видел, что он роется в своей энциклопедической памяти.

— Я знаю проводника, который отведет вас к Отейну,— сказал он.

— Я пойду один.

— Сир, вы ...

— Отейн хочет, чтобы было именно так,— сказал Пол, почти не скрывая иронии.

— Сир, это слишком опасно,— запротестовал Баннерджи.

— Даже Император должен иногда идти на риск,— ответил Пол.— Решение принято. Выполняйте.

Баннерджи неохотно вывел лицевого танцора из комнаты.

Пол повернулся к черному экрану за своим столом. Он поймал себя на том, что ждет падения камня с высоты.

Должен ли он сказать Баннерджи о подлинной природе вестницы? Нет! Такой инцидент не записан на экране его видения. А каждое отклонение грозит целым водопадом насилия. Нужно найти точку приложения сил, то место, где он мог вырваться из ведения.

Если только это место вообще существует!

Глава 15

Пересская высоченный пешеходный мост, ведущий от башни к официальной резиденции Квазарата, Пол добавил в свою походку хромоту. Солнце садилось, и он шел сквозь длинные тени, которые помогали ему маскироваться, однако острый глаз все же мог разоблачить его. С ним было защитное поле, но он не активизировал его, решив, что мерцание поля может быть замечено и вызвать подозрение.

Пол взглянул налево. Будто раздвинутые ставни, солнце закрывали плоски песчаных облаков.

Он, в сущности, был не один, но с тех пор, как он прекратил одинокие ночные прогулки, меры по его безопасности слегка ослабли. Над его головой пролетали орнитоптеры, на самом деле кружа в строго определенном порядке. В одежде у него был скрыт передатчик, благодаря которому орнитоптеры держали с ним связь. Ниже по улицам двигались люди в надвинутых на лица островерхих капюшонах. Другие рассыпались по всему городу, предварительно изучив маскировку Императора — костюм Свободного, вплоть до стилсьюта и пустынных сапог. Щеки его были изменены с помощью пластиковых добавок. Вдоль левой части лица шла трубка стилсьюта.

Дойдя до противоположного конца моста, Пол оглянулся и заметил движение у пластальной решетки, скрывающей балкон его частных покоев. Несомненно, это Чани. «Охота за песком в пустыне», — так называла она его прогулки.

Как мало понимает она его горький выбор. Необходимость выбора из множества страданий может даже незначительную боль сделать невыносимой.

Он вспомнил их расставание. В последнее мгновение Чани проникла в его чувства, но не поняла их. Она решила, что он испытывает чувства, которые вызываются расставанием с любимой перед опасной дорогой.

«Если бы это было так», — подумал Пол.

Теперь он пересек мост и вышел в верхний переход через правительственное здание. Повсюду были закреплены световые шары, глоуглобы, освещавшие людей, спешивших по своим делам. Квизарат никогда не спал. Пол читал надписи на дверях, как будто видел их впервые: «Скоростная торговля», «Пророчества», «Испытание веры», «Религиозное снабжение», «Оружие», «Пропаганда веры».

«Честнее было бы написать «Наступление бюрократии», — подумал он.

Тип чиновника религиозной службы заполнил всю Вселенную. Этот новый человек Квизарата обычно бывал новообращенным. Он редко сменял Свободных на ключевых постах, но зато заполнял все промежуточные. Он принимал меланж, как для того, чтобы показать, что он может его вынести, так и ради продления жизни. Он стоял особо от своих правителей — Императора. Его богами были Рутин и Документ. К его услугам были ментаты и огромные библиотеки справочного материала. Целесообразность — первое слово в его катехизисе, хотя он отдавал дань и бутлерианским заповедям. «Машина не должна заменять человека,» твердил он, но каждым своим действием доказывал, что предпочитает машину человеку, статистику — индивидууму, далекую общую картину близкому соприкосновению, требующему воображения и инициативы.

Поднимаясь по лестнице в дальнем конце здания, Пол услышал звон колоколов перед вечерним богослужением в храме Алии.

Странное чувство незыблемости звучало в этих колоколах.

Храм на забитой людьми площади был новый, ритуалы его — недавнего происхождения, но было что-то древнее в этом здании, стоявшем на окраине Арракина. Все было сделано для того, чтобы создавать впечатление древности, полной традиций и тайн.

Теперь он был в толпе, внизу. Единственный проводник, которого сумела найти его служба безопасности, настоял, чтобы это было именно так. Агентам службы безопасности не понравилось, что Пол согласился. Еще меньше это понравилось Стилгару. А больше всех возражала Чани.

Несмотря на небольшую давку в толпе, люди как бы не замечали его и старались избежать соприкосновения, что давало ему некоторую свободу передвижения. Он знал, что все ведут себя так при приближении Свободных, так как они очень вспыльчивы и скоры на расправу. Поэтому Пол действовал, как человек из пустыни.

По мере того, как он приближался ко входу в храм, людской напор становился сильнее. Окружающие были вынуждены прижиматься к нему, но отовсюду он слышал ритуальные извинения: «Простите, сэр. Я не мог предотвратить этого нарушения вежливости», «Простите, благородный сэр, такого напора толпы я еще не видывал», «Прошу прощения, святой гражданин. Какой-то бездельник толкнул меня».

Пол не обращал внимания на эти слова. В них не было искренности, только страх перед ветераном-Свободным. Он думал о том, какой долгий путь отделяет его от дней детства, проведенных в замке Келадана. Где ступил он на тропу, приведшую его на эту заполненную народом площадь на планете, такой далекой от Келадана? И действительно ли он шел по этой тропе? Он не мог сказать, что когда-нибудь в жизни действовал, повинаясь только одной причине: мотивы его поступков всегда были сложны, может быть, более сложны, чем когда-либо в человеческой истории. У него была надежда, что он все же сможет избежать судьбы, которую видит так ясно в конце тропы. Но толпа толкала его вперед, и он испытывал головокружительное ощущение, как будто он заблудился и утратил направление, которого держался всю жизнь.

Вместе с толпой вплыл он в портик храма. Голоса здесь звучали приглушенно. Запах страха становился сильнее — резкий, потный...

Ученики уже начали службу в храме. Их чистое пение перекрывало остальные звуки: шепот, шелест одежды, шарканье ног, кашель — рассказывая о Далеских Местах, которые посетили жрица в своем святом трансе.

Она ездит на черве пространства,
Она идет сквозь все бури
К земле мягких ветров.
И хотя мы спим у логова змей,
Она охраняет наши спящие души.
Закрывая пустынный глоуглоб,
Она прячет нас в прохладной тени.
Сверканье ее белых зубов
Ведет нас в ночи.
По прядям ее волос
Мы поднимаемся в небо!
Сладкий аромат, запах цветов
Окружат нас, когда она с нами.

«Балак! — подумал Пол, как Свободный. — Она может быть и гневной!»

Портик храма освещали высокие мерцающие трубки, имитирующие пламя свечей. Мерцание вызвало в Поле древнее воспоминание, хотя он и понимал, что это сделано намеренно. Это чувство было атавизмом. Он его ненавидел.

Толпа проплыла вместе с ним через высокие металлические двери в огромный зал — мрачное, угрюмое помещение с мерцающими высоко над головой огнями. В дальнем конце находился ярко освещенный алтарь. За алтарем был виден обманчиво простой экран из черного дерева, украшенный рисунками из мифологии Свободных. Скрытые огни

создавали эффект радуги. Ученики в семь рядов стояли ниже этого спектрального занавеса: черные рясы, белые лица, открывающиеся в унисон рты ...

Пол смотрел на окружающих его пилигримов. Неожиданно он почувствовал к ним зависть. Они верили в правду, которую получают здесь, а он — нет. Ему показалось, что они получают здесь нечто такое, в чем ему самому отказано, что-то чудесное и исцеляющее.

Он старался протиснуться поближе к алтарю, но кто-то остановил его, взяв за руку. Пол оглянулся и увидел лицо старика Свободного — синие в синем глаза под нависшими бровями, а в них узнавание. В мозгу Пола вспыхнуло имя Радир, его товарищ по дням суеты.

Пол знал, что, окруженный толпой, он абсолютно беззащитен, если Радир действует вместе с заговорщиками и планирует насилие.

Старик протиснулся поближе, держа одну руку под платьем, несомненно, сжимая рукоять крисножа. Пол приготовился отразить нападение, но старик прошептал:

— Мы пойдем с остальными.

Это была условная фраза проводника. Пол кивнул.

Радир повернулся и посмотрел на алтарь.

— Она идет с востока, — пели ученики, — и солнце стоит у нее за спиной. Ей все открыто. В блеске света ее взгляд ничего не пропустит: ни тьму, ни свет.

Стонущий звук музыкального инструмента заглушил пение и сам растворился в тишине. Толпа продвинулась вперед еще на несколько метров. Все слилось в одну монолитную массу, окутанную удушливым воздухом, тяжелым от дыхания множества людей и запаха спайса.

— Шай-Хулуд пишет на чистом песке! — вскрикнули ученики.

Пол почувствовал, что у него, как и у всех окружающих, перехватывает дыхание. Из-за сверкающей двери негромко вступил женский хор: «Алия ... Алия ... Алия ...» Пение становилось все громче и громче и вдруг неожиданно оборвалось.

Снова послышались негромкие голоса:

Она снимает все бури,
Ее взгляд убивает наших врагов
И карает неверующих.
От вершин Туско,
Где начинается рассвет
И откуда бежит чистая вода,
Видна ее тень.
В сверкающем летнем зное
Она служит нам хлебом и молоком —
Холодным, ароматным от спайса.
Глаза ее расплавляют наших врагов,

Карают наших угнетателей
И проникают во все тайны.
Она — Алия ... Алия ... Алия ...

Голоса смолкли, постепенно замирая.

Пол почувствовал отвращение. «Что мы делаем? — спросил он себя. — Алия — ребенок-колдунья, но она становится старше. Становится старше, значит, становится злее».

Атмосфера храма терзала его душу. Он стоял, объединенный с толпой своей личной виной, которую никогда не сможет искупить. Огромность Вселенной за пределами храма заполнила его сознание. Как может один человек, один ритуал связать эту огромность в единый узел?

Пол вздрогнул...

Вселенная противостояла на каждом шагу. Она избегала схватки, принимала бесчисленные формы, чтобы обмануть его. И эта Вселенная никогда не согласится с формой, которую он придает ей.

Шелест пробежал по залу.

Из тьмы за сверкающей радугой появилась Алия. На ней было желтое платье с зеленой оторочкой — цвета Атридесов. Желтый — солнечный свет, зеленый — смерть, производящая жизнь. Пол неожиданно почувствовал, что Алия появилась только ради него. Она была его сестрой. Он знал ее ритуал и его происхождение, но он никогда раньше не стоял в толпе пилигримов, глядя на нее их глазами. И теперь в этом загадочном месте он понял, что она часть противостоящей ему Вселенной.

Ученики принесли ей золотую чашку. Алия приняла ее.

Частью своего сознания Пол знал, что в чаше неизменный меланж, слабый яд, усилитель пророческих способностей.

Глядя на чашу, Алия заговорила. Голос ее ласкал слух, от него расцветала душа.

— Вначале мы были пусты, — произнесла она.

— В нас не было знания, — подхватил хор.

— Мы не знали о Власти, живущей в любом месте, — говорила Алия.

— И в любом Времени, — пел хор.

— Это — Власть, — возвестила Алия, слегка приподняв чашу.

— Она приносит нам Радость, — ликовал хор.

«И уничтожение», — подумал Пол.

— Она пробуждает душу, — говорила Алия.

— И рассеивает все сомнения, — пел хор.

— В миру мы гибнем, — жаловалась Алия.

— Во Власти мы живем вечно, — утешал хор.

Алия поднесла чашу к губам и отпила.

К своему удивлению, Пол почувствовал, что затаил дыхание, как самый последний пилигрим в толпе. Хотя он по собственному опыту знал, что испытывает Алия, тау захватило его в свои сети. Он вспомнил, как

яд проникает в тело. Память оживила мгновение, когда сознание становится пылинкой, изменяющей яд. Он снова пережил пробуждение в мире, где нет Времени, где возможно все. Он знал, что испытывает Алия, но понял, что это совсем не то; он не понимал ее чувств сейчас и не знал, как это происходит с ней. Загадка слепила ему глаза.

Алия задрожала и опустилась на колени.

Пол перевел дух вместе с освободившимися пилигримами. Завеса частично начала подниматься. Поглощенный видением, он забыл, что видение принадлежит тем, кто в пути, кто еще придет. В видении проходишь от несуществующей случайности. Томишься по абсолютам, которых нет.

Но при этом теряешь настоящее.

Алия качалась под действием измененного спайса.

Пол чувствовал, как с ним говорит нечто трансцендентальное: «Смотри! Видишь, на что ты не обращал внимания?» В это мгновение ему показалось, что через глаза других он видит ритм этого места, который не смог бы воспроизвести ни один художник или поэт. Жизнь и красота, сверкающий свет поглощал стремление к власти.

Алия заговорила. Ее усиленный голос гремел в храме.

— Сверкающая ночь! — воскликнула она.

Стон пронесся по толпе пилигримов.

— Ничто не может скрыться в такой ночи! Что за свет во тьме? На нем невозможно остановить взгляд. Никакие слова не опишут его. — Голос ее стихал. — Остается пропасть. Она чревата будущим. Ах, какая нежная ярость!

Пол почувствовал, что ждет от сестры какого-то особого сигнала, тайного знака. Это могло быть действие или слово, какое-нибудь колдовство, мистический процесс, что-то стремящееся наружу, что придется ему в пору, подойдет, как стрела к космическому луку. Ожидание этого дрожало в его сознании, как шарик ртути.

— Будет печаль, — продолжала она. — Напомню вам, что все сущее есть лишь начало, великое начало. Ждут миры, которые предстоит завоевать. Вы смеетесь над прошлым, а я говорю вам сейчас: внутри всех различий лежит единство.

Алия опустила голову. Пол еле сдержал крик разочарования: она не сказала того, чего он ждал. Тело его превратилось в сухую оболочку, пустую шелуху, сброшенную пустынными насекомыми.

«Остальные испытывают то же самое», — подумал он. Неожиданно где-то в толпе, слева от Пола, закричала женщина.

Алия подняла голову, и Пол испытал странное ощущение, будто между ними исчезло расстояние, будто он смотрит прямо в остекленевшие глаза в нескольких дюймах от него.

— Кто призывает меня? — спросила Алия.

— Я! — воскликнула женщина. — О, Алия, помоги мне. Говорят, мой сын убит на Муритане? Он умер? И я больше никогда не увижу своего сына?

— Ты пытаешься идти назад по песку, — заговорила нараспев Алия. — Ничто не уходит. Всему свое время, все возвращается, но ты можешь не узнать вернувшегося.

— Алия, я не понимаю! — завывала женщина.

— Ты живешь в воздухе, но не видишь его, — резко сказала Алия. — Ты что, ящерица? В твоём голосе акцент Свободной. Разве Свободные стараются вернуть мертвых? Что нам нужно от наших мертвых, кроме их воды?

В центре храма мужчина в богатом красивом плаще поднял обе руки; рукава плаща спали, обнажая руки.

— Алия! — закричал он. — Мне сделали деловое предложение. Должен ли я его принять?

— Начало и конец едины! — отрезала Алия. — Разве я этого не говорила? Ты пришел сюда не для того, чтобы задать этот вопрос.

— Она сегодня чем-то разгневана, — пробормотала женщина неподалеку от Пола. — Видели ли вы ее когда-нибудь такой сердитой?

«Она знает, что я здесь, — подумал Пол. — Увидела ли она видение, которое рассердило ее? Или она сердится на меня?»

— Алия, — обратился мужчина, стоявший непосредственно перед Полом. — Скажи этим бизнесменам и слабым сердцам, сколько будет править твой брат?

— Предоставляю тебе самому заглянуть за сей угол! — сказала Алия. — Твои предрассудки в твоём рту! Именно потому, что мой брат постоянно укрощает песчаного червя хаоса, у вас есть крыша над головой и вода!

Яростным жестом Алия запахнула платье, прошла через сверкающие полосы света и исчезла во тьме за экраном.

Ученики немедленно затянули очередное песнопение, но получалось у них вразнобой — они с трудом сохраняли ритм. Очевидно, их застигло врасплох неожиданное окончание обряда. Толпа зароптала. Пол чувствовал движение вокруг себя, беспокойное и неудовлетворенное.

— А все этот дурак со своим глупым вопросом, — пробормотала женщина рядом с Полом. — Лицемер!

Что увидела Алия? Какой след в будущем?

Что-то случилось здесь этой ночью. И это что-то нарушило обычное течение обряда. Ведь всегда толпа осаждала Алию своими жалкими вопросами. Люди приходили сюда, как просители приходят к оракулу. И Пол много раз слышал это, когда следил за обрядом, скрывшись во тьме за алтарем. Что же изменилось этой ночью, что произошло?

Старик Свободный потянул Пола за рукав, указывая на выход. Толпа уже начала подвигаться в том же направлении. Пол позволил толпе

увлечь себя, чувствуя руку проводника у себя на рукаве. У него было такое ощущение, будто его тело стало вместилищем силы, которую он больше не контролирует. Он превратился в несущество, в неподвижность, которая движется. И это несущество вело его по тем же самым дорогам и улицам, таким знакомым ему по видениям, что сердце его замирало от боли.

«Я знаю, что видела Алиа, — подумал он. — Я сам видел это много раз. Но она не заплакала ... она тоже видела альтернативу»..

ГЛАВА 16

— Я оставляю тебя здесь, — сказал старик, снимая руку с рукава Пола. — Направо, вторая дверь с дальнего края. Иди с Шай-Хулудом, Муад Диб... и помни, что некогда ты был Узудом.

Проводник Пола скользнул во тьму.

Пол знал, что поблизости ожидают люди из службы безопасности. Они обязательно схватят старика и отведут на допрос. Но Пол надеялся, что старик сумеет ускользнуть.

Над головой светили звезды, где-то за Защитной стеной вставала Первая луна. Но это место — не открытая пустыня, где по звездам можно определить путь. Старик привел его в новый пригород, уж это Пол распознал.

Улица была покрыта толстым слоем песка, нанесенного от ближних дюн. Ниже по улице горел единственный глоуглоб. Он давал достаточно света, чтобы разглядеть, что улица вела в тупик.

В воздухе стоял сильный запах от работающего дистиллятора. «Механизм плохо отлажен, и в воздух уходит слишком много влаги. Как беззаботны стали мои люди, — подумал Пол. — Они теперь водные миллионеры. Они уже забыли про те дни, когда на Арракисе человека могли убить из-за воды, содержавшейся в теле».

«Почему я колеблюсь? — удивился Пол. — Вторая дверь с дальнего конца. Я знал это и без его слов. Но я должен действовать так, как будто ничего неизвестно... Да, но все же я колеблюсь...»

Неожиданно из дома слева послышался шум ссоры. Женщина бранила кого-то: она жаловалась, что новое крыло их дома пропускает пыль. Неужели он думает, что вода падает с неба? Если пыль входит, то влага выходит.

«Некоторые еще помнят», — подумал Пол.

Он двинулся вниз по улице, и голоса ссорящихся постепенно затихли.

«Вода с неба!» — подумал он.

Некоторые Свободные видели это чудо на других мирах. Он сам видел это, но сейчас это воспоминание как будто принадлежало другому. Дождь — так это называется. Неожиданно он вспомнил самые настоящие ливни на своей родной планете: густые серые облака в небе Келадана, специфический предгрозово́й запах озона во влажном воздухе, крупные капли дождя, падающие с неба. Вода потоками сбегает с крыш, устремляется к реке, которая разбухает... разбухает... и течет, мутная, мимо их сада... влажные ветви деревьев тускло блестят.

Нога Пола увязла в небольшом наносе песка. На мгновение он вспомнил о противной грязи, которая прилипла к его подошвам в детстве. И снова похожее отвращение, снова он уже в песке, во тьме, полной пыли и ветра, с нависшим над ним угрожающим будущим. Он воспринимал сухость окружающей жизни рассказчиков и наблюдателей с сухими глазами, людей, которые все проблемы решают силой... еще большей силой... и еще большей... и при этом ненавидят каждую ее частицу.

Под ногами крупные камни. Его видение их помнит. Справа возник темный треугольник двери — черное на черном, дом судьбы, дом Отейна, место, отличающееся от окружающего только тем, что его время... для какой-то нужной роли. Странное место, лопадающее теперь в историю.

На его стук дверь приоткрылась. В щель проник тускло-зеленый свет из дворика. Выглянул карлик, похожий на гнома, — древнее лицо на детском теле, привидение, которое никогда раньше видения Пола не показывали.

— Значит, вы пришли, — сказала привидение. Гном отступил в сторону. В его манерах и тоне не было благоговения, только насмешка. — Входите! Входите!

Пол колебался. В видении карлика не было, но все остальное совпадало. Видения могут содержать какие-то несоответствия последующей действительности и все же в целом ей соответствовать. Но это отличие не сулило ему надежды. Он оглянулся на улицу, на жемчужину луны. Как, интересно, она упадет?

— Входите! — повторил гном.

Пол вошел и услышал, как за ним плотно закрылась дверь. Гном прошел вперед, указывая путь. Его большие ступни шлепали по полу. Он открыл решетчатую дверь, ведущую в крытый дворик, и сделал приглашающий жест.

— Они ждут вас, сир.

«Сир, — подумал Пол. — Он знает, кто я».

Прежде чем Пол сумел обдумать это открытие, карлик скользнул в боковой коридор. Надежда, как легкий ветерок, веяла внутри. Он вышел во двор. Это было темное и угрюмое место, с запахом болезни и пора-

жения. Эта атмосфера тяготила его. А избрать меньшее зло — это было бы поражением или нет? Как далеко зашел он по этому пути?

Через узкую дверь в противоположной стене хлынул свет. Не обращая внимания на недобрые, злые запахи и на то, что за ним наблюдают, Пол вошел через эту дверь в маленькую комнату. Даже по стандартам Свободных она была бедной. Занавеси закрывали лишь две стены. Напротив двери, под более богатой занавесью, сидел на подушке человек; в тени слева виднелась женская фигура.

Пол чувствовал, что видение поймало его. Все совпадало. А как же карлик? Что делать с этим различием?

Он осмотрел комнату. Несмотря на бедную обстановку, видно было, что здесь прибрали. Крюки на голых стенах говорили о том, что и тут когда-то были занавеси. Пол напомнил себе, что пилигримы платят большие деньги за подлинные вещи Свободных. У богатых пилигримов особенным сокровищем считаются занавеси — знак того, что ими был совершен хаджж.

Пол чувствовал, что эти голые стены как бы осуждают его своей пустотой. Жалкое состояние двух оставшихся занавесей усиливало чувство вины. Всю стену справа занимала узкая ниша. В ее глубине виднелся ряд портретов — большей частью бородатые Свободные, некоторые в стилсьютах со свисающими трубками, некоторые в официальных мундирах Империи, армейских мундирах, на фоне экзотического окружения. Чаще всего на заднем плане было море.

Свободный на подушке кашлянул, привлекая внимание Пола. Это был Отейн, точно такой же, как и в видении: большой нос, деливший его лицо надвое, тонкая шея, казавшаяся слишком слабой для такой большой головы. Правая щека под заплывшим, слезящимся глазом покрыта сетью шрамов, взгляд синих в синем глаз цепкий, пристальный. Взгляд Свободного.

Подушка Отейна лежала на старом, коричневом, с еще сохранившимися золотистыми нитями, ковре. По такой вытертой подушке можно было судить о многом, но каждый металлический предмет вокруг сидящей фигуры был отполирован до блеска. Рамы портретов, крюки, поручни полок, расположенных в нише, какой-то низкий столик справа.

Пол кивнул здоровой половине лица Отейна и сказал:

— Доброй удачи тебе и твоему жилищу.

Так приветствовали друг друга старые друзья по сьetchу.

— Итак, я снова вижу тебя, Узул.

Голос, произнесший его племенное имя, по-стариковски дрожал. Заплывший глаз на изуродованной половине лица чуть шевельнулся среди шрамов и пергаментной кожи. Подбородок зарос густой седой щетиной. Рот Отейна, когда он говорил, подергивался, обнажая металлические зубы.

— Муад Диб всегда отвечает на призыв федайкина, — сказал Пол. Женщина, сидевшая в углу, шевельнулась и сказала:

— Так хвастает Стилгар.

Она вышла на свет — постаревшая копия Лачмы, которую изображал лицевой танзор. Пол вспомнил, что у Отейна были замужние сестры. Волосы у женщины были седые, нос острый, на пальцах мозоли от прядения. В дни съезда женщина-Свободная с гордостью показала бы эти мозоли, а эта, увидев, что он смотрит на ее руки, спрятала их в складках своего выцветшего синего платья.

Пол вспомнил ее имя — Дхури. Его поразило, что он помнил ее ребенком, а не такой, как в видении этих моментов. Даже ребенком она говорила умным голосом.

— Вы видите меня здесь, — возразил Пол. — А разве я пришел бы сюда без согласия Стилгара? — Он повернулся к Отейну. — Я несу твою ношу воды, Отейн. Приказывай.

Так обращались Свободные к братьям по съетчу.

Отейн кивнул трясущейся головой, поднял левую руку и указал на свое обезображенное лицо.

— Эту заразу я подцепил на Тарахолле, Узул. Сразу после победы, когда мы... — он захлебнулся в судорожном кашле.

— Племя скоро заберет его воду, — сказала Джури. Она подошла к Отейну, поправила подушку и придержала его за плечо, пока кашель не прошел. Пол видел, что она еще не старая, но несбывшиеся надежды изменили ее лицо, а в глазах была горечь.

— Я вызову докторов, — сказал Пол.

Дхури обернулась.

— У нас были лучшие доктора, — и она бросила невольный взгляд на голые стены.

«И стояли они немало», — подумал Пол.

Он чувствовал раздражение, видение сковывало его, но все же были мелкие отличия. Как их использовать? Пряди Времени вышли из мотка пряжи со слабыми изменениями, но его ткань была удручающе одинакова. Он с ужасающей ясностью понял, что если бы попытался нарушить складывающийся узор, то открыл бы дорогу страшному насилию. Власть обманчиво мягкого потока времени угнетала его.

— Что я могу для тебя сделать? — спросил Пол.

— Разве не может быть, чтобы Отейн нуждался в такое время в дружбе? — спросила Дхури. — Неужели федайкин должен доверить воду своего тела чужим?

«Мы вместе жили в съетче Табр, — напомнил себе Пол. — Она имеет право так говорить».

— Я сделаю все, что смогу, — пообещал Пол.

Новый приступ кашля сотряс старика. Когда приступ кончился, Отейн, задыхаясь, проговорил:

— Предательство, Узул. Свободные организовали против тебя заговор.

Губы его некоторое время двигались беззвучно, с уголка рта капнула слюна. Дхури вытерла ему губы краем платья, и Пол заметил, что она сердится из-за такой бесполезной траты жидкости.

Гнев и скорбь охватили Пола. «Федайкин заслуживает лучшего!» Но выбора не было — ни у Императора, ни у его смертника. Они оба шли по лезвию клинка. Малейший неверный шаг многократно усиливал ужасы — не только для них, но и для всего человечества.

Пол заставил себя успокоиться и посмотрел на Дхури. Выражение страдания и сочувствия, с каким она смотрела на Отейна, придало Полу сил. «Чани никогда не должна смотреть на меня вот так», — сказал он себе.

— Лачма говорила о сообщении, — напомнил Пол.

— Мой карлик! — спохватился Отейн. — Я купил его на... на планете... забыл. Он человеческий дистранс, игрушка, созданная тлейлаксу. Он записал имена всех предателей.

Отейн замолчал, весь дрожа.

— Ты говоришь о Лачме, — сказала Дхури. — Когда ты пришел, мы поняли, что она благополучно добралась до тебя. Если ты не забудешь об ответственности, которую возложил на тебя Отейн, то Лачма — главное. Равный обмен, Узул: возьми гнома и жди.

Пол закрыл глаза, сдерживая дрожь. Лачма! Настоящая их дочь погибла в пустыне — тело, отданное песку и ветру.

Открыв глаза, Пол сказал:

— Вы могли бы в любое время обратиться ко мне за...

Дхури не дала Полу договорить:

— Отейн держался в стороне, чтобы те, кто ненавидит тебя, Узул, считали его своим. Дом к югу от нас, в конце улицы, — место встречи твоих врагов. Поэтому мы и живем здесь.

— Тогда позови карлика, и мы пойдем, — сказал Пол.

— Ты плохо слушал, — огорчилась Дхури.

— Карлика ты должен увести в безопасное место, — со странной силой в голосе сказал Отейн. — Только он знает заговорщиков. Никто не подозревает о его способности. Думают, что я держу его для забавы.

— Мы не можем уйти, — сказал Дхури. — Ты и карлик... только вы. Все знают, как мы бедны. Мы сказали, что продадим карлика. Тебя примут за покупателя. Это твой единственный шанс.

Пол справился со своим видением: в нем он уходил, зная имена представителей, но не зная, кто их сообщил. По-видимому, гном находился под защитой другого оракула. И Полу пришло в голову, что все несут свою судьбу в самих себе. С того момента, как джихад избрал его, он ощущал себя запутавшимся в огромной сети. Цели и судьбы миллионов удерживали его и вели. Представление о свободной воле — иллюзия.

Каждый человек — пленник в клетке. Беда Пола была в том, что он видел эту клетку.

Он вслушался в пустоту дома. В нем лишь они четверо: Отейн, Дхури, карлик и он сам. Он ощутил страх и напряжение хозяев, почувствовал наблюдателей, свои собственные силы безопасности в топтерах вверх... и тех, других... за следующей дверью.

«Я напрасно надеялся», — подумал Пол. Но эта мысль почему-то снова вернула ему надежду, и он почувствовал, что еще может ухватить момент.

— Позови карлика, — сказал он.

— Биджаз! — позвала Дхури.

— Вы меня звали? — Карлик вошел в комнату с обеспокоенным выражением на лице.

— У тебя теперь новый хозяин, Биджаз, — сказала Дхури и посмотрела на Пола. — Ты можешь назвать его... Узул.

— Узул — основание столба, — перевел Биджаз. — Как может Узул быть основанием, когда самое основательное существо — это я?

— Он всегда говорит в такой манере, — извинился Отейн.

— Я не говорю, — возразил Биджаз. — Я оперирую машиной, называемой языком. Она стонет и хрипит, но у меня другой нет.

«Игрушка тлейлаксу, — подумал Пол. — Бене планеты Тлейлакс ничего не делает зря». Он обернулся, изучая карлика. Круглые меланжевые глаза встретили его взгляд.

— Какие у тебя еще таланты, Биджаз? — спросил Пол.

— Я знаю, когда нужно уходить, — ответил Биджаз. — Мало кто из людей обладает таким талантом. Есть время для конца, а есть для начала. Сейчас хорошее начало. Пойдем же, Узул.

Пол еще раз вспомнил видение: никакого гнома, но слова маленького человечка соответствовали всему остальному.

— У двери ты назвал меня «сир». Значит, ты меня знаешь?

— Да, сир, — сказал Биджаз. — Вы гораздо больше, чем Узул. Вы — Император Атридес, Пол Муад Диб. И вы мой палец. — Он поднял указательный палец правой руки.

— Биджаз! — воскликнула Дхури. — Ты испытываешь судьбу!

— Я искушаю мой палец, — возразил Биджаз писклявым голосом. Он указал на Пола. — Я указываю на Узула. Разве мой палец не Узул? Или он отражение чего-то более основательного? — Он поднес палец к глазам и осмотрел его с насмешливой улыбкой, сначала с одной стороны, потом с другой. — Просто палец!

— Он часто так болтает, — обеспокоенно сказала Дхури. — Я думаю, поэтому-то тлейлаксу его и бросили.

— Вот у меня и новый хозяин, — проговорил Биджаз. — Как странно действует мой палец. — Необычайно яркими глазами он посмотрел на Отейна и Дхури. — Нас мало что связывает, Отейн. Несколько слезинок,

и мы расстанемся.— Большие ступни гнома зашлепали по полу, он повернулся кругом и стал лицом к Полу.— Ах, хозяин! Как долго я шел, чтобы отыскать вас!

Пол кивнул.

— Вы будете добры ко мне, Узул?— спросил Биджаз.— Вы знаете, я ведь личность. Личности бывают разных форм и размеров. Я слаб мышцами, но силен ртом. Меня дешево накормить, но дорого наполнить. Опустоши меня, но во мне все равно останется больше, чем вложили люди.

— Сейчас не время для твоих глупых загадок,— проворчал Дхури.— Вам нужно идти.

— Я доверху набит догадками,— сказал Биджаз,— и не все они глупые. Идти — значит становиться прошлым, так, Узул? Пусть прошлое будет прошлым. Дхури говорит правду, а у меня есть талант слушать.

— У тебя есть чувство правды?— спросил Пол, решив ждать полного совпадения с видением. Все, что угодно, только бы не разбить этот момент и не вызвать новые последствия. Отейн должен был еще кое-что сказать, иначе Время устремится по гораздо более ужасной тропе.

— У меня есть чувство «сейчас»,— ответил Биджаз.

Пол заметил, что гном начал нервничать. Знает ли маленький человек о том, что должно произойти? Возможно, он сам оракул.

— Ты спрашивала о Лачме?— спохватился Отейн и уставился на Дхури единственным здоровым глазом.

— Лачма в безопасности,— ответила Дхури.

Пол опустил голову, чтобы выражение лица не выдало его. «В безопасности! Лачма — прах в тайной могиле».

— Это хорошо,— сказал Отейн, приняв опущенную голову Пола за кивок согласия.— Одно хорошее дело среди сотен злых, Узул. Знаешь, мне не нравится мир, который мы создали. Когда мы были одни в пустыне и у нас был только один враг — Харконнены, то было лучше.

— Лишь тонкая линия отделяет многих врагов от многих друзей,— сказал Биджаз.— И там, где кончается эта линия, нет ни начала, ни конца. Закончим ее, друзья мои! — Он приблизился к Полу, подскакивая то на одной, то на другой ноге.

— Что такое чувство «сейчас»?— спросил Пол, затягивая мгновения, пугая этим гнома.

— Сейчас! — сказал Биджаз, дрожа.— Сейчас — это сейчас! — И он потянул Пола за собой.— Идем сейчас!

— Рот его полон загадок, но в них нет вреда,— сказал Отейн, глядя на гнома.

— Даже загадка может означать уход,— ответил гном.— И слезы тоже. Идем, пока еще есть время начать.

— Биджаз, чего ты боишься?— спросил Пол гнома.

— Я боюсь духа, который ищет меня сейчас, — пробормотал Биджаз. На лбу у него выступил пот, лицо задергалось. — Я боюсь того, кто не думает и не имеет другого тела, кроме моего. Я боюсь того, что вижу, и того, что не вижу!

«Гном обладает способностью к предвидению, — подумал Пол: — Биджаз разделяет ужасающие видения, разделяет ли он и судьбу оракула? Как велика сила гнома? Может, у него небольшие возможности, как у тех, кто возится с таротом Дюны? Или значительно больше? Что он видел?»

— Вам лучше идти, — сказала Дхури. — Биджаз прав.

— Каждая минута нашей задержки, — сказал Биджаз, — продлевает... продлевает настоящее.

«Каждая минута задержки откладывает возмездие», — подумал Пол. Ядовитое дыхание червя, его зубы, покрытые песком, пронесли над ним. Это произошло давно, но теперь он вдруг это вспомнил. Он чувствовал, как ищет его червь — «урна пустыни».

— Беспокойные сейчас времена, — сказал он, обращаясь к Отейну.

— Свободные знают, как поступать во времена волнений, — произнесла Дхури.

Отейн кивнул трясущейся головой в знак согласия.

Пол взглянул на Дхури. Он не ожидал благодарности, она тяготила бы его еще больше, но горечь Отейна и страстное негодование в глазах Дхури пошатнули его решимость. Есть ли на свете что-нибудь, достойное такой цены?

— Задержка не принесет пользы, — сказала Дхури.

— Делай то, что должно, Узул, — взвизгнул Отейн.

Пол вздохнул, слова видения произнесены.

— Расчет... будет, — сказал он, чтобы завершить видение. Повернувшись, он вышел из комнаты. За ним плелся гном.

ГЛАВА 17

Первая луна стояла над городом, когда Пол, активировав защитное поле, вышел из тупика. Ветер мел песок и пыль на узкой улице, заставив Биджаза заморгать и закрыть глаза рукой.

— Мы должны торопиться, — бормотал гном. — Торопиться! Торопиться!

— Ты чувствуешь опасность?

— Я знаю опасность!

Неожиданное ощущение очень близкой опасности почти немедленно сопровождалось появлением фигуры из ближайшей двери.

Биджаз скорчился и захныкал.

Но это был всего лишь Стилгар, двигавшийся как боевой таран — головой вперед, ноги его прочно ступали по земле.

Пол быстро объяснил ценность гнома и передал Биджаза Стилгару. Видение разворачивалось с ужасающей быстротой. Пола окружили любимые охранники. Раздались слова команды, группа направилась к соседнему от Отейна дому. Люди повиновались торопливо, бесшумные тени среди ночных теней.

«Новые жертвы», — подумал Пол.

— Они нужны нам живыми, — прошепел один из офицеров.

Звуки из видения эхом отразились в ушах Пола. Кругом были солдаты армии Императора, в небе летали орнитоптеры. Видение полностью совпало с реальностью — один к одному...

Мягкий свист перекрыл другие звуки, постепенно перейдя в рев. Занялось сияние, которое скрыло звезды, поглотило луну.

Пол, зная этот звук и сияние по своим ранним видениям, испытал странное чувство свершения. Все шло, как и должно было идти.

— Прожигатель камня! — закричал кто-то.

— Прожигатель камня! — крики слышались теперь отовсюду. — Прожигатель камня... прожигатель камня...

Как и следовало, Пол закрыл лицо руками и упал в канаву, но было уже слишком поздно.

На месте дома Отейна стоял огненный столб, ослепительный фонтан пламени вздымался к небу. Он ярко высветил силуэты борющихся и бегущих людей, уходящие с сильным креном орнитоптеры.

Для всех нападающих было уже поздно.

Земля под Полом стала горячей. Он слышал, как звуки шагов затихают. Люди вокруг него попадали на землю. Все они понимали, что бежать нет смысла. Первый вред уже причинен, а теперь они должны ждать, пока не кончится энергия камня. Радиация уже пронизала их тела, и ее действие начало сказываться. Теперь осталось только ждать, и тогда выяснятся намерения людей, использовавших прожигатель камня и тем самым нарушивших Великий Запрет.

— Боги... прожигатель камня... — простонал кто-то. — Я... не хочу... ослепнуть.

— А кто хочет?! — послышался резкий голос другого солдата чуть дальше по улице.

— Тлейлаксу пришьют нам глаза, — проворчал кто-то вблизи Пола. — А теперь замолчите и ждите!

Они ждали.

Пол молчал, думая о последствиях применения такого оружия. Если топлива много, оно прожжет всю планету. Расплавленное ядро Дюны расположено глубоко, но в этом и кроется особая опасность. Прожигатель

каменя может высвободить силы, которые уничтожат всю планету, разбросав в пространстве ее безжизненные осколки.

— Мне кажется, он затихает, — проговорил кто-то.

— Просто ушел глубже, — предупредил Пол. — Оставайтесь на месте. Стилгар придет помочь.

— Стилгар уцелел?

— Да.

— Земля очень горячая, — пожаловался кто-то из солдат.

— Как они посмели использовать атомное оружие! — протестовал другой.

— Звук стихает, — сказал кто-то дальше по улице.

Пол, не обращая внимания на эти слова, кончиками пальцев трогал землю. Глубоко внизу он чувствовал дрожь.

— Мои глаза! — закричал кто-то. — Я ничего не вижу!

«Он был ближе, чем я», — подумал Пол. Он еще слабо видел конец тупика, с трудом поднимая голову, хотя все затягивал туман. Красно-желтое сияние виднелось на месте дома Отейна и соседних зданий. Обломки других зданий казались черными на фоне багрового свечения.

Пол поднялся на ноги. Он чувствовал, как умирает прожигатель камня. Наступила тишина. Тело было влажным от пота; даже стилсыют не смог поглотить обильное выделение влаги. В воздухе, попавшем в легкие, чувствовался жар и запах серы.

Пол всматривался в начинающих вставать солдат, и туман в его глазах неожиданно сменился чернотой. Он призвал на помощь оракульное видение этого момента, повернулся и пошел по тропе, проложенной для него Временем, вживаясь в видение, чтобы оно не ушло. Он чувствовал, как совпадает реальность с предвидением.

Вокруг слышались стоны: люди начали осознавать свою слепоту.

— Держитесь! — крикнул Пол. — Помощь близка! — И так как жалобы продолжались, он добавил: — С вами Муад Диб! Я приказываю вам держаться! Помощь приближается!

Молчание...

Затем, как и в видении, ближайший к Полу солдат сказал:

— Это действительно наш Император? Кто из вас видит? Скажите мне.

— Никто из них не видит, — сказал Пол. — Они забрали мои глаза, но не мое видение. Я вижу вас вокруг себя, вижу обгорелую стену дома. Не бойтесь ничего и ждите. Стилгар с друзьями уже спешит к нам на помощь.

Все громче и громче слышались звуки топтеров, топот быстрых шагов. Пол видел, как приближаются друзья, видел в видении и слышал в реальности.

— Стилгар! — закричал Пол, размахивая рукой. — Сюда!

— Слава Шай-Хулуду! — воскликнул Стилгар, подбегая к Полу. — Вы не... — В наступившей тишине видение показало Полу, как Стилгар с выражением боли глядит на мертвые глаза своего друга и Императора. — О, милорд, — простонал Стилгар. — Узул... Узул... Узул...

— Что с прожигателем камня? — закричал кто-то из вновь прибывших.

— Он выдохся, — ответил Пол, повышая голос. — Сейчас займитесь теми, кто был ближе всех. Поставьте оцепление. Живее! — Он повернулся к Стилгару.

— Вы видите, милорд? — удивленно спросил Стилгар. — Как вы можете видеть?

Пол коснулся щеки Стилгара и почувствовал слезу.

— Не нужно отдавать мне влагу, старый друг. Я не мертв.

— Но ваши глаза!

— Они ослепили мое тело, но не мое видение. Ах, Стил, я живу в апокалиптическом сне. Мои шаги совпадают с ним по-прежнему точно, и больше всего я боюсь, как бы мне не наскучило это совпадение реальности с видением.

— Узул, я не...

— И не пытайся понимать, Стилгар, просто прими все, как есть. Я в мире за этим миром. Для меня все миры одинаковы. Меня не нужно вести. Я вижу вокруг себя каждое движение. Вижу смену выражений на твоём лице. У меня нет глаз, но я вижу.

Стилгар покачал головой.

— Сир, мы должны скрыть ваше несчастье, пока...

— Мы ничего не скроем, — возразил Пол.

— Но закон...

— Мы сейчас живем по закону Атридесов, Стил. Закон Свободных о том, что слепых следует оставлять в пустыне, применим только к слепым. Я не слеп. Я вижу в цикле бытия, которое есть арена борьбы добра со злом. Мы сейчас на изломе веков, и у каждого из нас своя роль.

В наступившей тишине Пол слышал, как мимо него провели одного из раненых.

— Ужасно! — стонал раненый. — Какой адский огонь!

— Никого из этих людей не должны отправить в пустыню, — сказал Пол. — Ты слышал меня, Стил?

— Я слышал, милорд.

— Всем им предоставь новые глаза за мой счет.

— Будет сделано, милорд.

Уловив в голосе Стилгара благоговейный страх, Пол сказал:

— Я буду в командном топтере. Прими командование здесь.

— Да, милорд.

Обойдя Стилгара, Пол пошел вниз по улице. Видение подсказывало ему каждое движение, каждую неровность под ногами, каждое встречное

лицо. Он на ходу отдавал распоряжения, указывая на людей из своей свиты, называя их по именам, подзывал к себе тех, кто составлял костяк управления. Он чувствовал, как окружающих охватывает ужас, слышал испуганный шепот:

— Его глаза!

— Но он посмотрел на тебя и назвал по имени!

У командного топтера он деактивировал свое защитное поле, забрался в машину и взял микрофон из рук изумленного офицера связи, после чего отдал ряд коротких команд и вернул микрофон офицеру. Обернувшись, Пол подозвал специалиста по вооружению, одного из представителей нового поколения специалистов по энергетике, которое лишь смутно помнило жизнь в сыетче.

— Они использовали прожигатель камня, — сказал Пол.

После короткой паузы человек ответил:

— Мне так и говорили, сир.

— Вы, конечно, знаете, что это означает?

— Топливо могло быть только ядерным, сир.

Пол кивнул, думая о том, как быстро работает человеческий мозг. Великая Конвенция запретила применение такого оружия. На разрушителей обрушится объединенный удар Великих Домов. Старая вражда будет забыта перед лицом этой угрозы, и вновь оживут древние страхи.

— Должны остаться какие-то следы, — сказал Пол. — Соберите нужное оборудование и найдите место, где был изготовлен прожигатель камня.

— Слушаюсь, сир. — Бросив на него последний испуганный взгляд, человек отошел.

— Милорд, — вмешался связист, сидевший сзади. — Ваши глаза...

Пол молча снова отобрал у него микрофон и набрал личный код.

— Вызовите Чани, — приказал он. — Скажите ей... скажите, что я жив и скоро буду.

«Силы собираются», — подумал он. И почувствовал, как силен запах страха вокруг него.

ГЛАВА 18

После нескольких дней сумасшедшей деятельности крепость постепенно замерла в противоестественном спокойствии. Этим утром она вся была заполнена людьми, но они разговаривали шепотом, склонив друг к другу головы, и ходили неслышно. Некоторые явно торопились, но выглядело это неестественно. Отовсюду собирались стражники, вызывая

хмурые недоуменные взгляды новообращенных. Видя, что стражники вооружены до зубов, вновь прибывшие быстро улавливали общее настроение и тоже начинали двигаться незаметно, будто украдкой.

Повсюду слышались разговоры о прожигателе камня:

— Он говорил, что пламя было сине-зеленым и пахло адом.

— Эльпа — глупец. Говорит, что скорее покончит с собой, чем примет глаза от тлейлаксу.

— Мне не нравятся разговоры об этих глазах!

— Муад Диб проходил мимо и окликнул меня по имени.

— Как Он видит без глаз?

— Ты слышал, многие уходят? Все в страхе. Наибы говорят, что соберутся в счете Макаб на Большой Совет.

— А что они сделали с панегиристом?

— Я видел, как его провели в комнату, где совещаются наибы. Ты только представь себе: Корба — пленник!

Чани проснулась рано, разбуженная тишиной в крепости. Она увидела, что рядом сидит Пол. Его глазницы были обращены куда-то вдаль, за пределы их спальни. Ожоги вокруг пустых глазниц были залечены. Инъекции и мази заживили плоть, но Чани чувствовала, что радиация проникла глубже.

Она ощутила сильный голод. Рядом с постелью стояла еда — спайсовый хлеб, сыр.

Пол жестом указал на пищу.

— Любимая, ты должна много есть! Поверь мне!

Чани едва сдержала дрожь, когда он обратил на нее свои пустые глазницы. Она уже перестала спрашивать. Он отвечал так странно: «Я крещен в песке, и это стоило мне гибкости и веры. Кто теперь будет торговать верой? А кто — покупать?»

Что он хотел сказать этими словами? Он отказался даже обсуждать глаза тлейлаксу, хотя, не считаясь с расходами, купил их для всех, кто разделит его несчастье.

Удовлетворив голод, Чани выскользнула из постели, оглянулась на Пола и заметила, как он устал. Угрюмые морщины окружают его рот. Темные волосы взлохматились после сна, который не принес облегчения. Он казался таким опустошенным и далеким. Она заставила себя вернуться, прошептала:

— Любимый... любимый...

Он наклонился к ней, уложил на кровать и поцеловал в щеку.

— Скоро мы вернемся в нашу пустыню, — прошептал он. — Осталось сделать немного.

Она вздрогнула от чувства обреченности в его голосе.

Он обнял ее еще крепче и пробормотал:

— Не бойся меня, моя Сихайя. Забудь загадку и прими любовь. В любви нет загадки. Любовь приходит от жизни. Ты чувствуешь это?

— Да.

Она прижала ладонь к его груди, считая удары сердца. Его любовь вызвала к ее душе, душе Свободной. Его магнетическая власть окутала ее.

— Обещаю тебе, любимая, — сказал он, — наш сын будет править такой Империей, в сравнении с которой моя теперешняя — ничто. Такое величие, такие достижения искусства...

— Мы сейчас здесь! — возразила она, сдерживая рыдания. — И... я чувствую, что у нас осталось так мало... времени

— Перед нами вечность, любимая.

— У тебя, может быть, и вечность. У меня же только «сейчас».

— Но «сейчас» это и есть вечность. — Он провел рукой по ее волосам.

Она прижалась к нему, коснулась губами шеи. От легкого давления в ее чреве зашевелился ребенок, и она ощутила его движения.

Пол тоже почувствовал это. Он положил руку ей на живот и сказал:

— Маленький правитель Вселенной, подожди своего часа. Это мгновение принадлежит мне.

Она удивилась, почему он всегда говорит о жизни в ней в единственном числе. Сказали ли ему врачи? Она порылась в памяти, удивилась тому, что это обстоятельство никогда не обсуждалось ими. Он, конечно, знает, что она носит двоих.

Она колебалась, надо ли говорить об этом. Он должен знать. Он знает все. Его руки, его рот — все в нем знает ее.

Она сказала:

— Да, любимый. Это вечность... она реальна.

И плотно закрыла глаза, чтобы при виде его пустых глазниц ее душа не переселилась из рая в ад.

Когда они начали одеваться, она сказала:

— Если бы только люди знали силу твоей любви...

Но его настроение уже изменилось.

— Нельзя строить политику на любви, — сказал он. — Людей не устраивает любовь, она слишком беспорядочна, они предпочитают деспотизм. Слишком большая свобода порождает хаос. Мы не можем допустить этого. А как сделать, чтобы деспотизм внушал любовь?

— Ты не деспот, — возразила она, завязывая шарф. — Твои законы справедливы.

— Ах, законы, — повторил он. Потом подошел к окну, отдернул занавеси, будто бы собираясь выглянуть наружу. — Что такое законы? Контроль? Закон процеживает хаос, и что же после этого остается? Ясность? Закон — наш высший идеал и основа нашей природы. Не нужно слишком пристально вглядываться в закон. Сделай это и увидишь рационализированные интерпретации, узаконенную софистику. Убеждения, основанные на прецеденте. Найдешь ясность, которая по сути всего лишь другое наименование смерти.

Чани плотно сжала рот. Она не могла отрицать его мудрость и проницательность, но такие настроения пугали ее. Он погрузился в себя, и она чувствовала его внутреннюю борьбу. Как будто он взял изречение Свободных: «Никогда не прощать, ничего не забывать» — и погрузился в него целиком.

Она подошла к нему вплотную. Вечерний закат причудливо разукрасил небо золотым и багряным. Холодный верховой ветер, несущий с собой фонтаны пыли, разбивался о Защитную стену.

Пол почувствовал рядом с собой тепло Чани. Мгновенно он набросил покрывало забытья на свое видение. Просто стоял, ни о чем не думая, но время отказывалось остановиться. Он вдохнул тьму, беззвездную, бессильную. Слепота поглотила его, осталось лишь удивление перед звуками, составляющими Вселенную. Все вокруг него опиралось на единственное чувство — слух и оживало лишь тогда, когда он касался осязаемых предметов: занавеси, руки Чани... Он поймал себя на том, что вслушивается в дыхание Чани.

Его мозг нес в себе огромное количество воспоминаний о несбывшемся. Ведь каждое мгновение реальности имеет бесчисленные проекции, мгновения, которым не суждено осуществиться. Он помнил это несбывшееся прошлое, и тяжесть воспоминания угрожала поглотить его настоящее.

Чани опиралась на его руку.

Он чувствовал ее тело — мертвое тело, уносимое водоворотом Времени. Воспоминание о вечности захватило его целиком. Видеть Вечность — значит быть открытым для ее капризов, быть угнетенным ее бесконечными изменениями. Личное бессмертие оракула требовало расплаты: прошлое и будущее совмещалось во времени.

Снова из темной ямы поднялось видение. Оно было его глазами. Оно двигало его мышцами. Оно вело его в следующий момент, в следующий час, в следующий день... пока он не почувствует, что он здесь!

— Пора идти, — сказала Чани. — Скоро Совет...

— Алия займет мое место.

— Она знает, что надо делать?

— Знает.

День Алии начинался со смены караула во дворце, под ее окнами. Сегодня она увидела там смятение, услышала многоголосый неразборчивый гул. Картина прояснилась, когда она разглядела узника, которого привела охрана. Это был панегирист Корба.

Она проделала утренний туалет, изредка подходя к окну и разглядывая Корбу. Она пыталась вспомнить его как грубого бородатого командира третьей волны в битве под Арракином. Это ей не удавалось. Корба стал теперь круглым толстяком, одетым в дорогой костюм из паратского шелка. Видны были тщательно отглаженные бриджи и нижнее платье, все в золоте и драгоценностях. Пурпурный шелк опоясы-

вал талию. Рукава, просовывающиеся в специальные прорези верхнего платья, ниспадали вниз пышными складками темно-зеленого и черного бархата.

Несколько набобов вышли взглянуть на обращение со Свободным. Их появление вызвало шум, так как Корба начал кричать, пытаясь вспомнить, какими они были раньше. Настоящее заслоняло прошлое. Все они стали гедонистами, позволявшими себе удовольствия, какие обычный человек не мог бы себе представить.

Она видела, что их беспокойные взгляды часто останавливаются на дверях зала, где должен был происходить Совет. Они думали о слепом, но видящем Муад Дибе, о новом проявлении его чудесной силы. По их закону слепой должен быть оставлен в пустыне, где свою воду он отдаст Шай-Хулуду. Но безглазый Муад Диб видел. Им не нравилось здание, они чувствовали себя в нем, как в ловушке. Дай им пещеру в скале, там они вздохнут свободно, но не здесь, где их ждет новый Муад Диб.

Собираясь идти на Совет, Алия заметила на столе письмо, последнее письмо от матери. Несмотря на особое уважение, которым пользовался Келадан как место рождения Пола, леди Джессика подчеркивала свое нежелание превращать планету в место паломничества.

«Несомненно, мой сын — эпохальная фигура в истории, — писала она, — но это не повод для вторжения толпы...»

Алия коснулась письма, испытывая странное чувство взаимного контакта. Эту бумагу держала в руках ее мать. Такое архаическое изображение, как переписка, содержит в себе нечто глубоко личное. Письмо не может заменить ни один другой текст. Написанное на боевом языке Атридесов, письмо Джессики представляло собой почти непроницаемое средство сохранения тайны переписки.

Мысль о матери, как всегда, вызвала у Алии внутреннюю расплывчатость. Спайсовое изменение, соединившее души матери и дочери, заставляло ее иногда думать о Поле, как о сыне, которому она дала жизнь. Это же единство представляло ей собственного отца, как возлюбленного. Призрачные тени, люди, вероятности беспорядочно метались в ее сознании.

По пути в комнату, где ее ждала охрана из амазонок, Алия перечитала письмо.

«Вы породили губительный парадокс, — писала леди Джессика. — Правительство не может быть религиозным и в то же время деспотичным. Религиозный опыт требует самопроизвольности, закон же исключает ее. Вы не умеете управлять, не опираясь на закон, и ваши законы постепенно вытесняют мораль, совесть и даже религию. Я предвижу день, когда место веры займут ее символы и на смену молитве придет ритуал. А между тем правительство есть интеллектуальный механизм, подверженный сомнениям, ищущий ответа на вечные вопросы бытия».

Аромат спайсового кофе встретил Алию в приемной. Четыре амазонки в зеленых мундирах вскочили при ее появлении и пошли за ней, чеканя шаг. У них были лица посвященных, не знающих страха. Они излучали особую, присущую только Свободным, ярость, они могли бы убить, не испытывая жалости или чувства вины.

«В этом я непохожа на них,— подумала Алия.— На имени Атридесов достаточно грязи и без этого».

Ее появлению предшествовали выкрики. Когда она вошла в нижний зал, ожидавший там паж бросился вызывать полную охрану. Угрюмый зал без окон тянулся вдаль, освещаемый лишь несколькими глоуглобами. В дальнем конце неожиданно распахнулись парадные двери, пропустив столб дневного света. Оттуда показались охранники, окружавшие Корбу.

— Где Стилгар?— спросила Алия.

— Он уже на месте,— ответила одна из амазонок.

Алия направилась в зал заседаний Совета. Это было одно из самых помпезных помещений в крепости. Высокий балкон с рядом высоких мягких кресел занимал одну сторону. Под балконом находились высокие окна. Яркий солнечный свет лился из сада с фонтаном. В ближнем конце помещения справа от Алии, возвышался помост с единственным массивным стулом.

Идя к помосту, Алия оглянулась и увидела, что галерея заполнилась наибами.

Открытое пространство под балконом заполняла охрана. Среди стражников ходил Стилгар, отдавая распоряжения. Он ничем не показал, что заметил появление Алии.

Привели Корбу и усадили на подушку перед помостом. Несмотря на яркую одежду, панегирист производил теперь впечатление сонного, будто бы спасающегося от холода человека. Два стражника встали за его спиной.

Когда Алия села, к помосту подошел Стилгар.

— Где Муад Диб?— спросил он.

— Мой брат поручил председательствовать в Совете мне, как Преподобной Матери.

Услышав это, наибы на балконе запротестовали.

— Молчать! — прикрикнула на них Алия. В наступившей тишине она сказала: «Разве это не закон Свободных, что в вопросах, связанных с жизнью и смертью, должна председательствовать Преподобная Мать?»

Наибы притихли, но Алия заметила гневные взгляды. Она запомнила имена, чтобы потом обсудить их на Совете Императора: Хобарс, Раджифири, Тастин, Сааджин, Умбу, Легг... В именах отражались названия мест: съетч Умбу, долина Тастин, пропасть Хобарс.

Алия перенесла свое внимание на Корбу.

Заметив это, тот поднял голову и сказал:

— Я заявляю о своей невинности.

— Стилгар, читайте обвинение! — приказала Алия.

Стилгар выступил вперед, достал свиток и начал торжественно читать. Слова, произносимые им, ясные и неподкупные, звучали резко:

— ... и вошел в сговор с предателями, с целью убить нашего господина и Императора; что тайно встречался с заклятыми врагами Империи; что...

Корба с видом оскорбленной невинности отрицательно качал головой.

Алия задумчиво слушала, склонив голову влево и опираясь подбородком на руку. Глубокое внутреннее беспокойство постепенно закрывало от нее содержание формального процесса.

— ...славные традиции... поддержка легионов и всех Свободных повсеместно... в соответствии с законом, на насилие отвечать насилием... величие персоны Императора... конфискация всех прав...

«Ерунда! — подумала она. — Ерунда! Все это — ерунда! Ерунда, ерунда!»

Стилгар закончил:

— И вот этот случай представляется на рассмотрение правосудия.

В наступившей тишине Корба наклонился вперед, упираясь руками в колени и напрягая шею, как будто собирался прыгнуть.

— Ни словом, ни делом не нарушил я присягу! Я требую очной ставки с обвинителем! — Язык Корбы мелькал меж зубов, брызжа слюной.

Алия видела, что слова Корбы произвели впечатление на наибова. «Они знают Корбу, — подумала она. — Он был одним из них. Прежде чем стать наибом, он доказал свою храбрость и осторожность Свободных. Не бойкий Корба, но надежный. Возглавить джихад не сможет, но как исполнитель вполне хорош. Не крестоносец, но один из тех, кто чит старое правило Свободных: «Племя превыше всего!»

Алии вспомнились горькие слова Отейна, которые пересказал ей Пол. Она осмотрела галерею. Любой из этих людей мог представить себя на месте Корбы, и некоторые имели на то причины. Но и невинный наиб так же опасен, как и этот виновный.

Корба тоже чувствовал это.

— Кто обвиняет меня? — спросил он. — У меня есть право Свободного вызвать обвинителя на поединок.

— Возможно, ты сам выдвигаешь против себя тяжкие обвинения, — сказала Алия.

Прежде чем он смог совладать с собой, мистический ужас отразился на его лице. На лице Корбы можно было ясно прочесть: «С ее-то силой Алия обвинит его сама, просто скажет, что достанет свидетельства из мира теней, алам ал-митал».

— У наших врагов есть союзники среди Свободных,— продолжала Алия.— Водные ловушки разрушены, каналы взорваны, растения отравлены, склады разграблены...

— А теперь похищен и увезен на другую планету червь из пустыни! Этот новый голос узнали все, голос Муад Дибя. Пол прошел меж стражников и подошел к Алии. Его сопровождала Чани, держась несколько сзади и сбоку.

— Милорд,— сказал Стилгар, не решаясь взглянуть Полу в лицо.

Пол направил пустые глазницы на галерею, потом перевел их на Корбу.

— Что, Корба, у тебя больше не осталось слов для дифирамбов?

На галерее послышался ропот. Он становился все громче, теперь различались отдельные слова и фразы:

— Закон о слепых... обычай Свободных... в пустыню... тот, кто напустит...

— Кто говорит, что я слеп?— возвысил голос Пол. Он повернулся к галерее.— Ты, Раджифири? Я вижу, ты сегодня разряжен, а на голубой рубашке под золотым камзолом осела уличная пыль. Ты всегда был неаккуратен.

Раджифири сложил три пальца в жесте, отгоняющем зло.

— Направь эти пальцы на себя! — крикнул Пол.— Мы знаем, где находится зло! — Он снова обернулся к Корбе.— На твоем лице чувство вины, Корба.

— Нет моей вины! Меня оклеветали...— Он замолчал и беспомощно оглянулся на галерею, ища поддержки.

Алия встала, спустилась вниз с помоста и подошла к Корбе. С расстояния меньше метра она смотрела на него сверху вниз молча и угрожающе.

Корба заерзал под ее обвиняющим взглядом, бросая беспокойные взгляды на галерею.

— Чьи глаза ты ищешь там, наверху?— спросил Пол.

— Вы не можете видеть! — закричал Корба.

Пол испытал к нему мгновенное чувство жалости. Видение захватило этого человека в свои сети, как и всех остальных присутствующих. Он лишь играл свою роль, не более.

— Мне не нужны глаза, чтобы видеть тебя,— сказал Пол и начал описывать Корбу, каждое движение, каждый жест, каждый испуганный и тревожный взгляд.

Отчаяние росло в Корбе.

Алия следила за ним и видела, что он может сломаться в любую секунду. Она подумала, что кто-то на галерее тоже понимает это. Она изучала лица наивов, замечая, как выдают их... гнев, неуверенность...

Пол умолк.

Корба, едва овладев собой, напыщенно спросил:

— Кто обвиняет меня?

— Отейн, — сказала Алия.

— Но Отейн мертв! — воскликнул Корба.

— Откуда же ты это знаешь? — спросил Пол. — Через своих шпионов? О, да! Нам известно о твоих шпионах и курьерах. Мы знаем, кто привез прожигатель камня с Тарахолла.

— Он предназначался для защиты Квизарата! — выкрикнул Корба.

— А как он попал в руки предателей? — в упор спросил его Пол.

— Его украли, и мы... — Корба замолчал, судорожно хватая ртом воздух. Взгляд его метался вправо и влево. — Все знают, что я был гласом любви к Муад Дибу. — Он посмотрел на галерею. — Как может мертвец обвинить Свободного?

— Голос Отейна не умер, — сказала Алия и замолчала, так как Пол предостерегающе дотронулся до ее руки.

— Отейн послал нам свой голос, — сказал Пол. — Он собирается сообщить имена, подробности предательства, места и время тайных встреч. Ты видишь, Корба, что кое-кого из наибо в Совете не хватает. Где Меркур и Фаш? Не с нами сегодня Каке и Лейма. А где Таким?

Корба покачал головой.

— Они бежали с Арракиса с украденным червем, — сказал Пол. — Даже если бы я освободил тебя сейчас, Корба, Шай-Хулуд забрал бы твою воду за участие в этом преступлении. Почему я не освободил тебя, Корба? Подумай о тех, кто потерял глаза, кто не может видеть, как я. У них есть семья и друзья. Куда ты скроешься от них?

— Это случайность, — взмолился Корба. — И ведь они получают с Тлейлакса... — он замолчал.

— А кто знает, что приобретаешь вместе с металлическими глазами? — спросил Пол.

На галерее начали шепотом переговариваться наибы, прикрывая рты руками. Теперь они уже смотрели на Корбу достаточно холодно.

— Защита Квизарата, — повторил слова Корбы Пол. — Устройство, способное уничтожить всю планету и испускающее лучи, которые ослепляют всех оказавшихся поблизости. Какой из этих эффектов, Корба, ты предназначал для защиты Квизарата? По-твоему, Квизарат может лишать всех зрения?

— Из простого любопытства, милорд, — молил Корба. — Мы знали, что старый закон гласит: «Только Семьи могут обладать атомной энергией», — и Квизарат починался... повиновался...

— Ты, что ли, повиновался... — усмехнулся Пол.

— Если есть голос, даже только голос моего обвинителя, я должен его выслушать, — сказал Корба. — У Свободного есть права.

— Он прав, сир, — сказал Стилгар.

Алия бросила в его сторону уничтожающий взгляд.

— Закон есть закон,— сказал Стилгар, чувствуя неудовольствие Алии. Он начал цитировать закон Свободных, сопровождая его своими комментариями.

Алия испытывала странное ощущение, будто она слышит слова Стилгара еще до того, как он их произносит. Как он может быть так легковесен? Никогда раньше Стилгар не был столь консервативен, не придерживался так неукоснительно кодекса Дюны. Его подбородок гордо выпятился, он говорил явно агрессивным тоном, произнося слова так, словно отрубал их. Неужели в нем нет ничего, кроме этой отвратительной помпезности?

— Корба — Свободный, и его следует судить по законам Свободных,— заключил Стилгар.

Алия отвернулась и взглянула на тени, падающие из сада на стену. Расследование затянулось почти до полудня. А что теперь? Корба несколько успокоился. На лице панегириста было написано, как он страдает от несправедливости, ведь все, что он делал, совершалось только из любви к Муад Дибу. Она взглянула на Корбу и увидела, как по его лицу скользнуло довольное выражение.

Должно быть, он получил сообщение, подумала она. Сейчас он выглядел так, будто услышал крик друга: «Держись! Помощь близко!»

Какое-то мгновение в их руках были все нити заговора: информация карлика, пароли, имена заговорщиков. Но критический момент миновал. Стилгар? Да нет, конечно же, нет! Она обернулась и посмотрела на старого Свободного.

Стилгар, не мигая, встретил ее взгляд.

— Спасибо, Стил, что ты напомнил нам о законе,— сказал Пол.

Стилгар склонил голову. Он придвинулся ближе и почти беззвучно, так, чтобы слышали только Пол и Алия, произнес:

— Я выжму его досуха и позабочусь о деле.

Пол кивнул и сделал знак охраняющим Корбу.

— Отведите Корбу в наиболее охраняемое и полностью изолированное помещение. Никаких посетителей, кроме защитника. Защитником я назначаю Стилгара.

— Я сам выберу себе защитника! — закричал Корба.

Пол повернулся к нему.

— Ты сомневаешься в честности и справедливости Стилгара?

— О, нет, милорд, но...

— Уведите его! — приказал Пол.

Охранники подняли Корбу с подушки и увели его.

Наибы на галерее снова начали перешептываться. Оконные занавеси были задернуты. Оранжевая полутьма заполнила помещение. Наибы удалились.

— Пол,— произнесла Алия.

— Лишь повергнув насилие, — сказал Пол, — мы сможем полностью контролировать его. Спасибо, Стил, ты хорошо сыграл свою роль. Я уверен, что Алия опознала тех наивов, кто действует заодно с Коброй. Они не могли не выдать себя.

— Вы договорились об этом заранее? — спросила Алия.

— Если бы я приказал казнить Корбу, наивы поняли бы меня, — сказал Пол. — Но формальная процедура... без обращения к закону Свободных... они почувствовали бы угрозу своим правам. Кто из наивов на его стороне, Алия?

— Раджифири, несомненно, — негромко сказала она. — И Сааджин, но...

— Дай Стилгару полный перечень, — распорядился Пол.

Алия глубоко вздохнула, разделяя в этот момент всеобщий страх перед Полом. Она знала, как он движется без глаз, но ее поражала точность его движений. Видеть столько людей сквозь призму своего видения!

— Время вашей утренней аудиенции, сир, — сказал Стилгар. — Много любопытных... боящихся...

— Ты тоже боишься, Стил?

Едва различимый шпот:

— Да.

— Ты мой друг, тебе нечего меня бояться.

— Да, милорд.

— Алия, проводи утреннюю аудиенцию. Стилгар, давай сигнал!

Стилгар повиновался.

Дверь отворилась, и ожидавшая толпа подалась назад, чтобы дать проход чиновникам. Охранники сдерживали просителей, а пестрая, кричащая толпа пыталась прорваться с криками и проклятиями. Все происходило одновременно, крутилось, как в водовороте. В руках просители держали свои жалобы. Через проход, расчищенный стражами, прошел чиновник. Он держал список тех, кому дозволено было предстать перед троном. Чиновник, сухощавый Свободный по имени Текруб, имел холодный и неприступный вид, выставляя напоказ бритую голову и пушистые усы.

Алия двинулась ему навстречу, давая возможность Полу и Чани уйти в коридор за помостом. Она явно испытывала недоверие к Текрубу, замечая любопытные взгляды, которые тот бросал вслед уходящему Полу.

— Сегодня я говорю от имени брата, — сообщила она. — Пусть просители подходят по одному.

— Да, миледи. — Он повернулся, чтобы навести порядок в толпе.

— Я помню времена, когда вы не ошибались относительно намерений брата, — сказал Стилгар.

— Меня отвлекли наивы, — оправдывалась Алия. — Но вы тоже изменились Стил? Что это за спектакль вы разыграли?

Стилгар был шокирован. Все на свете меняется, но чтобы как в спектакле? Драма — сомнительное мероприятие. В Империи появились сомнительные развлечения, и самое непристойное из них — театр. Враги Империи лицедействуют, чтобы завоевать дешевую популярность. Корба пытался всю Империю превратить в подмостки. За это он поплатится жизнью.

— Вы упрямы, — сказал Стилгар. — Вы мне не верите?

Уловив напряжение и горечь в его словах, Алия смягчила выражение лица, но не интонацию голоса.

— Я верю вам, Стил. Я всегда соглашалась с братом, когда он говорил, что если дело в руках Стилгара, то мы можем позволить себе забыть о нем.

— Тогда почему же вы говорите, что я ... изменился?

— Вы были готовы оказать неповиновение моему брату, — сказала она. — Это написано у вас на лбу. Надеюсь только, что это не уничтожит вас обоих.

Приближался первый посетитель. Алия отвернулась, прежде чем Стилгар успел что-то сказать. Но на лице его ясно читалось то, о чем предупреждала в своем письме леди Джессика — подмена морали и совести законом.

«Вы породили гибельный парадокс...»

ГЛАВА 19

— Ты Биджаз? — спросил гхола, входя в маленькую комнату, где содержался под охраной карлик. — Меня зовут Хейт.

С гхойлой пришел отряд стражников, чтобы заступить на вечернюю вахту. Пока они пересекали внешний двор, песок, приносимый ветром, сек их щеки, заставляя моргать и ускорять шаги. Теперь же, в коридоре, слышались их добродушные шутки вперемежку со звуками, сопровождающими ритуал смены караула.

— Ты не Хейт, — возразил карлик, — ты Данкан Айдахо. Я видел, как твое тело положили в бак, и я был там, когда его извлекали, живое и готовое для обучения.

Гхола проглотил комок в неожиданно пересохшем горле. Свет золотистых глоуглобов слегка приглушался зелеными занавесями. В их свете были видны капли пота на лбу карлика. Под маской трусливости и фривольности в карлике чувствовалась внутренняя сила.

— Муад Диб поручил мне узнать, с какой целью тебя изготовили тлейлаксу, — сказал Хейт.

— Тлейлаксу, тлейлаксу,— дурашливо пропел карлик.— Знаешь ли ты, кукла, что я сам тлейлаксу? Кстати, и ты тоже!

Хейт смотрел на карлика. Биджаз излучал уверенность, которая заставляла вспомнить о древних идолах.

— Слышишь стражников снаружи?— спросил Хейт.— Стоит мне только приказать, и они задушат тебя.

— Ай! Ай! — укоризненно воскликнул карлик.— Каким ты стал жестоким! А ведь говорил, что пришел сюда искать правду.

Хейту не понравилось спокойствие карлика.

— Возможно, я ищу лишь будущее,— сказал он.

— Хорошо сказано,— засмеялся Биджаз.— Теперь мы знаем друг друга. Когда встречаются два вора, им не нужно представляться друг другу.

— Мы не воры,— сказал Хейт.— Что, по-твоему, мы украли?

— Не воры, но игральные карты,— возразил Биджаз.— И ты пришел сюда, чтобы подсчитать мои очки. А я, в свою очередь, подсчитаю твои. Так вот: у тебя две рубашки!

— Ты действительно видел меня в баке тлейлаксу?— с видимой неохотой спросил Хейт.

— Разве я уже не сказал?— удивился Биджаз. Карлик вскочил на ноги.— С тобой пришлось немало повозиться. Твое тело никак не хотело возвращаться к жизни.

Хейт неожиданно почувствовал, что живет как бы во сне, контролируемый чужим мозгом, и что он может мгновенно затеряться в этом чужом интеллекте.

Биджаз склонил голову набок и обошел гхолу, глядя на него снизу вверх.

— Возбуждение пробуждает в тебе старое,— сказал он.— Ты преследователь, который никогда не сможет догнать то, за чем гонится.

— Ты — оружие, нацеленное на Муад Диба,— сказал Хейт, поворачиваясь вслед за карликом.— Что ты должен сделать?

— Ничего! — отрезал Биджаз, останавливаясь.— Я даю тебе обычный ответ на обычный вопрос.

— Значит, ты нацелен на Алию. Она твоя цель?

— Во внешних мирах ее называют Хавт — Первое Чудовище,— сказал Биджаз.— Я слышу, как кипит твоя кровь, когда ты говоришь о ней.

— Итак, ее называют Хавт,— сказал гхола, изучая Биджаза, пытаясь найти ключ к своей цели. Этот карлик отвечает так странно.

— Она — девственница-шлюха,— сказал Биджаз.— Она вульгарна, умна, груба и добра, когда думает, получится наоборот, когда хочет созидать, то разрушает все вокруг, как кориолисова буря.

— Значит, ты здесь для того, чтобы говорить против Алии?

— Против нее? — Биджаз опустился на подушку у стены. — Я пришел сюда, чтобы меня захватил магнетизм ее физической красоты. — Он улыбнулся, и на лице у него появилось выражение ящерицы.

— Нападать на Алию — значит нападать на ее брата, — сказал Хейт.

— Это настолько ясно, что трудно разглядеть, — ответил Биджаз. — По правде говоря, Император и его сестра — одна личность, спина к спине, одно существо, наполовину мужчина, наполовину женщина.

— Так говорили Свободные в глубокой пустыне, — сказал Хейт. — Они восстановили кровавые приношения Шай-Хулуду. Почему ты повторяешь их вздор?

— Ты смеешь называть это вздором? — спросил Биджаз. — Ты, который одновременно и человек, и маска? Да, но игральная кость не может сама считать свои очки. Я совсем забыл об этом. И тебе трудно вдвойне, потому что ты служишь Атридесам как двойное существо. Твои чувства не так ясны, как мысли в твоем мозгу.

— Ты проповедуешь этот ложный миф о Муад Дибе твоим стражам? — негромко спросил Хейт. Он чувствовал, как слова карлика опутывают его мозг.

— Это они проповедуют мне! — возразил Биджаз. — И они молятся. Мы все должны молиться. Разве мы не живем в тени самого опасного существа во всей Вселенной?

— Опасное существо...

— Их собственная мать отказалась жить с ними на одной планете!

— Почему ты не отвечаешь мне прямо? Ты знаешь, мы можем спросить тебя по-другому! И получим ответ... так или иначе...

— Но я ответил тебе! Разве я не сказал, что миф реален? Разве я ветер пустыни, несущий смерть в своем животе? Нет. Я — слова! Такие слова, которые молниями ударяют в песок с темного неба. Я сказал: «Задуй лампу! Наступил день!» А ты продолжаешь говорить: «Дай мне лампу, чтобы я мог отыскать день».

— Ты играешь со мной в опасную игру! — сказал Хейт. — Думаешь, я не понимаю эти идеи Дзэнсунни? Ты оставляешь следы такие же ясные, как птица на грязи.

Биджаз захихикал.

— Почему ты смеешься?

— Потому что у меня есть зубы и я не хотел бы, чтобы их не было, — умудрился выговорить Биджаз, не переставая хихикать. — Не имея зубов, я бы не мог их скалить.

— Теперь я знаю твою мишень, — сказал Хейт. — Ты был нацелен на меня.

— И попал! Ты такая большая цель, как бы я мог промахнуться?— Он кивнул, будто бы самому себе.— Теперь я спою для тебя.— Он замыкал монотонную мелодию, повторяя ее снова и снова.

Хейт напрягся, чувствуя странную боль в позвоночнике. Он смотрел на лицо карлика, видел молодые глаза на старом лице. От глаз к вискам тянулась паутина тонких белых линий. Какая большая голова! Все черты замыкались на большом рте, из которого доносился монотонный напев. Этот звук навел Хейта на мысль о древних ритуалах, народных преданиях, старых словах и обычаях, полузабытых значениях. Что-то жизненно важное происходило здесь... смертельная игра мыслями наперекор Времени. Древние мысли звучали в песне карлика, как ослепительный свет на расстоянии, который все приближается и приближается, освещая жизнь через пропасть столетий.

— Что ты делаешь со мной?— выдохнул Хейт.

— Ты инструмент, на котором меня учили играть,— сказал Биджаз.— Я играю на тебе. Позволь мне назвать другие имена предателей среди наивов. Вукурс и Кахиет... Джеддида, секретарь Корбы; Абу-моджандис, помощник Баннерджи. Даже сейчас, в этот момент, кто-нибудь из них может вонзить нож в спину вашего Муад Дибá.

Хейт лишь покачал головой, будучи не в состоянии говорить.

— Мы с тобой как братья,— сказал Биджаз, снова прерывая свое монотонное гудение.— Мы росли в одном и том же баке: сначала я, потом — ты.

Металлические глаза Хейта внезапно обожгло непереносимой болью. Красный туман окутал все вокруг. Он чувствовал, как его отсекают от всего, кроме боли. Все стало случайным, случай пронизывал матрицу. Воля его ослабла, съезжилась. Она жила без дыхания и была различима лишь как слабое внутреннее свечение.

С энергией отчаяния прорывался он сквозь завесу боли. Внимание его сосредоточилось на Биджазе. Хейт чувствовал, как его взгляд прорывается сквозь слои карлика — слой за слоем, пока не осталась лишь сущность, выраженная символом.

— Мы на поле боя,— сказал Биджаз.— Теперь ты можешь говорить. Освобожденный этими словами, Хейт сказал:

— Ты не сможешь заставить меня убить Муад Дибá.

— Я слышал, как Бене Гессерит говорят,— сказал Биджаз,— что нет ничего прочного, ничего уравновешенного во всей Вселенной, ничто не остается постоянным, каждый день и каждый час приносит изменения.

Хейт тупо покачал головой.

— Ты считал, что наша цель — этот глупый Император,— сказал Биджаз.— Плохо же ты знаешь наших хозяев, глейлаксу. Союз и Бене Гессерит считают, что мы производим орудия и услуги. Все может быть орудием: нищета, война. Война полезна, так как она эффективна во многих сферах. Она стимулирует обмен веществ.

Она понуждает правительства к действиям. Она разделяет генетические линии. Она обладает жизненностью, как ничто другое во Вселенной. Только тот, кто понимает необходимость войны, достигает самоопределения.

Необычно спокойным голосом Хейт сказал:

— Странные мысли исходят от тебя. Я почти готов поверить в мистическое провидение. Сколько прибыли принесло создание тебя? Из этого могла бы получиться восхитительная история с захватывающим эпилогом.

— Великолепно! — воскликнул Биджаз. — Ты нападаешь, следовательно, ты достигаешь самоопределения.

— Ты пытаешься пробудить во мне насилие, — безжизненным голосом сказал Хейт.

Биджаз отрицательно мотнул головой.

— Пробуждаю — да, насилие — нет. Ты носитель сознания, полученного при обучении. Я должен пробудить в тебе это сознание, Данкан Айдахо.

— Я Хейт!

— Ты — Данкан Айдахо! Уникальный убийца. Любовник многих женщин. Искусный фехтовальщик. Правая рука Атридесов на поле битвы. Ты — Данкан Айдахо!

— Прошлого нельзя разбудить.

— Нельзя.

— Это еще никому не удавалось.

— Верно, но наши хозяева отрицают саму мысль, что чего-то сделать нельзя. Они всегда ищут подходящее орудие, правильную точку приложения силы, пользуются услугами подходящего...

— Ты скрываешь свою истинную цель! Ты создаешь экран из слов, а они ничего не значат!

— В тебе есть Данкан Айдахо, — сказал Биджаз. — Твое сознание подчинится эмоциям или бесстрастному рассмотрению, но оно подчинится. Твое сознание прорвет экран подавления и вырвется из темного прошлого. Оно и сейчас преследует тебя. Существо, живущее внутри тебя, проснется и будет повиноваться.

— Тлейлаксу считают, что я их раб, но я...

— Молчать, раб! — произнес Биджаз воющим голосом.

Хейт замолк.

— Вот мы и дошли до сути, — сказал Биджаз. — Я знаю, что ты и сам чувствуешь это. И вот условные слова, чтобы управлять тобой... Они работают, как надо.

Хейт чувствовал, как пот выступает у него на лбу, как дрожат руки. Но он был не в силах пошевелиться.

— Однажды, — продолжал Биджаз, — Император придет к тебе. Он скажет: «Она умерла». И лицо его превратится в маску горя. Он будет

отдавать воду мертвых, как здесь называют слезы. И ты скажешь моим голосом: «Господи! Господи!»

Челюсти и горло Хейта сводило от напряжения. Он смог слегка повернуть голову.

— Ты скажешь: «У меня сообщение от Биджаза». — Карлик скорчил гримасу. — Бедный Биджаз, у которого не было мозгов... бедный Биджаз, барабан, набитый информацией... орудие для других... надави на Биджаза, и он издаст звук... — Он снова улыбнулся. — А я не лицемер, хоть ты и считаешь меня таковым, Данкан Айдахо. Я тоже могу печалиться. Но пришло время заменить мечи словами.

Хейта сотрясала икота.

Биджаз хихикнул.

— Спасибо тебе, Данкан Айдахо, спасибо. Потребности тела выручают нас. Так как у Императора в жилах течет кровь Харконненов, он будет делать то, что мы потребуем. Он превратится в говорящую машину, в произносителя слов, в колокольчик со звоном, приятным для ушей наших хозяев.

Хейт мигнул и подумал, что Биджаз похож на маленького умного зверька. Как это понимать: «Кровь Харконненов в жилах Императора?»

— Ты думаешь о звере Харконнене, — сказал Биджаз. — В этом ты похож на Свободного. Когда слова не помогают, в руке появляется меч, да? Ты думаешь о том зле, которое причинили твоей семье Харконнены? Да, по материнской линии твой драгоценный Пол — Харконнен! Тебе ведь не трудно будет убить Харконнена, не так ли?

Судорога прошла по телу гхолы. Был ли это гнев? Откуда?

— Ох! — сказал Биджаз. — Ах! Ха-ха! Но есть еще кое-что. Тлей-лаксу предложат сделку твоему драгоценному Полу Атридесу. Наши хозяева оживят его возлюбленную. У тебя может появиться сестра-гхола.

Хейт неожиданно почувствовал, что во Вселенной осталось только его дыхание.

— Гхола, — повторил Биджаз. — Тело его возлюбленной. Она сможет рожать ему детей. И будет любить его. Мы даже можем усовершенствовать оригинал, если он захочет. Была ли когда-нибудь у человека лучшая возможность вернуть утраченное? Он за это ухватится.

Будто утомившись, Биджаз опустил глаза, а потом сказал:

— Он испытывает искушение... он задумается, и в этот момент ты приблизишься к нему. И ударишь! И будет еще один гхола... Вот чего требуют наши хозяева! — Карлик прокашлялся и, кивнув, потребовал: — Говори!

— Я этого не сделаю! — сказал Хейт.

— Это сделает Данкан Айдахо. И сделает в момент наибольшей уязвимости этого отпрыска Харконненов. Не забудь! Ты предложишь

усовершенствование его возлюбленной — возможно, бессмертное сердце, более нежные чувства. Ты предложишь ему убежище — планету, которую он выберет сам за пределами Империи. Подумай только! Его любимая оживет. Нет больше слез, а есть возможность прожить оставшиеся годы в идиллии.

— Дорогое предложение, — сказал Хейт. — Он спросит о цене.

— Скажи, что он должен отказаться от своей божественной сущности и упразднить Квизарат. И не только от своего имени, но и от имени своей сестры.

— И больше ничего? — насмешливо спросил Хейт.

— Разумеется, он должен будет отдать свой пай в КХОАМ.

— Разумеется.

— А если ты не будешь стоять достаточно близко, чтобы нанести удар, тогда начни говорить о том, как восхищены тлейлаксу тем, что он научил их использовать возможности религии. Скажи ему, что у тлейлаксу есть теперь отдел религиозной инженерии, который ставит своей целью использование религии для практических нужд.

— Очень разумно, — сказал Хейт.

— Ты волен иронизировать и не повиноваться мне, — сказал Биджаз, склонив голову набок. — Не отрицай...

— Они хорошо тебя сделали, маленькое животное.

— Тебя тоже, — отозвался карлик. — Ты ему скажешь, чтобы он поторопился. Плоть разлагается, и ее тело должно быть сохранено в криогенном танке.

Хейт чувствовал, как барахтается в сети, которую не может распознать. Карлик так уверен в себе, но все же должен быть некий просчет в логике тлейлаксу. Создавая гхолу, они настроили его на голос Биджаза, но... но что?.. Как легко ошибиться!

Биджаз улыбнулся, как бы прислушиваясь к голосу внутри себя.

— Теперь ты все знаешь, — сказал он. — Когда настанет момент, ты вспомнишь. Он скажет: «Она умерла». И тогда проснется Данкан Айдахо.

Карлик хлопнул в ладоши.

Хейт вздрогнул, чувствуя, что его прервали в середине мысли... или в середине фразы. Что это? Что-то насчет цели?

— Ты надеешься смутить меня и управлять мной, — сказал он.

— Как это? — спросил Биджаз.

— Я твоя цель, и ты не можешь отрицать этого.

— Я и не думаю отрицать.

— Тогда что же ты пытаешься со мной сделать?

— Пытаюсь оказать любезность, — пояснил Биджаз. — Простую любезность.

ГЛАВА 20

Хейт смотрел, как Алия вышла из храма и пересекла площадь. Ее охрана держалась близко к ней, свирепое выражение диких лиц охранников должно было маскировать следы хорошей жизни и самодовольства.

Над храмом сверкали на солнце крылья топтера. Это был топтер императорской охраны с изображенным на фюзеляже кулаком — символом Муад Дибба.

Хейт снова взглянул на Алию. «Она кажется не на месте здесь, в городе, — подумал он. — Настоящее ее место — пустыня, открытое, бескрайнее пространство». Другая странная мысль пришла ему в голову, когда он следил за ее приближением: Алия казалась задумчивой, только когда улыбалась. Все дело в глазах, решил он, вспоминая, как она появилась в зале на приеме после Союза: надменно и гордо, под звуки музыки, среди экстравагантных мундиров и костюмов. Алия была в ослепительном белом, ярком платье целомудрия. Он смотрел на нее из окна, пока она не прошла во внутренний двор, с его прудом, фонтаном, лужайками степных трав и белым бельведером.

Все не так... совершенно не так... Она принадлежит пустыне.

Хейт перевел дыхание. Алия вышла из поля его зрения. Он ждал, сжимая и разжимая кулаки. Встреча с Биджазом вызвала у него беспокойство.

Он слышал, как свита Алии прошла по коридору, может быть, чуть-чуть быстрее, чем следовало бы по ритуалу. Мимо комнаты, где он ждал, Алия прошла в свои покои.

Хейт попытался сосредоточиться и понять, что же в ней встревожило его. То, как она шла по площади? Да. Она двигалась, как животное, за которым охотится хищник. Он вышел на соединительный балкон, прошел по нему, скрываясь за солнцезащитными экранами, и остановился, оставаясь скрытым в тени. Алия стояла у балюстрады, глядя на свой храм.

Он посмотрел в том же направлении, что и она, — на город за храмом. И увидел прямоугольники, разноцветные кварталы, копошащуюся жизнь, услышал звуки. Стрелы блестели, сверкали на солнце, воздух над крышами дрожал от жары. В тупике, образованном стеной и углом храма, мальчик играл в мяч. Мяч поднимался и опускался, ударяясь о землю.

Алия тоже смотрела на мяч. Она чувствовала странное единство с ним — вверх и вниз, вверх и вниз. Она точно также прыгала по коридорам Времени.

Порция меланжа, выпитая перед уходом из храма, была самой большой, какую ей приходилось пить, — огромная сверхдоза. Еще до того, как яд начал действовать, Алия пришла в ужас.

«Зачем я это сделала?» — спросила она себя.

Иногда приходится выбирать между опасностями. Тот ли это случай? Это дало бы возможность проникнуть через проклятый туман, которым окутал будущее коварный тарот Дюны. Существовала преграда, и ее следовало преодолеть. Алия действовала по необходимости. Ей нужно было видеть, куда идет походкой слепого ее безглазый брат.

Действие меланжа начало сказываться на ее сознании. Она глубоко вздохнула, испытывая особое удовольствие и спокойствие, ядовитое и самодовольное.

«Обладание вторым зрением опасно, оно ведет к фанатизму, — подумала Алия. — К несчастью, не существует абсолютно верного расчета, нельзя просчитать предвидение. Видения будущего нельзя представить в виде формул. Приходится входить в них, рискуя жизнью и рассудком.»

Из густой тени соединительного балкона появилась фигура. Гхола! В своем обостренном восприятии Алия видела его с предельной четкостью: смуглое лицо, сверкающие глаза. Единство ужасающих противоположностей, что-то связанное воедино шокирующим образом, тень и яркий свет, продукт процесса, оживившего его мертвую плоть... что-то необыкновенно чистое... невинное.

Невинность в осаде!

— Давно ты здесь, Данкан? — спросила она.

— Я не Данкан, — ответил он. — А что?

— Не спрашивай меня.

И она подумала, глядя на него, что тлейлаксу ничего не оставили в нем незавершенным.

— Только боги могут безнаказанно рисковать совершенством, — сказала Алия. — Для человека это опасно.

— Данкан умер. — Он не хотел, чтобы она его так звала. — Я Хейт.

Она изучала его искусственные глаза, гадая, что они видят. Приглядевшись, она увидела маленькие черные точки, крошечные колодцы черноты на сверкающем металле. Фасетки! Вселенная вокруг нее мерцала и искажалась. Алия ухватила за нагретые солнцем перила балкона. Меланж действует быстро!

— Вы больны? — спросил Хейт. Он придвинулся, внимательно глядя на нее стальными глазами.

«Кто это говорит?— подумала она.— Данкан Айдахо? Гхоламентат? Или философ Дзэнсунни? А может, пешка с Тлейлакса, более опасная, чем любой рулевой Союза? Мой брат знает».

Она снова посмотрела на гхолу. Что-то таинственное было сейчас в нем. Он начинен ожиданием.

— Благодаря своей матери я — Бене Гессерит, — сказала она. — Ты знаешь это?

— Знаю.

— Я использую силу Бене Гессерит, думаю, как думают они. Часть меня сознает священную необходимость генетической программы... и ее продуктов.

Она замигала, чувствуя, как ее сознание начинает свободно двигаться во Времени.

— Говорят, Бене Гессерит никого не отпускают, — заметил он. И, приглядевшись внимательнее, заметил, как побелели пальцы, сжимавшие балконные перила.

— Я споткнулась? — спросила она.

Он видел, как глубоко она дышит, как напряженно каждое ее движение, как блестят ее глаза.

— Споткнувшись, вы можете восстановить равновесие, перепрыгнув через то, обо что споткнулись.

— Бене Гессерит споткнулась, — сказала она. — Они хотят восстановить равновесие, перепрыгнув через моего брата. Они хотят ребенка Чани... или моего.

— Вы ждете ребенка?

Она с трудом удержала равновесие во Времени и Пространстве. Какого ребенка? И где? Когда?

— Я вижу... — прошептала она, — ... моего ребенка.

Она отодвинулась от края балкона, повернула голову, чтобы взглянуть на гхолу. У него лицо из соли, горькие глаза — два круга блестящего свинца.

— Что ты видишь такими глазами?

— То же, что и другие.

Его слова звенели у нее в ушах, обостряя сознание. Она чувствовала, что перешагнула через Вселенную... дальше, еще дальше... Ее окутывало Время.

— Вы приняли спайс, большую дозу, — сказал он.

— Почему я его не вижу? — пробормотала она. Чрево всего сущего держало ее в плену. — Скажи мне, Данкан, почему я его не вижу?

— Кого?

— Отца моего ребенка. Я заблудилась в тумане тарота. Поскорее помоги мне.

Логика ментата дала точный расчет, и он сказал:

— Бене Гессерит хотят скрестить вас с вашим братом. С генетической точки зрения...

Она закричала.

— Яйцо во плоти... — с трудом прохрипела она. Ее охватил холод, потом нестерпимый жар. Невидимый муж ее темных снов! Плоть от плоти ее, то, чего не показывал ей оракул. Неужели дойдет до этого?

— Вы, наверно, решились на очень большую дозу спайса? — спросил Хейт. В нем нарастал ужас, что эта женщина из рода Атридисов умрет, что ему придется смотреть в лицо Полу и сообщить ему об этом.

— Ты не знаешь, каково охотиться за будущим, — сказала она. — Иногда я мельком вижу себя... но иду своим путем. Я не могу смотреть сквозь себя. — Она опустила голову и покачала ею.

— Сколько спайса вы приняли?

— Природа ненавидит предвидение, — сказала она, поднимая голову. — Ты это знаешь, Данкан?

Он заговорил мягко и убедительно, как с ребенком.

— Скажите мне, сколько спайса вы приняли? — Левой рукой он придерживал ее за плечо.

— Слова так примитивны и двусмысленны. — Она отодвинулась от него.

— Скажите мне.

— Посмотри на Защитную стену, — приказала она, указывая пальцем. Она глядела вдоль вытянутой руки и вся дрожала — местность разрушалась в ее всепоглощающем видении: песочный замок размывался невидимыми волнами. Она отвела взгляд, ее внимание привлекло лицо гхолы. Его черты менялись, смешивались, становились старыми... и молодыми... старыми... молодыми... Он был самой жизнью — напористой, бесконечной... Она хотела бежать, но он схватил ее за руку.

— Я позову врача, — сказал он.

— Нет! Я должна иметь видение! Мне нужно знать!

— Идемте в дом.

Она смотрела на его руку. Там, где его рука касалась ее тела, она чувствовала электрическое напряжение, которое и искушало, и пугало ее. Она рывком высвободилась и проговорила:

— Нельзя удерживать водоворот!

— Вам нужна медицинская помощь!

— Разве ты не понимаешь? Мое видение неполно, только фрагменты. Оно мигает и дергается. Я должна запомнить будущее. Разве это не ясно?

— Что толку в будущем, если вы сейчас умрете? — спросил он, осторожно ведя ее в помещение семьи.

— Слова... слова... — бормотала она. — Я не могу объяснить их. Одно должно вызывать другое, а здесь нет причин... и нет следствий. Нельзя оставлять Вселенную в таком виде!

— Ложитесь! — приказал он.

«Какой он сильный!» — подумала она.

Холодные тени окутали ее. Она чувствовала, как ее собственные мышцы ползут, словно черви. Только пространство постоянно, все остальное неустойчиво. Кровать покрылась множеством тел, и все это были ее тела. Время стало множеством перегруженных ощущений. Не было единой реакции Времени, не за что было ухватиться. Это Время. Оно движется. Все скользит мимо, назад, вперед, в сторону.

— Оно лишено предметности, — пыталась объяснить она. — Его нельзя обойти или пройти под ним.

Вокруг нее копошились люди. Кто-то держал ее за руку. Она проследила за этой рукой и увидела лицо — Данкан Айдахо! Его глаза... неправильные, но это Данкан — мужчина-ребенок-старик... мужчина-ребенок-старик... Каждая черточка лица выдает его тревогу за нее.

— Данкан, не бойся, — прошептала она.

Он кивнул, продолжая держать ее за руку:

— Лежите спокойно.

И подумал: «Она не должна умереть! Не должна!!!» Он покачал головой. Такие мысли противоречат логике момента. Смерть необходима, чтобы жизнь могла продолжаться.

«Гхола любит меня», — подумала Алия.

Эта мысль стала прочной скалой, за которую она смогла ухватиться. Знакомое лицо, знакомая комната за ним. Она узнала одну из спален в крыле Пола.

Какой-то человек что-то делал с трубкой в ее горле. Она боролась с тошнотой.

— Мы успели вовремя. — Алия узнала голос семейного врача. — Надо было позвать меня раньше. — В его голосе звучало подозрение. Она чувствовала, как трубка выскальзывает из ее рта — змея, блестящая нить.

— После укола она заснет, — сказал врач. — Я пришлю ее адъютантов.

— Я побуду с ней, — сказал гхола.

— Не нужно!

— Останься... Данкан, — прошептала Алия.

Он погладил ее руку, чтобы показать, что слышит ее просьбу.

— Миледи, — сказал врач, — будет лучше, если вы ...

— Не говорите мне, что лучше, — выдохнула она. Горло ее болело от каждого произнесенного ею звука.

— Миледи, — в голосе врача звучал упрек, — вы ведь знаете, как опасно принимать слишком много меланжа. Могу только предположить, что кто-то дал вам его без ...

— Вы дурак! — прохрипела она. — Хотите лишить меня видения? Я знала, на что шла. — Она приложила руку к горлу. — Уходите же отсюда! Немедленно!

Врач выплыл из поля ее зрения со словами:

— Я сообщу вашему брату.

Она позволила ему уйти, перенесла все свое видение на гхолу. Теперь оно лежало в ее сознании. Она чувствовала, как движется гхола во Времени. Он больше не был загадочной фигурой.

«Он — суровое испытание, посланное мне, — подумала Алия. — В нем опасность и спасение».

И она вздрогнула, зная, что имела видение, которое было и у брата. Нежелательные слезы жгли ей глаза. Она резко повернула голову. Никаких слез! На них тратится драгоценная влага, и, что гораздо хуже, они искажают виток видения. Пола нужно остановить! Один раз, только один раз она пересекла Время там, где проходил он. Напряжение и изменчивость больше не позволят этого. Нить Времени проходит сквозь ее брата, как луч света через миг времени. Он стоит в фокусе и знает это. Он собрал все линии и не позволит им ускользнуть или измениться.

— Почему? — пробормотала она. — Из ненависти? Он ударил Время, потому что оно причинило ему боль? Или... что?..

Хейту показалось, что он слышит свое имя.

— Миледи?

— Если бы я могла выжечь это в себе! — воскликнула Алия. — Я не хочу отличаться от других.

— Пожалуйста, Алия, — бормотал он. — Вам нужно уснуть.

— Я хочу уметь смеяться, — прошептала она. — Слезы катились по ее щекам. — Но я сестра Императора, которому поклоняются, как Богу. Люди боятся меня. Я не хочу, чтобы меня боялись.

Он вытер слезы с ее лица.

— Я не хочу быть частью истории, — шептала она. — Я хочу быть любимой ... и любить.

— Вы любимы.

— Ах, верный, верный Данкан.

— Пожалуйста, не зовите меня так.

— Но это так. А верность — ценный товар. Ее можно продать, но купить нельзя.

— Мне не нравится ваш цинизм.

— Будь проклята твоя логика! Это правда!

— Спите!

— Ты любишь меня, Данкан?

— Да.

— Может, это ложь, в которую легче поверить, чем в правду? — спросила она. — Почему я боюсь поверить тебе?

— Вы боитесь моих отличий, как и своих.

— Будь мужчиной, а не ментатом!

— Я ментат и мужчина.

— Ты сделаешь меня своей женщиной?

— Я сделаю то, чего потребуешь любовь.

— И верность?

— И верность.

— Вот этим ты и опасен, — сказала она.

Ее слова обеспокоили его. Ни следа этого беспокойства не отразилось на его лице, ни одна мышца не дрогнула, но она знала, ведь это беспокойство было в видении. Она чувствовала, что утратила часть видения, но кое-как из будущего помнила.

— Данкан, не давай мне уходить, — прошптала она.

— Спите. Не боритесь со сном, миледи.

— Я должна ... должна ... Он — наживка в собственной ловушке. Он слуга силы и ужаса. Насилие ... обожествление — это тюрьма, в которую он заключен. Он потеряет все. Его разорвут на части.

— Вы говорите о Поле?

— Его влечет к самоуничтожению, — хрипела она, изгибая шею. — Слишком велика тяжесть, слишком много горя. Его уведут от его любви. — Она опустилась на кровать. — Создают Вселенную, где он не позволит себе жить.

— Кто это делает?

— Он сам! О, в нем так много всего, хотя он всего лишь часть рисунка. И слишком поздно ... слишком поздно ...

Говоря это, она чувствовала, как сознание опускается слой за слоем. Тело и мозг разделились и слились в вихре прошлых видений ... движущихся ... сменяющихся ... Она чувствовала биснис сердца зародыша, ребенка будущего. Меланж все еще владел ею, заставляя плыть во Времени. Она знала, что видит жизнь еще незачатого ребенка. Но одно было ей известно точно: этому ребенку уготовано такое же ужасное пробуждение, как и ей самой. Он будет сознательным и мыслящим существом еще до рождения.

Глава 21

Чани смотрела на утреннюю пустыню с утеса, расположенного недалеко от съезда Табр. На ней не было стилсьюта, и от этого она чувст-

вовала себя беззащитной перед пустыней. Вход в съезд находился чуть сзади и выше нее.

Пустыня ... пустыня ... Она чувствовала, что пустыня всюду следует за ней. Возвращение к пустыне — это не возвращение домой. Просто она повернула, чтобы увидеть то, что всегда было с ней.

Болезненная судорога прошла по ее животу. Скоро роды. Она боролась с болью, ожидая родов наедине с пустыней.

Дремотная неподвижность рассвета охватила землю. Тени лежали на дюнах и на террасах Защитной стены. Солнечный свет бил ей в глаза. Бледный ландшафт протянулся под голубым небом. Сцена соответствовала ее скептическому мрачному настроению, которое мучило ее с тех пор, как она узнала о слепоте Пола.

«Почему мы здесь? — удивлялась она. Это не хаджа, путешествие поиска. Пол ничего не искал здесь, разве что место для ее родов. Он собрал странную компанию для путешествия: гхола Хейт, некогда Данкан Айдахо; Биджаз, тлейлакский карлик; Адрик, рулевой Союза; Гаиус Хэлен Моахим, Преподобная Мать Бене Гессерит; Лачма, странная дочь Отейна, которая всюду передвигается под неусыпной охраной; Стилгар, наиб, ее дядя; любимая жена Стилгара, Хара; Иру-лэн и Алия.

Звуки ветра в крутых скалах сопровождали ее мысли. Пустынный день начал желтеть.

— Почему такой странный выбор сопровождающих? — спросила она.

— Мы забыли, — ответил на ее вопрос Пол, — что слово «компания» означает путешественников. Мы и есть такая компания.

— Но какова их ценность?

— Вот! — сказал он, обратив к ней пугающе пустые глазницы. — Мы утратили простой смысл жизни. Если ее нельзя запечатлеть, побить, прогнать, мы ее не ценим.

Задетая, она сказала:

— Я не это имела в виду.

— Ну, дорогая, — сказал он шутливо, — мы не так богаты деньгами и бедны жизнью. Я злой, упрямый, глупый ...

— Нет!

— Это правда. Но руки мои посинели от времени. Я думаю ... Я думаю, что пытался изобрести жизнь, не сознавая, что она уже изобретена.

Ион коснулся ее живота, чтобы ощутить таящуюся там новую жизнь.

Вспомнив это, она положила обе руки на живот и вздрогнула, пожалев, что попросила Пола привезти ее сюда.

Пустынный ветер принес тяжелый запах с зеленой полосы растительности у основания утеса. Суеверие Свободных вспомнилось Чани: злые запахи — злые времена. Она посмотрела туда и увидела появившегося

за этой полосой червя. Он выползал из дюны, как из гигантского корабля, разбрасывая песок, но вдруг ощутил смертоносный для него запах воды и бежал, оставив за собой глубокий длинный след.

Червь заразил ее своим страхом. Она возненавидела воду. Вода, некогда душа Арракиса, превратилась в яд. Вода приносит мор. Только пустыня чиста.

Ниже ее возвращался отряд Свободных. Они поднялись ко входу в съетч, и она увидела их грязные ноги.

Свободные с грязными ногами!

Дети съетча начали петь, их голоса доносились изнутри, от входа. Эти голоса заставили ее почувствовать, как улетает время, словно ястреб от ветра. Она задрожала.

Какие бури видит Пол своим безглазым видением? Она ощущала в нем яростное безумие и страшную усталость, усталость от песен и споров.

Она заметила, что небо стало серым и наполнилось алебастровыми лучами и странными рисунками, вытканными принесенным ветром песком. Ее внимание привлекла белая полоска на юге. Неожиданно насторожившись, она истолковала знак: белое небо на юге — рот Шай-Хулуда. Приближается буря, большой ветер. Она чувствовала предупреждающий ветерок, трение песчинок о ее щеки. Ветер приносил с собой ярость смерти: запахи воды с каналов, горячего песка, кремня. Вода! Вот из-за чего Шай-Хулуд насылает кориолисовые встры.

На утесе, где она стояла, появились ястребы. Они искали убежища от ветра. Коричневые, как скалы, с алыми перьями в крыльях. Ее дух устремился к ним: у них было укрытие, у нее — нет.

— Миледи, поднимается ветер...

Она обернулась и увидела гхолу у входа в съетч. Страх охватил ее. Очишающая смерть, вода, отданная телом назад племени, — это она понимала. Но ... вернуться назад после смерти, как этот гхола ...

Принесенный ветром песок хлестал ее лицо, от него покраснели щеки. Она через плечо обернулась на пугающую песчаную полоску в небе. Пустыня стала коричнево-багровой, и дюны, точно волны, катились на берег. Чани вспомнила, как однажды Пол описывал ей море. Она заколебалась, охваченная чувством мимолетности. По сравнению с вечностью это лишь песчинка. Прибой дюн прошел у основания утеса.

Буря снаружи стала для нее чем-то всеобщим ... Все звери прячутся от нее, ничего не остается в пустыне, кроме ее собственных звуков: песок скрипит, хлещет по скалам, ветер воет, гремят камни, сброшенные с вершины.

Это было лишь одно мгновение в ее жизни, но в это мгновение она почувствовала, как космическим ветром уносит всю планету — песчинку в пространстве.

— Нужно торопиться, — сказал рядом с ней гхола.

Она ощутила его страх за нее, заботу о ее безопасности.

— Она срывает мясо с костей, — сказал гхола, как будто ей нужно было объяснять, что это такое.

Ее страх перед ним ушел, ведь он так переживал за нее. Чани позволила гхоле помочь ей дойти до входа в съетч. Они добрались до извилистой перегородки, ограждавшей вход. Стражники открыли герметическую дверь и закрыли за ними.

Запахи съетча ударили ей в нос. Она помнила эти запахи, — испарения многих тел, эфирный запах перегонных кубов, знакомые ароматы пищи ... и поверх всего этого вездесущий спайс, повсюду меланж.

Она глубоко вздохнула: «Дома».

Гхола высвободил свою руку и встал в стороне в терпеливом ожидании, будто выключенный робот.

Чани задержалась у входа в комнату, удивленная тем, чему она не могла подобрать названия. Это ее настоящий дом. Ребенком она охотилась здесь за скорпионами при свете переносных глоуглобов. Но что-то здесь изменилось...

— Не пройдет ли вы к себе, миледи? — спросил гхола.

И тут же сильная схватка пробежала по ее животу. Она попыталась скрыть это.

— Миледи? — сказал гхола.

— Почему Пол боится рождения нашего ребенка?

— Естественно, потому, что он опасается за ваше здоровье, — ответил гхола.

— А он не боится за ребенка?

— Миледи, он не может подумать о ребенке, не вспомнив вашего убитого сардукарами первенца.

Она изучала гхолу — плоское лицо, непроницаемые металлические глаза.

Она поднесла руку к покрасневшей щеке. Действительно ли это существо является Данканом Айдахо? Друг ли он? Говорит ли он сейчас правду?

— С вами должен быть врач, — сказал гхола.

И снова она услышала в его голосе страх за нее. Неожиданно она почувствовала, что мозг ее не защищен, что он готов подвергнуться потресающему вторжению.

— Хейт, я боюсь, — прошептала она. — Где мой Узул?

— Его удерживают государственные дела.

Она кивнула, вспомнив сопровождающий правительственный аппарат — целую стаю орнитоптеров. И вдруг она поняла, что поразило ее в сьете — чужие запахи. Чиновники и адъютанты принесли с собой свои запахи, запахи своей пищи и одежды, запахи экзотической косметики.

Чани содрогнулась, едва сдерживая приступ истерического смеха. Даже запахи меняются в присутствии Муад Дибана.

— Были срочные дела, которые он не смог отложить, — сказал гхола, неправильно истолковав ее реакцию.

— Да, да, я понимаю. Они летели с нами.

Вспомнив перелет из Арракина, она призналась себе, что не надеялась пережить его. Пол настоял на том, чтобы самому управлять своим топтером. Безглазый, он привел топтер сюда. После этого она поняла, что ее уже ничего не удивит в нем.

Новый приступ боли прошел по ее животу.

Гхола видел ее сдерживаемое дыхание, напряжение мышц.

— Ваше время ... подошло?

— Я ... да.

— Больше нельзя задерживаться. — Он схватил ее за руку и повел.

Она уловила его панический страх и сказала:

— Еще есть время.

Он, казалось, не слышал.

— Дзэнсунни так советует относиться к рождению, — сказал он, вынуждая ее идти еще быстрее. — Просто ждать в состоянии высшего напряжения. Не сопротивляйтесь тому, что должно случиться. Противиться, значит, потерпеть неудачу.

Пока он говорил, они добрались до входа в ее покои. Он отбросил занавеси и крикнул:

— Хара! Хара! Время Чани пришло! Нужно позвать врачей!

Началась беготня. Среди всеобщей суматохи Чани чувствовала себя изолированным островом спокойствия ... пока не началась следующая схватка.

Вытесненный в коридор, Хейт проконтролировал свои действия. В их основе лежал страх. Страх вызывался не тем, что Чани могла умереть, а тем, что потом к нему придет Пол, обезумевший от горя ... и скажет: «Она умерла ...»

«Ничто не может появиться из ничего, — сказал себе гхола. — Откуда же во мне этот страх?»

Он чувствовал, что его способности ментата притупились, чья-то материальная тень прошла над ним. В своей эмоциональной тьме он ждал какого-то особенного звука, треска сломанной ветви ...

Собственный вздох ошеломил его. Опасность прошла, не ударив.

Постепенно овладев собой, он вернулся к сознанию ментата. Вместо людей перед ним двигались призраки. Он — передаточная станция для

всех данных, когда-либо полученных им. Его существо населено созданиями возможности. Они проходят перед ним, чтобы он мог сравнивать их и рассуждать.

На лбу его выступил пот. Он вдруг вспомнил, как сидел перед ним Биджаз у огня.

Биджаз!

Карлик что-то сделал с ним.

Хейт почувствовал, что качается на краю пропасти. Он продлил рассуждения ментата вперед, стараясь определить, что может произойти из его собственных действий.

— Принуждение! — выдохнул он. — Меня к чему-то принуждают!

Одетый в синюю форму курьер, проходивший в этот момент мимо него, спросил:

— Вы что-то сказали, сэр?

Не глядя на него, гхола ответил:

— Я сказал все.

Глава 22

Пол стоял во тьме снаружи съетча. Видение говорило ему, что сейчас ночь, что слева от него на фоне луны силуэтом возвышается скала Чини. Памятное место, его первый съетч, где он и Чани ...

«Я не должен думать о Чани», — сказал он себе.

Видение говорило ему о переменах вокруг — группа пальм неподалеку слева, черно-серебристая линия канала, несущего выводы через дюны.

Вода, текущая через пустыню! Он вспомнил реки Келадана — планеты своего детства. Тогда он не сознавал, какое это сокровище — водный поток. Даже мутное течение канала — сокровище.

С деликатным покашливанием сзади подошел помощник.

Пол протянул руку к магнитной доске с единственным листком металлобумаги на ней. Он двигался медленно, как вода в канале. Видение упорно плыло вперед, но он все с большей неохотой плыл вместе с ним.

— Простите, сир, — сказал помощник. — Сембульский договор. Ваша подпись ...

— Я сам могу прочесть! — оборвал Пол. Он нацарапал «Император Атридес» в нужном месте и вернул доску, сунув ее прямо в протянутые руки помощника и чувствуя внушаемый им страх.

Помощник поспешно удалился.

Пол отвернулся. Отвратительная, голая земля. Он представлял ее себе залитой солнцем и жарой, местом песчаных склонов и темных ям, заполненных пылью, длинных дюн, протянувшихся через скалы и полных охранных кристаллов. Но это была и богатая земля.

Она требовала только воды и ... любви.

Он подумало о том, как жизнь изменила эти грозные просторы, придав им грацию и движение. В этом было послание пустыни. Контраст ошеломил его. Он хотел повернуться к свите, расположившейся в сьете, крикнуть ей: «Если вам нужно кому-то поклоняться, поклоняйтесь жизни — всей жизни, а не только каждой мелкой ползущей частице. Мы все в этой красоте жизни объединены вместе».

Они не поймут. В пустыне жизни они как затерявшиеся путники, не знающие обычной, песчаной пустыни: будут брести бесконечно.

Он сжал кулаки, стараясь остановить видение. Он хотел бы убежать от собственного мозга. Это зверь, который пожирает его.

Отчаянным усилием Пол направил мысли в пространство вовне.

Звезды!

Сознание переворачивалось при мысли обо всех этих звездах над ним — поистине несчетное количество и звезд, и обитаемых миров. Человек безумен, если думает, что может управиться хотя бы с ничтожной частью их. Даже он, Пол, представить себе не может всего, что входит в его Империю, всех его подданных.

Подданные? Скорее, преклоняющиеся и враги. Смотрит кто-нибудь из них за пределы своей жестокой веры? Существует ли хоть один человек, избежавший предрассудков? Даже Император их не избежал. Он старался создать нскую Вселенную в соответствии с собственными представлениями. Но настоящая вселенная разбивает его планы своими молчаливыми волнами.

«Я плюю на Дюну! — подумал он. — Я отдаю ей свою влагу!»

Миф, который он создал из сложных движений и воображения, из лунного света и любви, из молитв более древних, чем Адам, из серых утесов и алых теней, из жалоб и рек мучеников. К чему он приведет, этот миф? Когда волны отступят, берега Времени предстанут чистыми, пустынными, сияющими бесконечными зернами воспоминаний. Для этого ли создан человек?

Скрип песка подсказал Полу, что к нему подходит гхола.

— Ты избегал меня сегодня, Данкан, — сказал Пол.

— Для вас опасно называть меня так.

— Я знаю.

— Я ... я пришел предупредить вас, милорд.

— Знаю.

Гхола рассказал о принуждении, наложенном на него Биджазом, а может быть, тлейлаксу.

— Ты знаешь, к чему приведет это принуждение? — спросил Пол.

— К насилию.

Пол чувствовал, что приближается к месту, которое с самого начала было ему уготовано. Он оцепенел. Джихад схватил его и повел по тропе, где его никогда не отпускала ужасающая власть будущего.

— Никакого насилия от Данкана не будет, — прошептал Пол.

— Но, сир ...

— Расскажи мне, что ты видишь вокруг?

— Милорд?

— Пустыня, какая она сегодня?

— Вы не видите ее?

— У меня нет глаз, Данкан.

— Но ...

— У меня только предвидение, — сказал Пол. — Как бы я хотел, чтобы у меня его не было. Я умираю от предвидения, разве ты не знаешь этого, Данкан?

— Может ... то, чего вы боитесь, не случится? — предположил гхола.

— Что? Отрицать предвидение? Как можно, ведь оно сбывалось тысячи раз! Люди зовут его властью, даром, а это — бедствие! Оно не отпускает меня!

— Милорд, — пробормотал гхола. — Я ... это не ... молодой хозяин, вы не ... я ... — он замолчал.

— Как ты назвал меня, Данкан?

— Что? Я ...

— Ты назвал меня «молодой хозяин»?

— Да.

— Так всегда называл меня Данкан. — Пол протянул руку и коснулся лица гхолы. — Это часть твоего обучения у тлейлаксу?

— Нет.

Пол опустил руку.

— Что же тогда?

— Это пришло от меня ...

— Ты служишь двум хозяевам?

— Может быть.

— Освободи себя от гхолы, Данкан.

— Как?

— Ты — человек. Поступай по-человечески.

— Я гхола!

— Но у тебя тело человека. И в нем Данкан.

— Что-то в нем есть.

— Не знаю, как, — сказал Пол, — но ты это сделаешь.

— Вы это предвидите?

— Будь проклято предвидение! — Пол отвернулся. Видение толкало его вперед, его нельзя было остановить.

— Милорд, если вы ...

— Тише! — Пол предостерегающе поднял руку. — Ты слышишь?

— Что, милорд?

Пол покачал головой. Он чувствовал себя выслеженным. Что-то в ночи знает о нем. Что-то? Нет, кто-то.

— Жизнь была хороша, — прошептал он, — и ты была в ней самым хорошим.

— Что вы сказали, милорд?

— Это сказало будущее.

Аморфная Вселенная претерпевала изменения, танцуя в такт его видению.

— Я не понимаю, милорд.

— Свободный умирает, если он надолго оторван от пустыни, — сказал Пол. — Это называется «водяной болезнью». Разве это не странно?

— Очень странно.

Пол напряг память, пытаясь вспомнить движение Чани рядом с ним ночью. Где же утешение? Он смог только вспомнить Чани за завтраком в то утро, когда они улетели в пустыню. Она была обеспокоена и раздражена.

— Почему на тебе старая куртка? — спросила она, оглядывая черный костюм с красным ястребом на груди. — Ты — Император!

— Даже у Императора может быть любимая одежда, — ответил он. Он не мог объяснить, почему его ответ вызвал у Чани слезы — второй раз в жизни она нарушила запрет Свободных.

Теперь, во тьме, коснувшись своих щек, Пол почувствовал, что они у него мокрые. «Кто дает воду мертвым?» — подумал он. Это его собственное лицо и в то же время не его. Ветер охлаждал влажную кожу. Что разбухает в груди? Наверное, он что-нибудь съел. Как горько отдавать воду мертвым. Ветер шелестел песком. Кожа, сухая теперь, была его собственной. Но что же тогда дрожит?

Они услышали воющий крик далеко, в глубинах съетча. Он становился все громче и громче ...

Гхола повернулся, когда кто-то зажег свет у входа в съетч. При этом свете он увидел человека лицом, искаженным гримасой боли и горя. Это был лейтенант федайкинов по имени Тандис. За ним бежало много людей. Все они замолчали, увидев Муад Дибя.

— Чани... — начал Тандис.

— Умерла, — прошептал Пол. — Я слышал ее зов.

Он повернулся к съетчу. Он знал это место. Здесь ему не спрятаться. Обрушившееся на него видение показало всю толпу Свободных. Он видел Тандиса, чувствовал горе федайкина, его страх и гнев.

— Она умерла, — сказал Пол.

Гхола услышал эти слова как бы в сверкающей короне. Они жгли ему грудь, позвоночник, глазницы его металлических глаз. Он чувствовал,

как его правая рука дернулась к рукоятке ножа. Собственное его мышление стало странным, разъединенным. Он был куклой из сверкающей короны, которую дергали за нити. Он двигался по чужой команде, по чужому желанию. Нити дергали его руки, ноги, челюсти. Ужасный скрежещущий звук вырвался из его горла:

— Хррак! Хррак! Хррак!

Нож поднялся для удара. И в этот момент он обрел собственный голос и прокричал:

— Беги! Молодой хозяин, беги!

— Мы не побежим, — ответил Пол. — Мы двинемся с достоинством. И сделаем то, что должны сделать.

Мышцы гхолы напряглись. Он весь задрожал, раскачиваясь.

«... что должны сделать!» Слова перекатывались в его сознании. «... что должны сделать!» Так сказал бы старый Герцог, дед Пола. В молодом хозяине есть что-то от старика. «... что должны сделать!»

Слова в сознании гхолы начали выстраиваться в определенном порядке. Ощущение двух жизней одновременно прошло через него: Хейт-Айдахо, Хейт-Айдахо... Старые воспоминания наполнили мозг. Он отмечал их, приспособливал к новому пониманию, создавая новое сознание. Молодой хозяин нуждался в нем.

Свершилось! Он осознал себя Данканом Айдахо, который всегда скрывался в Хейте и неожиданно вышел наружу под действием какого-то огненного катализатора. Он отбросил принуждение тлейлаксу.

— Держись ближе ко мне, Данкан, — сказал Пол. — Ты мне понадобишься. — И так как Данкан стоял оцепенев, Пол позвал: "Данкан!"

— Да, я Данкан.

— Конечно! Это момент твоего возвращения. Сейчас мы пойдем внутрь.

Айдахо пошел за Полом. Как в старые времена, и все же не совсем так. Теперь, освободившись от тлейлаксу, он мог оценить, что ему дали. Навыки Дзэнсуни помогли ему преодолеть шок. А сознание ментата составило противовес эмоциям. Он отбросил все страхи, поднялся над ними. Все его существо изумленно повторяло: «Я был мертв, а теперь я жив.»

— Сир, — сказал федайкин Тандис, когда они подошли к нему, — женщина по имени Лачма говорит, что должна увидеться с вами. Я велел ей ждать.

— Спасибо, — ответил Пол. — Что роды?

— Я разговаривал с врачом, — сказал Тандис, идя в ногу с Полом. — Он сказал, что у вас двойня, оба ребенка живые и здоровые.

— Два ребенка? — Пол споткнулся и схватился за рукав Айдахо.

— Девочка и мальчик. Я их видел. Нормальные дети Свободных.

— Как ... она умерла? — прошептал Пол.

— Милорд? — Тандис наклонился ближе.

— Чани ...

— Роды, милорд. Говорят, ее тело было истощено скоростью роста детей. Я не понимаю, но так сказали.

— Отведите меня к ней, — прошептал Пол.

— Мы туда и идем, милорд. — Тандис снова наклонился к Полу.

— Почему ваш гхола держит нож обнаженным?

— Данкан, убери нож, — сказал Пол. — Время насилия миновало.

Два ребенка! Видение показывало лишь одного. Однако же все идет как в видении. Кто-то рядом с ним испытывает гнев и горе.

Два ребенка!

Он опять споткнулся. «Чани, Чани ... — думал он. — Другого пути не было. Чани, любимая, поверь, что эта смерть быстрее ... и легче. Твоих детей взяли бы заложниками, а тебя бросили бы в клетку, в подземелье, возложили бы на тебя вину за мою смерть. А так ... так мы уничтожим их и спасем наших детей».

Он снова споткнулся.

«Я допустил это, — думал он. — Я должен чувствовать вину».

Звуки смятения заполнили пещеру перед ним. Они становились громче. Он помнил, как они становятся громче. Да, таков рисунок, неизменный рисунок, хотя детей двое.

«Чани мертва», — сказал он себе.

В какое-то мгновение прошлого, которое он разделял с остальными, на него обрушилось будущее. Оно гналось за ним, толкало его в пропасть, стены которой сдвигались все быстрее и теснее. Он чувствовал, как они смыкаются вокруг него. Все как в видении.

«Чани мертва. Я должен предаться горю», — подумал он.

Но в видении было не так.

— Вызвали Алию? — спросил он.

— Она с друзьями Чани, — ответил Тандис.

Пол чувствовал, как расступается толпа, давая ему дорогу. Молчание двигалось перед ним, как волна. Шумное смятение начало стихать. Чувство переполненных эмоций захлестнуло съезд. Он хотел убрать этих людей из своего видения и обнаружил, что это невозможно. Каждое лицо, оборачивающееся ему вслед, несло на себе особый отпечаток. Они были безжалостны в своем любопытстве, эти люди. Они испытывали горе, да, но он понимал их грубость. Он следили, как говорящий становится нем, как мудрец превращается в глупца. Разве клоун не апеллирует всегда к жестокости людей?

Это больше, чем люди при умирающей, и меньше, чем на поминках.

Пол чувствовал, как его душа молит о передышке, но видение по-прежнему руководило им. «Еще немного, — сказал он себе. — Черный, лишенный видения мрак ждет его впереди. Там, впереди, место без видений, место горя и вины, место, где упадет луна.»

Он вошел в этот мрак и упал бы, если бы Айдахо не поддержал его.

— Мы пришли, — сказал Тандис.

— Осторожно, сир, — сказал Айдахо, помогая ему переступить порог. Занавеси коснулись лица Пола. Айдахо остановил его. Пол чувствовал вокруг себя комнату, ее каменные стены были занавешены тканями.

— Где Чани? — прошептал Пол.

Голос Хары ответил:

— Она здесь, Узул.

Пол с дрожью перевел дух. Он боялся, что ее тело уже убрали туда, где Свободные возьмут ее воду для племени. Как было дальше в видении? Он чувствовал себя покинутым в своей слепоте.

— Дети? — спросил Пол.

— Они тоже здесь, милорд, — ответил Айдахо.

— У тебя чудесные близнецы, Узул, — сказала Хара, — мальчик и девочка. Видишь? Все они в колыбели.

«Двое детей», — с удивлением подумал Пол. В видении была только дочь. Он освободился от руки Айдахо, добрался до места, откуда слышался голос Хары, споткнулся обо что-то твердое. Руки его ощупали преграду — колыбель из метастекла.

Кто-то взял его за руку.

— Узул?

Это Хара. Она направила его руку в колыбель. Он почувствовал мягкую нежную плоть. Такая теплая! Ощупал ребра, ощутил дыхание.

— Это твой сын, — прошептала Хара. Она передвинула его руку. — А это дочь. — Его рука нащупала ее. — Узул, ты теперь на самом деле слепой?

Он знал, о чем она думает. «Слепой должен быть покинут в пустыне». Племена Свободных не могли нести мертвый вес.

— Отведи меня к Чани, — сказал Пол, не отвечая на ее вопрос.

Хара повернула его и направила налево.

Теперь Пол принял смерть Чани. Он занял свое место во Вселенной, нежеланное место. Каждый вздох усиливал его горе. «Двое детей?» Неужели он ступил на тропу, где видение никогда не вернется к нему? Теперь это казалось совершенно незначительным.

— Где мой брат? — раздался за его спиной голос Алии. Он услышал ее шаги. — Я должна поговорить с тобой, Пол.

— Чуть погодя, — сказал Пол.

— Немедленно! Относительно Лачмы.

— Я знаю, — сказал Пол. — Подожди.

— У нас нет времени.

— У нас его сколько угодно.

— Но у Чани его нет!

— Помолчи! — приказал он. — Чани мертва. — Он закрыл ей рот рукой, когда она попыталась возразить. — Приказываю тебе замолчать!

— Он понял, что она подчиняется, и убрал руку.— Опиши мне, что ты видишь.

— Пол! — Раздражение и слезы слышались в ее голосе.

— Ладно, все неважно,— сказал он, заставляя себя успокоиться. Да, она еще здесь. Тело Чани лежало на матрасе в круге света. Кто-то расправил ее белос платье, постарался убрать кровь. Пол не мог уйти от видения ее лица, оно было перед ним — зеркало вечности в неподвижных чертах.

Он отвернулся, но видение двинулось вместе с ним. Она ушла ... и больше не вернется. Воздух, Вселенная — все опустело. Так неужели в этом его спитимья? Он хотел заплакать, но не мог. Неужели он слишком долго прожил со Свободными? Мертвые требуют своей влаги!

Поблизости заплакал ребенок. Этот звук задернул занавес его видения. Пол был благодарен темноте. «Это другой мир,— подумал он.— Два ребенка ...»

Это была его последняя мысль, пришедшая из оракульного транса. Он пытался вспомнить, как расширяется вневременное сознание после приема меланжа, и не смог. Своим новым сознанием он не видел будущего — любое будущее.

— Прощай, моя Сихайя,— прошептал он.

Голос Алии резкий и требовательный, донесся откуда-то сзади него:

— Я привела Лачму!

Пол обернулся.

— Это не Лачма,— сказал он.— Это лицевой танцор. Лачма мертва.

— Но послушай, что она говорит,— сказала Алиа.

Пол медленно двинулся на голос сестры.

— Я не удивлен, застав тебя живым, Атридес.— Голос Лачмы, но чуть-чуть другой, как будто говорящий использовал голосовые связки Лачмы, но больше не старался их тщательно контролировать. Пол чувствовал, что его тронула странная искренняя нотка в этом голосе.

— Не удивлен? — переспросил он.

— Я — Скайтейл, лицевой танцор с Тлейлакса. Прежде чем мы будем договариваться, я бы хотел спросить кое о чем. Я вижу за тобой гхолу или Данкана Айдахо?

— Это Данкан Айдахо,— сказал Пол.— И я не буду договариваться с тобой.

— Думаю, будешь,— сказал Скайтейл.

— Данкан,— спросил через плечо Пол,— убьешь ты этого тлейлаксу, если я попрошу?

— Да, милорд,— в голосе Айдахо звучал еле сдерживаемый гнев.

— Подожди! — остановила его Алиа.— Ты не знаешь, от чего отказываешься.

— Знаю,— возразил Пол.

— Значит, ты действительно Данкан Айдахо, слуга Атридесов, — сказал Скайтейл. — Или нашли рычаг! Гхола может вернуть себе свое прошлое. — Пол слышал шаги. Кто-то прошел мимо него. Голос Скайтейла теперь доносился сзади. — Что ты помнишь из своего прошлого, Данкан?

— Все. С самого детства. Я даже помню тебя возле бака, когда меня извлекали из него, — сказал Айдахо.

— Замечательно! — воскликнул Скайтейл. — Замечательно!

Пол слышал, как передвигается этот голос. «Мне нужно видение», — подумал он. Тьма его раздражала. Тренировка Бене Гессерит предупреждала его об ужасной угрозе, таящейся в Скайтейле, но тот оставался лишь голосом, тенью движения.

— Это дети Атридеса? — спросил Скайтейл.

— Хара! — крикнул Пол. — Унеси их отсюда!

— Оставайтесь на месте! — загредел Скайтейл. — Все вы! Предупреждаю, лицевой танцор движется гораздо быстрее все.

Пол почувствовал, как кто-то коснулся его правой руки и отвел его в сторону.

— Достаточно, Алиа! — сказал Скайтейл.

— Алиа, — сказал Пол. — Не нужно.

— Это моя вина, — простонала Алиа. — Моя вина!

— Атридес, — снова спросил Скайтейл, — будешь договариваться?

Пол услышал за собой хриплое проклятие. Горло его судорожно сжалось, когда он услышал сдерживаемую ярость в голосе Айдахо. Айдахо не должен сломаться, иначе Скайтейл убьет детей!

— Чтобы заключить сделку, нужно иметь товар на продажу, — сказал Скайтейл. — Не так ли, Атридес? Хочешь вернуть себе свою Чани? Мы восстановим ее для тебя. Это будет гхола, Атридес, но гхола с полной памятью! Не нужно торопиться с ответом. Вели своим друзьям принести криогенный танк с раствором, чтобы сохранить тело.

«Снова слышать голос Чани, — подумал Пол, — чувствовать ее присутствие рядом. Так вот почему они дали мне Айдахо — гхолу. Чтобы я знал, насколько полно можно восстановить оригинал. Полное восстановление ... на условиях тлейлаксу. Я навсегда стану их орудием. И Чани, прикованная к той же судьбе страхом за детей, новый заговор со стороны Квизарата ...»

— Что вы используете, чтобы возратить Чани память? — спросил Пол, стараясь говорить спокойно. — Заставите ее убить одного из своих детей?

— Мы используем то, что сочтем нужным. Ну, так как, Атридес?

— Алиа, — сказал Пол, — договаривайся с этим ... Я не могу договариваться с тем, кого не вижу.

— Мудрое решение, — усмехнулся Скайтейл. — Ну, Алиа, что вы предложите мне как агент своего брата?

Пол опустил голову, заставив себя застыть. Он что-то увидел ... видение и в то же время не видение. Он увидел около себя нож! Вот оно!

— Дайте мне подумать! — сказала Алия.

— Мой нож может подождать, — сказал Скайтейл, — а тело Чани — нет. Думайте, только недолго.

Пол почувствовал, что он мигает. Не может быть ... и все же ... Он чувствовал глаза! Они расположены в необычном месте и двигаются как-то странно. Вот! Нож появился в поле зрения. И тут Пол понял, откуда он видит. Это глаза одного из его детей! Он видел нож Скайтейла из колыбели. Нож сверкал в нескольких дюймах от него. Да ... вот он видит самого себя в комнате ... голова опущена, поза неподвижная, не таящая в себе угрозы. Никто в комнате на него не смотрит.

— Для начала вы должны нам отдать все свои вклады в КХОАМ, — заявил Скайтейл.

— Все? — переспросила Алия.

— Все.

Глядя на себя глазами из колыбели, Пол извлек из ножен криснож. Это движение породило в нем странное ощущение раздвоенности. Он прикинул расстояние, угол броска. Другой возможности не будет. Подготовив свое тело методами Бене Гессерит, Пол превратил себя в сжатую пружину, привел все мышцы в готовность.

Криснож, брошенный его рукой, вонзился в правый глаз Скайтейла, отбросив голову лицевого танцора назад. Скайтейл вскинул руки и пошатнулся. Нож его ударился о потолок и с лязгом упал на пол. Скайтейл ударился о стену, отскочил от нее и упал лицом вниз, умерев раньше, чем коснулся пола.

Все еще через глаза в колыбели Пол видел, как все в комнате повернулись к безглазой фигуре, видел их общее изумление. Затем Алия бросилась к колыбели и наклонилась над ней, закрыв ему поле зрения.

— Живы, — сказала она, — живы!

— Милорд, — прошептал Айдахо, — это часть вашего видения?

— Нет. — Пол махнул рукой в направлении Айдахо.

— Прости меня, Пол, — сказала Алия. — Но это существо сказала, что они могут оживить ...

— Есть цена, которую Атридес не может заплатить. Ты знаешь это?

— Знаю, — вздохнула она. — Но какое искушение ...

— А кто его не испытал? — спросил Пол.

Он отвернулся от них, ощупью добрался до стены, прислонился к ней и постарался понять, что и как он сделал. Как? Как? Глаза в колыбели! Он чувствовал, что стоит на краю ужасающего открытия.

«Мои глаза, отец ...»

Слова-формы мерцали перед его безглазым видением.

— Мой сын! — прошептал Пол так тихо, чтобы его не услышали другие. — Ты ... сознаешь?..

— Да отец! Смотри!

Пол прижался к стене в приступе головокружения. Он чувствовал себя выжатым. Жизнь выходила из него. Он видел своего отца. Он был своим отцом. И дедом. И прадедом. Его сознание пробивалось сквозь коридор всей мужской линии.

— Как? — безмолвно спросил он.

Появились слабые слова-формы и исчезли, как будто напряжение было слишком велико. Пол вытер слюну с угла рта. Он припомнил пробуждение Алии во чреве леди Джессики. Но здесь не было Воды Жизни ... или была? Не ради ли этого голодала Чани? Или это продукт генетической линии, предвиденный Преподобной Матерью Гаиус Хэлен Моахим?

Теперь Пол ощутил себя в колыбели. Над ним воркует Алиа. Его успокаивают ее руки. Лицо ее наклоняется над ним, гигантское лицо прямо над ним. Она повернула его, и он увидел соседку по колыбели — девочку с рыжевато-коричневыми волосами. Когда он посмотрел на нее, она открыла глаза. Эти глаза!.. Чани смотрела из ее глаз, и леди Джессика, и еще великое множество людей.

— Взгляните! — сказала Алиа. — Они смотрят друг на друга!

— Дети в этом возрасте еще не могут сфокусировать взгляд, — возразила Хара.

— Я могла, — заметила Алиа.

Пол почувствовал, как он освобождается от бесконечного потока сознания. Он снова у своей стены, опирается на нее... Айдахо осторожно потряс его за плечо.

— Милорд?

— Пусть моего сына назовут Лито, в честь его деда, — сказал Пол, выпрямляясь.

— Во время обряда называния, — сказала Хара, — я буду стоять рядом с тобой как подруга матери и дам это имя.

— А дочь пусть назовут Ганимой.

— Узул! — возразила Хара. — Имя с дурным предзнаменованием.

— Я спас твою жизнь, моя дочь Ганима, «пролитая вода», — сказал Пол и услышал шум: это выносили тело Чани. Началось пение Водного обряда.

— Сейчас я должна уйти, чтобы в последний раз постоять рядом с подругой, — сказала Хара. — Ее вода принадлежит племени.

— Ее вода принадлежит племени, — пробормотал Пол. Он слышал, как вышла Хара. Ощупью найдя рукав Айдахо, Пол произнес: — Отведи меня в мою комнату, Данкан.

В своей комнате он мягко высвободился. Время побыть одному. Но прежде чем Айдахо ушел, послышался шум у двери.

— Хозяин! — позвал от двери Биджаз.

— Данкан, — сказал Пол, — пусть он сделает два шага вперед. Убей его, если он подойдет ближе.

— Это Данкан? — спросил Биджаз. — Это действительно Данкан Айдахо?

— Да, — сказал Айдахо. — Я все помню.

— Значит, план Скайтейла удался!

— Скайтейл мертв, — сказал Пол.

— Но я — нет, и план тоже нет! Клянусь баком, в котором я вырос! Значит, это возможно! Нужен только правильный спусковой крючок.

— Спусковой крючок? — переспросил Пол.

— Принуждение убить вас, — с гневом в голосе сказал Айдахо. — Вот мое заключение ментата: они обнаружили, что я думаю о вас, как о сыне, которого у меня никогда не было. Гхола не может убить вас, подлинный дух Данкана Айдахо возьмет в нем верх. Но ... план мог не удался. Скажи мне, карлик, если бы я убил его, что тогда?

— О ... тогда бы мы заключили сделку с сестрой, чтобы спасти брата. Но теперь договориться проще.

Пол горько вздохнул. Он слышал, как траурная процессия движется по коридору к последней комнате, где стоит перегонный клуб.

— Еще не поздно, милорд, — сказал Биджаз. — Хотите вернуть свою любовь? Мы восстановим ее для вас. Пусть гхола, да. Но теперь мы можем провести полное восстановление. Нужно только позвать слуг и подготовить криогенный бак, чтобы сохранить тело вашей возлюбленной ...

«На этот раз еще труднее, — подумал Пол. — Я уже истратил силы в борьбе с искушением тлейлаксу. И вот все сначала. Снова ощутить присутствие Чани ...»

— Пусть он замолчит! — Пол обратился к Айдахо на боевом языке Атридесов и сразу же услышал, как тот двинулся к карлику.

— Хозяин! — пискнул Биджаз.

— Если любишь меня, — сказал Пол на том же боевом языке, — помоги мне. Убей его прежде, чем я сдамся!

— Но ... — закричал Биджаз.

Его вопль внезапно оборвался хрипом.

— Я оказал ему любезность, — проговорил Айдахо.

Пол наклонил голову, прислушиваясь. Плакальщиц больше не было слышно. Он подумал о древнем обряде Свободных, который сейчас совершается в глубинах съетча, там, где племя получает воду.

— Выбора не было, — сказал Пол. — Ты понимаешь это, Данкан?

— Понимаю.

— Есть вещи, перенести которые нельзя. Я вмешался во все возможные будущие, которые мог создать. Но в конце концов будущее создало меня.

— Милорд ...

— Существуют во Вселенной вопросы, на которые нет ответов. Ничего ... Ничего нельзя было сделать.

И, говоря это, Пол чувствовал, как разрывается его связь с видением. Мозг его закрылся, ошеломленный бесконечными возможностями. Последнее его видение было как ветер, который дует везде.

Глава 23

Плотина, удерживающая песок, — внешняя граница растительности, окружающей съетч. От нее ведет к пустыне каменный мост, начинающийся у ног Айдахо. Выдающийся уступ съетча Табр вырисовывался за ним в ночном небе. Свет обеих лун заливал край этой скалы. Справа, ниже у воды, виднелся сад.

Айдахо остановился у края пустыни и взглянул назад, на усыпанные цветами ветви, склонившиеся над тихой водой, на четыре луны — две настоящие и отраженные. Стилсют вызывал ощущение грязи на коже. Влажные резкие запахи, минуя фильтры, наполняли его ноздри. Зловеще смеялся ветер, пролетая через сад. Айдахо вслушивался в ночные звуки. В траве, у самого края воды, пробежала кенгуровая мышь, ястребиная сова протяжно вскрикнула в тени скалы, донесся свист ветра, заблудившегося в дюнах.

Айдахо обернулся на звук. Никакого движения на залитых лунным светом дюнах.

Пола привел сюда Тандис. Потом он вернулся и сообщил о сделанном. А Пол ушел в пустыню — как Свободный.

— Он был слеп, действительно слеп, — говорил Тандис, будто оправдываясь. — У него были до этого видения, но ...

Пожатие плечами. Слепой Свободный должен быть оставлен в пустыне. Муад Диб может быть Императором, но он также и Свободный. Разве он не распорядился, чтобы Свободные берегли и растили его детей? Он же Свободный!

Пустыня напомнила Айдахо скелет. Посеребренные луной ребра скал торчали в песке, а дальше начинались дюны.

«Я не должен был оставлять его одного ни на минуту, — думал Данкан. — Я знал, что было у него на уме».

— Он сказал мне, что будущее не нуждается в его физическом присутствии, — сказал Тандис. — Уходя, он обернулся и сказал: «Теперь я свободен». Это были его последние слова.

«Проклятьс!» — подумал Айдахо.

Свободные отказались послать топтеры на поиски. Спасение было против их древних обычаев.

— О, там Муад Диб ждет червь, — сказали они и начали петь о тех, кто отдан пустыне, чья вода идет Шай-Хулуду: «Мать песка, Отец времени, начало Жизни, позволь же ему пройти». Айдахо сел на плоскую скалу и посмотрел в пустыню. Ночь покрыла ее маскировочными пятнами. Невозможно было сказать, куда ушел Пол.

— Теперь я свободен.

Айдахо произнес эти слова вслух и удивился звуку собственного голоса. Он вспомнил день, когда взял маленького Пола на морской рынок на Келадане, вспомнил ослепительные блики солнца на воде, дары моря, выставленные на продажу. Он припомнил Гурни Хэллека, играющего на бализете, вспомнил радость, удовольствие, веселье, смех ...

Гурни Хэллек ... Гурни обвинил бы его в этой трагедии.

Вспоминание о музыке поблекло.

Айдахо вспомнил слова Пола: «Существуют во Вселенной вопросы, на которые нет ответа».

Он подумал о том, как умрет Пол в пустыне. Быстро убитый червем? Медленно, под лучами палящего солнца? Многие Свободные в сьете говорят, что Муад Диб никогда не умрет, что он ушел в мир, где возможны все будущие, что он будет жив всегда, бродя по пустыне даже после того, как перестанет существовать его тело.

«Он умирает, а я бессилен помешать ему умереть», — подумал Айдахо.

Он начал осознавать, что есть какая-то изысканная деликатность в такой смерти — без следа, без останков, а могилой служит вся планета.

«Ментат, реши себя», — подумал он.

Слова заполнили его память — ритуальные слова лейтенанта фedayкинов, вставшего на стражу возле детей Муад Диб: «Это будет единственной обязанностью дежурного офицера ...»

Медленный, тяжелый, самодовольный правительственный язык рассердил его. Он заворожил и соблазнил Свободных. Он заворожил и соблазнил всех. Человек, великий человек умирает, а слова этого языка продолжают литься все дальше и дальше, и дальше ...

Айдахо встал, чувствуя себя очищенным пустыней. Песок начал тихо шептать на ветру, шелестеть на поверхности листьев в саду, что лежал за ними. В ночном воздухе стоял сухой, режущий запах пыли.

Где-то в пустыне зарождалась буря, в свистящей ярости поднимая вверх песчинки.

«Он теперь один на один с пустыней, — подумал Айдахо. — Пустыня завершит дело».

Мысль Дзэнсунни прошла через сознание, как чистая вода. Айдахо знал, что Атридес не отдастся полностью на волю судьбы, даже сознавая неизбежное.

Предвидение коснулось Айдахо, и он увидел людей будущего, которые говорили о Поле: «Пусть жизнь его ушла в песок, а за нею последовала вода ... Тело его погибло, но он выплыл».

За спиной Айдахо кто-то кашлянул.

Данкан резко обернулся и увидел Стилгара.

— Его не найдут, — сказал Стилгар, — но все человечество найдет его.

— Пустыня приняла его, — ответил Айдахо. — Пусть он был здесь всего лишь временный жилец. Он принес нужный продукт на эту планету — воду.

— Пустыня накладывает свои собственные ритмы, — сказал Стилгар. — Мы приветствовали его, звали «Наш Махди», «наш Муад Диб» и дали ему тайное имя — Узул, «основание столба».

— Но он не родился Свободным.

— И все же это не меняет того факта, что он принадлежит нам ... и навсегда. — Стилгар положил руку на плечо Айдахо. — Все люди — лишь временные жильцы, старый друг.

— Ты глубоко смотришь, Стил?

— Глубоко. Я вижу, как мы загромождаем Вселенную нашими миграциями. Муад Диб дал нам нечто незагроможденное. Хотя бы за это люди будут помнить его джихад.

— Он не сдастся пустыне, — сказал Айдахо. — Он слеп, но не сдастся. Он человек чести и принципов. Он — Атридес.

— И вода его прольется в песок. Идем. — Он осторожно потянул Айдахо за рукав. — Алия вернулась и спрашивала о тебе.

— Она была с тобой в счете Макаб?

— Да, она помогала приводить в себя наивов. Они теперь слушаются ее приказов, да, собственно, как и я.

— Что за приказы?

— Она приказала казнить изменников.

— Ох! — Айдахо сдержал головокружение. — Каких именно?

— Рулевого, Преподобную Мать Моахим и еще нескольких.

— Вы убили Преподобную Мать?

— Я сам сделал это. Муад Диб оставил наказ, чтобы этого не делали. — Стилгар пожал плечами. — Но я его ослушался, как и была уверена Алия.

Айдахо снова посмотрел в пустыню, чувствуя, что только теперь он может охватить все сделанное Полом. Люди подчиняются правительству, но управляемые влияют на правителей.

— Алия, — сказал Стилгар, откашливаясь. Он казался смущенным. — Она нуждается в твоём присутствии.

— Она правит, — пробормотал Айдахо.

— Как регент, не больше.

— Судьба ждет повсюду, как говаривал ее отец.

— Мы заключаем сделку с будущим, — сказал Стилгар. — Видишь? Ты нам нужен. — И снова в его голосе послышалось замешательство. — Алия расстроена. То плачет о брате, то причитает...

— Хорошо, я сейчас, — сказал Айдахо. Он слушал шаги уходящего Стилгара, стоя лицом к поднимающемуся ветру, песчинки барабанили о его стильсют.

Сознание ментата проникло в будущее. Пол привел все в движение, теперь этот процесс уже не остановить.

Бене Гессерит и Союз проиграли. Квизарат потрясен предательством Корбы и других. Но последний поступок Пола, его добровольное подчинение обычаям Свободных окончательно укрепит верность Свободных ему и его династии. Теперь он всегда один из них...

— Пол умер! — Алия задыхалась. Она бесшумно подошла сзади к Айдахо. — Он поступил глупо, Данкан!

— Не говори так! — резко ответил тот.

— Вся Вселенная услышала это, прежде чем я подумала.

— Но почему во имя любви неба?!

— Во имя любви моего брата, а не неба.

Прозрение Дзэнсунни расширило его сознание. Он чувствовал, что у нее не было видений — не было с момента смерти Чани.

— У тебя странная любовь, — сказал он.

— Любовь? Данкан, ему стоило лишь сойти с тропы. Какое ему дело до остальной Вселенной? Он был бы в безопасности ... и Чани с ним.

— Тогда почему он этого не сделал?

— Ради любви неба, — прошептала она. Потом чуть громче добавила: — Вся жизнь Пола была направлена на то, чтобы избежать джихада и своего обожествления. И вот он свободен. Он сам выбрал это.

— Ах, да — оракул! — Айдахо удивленно посмотрел на Алию и покачал головой. — Даже смерть Чани — луна упала.

— Он был глупец, разве не так, Данкан?

Горло Айдахо сжалось от горя.

— Такой глупец! — выдохнула Алия, уже не владея собой. — Он будет жить вечно, а мы умрем...

— Алия...

— Это всего лишь горе, — тихо сказала она. — Всего лишь горе. Знаешь, что я должна сделать для него? Спасти жизнь принцессы Ирулэн. Этой! Если бы ты видел и слышал ее сейчас! Рыдает. Воеет! Отдает воду мертвым, клянется, что любила его и ничего не знала о заговоре.

Предает свой орден, обещает всю жизнь посвятить воспитанию детей Пола.

— Ты ей веришь?

— Похоже на искренность...

— Ах! — пробормотал Айдахо. Последние детали укладывались в рисунок, который разворачивался перед ним, как узор на ткани. Дезертирство принцессы Ирулэн — последний шаг. После этого у Бене Гессерит не осталось ни единого шанса против Атридесов.

Алия заплакала, прижавшись лицом к его груди.

— О, Данкан, Данкан! Он погиб!

Айдахо поцеловал ее волосы.

— Не нужно, — прошептал он, чувствуя, что ее горе смешивается с его горем, как два ручья, вливающиеся в один бассейн.

— Ты мне нужен, Данкан, — всхлипнула она. — Люби меня.

— Люблю, — прошептал он.

Она подняла голову и посмотрела на его освещенное луной лицо.

— Я знаю, Данкан. Любовь знает любовь.

Ее слова вызвали у него дрожь, чувство отчужденности от его старого бытия. Он пришел сюда в поисках одного, а нашел другое. Как будто вбежал в комнату, полную знакомых, а в самый последний момент понял, что никого из них не знает.

Она отстранилась от него и взяла его за руку.

— Ты пойдешь со мной, Данкан?

— Куда угодно, — ответил он.

Она повела его назад, к каналу, во тьму, к основанию массива, в Место Безопасности.

БЛИЗНЕЦЫ

ГЛАВА I

Как было заведено у Свободных, близнецы Атридесов вставали за час до рассвета. Они в упоении зевали и потягивались, каждый в своей спальне, чувствуя по шуму вокруг, что день в пещере уже начался. Они слышали, как в передней прислуга готовит завтрак, обыкновенную жидкую овсяную кашу с финиками и орехами, смешанную с жидкостью, снятой с чуть забродившего спайса.

В передней висели ярко светящиеся шары, глоуглобы, и мягкий желтый свет через открытый дверной проем проникал в спальные помещения. Близнецы, освещаемые мягким светом, быстро оделись, при этом каждый очень хорошо слышал другого. Они, будто договорившись, надели стильсюты, чтобы уберечься от горячих ветров пустыни.

Вскоре королевская пара близнецов встретилась в передней, заметив необычайное спокойствие прислуги. На Лито поверх блестящего серого стильсюта был надст рыжевато-коричневый капюшон, отороченный по краям черной материей. На его сестре — зеленый капюшон. У обоих капюшоны крепились к стильсюту специальной застежкой в виде ястреба — герба Атридесов — золотого с красными драгоценными камнями вместо глаз.

Видя этот роскошный наряд, Хара, одна из жен Стилгара, сказала: — Я вижу, вы оделись, чтобы поторжественнее встретить бабушку.

Лито сначала принял у Читы завтрак, а потом посмотрел на темное обветренное лицо Хары. Он покачал головой. Потом промолвил:

— Откуда ты знаешь, может, мы себя приветствуем?

Хара встретила его насмешливый взгляд, который он даже и не подумал отвести, и сказала:

— У меня такие же голубые глаза, как у тебя!

Ганима громко рассмеялась.

Хара всегда была большим знатоком шутивно-вызывающей манеры разговора Свободных, и она немедленно оборвала его:

— Не насмехайся надо мной, мальчик. Возможно, ты и королевской крови, но оба мы несем клеймо, которое оставило на нас употребление меланжа. Глаза без белков. Что еще нужно Свободным более роскошного и более почетного, чем это?

Лито улыбнулся, уныло покачал головой.

— Хара, любовь моя, если бы ты была помоложе и еще не была женой Стилгара, я бы сделал тебя своей.

Хара без малейшей обиды приняла эту маленькую победу, давая знать прислуге, чтобы они готовили помещение в честь знаменательного события, которого все ждали в тот день.

— Завтракайте,— сказала она.— Вам сегодня потребуется много сил.

— Значит, ты считаешь, что мы недостаточно хорошо выглядим, чтобы предстать перед своей бабушкой?— спросила Ганима, с трудом произнося слова из-за битком набитого рта.

— Не бойся ее, Гани,— сказала Хара.

Лито проглотил овсяную кашу, проницательно поглядывая на Хару. Женщина от природы была дьявольски мудра, очень быстро улавливала смысл в этой игре слов.

— Неужели она действительно поверит, что мы боимся ее?— спросил Лито.

— Она была нашей Преподобной Матерью, ты это знаешь. А я знаю ее методы.

— Как оделась Алия?— спросила Ганима.

— Я не видела ее,— коротко ответила Хари, отворачиваясь.

Лито и Ганима быстро переглянулись, зная о каком-то секрете, и быстро склонились к своим чашкам с завтраком. Вскоре они вышли в большой центральный зал.

Ганима заговорила на одном из древних языков, который сохранила их генетическая память:

— Итак, сегодня мы увидим нашу бабушку.

— Алию это очень беспокоит,— сказал Лито.

— Кто же захочет отказаться от такой власти?— спросила Ганима.

Лито тихо засмеялся необычно взрослым смехом.

— Более того, глаза ее матери видят так же, как и наши?

— Почему бы и нет?— спросил Лито.

— Да... Возможно, этого и боится Алия.

— Кто знает Мерзость лучше, чем сама Мерзость,— спросил Лито.

— Может быть, мы не правы, ты же понимаешь,— сказала Ганима.

— Но это не так.— И он процитировал из Книги Азхир Бенс Гессерит:— Исходя из причины и жуткого опыта, мы знаем наперед о рождении Мерзости. Потому что тот, кто знает о том, что утрачено и проклято, тот может воплотить в жизнь все самое ужасное из прошлого.

— Я знаю, как это было,— сказала Ганима.— Но если это правда, почему мы не страдаем от такого же внутреннего приступа?

— Наверное, наши родители охраняют нас от этого,— сказал Лито.

— Тогда почему никто не охраняет Алию?

— Я не знаю. Это, возможно, потому, что один из ее родителей остался среди смертных. Может быть, это все просто, потому что мы мо-

лодые и смелые. Возможно, когда мы станем старше и более циничными...

— Мы должны быть очень осторожны с нашей бабушкой, — сказала Ганима.

— И не обсуждать этого Проповедника, который бродит на нашей планете и говорит ересь?

— Ты не думаешь, что он на самом деле наш отец?

— Я не делаю по этому поводу никаких заключений, но Алиа боится его.

Ганима покачала головой.

— Я не верю в то, что называется Мерзостью. Это чушь!

— Ты хранишь в себе такое же огромное количество воспоминаний, как и я, — сказал Лито.

— Ты можешь верить, во что тебе хочется.

— Ты думаешь, это из-за того, что мы не осмелились впасть в состояние экстаза от этого меланжа, а Алиа это сделала? — спросила Ганима.

— Я думаю точно так же, как и ты.

Они замолчали, вливаясь в толпу людей в центральном зале.

В Сьетче Табр было прохладно, но стилсьюты были теплыми, и близнецы скинули со своих рыжих волос капюшоны. Их лица выдавали породу: большой рот, широко посаженные глаза, от меланжа они были синими в синем.

Лито первым заметил приближение их тети Алии.

— Вот, она идет, — сказал он, переходя на военный язык Атридесов, как бы предупреждая. Ганима кивнула своей тете, когда Алиа остановилась перед ними, и сказала:

— Военный трофей приветствует свою знаменитую родственницу. — Используя тот же самый язык Чакобса, Ганима подчеркнула значение ее собственного имени — «Военный трофей».

— Видишь ли, любимая тетя, — сказал Лито, — мы приготовились к сегодняшней встрече с твоей матерью.

Алиа, единственный человек из всей королевской свиты, которую совершенно не удивляло взрослое поведение этих детей, перевела взгляд с одного на другого. Потом сказала:

— Попродержите ваши языки, оба!

Бронзовые волосы Алии были зачесаны назад и образовали два золотистых кольца. Ее овальное лицо было угрюмым, губы плотно сжаты. В уголках синих глаз появились морщинки.

— Я предупреждала вас обоих, как надо вести себя сегодня, — сказала Алиа. — И вы, так же, как и я, все знаете, но какие-то соображения...

— Мы-то знаем, а вот ты, возможно, не знаешь о наших соображениях, — перебила ее Ганима.

— Гани! — сердито произнесла Алиа.

Лито посмотрел на тетю и сказал:

— Сегодня — тот день, когда мы не будем притворяться глупыми младенцами!

— Никто не хочет, чтобы вы притворялись, — сказала Алия. — Но мы думаем, что неразумно с вашей стороны вызывать у моей матери опасные мысли. Ирулэн согласна со мной. Кто знает, какую роль должна сыграть леди Джессика?

Лито встряхнул головой и удивился: «Почему Алия не видит, что уже обо всем догадались? Или она слишком далеко зашла?» И он обратил внимание на особые родовые приметы на лице Алии, которые выдавали присутствие в ней генов деда по материнской линии. Изучая ее лицо, он почувствовал в себе смутное волнение и подумал: «Он и мой предок тоже».

Потом Лито сказал:

— Леди Джессика была обучена управлять.

Ганима кивнула головой:

— Почему она выбирает именно это время, чтобы вернуться?

Алия сердито взглянула на нее. Потом сказала:

— Возможно, она просто хочет увидеть своих внуков.

Ганима подумала: «Вот на что ты надеешься, моя дорогая тетя. Но это далеко не так».

— Она не может править здесь, — сказала Алия, — у нее есть Келадан. Этого должно быть вполне достаточно.

И Ганима умиротворенно заговорила:

— Когда наш отец ушел в пустыню, чтобы умереть, он оставил тебя в качестве Регента. От...

— У тебя есть какие-нибудь жалобы? — спросила Алия.

— Это был мудрый выбор, — сказал Лито, стараясь быть единодушным с сестрой.

— Ты была единственным человеком, который знал, что такое родиться так, как мы.

— Ходят слухи, что моя мать вернулась к Сестрам, — сказала Алия, — и вы оба знаете, что думает Бене Гессерит о...

— Мерзости, — сказал Лито.

— Да! — Алия не произнесла этого слова.

— Ведьма, она всегда ведьма, так ведь говорят? — сказала Ганима.

«Сестра, ты играешь в опасную игру», — подумал Лито, но поддержал ее и добавил:

— Наша бабушка была женщиной очень простодушной, в отличие от других ее типа. Ты разделяешь ее память, Алия; несомненно, ты должна знать, чего ожидать.

— Простодушие! — сказала Алия, покачив головой. Она оглядела весь зал, потом снова обратилась к близнецам: — Если бы моя мать была менее доступной, ни одного из вас здесь бы сейчас не было, и меня тоже. Я должна была родиться у нее первой, и никто из этих... — Плечи ее слег-

ка вздрогнули. — Я предупреждаю вас обоих, будьте осторожны во всем, что бы вы ни делали сегодня. — Алия посмотрела вперед: — Идет моя охрана.

— И ты все еще думаешь, что нам небезопасно сопровождать тебя в звездный космопорт? — спросил Лито.

— Ждите здесь, — сказала Алия, — я доставлю ее.

Лито и его сестра обменялись взглядами, и он сказал:

— Ты говорила нам много раз, что память, которой мы обладаем, унаследована от того, кто испытал до нас некую бесполезность, пока мы нашей собственной плотью не воплотили эту память в жизни. Моя сестра и я верим в это. Мы не хотим огромных перемен, которые несет с собой приезд нашей бабушки.

— И продолжайте верить в это, — сказала Алия. Она повернулась, окруженная со всех сторон охраной, и вся свита быстро двинулась через весь зал к Правительственному Входу, где их ждали орнитоптеры.

Ганима смахнула слезу с правого глаза.

— Даешь воду мертвым? — прошептал Лито, взяв сестру за руку.

Ганима глубоко, тяжело вздохнула и задумалась над тем, как она изучала свою тетю.

— Экстаз от спайса это сделал? — спросила она, зная, что на это ответит Лито.

— У тебя есть другое предположение?

— Ради аргумента, почему наш отец... и даже наша бабушка не выдержали?

Минуту он изучал ее. Потом сказал:

— Ты знаешь ответ так же, как и я. У них были надежные люди к тому времени, когда они пришли на Арракис. Экстаз от спайса — ну... не знаю...

— К моменту своего рождения они уже обладали памятью своих предков. Алия, хотя...

— Почему она не верит предупреждениям Бене Гессерит?

Ганима покусала нижнюю губу.

— Алия имела ту же информацию, что и мы.

— Они уже вызывают к ее Мерзости, — сказал Лито. — Не находишь ли ты это попыткой выявить то, что ты сильнее, чем все эти...

— Нет, нет! — Ганима отвернулась от испытывающего взгляда брата, вздрогнула. Она должна была только консультироваться со своей генетической памятью, и предупреждения Сестер приобрели сейчас ясную форму. Тот, кому предстояло родиться, должен был стать взрослым с мерзкими привычками. И подобная причина... Она снова вздрогнула.

— Жаль, что у нас нет кого-нибудь предрожденных среди наших предков, — сказал Лито.

— Может, и есть.

— Но мы... Ах, да, старый безответный вопрос. На самом ли деле у нас есть доступ к каждой крупине жизненного опыта наших предков?

Судя по своим внутренним ощущениям, Лито знал, как эта беседа должна была разволновать сестру. Они много раз ломали головы над этим вопросом, и всегда он оставался без ответа. Он сказал:

— Мы должны препятствовать ей каждый раз, когда она хочет ввести нас в транс. Надо быть абсолютно осторожными с чрезмерной дозой спайса, это лучший выход для нас.

— Сверхдоза должна быть довольно большой, — сказала Ганима.

— Наше терпение, вероятно, достаточно сильное, — согласился он. — Посмотрите, как всегда настаивает Алия.

— Мне жаль ее, — сказала Ганима. — Соблазн должен быть неуловимым и незамеченным, медленно овладевающим ею, пока...

— Она — жертва, точно, — сказал Лито. — Мерзость.

— Возможно, мы не правы.

— Правы.

— Мне всегда было интересно, — размышляла Ганима вслух, — если следующая, унаследованная от прародителей память будет той, которая...

— Прошрое, как и твоя подушка, близко от тебя, — сказал Лито.

— Мы должны воспользоваться возможностью, чтобы обсудить это с нашей бабушкой.

— Хотя ее память внутри меня подгоняет меня, — сказал Лито.

Ганима встретила его взгляд. Потом добавила:

— Когда обладаешь огромными знаниями, трудно прийти к простому решению.

ГЛАВА 2

Алия чувствовала, как сильно билось ее сердце, когда она уходила от близнецов. В течение нескольких мгновений она чувствовала, что была на грани того, чтобы остаться с близнецами и просить их о помощи. Что за дурацкая слабость! Память об этом посылало через Алию предупреждающее спокойствие. Вдруг эти близнецы осмелятся применить предвидение? Путь, который увлек их отца, соблазнит и их, — транс от спайса с его видениями будущего, будто бы раздуваемыми ветром. «Почему я не могу видеть будущее? — спрашивала себя Алия. — Почему, как бы я ни старалась, у меня ничего не получается?»

«Надо заставить близнецов сделать это,» — сказала она самой себе. Они могли бы втянуться в это. Они обладают детским любопытством, и это было связано с памятью, которая включала в себя тысячелетие.

«Так же, как и я», — подумала Алия.

Ее охрана открыла отсыревшие затворы у Правительственного Входа в сьютч, посторонилась, когда она вышла на посадочную площадку, где ее поджидали орнитоптеры. Со стороны пустыни дул ветер, поднимал к небу клубы пыли, но день был ясным. Когда она вышла на свет из пещеры со светящимися шарами, ее мысли приняли другое направление.

Почему леди Джессика возвращалась именно в этот момент? Неужели до Келадана доползли слухи, слухи о том, как Регентство...

— Нам надо торопиться, моя леди, — сказал один из охранников, повышая голос, чтобы перекричать ветер.

Алия позволила помочь ей забраться в орнитоптер и пристегнула ремни безопасности. Ее мысли продолжали нестись вперед.

— Почему сейчас?

Когда орнитоптер опустил крылья и воздушное судно начало снижать скорость, она почувствовала все великолепие и силу своего положения, как массу существенных вещей, но они были призрачными и мимолетными!

— Почему именно теперь, когда ее планы еще не завершены?

Пыль уносило ветром, и она могла видеть яркий солнечный свет на меняющемся ландшафте планеты: широкие полосы зеленой растительности, где когда-то была выжженная солнцем земля.

Без видений будущего я могу потерпеть неудачу. О, какое волшебство я могла бы представить всем, если могла бы видеть, как Пол! Не для меня горечь, которая приносит видения.

Она содрогнулась от мучительного голода и пожалела, что не может снять с себя власть. О, быть такой, как все — слепой в этой самой безопасной из всех слепоте, живя только этой гипотетической полужизнью, в которую рождение низвергает большую часть человечества. Но нет! Она была рождена Атридесами, стала жертвой этого глубокого вселенского знания, навязанного ей ее матерью, которая употребляла спайс.

«Почему моя мать возвращается сегодня?»

Гурни Хэллек скорее всего будет с ней, преданный навсегда слуга, наемный убийца всяческих мерзавцев, никогда не устающий и упрямый, музыкант, который мог сыграть любое убийство с помощью удавки или упражнения с той же легкостью на своем девятиструнном бализете. Поговаривали, что он стал любовником ее матери. Об этом надо было бы разузнать получше; возможно, это способствует ее матери в достижении цели.

Желание быть такой, как все, покинуло ее.

«Лито нужно бы ввести в транс, вызываемый большой дозой спайса».

Она вспомнила, что однажды спросила мальчика, как он относится к Гурни Хэллеку. И Лито, чувствуя, что в ее вопросе присутствует скрытый смысл, сказал, что Хэллек прощал мелкие проступки Пола, добавив: «Он обожал... моего отца».

Она заметила некоторое замешательство. Лито чуть было не сказал «меня» вместо «моего отца». Да, иногда трудно было отличить генетическую память от той, которая принадлежала живому человеку. Гурни Хэллеку, как и Лито, тоже сложно было бы сделать такое различие.

Алия холодно улыбнулась.

После смерти Пола Гурни предпочел вернуться с леди Джессикой на Келадан. Его возвращение многое усложнит. Если он вернется на Арракис, он прибавит свои собственные трудности к уже существующим. Он служил отцу Пола. И, таким образом, наблюдалась четкая последовательность: Лито I — Пол — Лито II. А исходя из условий Бене Гессерит — селекционная программа: Джессика — Алия — Ганима — побочная ветвь. Гурни, присоединяясь к неразберихе идентичностей, мог бы оказаться очень ценным.

«Что он сделает, если узнает, что в нас течет кровь Харконненов, тех самых Харконненов, которых он так ненавидит?»

Улыбка на губах Алии стала загадочной; она шла из каких-то неведомых глубин ее психики.

Алия почувствовала, как какая-то тень пронеслась над ней, и посмотрела вверх. Ее эскорт осуществлял подготовку к посадке. Она встряхнула головой, чтобы отключиться от мучительных мыслей. Какой смысл был в том, чтобы вызывать в памяти чужие жизни и стирать из них ошибки? Это была уже новая жизнь.

Данкан Айдахо приложил свои умственные способности к вопросу о том, почему Джессика возвращается в это время, оценивая эту проблему по принципу человека-компьютера, ментата, что было его природным даром. Она возвращается, чтобы отвезти близнецов к Сестрам. Близнецы тоже имели эти бесценные гены. Данкан, скорее всего, вполне прав. Этого могло бы быть достаточно для того, чтобы вытянуть Джессику из ее уединенного гнездышка на Келадаке. Если Сестры велели... А что еще могло бы вернуть ее в эти места, которые вызвали в ней болезненные воспоминания?

— Посмотрим, — проворчала Алия.

Она почувствовала, как орнитоптер коснулся крыши Крепости, издавая неприятный звук, который наполнил ее зловещими предчувствиями.

ГЛАВА 3

Две большие кошки вышли на рассвете из-за скал, легко перепрыгивая валуны. Они не собирались охотиться, просто осматривали территорию. Их называли Лазанскими тиграми, выведенными специально и привезенными сюда, на планету Салуза Вторая, почти 8 тысяч лет назад. Генетические манипуляции, произведенные с древней Терранской породой, стерли некоторые природные черты, характерные для тигров, и усовершенствовали другие. Клыки остались длинными. Морды их были широкие, глаза настороженные и умные. Лапы были увеличены, чтобы они твердо стояли на неровной почве, и их спрятанные когти могли бы выпускаться не менее чем на 10 см, причем заостренные на концах не хуже стальных лезвий. Их шкура была рыжевато-коричневого цвета, что делало их почти невидимыми на фоне песка.

Они отличались от своих предков еще по одному признаку: в их мозг был имплантирован вспомогательный стимулятор, причем тогда, когда они были детенышами. Стимуляторы делали их зависимыми от того, кто владел передатчиком.

Было холодно, и пока кошки изучали территорию, из ноздрей их шел пар. Пред ними расстилалась земля Салузы Второй, которую оставили нетронутой, в первозданном виде — сухой и голой, ведь здесь жило несколько песчаных червей, завезенных с Арракиса и бережно сохраняемых живыми, потому что монополия по производству меланжа могла в любой момент рухнуть. Там, где стояли кошки, ландшафт представлял достаточно скучное зрелище: кругом одни рыжевато-коричневые скалы и разбросанные тут и там тощие кусты серебристо-зеленого цвета, которые отбрасывали длинные тени в лучах утреннего солнца.

Неожиданно кошек насторожило какое-то движение. Сначала медленно они скосили глаза влево, потом, не торопясь, повернули головы в том же направлении. Далеко внизу, на потрескавшейся земле, шли двое детей, держась за руки и с трудом передвигаясь по сухому песку. Дети, по всей видимости, не достигли еще девяти-десятилетнего возраста. Они были рыжеватые и одеты в стилсьюты, частично отороченные богатыми белыми буквами, которые прикреплялись по краям, а на лбу сиял ястребиный герб Дома Атридесов, выполненный из плиток, украшенных яркими, светящимися драгоценными камнями. Они шли и весело болтали, и их голоса очень ясно доносились до охотничьих кошек. Тигры Лазана очень хорошо знали эту игру; они и раньше в нее играли, но сей-

час продолжали стоять неподвижно, ожидая шелчка, который включит охотничий сигнал в их вспомогательных стимуляторах.

Теперь вслед за кошками появился человек. Его взору предстала сцена: кошки, дети. Человек был одет в рабочий мундир сардукара, выполненный в сером и черном цветах, со знаками отличия Левенбрега, помощника Башара. Под его рукой, огибая шею, проходил ремешок, который поддерживал на груди вспомогательный передатчик, упакованный в тонкий чехол. До кнопки управления он мог легко дотронуться любой рукой.

Кошки не обратили ни малейшего внимания на его приближение. Они узнали этого человека по звуку и запаху. Он остановился в двух шагах от кошек, вытирая лоб. Воздух был холодный, но от этой работы было жарко. Перед его блеклыми глазами предстало следующее зрелище: кошки и дети. Он убрал под свой рабочий шлем влажную прядь светлых волос, дотронулся до микрофона, имплантированного в горло.

— Кошки держат их в поле зрения.

Ответный голос послышался из приемников, помещенных за ушами.

— Мы видим их.

— Пора? — спросил Левенбрег.

Голос, который отвечал, снова донесся до него через приемники, расположенные за ушами.

— Они смогли бы сделать это без команды? — продолжал голос.

— Они готовы, — сказал Левенбрег.

— Очень хорошо. Давай посмотрим, может быть, достаточно четырех условных этапов?

— Передайте, когда вы будете готовы.

— В любое время.

— Ну, тогда... — сказал Левенбрег.

Он дотронулся до пульта, находящегося с правой стороны вспомогательного передатчика, причем сначала отодвинул крышку, которая закрывала пульт. Теперь кошки были свободны от его управления, их ничто больше не удерживало. Он держал руку над черным переключателем, расположенным под красным, готовый остановить животных, если они вдруг повернут в его сторону. Но они не обращали на него внимания, они припали к земле и начали спускаться по сопкам вниз, к детям. Их огромные лапы скользили мягко и плавно.

Левенбрег присел на корточки, чтобы понаблюдать за ними, зная, что где-то поблизости спрятана камера, которая передавала всю эту сцену на секретный монитор, внутрь крепости, где жил Принц.

Вскоре кошки начали делать скачки, а потом побежали.

Дети, которые продолжали пробираться по скалистой местности, все еще не замечали опасности. Один из них смеялся, его высокий и чистый голос буквально рассыпался в чистом воздухе. Другой ребенок спотк-

нулся, и, найдя равновесие, обернулся и увидел кошек. Ребенок указал на них: «Смотри!»

Оба остановились и с любопытством стали смотреть на удивительное вторжение в их жизнь. Они все еще продолжали стоять, когда Лазанские тигры набросились на них — одна кошка на каждого ребенка — и сбили с ног. Дети умерли с привычной для тигров внезапностью, им быстро сломали шею. Кошки начали есть.

— Мне отозвать их? — спросил Левенбрег.

— Пусть закончат. Они хорошо с этим справились. Я знал, что они справятся, эта пара просто великолепна.

— Лучшая, которую я когда-либо видел, — согласился Левенбрег.

— Транспорт за тобой отправили. Теперь мы заканчиваем связь.

Левенбрег стоял вытянувшись. Он старался не смотреть на выступ в скале слева от него, где был скрыт яркий блеск оптики передающей секретной камеры, которая передавала его прекрасную работу Башару, находящемуся далеко в зеленых землях столицы. Левенбрег улыбался. За эту работу его ожидало повышение. Он уже чувствовал знак Батора на своей шее — а когда-нибудь, и Бурсега... Но это возможно лишь тогда, когда, наконец, уберут близнецов Атридесов.

ГЛАВА 4

Леди Джессика оказалась окруженной со всех сторон океаном людской массы, которая простиралась вглубь серо-коричневой плоскости посадочного поля, где совершил посадку ее корабль, который потрескивал и шипел после резкого перехода из одного пространства в другое. Она приблизительно прикинула, что там было полмиллиона людей, и примерно треть из них являлись паломниками. Они стояли в жутком молчании, их внимание было приковано к платформе выходного шлюза из транспортного корабля, где затемненный люк скрывал ее и свиту.

До полудня оставалось два часа, но воздух над толпой уже отражал едва заметное марево, обещающее очень жаркий день.

Джессика дотронулась до посеребренных сединой волос цвета меди, которые обрамляли ее овальное лицо под капюшоном из козьей шерсти, потому что она была Преподобной Матерью. Она знала, что после такого длительного путешествия выглядит не лучшим образом, а черный цвет ее капюшона из козьей шерсти был не ее цветом. Но она облакалась здесь в это одеяние и раньше. Значимость этой грубой одежды еще не была утрачена Свободными. Она вздохнула. Путешествие через пространство не прошло незаметно для нее, и было еще кое-что, отягощающее ее вос-

поминания, — еще одна поездка с Келадана на Арракис, когда ее Герцог был принужден жить в этом поместье несмотря на его собственное мнение.

Медленно исследуя обстановку, используя способности, которые дало ей учение Бене Гессерит, чтобы не упустить важные детали, она внимательно смотрела на море людей. Всюду были видны колпаки стилсьютов скучно-серого цвета, исконная одежда Свободных из далекой пустыни; были паломники в белой одежде со знаками раскаяния на плечах, тут и там были видны толпы богатых купцов, облаченных в легкую одежду без капюшонов, демонстрирующих свое презрение к знойному, иссушающему воздуху Аппаксены... а также в стороне стояла отдельной группой делегация из Общества Верующих (Квизарата) в зеленых робах и просторных глубоких капюшонах.

Только когда она оторвала взгляд от толпы, она поняла, что вся эта сцена напоминает чем-то то время, когда ее точно так же встречали, но с ней тогда был ее возлюбленный Герцог. Как давно это было? Более двадцати лет тому назад. Ей не нравилось думать о тех сердечных переживаниях. Время своим тяжелым бременем давило на нее изнутри, и казалось, что она никогда не покидала эту планету.

«Еще раз в пасть дракона», — подумала она.

Здесь, на этой равнине, ее сын отвоевал Империю у последнего Императора Шаддама IV. Историческое потрясение оставило след в умах и верованиях людей.

Она слышала сзади себя постоянную возню своей свиты, не удержалась и снова вздохнула. Они должны ждать Алию, которая запаздывала. Группа во главе с Алией появилась, наконец, у дальнего края толпы, вызвав бурю рукоплесканий, когда Королевская охрана влилась в толпу, чтобы расчистить путь.

Джессика еще раз окинула взглядом весь ландшафт. Много отличий представилось ее испытывающему взгляду. На контрольной башне посадочного поля был сооружен балкон для молящихся. А далеко с левой стороны равнины стояло огромное внушающее страх сооружение из пласти, которое Пол воздвиг в качестве своей крепости — личного «счета, возвышающегося над песками». Это было самое большое сооружение, которое когда-либо возводил человек. Целые города могли бы поместиться внутри его стен, и еще осталось бы свободное место. Теперь в ней размещалась самая могущественная правящая сила в империи, Квизарат Алии, который она создала над телом своего брата. «Это место должно рухнуть», — подумала Джессика.

Делегация во главе с Алией подошла к подножью трапа и остановилась там в ожидании. Джессика узнала грубые черты Стилгара. И, о Господи! Там стояла принцесса Ирулэн, пряча свою жестокость в прелестное тело с шапкой золотых волос.

Оказалось, что годы Ирулэн не наложили отпечаток на ее внешность. Это был вызов. И там, впереди клина, была Алия, черты ее лица были вызывающе юными, ее глаза были обращены вверх на отверстие люка. Губы Джессики вытянулись в тонкую линию, глаза внимательно рассматривали лицо дочери. Гнетущее чувство переполняло Джессику, она слышала, как гулким прибором отзывалась в ушах ее собственная жизнь! Слухи оправдались! Ужасно! Ужасно! Алия ступила на запретный путь. Доказательства этого посвященному было легко прочитать. Мерзость! Джессике понадобилось несколько мгновений, чтобы прийти в себя, она поняла, как ей хотелось, чтобы эти слухи были фальшивыми.

«А близнецы?» — спросила она себя. — Они тоже потеряны?»

Медленно, как подобает Преподобной Матери, Джессика через люк вышла на трап. Ее свита осталась в салоне согласно инструкции. Следующие несколько мгновений были решающими. Джессика стояла одна, обозреваемая всей толпой. Позади она слышала нервное покашливание Гурни Хэллека. Гурни возражал.

«Даже без защитного экрана! Боги внизу, женщина! Ты сумасшедшая!»

Но среди наиболее замечательных особенностей Гурни было поведение. Он высказывается напрямик, а потом повинует. Сейчас он повиновался.

Людское море производило шум, похожий на шипение песочного червя, когда появилась Джессика. Она вознесла руки в благословении, к которому духовенство приучило Империю. С некоторым запозданием, но как один гигантский организм, люди упали на колени. Даже официальная часть подчинилась общему настроению.

Джессика отметила место, где это было сделано с опозданием, и она знала, что другие глаза позади нее и среди ее агентов в толпе заполнили временную карту, с помощью которой она могла бы найти опоздавших.

Пока Джессика стояла с вознесенными вверх руками, появились Гурни и его люди. Они быстро прошли мимо нее, спустились по трапу, не обращая внимание на встревоженные взгляды официальной группы, присоединились к агентам, которых можно было опознать по знаку на руке. Они быстро растворились в море людей; с трудом прокладывая путь сквозь группы стоящих на коленях фигур. Некоторые из их жертв почувствовали опасность и попытались скрыться. Но они оказались проворнее: брошенный им вслед нож, петля, и беглецы падали. Других выхватывали из толпы, связывали руки и ноги.

Несмотря ни на что, Джессика стояла с поднятыми вверх руками, благословляя своим присутствием, держа толпу в повиновении. Она читала знаки распространяющихся слухов и знала доминирующий среди них, потому что он просто укоренился: «Преподобная Мать возвращается, чтобы убрать неверующих. Сохрани Мать нашего Господа!»

Когда все было закончено, на песке осталось лежать несколько распостертых тел, а пленных повели в помещение для арестованных, Джессика опустила руки. Возможно, прошло минуты три. Она знала, как мала вероятность того, что Гурни и его люди взяли хоть кого-нибудь из главарей, из тех, кто представлял реальную опасность. Они наверняка более бдительны и чутки. Но пленные могли представлять собой некоторый интерес, хотя бы как отбракованный скот и обычные тупицы.

Джессика опустила руки, и, издавая одобрительные возгласы, люди поднялись на ноги.

Как ни в чем не бывало, Джессика спустилась вниз, минуя дочь и внимательно вглядываясь в Стилгара. Черная борода с проседью веером ложилась на шею поверх его комбинезона, но его глаза оставались все такими же, как и в первую встречу в пустыне. Стилгар знал, что только что произошло, и одобрял это. Рядом с ней стоял истинный Свободный наиб, вождь людей, способный принимать кровавые решения. Его первые слова полностью соответствовали ситуации.

— Добро пожаловать домой, моя госпожа. Всегда истинное наслаждение видеть решительные и эффективные действия.

Краешком рта Джессика позволила себе улыбнуться.

— Закрой рот, Стил. Никто не уйдет, пока мы не допросим тех, кого взяли.

— Все уже сделано, моя госпожа, — сказал Стилгар. — Мы придумали это вдвоем — я и человек Гурни.

— Значит, это были ваши люди, те, которые помогали?

— Некоторые да, моя госпожа.

Она прочла его потаенные мысли, кивнула.

— В те далекие дни вы хорошо меня изучили, Стил.

— Когда-то однажды вы постарались сказать мне, моя госпожа, что оставшихся в живых находят и узнают от них многое.

Алия выступила вперед, а Стилгар отошел в сторону, пока Джессика встречалась с дочерью. Зная, что спрятаться не было возможности, Джессика и не пыталась это сделать. Алия могла прочитать все подробности, которые ей понадобятся, могла прочитать также любые сведения, поступившие из ордена Сестер. Она уже должна была понять по поведению Джессики, что та увидела и интерпретировала. Они были врагами, для которых слово «смертный» имело какое-то поверхностное значение.

Алия избрала гнев, как самую доступную и верную реакцию.

— Как ты осмелилась предпринять такую акцию, не посоветовавшись со мной? — спросила она, приблизив свое лицо к лицу Джессики.

Джессика тихо ответила:

— Как ты только что слышала, Гурни даже не посвятил меня в свой план. Было задумано так...

— А ты, Стилгар! — сказала Алия, поворачиваясь к нему. — Кому ты служишь?

— Я дал клятву детям Муад Диб, — сказал Стилгар холодно. — Мы устранили угрозу, нависшую над ними.

— А почему это не в радость тебе, дочь? — спросила Джессика.

Алия вспыхнула, посмотрела на мать, подавила в себе гнев и даже ухитрилась слегка улыбнуться.

— Я переполнена радостью... мама, — сказала она. И к своему собственному удивлению Алия обнаружила, что она была счастлива, испытывая жуткий восторг, что все это происходило на открытом воздухе между ней и матерью. Момент, которого она до смерти боялась, прошел, и равновесие сил на самом деле не изменилось. — Мы поговорим об этом более подробно в более удобное время, — сказала Алия, обращаясь одновременно и к матери, и к Стилгару.

— Ну, конечно, — сказала Джессика, поворачиваясь лицом к принцессе Ирулэн, давая этим движением понять другим, что они могут быть свободны.

Несколько мгновений Джессика и принцесса молча стояли, рассматривая друг друга — две женщины Бене Гессерит, которые первали с орденом по одной и той же причине: любовь... они обе были влюблены в мужчин, которых уже не было в живых. Эта принцесса отчаянно любила Пола, став его женой, но не супругой. А теперь она жила только ради детей, подаренных Полу наложницей Чани.

Джессика заговорила первой:

— Где мои внуки?

— В съезде Табр.

— Для них там очень опасно; я так понимаю.

Ирулэн слегка кивнула. Она заметила взаимопонимание между Джессикой и Алией, но объясняла это таким образом, как ее подготовила к этому Алия: «Джессика вернулась к Бене Гессерит, а мы обе знаем, что у них есть планы насчет детей Пола». Ирулэн никогда не отличалась особым совершенством в знаниях Бене Гессерит — главное было то, что она являлась дочерью Шаддама IV; она была слишком горда, чтобы демонстрировать свои способности. Теперь она выбрала позицию, которая не имела никакого отношения к ее обучению.

— Действительно, Джессика, — сказала Ирулэн, — надо было проконсультироваться с Королевским Советом. Ты неправильно поступила, действуя таким образом.

— Надо ли мне верить, что из вас никто не доверяет Стилгару? — спросила Джессика.

Ирулэн была достаточно смекалиста, чтобы догадаться, что на этот вопрос отвечать не нужно. Она была рада, что представители Квизарата не в состоянии были больше ждать, и подались вперед... Она обменялась

взглядами с Алией, думая: «Джессика, как всегда, слишком высокомерна и уверена в себе!»

Бене Джессеритская аксиома непременно отложились в ее мозгу: «Надменность возводит непреодолимые стены, за которыми стараются спрятать свои собственные сомнения и опасения».

Неужели такое могло быть и с Джессикой? Наверняка, нет. Тогда, должно быть, это просто поза. Но с какой целью? Этот вопрос беспокоил Ирулэн.

Священнослужители шумной толпой окружили Джессику. Некоторые из них осмеливались дотрагиваться до ее рук, но большинство отвечивало низкие поклоны и произносили приветствия. Наконец, главы делегаций обратились к Преподобной Матери, подчеркивая свой духовный сан:

— Первый должен быть последним, — с дежурными улыбками говорила ей, что официальная Церемония Очищения ждет ее в старой крепости Пола.

Джессика внимательно изучила эту пару, найдя ее вызывающей. Одного звали Джавид, молодой человек с угрюмым лицом и круглыми щеками, затененные глаза, которые не могли скрыть подозрения. Другой был Зебаталеф, второй сын Наиба, которого она знала еще в прежние годы, о чем он поспешил напомнить ей. Его легко можно было классифицировать: веселость в сочетании с жестокостью, худое лицо со светлой бородой, овеванное ареалом затаенного возбуждения и могущественного знания. Джавид, как ей показалось, представлял меньше опасности из них двоих, человек, который мог хранить тайну, одновременно притягательный и — она не могла найти другого слова — отталкивающий. Она нашла странным акцент, он был похож на древний фрименский, как будто он происходит родом из какой-то изолированной ветви людей.

— Скажи мне, Джавид, — спросила она, — откуда ты родом?

— Я из простых Свободных пустыни, — сказал он, каждым слогом подчеркивая, что это ложное утверждение.

Тут бесцеремонно вмешался Зебаталеф и почти с насмешкой сказал:

— У нас есть многое, что мы должны обсудить о прежних временах, моя госпожа. Я был одним из первых, ты это знаешь, кто признал миссию твоего сына.

— Но ты не был одним из его федайкинов, — сказала она.

— Нет, моя госпожа. Я занимал более философскую позицию: я учился у священника.

— И сохранил свою шкуру, — подшутила она.

Давид сказал:

— Они ждут нас в Крепости, моя госпожа.

И снова она нашла его акцент очень странным, этот вопрос, волновавший ее, оставался без ответа.

— Кто нас ждет?— спросила она.

— Совет Веры, все те, кто свято хранит в душе имя и дела твоего святого сына,— сказал Джавид.

Джессика посмотрела вокруг себя, увидела, что Алия улыбалась Джавиду, и спросила:

— Этот человек один из твоих наместников, дочка?

Алия кивнула.

— Человек характера гордится своими поступками.

Но Джессика увидела, что Джавид не имел ни малейшего удовольствия слышать замечания, это он прошел потом специальную школу Гурни. А тут подошел Гурни с пятью преданными ему людьми, давая знак, что они допрашивают подозрительных бездельников. Он шел походкой властного человека, глядя то налево, то направо, то вокруг, каждый мускул был в напряжении под кажущейся расслабленностью бдительности, которой она обучала всех, руководствуясь прана-бинду Бене Гессерит. Он был неуклюжим человеком, у которого были развиты определенные рефлексy, он был убийцей и наводил на всех ужас, но Джессика любила его и хвалила больше всех остальных. Шрам от бича пересекал его челюсть, придавая лицу зловещее выражение. Он улыбнулся, когда увидел Стилгара.

— Все сделано, Стил,— сказал Гурни.

И они пожали друг другу руки, как это делалось у Свободных.

— Очищение,— сказал Джавид, дотрагиваясь до руки Джессики.

Джессика отшатнулась, осторожно подобрала слова и старалась говорить властным тоном, это произвело эмоциональный эффект на Джавида и Зебаталефа:

— Я вернулась на Дюну, чтобы увидеть моих внуков. Стоит им тратить время на эту срунду?

Зебаталеф был в шоке, его тяжелая челюсть отвисла, глаза округлились от испуга. Он смотрел на тех, кто услышал это. Их можно было узнать по глазам.

Святое обозвать чушью! Какой эффект могли возыметь такие слова, произнесенные матерью самого мессии?

Джавид, как ни странно, согласился с Джессикой. Уголки его рта сначала опустились, потом он улыбнулся. Но глаза его не улыбались, хотя и не пытались отыскать слышавших эти слова. Джавид уже знал каждого члена группы. Он и без этого знал, за кем нужна специальная слежка. Только через несколько секунд Джавид резко перестал улыбаться, что говорило о том, что он знал, как он себя выдал. Джавиду всегда удавалось хорошо выполнять свою работу: он знал о наблюдательных возможностях Джессики. Краткий, резкий кивок головы признал эту возможность.

В яростной вспышке ментации Джессики взвесила все «за» и «против»; едва заметным движением руки она могла бы подать сигнал Гурни

и обречь этим Джавида на смерть. Это могло бы быть совершенно прямо сейчас, для большего эффекта, или немного позже, или произойти как случайность.

Она подумала: «Когда мы пытаемся скрыть наши внутренние побуждения, все наше существо выдает себя».

Учение Бене Гессерит склонялось к этому откровению — возвышая над этим сведущих и обучая их читать живую память других. Она заметила, что Джавид очень умный, он мог быть связующим звеном с духовенством Арракиса. И он был человеком Алии.

Джессика сказала:

— Моя официальная сопровождающая группа должна уменьшиться. У нас есть место только для одного. Джавид, ты пойдешь с нами. Зебаталеф, мне очень жаль. И, Джавид... я посетую это — эту церемонию, если ты настаиваешь...

Джавид глубоко вздохнул и понизил голос:

— Как прикажет Мать Муад Дибя.

Он посмотрел на Алию, на Зебаталефа, потом повернулся к Джессике.

— Мне жаль, что вам придется отложить встречу с вашими внуками, но для этого есть государственные причины...

Джессика подумала: «Хорошо. Прежде всего, он деловой человек. Когда мы определим новую систему ценностей, мы купим его». И она вдруг нашла, что радуется тому, что он настаивает на этой церемонии. Эта маленькая победа дала бы ему превосходство над его товарищами, и они бы знали об этом. Принятие Очищения могло бы стать платой за дальнейшие услуги.

— Я полагаю, с транспортом все в порядке, — сказала она.

ГЛАВА 5

Лито сидел и играл на маленьком бализете, подаренном ему в день пятилетия самим изготовителем этого инструмента Гурни Хэллеком. За прошедшие четыре года Лито достиг определенной плавности игры, хотя две толстые струны доставляли ему беспокойство. Он находил бализет успокаивающим, не смотря ни на что, особенно когда он был чем-то расстроен — это не ускользнуло от Ганимы. Теперь в сумрачном свете он сидел на выступе у стены пещеры, на самом южном конце скалистого отрога, который прикрывал съетч Тарб. Он тихо брэнчал на бализете.

Ганима стояла позади него, вся ее мятежная фигурка излучала протест. Она не хотела выходить сюда, на открытый воздух, после того как узнала от Стилгара, что ее бабушка задержалась в Арракине. Она

особенно не хотела приходить сюда с наступлением ночи. Пытаясь растормошить своего брата, она спросила:

— Ну, что это?

Ганима заговорила позади него, когда он выводил последнюю ноту.

— Это мерзкая старая песня. Почему именно ее ты играл?

— Потому что она совпадает с данной ситуацией.

— Ты сыграешь ее для Гурни?

— Может быть.

— Он назовет ее скучной ерундой.

— Я знаю.

Лито посмотрел через плечо на Ганиму. Он не выразил удивления по поводу того, что она знала песню и мелодию, но почувствовал внезапный трепет, потому что они, близнецы, были совсем одинаковы, как одно целое. Если бы один из них умер, то остался бы жить в сознании другого, каждый сохранял полностью память другого, это их сближало. Он вдруг почувствовал, что боится этого бесконечного смятения от их близости, и отвел взгляд. Но он знал, что в этом переплетении есть проблемы. Его страх усиливался от все новых пробелов. Он чувствовал, что их жизни начинали разделяться, и задумался: «Как я скажу ей о том, что произошло только со мной?»

Он посмотрел через пустыню на длинные тени от барханов за этими возвышенностями, все время растущими, кочующими дюнами, которые движутся, как волны, вокруг Арракиса. Это был Нодем, внутренняя пустыня, и ее дюны в последнее время редко тревожили гигантские черви. Предзакатное солнце отбрасывало через всю пустыню кровавые лучи, придавая огненный оттенок зеленоющим краям. Ястреб, падающий с малинового неба, уловил, что за ним наблюдают с такой же магической скоростью, с какой он ловил скальную куропатку в полете. Сразу внизу, у подножья скалы, находился участок, где были посажены отличавшиеся яркой зеленью растения, которые поливали водой из канала, местами тянувшегося по открытому пространству, местами — по закрытым туннелям. Вода подавалась из огромных коллекторов ветровых ловушек, которые находились в самом начале канала на самой высокой точке скалы. Там развевался зеленый флаг Атридесов.

Вода и зелень.

Новые символы Арракиса: вода и зелень.

Оазис засаженных дюн в форме ромба расстился под высоким выступом скалы, притягивая внимание Лито, который смотрел на него с чисто фрименской проникательностью. Из-за утеса, расположенного ниже выступа, раздался громкий шум ночной птицы, и это еще больше усилило ощущение того, что в этот момент он жил в далеком диком прошлом.

«Nous avons change tout cela», — подумал он, с легкостью переходя на один из древних языков, который они изучали с Ганимой наедине. «Мы

почти все изменили» Он вздохнул. «Oublier je ne puis». «Я не могу забыть».

За оазисом он мог видеть в сгущающихся сумерках землю, которую Свободные называли «Пустота», землю, где ничего не растет, землю, которая никогда ничего не рождает. Вода и грандиозные планы по экологии постоянно меняли все это. Теперь на Арракисе появились места, где можно было увидеть бархатистые зеленые холмы, засаженные лесом. Леса на Арракисе! Некоторые из нового поколения не могут себе представить дюны без этих нежно-зеленых холмов. Роскошь влажной от дождя листвы деревьев не была шокирующей для взора этих юных глаз. Но Лито обнаружил, что сейчас он думает как старый Свободный, с недоверием относящийся к переменам, боящийся всего нового.

Он сказала:

— Дети говорят мне, что теперь у поверхности они стали редко видеть песчаного червя.

— А что, на это указывали?— спросила Ганима. В ее тоне была раздражительность.

— Вещи начинают меняться очень быстро,— сказал он.

Сперва на утесе прокричала птица, и на пустыню опустилась ночь так же стремительно, как ястреб падает на куропатку. Ночь часто подвергала его натискам памяти, все эти жизни и полоса были внутри него, начинали громко о себе заявлять.

Ганима ничуть не возражала против этих явлений точно так же, как и он. Она знала о его переживаниях, и он чувствовал, как ее руки коснулись его плеча в знак солидарности.

Он извлек грозный аккорд из бализета.

Как бы ему рассказать ей все, что происходит с ним?

У него в голове шли непрерывные войны; бесчисленное множество дробило на части их древнюю память: несчастные случаи с несестественной смертью, любовное томление, краски и цвета многих мест и многих лиц... захороненные страдания и радости, быющие через край многих народов.

На открытом воздухе почти невозможно было выдержать этот натиск.

— Может, нам лучше зайти внутрь?— спросила она.

Он отрицательно покачал головой, и она почувствовала движение, понимая, наконец, что его тревоги были намного глубже, совсем не такие, как она думала.

«Почему я так часто встречаю ночь здесь, на этом месте?»— спрашивал он себя. Он не заметил, как Ганима убрала руку.

— Ты знаешь, почему ты так мучаешься?— спросила она.

Он услышал едва уловимый упрек в ее голосе. Да, он знал. Ответ лежал в его осведомленности: «Потому что нечто великое известно — неизвестное внутри меня накатывается на меня, как волна». Он чувствовал, как его прошлое вздымалось, как будущее его несло будто на

волнах в час прибоя. Он обладал воспоминаниями отца, рассеянными во времени, воспоминаниями предвидения, которые распространялись почти на все, однако его тянуло ко всему этому прошлому. Он хотел его. А оно было так опасно. Он знал теперь абсолютно все благодаря этому новому ощущению, о котором он должен был рассказать Ганиме.

Пустыня постепенно начинала приобретать красноватый отблеск от света восходящей Первой луны. Он пристально смотрел на обманчивую неподвижность песчаных барашков, переходящих в бесконечность. Слева от него очень близко был расположен Аттендант, так называлась выступающая из песка скала, которую песчаные ветры сократили настолько, что ее синусоидная форма стала похожа на темного червя, пробивающегося сквозь дюны. Когда-нибудь скала под ним до конца примет подобную форму из-за разрушающего ветра, и съезд Табр больше не будет существовать, кроме как в чьих-нибудь воспоминаниях, таких, как его. Он не сомневался, что где-то должен был быть человек, похожий на него.

— Почему ты уставился на Аттендант? — спросила Ганима.

Он пожал плечами. Вопреки запретам их охранников, они с Ганимой часто ходили к Аттенданту. Там они нашли укромное местечко, о котором кроме них никто не знал, и теперь Лито понял, почему это место так притягивало их.

Внизу, теперь в темноте это казалось ближе, в лунном свете сверкал канал, который в этом месте был открыт, его поверхность покрывалась рябью из-за того, что в нем плавала хищная рыба, которую Свободные всегда разводили в собранной воде, чтобы не впускать песчаного червя!

— Я стою между рыбой и червем, — пробормотал он.

— Что?

Он повторил громче.

Она прижала руку ко рту, начиная понимать, в чем тут дело. Таким образом действовал ее отец; ей стоило лишь заглянуть внутрь и сравнить.

Лито содрогнулся. Воспоминания, которые возвращали его к местам, где он физически никогда не был, давали ему ответы на вопросы, которых он не задавал. Он видел взаимоотношения и развертывающиеся события на гигантском внутреннем экране. Песчаный червь Дюны не мог пересечь воду: вода отравит его. Однако вода здесь была известна еще в доисторические времена. Белые от гипса котловины свидетельствовали, что в прошлом здесь были озера и моря. В глубоких колодцах находили воду, от которой скрывались песчаные черви. Он увидел все так ясно, как будто сам был очевидцем событий, что произошли на этой планете.

И это наполнило его предчувствием катастрофических времен, которые несло вмешательство человека.

Его голос снизился почти до шепота:

— Я знаю, что произошло, Ганима.

Она наклонилась ближе к нему.

— Да?

— Песчаная форель...

Он умолк, и она удивилась, почему его продолжала интересовать гаплоидная фаза гигантского песчаного червя в этой планете, но не осмелилась уколоть его.

— Песчаная форель, — повторил он, — была доставлена сюда из какого-то другого места. На этой планете тогда было сыро и влажно. Она размножалась независимо от состояния экосистемы, чтобы бороться с ней. Песчаная форель забирала в пузырь всю имевшуюся в наличии воду, превратила эту планету в пустыню... и она делала это, чтобы выжить. На этой довольно обезвоженной планете она могла перейти в фазу песчаного червя.

— Песчаная форель? — она встряхнула головой, нисколько не сомневаясь в его словах, но у нее не было желания так углубляться в себя, чтобы узнать, где он получил эту информацию. И она подумала: «Песчаная форель?» Много раз будучи и в этом теле и в другом, она играла в детскую игру: ловила песчаную форель, стараясь проткнуть ее водяной пузырь, и они умирали от недостатка воды. Трудно было подумать, что это безмозглое маленькое существо стало причиной ужасных событий.

Лито кивнул головой самому себе. Свободные всегда знали, что надо выращивать хищную рыбу в цистернах с водой. Гаплоидная песчаная форель интенсивно потребляла огромное количество воды с поверхности планеты; а хищные рыбы плавали по дну каналов под форелью. Песчаный червь, вид, развившийся от форели, обходился малым количеством воды — количеством, которое содержалось, например в клетках человеческого тела. Но столкнувшись с телами, содержащими большое количество воды, их химические реакции в организме замирают, вызывая разрушительное действие, в процессе которого производится опасный концентрат, конечный продукт, который употребляли в разжиженном виде после химической обработки во время оргий в съетче.

Этот чистый концентрат Пол Муад Диб пронес сквозь стены времени, достигнутые глубины разрушения, на что не осмелился больше ни один представитель мужского пола.

Ганима почувствовала, что ее брат, который сидел перед ней, дрожит.

— Что же ты сделал? — спросила она требовательным тоном.

Но ему не хотелось терять цепь открытий.

— Несколько песчаных форелей — экологическая трансформация планеты... Они, конечно, противостоят этому, — сказала она, теперь начиная понимать, что в его голосе слышался страх, который против ее воли стал передаваться ей.

— Когда песчаная форель погибает, то же самое происходит с планетой, — сказал он. — В этом случае надо предупреждать.

— Это значит, что спайса больше нет, — сказала она.

Слова всего лишь касались верхних точек системы опасности, которую они оба видели: она нависла над вторжениями людей в древние взаимоотношения Дюны.

— Это то, о чем знает Алия, — сказал он. — Вот почему она злорадствует.

— Как ты можешь быть в этом уверен?

— Я уверен.

Теперь Ганима точно знала, что тревожило его, и она чувствовала, что это знание проводит ее в уныние.

— Племя не поверит нам, если она будет это отрицать, — сказал он.

Его утверждение затрагивало основную проблему их существования: неужели Свободные ждали какой-то мудрости от девятилетних детей? Алия играла на этом.

— Мы должны убедить Стилгара, — сказала Ганима.

Как по команде, они одновременно повернули головы и уставились на залитую лунным светом пустыню. Теперь это место было совершенно другим, оно изменилось за каких-то несколько мгновений их осведомленности. Взаимодействие людей с окружающей средой никогда не представлялось частью динамической системы, существующей в строго сбалансированном порядке. Новый взгляд на эти вещи постепенно менял их сознание, которое формировалось у них в результате наблюдений. Как говорил Льет-Кайнз, Вселенная была местом постоянной беседы между живыми существами, населяющими ее. Гаплоидная песчаная форель говорила с ними, как с человеческими существами.

— Племя должно понять, какая угроза нависла над водой, — сказал Лито.

— Но эта угроза нависла не только над водой. Это... — она замолчала, понимая глубину смысла его слов. Вода была символом основной силы на Арракисе.

По своей сути Свободные оставались специально приспособленными животными, оставшимися в живых обитателями пустыни, главными исследователями в условиях стресса.

И когда воды стало в изобилии, в них произошли странные преобразования, хотя они понимали то, что необходимо в первую очередь.

— Ты имеешь в виду угрозу мощи? — поправила она его.

— Конечно.

— Но неужели они поверят нам?

— Когда они увидят, что происходит, когда они увидят, что нарушен баланс.

— Баланс,— сказала она и повторила слова отца, которые он произнес очень давно:— Вот это отличает людей от толпы.

Ее слова пробудили в нем отца, и он сказал:

— Экономика против красоты — история, которая более древняя, чем Шеба.— Он вздохнул и через плечо посмотрел на нее.

— Я чувствую, что у меня появляется дар предвидения, Гани.

Краткий стон вырвался из ее уст.

Он сказал:

— Когда Стилгар сказал нам, что наша бабушка придет позже, я уже знал об этом. Теперь другие видения вызывают подозрение.

— Лито...— она покачала головой, ее глаза увлажнились.— Это когда-то случилось и с нашим отцом. Не думаешь ли ты, что это может быть...

— Я видел себя облаченным в броню, пересекающим дюны,— сказал он.— Я был у Джакуруту.

— Джаку...— она прокашлялась.— Это допотопная легенда!

— Это реальное место, Гани! Я должен найти человека, которого называют Проповедником. Я должен найти и расспросить его.

— Ты думаешь, он... наш отец?

— Спроси об этом себя.

— Похоже, что это в самом деле он,— согласилась она,— но...

— Мне совсем не по душе то, что я знаю, что я сделаю,— сказал он.—

Первый раз в жизни я понимаю своего отца.

Она почувствовала, что совершенно не занимает его мысли, и сказала:

— Проповедник, скорее всего, все-таки старый миф, мистика.

— Я молю, чтобы это так было,— прошептал он.— О, как я хочу, чтобы это было так!

Он рванулся вперед, вскочил на ноги. Бализет загудел в его руке, когда он дернулся: «Было бы там, чтобы он был Габриэлем без рога!» Он молча уставился на залитую лунным светом пустыню.

Она повернулась, чтобы посмотреть в ту сторону, куда смотрел он, и увидела фосфоресцирующий свет гниющих растений на краю насаждений съетча, затем незаметный переход этих красок в линии дюн. Там было оживленное место. Даже когда пустыня спала, что-то в ней оставалось бодрствующим. Она чувствовала это бодрствование, она слышала, как внизу животные пили воду из канала. Откровения, которые ступили на Лито, преобразовали ночь: это был момент жизни, время, когда раскрывается порядок внутри непрекращающегося изменения мгновений, когда ощущается это долгое движение из их земного прошлого, все это собралось в ее воспоминаниях.

— Почему Джакуруту?— спросила она, и спокойствие ее тона нарушило его задумчивость.

— Почему?... Я не знаю. Когда Стилгар в первый раз рассказал нам, как они там убивали людей и ставили табу на это место, я подумал... о том, о чем ты подумала. Но опасность исходит теперь оттуда... Проповедник.

Она ничего не отвечала, не требовала от него, чтобы он поделился с ней своими мыслями, и она знала, как много это говорило ему о ее страхе. Этот путь вел к Мерзости, и они оба это знали. Невысказанные слова повисли в воздухе между ними, когда он повернулся и пошел через скалы ко входу в съезд.

Мерзость.

ГЛАВА 6

Хэллек сигнализировал рукой, чтобы передать актуальное послание, в то время, когда он вслух говорил о других вещах. Ему не нравилась маленькая приемная, которую священники выбрали для этого доклада: она могла быть напичкана шпионскими устройствами.

Снаружи наступила ночь, но в комнате не было окон, освещение ее зависело от светящихся шаров, развешанных вверх по углам.

— Многие из тех, кого мы взяли, были людьми Алии, — подал сигнал Хэллек, наблюдая за лицом Джессики, — сообщи ей, что допрос все еще продолжается.

— Все было так, как вы этого хотели, — ответила Джессика, сигнализируя пальцами. Она кивнула головой и дала открытый ответ:

— Я жду полного доклада.

— Конечно, Моя Госпожа, — сказал он, а пальцы продолжали:

«Есть еще и другое, что очень тревожит. После большой дозы наркотика некоторые из наших пленных говорили о Джакуруту, и, когда они называли это имя, то сразу умерли».

«Вынужденная остановка сердца? — спрашивали пальцы Джессики. — Ты освободил кого-нибудь из пленных?»

«Нескольких, моя госпожа, тех, которые как отбракованный скот». Его пальцы быстро задвигались: «Мы подозревали, что это вынужденная остановка сердца, но сейчас в этом уверены. Вскрытие трупов еще не завершено. Я думаю, что ты знаешь об предмете под названием Джакуруту, и поэтому немедленно пришел».

«Мой Герцог и я всегда думали, что Джакуруту — это интересная легенда, основанная, возможно, на факте», — говорили пальцы Джессики, и она несколько не выразила страдания, когда говорила о давно умершем возлюбленном.

— Будут ли какие-нибудь указания? — спросил Хэллек, вслух.

Джессика велела ему вернуться на посадочное поле и доложить, когда у него будет точная информация, но ее пальцы говорили совершенно о другом: «Возобнови контроль со своими друзьями среди контрабандистов. Если существует Джакуруту, они проявят себя продажей спайса. Только у контрабандистов они могут достать его».

Хэллек слегка наклонил голову, в то время как его пальцы говорили: «По ходу дела я все это уже решил, моя госпожа». И исходя из своего жизненного опыта, он добавил: «Будь внимательна и осторожна здесь. Алия — твой враг, и большинство из духовенства на ее стороне».

«Но не Джавид», — ответили пальцы Джессики. «Он ненавидит Атридисов. Не каждый это распознает, но знаток сразу мог бы это раскрыть, я довольна им. Он замышляет заговор, а Алия не знает об этом».

— Я назначил дополнительную охрану к вашей персоне, — сказал Хэллек вслух, не обращая внимания на недовольство, которое выражали глаза Джессики. «Есть опасность, я уверен. Ты здесь проведешь ночь?»

«Мы позже отправимся в сьетч Табр», — сказала она и подумала, стоило ли ему говорить, чтобы он не присылал дополнительной охраны, но она промолчала. Предчувствиям Гурни стоило доверять. Большинство Атридесов знало об этом. «У меня еще одна встреча — с Магистром Послушничества, — сказала она. — Это последнее, и я с удовольствием покидаю это место.»

ГЛАВА 7

Он называл себя Проповедником, и многих на Арракисе охватывал жуткий страх, что он, может быть, и есть Муад Диб, вернувшийся из пустыни, и что он вовсе не умирал. Муад Диб, возможно, жив: кто-нибудь видел его тело? И вообще, кто-нибудь видел, что пустыня поглотила какое-либо тело? Никто, из живших в то время, не пришел и не сказал: «Да, я видел, это был Муад Диб. Я знаю его».

Однако... Как и Муад Диб, Проповедник был слепой, его глазные впадины были черными, и по шрамам можно было определить, что он когда-то получил сильный ожог. Его голос был настолько сильным, что, казалось, проходил внутрь и требовал ответа из глубины души. Многие замечали это. Он был худой, этот Проповедник, его обтянутое кожей лицо покрыто шрамами, волосы были седыми. Но пустыня делала такое со многими людьми. Вам стоит только посмотреть вокруг и увидеть доказательства этому. Был еще другой факт для споров: Проповедника всегда

водил молодой Свободный, который, когда его спрашивали, отвечал, что он работает по найму. Спорным был вопрос, что Муад Диб, зная будущее, не нуждался до конца своих дней в сопровождающих, даже когда горе полностью овладело им. А потом ему понадобился поводырь, все это знали.

Проповедник появился на улицах Арракаса однажды зимним утром, держа смуглую в набухших венах руку на плече молодого поводыря. Парень, который представился как Ассам Тарик, двигался сквозь пахнущую камнем пыль утренней толчеи, ведя своего подопечного с отработанной ловкостью рожденного кроликом, ни на миг не теряя контакта с ним.

Все обратили внимание, что слепой носил традиционную бурку, надетую поверх стилисьюта, на которой была метка, означающая, что этот костюм был в пещерах съеден в самой глуши пустыни. Его одежда вовсе не имела неопрятный вид. Трубка для носа, которая собирала влагу во время выхода, чтобы потом переправить ее под нижние слои бурки, была замотана шнуром, и это был совершенно черный шнурок, который редко встречался. Защитная маска стилисьюта, закрывавшая нижнюю половину лица, имела зеленые пятна, вытравленные песчаным ветром. Одним словом, этот Проповедник был фигурой из прошлого Дюны.

Многие люди, толпившиеся тем зимним утром на улицах, видели, как он шел. В конце концов, этот слепой Свободный оставался просто реликвией. По Закону Свободных слепого отправляли к Шай-Хулуду. Слово Закона, хотя оно в это смягченное водой время мало почиталось, оставалось неизменным с первых дней его существования. Слепые были подарком Шай-Хулуду.

Их оставляли в открытой пустыне для того, чтобы их сожрали огромные черви. Когда все было закончено, появлялись рассказы, которые распространялись по городам, — это всегда делали в тех местах, где все еще правили большие черви, их называли Стариками Пустыни. Вот почему слепой Свободный вызывал любопытство, и люди останавливались, чтобы поглазеть на эту страшную пару.

Мальчик выглядел лет на 14, один из новеньких, он носил современный костюм; лицо было открыто иссушающему воздуху. У него были утонченные черты, голубые, от спайса глаза, небольшой нос, и тот безобидный взгляд невинности, который так часто скрывает циничные знания в молодости. Как противоположность, слепой был напоминанием времен, почти забытых, — он делал большие шаги, и его выносливость говорила о том, что многие годы он провел в песках. Он гордо и неподвижно держал голову, что было характерно для многих слепых. Он слегка поворачивал голову только в тех случаях, когда слышал какой-нибудь необычный звук.

Минуя толпы любопытных они наконец, добралась до ступеней, которые вели к эскарпу Дворца Алии, пристройки к Крепости Пола.

Проповедник и его юный проводник поднялись по ступеням до третьей террасы, где пилигримы Хаджжа ждали утра.

На краю пятой террасы Проповедник повернулся, казалось, что он, видит пустыми глазами жителей города, некоторые из них были крестьянами, одетыми в нечто, напоминающее стилсьюты, но это было бутафорией; видит жаждущих пилигримов, которые только что покинули воздушный транспорт и ждали первого шага к посвящению, как будто это гарантировало им место в раю.

Терраса была шумным местом: там были поклонники Духа Махди в зеленых одеяниях, они носили живых ястребов, которых научили выкрикивать «звывание к небесам». Пищу продавали горластые продавцы. Для продажи предлагали много всяких вещей; голоса как будто хотели перекричать друг друга: там был Тарот Дюны со своими буклетами комментариев, отпечатанных на шигавире. У одного продавца были экзотические кусочки одежды «с гарантией того, что до них дотрагивался сам Муад Диб!» У другого были бутылочки с водой «из съетча Табр, где жил Муад Диб». Отовсюду слышались разговоры более чем на ста диалектах Галаха, чередующиеся родные гортанные звуки и писклявые звуки языков с дальних планет, которые были собраны под крышей священной Империи. Шуты и карлики в ярких одеждах с ремесленных планет Тлей-лаксу сновали туда-сюда в толпе. Можно было увидеть худые и толстые лица; лица, одутловатые от воды. Неровный шум шагов исходил от покрытия из пластали, которым были накрыты широкие ступеньки. И время от времени из этой какофонии звуков слышался причитающий голос, произносивший молитву:

— Муа-а-а-ад Диб! Муа-а-а-ад Диб! Прими мольбу моей души! Ты помазанник Божий, прими мою душу! Муа-а-а-ад Диб!

Неподалеку от паломников два шута играли несколькими монетами, цитируя строки известных «Дебатов Армистиды и Линдраха».

Проповедник насторожился, пытаясь услышать слова.

Игроки были среднего возраста, горожане. Молодой провожатый немедленно описал их Проповеднику. Они были одеты в просторную одежду, несколько не напоминавшую стилсьюты. Ассану Тарику показалось это смешным, но Проповедник сделал ему замечание.

«Актер», который играл роль Лиандраха, уже заканчивал свою речь.

— Да! Вселенную можно охватить только чувствующей рукой. Рука — это то, что приводит в движение твои бесценные мозги, а они, в свою очередь, приводят в движение все. Вот видишь, что ты создал, ты стал чувствовать, итак, рука сделала свое дело!

Разгрозненные аплодисменты приветствовали его выступление.

Проповедник глубоко вдохнул, и его ноздри почуяли богатые запахи этого места; эфирные запахи, которые исходили от стилсьютов; разнообразные мускатные запахи; запахи экзотической пищи и ароматы редкого фимиама, который уже был зажжен в Храме Али и теперь стелился вниз

по ступенькам какими-то сознательными направленными потоками. Мысли Проповедника можно было прочесть на его лице, когда он поглощал все, что происходило вокруг.

Вдруг внизу толпа заволновалась. Танцоры на песке появились у основания лестницы, примерно полсотни из них были привязаны друг к другу веревками из лиан эллакового дерева. Таким образом, они, видимо, танцевали целыми днями, пытаясь найти состояние экстаза. Когда они дергались и топали ногами под свою музыку, у них на губах появлялась пена. Треть из них бессознательно повисла на веревках, другие то тянули их назад, то толкали вперед, как марионеток на проволоке. Одна из таких кукол пришла в себя, и толпа уже знала, чего ожидать.

— Я ви-и-и дел! — завизжал только что очнувшийся. — Я ви-и-дел! — Он сопротивлялся толчкам других танцующих, направляя свой взгляд то вправо, то влево. — Здесь, где находится этот город, будет только песок! Я ви-и-дел!

Раскатистый смех послышался со стороны зрителей. Даже новые паломники присоединились к ним.

Это уже было слишком для Проповедника. Он поднял вверх обе руки и взревел таким голосом, каким, несомненно, давал команды червям при верховой езде:

— Тишина!

Вся толпа, мгновенно замерла, заслышав его воинственный крик.

Проповедник тощей рукой указал на танцоров, и иллюзия того, что он в самом деле видел их, вызвала ужас.

— Вы разве не слышали этого человека? Богохульники и идолопоклонники! Все вы! Религия Муад Диб — это не Муад Диб. Он отвергает это, отвергает так же, как и вас! Песок покроет это место! Песок покроет вас.

Говоря это, он положил одну руку на плечо молодого провожатого и скомандовал:

— Уведи меня отсюда.

Возможно, эти слова были выбраны Проповедником не случайно: «Он отвергает это, отвергает так же, как и вас!»

Возможно, это был голос Муад Диб, ведь в нем было нечто большее, чем просто человеческое, его голос был натренирован, вероятно, Бенс Гессерит, когда нюансы интонации уже могли означать команду.

Возможно, сказался мистицизм самой местности, где Муад Диб жил и правил. Кто-то с террасы закричал вслед уходящему Проповеднику голосом, который дрожал от страха:

— Неужели сам Муад Диб вернулся к нам?

Проповедник остановился, запустил руку в мешок, висевший у него под плащом, и достал предмет, который узнали те, кто стоял ближе. Это была засушенная мумифицированная рука, одна из общепринятых шу-

ток над смертным человечеством, эти руки иногда торчали из песка и считались знаками, которые подавал Шай-Хулуд. Рука представляла собой крепко сжатый кулак с белыми костяшками, которые хорошо отшлифовал пустынный ветер.

— Я принес руку Бога, и это все, что я принес! — крикнул Проповедник. — Я говорю от руки Бога. Я — Проповедник.

Некоторые подумали, будто он имеет в виду, что это рука Муад Дибба, но другие остолбенели от его внушительного вида и ужасного голоса — вот таким образом Арракис узнал его имя.

ГЛАВА 8

Это была маленькая комната, наполненная запахом озона и погруженная в полумрак от тускло светящихся шаров и металлическо-голубого света, исходящего от единственного экрана монитора. Экран был примерно метр в ширину и где-то 2/3 метра в высоту. На нем просматривалась голая, покрытая скалами долина с двумя Лазанскими тиграми, которые досадили окровавленные останки только что убитых. На склоне холма над тиграми можно было увидеть худого мужчину в Сардукарской рабочей форме со знаком Левенбрега на воротнике. На груди у него висела контрольная клавиатура управления.

Один стул был повернут к экрану, на нем сидела белокурая женщина неопределенного возраста. Лицо ее имело форму сердца, а тонкие руки крепко обхватили подлокотники, пока она смотрела на экран. Просторная белая одежда, отделанная золотом, скрывала ее фигуру. На расстоянии примерно одного шага справа от нее сидел крупный мужчина, одетый в бронзово-золотую форму старого Имперского сардукара Башира Аиде. Его седеющие волосы, аккуратно подстриженные и причесанные, подчеркивали грубые, неподвижные черты лица.

Женщина кашлянула и сказала:

— Все произошло, как ты предсказывал, Тайканик?

— Конечно, принцесса, — сказал Башар Аиде грубым голосом.

Она улынулась, и спросила:

— Скажи мне, Тайканик, как мой сын отнесется к созвучию Император Фарад'н I?

— Титул подходит ему, принцесса.

— Я совсем не об этом хотела спросить.

— Он может не одобрить некоторые вещи, которые делаются для того, чтобы он завоевал этот, как его, титул.

— Тогда снова... — Она повернулась и сквозь мрак всмотрелась в него. — Ты хорошо служил моему отцу. Ты не виноват в том, что Атридесы

отобрали у него трон. Но наверняка ты должен остро чувствовать боль этой потери, как и любой сардукар.

— У принцессы Вэнсики есть для меня какое-то специальное задание?— спросил Тайканик. Голос его оставался грубым, но теперь в нем еще появилась резкость.

— У тебя плохая привычка перебивать меня,— сказала она.

Теперь он улыбнулся, обнажая крепкие зубы, блеснувшие от света, падающего с экрана.

— Временами вы напоминаете мне вашего отца,— сказал он.— Всегда эти иносказания перед тем, как дать какое-нибудь деликатное задание.

Она отвела от него взгляд, чтобы скрыть свой гнев, и спросила:

— Ты действительно думаешь, что Лазанские тигры помогут моему сыну взойти на трон?

— Это вполне возможно, принцесса. Вы должны допустить, что незаконное рождение от Пола Атридеса не более чем лакомые кусочки для тех двоих. А эти близнецы...— Он пожал плечами.

— Внук Шаддама IV становится логически законным наследником,— сказала она.— Это так, если мы сможем устранить возражения Свободных, Ландсраада и КХОАМ, а не указания некоторых Атридесов, которые могли...

— Джавид уверяет меня, что его люди очень легко смогут наблюдать за Алией. Я считаю леди Джессику представительницей Атридесов. Кто еще остается?

— Ландсраад и КХОАМ последуют туда, где их ждет выгода,— сказала она.— А как быть со Свободными?

— Мы погрузим их в религию их же Муад Дибана!

— Легче сказать, чем сделать, мой дорогой Тайканик.

— Да,— сказал он.— Мы снова возвращаемся к этому старому аргументу.

— Дом Коррино делал более худшие вещи, чтобы захватить власть,— произнесла она.

— Но чтобы объять эту... эту религию Муад Дибана!

— Мой сын уважает тебя,— сказала она.

— Принцесса, я с нетерпением жду, когда Дом Коррино вернется на свое законное место. Этого хочет каждый оставшийся сардукар. Но если вы...

— Тайканик! Эта планета называется Салуза вторая. Не надо идти по пути ленивых, это очень распространено в Империи. Полное имя, полный титул, внимание к каждой детали. Эти атрибуты пошлют кровь Атридесов в пески Арракиса. Любая мелочь, Тайканик!

Он знал, чего она хотела добиться. Это было частью хитрого обмана, которому она научилась у своей сестры Ирулэн. Он чувствовал, как постепенно теряет позиции.

— Ты слышишь меня, Тайканик?

— Я слышу, принцесса.

— Я хочу, чтобы ты постиг эту религию Муад Дибба, — сказала она.

— Принцесса, ради вас я бы пошел в огонь, но это...

— Это приказ, Тайканик!

Он принял это и уставился на экран. Лазанские тигры закончили есть и теперь лежали на песке, вылизывая шерсть.

— Приказ, Тайканик, ты понимаешь меня?

— Слушаю и повинуюсь, принцесса.

Тон его голоса нисколько не изменился.

Она вздохнула. «О-ох, если бы только был жив мой отец...»

— Да, принцесса.

— Не смейся надо мной, Тайканик. Это недостойно тебя. Но если ты подашь пример...

— Он не сможет последовать ему, принцесса.

— Он последует. — Она указала на экран. — Сдается мне, что Левенбрег там может представить собой проблему.

— Проблему? Как это?

— Сколько людей знает об этих тиграх?

— Левенбрег, он дрессирует их, один транспортный пилот, вы, и, конечно... — Он стукнул себя в грудь.

— А что покупатели?

— Они ничего не знают. Чего вы боитесь, принцесса?

— Мой сын, ну, он очень чувствительный!

— Сардукары не раскрывают своих секретов, — сказал он.

— А также и мертвые. — Она подалась вперед и нажала на красную кнопку под освещенным экраном.

В тот же миг Лазанские тигры подняли головы. Они вскочили на ноги и посмотрели на вершину холма, на Левенбрега. Одновременно они повернулись и начали быстро карабкаться вверх по склону.

Поначалу совершенно спокойный, Левенбрег нажал кнопку на своем пульте управления. Его движения были уверенны, но по мере того, как кошки продолжали подбираться к нему, он все сильнее и яростнее нажимал на кнопки. И вдруг осознание происходящего сковало черты его лица, и он рукой потянулся к ножу, который висел у него на поясе. Но он спохватился слишком поздно. Сильная лапа с растопыренными когтями ударила его в грудь и сбила с ног. Когда он упал, другой тигр зубами схватил его за шею и встряхнул. Позвонки хрустнули.

— Не упускай малейших деталей, — сказала принцесса. Она повернулась, резко выпрямилась, когда Тайканик достал свой нож. Но он показал ей лезвие ножа, держа его в руке перед собой.

— Наверное, ты предпочла бы воспользоваться моим ножом, чтобы обратить внимание на другую деталь, — сказал он.

— Верни его назад, в ножны, и хватит дурачиться! — воскликнула она в гневе. — Когда-нибудь ты, Тайканик, ухитришься меня...

— Это был хороший человек, принцесса. Один из моих лучших людей.

— Один из моих лучших людей, — поправила она его.

Он глубоко вздохнул и убрал в ножны нож.

— А как быть с транспортным пилотом?

— Это можно представить как несчастный случай, — сказала она. — Ты предупреди его, чтобы он был очень осторожен, когда этих тигров повезет к ним. И конечно, когда он доставит на транспорте наших любителей людям Джавида... — она взглянула на нож.

— Это приказ, принцесса?

— Да.

— Тогда, может быть, мне упасть на мой нож, или ты позаботишься об этом... э-э-э, подробности?

Она заговорила притворно спокойным, твердым голосом:

— Тайканик, если бы я была абсолютно уверена, что ты не упадешь на свой нож по моей команде, ты не стоял бы сейчас здесь, рядом со мной, вооруженный.

Он молча выслушал ее и уставился на экран. Тигры все еще ели.

Она не отвела глаз от Тайканика и сказала:

— Ты также скажешь нашим покупателям, чтобы они привозили нам подобранные пары детей, такие, которые подходят необходимым требованиям.

— Как прикажешь, принцесса.

— Не говори со мной таким тоном, Тайканик.

— Да, принцесса.

Ее губы вытянулись в тонкую линию. Потом она добавила:

— Сколько пар костюмов у нас еще осталось?

— Шесть пар, а также стилсьюты и обувь для песка, все это помечено знаками Атридесов, которые вытканы на ткани.

— Ткань такая же богатая, как и на той паре? — она кивнула в сторону экрана.

— Вполне соответствующая королевской, принцесса.

— Внимание к детям, — сказала она. — Одежду следует отправить на Арракис в качестве подарков для королевских близнецов. Это будет подарком от моего сына, ты понимаешь меня, Тайканик?

— Вполне, принцесса.

— Пусть напишет что-то вроде сопроводительного письма. В нем должно говориться, что он посылает эту одежду в знак своей преданности Дому Атридесов. Что-то в этом духе.

— А по какому случаю?

— Ну, хотя бы по поводу дня рождения, праздника или еще чего-нибудь, Тайканик. Это я предоставляю тебе. Я доверяю тебе, мой друг.

Он молча посмотрел на нее.

Ее взгляд стал жестким.

— Ты наверняка должен знать это? Кому еще я могу довериться с тех пор, как умер мой муж?

Он пожал плечами и подумал, что с ней очень опасно быть в близких отношениях, особенно после того, как он только что убедился на примере Левенбрега, что может произойти.

— И еще, Тайканик, — сказала она, — еще одна деталь.

— Да, принцесса.

— Моего сына учат управлять. Наступит время, когда он будет готов взять власть в свои руки. Ты узнаешь, когда наступит этот момент. Я хочу, чтобы меня немедленно об этом поставили в известность.

— Как прикажешь, принцесса.

Она откинулась назад и понимающе посмотрела на Тайканика.

— Ты не одобряешь меня, я знаю это. Но для меня не имеет значения, сколько времени ты будешь помнить этот урок с Левенбромом.

— Он хорошо обращался с животными, но вполне заменимый слуга, да, принцесса.

— Я совсем не это имела в виду!

— Разве? Тогда... я не понимаю.

— Армия, — сказала она, — формируется, по возможности, из полностью заменимых частей. Вот это и есть урок Левенброма.

— Заменимые части, — сказал он. — Включая высшее командование?

— Без высшего командования. В армии для этого редко возникает причина, Тайканик. Вот почему ты немедленно овладеешь религией Махди, и в то же время начнешь обращать в нее моего сына.

— Я готов, принцесса. Я полагаю, вы не хотите, чтобы я ограничил его образование по другим военным искусствам ради этой, э-э-э..., религии?

Она вскочила со стула, обошла его кругом, остановилась у двери и сказала, не оборачиваясь:

— Когда-нибудь, Тайканик, ты выведешь меня из терпения. — С этими словами она вышла.

ГЛАВА 9

— Я должна тебе кое-что рассказать, — сказала Джессика, — хотя даже я знаю, что этот мой рассказ напомнит тебе о многих случаях из нашего общего прошлого, и что это подвергнет тебя опасности.

Она замолчала, чтобы посмотреть, как Ганима воспринимает это.

Они сидели одни, вдвоем, расположившись на низких диванных подушках в палате съезда Табр. Понадобилось значительные усилия для проведения этой встречи, и Джессика была совсем не уверена, что не она одна этого добивалась. Казалось, Ганима предвидела и продумывала каждый шаг.

Было почти два часа пополудни, и волнения, связанные с узнаваниями, были уже позади. Джессика заставила себя сконцентрировать внимание на этой комнате со стенами из скал, с ее темными занавесями и желтыми подушками. Чтобы преодолеть накопившееся напряжение, она мысленно перенеслась, в первый раз за многие годы, во времена, напоминавшие ей о Литании. Против Страха из ритуала Бене Гессерит.

«Я не должна бояться. Страх убивает разум. Страх — это маленькая смерть, которая несет полное забвение. Я буду смотреть в лицо моему страху. Я позволю ему овладеть мною и пронзить меня насквозь. И когда он уйдет, я внутренним зрением прослежу его путь. Там, куда уйдет страх, не будет ничего. Только я останусь».

Она проделала это молча и глубоко, спокойно вздохнула.

— Иногда это помогает, — сказала Ганима. — Я имею в виду Литанию.

Джессика закрыла глаза, чтобы скрыть потрясение от этой способности проникновения в чужие мысли. Прошло много времени с тех пор, как кто-нибудь был способен прочитывать сокровенные мысли. Осознание этого всегда приводило в замешательство, особенно, когда эта способность подкреплялась интеллектом, который скрывался под маской детства.

Посмотрев в лицо своему страху, Джессика открыла глаза и уже знала источник беспорядка: «Я боюсь моих внуков». Ни один из этих детей не показал позор Мерзости, который Алия выставляла напоказ. Вот по какой причине Лито искусно отстранен от этой встречи.

В порыве гнева Джессика отбросила в сторону свои привычные застарелые эмоциональные маски, зная, что здесь от них не будет никакой пользы, они всего лишь препятствие в общении. С тех пор, когда у нее была любовь с Герцогом, она не убирала препятствия, и вдруг обнаружила, что это ей принесло одновременно облегчение и боль. Остались факты, которые ни проклятья, ни молитвы, ни Литания не могли бы из этой жизни. Он этих фактов нельзя было убежать. Их нельзя было проигнорировать. Элементы видений Пола были восстановлены и подхвачены его детьми. Они были магнитом в пустоте: жестокость и все самые серьезные злоупотребления властью притягивали.

Ганима, наблюдавшая за сменой эмоций на лице своей бабушки, была очень удивлена, что Джессика потеряла над собой контроль.

Абсолютно синхронно, как бы улавливая движения друг друга, обе повернулись, глаза их встретились, и они уставились друг на друга. Они обменялись между собой мыслями, не произнося слов.

Джессика: «Я хочу, чтобы ты видела мой страх».

Ганима: «Теперь я знаю, что ты любишь меня».

Это был скоропроходящий момент их внутреннего доверия.

Джессика сказала:

— Когда твой отец был еще мальчиком, я доставила на Келадан Преподобную Мать, чтобы протестировать его.

Ганима кивнула. Память об этом была слишком яркой: «Мы, последователи Бене Гессерит, были очень осторожны, чтобы увериться в том, что дети, которых мы воспитывали, были людьми, а не животными. Никто никогда не мог определить это по внешнему виду».

— Это тот метод, с помощью которого вас обучали, — сказала Ганима, и память устремилась в ее разум: это старая Бене Гессерит, Ганус Хэлен Моахим. Она прибыла в замок Келадана со своим ядовитым Гом Джаббаром. И ящичком жгучей боли. Рука Пола (собственная рука Ганимы в разделенной памяти) была в агонии от этого ящика, в то время как старуха спокойно говорила о мгновенной смерти, если он вытащит руку из ящика с болью. И не было сомнений в том, что смерть подкрадывалась к горлу ребенка, а старческий голос монотонно бубнил свое разумное объяснение:

— Ты слышал о животных, которые перегрызают себе ногу, чтобы выбраться из капкана. Это свойственно животным. Человек же останется в капкане, будет терпеть боль, ощущая смерть, потому что он может убить того, кто ставил капкан, и подвергнуть его наказанию.

Ганима затрясла головой при воспоминании о боли. Жжение! Жжение! Полу казалось, что от его кожи, из подверженной боли руки идет черный дым, мясо скручивается и отваливается, и остаются одни кости. Но это был обман — рука была невредима, хотя на лбу Ганимы выступил пот при этом воспоминании.

— Разумеется, ты помнишь это так, как я не могу, — сказала Джессика.

На мгновение воспоминания отступили, и Ганима увидела свою бабушку в другом свете: что могла бы сделать эта женщина при выполнении всех необходимых условностей, навязанных орденом Бене Гессерит. У нее возникали новые вопросы относительно возвращения Джессики на Арракис.

— Было бы глупо проводить этот тест с тобой или с твоим братом, — сказала Джессика. — Ты уже знаешь, как это происходило. Я должна признать, что вы люди, что вы не будете злоупотреблять унаследованной вами властью.

— Но ты не делай такого заключения, — сказала Ганима. Джессика закрыла глаза, осознав, что препятствия снова возвращаются на свои места. Она еще раз решила их убрать, спросив:

— Ты веришь, что я люблю тебя?

— Да! — Ганима подняла руку, когда Джессика пыталась договорить. — Но это любовь не остановит тебя от уничтожения нас. О, я знаю причину. Лучше пусть полуживотное-получеловек умрет, чем переделает себя.

И это правильно, когда это полуживотное носит имя Атридесов.

— Но вы — люди! — выпалила Джессика. — Я доверяю моей интуиции.

Ганима понимала, что это правда, она сказала:

— Но ты не уверена в Лито!

— Нет.

— Мерзость?

Джессика могла только кивнуть. Ганима сказала:

— Нет пока. Мы оба знаем, какую опасность это представляет. Мы можем видеть, что произошло с Алией от этого.

Джессика прикрыла глаза руками, подумала: «Даже любовь не может защитить нас от нежелательных фактов». И она знала, что еще любит свою дочь, молча крича от безвыходности: «Алия! О, Алия. Я виновата в твоей гибели».

Джессика опустила руки, подумала: «Я не могу бесконечно оплакивать свою бедную дочь, но есть сейчас и другие вещи, с которыми необходимо разобраться в первую очередь». Она сказала:

— Итак, вы поняли, что случилось с Алией.

— Лито и я наблюдали, как все происходило. Но мы были не в состоянии предотвратить это, хотя мы обсуждали много возможных способов.

— Ты уверена, что твой брат свободен от этого проклятия?

— Да уверена.

Спокойную самоуверенность этого утверждения нельзя было отрицать. Джессика поверила этому. Затем спросила:

— Как вам этого удалось избежать?

Ганима объяснила ей теорию, с помощью которой они с Лито определили, как можно избежать транса от употребления спайса, в то время как Алия всегда входила в транс. Она продолжала угадывать его видения и планы, которые они обсуждали, — и даже Джакуруту.

Джессика кивнула. Алия — из рода Атридесов, однако и это создает большие проблемы.

Ганима умолкла, так как вдруг поняла, что Джессика все еще горюет по своему Герцогу, как будто он умер только вчера, и память хранит в душе его имя вопреки всем угрозам. Воспоминания о жизни Герцога пронесли в сознании Ганимы, чтобы дать этому свою оценку, чтобы понять это.

— А теперь, — сказала Джессика, ее голос оживился, — что ты скажешь об этом Проповеднике? Я выслушала несколько тревожных сообщений вчера после этого ужасного Очищения.

Ганима пожала плечами:

— Может быть, он...

— Пол?

— Да, но мы еще не видели его, чтобы хорошенько изучить.

— Джавид смеется над этими слухами, — сказала Джессика.

Ганима задумалась. Потом спросила:

— Ты доверяешь этому Джавиду?

Угрюмая улыбка коснулась губ Джессики.

— Не больше, чем ты.

— Лито говорит, что Джавид смеется над дурными вещами, — сказала Ганима.

— Так много всего для смеха Джавида, — сказала Джессика. — Но ты на самом деле допускаешь возможность, что мой сын все еще жив, что он вернулся в этом обличье?

— Мы думаем, что это возможно. И Лито... — Ганима вдруг почувствовала сухость во рту, вспомнила, как страх сковал ее грудь. Она заставила себя преодолеть его, пересчитав другие открытия Лито в его прощеских ведениях.

Ганима сказала:

— Лито говорит, что он должен найти этого Проповедника, чтобы убедиться.

— Да... Конечно. Я никогда не должна была покидать это место. Я поступила ужасно.

— Почему ты обвиняешь себя? Ты достигла предела. Я знаю это. Лито знает это. Даже Алиа может это знать.

Джессика прижала руку к горлу, слегка потерла его. Затем произнесла:

— Да, проблема Алии.

— Она имеет на Лито какое-то странное воздействие, — сказала Ганима. — Вот почему я сделала все, чтобы ты встретила только со мной. Он согласился, что она совершенно безнадежна, однако он находит причины, чтобы быть с ней и... изучать ее. И... это очень меня тревожит. Когда я пытаюсь говорить что-то против этого, он засыпает. Он...

— Она дает ему наркотики?

— Не-е-ет. — Ганима отрицательно покачала головой. — Но у него есть какое-то странное чувство к ней. И... во сне он часто произносит: «Джакуруту».

— Опять это! — И Джессика воспроизвела в памяти сообщения Гурни о заговорщиках, обнаруженных на посадочном поле.

— Иногда я боюсь, что Алиа хочет, чтобы Лито нашел Джакуруту, — сказала Ганима. — И я всегда думала, что это лишь легенда. Ты, конечно, знаешь ее.

Джессика вздрогнула: «Жуткая история. Жуткая».

— Что нам надо делать? — спросила Ганима. — Я боюсь искать это в моих воспоминаниях, во всех моих жизнях...

— Гани! Я не позволяю тебе этого делать. Ты не должна рисковать...

— Это может случиться когда угодно, даже если я не буду рисковать. Как мы узнаем, что на самом деле случилось с Алией?

— Нет! — выкрикнула она. — Итак... Джакуруту, не так ли? Я послала Гурни найти это место, если оно существует.

— Но как он сможет... О! Конечно, контрабандисты.

Из этого разговора, Джессика поняла, что мозг Ганимы работал в соответствии с тем, что творилось в сознании других. «В моем! Как все это, — думала Джессика, — что эта юная плоть могла содержать в себе воспоминания Пола, по крайней мере до момента спермального отделения Пола от его собственного прошлого.» Это было проникновение в глубину души, в самые сокровенные уголки сознания, против чего в Джессике протестовали первобытные инстинкты.

Мгновенно они начали погружаться в абсолютное и бесконечное суждение Бене Гессерит: «Мерзость!» Но в этом ребенке было что-то милое, желание жертвовать ради своего брата, чего нельзя отрицать.

«Мы — это одна жизнь, стремящаяся в неизведанное будущее, — подумала Джессика. — Мы — одной крови». И приготовилась принять события, которые она и Гурни Хэллек оценили на ходу. Лито надо было отделить от сестры, надо было обучить, как того требовал орден Сестер.

Глава 10

— Меня зовут Муриз, — сказал Свободный с необветренным лицом.

Он сидел на краю скалистого обрыва в тусклом свечении лампы, чей мерцающий свет открывал взору серые стены и темные дыры, которые являлись коридорами, выходящими из этого места. В одном из коридоров можно было услышать звуки капающей воды, и несмотря на то, что звуки воды символизировали Рай Свободных, шесть собравшихся мужчин, которые смотрели на Муриза, не выказывали особого удовольствия от этого ритмичного капанья.

В помещении был затхлый запах смерти. Из одного коридора вышел молодой человек лет, может быть, четырнадцати и встал по левую руку Муриза. От гладкой поверхности обнаженного крисножа отражался бледно-желтый свет лампы. Когда он взял этот нож и указал им в сторону молодого человека, Муриз сказал:

— Это мой сын, Ассан Тарик, который готов пройти испытание на мужественность.

Муриз прочистил горло, посмотрел на каждого из шести пленников. Они сидели полукругом напротив него, крепко связанные веревками. Ве-

ревки заканчивались туго затянутой петлей на шее каждого мужчины. Их стилсьюты на шее были разрезаны.

Связанные мужчины снова в упор посмотрели на Муриза. На двух из них свободная одежда указывала, что они были богатыми жителями города Арракина. У этих двоих кожа была более гладкая и светлая, чем у их компаньонов, чьи увядшие и костлявые лица говорили о том, что они родились в пустыне.

Муриз напоминал пустынных жителей, но его глаза были посажены еще глубже, так что в эти глазные впадины, в которых не было видно белков, не проникал даже свет лампы. Его сын представлял собой несформировавшуюся личность мужчины с решительным лицом, которое совсем не скрывало, что внутри него кипели страсти.

— Среди Отверженных у нас есть специальный тест на мужественность, — сказал Муриз. — Однажды мой сын станет судьей в Шулохе. Мы должны знать, что он может действовать так, как он должен действовать. Наши судьи не могут забыть Джакуруту и наш день отчаяния. Кразилек, Борьба с Тайфуном, живет в наших сердцах. — Все это было сказано ровным голосом, характерным для ритуальных обрядов.

Один из жителей города с мягкими чертами лица, сидевший напротив Муриза, зашевелился и сказал:

— Ты поступаешь неправильно, угрожая нам и держа нас в качестве пленников. Мы пришли к тебе с миром от уммы.

Муриз кивнул.

— Вы пришли в поисках личного религиозного пробуждения? Хорошо. Вы будете иметь это пробуждение.

Человек с мягкими чертами лица сказал:

— Если мы ...

Рядом с ним смуглый Свободный из пустыни огрызнулся:

— Замолчи, глупец! Это похитители воды. Это те, которых, как мы думали, уничтожили.

— Это старая история, — сказал пленник с мягкими чертами лица.

— Джакуруту — это больше, чем история, — сказал Муриз. Он еще раз жестом подал знак своему сыну.

— Я представил Ассана Тарика. Я — арифа в этом месте, твой единственный судья. Моего сына тоже научат обнаруживать демонов. Старые пути — самые лучшие.

— Вот почему нас привели в самую глубь пустыни, — заговорил человек с мягкими чертами. — Мы выбрали старый путь, блуждая в ...

— С оплаченным руководством по выживанию, — сказал Муриз, указывая в сторону более смуглых пленников. — Вы бы купили себе путь на небеса? — Муриз взглянул снизу вверх на своего сына.

— Ассан, ты готов?

— Я очень долго думал в ту ночь, когда пришли враги и убили наших людей,— сказал Ассан. Голос выдавал его внутреннее напряжение.— Они должны нам воду.

— Твой отец дает тебе шестерых из них,— сказал Муриз.— Их вода — наша. Их тени — наши, твои телохранители навечно. Их тени будут предупреждать тебя о демонах. Они будут твоими рабами, когда ты перейдешь в мир алам ал-митал. Что ты на это скажешь, мой сын?

— Я благодарю своего отца,— сказал Ассан. Он шагнул к нему.— Я принимаю мужественность испытания среди Отверженных. Эта вода — наша вода.

Когда он закончил речь, то направился к пленникам. Начав слева, он схватил мужчину за волосы и вонзил криснож под подбородок прямо в мозги. Это было так искусно сделано, что пролилось минимум крови. Только человек из города Свободных с мягкими чертами лица отчаянно запротестовал, пронзительно крича, когда молодой человек схватил его за волосы. Остальные плюнули на Ассана Тарика, придерживаясь старых традиций, говоря при этом: «Видишь, как мало я ценю свою воду, когда ее отнимают звери!»

Когда с этим было покончено, Муриз хлопнул в ладоши. Пришли помощники и начали убирать тела, вытаскивая в помещение для умерших, где из них должны были взять воду.

Муриз поднялся, посмотрел на сына, который стоял, тяжело дыша, наблюдая, как помощники вытаскивают тела.

— Теперь ты мужчина,— сказал Муриз.— Вода наших врагов кормит рабов. И, мой сын ...

Ассан Тарик быстро повернулся и взглянул на отца. Губы молодого человека были плотно сжаты, уголки рта оттянуты вниз потому что он пытался улыбнуться.

— Проповедник об этом ничего не должен знать,— сказал Муриз.

— Я понял, отец.

— Ты все хорошо сделал,— сказал Муриз.— Те, кто наткнется на Шулох, не должны жить.

— Как скажешь, отец.

— Теперь тебе можно доверять важные дела,— сказал Муриз.— Я горжусь тобой.

Глава 11

— Но как мы можем быть уверены? — спросила Ганима.— Это очень опасно.

— Мы это раньше проверяли,— сказал Лито.

— Это не может быть тем же самым теперь. Что если ...

— Это единственный путь, открытый нам,— сказал Лито.— Ты согласна со мной в том, что мы не можем воспользоваться спайсом?

Ганима вздохнула. Ей не нравилась резкость и настойчивость этих слов, но она знала о необходимости, которая давила на ее брата. Она также знала об опасной причине своего нежелания. Они вынуждены были обратиться к Алии, чтобы узнать опасность внутреннего мира.

— Ну? — спросил Лито.

Она снова вздохнула.

Они сидели, скрестив ноги, в одном из уединенных мест в пещере, где часто их отец и мать наблюдали, как солнце садилось в пустыню. Это было спустя два часа после вечерней трапезы, время, когда близнецы должны были упражнять свое тело и ум.

— Я попробую один, если ты отказываешься мне помочь,— сказал Лито. Ганима отвернулась и посмотрела на мокрые стены пещеры. Лито продолжал обзирать пустыню.

Они некоторое время говорили на языке таком древнем, что даже его название было забыто неизвестно. Это язык дал их мыслям уединение, и никто из разумных существ не мог проникнуть в них. Даже Алия, которая избегала сложностей своего внутреннего мира, испытывала недостаток связующих звеньев, которые позволили бы ей извлечь большой смысл из обычного слова.

Лито глубоко вздохнул, вбирая в себя специфический запах съетчей Свободных, который накопился в этой нише, куда не проникал ветер. Шелестящий шум съетча и его влажный жаркий воздух не попадал сюда, и они оба от этого ощущали облегчение.

— Я согласна, что мы нуждаемся в руководстве,— сказала Ганима.— Но если мы ...

— Гани! Нам нужно нечто большее, чем руководство. Нам нужна защита.

— Возможно, защиты никакой нет.— Она посмотрела брату прямо в глаза, и увидела в них свой собственный взгляд, настороженный и бдительный, как хищника. Глаза противоречили безмятежности лица.

— Мы должны избежать одержимости,— сказал Лито. Он использовал специальный речевой оборот из древнего языка.

Ганима более подробно объяснила его утверждение.

— Мохв'овиум' д'ми хиш паш мох'м ка,— проинтонировала она.— Захват моей души — это захват тысячи душ.

— Даже гораздо больше,— добавил он.

— Зная угрозы, как ты настаиваешь.— Она произнесла это, как подтверждение, а не как вопрос.

— Вабум'к вабунат! — сказал он.— Поднимаясь, ты поднимаешься!

Он почувствовал, что его выбор — очевидная необходимость. Это должно быть сделано лучшим образом. Они должны свергнуть прошлое в настоящее и способствовать его раскручиванию в их будущем.

— Мурият, — продолжала она, ее голос был глухим. — Это должно быть сделано с душой.

— Конечно. — Он взмахнул рукой, показывая этим жестом, что полностью согласен. — Тогда мы посоветуемся, как это делали наши родители.

Ганима промолчала. Инстинктивно она посмотрела на юг, на огромный открытый эрг, в котором показался грязно-зеленый островок дюн в последних лучах уходящего солнца. В этом направлении ушел ее отец в пустыню, когда последний раз его видели.

Лито посмотрел вниз со скалы на зеленый оазис съетча. Все погрузилось в сумерки, но он знал все эти формы и краски: цветы медного, золотистого, красного, желто-рыжего и красно-коричневого оттенков были распространены до самых скал. За скалами тянулись мерзкая полоса умершей арракисской жизни, убитой чужими растениями и огромным количеством воды, теперь служащей препятствием для пустыни.

Немного спустя, Ганима сказала:

— Я — готова. Давай начнем.

— Да, будь все проклято! — Он протянул руку и дотронулся до ее руки, чтобы смягчить свое восклицание, сказав: — Пожалуйста, Гани ... Спой ту песню. Она помогает мне более легко достигнуть этого.

Ганима приблизилась к нему, левой рукой обвила его вокруг талии. Два раза глубоко вздохнула, прокашлялась и начала петь песню, которую ее мать так часто пела их отцу.

Ее голос растворился в молчании пустыни, и Лито чувствовал, как он постепенно погружается, куда-то падает, становясь отцом, чьи воспоминания распространились, как покров, в генах его немедленного прошлого.

— На это короткое время я должен стать Полом, — сказал он сам себе. — Рядом со мной не Гани, а моя возлюбленная Чани, чей мудрый совет спасал нас обоих много раз.

В свою очередь Ганима на некоторое время поддалась воспоминаниям своей матери. Как легко это можно было сделать женщине, и в то же время для нее это представляло большую опасность. Голосом, который сразу стал сильным, Ганима сказала:

— Посмотри туда, милый!

Поднялась Первая Луна, и на фоне ее холодного света они увидели дугу оранжевого огня, поднимающуюся в пространство. Транспорт, который доставил леди Джессику, возвращался к основному кораблю на орбите.

Воспоминания нахлынули на Лито, внутри него как будто ударили в колокола. Теперь он был другим Лито — Герцогом Джессики. Необходимость отодвинула эти воспоминания в сторону, но перед этим он почувствовал пронизывающую любовь и боль.

— Я должен быть Полом, — напомнил он себе.

Трансформация в нем произошла мгновенно, как будто Лито был экраном, на котором отражался его отец. Он чувствовал одновременно свою плоть и плоть своего отца, и эти различия угрожали истощить его силы.

— Помоги мне, отец, — прошептал он. Короткое волнение прошло, и теперь в его сознании появился другой отпечаток, заставивший его собственное «я» стать посторонним наблюдателем.

— Мое последнее видение еще не пришло, чтобы уйти, — сказал он, и это был голос Пола. Он повернулся к Ганиме. — Ты знаешь, что я видел.

Она дотронулась до его щеки правой рукой.

— Ты шел в пустыню, чтобы умереть, любимый? Это то, что ты сделал?

— Так могло бы быть, но это видение ... Неужели оно не может стать весомой причиной, чтобы остаться в живых?

— Но слепым? — спросила она.

— Даже так.

— Куда же ты мог пойти?

Он тяжело, нервно вздохнул.

— Джакуруту.

— Любимый! — Слезы хлынули из ее глаз.

— Муад Диб, герой, должен быть полностью уничтожен, — сказал он. — Иначе этот ребенок не сможет вытащить нас из этого хаоса.

— Золотая Тропа, — сказала она. — Это дурное видение.

— Это единственное возможное видение.

— Алия потерпела провал, тогда ...

— Совершенно верно. Ты видишь повторение этого.

— Твоя мать вернулась слишком поздно. — Она кивнула, и на детском лице Ганимы появилось мудрое выражение Чани. — Может ли быть, что другого видения не будет? Возможно, если ...

— Нет, любимая. Нет. Все-таки этот ребенок не может смотреть в будущее и возвращаться невредимым.

Снова его тело вздрогнуло от прерывистого дыхания, и Лито — наблюдатель почувствовал глубокое желание своего отца прожить еще раз во плоти, принимать жизненные решения и ... Какой отчаянной была необходимость исправить ошибки прошлого!

— Отец! — крикнул Лито, и эхо отдалось в его собственном черепе.

Это было глубочайшее желание, которое Лито отчетливо почувствовал: медленное удаление внутреннего присутствия его отца, высвобождение его собственного сознания и разума.

— Любимый,— шептал рядом с ним голос Чани, и удаление было замедлено.— Что случилось?

— Не уходи, пока,— сказал Лито, и это был его собственный голос, неуверенный, но все-таки его. Затем: — Чани, ты должна сказать нам, как мы избежим ... что случилось с Алией?

Это был Пол внутри, который отвечал ему, хотя слова его он слышал внутренним слухом. Голос говорил медленно, с длинными паузами:

— Нет никакой уверенности. Ты ... видела. Что почти всегда ... случилось ... со ... мной.

— Но Алиа ...

— Проклятый Барон владеет ею! — Лито почувствовал жгучую сухость в горле.— Есть ли он ... имею ли я...

— Он — в тебе ... но ... я ... мы не можем ... иногда мы чувствуем ... друг друга, но ты ...

— Ты не можешь читать мои мысли? — спросил Лито.— Знала бы ты, если бы ... он ...

— Иногда я могу чувствовать твои мысли ... но я... мы ... живем только через ... через ... отражение ... в ... в твоём сознании. Твоя память создает нас. Опасность ... это определенная память. И ... те из нас ... те из нас, которые любят власть ... и собираются ее ... любой ценой ... те могут быть более точными.

— Более сильными? — прошептал Лито.

— Более сильными.

— Я знаю твоё видение,— сказал Лито.

— Прежде чем позволить ему овладеть мной, я стану тобой.

— Только не это!

Лито повернул голову, посмотрел в глаза Ганимы, которые сияли в ярком лунном свете. Он увидел, что Чани смотрит на него.

— Мама,— сказал он,— ты должна уйти.

— Ах, искушение! — сказала она и поцеловала его.

Лито оттолкнул ее.

— Ты бы взяла жизнь своей дочери? — вопрошающе потребовал он.

— Это так легко ... так до глупости легко,— сказала она.

Лито, чувствуя, что паника начинает охватывать его, вспомнил, какие условия воли потребовались духу его отца, чтобы победить его плоть.

— Я буду презирать тебя, мать,— сказал он.

— Другие не будут презирать меня,— сказала она.— Будь моим возлюбленным.

— Если я это сделаю ... ты знаешь, чем вы оба станете,— сказал он.— Мой отец будет презирать тебя.

— Никогда!

— Я буду!

Звук вырвался из его горла против желания, и он содержал все прежние повышенные тона Голоса, которым Пол научился у своей матери-колдуньи.

— Не говори так, — простонала она.

— Я буду презирать тебя!

— Пожалуйста ... пожалуйста, не говори этого.

Лито потер горло, чувствуя, что мышцы стали снова его собственными.

— Он будет презирать тебя. Он отвернется от тебя. Он снова уйдет в пустыню.

— Нет ... нет ...

Она покачала головой.

— Ты должна уйти, мама, — сказал он.

— Нет ... нет ... — Но голос утратил свою первоначальную силу.

Лито наблюдал за лицом сестры. Дергались мышцы! Ее лицо менялось от эмоций, которые отражали беспорядок и суету внутри ее самой.

— Уйди, — прошептал он. — Уйди.

— Не-е-е-ет ...

Он схватил ее за руку, ощутил дрожь ее тела. Она извивалась, старалась высвободиться, но он крепко держал ее руку и шептал:

— Уходи ... уходи ...

И все это время Лито ругал себя за то, что втянул Гани в эту игру в родителей, в которую когда-то они очень часто играли, но раньше она успешнее сопротивлялась вселяющимся. Эта женщина была намного слабее, чтобы противостоять этому внутреннему натиску. В основе этого лежал страх Бене Гессерит. Шли часы, а тело Ганимы все еще дрожало и извивалось от внутренней борьбы, но теперь голос сестры присоединился к его убеждениям. Он слышал, как она разговаривала с этим образом внутри нее, дополняла его.

— Мама ... пожалуйста. А вдруг ...

— Ты видела Алию? Ты хочешь стать такой же?

Наконец Ганима вытянулась, прижавшись к нему, и прошептала:

— Она повиновалась. Она ушла.

Он погладил ее по голове.

— Гани, я виноват. Я виноват. Я никогда больше не попрошу тебя об этом. Я был эгоистом. Прости меня.

— Нечего прощать, — сказала она, и ее голос был трепетным, она говорила с трудом, как после огромной физической нагрузки. — Мы узнали очень много о том, что нам нужно было знать.

— Она говорила тебе о многом, — сказал он. — Мы позже с этим разберемся, когда ...

— Нет! Мы сделаем это сейчас же. Ты был прав.

— Моя Золотая Тропа?

— Твоя проклятая Золотая Тропа!

— Логика бессмысленна, если она не сопровождается существенными данными,— сказал он.

— Но я ...

— Бабушка прибыла сюда, чтобы контролировать наше обучение и увидеть, не попали ли мы под влияние ...

— Это то, что говорил Данкан. В этом нет ничего нового ...— Главный расчет,— согласилась она, ее голос становился увереннее. Она отодвинулась от него, посмотрела в сторону пустыни, которая лежала в преддверной тишине. Эта борьба ... эти знания, стояли им целой ночи. Королевский Суд должен был много объяснить. Лито убедил, что ничего не потревожит их.

— Люди часто постигают тонкости мира по мере взросления,— сказал Лито.— Что если с нами тоже это происходит?

— Вселенная, как мы ее видим, никогда не бывает такой же физической величиной,— сказала она.— Мы не можем воспринимать эту бабушку, как бабушку.

— Это было бы опасно,— согласился он.— Но я хочу задать вопрос.

— Это нечто сверх точного мира,— сказала она.— Мы должны иметь место в нашем сознании, чтобы воспринимать то, что мы не можем представить себе. Вот почему ... моя мать часто говорила мне о Джессике. Наконец, когда мы оба намучились с внутренним изменением, она сказала очень много.— Ганима вздохнула.

— Мы знали, что она наша бабушка,— сказал он.— Вчера ты провела с ней несколько часов. Так почему же ...

— Если мы позволили себе это, наше «знание» будет определять, как мы реагируем на нее,— сказала Ганима.— Вот о чем все время предупреждала меня моя мама. Один раз она процитировала нашу бабушку.— Ганима дотронулась до его руки.— Я слышала эхо этого внутри себя, произнесенное голосом бабушки.

— Постоянно предупреждала тебя,— сказал Лито. Он нашел эту мысль причиняющей беспокойство. Было ли что-нибудь в этом мире надежным?

— Много ужасных ошибок происходит от устарелых предположений,— сказала Ганима.— Вот то, что моя мать процитировала.

— Это чистейший вывод Бене Гессерит.

— Если ... если Джессика вернулась полностью к Сестрам...

— Это было бы очень опасно для нас,— сказал он, завершая мысль.

— Мы несем кровь из Квизац Хадераха — их мужчины из Бене Гессерит.

— Они не откажутся от поисков,— сказала она.— Но они могут отказаться от нас. Наша бабушка могла бы быть инструментом для этого.

— Есть другой способ,— возразил он.

— Да — двое из нас ... связаны. Но они знают, что постороннее может усложнить это оспаривание.

— Это рискованное дело они должны были бы обсудить.

— И с нашей бабушкой в придачу.

— Мне не нравится этот способ.

— Мне тоже.

— Все-таки не впервые королевская линия пыталась ...

— Это вызывает у меня отвращение, — сказал он, передергиваясь.

Она услышала шорох, замолчала.

— Сила, — сказал он.

И в этой странной алхимии их совпадений она знала, где были его мысли.

— Сила Квизац Хадераха должна ослабнуть, — согласилась она.

— Использоваться по их усмотрению.

В это время в пустыню пришел день. Они почувствовали, что становится жарко. Тотчас растения, начиная от утеса, обрели окраску. Мягкий, утонченный цвет серебряного солнца Дюны разлился по девственному оазису планеты, наполненному золотыми и пурпурными оттенками от из возвышающихся крутом скал.

Лито стоял, вытянувшись во весь рост.

— Итак, Золотая Тропа, — она заговорила больше сама с собой, нежели с ним, зная, как последнее видение их отца объявилось и растворилось в снах Лито.

Сзади них послышались голоса.

Лито перешел на древний язык, который они использовали между собой, чтобы все держать в тайне:

— Л им ани хоур самис см иви оур самит сут.

Дословно: Мы будем сопровождать друг друга вплоть до смерти, хотя только один из нас может вернуться, чтобы доложить обо всем.

Ганима встала, и они вернулись в съетч, где тотчас же поднялась охрана и отступила назад, когда близнецы направились в свои покои. Толпа расступилась перед ними как-то особенно в то утро, обмениваясь взглядами с охранниками. Провести в одиночестве ночь над пустыней было старой традицией Свободных. Все Уммы практиковали эту форму бодрствования. Пол Муад Диб делал это ... и Алия. Теперь продолжили королевские близнецы.

Лито, заметив эту особенность, сказал об этом Ганиме.

— Они не знают, что мы решили для них, — ответила она.

— Они действительно не знают.

Все еще объясняясь на своем языке, он сказал:

— Это требует самого сильного начала.

Ганима некоторое время размышляла, чтобы оформить свои мысли. Потом произнесла:

— Сейчас это должно быть абсолютно реально — даже, если сведет в могилу. Сердце должно следовать сну, иначе не будет пробуждения.

Она имела в виду, что они, согласно плану Лито, — рисковали жизнью. Окончательный результат изменения был бы похож на смерть, буквально: «похоронное убийство». Это указывало на того, кто выживет, чтобы обо всем рассказать, то есть «действуя, как тот, кто останется в живых». Любой неправильный шаг полностью отрицал этот план, и тогда Золотая Тропа Лито приведет к смерти.

— Чересчур утонченно, — согласился Лито. Он раздвинул занавеси, когда они входили в свое помещение.

Оживленность среди прислуг исчезла только на миг, когда близнецы вошли в сводчатый коридор, ведущий в покои леди Джессики.

— Ты — Острис, — напомнила ему Ганима.

— Я и не пытаюсь им быть.

Ганима взяла его за руку, чтобы он остановился.

— Алия, дарсатай хаунус м'смоу, — предупредила она.

Лито посмотрел ей в глаза. Действительно, действия Алии подтверждали то, что должна была заметить их бабушка. Он улыбнулся Ганиме, оценивая ее проницательность. Она смешала древний язык с суевериями Свободных, чтобы назвать наиболее сильную примету племени М'Смоу, закон летних ночей, был предвестником смерти в руках демонов. Исис была богиней демонов, смерти для людей, на чьем языке они сейчас говорили.

— Мы, Атридесы, имеем репутацию смелых, — сказал он.

— Поэтому мы получили то, что хотели, — ответила она.

— Так мы станем истцами Регентства.

Глава 12

Фарадин шел большими шагами через сад, который являлся частью королевского дворца его деда, наблюдая, как его тень становится все короче по мере того, как Солнце Салузы Второй катилось к полудню. Он должен был ускорить шаг, чтобы не отставать от высокого Башара, который сопровождал его.

— У меня есть сомнения, Тайканик, — сказал он. — О, я вовсе не отказываюсь от трона, но ... — Он глубоко вздохнул. — У меня есть много других интересов.

Тайканик после ожесточенной дискуссии с матерью Фарадина посмотрел косо на Принца, отметив, как окрепла его плоть, когда он достиг своего восемнадцатилетия. В нем все меньше и меньше оставалось от Вэнсики и проявлялось все больше и больше от Шаддама, который пред-

почел свои личные занятия королевским обязанностям. В конце концов, это стоило ему трона. Он не был жесток.

— Ты должен сделать выбор, — сказал Тайканик. — О, несомненно, будет время для удовлетворения каких-то твоих интересов, но ...

Фарадин покусывал нижнюю губу. Обязанность удерживала его здесь, но он чувствовал себя разбитым. Лучше бы он отправился на площадку среди скал, где уже проходили испытания с песчаной форелью. Теперь имелся проект с огромным потенциалом: отвоевать у Атридесов монополию по производству спайса. Что-то должно было произойти.

— Ты уверен, что эти близнецы будут ... устранены?

— Нет ничего абсолютно точного, мой Принц, но шансы хорошие.

Фарадин пожал плечами. Убийство оставалось фактом королевской жизни. Язык был полон едва заметных перестановок в способах, устранения важных персон. С помощью одного слова можно было отличить отравленное питье от отравленной пищи. Он полагал, что Атридесские близнецы будут ликвидированы с помощью яда. Это была не совсем приятная мысль. По общим отзывам, близнецы были довольно интересной парой.

— Нам обязательно надо отправиться на Арракис? — спросил Фарадин.

— Это лучший выбор, это значительно ускорит осуществление наших планов.

Тайканик заинтересовался, для чего эти расспросы.

— Я встревожен, Тайканик, — сказал Фарадин, когда они поворачивали за угол ограды и направлялись к фонтану, окруженному огромными черными розами. Из-за ограды было слышно, как садовники щелкали ножницами.

— Да? — подгонял его Тайканик.

— Ну, эта религия, которую мы изучаем...

— В этом нет ничего странного, мой Принц, — сказал Тайканик, он надеялся, что его голос был твердым и уверенным. — Эта религия обращается к воину, который предстает в моем лице. Это очень подходящая религия для сардукара. — По крайней мере, это правда.

— Да-а-а... Но моей маме, видимо, это очень нравится.

«Пропади она пропадом эта Вэнсика! — подумал Башар. — Она вызывает у своего сына подозрения».

— Меня не волнует, о чем думает твоя мама, — сказал Тайканик. — Религия — это личное дело каждого человека. Возможно, она видит в этом нечто, что, поможет возвести тебя на трон.

— Именно об этом я и думал, — сказал Фарадин.

«Какой наблюдательный парень! — подумал Тайканик. Потом сказал: Присмотрись к этой религии сам: ты сразу же поймешь, почему я выбрал ее.»

— И, тем не менее ... проповеди Муад Дибя? В конце концов, он был Атридесом.

— Я могу лишь сказать, что пути Господни неисповедимы.

— Да. Скажи мне, Тайк, почему ты именно теперь попросил прогуляться с тобой? Сейчас почти полдень, и обычно в это время моя мать отправляет тебя куда-нибудь с поручениями.

Тайканик остановился у каменной скамьи, которая высилась напротив фонтана; позади нее росли гигантские розы. Плещущая вода действовала на него успокаивающе, и, не отрывая от нее глаз, он заговорил:

— Мой Принц, я делал кое-что, что не понравилось твоей маме. — И подумал: «Если он поверит этому, то его дьявольская схема заработает». Тайканик почти надеялся, что схема Вэнсики потерпит крах. «Привести сюда этого проклятого Проповедника. Она была ненормальной. И какой ценой!»

Когда Тайканик в ожидании замолчал, Фарадин спросил:

— Ладно, Тайк, что же ты натворил?

— Я доставил сюда практикующего толкователя снов, — сказал Тайканик.

Фарадин повернулся к нему спиной, он слышал, как Тайканик поспешно ушел. Можно было видеть, как садовник работал за оградой, была видна макушка его головы в коричневой кепке, сверкающие ножницы, которыми он срезал зеленые верхушки кустов. Зрелище было завораживающим.

«Толкование снов — это чушь, — думал Фарадин. — Со стороны Тайка было неправильно делать это, не посоветовавшись со мной. Странно, что Тайк в его возрасте ударился в религию. А теперь еще эти сны».

Немного погодя он услышал позади себя шаги. Хорошо знакомые шаги Тайканика и чьи-то еще. Фарадин повернулся, он посмотрел на приближающуюся фигуру толкователя снов. Иксианская маска была черного цвета, просвечивающая, тонкая, закрывающая лицо ото лба до подбородка. Разрезов для глаз на маске не было. Если верить иксианским рассказам, то вся маска целиком представляла собой глаз.

Тайканик остановился в двух шагах от Фарадина, но человек в маске приблизился к нему почти вплотную.

— Толкователь снов, — сказал Тайканик. Фарадин кивнул.

Старик в маске кашлянул так, как будто хотел вытолкнуть что-то наверх из своего желудка.

Фарадин почувствовал резкий запах спайса, исходивший от старика. Он шел от длинной серой одежды, которая закрывала его тело.

— Эта маска действительно часть вашей плоти? — спросил Фарадин, желая оттянуть разговор о снах.

— Пока я ношу, — произнес старик. Его голос имел гнусавый оттенок и характерный акцент Свободных. — Твой сон, — сказал он, — расскажи мне его.

Фарадин пожал плечами.

— Почему бы и нет? — «Вот зачем Тайк привел сюда старика. А так ли это?» — Сомнения охватили Фарадина и он спросил:

— Вы действительно толкователь снов?

— Я пришел, чтобы объяснить твой сон, Могуущественный Господин.

Снова Фарадин пожал плечами. Эта фигура в маске заставляла его нервничать, и он посмотрел на Тайканика, который оставался на том месте, где и остановился, сложив руки на груди и уставившись на фонтан.

— Итак, — настаивал старик. Фарадин глубоко вздохнул и начал излагать свой сон. Когда он совершенно увлекся рассказом, стало легче. Он рассказал про воду, которая текла вверх по стенам колодца, о мирах, которые в виде атомов кружились в его голове, о змее, которая превращалась в песчаного червя и взрывалась облаком пыли. Рассказывая о змее, он очень удивился, что потребовалось приложить больше усилий. Ужасное нежелание, сидевшее в нем, мешало ему, и это сердило его, когда он рассказывал.

Старик оставался безучастным, когда Фарадин, наконец, умолк. Черная тонкая маска едва заметно двигалась в такт дыханию. Фарадин ждал. Молчание затягивалось.

Фарадин спросил:

— Вы не собираетесь толковать мой сон?

— Я уже сделал это. — Казалось, что его голос слышался издалека.

— Ну и? — свой собственный голос показался Фарадину каким-то писклявым, это говорило о том, какое напряжение возымел на него рассказ.

Но старик по-прежнему оставался безразлично молчаливым.

— Скажи мне, наконец! — В его голосе очень ясно слышалось раздражение.

— Я сказал, что уже истолковал, — повторил старик. — У меня нет желания рассказывать о этом тебе.

Даже Тайканика это задело, и он сжал руки в кулаки.

— Я сказал, что представил свое истолкование, — сказал старик.

— Ты хочешь, чтобы тебе больше заплатили? — спросил Фарадин.

— Я вообще не просил никакой платы, когда меня сюда привели.

Что-то наподобие холодной гордости в этом ответе смягчило гнев Фарадина. Это был очень храбрый старик. Он должен был знать, что непослушание каралось смертью.

— Позвольте мне, мой Принц, — сказал Тайканик, когда Фарадин начал говорить.

— Почему ты не хочешь раскрыть твое истолкование?

— Ладно, мой господин. Сон говорит мне о том, что нет смысла объяснять эти вещи.

Фарадин не мог сдержать себя.

— Ты хочешь сказать, что я уже знаю смысл своего сна?

— Может быть, да, мой Господин, но это не главное. — Тайканик придвинулся ближе к Фарадину. Оба пристально смотрели на старика.

— Объясни, что ты хочешь сказать? — спросил Тайканик.

— В самом деле, — поддержал Фарадин.

— Если бы мне пришлось говорить про этот сон, чтобы исследовать вопросы воды и пыли, змей и червей, чтобы проанализировать атомы, которые роятся в твоей голове, так же как и в моей, — ах, могущественный Господин, — то мои слова озадачили бы тебя и ты бы ничего не понял.

— Ты боишься, что твои слова могли бы разгневать меня? — требовал Фарадин.

— Мой Господин! Ты уже разгневан.

— Это потому, что ты не доверяешь нам? — спросил Тайканик.

— Очень близко к цели, мой Господин. Я также не доверяю тебе, и по простой причине — потому что ты сам себе не доверяешь.

— Ты очень рискуешь, — сказал Тайканик. — Здесь людей казнят за менее безобидное и оскорбительное поведение, чем твое.

Фарадин кивнул в знак согласия и сказал:

— Не испытывай наше терпение.

— Фатальные последствия гнева Коррино хорошо известны, мой Господин Салузы Второй, — сказал старик.

Тайканик положил свою руку на руку Фарадина, чтобы сдержать его гнев, и спросил:

— Ты пытаешься довести нас до того, чтобы мы убили тебя?

Фарадин не думал об этом, он почувствовал холод внутри себя, как только представил, что могло означать такое поведение. Представлял ли этот старик, которого называли Проповедником ... представлял ли он нечто большее, чем казался? Что могла бы повлечь за собой его смерть? Мученики могли бы оказаться очень опасными существами.

— Я сомневаюсь, что ты убил бы меня, независимо от того, что бы я сказал, — проговорил Проповедник. — Я думаю, ты знаешь мне цену, Башар, и твой Принц об этом догадывается.

— Ты совсем отказываешься объяснять его сон? — спросил Тайканик.

— Я уже объяснил его.

— Но ты не сказал, что нашел в нем?

— Ты порицаешь меня, мой Господин?

— Какую ценность ты можешь представлять для меня? — спросил Фарадин.

Проповедник вытянул вперед правую руку.

— Если я поманю этой рукой, то придет Данкан Айдахо и будет исполнять мои приказания.

— Что это за пустое хвастовство? — спросил Фарадин.

Но Тайканик покачал головой, припоминая свой спор с Вэнсикой. Он сказал:

— Мой Принц, это может быть правдой. У этого проповедника много последователей на Дюне.

— Почему ты не сказал мне, что он оттуда? — спросил Фарадин.

До того, как Тайканик смог ответить, Проповедник обратился к Фарадину:

— Мой Господин, ты не должен чувствовать своей вины за Арракис. Ты всего лишь продукт своего времени.

Глава 13

Ночью Лито взошел вместе со Стилгаром на узкий уступ гребня низкой скалы, в сьетче Табр, называвшейся Спутником. В ущербном свете Второй луны со скалы им открывалась вся панорама — к северу защитная стена и Гора Айдахо, Великая Равнина к югу и — к востоку, по направлению к скалам Хабания — перекатывавшиеся дюны. С юга горизонт прятался в клубящейся пыли, отголосках шторма. Абрис Защитной стены морозно серебрился в лунном свете.

Стилгар пошел против своей воли, присоединяясь к секретной вылазке лишь потому, что Лито растревожил в конце концов его любопытство. Что за нужда пересекать пески среди ночи? Парнишка грозился ускользнуть и отправиться в этом поход в одиночку, если Стилгар откажется. И Стилгара безмерно беспокоило проделанное ими. Две такие важные мишени — одни в ночи!

Лито присел на корточки на уступе, лицом к югу, к равнине. Время от времени он словно бы разочарованно хлопал себя по колену.

Стилгар ждал. Искушенный в умении молчаливо ждать, он стоял в двух шагах от своего подопечного, скрестив руки на груди, его роба мягко колыхалась под ночным ветерком.

Для Лито переход через пески представлялся откликом на его внутреннее смятение; необходимость отыскать новую направляющую поддержку в жизни, обьятой тем внутренним противоборством, на которое Ганима уже не смела отваживаться. Он выманил Стилгара в эту совместную вылазку, потому что есть вещи, которые Стилгар должен знать, ради того, чтобы быть готовым к дням грядущим.

Лито опять стукнул себя по колену. Как же обременительно знать начало! Он порой ощущал себя продолжением бессчастных жизней, таких же непосредственно реальных, как и его собственная. В потоке их не было конца, не было завершенности — только вечное начало. Представляли они шумно осаждающей его толпой, словно он был единственным окошком, в которое каждый жаждал заглянуть. И здесь таилась опасность, погубившая Алию.

Лито поглядел вперед, на лунный свет, серебривший перенесшие бурю равнины. По ним растекались набегавшие друг на друга складки дюн; волнистыми насыпями громоздилась кварцевая крупка, словно по мерке рассыпанная ветрами — тускло-желтый песок, гравий. Он почувствовал, что обрел один из приходящих перед самой зарей моментов уравновешенности. Время поджимало. Уже стоял месяц аккад, и позади — все, что оставалось от этого бесконечного времени ожидания: длинные горячие дни и суховеи, ночи, подобно этой, терзаемые шквалами ветра, нескончаемые порывы от раскаленных, как топки, стран Хаукбледа. Он глянул через плечо на Защитную стену, изломанную линию в свете звезд. Там, за стеной, в Северной впадине, и обитала его главная проблема.

Опять он посмотрел на пустыню. Пока он вглядывался в горячую тьму, забрезжил день, из-за пыльных склонов всходило солнце, лимонными оттенками трогая красные столпы бури. Он закрыл глаза, желая представить, как день взойдет над Арракином, увидеть в своем сознании город, разбросанными коробочками лежащий между сном и новыми тенями. Пустыня ... коробочки ... пустыня ... коробочки.

Когда он открыл глаза, пустыня оставалась — разлегшееся шафранно-коричневое пространство взбитого ветром песка. Маслянистые тени вдоль основания каждой дюны вытягивались, словно лучи только что минувшей ночи. Они связывали одно время с другим. Лито подумал о ночи, сидя на корточках, недремлющий Стилгар рядом с ним, старший по возрасту, тревожимый молчанием и необъясненными причинами их прихода в это место. Наверняка у Стилгара много воспоминаний о том, как он проходил этой дорогой со своим обожаемым Муад Дибом. Даже сейчас Стилгар двигался, обшаривая взглядом все вокруг, будучи начеку против любой опасности. Стилгар не любил оказываться на открытом месте при дневном свете. В этом он был чистой воды Свободным прежних времен.

Ум Лито неохотно расставался с ночью и ясностью всего того, чем была она напряжена и чревата на песчаном распутье. Здесь, в скалах, ночь сразу обретала черную неподвижность. Лито сочувствовал страхам Стилгара, связанным с дневным светом. Темнота, даже переполненная ужасами, была бесхитростна. Свет мог быть очень даже всяким. Ночные страхи имели запах, то, что приходило из ночи — приходило с катыщимся звуком. В ночи измерения оказывались разделенными, все усу-

гублялось — шипы острее, лезвия более режущи. Но ужасы дня могли быть намного хуже.

Стилгар кашлянул. Лито заговорил, не оборачиваясь:

— У меня очень серьезная проблема, Стил.

— Так я и предполагал, — голос сбоку от Лито прозвучал тихо и настороженно. Сын говорил очень уж похоже на отца. Было в этом запретное колдовство, задевшее в Стилгаре струнку неприязни. Свободные знали ужасы одержимости. Тот, в ком ее обнаружили, убивался законным порядком, и воду его выплескивали в песок, чтобы она не осквернила водохранилище племени. Мертвым следует оставаться мертвыми. Нет ничего предосудительного в том, чтобы чье-то бессмертие обнаруживалось в его детях, но дети не имеют права слишком точно воспроизводить один из обликов своего прошлого.

— Моя проблема в том, что мой отец слишком многое оставил несделанным, — сказал Лито. — Особенно, куда устремлены наши жизни. Империя не может и дальше следовать тем же путем, Стил, не предлагая надлежащей цели для человеческой жизни. Я говорю о жизни, понимаешь? О жизни, а не о смерти.

— Однажды, растревоженный видением, твой отец говорил со мной в том же духе, — сказал Стилгар.

Лито захотелось легкомысленной репликой разделаться с вопрошающим страхом Стилгара — может быть, предложением пойти позавтракать и покончить с постом. Он вдруг ощутил сильный голод. Последний раз они ели вчера в полдень, и Лито настоял на том, чтобы поститься целую ночь. Но иной голод влек его сейчас.

«Беда моей жизни — это беда данного места, — думал он. — Нет изначального сотворения. Я просто иду назад и назад, пока не начинают исчезать расстояния. Мне не виден горизонт — мне не видны скалы Хаббания. Я не могу найти исходного места для проверки».

— Предвидению нет никакой замены, — сказал Лито. — Может быть, мне стоило бы попробовать спайс.

— И загубить себя, как твой отец?

— Дилемма, — сказал Лито.

— Однажды твой отец признался мне, что слишком хорошо знать будущее — это быть так запертым в этом будущем, что исключается всякая возможность сбежать.

— Парадокс, который и есть наша проблема, — сказал Лито. — Такая это тонкая и могущественная штука, предвидение. Будущее наступает сейчас. Возможность быть зрячим в стране слепых приносит свои собственные опасности. Стараясь растолковать слепому, что видишь, ты склонен забывать, что слепцы движутся по накатанным путям, обусловленным их слепотой. Они как чудовищная машина, следующая собственной дорогой. У них собственная инерция движения, собственное тя-

готение. Я боюсь слепцов, Стил, я боюсь их. Они так легко могут сокрушить все на своем пути.

Стилгар воззрился на пустыню. Лимонная заря превратилась в стальной день.

— Почему мы сюда пришли? — спросил он.

— Потому что я хотел, чтобы ты увидел место, где я могу умереть.

Стилгар напрягся. Затем сказал:

— Так у тебя было видение!

— Возможно, это был только сон.

— Зачем мы пришли в такое опасное место? — Стилгар сверкнул глазами на своего подопечного. — Мы немедленно вернемся.

— Я умру не сегодня, Стил.

— Нет? Что у тебя было за видение?

— Я видел три тропы, — голос Лито зазвучал в грезящей интонации вспоминающего. — Одно из будущих требовало от меня убийства нашей бабушки.

Стилгар метнул короткий взгляд на съетч Табр, словно боясь, что леди Джессика может их услышать через пространство песка.

— Зачем?

— Чтобы не утратить монополию на спайс.

— Не понимаю.

— И я тоже. Но именно об этом я и думал в том сне, где воспользовался ножом.

— Ага, — Стилгар понял об использовании ножа. — Каков второй путь?

— Гани и я поженимся, чтобы закрыть род Атридесов для посторонних.

— Фу-у! — Стилгар резко выдохнул, яростно выражая свое отвращение.

— В древние времена такое было обычно для царственных особ, — сказал Лито. — Гани и я решили, что брачной близости между нами не будет.

— Предупреждаю вас — будьте тверды в этом решении! — в голосе Стилгара прозвучала смертельная опасность. По закону Свободных кровосмешение каралось смертью на висельной треноге. Откашлявшись, Стилгар спросил: А третья тропа?

— Я призван низвести моего отца до человеческого уровня.

— Он был моим другом, — пробормотал Стилгар.

Стилгар повернулся спиной к пустыне и посмотрел на оазис своего возлюбленного съетча Табр. Такие разговоры всегда его коробили.

Лито уловил потный запах при движении Стилгара. Какое искушение — уклониться от разговора о всех тех наполненных важностью и значением вещах, которые должны быть здесь сказаны. Они могут проговорить полдня, переходя от частного к общему, как бы уводя себя от

тех настоящих решений, от тех непосредственных нужд, которые им предстоят. И нет сомнения, что Дом Коррино представляет реальную угрозу для реальных жизней — его и Гани. Но все, что он делает теперь, должно быть взвешено и проверено на оселке тайных потребностей. Стилгар проголосовал однажды за убийство Фарадина, предложив изощренное применение чаумурки — яда в питье. Фарадин был известен своим пристрастием к некоторым сладким ликерам. Такое нельзя позв-
волить.

— Если я умру здесь, Стил, — сказал Лито, — ты должен остерегаться Алии. Она больше не твой друг.

— К чему этот разговор о смерти и о твоей тете? — Стилгар неподдельно разъярился.

Стилгар сам не мог объяснить почему, но неизбежное замечание Лито до глубины разбередило его душу. Оно больше всего занимало его мысли на обратном пути через пески, оттеснив все остальное, сказанное Лито на спутнике.

«Почему мне захотелось, чтобы поселение погибло?» — подивился Стилгар, споткнувшись на ходу.

Стилгар знал, что он — из отмирающей породы. Старые Свободные с разинутыми от изумления ртами смотрели на расточительство планеты — вода разбазаривалась только ради того, чтобы на ней можно было замесить глинобитные кирпичи. Вода, изводимая для сооружения жилья для одной семьи, могла бы год поддерживать жизнь целого съетча.

В таких домах даже делались прозрачные окна, чтобы пропускать внутрь солнечный жар и иссушивать тела. Подобные окна открывались наружу.

Новые Свободные могли смотреть на пейзаж их своих глинобитных домов. Они не теснились больше в закрытом со всех сторон съетче. А где приходит новое видение мира, там и воображение меняется. Для Стилгара это было ощутимо. Новое видение объединило Свободных с остальным миром Империи, вывело их в неограниченное пространство. Некогда они были привязаны водой к Арракису, рабы суровых потребностей. Не для них был тот распахнутый кругозор, который являлся условием жизни для обитателей большинства планет Империи.

Перемены виделись Стилгару на фоне его собственных сомнений и страхов. В прежние дни редкий Свободный задумывался над возможностью покинуть Арракис и начать новую жизнь в одном из богатых водой миров.

Лито шел впереди, и Стилгар смотрел на движущуюся спину юноши. Лито говорил о запретах на внепланетные перемещения. Что ж, такое во время оно постоянно оказывалось реальностью для большинства обитателей других миров, даже там, где мечта дозволялась в качестве предохранительного клапана. Но вершины своей планетарное рабство достигло здесь, на Арракисе. Свободные обратились внутрь, забаррикадировав

свои умы точно так же, как забаррикадировались они в своих пещерных лабиринтах.

Самый смысл съетча — места священного убежища от времени и от тревог — был здесь искажен, став значить места чудовищного заключения для всего населения.

Лито говорит правду: Муад Диб все это изменил.

Стилгар чувствовал себя потерянным. Он ощущал, как рассыпаются его прежние верования. Новое видение мира, направленное вовне, произвело жизнь, которая жаждала выйти из заключения.

Стилгар вдруг потрясенно осознал, что все это являлось опасным и для того курса, который прокладывала Алия.

Стилгар опять споткнулся и упал, еще больше отстав от Лито.

За время джихада Свободные многие уяснили о прежнем Императоре — Падишахе, Шаддаме IV. Восемьдесят первый падишах Дома Коррино, занявший Трон Золотых Львов и правивший Империей из бесчисленных миров, использовал Арракис, как испытательный полигон для той политики, которую он надеялся повести и в остальных частях империи. Его наместники на планете Арракис неуклонно холили и лелеяли пессимизм, чтобы упрочить основу своей власти. Они неустанно пеклись, чтобы всем на Арракисе, даже вольным скитальцам Свободным сделались наверняка и хорошо известны многочисленные случаи несправедливости и неразрешимых проблем; они приучали население воспринимать себя беспомощным, не имеющим поддержки и опоры.

Разглядывая возвращающегося в съетч Лито, Стилгар подивился, как же этот юноша сумел отворить в нем поток подобных мыслей — всего лишь простеньким на вид замечанием. Благодаря этой оброненной фразе, Стилгар совершенно по-другому увидел Алию и свою собственную роль в Совете.

Алия обожала повторять, что старый уклад медленно уступает новому, и Стилгар признал себе, что всегда находил это заявление смутно успокаивающим. Перемены опасны. Изобретательность должна пресекаться. Личная сила воли должна быть отрицаема. Чему еще служит жречество, как не отрицанию личной воли?

Алия частенько повторяла, что возможности для открытого соревнования должны быть ограничены до управляемых пределов. Но это означало, что нынешнее пугало технологии могло использоваться лишь для того, чтобы держать в узде население. Всякая разрешенная технология должна корнями быть привязана к ритуалу. Иначе ... Иначе ...

Стилгар опять споткнулся. Теперь он был у канала, а Лито поджидал его у абрикосового сада, росшего вдоль проточной воды. Стилгар услышал, как его шаги зашелестели по нескошенной траве.

Стилгар остановился и пристально посмотрел через сад на Лито. Юноша с улыбкой глядел на Стилгара.

«Знает ли он о сумятице в моей голове?» — подумал Стилгар.

И старый наиб попробовал обратиться к традиционному катехизису своего народа. Всякий аспект жизни требует единичности формы, присущая ей закругленность основывается на тайном внутреннем знании, что будет действовать и что действовать не будет. Моделью жизни, сообщества, всякой составляющей более крупного социального объединения должен быть сьетч и его двойник песков, Шан-Хулуд. Гигантский червь, был несомненно, самым внушительным творением, но, когда возникала угроза, уходил на недостижимую глубину.

«Перемены опасны!» — повторил себе Стилгар. Однообразие и стабильность — вот надлежащие цели правительства.

Но молодые люди и женщины красивы.

И они помнят слова Муад Диб, произнесенные при низвержении Шаддама IV: «Не долгой жизни для Императора я ищу, но долгой жизни для Империи».

«Разве не то же самое я все время твержу себе?» — недоуменно спросил себя Стилгар.

И он пошел ко входу в сьетч, находившийся чуть правее от Лито. Юноша двинулся ему наперерез.

Муад Диб сказал и другое: напомнил себе Стилгар: «Цивилизация и правительства рождаются и зреют, размножаются и умирают точно так же, как отдельные люди!»

Опасная или нет, но перемена будет. Красивые молодые Свободные это знают. Им дано смотреть вперед и видеть ее, готовясь и будучи готовыми к ней.

Стилгар вынужден был остановиться, чтобы не наткнуться на Лито.

Юноша взглянул на него совиным взглядом и сказал:

— Вот видишь, Стил? Традиция — совсем не такой абсолютный проводник, как ты думал.

Глава 14

Стилгар учетверил охрану в сьетче вокруг близнецов, но понимал, что это бесполезно. Мальчуган был совсем как свой тезка, дедушка Лито. Все, знаящие прежнего Герцога, это подмечали. Вид у Лито был расчетливый, и осторожность у него была, но все это следовало брать с поправкой на скрытую неистовость, на падкость к опасным решениям.

Ганима больше похожа на мать. У нее рыжие волосы Чани, материнский разрез глаз и взвешенность при разрешении трудностей. Она

часто повторяла, что делает лишь то, что должна делать, но куда ни поведет Лито, она последует за ним.

А Лито собирался повести к опасности.

Ни разу Стилгару не пришло на ум поверить свою проблему Алии. А значит, исключалась и Ирулэн, бежавшая к Алии со всем и вся. Придя к такому решению, Стилгар осознал, что признает вероятность того факта, что Лито судит об Алии верно.

«Она использует людей походя и черство, — думал он. — Даже Данкана она так использует. Дело даже не в том, что она изменит ко мне свое отношение и убьет меня. Главное, что она меня УВОЛИТ».

Тем временем охрана была усилена, и Стилгар блуждал по съетчу как призрак в просторных одеяниях, ничего не оставляя без внимания. И все это время его обуревали сомнения, посеянные в нем Лито. Если нельзя положиться на традицию, то где же та скала, за которую можно закорить свою жизнь?

В день Приветственного Собрания в честь прибытия леди Джессики Стилгар следил за Ганимой, стоявшей вместе с бабушкой на пороге у входа в главную палату собраний съетча. Было рано, и Алия еще не прибыла, но люди уже густой толпой скапливались в палате, исподтишка бросая взгляды на ребенка и взрослую, когда проходили мимо них.

Стилгар остановился в затененной нише, вне людского потока, и наблюдал за этой парой, не в состоянии расслышать их слов сквозь пульсирующий ропот. Люди многих племен были здесь сегодня, чтобы приветствовать возвращение своей старой Преподобной Матери. Но Стилгар глядел на Ганиму. Ее глаза, и как она пританцовывает, когда говорит! Ее движения ее восхищали. А эти синие в синем, твердые, пытливые, оценивающие глаза. А как она, мотнув головой, отбрасывает с плеча золотисто-рыжие волосы. Все это — Чани. Воскресший призрак, сверхъестественное сходство.

Стилгар медленно переместился поближе и занял пост в другой нише.

Он не мог припомнить на своем веку ни одного другого ребенка, взиравшего бы так же, как Ганима — кроме ее брата. Где же Лито? Стилгар оглянулся. Его стража подняла бы тревогу, будь что-то не так. Стилгар покачал головой. Эти близнецы с ума его сведут. Постоянно они испытывали на износ его душевное спокойствие. Он мог бы почти возненавидеть их. Царственные особы не защищены от ненависти, но кровь (и ее драгоценная вода) предъявляют такие требования к самообладанию, перед которыми меркнут все прочие заботы. Эти близнецы существовали, как его величайшая ответственность.

Пронизанный пылью коричневый свет возник в пещерообразной палате собраний за Ганимой и Джессикой, коснулся плеч девочки и ее нового белого одеяния, озарив сзади ее волосы, когда она обернулась и поглядела в проход, на густо идущих людей.

«Почему Лито заразил меня этими сомнениями? — задумался Стилгар. — Без сомнения, он сделал это умышленно. Может быть, Лито хотел, чтобы я хоть в малой степени разделил опыт его сознания». Стилгар знал, что близнецы отличаются от других, но его рассудок никогда не был в состоянии вместить это знание. Он никогда не ощущал чрево матери как темницу пробуждающегося сознания ... сознания, живого со второго месяца беременности.

Лито сказал однажды, что его память подобна «внутренней голографии, расширяющейся в размерах и подробностях с первоначального шока пробуждения, но никогда не меняющейся ни в форме, ни в очертаниях».

Впервые, наблюдая за Ганимой и леди Джессикой, Стилгар начал понимать, что это, такое — жить в цепляющейся паутине воспоминаний, не в силах ни покинуть ее, ни найти изолированное прибежище для собственного ума. Столкнувшись с такой обусловленностью, человек должен интегрировать сумасшествие, отбирать и отвергать среди множества предложений, по системе, где ответы меняются так же быстро, как и вопросы.

Не могло быть закреплённой традиции. Не могло быть абсолютных ответов на вопросы о двух сторонах. Что подходит? То, что не подходит. Что не подходит? То, что подходит. Ему пришел на ум образец этому, старая игра Свободных в загадки. Вопрос: «Что несет смерть и жизнь?» Ответ: «Ветер Кориолиса».

«Почему Лито хочет, чтобы я это понял?» — спросил себя Стилгар. Осторожно зондируя, Стилгар понял, что близнецы разделяют общий взгляд на свою несхожесть с другими: думают об этом, как о несчастье. «Для таких проход по каналу рождения должен быть изматывающим», — подумал он. Неведение ослабляет потрясение от некоторых переживаний, но они-то ведь не будут пребывать в неведении насчет момента рождения. Столкнешься с непрестанной войной с сомнениями. Будешь обижаться на свое несходство с остальными. Приятно дать почувствовать остальным хотя бы вкус этого отличия. «Почему я?» — вот что будет твоим первым вопросом без ответа.

«А я о чем себя спрашиваю? — подумал Стилгар. Кислая улыбка тронула его губы. — Почему я?»

По-новому видя теперь близнецов, он уяснил себе, почему они так бесшабашно рискуют своими незрелыми телами. Ганима однажды сказала ему — как отрезала — когда он бранил ее за то, что она полезла по западной круче к вершине над съетчем Табр: «Почему я должна бояться смерти? Я уже побывала в ней — много раз».

«Да как я осмеливаюсь учить таких детей? — подивился Стилгар. — Как кто-либо посмеет?»

Как ни странно, мысли Джессики развивались в схожем русле, когда она беседовала со своей внучкой. Она думала о том, как должно быть

трудно жить со зрелым умом в незрелом теле. Тело должно еще только научиться тому, что ум уже познал и умеет — идет подгонка реакций и рефлексов. Пусть доступен им древний комплекс Бене Гессерит пранабинду, но даже и тут их ум обгонит тело. Гурни будет чрезвычайно трудно выполнить ее распоряжения.

— Вон Стилгар наблюдает за нами из той ниши, — сказала Ганима.

Джессика не обернулась. Но ее поразило то, что она расслышала в голосе Ганимы. Ганима любит старого Свободного любовью детей к родителям. Даже когда она говорит о нем небрежно или поддразнивает его, она его любит. Осознание этого заставило Джессику увидеть старого наиба в новом свете. Внезапно оформившееся в ясную форму понимание открыло ей, что общего у Стилгара и близнецов. Новый Арракис не очень-то устраивает Стилгара, поняла Джессика. И не больше этот новый мир устраивает ее внуков.

Незванная и непрощенная всплыла в мозгу Джессики старая присказка Бене Гессерит: «Заподозрить, что ты смертен, есть начало ужаса; неопровержимо уяснить, что ты смертен — познать окончание ужаса».

Да, смерть не станет тяжелым ярмом для Стилгара и близнецов, но жизнь их — это медленное пламя. Все они находят свой мир плохо подходящими и жаждут иных путей, где познание изменений не сулит угрозы. Они — дети Абрахама, большому научившиеся от парящегося в небе ястреба, чем из любой писаной книги.

Лито поразило Джессику не далее, как сегодня утром, когда они стояли у строящегося над сьетчем канала.

— Вода — как капкан для нас, бабушка, — сказал он. — Лучше бы нам жить далекой отсюда пылью, потому что тогда ветер мог бы вынести нас выше высочайших круч Защитной стены.

Хоть Джессике и не впервой было встречаться со зрелостью, находившей себе окольный путь через уста этих детей, при этом замечании она смешалась, хотя и сумела проговорить:

— Такое мог бы сказать твой отец.

А Лито, подбросив в воздух горсть песка и наблюдая за падением песчинок, ответил:

— Да, мог бы. Но мой отец не учитывал в то время, как быстро вода заставляет все возвращаться в ту землю, из которой она выходит.

И сейчас, стоя в сьетче рядом с Ганимой, Джессика заново пережила шок, испытанный ею при этих словах. Она обернулась, взглянула на плавно текущую толпу, скользнула острым взглядом по затаенным очертаниям Стилгара в нише. Стилгар — не из ручных Свободных, обученных лишь таскать веточки для гнезда. Он до сих пор ястреб. Думая о красном цвете, он думает не о цветах, а о крови.

— Ты внезапно так притихла, — сказала Ганима. — Что-нибудь не так?

Джессика покачала головой.

— Всего лишь то, что Лито сказал мне нынче утром.

— Когда вы ходили на посадки? Что он сказал?

Джессика подумала о занятом выражении взрослой мудрости, появившейся утром на лице Лито. Точно такое же выражение приобрело лицо Ганимы.

— Он припоминал то время, когда Гурни от контрабандистов вернулся под знамена Арракиса, — ответила Джессика.

— Значит, вы говорили о Стилгаре, — сказала Ганима.

Джессика не спросила, откуда такое прозрение. Близнецы, казалось, были способны по собственному желанию воспроизводить ход мыслей друг друга.

— Да, говорили, — ответила Джессика. — Стилгару не нравится, как Гурни величает Лито, но присутствие Гурни принуждает и всех Свободных к уважению. Гурни постоянно говорит: «Мой Герцог ...»

— Понимаю, — заметила Ганима. — И, конечно, Лито указал, что он еще и Герцог Стилгара.

— Верно.

— Ты, конечно, знаешь, что Лито с тобой делал, — сказала Ганима.

— Не уверена, что знаю, — призналась Джессика, и это признание показалось ей особенно неловким, потому что ей и в голову не приходило, будто в поведении Лито было что-то умышленное.

— Он старался вызвать тебя на воспоминания о нашем отце, — сказала Ганима. — Лито всегда жаждет узнать нашего отца с точек зрения других людей, его знавших.

— Но... Разве у Лито нет ...

— О, да, он может вслушиваться во внутреннюю жизнь. Разумеется. Но это не то же самое. Вы, конечно, говорили о нем. О нашем отце, я имею в виду. Вы говорили о нем, как о своем сыне.

— Да, — Джессика как отрубилась. Ей не нравилось ощущение, что эти близнецы вертят ею, как хотят, открывают ее память для наблюдения, дотрагиваются до любого переживания, вызывающего их интерес. Может, Ганима занимается этим прямо сейчас!

— Лито сказал что-то, задевшее тебя, — сказала Ганима.

Необходимость подавить гнев, словно сокрушила Джессику:

— Да ... Сказал.

— Тебе не нравится, то что он знает нашего отца так, как знала его наша мать, а нашу мать — так, как ее знал наш отец, — сказал Ганима. — Тебе не нравится, что это означает то, что мы можем знать о тебе.

— Я прежде никогда на деле не задумывалась над этим с такой стороны, — натянутым голосом ответила Джессика.

— Да, обычно знание чувственных вещей как раз и смущает, — сказала Ганима. — Тебе трудно думать о нас иначе, как о детях. Но нет ниче-

го, чем бы занимались вместе наши родители, на людях или в уединении, что не было бы нам ведомо.

На краткий миг Джессика пережила то же чувство, что и утром у канала, но теперь это чувство относилось к Ганиме.

— Он, вероятно, говорил о «мужской чувственности» твоего Герцога, — сказал Ганима. — Порой не мешало бы надевать узду на язык Лито!

«Разве нет ничего святого для этих близнецов?» — Джессика испытала сначала потрясение, затем ярость, затем отвращение. Как они осмеливаются говорить о чувственности ее Лито? Разумеется, любящие друг друга мужчина и женщина разделяют и свои телесные наслаждения! Это прекрасно и интимно, и не для того, чтобы выставлять напоказ в нечаянном разговоре между взрослым и ребенком.

Глава 15

— Это как схватка в темноте, — сказала Алиа.

Она широкими сердитыми шагами мерила Палату Собраний, переходя от высоких серебряных занавесей, смягчавших свет утреннего солнца в восточных окнах, к диванам, расставленным под изукрашенными стенными панелями в другом конце помещения. Ее сандалии пересекали циновки из волокон спайса, паркетные полы, плитки из гигантских кусков граната — и опять по циновкам. Наконец, она остановилась перед Ирулэн и Айдахо, сидевшими напротив друг друга на диванах, обитых серым китовым мехом.

Айдахо сопротивлялся возвращению из Табра, но приказания Алиа были вне прекословия. Похищение Джессики было сейчас даже еще важнее, чем когда-либо, но оно должно подождать. Требуется ментатное восприятие Айдахо.

— Эти вещи скроены по тому же образцу, — сказала Алиа. — Попахивает далеко идущим заговором.

— Может, и нет, — рискнула заметить Ирулэн, но вопросительно посмотрела на Айдахо.

На лице Алиа проступила неприкрытая язвительная насмешка. Как может быть Ирулэн такой наивной? Если только не ... Алиа устремила на принцессу острый и вопрошающий взор. На Ирулэн была простая черная мантия из абы, хорошо подчеркивающая тени в ее глазах пряного и густого голубого цвета. Ее светлые волосы были заплетены в спадавшую по шее тугую косу, оттеняя обретенные за годы в Арракисе худобу и жесткость черт лица. До сих пор в ней сохранялось высокомерие, усвоенное ею при дворе ее отца, Шаддама IV, и Алиа часто

чудилось, что эта горделивость вполне может быть маской для заговорщических мыслей.

Айдахо, в зелено-серой форме стража Дома Атридесов без знаков отличия, сидел развалясь. Многими настоящими стражами Алии его пренебрежение воспринималось как выкрутасы, и втайне презиралось, особенно амазонками, которые прямо упивались служебными знаками отличия. Они не любили неприятельного присутствия гхола-мечевластителя-ментата еще и потому, что он был мужем их госпожи.

— Итак, племена хотят, чтобы леди Джессика была восстановлена в Совете Регентства, — сказал Айдахо. — Как мы можем ...

— Они предъявили единодушное требование, — Алия указала на тисненый листок спайсовой бумаги на диване рядом с Ирулэн. — Фарадин — это одно, но это ... Здесь уже другой расклад сил!

— Что думает Стилгар? — спросила Ирулэн.

— Его подпись на этой бумаге! — ответила Алия.

— Но если он ...

— Как может он отказаться от матери своего бога? — презрительно хмыкнула Алия.

Айдахо поглядел на нее, подумав: «Прямо на грани ссоры с Ирулэн!» Опять он подивился, зачем Алия вытащила его сюда, зная, что он нужен в съезде Табр, если уж действительно осуществлять план похищения. Возможно ли, чтобы она прослышала о послании, переданном ему Проповедником? При мысли о послании душа его наполнилась смутением. Откуда этому нищенствующему мистикку знать тот тайный сигнал, которым Пол Атридес всегда призывал своего мечевластителя? Айдахо жаждал покинуть их бесцельное собрание и вернуться к поискам ответа на этот вопрос.

— Нет сомнений, что Проповедник — из внепланетных, — сказала Алия. — Насчет этого Союз не решился бы нас обманывать. Мы схватим его ...

— Осторожно! — сказала Ирулэн.

— Разумеется, проявим осторожность, — сказал Айдахо. — Половина планеты верит, что он ... — и Айдахо пожал плечами, — твой брат, — Айдахо понадеялся, что его слова прозвучали с должной небрежностью. — Откуда этому человеку известен тайный сигнал?

— Но если он посыльный или шпион ...

— Он не входит в контакт ни с кем из КХОАМ или Дома Коррино, — сказала Ирулэн. — Мы можем быть уверены в ...

— Мы ни в чем не можем быть уверены! — Алия и не старалась скрывать язвительность. Она повернулась, лицом к Айдахо. Он знает, зачем здесь! Почему же не выполняет того, чего от него ждут? Он в Совете, потому что Ирулэн здесь. Историю, приведшую принцессу Дома Коррино в лоно Атридесов, никогда нельзя будет забыть. Раз

изменив, можно изменить вновь. Ментатные способности Данкана следует использовать для выявления отклонений в поведении Ирулэн.

Айдахо поглядел на Ирулэн. Бывали случаи, когда он чурался прямолинейности ментата. Он знал, о чем думает Алия. Ирулэн поймет не хуже. Но эта принцесса — жена Пола Муад Дибя — не помнила зла. Не могло быть сомнений в преданности Ирулэн близнецам. Ради Атридесов она отвергла семью и Бене Гессерит.

— Моя мать — часть этого заговора! — сказал Айдахо.

Алия резко отвернулась от него, чего он и добивался. Ему было тяжело глядеть на некогда любимое лицо, искаженное теперь чужеродной одержимостью.

— Что ж, — сказала Ирулэн, — Союзу нельзя полностью доверять в ...

— Союзу! — усмехнулась Алия.

— Мы не можем исключать враждебности Союза и Бене Гессерит, — сказал Айдахо. — Но мы должны отнести их к категории пассивных, по существу, противоборцев. Союз не изменит своему основному правилу: «Никогда не правь». Они паразитический нарост, и это знают. Они не сделают ничего, чтобы убить организм, за счет которого живут.

— Их понятие о том, за счет какого организма они живут, может отличаться от нашего, — протяжно проговорила Ирулэн. Тут у тебя промашка, ментат.

Алия, похоже, была озадачена. Заговорщик не захотел бы выставять на обсуждение подобную точку зрения.

— Несомненно, — сказал Айдахо. — Но Союз не пойдет в открытую против Дома Атридесов. Сестры, с другой стороны, могли бы отважиться на тот или иной политический прорыв, который ...

— Если и отважатся, то через подставную силу — через группировку, от которой они смогут отмежеваться, — сказала Ирулэн. — Бене Гессерит не просуществовала бы все эти века, не умея вовремя уйти в тень. Они предпочитают быть за троном, а не на нем.

«Самоустранение в тень! Не это ли выбор Ирулэн? — подумалось Алии

— Именно так я думаю о Союзе, — сказал Айдахо. До чего же полезна необходимость спорить и объяснять! Она удерживает его ум от других мыслей.

Алия опять отошла к залитым солнцем окнам. Она знала слепое пятно Айдахо — у каждого ментата оно было. Они должны были выносить четкие суждения. Они знали это о себе. Этому их обучали. И все же, они продолжали действовать вне самоограничительных параметров.

«Мне следовало оставить его в сьете Табр, — подумала Алия. — Лучше было бы просто передать Ирулэн на допрос Джавиду».

И Алия услышала громкий внутренний голос: «Именно!..»

«Заткнись! Заткнись! Заткнись!» — подумала она. В такие моменты появлялось искушение совершить нечто, являющееся опасной ошибкой

— и она не могла распознать, в чем же эта ошибка будет заложена и как проявится. Она лишь чувствовала опасность. Айдахо должен помочь ей выбраться из этого затруднения. Он ментат. Ментаты необходимы. Люди-компьютеры заместили механические устройства, уничтоженные во время Бутлерианского Джихада. «Да не сотворишь ты машину с подобием человеческого ума!» Но Алия томилась по сподручной машине. Они бы тогда не страдали от ограниченности Айдахо. Машине всегда можно доверять.

Алия услышала, как Ирулэн говорит с растяжкой:

— Планы внутри планов, внутри планов, внутри планов. Мы все знаем сложившиеся трафареты нападения на власть. Я не осуждаю Алию за ее подозрения. Конечно, она подозревает всех — даже нас. Хотя не это главное. Где источник опасности Регенству?

— КХОАМ,— бесстрастным голосом ментата ответил Данкан.

Глава 16

Лито высунулся из тайного выхода из съетча, увидел дно кручи, уходящей вверх за пределы его ограниченной видимости. Шедшее к закату солнце отбрасывало по вертикальным стенам обрыва длинные тени. Бабочка-скелетик порхала, залетая то в свет, то в тень, ее паутинные крылышки казались прозрачным кружевом. «До чего же нежна эта бабочка,— подумал Лито.

Прямо впереди простирался абрикосовый сад, где работали дети, собирая упавшие плоды. За садом был канал. Он и Ганима ускользнули от своей охраны, затерявшись во встречном потоке рабочих. Для них оказалось сравнительно простым проползти вниз по вентиляционным шахтам туда, где они соединялись с лестницей, к потайному выходу. Теперь им оставалось только смешаться с детьми, пробраться к каналу и шмыгнуть в туннель. Там они смогут держаться рядом с хищной рыбой, не позволявшей песчаной форели втянуть в свой пузырь оросительную воду племени. Ни один Свободный никогда и не вообразит, что человек способен рискнуть погрузиться в воду.

Он вышел из защитных проходов. Круча простиралась вдаль по обе стороны от него.

Ганима двигалась вплотную за ним. У обоих были небольшие корзинки для сбора фруктов, сплетенные из волокон спайса, но в каждой корзинке находился запакованный сверток: фремкит, пистолет маула, криснож ... и новые одежды, присланные Фарадином.

Ганима проследовала в сад за своим братом, смешалась с работающими детьми. Маски стилсюттов скрывали все лица. Они стали всего

лишь еще двумя работниками, но Ганима чувствовала, что их поступок уводит ее жизнь за защищающие рубежи. До чего же прост этот шаг, шаг из одной опасности в другую! Новые одеяния, пристанные Фарадином и находившиеся теперь в их корзинках, преследовали цель, хорошо понятую им обоим. Ганима подчеркнула это, вышив свой личный девиз: «Мы Соучаствуем», над двумя нагрудными ястребиными профилями.

Скоро наступят сумерки, и за каналом, ставшим границу сй между пустыней и возделанными землями сьетча, воцарится такой вечер, с которым немного во Вселенной может потягаться. Мягко освещенная пустыня, мир, пропитанный ощущением, будто каждое создание одиноко в нем.

— Нас видели, — прошептала Ганима, наклоняясь рядом со своим братом и приступая к работе.

— Охрана?

— Нет.

— Хорошо.

— Нам надо побыстрее уходить, — сказала она.

Лито, согласясь с этим, двинулся через сад прочь от кручи. Он подумал мыслью своего отца: «Все в пустыне или пребывает подвижным, или исчезает». Вдали, в песках, он видел возвышающийся Спутник, напоминание о необходимости двигаться. Скалы в своем загадочном бдении оставались неподвижными и жесткими, год за годом истаявая под атаками несомого ветром песка. Однажды Спутник станет песком.

Приблизясь к каналу, они услышали музыку из высокого входа в сьетч. Старомодный набор инструментов Свободных — двудырчатая флейта, тимпаны, тамбурины, сделанные из спайсового цилиндра и кожи, туго натянутой на него с одной стороны. Никто не спрашивал, у какого животного планеты берут такую кожу.

«Стилгар припомнит, что я говорил ему о той расщелине Спутника, — подумал Лито. — Он придет в темноте, когда будет слишком поздно — и тогда узнает».

Вскоре они были у канала, скользнули в открытую трубу, взобрались по инспекционной лестнице на выступ для обслуживания. В канале было сумрачно, сыро и холодно, слышался плеск хищной рыбы. Любой несчастной форели, которая попробует украсть воду, рыба прокусит голову. Людям их тоже следует остерегаться.

— Осторожно, — сказал Лито, спускаясь со скользкого выступа. Он крепко пристегнулся памятью к местностям и временам, которых его тело никогда не знало. Ганима последовала за ним.

Преодолев канал, они разделись до стилсьютов и надели новое. Оставив прежнее одеяние Свободных позади, они взобрались по другой инспекционной трубе, переползли через дюну на другую сторону. Там они присели, заслоненные от сьетча, извлекли свои маулы и

крисножи, надели упакованные фремкиты на плечи. Музыки больше не слышали.

Лито встал и направился по ложбинке между дюнами.

Ганима шаг за шагом пошла за ним, тренированно, ритмично и тихо перемещаясь по открытому песку.

Под гребнем каждой дюны они пригибались и прокрадывались к укромному местечку, где делали остановку и оглядывались назад — нет ли погони. Никаких преследователей не было видно, и они достигли первых скал.

В тени скал они пробрались вокруг Спутника к выступу, смотревшему на пустыню. Далеко-далеко, где был Блед, мерцал свет. Темнеющий воздух казался хрупким, как тонкий хрусталь. Пейзаж, открывавшийся их взору, был однообразен. Глазу не на чем было остановиться.

«Это горизонт вечности,» — подумал Лито.

Ганима присела на корточки рядом со своим братом, думая: «Скоро состоится нападение». Она прислушивалась к малейшему звуку, все ее тело превратилось в сгусток напряженно-пытливого ожидания.

Лито был не менее насторожен. Он владеет теперь в высшей степени тренированностью всех тех, чьи жизни живут внутри него. В пустыне приучаешься твердо полагаться на свои чувства. Жизнь становится запасом накопленных восприятий, каждое из которых нацелено на мгновенное спасение жизни.

Вскоре Ганима вскарабкалась наверх и поглядела через выемку в скале на путь, по которому они пришли. Казалось, целая жизнь отделяет их от безопасности сьetchа грудой немых круч высившихся за коричнево-пурпурным пространством с подернутыми пылью краями очертаний, где серебряными стрелками поблескивали остатки солнечного света. Погони так и не было видно на отделявшем их от сьetchа пространстве. Она вернулась и присела рядом с Лито.

— Это будет хищник, — сказал Лито. — Таково мое третичное вычисление.

— По-моему, ты слишком быстро остановился в своих вычислениях, — сказала Ганима. — Это будет не один хищник. Дом Коррино знает, что не надо складывать свои надежды в один мешок.

Лито кивнул в знак согласия.

Его ум внезапно ощутил тяжесть всего того множества жизней, которые вложила в него его непохожесть — всех жизней, ставших его собственными еще до его рождения. Он был перенасыщен живыми и хотел сбежать от своего сознания. Внутренний мир был тяжким зверем, способным его сожрать.

Он обеспокоенно поднялся, добрался до той выемки, через которую смотрела Ганима, поглядел на кручи сьetchа. Там ему был виден канал, ставший гранью между жизнью и смертью. Виднелись на краю оазиса

верблюжий шалфей, луковая трава, «перья гоби», дикая алфалфа. В остатках света ему видны были черные движущиеся пятнышки — птицы, с полета клевавшие алфалфу. Далекие колосья зерновых были взерошены ветром, гнавшим двигавшиеся прямо на сад тени. Движение их вывело Лито из забвения — он увидел, что тени скрывают внутри своей текучей формы большую перемену, и эта большая перемена высвободит изгибы радуг на подернутом серебряной пылью небе.

«Что здесь произойдет?» — спросил он себя.

Он знает, что это будет либо смерть, либо игра со смертью, целью которой он станет сам. Ганима — вот кому суждено вернуться. И под допросом в глубоком гипнозе она со всей искренностью покажет, то брат ее, разумеется, задран зверем.

Таинственность этого места бредила его воображение. Он подумал, как легко поддаться призыву погрузиться в предвидение, рискнуть послать свое сознание в неизменяемое, абсолютное будущее. Он знал, что не отважится увидеть больше.

Вскоре он спустился и присел рядом с Ганимой.

— Погони все еще нет, — сказал он.

— Звери, которых они на нас нашлют, будут большими, — проговорила Ганима. — Может, у нас будет время разглядеть их приближение.

— Нет, если они появятся ночью.

— Стемнеет очень скоро, — заметила она.

— Да. К этому времени нам надо будет уже находиться в НАШЕМ месте, — он указал туда, где слева от них, внизу, ветер песков выточил крохотную расщелинку в базальте. Она была достаточно велика, чтобы вместить их, и достаточно мала, чтобы в нее пролезли большие твари.

То место, которое он указал Стилгару.

— Они и в самом деле могут нас убить, — сказал он.

— Мы должны пойти на это, — возразила она. — Ради нашего отца.

— Я и не спорю.

И подумал: «Это правильный путь. Мы правы, так поступая». Но он знал, как опасно в этом мире быть правым. Выживут ли они — это теперь зависит от постоянной сосредоточенности и контроля над собой, в любой момент времени нужно быть готовыми к испытанию. Их лучшие доспехи — навыки Свободных, а знание Бене Гессерит — та сила, что у них в резерве. Оба они теперь мыслят как закаленные в битвах ветераны-Атридессы, не имеющие другой защиты, кроме суровой стойкости Свободных, хотя ни намска на нее нет в их детских телах и их внешнем облике.

Лито нашарил рукоять крисножа с отравленным лезвием у себя на поясе. Ганима повторила его жест.

— Не спустится ли нам теперь? — спросила она. Произнося это, она заметила движение на расстоянии казавшемся не очень угрожающим. Она замерла — и Лито все понял еще до того, как она предупредила его вслух.

— Тигры, — сказал он.
— Лазанские тигры, — поправила она.
— Они нас видят.
— Лучше нам поспешить. Маула никогда не остановит таких созданий. Они наверняка хорошо на нее натасканы.
— Где-то поблизости — человек-наводчик. Лито первым начал спускаться вприпрыжку к скалам слева.

Ганима с ним согласилась, но вслух ничего не сказала, экономя силы. Где-то поблизости должен быть человек. Этим тиграм не позволили бы разгуливать на свободе до нужного момента.

Тигры быстро передвигались в последних остатках света, перепрыгивая со скалы на скалу. Скоро наступит ночь, время таких, как они. Колокольчиковая трель ночной птицы донеслась со Спутника, подчеркивая перемену. Порождения тьмы уже ожили в тенях выщербленных расщелин.

Бегущие близнецы отчетливо видели тигров. От зверей веяло налитой силой, каждое их движение было полно уверенности.

У Лито появилось ощущение, что он допустил ошибку, забравшись сюда и что здесь его жизнь окончится. Он бежал с твердым знанием, что и он, и Ганима вовремя достигнут узкой расщелины, но он не мог то и дело не оглядываться с восхищением на приближающихся зверей.

«Один раз споткнешься — и мы пропали», — подумал он.

Эта мысль поубавила в нем уверенности, и он побежал быстрее.

Глава 17

В предрассветный час Джессика неподвижно сидела на потрепанном коврикe из спайсовой ткани. Вокруг нее были голые скалы старого и бедного сьетча, одного из первоначальных поселений. Располагался он под Красным ушьем, заслоняемый от западных ветров пустыни. Ее доставили сюда ал-Фали и его собратья — и теперь они ждали слова Стилгара. На всякий случай федайкин проявил меры предосторожности, налаживая с ним связь. Стилгару не узнать, где они находятся.

Федайкин уже знал, что на них заведено Процесс-Вербал, официальное дело о преступлении против Империи. Алиа выдвинула обвинение, что ее мать подкупили, дабы склонить к лжесвидетельству, враги государства — хотя прямо Бене Гессерит не назывался. Самовластная, тираническая природа власти Алии была, однако, проявлена без обиняков, и теперь ее вера, что раз она контролирует Квизарат, ставший ее жречеством, то контролирует и Свободных, была поколеблена.

Послание Джессики Стилгару было прямым и простым: «Моя дочь одержима и должна быть подвергнута Испытанию».

Однако, страх разрушает ценности, и уже стало известно, что некоторые Свободные предпочли не верить этому обвинению. Попытки предъявлять обвинение, чтобы заручиться поддержкой и укрытием, вызвали две баталии за ночь, но орнитоптеры, угнанные людьми ал-Фали, доставили беглецов в это ненадежное убежище — Красное ущелье. Отсюда был кинут клич ко всем федайкинам, но меньше двух сотен их оставалось на Арракисе. Остальные получили посты по всей империи.

Размышляя над этими фактами, Джессика призадумалась, не достигла ли она места своей смерти. Некоторые федайкины тоже так полагали, но для воинов-смертников смерть — не пугало. Ал-Фали просто усмехнулся ей, когда один из его молодых людей поделился своим страхом.

— Когда Господь предопределяет, что его творение должно умереть там-то и там-то, он пробуждает в этом творении желание направиться в предназначенное место, — сказал старый наиб.

Зашелестели заплатанные занавеси на двери — вошел ал-Фали. Узкое, сожженное ветром лицо старика осунулось, взгляд был лихорадочным. Он явно не отдыхал.

— Кто-то идет, — сообщил он.

— От Стилгара?

— Возможно, — он опустил глаза и поглядел налево — так по старому обычаю Свободных поступал приносящий дурные новости.

— В чем дело? — спросила Джессика.

— Мы получили весть из Табра, что твоих внуков там нет, — проговорил он, не глядя на нее.

— Алия...

— От нее поступил приказ передать близнецов под ее опеку, но съезд Табр докладывает ей в ответ, что детей нет на месте. Вот все, что мы знаем.

— Стилгар отослал их в пустыню, — сказал Джессика.

— Возможно. Но известно, что он искал их всю ночь. Это могло быть уловкой с его стороны...

— Такое не в духе Стилгара, — сказала Джессика, и подумала: «Если только близнецы его не надоумили». Но и это тоже не очень походило на правду. Она подивилась самой себе: никакой паники или подавленности, ее страх за близнецов приглушен тем, что открыла ей Ганима. Поглядев на ал-Фали, она обнаружила, что тот смотрит на нее с жалостью. Она сказала:

— Они сами ушли в пустыню.

— В одиночку? Двое детей?

Она не стала объяснять, что эти «двое детей» знают, вероятно, о выживании в пустыне побольше всех живущих Свободных. Вместо этого ее мысли сосредоточились на странном поведении Лито, когда тот приказал ей позволить себя похитить. Лито сказал, он распознает момент, когда повиноваться его приказу.

— Посланец уже, должно быть, в сечте, — сказал ал-Фали. — Я провожу его к тебе, — и он исчез за заплатанной занавесью.

Джессика посмотрела на занавесь. Соткана она была из красных волокон спайса, но заплаты были голубыми. Этот сечт отказывался принять благо религии Муад Диба и в лице жречестве Алии нажил себе врага. Люди сечта, как было известно, вложили свои средства в проект разведения огромных псов величиной с пони, псов, выводимых для охраны детей. Все псы умерли. Некоторые говорили, что они были отравлены, и обвиняли жрецов.

Джессика тряхнула головой, отгоняя эти размышления, поняв, чем они являлись: гхафлой, привязчивым слепнем, отвлекающим от сосредоточенности на нужных мыслях.

Куда же отправились дети? В Джакуруту? У них был план. Они старались просветить меня до той степени, до которой, по их мнению, я восприму, припомнила она. А когда они дошли до точки, видевшейся им пределом моего восприятия, Лито приказал мне повиноваться.

Она услышала тихий шорох материи в коридоре за занавесью. Вошли два молодых Свободных из тех, кого они собрали за ночь в свой отряд, — явно испытывая благоговейный страх в присутствии матери Муад Диба. Джессика они были видны, как на ладони: из тех, кто не думает и потому привержен верить себя любой воображаемой власти, способной определить для них их личное место в мире. Они пусты, пока не заполнятся отраженным светом ее размышлений. А значит, они опасны.

— Ал-Фали послал нас вперед, чтобы мы тебя подготовили, — сказал один из них.

Джессика почувствовала, как ей словно тисками сдавило грудь, но голос ее остался спокойным:

— Подготовить меня к чему?

— Своим посланцем Стилгар прислал Данкана.

Джессика натянула на голову капюшон своей абы — бессознательный жест. Данкан? Но он ведь оружие Алии.

Тот Свободный, что сообщил это, сделал полшага вперед:

— Айдахо говорит, он прибыл, чтобы увезти тебя в безопасное место, но ал-Фали не понимает, как такое может быть.

— Да, это кажется чрезвычайно странным, — проговорила она. — Но в нашем мире случаются вещи и постраннее. Введите его.

Они посмотрели друг на друга, но повиновались — выйдя одновременно и так стремительно, что изношенная занавесь порвалась еще в одном месте.

Вскоре вошел Айдахо, сопровождаемый сзади двумя молодыми Свободными, и ал-Фали, с рукой на крисноже. Вид у Айдахо был собранный и спокойный. Одет он был в стилсют Стражей Дома Атридесов, униформу, почти не претерпевшую изменений за четырнадцать веков. Только криснож заменил прежний пластальной меч с золотой рукоятью.

— Мне сообщили, ты хочешь мне помочь, — сказала Джессика.

— Сколь ни странным это может показаться.

— Но разве Алиа не послала тебя меня похитить? — спросила она.

Лишь слегка поднявшиеся черные брови выдали его удивление. Сложносоставные тлейлакские глаза продолжали смотреть на нее, не дрогнув, с напряженным мерцанием.

— Таковы были ее приказы, — сказал Данкан.

Костяшки пальцев ал-Фали побелели, так сильно он стиснул свой криснож, но не извлек его.

— Большую часть ночи я провела, анализируя ошибки, которые я допустила в отношениях со своей дочерью, — сказала Джессика.

— Их было немало, — согласился Айдахо. — И большинство из них были моими собственными.

Она заметила теперь, что подбородок его дрожит.

— Легко было прислушиваться к доводам, сбивавшим нас с пути, — сказала Джессика. — Я хотела покинуть это место. А ты ... ты хотел девушку, в которой видел помолодевшую меня.

Он молчаливо с этим согласился.

— Где мои внуки? — осевшим голосом спросила она.

Он моргнул.

— Стилгар полагает, они ушли в пустыню — прячутся там. Возможно, они предвидели наступление этого кризиса.

Джессика взглянула на ал-Фали, подтвердившего кивком, что именно это она и предсказывала.

— Что делает Алиа? — спросила она.

— Угрожает гражданской войной, — ответил Данкан.

— Ты веришь, что до этого дойдет?

Айдахо пожал плечами:

— Вероятно, нет. Времена смягчились. Все больше людей склонно прислушиваться к разумным доводам.

— Согласна, — ответила она. — С этим ясно, а вот что с моими внуками?

— Стилгар найдет их — если ...

— Да, понимаю, — тогда это и впрямь будет работкой для Гурни Хэллека. Она повернулась и взглянула на каменную стену слева от нее. — Теперь Алиа крепко держит власть, — она опять поглядела на Айдахо. — Ты понимаешь? Власть в твоём распоряжении, пока ты не дорожишь ею. Иначе можно стать заложником власти, а отсюда и ее жертвой.

— Об этом всегда говорил мне мой Герцог, — сказал Айдахо.

Джессика каким-то образом поняла, что он имеет в виду старшего Лито, а не Пола.

— Куда мне предстоит быть доставленной при похищении? — спросила она.

Айдахо посмотрел на нее так, словно хотел разглядеть выражение ее лица под отбрасываемой капюшоном тенью.

Ал-Фали шагнул вперед:

— Миледи, вы ведь не думаете всерьез

— Разве не вправе я сама решать свою судьбу? — спросила Джессика.

— Но он... — Ал-Фали кивнул на Айдахо.

— Он был моим верным охранником еще до того, как родилась Алия, — проговорила Джессика. — И еще до того он погиб, спасая жизнь сына и мою. Мы, Атридесы, всегда соблюдаем определенные обязательства.

— Значит, вы поедете со мной? — спросил Айдахо.

— Куда ты ее повезешь? — в свою очередь спросил ал-Фали.

— Лучше, чтобы ты не знал, — ответила ему Джессика.

Ал-Фали помрачнел, но промолчал. На лице его отразились нерешительность, понимание мудрости слов Джессики, но и неразвешенные сомнения в надежности Айдахо.

— А что с федайкинами, которые мне помогли? — спросила Джессика.

— Стилгар гарантирует им свое покровительство, если они смогут добраться до съетча Табр, — сообщил Айдахо.

Джессика повернулась к ал-Фали:

— Приказываю тебе отправляться туда, мой друг. Стилгар сможет использовать федайкинов для поисков моих внуков.

Старый наиб потупил взгляд.

— Как прикажет мать Муад Дибя.

«Он до сих пор повинуется Полу», — подумала Джессика.

— Нам следует побыстрее отправляться отсюда, — сказал Айдахо. — Поиски наверняка охватят и этот район — и одним из первых.

Джессика подалась вперед и встала с той струящейся грацией, которая никогда окончательно не покидала Бене Гессерит, даже в лапах старости. А сейчас, после ночи перелетов, она чувствовала себя старой. Ее не покидало воспоминание о той странной беседе с внуком. Что он делает сейчас? Она мотнула головой, сделав вид, будто поправляет капюшон. Легко попасть в ловушку, недооценив Лито. Жизнь с обычными детьми обуславливает ложный взгляд на то наследие, которым обладают близнецы.

Внимание ее привлекла поза Айдахо. Он стоял в непринужденной готовности применить силу, одна нога впереди — стойка, которой она сама его учила. Она быстро глянула на двух молодых людей и

ал-Фали. Сомнения все еще грызли старика наиба, и двое юношей это ощущали.

— Я доверю этому человеку жизнь, — обратилась она к ал-Фали. — И не в первый раз.

— Миледи, — запротестовал ал-Фали. — Ведь он же ... — он метнул на Айдахо угрюмый взгляд. — Он муж Коан-Тин.

— Воспитанный мной и моим Герцогом, — сказала Джессика.

— Но он же гхола! — ал-Фали как выплюнул эти слова.

— Гхола моего сына, — напомнила ему Джессика.

Это было уже слишком для старого федайкина, некогда присягнувшего до смерти служить Муад Дибу. Он вздохнул, отступил в сторону и сделал знак двум юношам раздвинуть занавесь.

Джессика вышла из помещения, Айдахо вслед за ней. Обернувшись у порога, она заговорила с ал-Фали:

— Ты отправишься к Стилгару. Ему следует доверять.

— Да ... — но в голосе старика все еще слышалось сомнение.

Айдахо коснулся ее руки.

— Нам нужно немедленно отправляться. Что-нибудь хочешь взять с собой?

— Только мой здравый смысл, — ответила она.

— Почему? Ты боишься, что совершаешь ошибку?

Она взглянула на него.

— Ты всегда был лучшим водителем топтеров среди наших слуг, Данкан.

Он нисколько не повеселел. Обойдя ее, он быстро зашагал в обратном направлении, повторяя свой путь. Ал-Фали шел шаг в шаг рядом с Джессикой.

— Откуда ты узнала, что он прибыл на топтере? — спросил он.

— На нем нет стилсьюта, — ответила Джессика.

Ал-Фали, похоже, ошарашило это очевидное наблюдение. Но он продолжал говорить:

— Наш посыльный доставил его сюда прямо от Стилгара. Заметить их не могли.

— Вас не заметили, Данкан? — спросила Джессика в спину Айдахо.

— Разве ты меня не знаешь? — отозвался тот. — Мы летели ниже верхушек дюн.

Они свернули в боковой коридор, спустились по винтовой лестнице, выведшей их в итоге в открытую палату из бурого камня, хорошо освещенную высокими глоуглобами. Напротив дальней стены стоял одинокий орнитопртер, подобранный, как готовое к прыжку насекомое. Значит, эта стена — не настоящая скала, а дверь, открывающаяся в пустыню. Как ни беден был этот съетч, но были у него приспособления для маскировочного маневра.

Айдахо открыл ей дверь орнитоптера, помог сесть на сиденье справа. Пробираясь мимо него, она заметила испарину на его лбу с выбившимся завитком его похожих на черный каракуль волос. В ней всплыло незванное воспоминание о голове, из пробитого черепа которой хлестала кровь.

Стальной мрамор тлейлакских глаз прогнал это воспоминание. Ничто ей больше не мерещилось. Она стала застегивать ремень безопасности.

— Много времени прошло с тех пор, как ты возил меня по воздуху, Данкан, — сказала она.

— Давнее и далекое время, — ответил Данкан. Он уже проверял контрольные показания приборов.

Ал-Фали и двое юношей Свободных ждали у системы управления поддельной скалы, готовые открыть ее.

— Ты думаешь, я лелею подозрения против тебя? — тихо спросила Джессика у Айдахо.

Айдахо, весь внимание к управлению летательным аппаратом, включил импеллеры и наблюдал за движением иглы. Улыбка скользнула по его губам, быстрое и жесткое движение на рельефном лице, и пропала так же быстро, как появилась.

— Я до сих пор Атридес, — сказала Джессика. — А Алиа нет.

— Не бойся ничего, — скрипуче ответил он. — Я и так служу Атридесам.

— Алиа не Атридес, — повторила Джессика.

— Нечего мне напоминать! — огрызнулся он. — А теперь помолчи и дай мне поднять в воздух эту штуковину.

Отчаяние в его голосе было совершенно неожиданным, никак не соответствующим тому Айдахо, которого она знала. Вновь охваченная страхом, Джессика спросила:

— Что мы делаем, Айдахо? Теперь-то ты можешь мне сказать?

Но он кивнул ал-Фали, и лжескала отворилась в яркий солнечный свет. Орнитоптер прыгнул вперед и вверх, его крылья завибрировали от усилия, взревели реактивные двигатели, и они взвились в пустое небо. Айдахо взял юго-западный курс на хребет Саная, темной линией видневшийся над песком.

Вскоре он сказал:

— Не думай обо мне плохо, миледи.

— У меня ни разу не было о тебе неприятных мыслей с той ночи, как ты ввалился в большую залу Арракина, шумный и буйный после пива из спайса, — сказала она. Но его слова оживили ее сомнения.

— Я хорошо помню ту ночь, — сказал он. — Я был очень молод... неопытен.

— Но лучший фехтовальщик в свите моего Герцога.

— Не совсем, миледи. В шести состязаниях из десяти Гурни брал верх надо мной, — он взглянул на нес. — Где Гурни?

— Выполняет мою просьбу.

Данкан покачал головой.

— Ты знаешь, куда мы направляемся? — спросила она.

— Да, миледи.

— Тогда скажи мне.

— Очень хорошо. Я обещал, что организую правдоподобную видимость заговора против Дома Атридесов. И есть только один способ достичь этого, — он нажал кнопку на руле и со свистом выскочивший из сиденья Джессики сковывающий кокон обволок мягко, только голову оставив свободной. — Я везу тебя на Салузу Вторую, — сообщил Данкан. — К Фарадину.

В редком для нее неподконтрольном порыве, Джессика рванулась из пут, но они еще сильнее ее сдавили, посвободней стало только тогда, когда она расслабилась.

— Выброс шигавира отключен, — не глядя на нее сказал Данкан. — Ах, да, и не пробуй на мне Голос. Я проделал долгий путь с тех пор, как ты могла им на меня влиять, — он поглядел на нее. — Тлейлакс вооружил меня против подобных уловок.

— Ты повинешься Алии, — сказала Джессика, — а она ...

— Не Алии, — возразил он. — Мы выполняем наказ Проповедника. Он хочет, чтобы ты обучила Фарадина так, как некогда обучала ... Пола. Джессика оцепенело молчала, припоминая слова Лито, что она получит интересного ученика. Вскоре она спросила:

— Этот Проповедник, он мой сын?

Голос Айдахо прозвучал как будто с огромного расстояния:

— Хотелось бы мне знать.

Глава 18

— Ну! — вскричала Ганима.

Лито был, на два шага впереди нее на пути к узкой расселине и не колебался. Нырнув в трещину, пополз вперед, пока его не обволокла тьма. Он услышал, как позади него приземлилась Ганима, затем — внезапная тишь, и голос Ганимы, спокойный и неторопливый:

— Меня задели.

Он встал, зная, что при этом голова находится в пределах досягаемости ищущих когтей, развернулся всем телом и попятился назад, пока не нащупал руку Ганимы.

— Моя одежда, — сказала она, — ее зацепили.

Он услышал, как прямо под ними осыпаются камни, потянул к себе ее руку, но Ганима почти не двинулась ему навстречу.

Сопение и рык слышались ниже их щели.

Лито напрягся, уперся в скалу, потянул руку Ганимы сильнее. Лопнула ткань, он ощутил, как Ганима рывком сдвинулась с места. Она со свистом выдохнула, и он понял, что ей больно, но потянул еще раз, еще сильнее. Она еще чуть-чуть поддалась, затем окончательно сдвинулась с места, упала рядом с ним. Однако они были слишком близко к краю расщелины. Он повернулся, опустился на четвереньки и пополз вглубь. Ганима — за ним. По ее тяжелому дыханию Лито понял, что она ранена. Он подкрался к краю отверстия, перевернулся на спину и посмотрел вверх, на узкий вход в убежище. Отверстие было метрах в двух над ним. Потом что-то большое заслонило звезды.

Раскатистый рык пронизал тишину. Глубокий, угрожающий, первобытный звук — обращение охотника к жертве.

— Ты тяжело ранена? — спросил Лито, заставляя себя говорить спокойно.

В ее голосе тоже не было волнения:

— Один из них задел меня когтем. Распорол мой стилсьют вдоль левой ноги. У меня идет кровь.

— Сильно?

— Из вены. Я не могу ее остановить.

— Зажми рану. Не шевелись. Я позабочусь о наших друзьях.

— Осторожно, — сказала она. — Они крупнее, чем я ожидала.

Лито обнажил свой криснож и полез с ним наверх. Он понимал, что тигр все еще старается протиснуться вниз, когти скребли по узкому проходу.

Он медленно-медленно вытянул свой криснож. Что-то резко ударило по острию лезвия. Он всем телом ощутил удар, чуть не выпустив при этом нож. По его руке хлынула кровь, брызнула ему на лицо, и сразу же раздался оглушивший его вой. Стало видно звезды. Что-то метнулось прочь и покатилося со скал с яростным воплем большой кошки.

Опять звезды что-то заслонило, опять Лито услышал рык охотника. Место первого занял второй тигр, пренебрегая судьбой своего товарища.

— Они настойчивы, — сказал Лито.

— С одним наверняка покончено. Слышишь?

Визги снизу затихали. Второй тигр, однако, так и заслонял звезды.

— Как, по-твоему, у них нет третьего в запасе? — спросила Ганима.

— Вряд ли. Лазанские тигры охотятся парами.

— Совсем как мы, — сказала она.

— Как мы, — согласился он. Он почувствовал, как в ладонь ему скользнула рукоять ее крисножа, и крепко ее стиснул. И опять начал осторожно продвигаться к незваному гостю. Лезвие пронзало лишь воздух, даже тогда, когда он продвинулся до уровня, опасного для него самого. Он подался назад, чтобы решить, что делать.

- Не можешь его найти?
- Он ведет себя не так, как первый.
- Он все еще здесь. Чувствуешь его запах?

Лито глотнул сухой глоткой. В ноздри Лито ударило зловонное дыхание, мускусный запах кошки. Звезды были закрыты. Первого из кошачьих вообще не было слышно: яд доделал свою работу.

- По-моему, мне придется встать, — сказал он.
- Нет!
- Надо раздражить его, чтобы он оказался досягаем для ножа.
- Но мы ведь договорились, что, если одному из нас удастся избежать ранения ...

- А ранена ты, так что ты и пойдешь назад, — ответил он.
- Но если ты пострадаешь, я не смогу тебя бросить.
- У тебя есть идея получше?
- Отдай мне мой нож!
- Но твоя нога ...
- Я могу стоять на здоровой.
- Этот зверюга снесет тебе голову одним ударом. Может быть, маула ...

— Если кто-нибудь нас услышит, то догадается, что мы пришли сюда заранее подготовленными.

- Мне не по душе, чтобы ты так рисковала, — заявил Лито.
- Кто бы ни был снаружи, он не должен знать, что у тебя и у меня есть маула — пока еще не должен, — она коснулась его руки. — Я буду осторожной. Голову пригну.

Он безмолвствовал, и Ганима добавила:

- Ты знаешь, что именно я и должна это сделать. Отдай мне мой нож.

С неохотой он пошарил свободной рукой, нашел ее руку и вернул нож. Это было логично, но все его чувства возмущались против такой логики.

Он почувствовал, как Ганима отодвинулась в сторону, услышал, как с резким наждачным звуком чиркнуло о камень ее одеяние. Она тяжело вздохнула, и он понял, что она встала на ноги. Его так и подмывало оттащить ее назад и настоять, чтобы они воспользовались маулой. Но это могло предупредить кого-то снаружи: у них есть такое оружие. Хуже того, это отпугнуло бы тигра за пределы досягаемости, и они бы оказались тут как в ловушке с раненым тигром, подстерегающим их в неизвестном месте среди скал.

Ганима глубоко вдохнула, оперлась спиной на стену. «Мне надо быть быстрой,» — подумала она. Она двинула вверх острие ножа. Нога, разодранная когтями, пульсировала. Она ощущала, как там то подсыхает кровавая корочка, то по ней бежит тепло новых потоков крови. Очень быстрых! Она погрузилась по методу Бене Гессерит в безмятежное спо-

койствие, подготавливающее к опасному моменту, вытеснила из сознания боль и все отвлекавшее. Кошка должна сунуться ниже! Она медленно провела ножом по самым краям отверстия. Где же это проклятое животное? Она рубанула воздух. Ничего. Тигра надо спровоцировать на нападение.

Теплое дыхание доносилось слева от нее. Она собралась с духом, глубоко вдохнула и закричала: «Таква!» Это был старый боевой клич Свободных, перевод которого давался в самых древних легендах: «Цена свободы!» С этим кличем, она вскинула острое и пронзила тьму над расщелиной. Когти хватанули ее по локтю до того, как нож достиг тигра, и она лишь успела превозмогая боль сделать выпад в направлении источника боли, до того как агонизирующее страдание охватило ее руку от локтя до запястья. Сквозь боль она ощутила, как вошло в тигра отравленное острое. Нож выскочил из ее онемевших пальцев. Но очистилось небо над расщелиной, и ночь наполнилась воплями умирающей кошки. По этим воплям можно было понять, как животное в смертельной агонии заматалось, уходя вниз со скал. Вскоре наступила мертвая тишина.

— Он достал мою руку, — сказала Ганима, пытаясь перебинтовать рану болтающейся полой своей одежды.

— Сильно?

— По-моему, да. Не чувствую руки.

— Дай-ка я зажгу свет и ...

— Нет, пока мы не отойдем в укрытие!

— Я поспешу.

Она услышала, как он извивается, чтобы снять со спины свой фремкит, потом все погрузилось в лоснящуюся тьму: Лито перекинул палатку ей через голову и подоткнул под Ганиму полог, не став закреплять палатку, так, чтобы она стала влагонепроницаемой.

— Мой нож с этой стороны, — сказала она. — Я нашупываю его коленкой.

— Оставь его пока. — Он зажег маленький глоуглоб. От яркого света она моргнула. Лито поставил глоуглоб сбоку на песок — и задохнулся, увидев ее руку. Коготь нанес длинную зияющую рану, извивавшуюся по тыльной стороне ее руки от локтя почти до запястья. По ране видно было, как именно она крутила рукой, чтобы поразить отравленным острием лапу тигра.

Ганима взглянула на рану, закрыла глаза и принялась читать литанию против страха.

Лито подумал, что ему подобная литания нужна не меньше, но, подавив все бушующие в нем эмоции, стал бинтовать руку. Это следовало делать осмотрительно, чтобы и течение крови остановить, и сохранилась видимость, будто этот неуклюжий узел Ганима накрутила сама. Он дал ей затянуть узел свободной рукой — второй конец она держала зубами.

— Давай-ка теперь посмотрим ногу, — сказал он.

Она крутанулась на месте, чтобы показать другую рану. Не такую тяжелую: два поверхностных разреза ногтями по икре. Кровь из них, однако, натекла в стилсьют. Прочистив рану, как только мог, Лито забинтовал ее под стилсьютом. Костюм он наглухо заклеил поверх повязки.

— В рану попал песок, — сказал он. — Пусть ее обработают, как только ты вернешься.

— Песок в наших ранах, — сказала она. — Издавна это знакомо Свободным.

Он нашел в себе силы улыбнуться ей, сел посвободней.

Ганима глубоко вздохнула.

— Мы справились.

— Еще нет.

Она сглотнула, с усилием оправляясь от остаточного шока. В свете глоуглоба лицо ее было бледным. И она подумала: «Да, теперь мы должны двигаться быстро. Кто бы ни управлял этими тиграми — но он может быть сейчас совсем неподалеку».

У Лито, смотревшего на сестру, вдруг сердце сжало внезапное чувство потери. Он и Ганима теперь должны разделиться. С самого рождения все эти годы они были как один человек. Но их план требовал от каждого пойти своим путем, и совместный опыт их ежедневных переживаний никогда больше не объединит их.

Он вернулся к насущным проблемам.

— Я вынул перевязочные материалы из своего фремкита. Кто-нибудь может заметить.

— Да, — она обменялась с ним фремкитами.

— У того, кто снаружи, есть радиопередатчик, настроенный на этих кошек, — сказал Лито. — Вероятней всего, он будет ждать у кваната, чтобы убедиться, что с нами покончено.

Ганима коснулась пистолета маула, лежащего сверху во фремките, вытащила его и заткнула за кушак своего широкого одеяния.

— Моя одежда порвана.

— Да ... Ищущие скоро могут быть здесь. Может, предатель среди них. Пусть Харах тебя укроет.

— Я ... Я начну поиски предателя, как только вернусь, — она поглядела в лицо брата, разделяя его болезненное понимание, что с этого мига они будут все сильнее отличаться друг от друга. Никогда более они не будут единым целым, с совместным знанием, которого никто больше не способен постичь.

— Я направляюсь в Джакуруту, — сказал он.

— Фондак, — произнесла она.

Он кивнул, соглашаясь. Джакуруту-Фондак — это должно быть одно и то же место. Только так легендарное место и можно было скрыть.

Названо, конечно, контрабандистами. Как легко для них переменить одно название на другое, действуя под прикрытием того безмолвного соглашения, благодаря которому им позволялось существовать. Правящее семейство планеты всегда должно иметь черный ход для бегства при крайних обстоятельствах. И участие в разделе барышей от контрабанды сохраняло лазейку открытой. В Фондаке-Джакуруту контрабандисты владели полностью дееспособным съетчем, нетронутым местным населением. Они спрятали Джакуруту на глазах у всех, под защитой табу, заставлявших Свободных держаться от нее подальше.

— Ни одному Свободному не придет в голову искать меня в подобном месте, — сказал он. — Они, конечно, наведут справки среди контрабандистов, но ...

— Мы сделаем, как договорились, — ответила она. — Это просто ...

— Знаю, — услышав собственный голос, Лито понял, что они затягивают последние моменты полного схождения друг с другом. Горькая улыбка тронула его губы, сразу на годы его состарив. Ганима поняла, что смотрит сквозь завесу времени на повзрослевшего Лито. Глаза ее обожгли слезы.

— Незачем пока еще отлавать воду мертвым, — Лито обмахнул пальцем ее влажную щеку. — Я уйду достаточно далеко, где никто не услышит, и призову червя, — он указал на сложение хуки Создателя, пристегнутые к его фремкиту. — Я буду в Джакуруту еще до зари второго дня.

— Езжай быстро, мой добрый друг, — прошептала Ганима.

— Я вернусь к тебе, мой единственный друг, — ответил он. — Помни об осторожности у канала.

— Выбери себе хорошего червя, — ответила она прощальным напутствием Свободных. Лево́й рукой она погасила глоуглоб, зашуршало их темное укрытие, когда она стягивала его, скатывала и запихивала в свой фремкит. Она ощутила, как он уходит — только очень тихие звуки быстро таяли и стихали, когда он со скал спускался в пустыню.

«Если б только Лито остался в живых, чтобы узнать это,» — подумала она и не сочла эту мысль парадоксальной. Встав, она посмотрела на пустыню, где тигры настигли Лито. Оттуда доносился нарастающий шум, шум проходящего червя. Как ни редки они были в этих местах, но все же червь пришел. Может, предсмертная агония первой кошки ... Да, Лито убил одного зверя, прежде чем второй с ним разделался. Странная символика в том, что червь вздумал пожаловать. Так велико было полученное ею, что она видела три темных пятна на песке: двух тигров и Лито. Затем пришел червь, и только пробежавший волной след Шай-Хулуда остался на поверхности песка. Не очень большой червь ... Но достаточно велик. И ее внушение не позволяло ей видеть маленькую фигурку, едущую на окольцованной спине.

Борясь с печалью, Ганима запаковала свой фремкит и осторожно выскользнула из потайного места. Держа руку на пистолете маула, она изучающе обшарила глазами все вокруг. Ни следа человека с радиопередатчиком. Она взобралась вверх по скалам и через них к дальней стороне, держась в лунных тенях, выжидая и выжидая, чтобы удостовериться, что никакой убийца не таится на тропе.

За открытым пространством ей видны были светильники Табра, волнообразная активность поисков. Темное пятно двигалось по направлению к Спутнику. Она отбежала подальше к северу от приближающегося отряда, спустилась на песок и отошла в тень дюны. Осторожно, сбивая ритм своих шагов, чтобы не привлечь червя, она устремилась в пустое пространство, отделявшее съетч Табр от места, где умер Лито. Ничто не воспрепятствует ее рассказу о том, как ее брат погиб, спасая ее от тигров.

Глава 19

— Почему он нам это предлагает? — спросил Фарадин. — Вот в чем суть.

Они с Башаром Тайкаником стояли в зале для отдыха личных апартаментов Фарадина. Вэнсика сидела на красешке низкого голубого дивана, скорее как зрительница, чем участница. Она понимала свое положение и возмущалась им, но с того утра, когда она открыла Фарадину их замыслы, в нем произошла устрашающая перемена.

День над замком Коррино близился к закату, и низкий свет подчеркивал тихий комфорт залы, заставленной воспроизведенными в пластину настоящими книгами, с полками, представлявшими несметное множество бобин с записями, банков данных, свитков шигавира, мнемонических амплифайеров. Всюду были приметы, что этим помещением часто пользуются — потрепанные места на книгах, стертый до блеска металл на амплифайерах, износившиеся уголки на кубиках банка данных. В зале был только один диван, но много кресел — все свободно изменяемой формы, чтобы ничто не мешало комфорту.

Фарадин стоял спиной к окну. На нем был простой серо-черный мундир сардукара, украшали который лишь золотые львиные когти на воротнике. Он выбрал эту залу для приема своей матери и Башара, надеясь создать атмосферу более непринужденного общения, чем была бы достижима в обстановке официальной. Но постоянные «Милорд» и «Миледи» Тайканика сохраняли дистанцию.

— Милорд, по-моему, он бы не сделал это предложение, будь он неспособен его выполнить, — сказал Тайканик.

— Разумеется, нет! — вмешалась Вэнсика.

Фарадин смерил мать взглядом, заставившим ее умолкнуть, спросил:

— Мы ведь не оказывали никакого давления на Айдахо, не делали никаких попыток добиться выполнения обещания Проповедника?

— Никаких, — ответил Тайканик.

— Тогда почему Данкан Айдахо, особо известный всю жизнь своей фанатичной преданностью Атридесам, предлагает отдать леди Джессику в наши руки?

— Слухи о неурядице на Арракисе ... — рискнула вставить Вэнсика.

— Не подтверждено, — сказал Фарадин. — Возможно ли, чтобы это было подкинуто Проповедником?

— Возможно, — ответил Тайканик. — Но я не в силах постичь мотив.

— Он говорит, что ищет для нее убежища, — сказал Фарадин. — Могло бы соответствовать, если слухи ...

— Именно, — вставила его мать.

— Или это может быть какой-то уловкой, — сказал Тайканик.

— Мы можем выдвинуть несколько предположений и разобрать их, — сказал Фарадин. — Что, если Айдахо попал в немилость у леди Алии?

— Это бы все объяснило, — проговорила Вэнсика. — Но он ...

— До сих пор нет восточки от контрабандистов? — перебил Фарадин. — Почему мы не можем ...

— Линии связи всегда работают медленно в это время года, — ответил Тайканик. — И требования безопасности...

— Да, конечно, но все равно ... — Фарадин покачал головой. — Мне не нравится наше предложение.

— Не спеши его отвергать, — сказала Вэнсика. — Все эти сплетни про Алию и жреца, как его там ...

— Джавид, — сказал Фарадин. — Но этот человек явно ...

— Для нас он ценный источник информации, — сказала Вэнсика.

— Я как раз собирался сказать, что он явно двойной агент, — проговорил Фарадин. — Как он мог навлечь на себя такие обвинения? Ему больше не следует доверять. Слишком много признаков ...

— Но я их не вижу.

Ее тупость внезапно его разозлила.

— Поверь мне на слово, мама! Признаки есть — я объясню позже.

— Боюсь, я должен согласиться, — сказал Тайканик.

Уязвленная Вэнсика погрузилась в молчание. Как они смеют подобным образом выпихивать ее из Совета? Словно она какая-нибудь легкомысленная вертихвостка, которая ...

— Мы не должны забывать, что Айдахо некогда был гхойлой, — сказал Фарадин. — Тлейлакс ... — он покосился на Тайканика.

— Это будет обследовано, — заявил Тайканик. Он восхищался тем, как работает ум Фарадина: живо, пытливо, остро. Да, Тлейлакс, вернувший жизнь Айдахо, мог вмонтировать в него мощную кнопку для собственного использования.

— Но я не в силах уяснить мотив Тлейлакса, — сказал Фарадин.

— Капиталовложение в наше преуспевание, — предположил Тайканик. — Небольшая страховка ради будущих выгод?

— Я бы назвал это крупным капиталовложением, — сказал Фарадин.

— Опасным, — вставила Вэнсика.

Фарадин должен был с ней согласиться. Способности леди Джессики славилась по всей Империи. В конце концов, это именно она обучала Муад Дибя.

— Если станет известно, что она у нас, — сказал Фарадин.

— Да, меч обоюдоостр, — сказал Тайканик. — Но нет нужды делать это всеобщим достоянием.

— Допустим, — предположил Фарадин, — мы принимаем предложение. В чем ее ценность? Можем мы обменять ее на что-нибудь очень важное?

— Не в открытую, — сказала Вэнсика.

— Разумеется, нет, — Фарадин выжидающе взглянул на Тайканика.

— Это еще надлежит продумать, — сказал Тайканик.

— Да, — кивнул Фарадин. — По-моему, если мы согласимся, то нам следует рассматривать леди Джессику как деньги, отложенные на неопределенную цель. В конце концов, богатство вовсе не обязательно тратить на какую-то особую вещь. Оно просто ... потенциально полезно.

— Она будет очень опасной пленницей, — сказал Тайканик.

— Это, разумеется, тоже надо взвесить, — ответил Фарадин. — Мне рассказывали, что ее премудрость Бене Гессерит позволяет ей манипулировать человеком, лишь благодаря искусному применению своего голоса.

— Или своего тела, — добавила Вэнсика. — Однажды Ирулэн открыла мне некоторые из секретов, которым была обучена. Но она много задавалась в то время, и настоящих доказательств я не увидела. И все равно, существуют весьма убедительные данные, что у учениц Бене Гессерит есть свои способы достижения целей.

— Ты, предполагаешь, что она может меня соблазнить? — спросил Фарадин.

Вэнсика только пожала плечами.

— Я бы сказал, она для этого немножечко старовата, а? — осведомился Фарадин.

— О Бене Гессерит никогда ничего нельзя сказать наверняка, — ответил Тайканик.

Фарадин ощутил дрожь возбуждения, слегка окрашенного страхом. Игра в игру восстановления высокого престола власти Дома Коррино и привлекала, и отталкивала его одновременно. Насколько же оставалось заманчивым, побуждение бросить эту игру ради излюбленных занятий: исторических исследований и изучения столь внятных обязанностей правления Салузой Второй. Восстановление сардукарского войска — само по себе изрядная задача ... и для выполнения ее Тайканик так и оставался хорошим инструментом. Одна эта планета, в конце концов, огромная ответственность. Но Империя — еще большая ответственность и как орудие власти, намного привлекательней. И чем больше он читал про Муад Диба (Пола Атридеса), тем больше прельщали Фарадина возможности использования власти. Номинальный глава Дома Коррино, наследник Шаддама IV, каким великим достижением было бы вернуть свою династию на Львиный Трон. Он хочет этого! Хочет. Фарадин обнаружил, что, несколько раз повторив про себя это обворожительное заклинание, он может преодолеть минутные сомнения.

— ...и, конечно, — говорил Тайканик, — Бене Гессерит учит, что мир поощряет агрессию, отсюда разжигая войну. Парадокс ...

— Как мы перешли к этой теме? — спросил Фарадин, вновь обращая свое внимание к предмету дискуссии.

— Ну как же! — сказала Вэнсика. — Я просто спросила, знаком ли Тайк с направляющей философией Бене Гессерит.

— Не будем относиться к философии слишком почтительно, — произнося это, Фарадин повернулся лицом к Тайканику. — Что до предложения Айдахо, то, по-моему, нам надо навести дальнейшие справки. Когда мы воображаем, будто мы что-то знаем, то это именно в тот момент, когда надо приглядеться повнимательнее.

— Будет сделано, — Тайканику нравилась жилка осторожности в Фарадине, но он надеялся, она не повлияет на те военные решения, где требуются точность и решительность.

С кажущейся неловкостью Фарадин спросил:

— Вы знаете, что самое интересное в истории Арракиса? Обычай свободных дикарских времен — убивать каждого, попавшегося на глаза без стилсьюта с его легко различимым и характерным капюшоном.

— Что тебя восхищает в стилсьюте? — спросил Тайканик.

— Значит, ты уловил, да?

— Да что мы могли уловить? — спросила Вэнсика.

Фарадин бросил на мать раздраженный взгляд — и что она вмешивается таким образом? И сосредоточил свое внимание на Тайканике:

— Стилсьют — ключ к характеру планетянина, Тайк. Это отличительная черта Дюны. Люди склонны сосредотачиваться на физических характеристиках: стилсьют сохраняет влагу тела,

рециклирует ее и делает возможным существование на этой планете. Ты ведь знаешь: у Свободных был обычай иметь по одному стилсьюту на каждого члена семьи, кроме собирателей пищи. Те еще имели и запасной. Но оба, вы заметьте, пожалуйста... — он сделал жест, охватывающий и его мать. — Насколько повсей Империи вошли в моду одеяния, имеющие видимость стилсьютов, но ими на самом деле не являющиеся. Одна из главенствующих людских черт — подражать завоевателю!

— Ты действительно считаешь, что эта информация полезна? — озадаченно спросил Тайканик.

— Тайк, Тайк, нельзя править, не имея такой информации. Я сказал, что стилсьют — ключ к характеру, и так оно и есть! Это вещь консервирующая. И те ошибки, что они совершат, будут ошибками консервативности.

Тайканик бросил взгляд на Вэнсику, встревоженно и хмуро смотревшую на своего сына. Предложенные Фарадином характеристики и привлекали, и беспокоили Башара. Совсем не похоже на старого Шаддама. Нет, тот был по сути своей сардукаром — воякой-убийцей почти без сдерживающих центров. Но Шаддам пал пред Атридесами, сокрушенный этим проклятым Полом. Да, то, что Тайканик читал о Поле, указывало на те же черты, какие сейчас были обрисованы Фарадином. Вполне вероятно, что Фарадин будет меньше колебаться, чем Атридесы, если жестокость будет необходима, скажется его сардукарская выучка.

— Многие правили и не пользуются информацией такого рода, — сказал Тайканик.

Фарадин пристально поглядел на него одно мгновение. Затем сказал:

— Правили и терпели провал.

Рот Тайканика сжался при этом явном намеке на крушение Шаддама. Это ведь было и крушение сардукаров, и ни один сардукар не способен был вспоминать о нем с легким сердцем.

Отпустив это замечание, Фарадин сказал:

— Видишь ли, Тайканик, влияние планеты на сознание ее обитателей никогда полностью не осмыслялось. Чтобы нанести поражение Атридесам, мы должны понимать не только Келадан, но и Арракис: одна планета приветлива, другая — тренировочная площадка для крутых решений. Союз Атридесов и Свободных — это явление уникальное. Мы должны разобраться, как оно работает, или мы не сможем сравняться с ними, не говоря уже о том, чтобы их победить.

— Что это имеет общего с предложением Айдахо? — спросила Вэнсика.

Фарадин жалостливо глянул на мать.

— Их поражение начнется с того потрясения, которое охватит их общество. Это очень могучее оружие — потрясение. И отсутствие его то-

же важно. Разве вы не замечали, что Атридесы способствуют легкому и беспрепятственному развитию здесь, у нас?

Тайканик позволил себе коротко кивнуть в знак согласия. Хорошее замечание. Нельзя было бы позволять сардукарам развиваться так беспрепятственно. Но предложение Айдахо продолжало его смущать. Он сказал:

— Может быть, лучше всего было бы опровергнуть это предложение.

— Пока еще нет, — возразила Вэнсика. — Перед нами широкое поле выбора. Наша задача — исследовать все вероятности, какие только возможно. Мой сын прав — нам нужно больше информации.

Фарадин пристально на нее поглядел, оценивая ее намерения, точно так же, как и внешнюю сторону его сказанного.

— А мы сообразим, когда минуем точку, за которой больше нет свободы выбора? — спросил он.

— Если меня спросите, мы давно уже миновали эту точку, и возврата нет, — кисло хмыкнул Тайканик. Фарадин запрокинул голову и громко расхохотался.

— Возврата нет, но выбор есть, Тайканик! Когда мы дойдем до конца каната, трудно будет не понять, где мы находимся!

Глава 20

Ганима пробиралась назад в Табр очень медленно и осторожно, держась в глубочайших тенях дюн, неподвижно съеживаясь, когда к югу от нее проходил поисковый отряд. Сознание ее было охвачено ужасом — червь, пожравший тигров и Лито, опасности впереди. Он погиб, ее брат-близнец погиб. Она подавила слезы, нянча свою ярость. В этом она была чистойшей Свободной. И она знала и гордилась этим.

Она поняла то, что говорилось о Свободных. Они, якобы, не имели совести, утерав ее в жгучей жажде мести тем, кто гонял их с планеты на планету в их долгих странствиях. Глупость, конечно. Только у самых диких, первобытных нет совести. У Свободных — высоко-развитая совесть, сосредоточенная на их благополучии. Только пришельцам они кажутся зверями, точно так же, как пришельцы кажутся зверями Свободным. Всякий Свободный очень хорошо знает, что способен совершить жестокость, не испытав вины за то, что пробуждает это чувство в других. Их ритуалы обеспечивают им избавление от этого.

У канала ее не подстерегали никакие враги. Даже поисковые отряды ушли куда-то. Она пересекла канал по земляному мосту, прокралась

сквозь высокую траву к тайному выходу из съетча. Внезапно впереди нее полыхнул свет, и Ганима ничком распростерлась на земле. Она глядела сквозь высокие стебли алфалфы. Снаружи в проход вошла женщина. В тревожные времена всякого, приходящего в съетч встречали яркой вспышкой света, чтобы на время ослепить пришельца и дать возможность охране принять решения. Но такой свет никогда не должен был светить далеко в пустыню. Яркий свет означал, что отомкнуты внешние запоры.

У Ганимы тревожно сжалось сердце: это нарушение законов безопасности съетча — струящийся свет. Да, везде и всюду признаешь этих Свободных в кружевных рубашках!

Свет стался веером на землю перед основанием кручи. Из тьмы сада выбежала девушка, что-то робкое было в ее движениях. Ганиме виден был яркий круг глоуглоба внутри прохода и ореол насекомых вокруг него. Мужчина и девушка стояли, взявшись за руки и глядя в глаза друг другу.

Ганима ощутила что-то необычное. Это были не просто любовники, подстерегающие момент, чтобы ускользнуть из съетча. Свет был рассеян в проходе над ними и позади них. Они разговаривали на фоне светящейся арки, отбрасывая наружу длинные тени, где каждый мог наблюдать за их движениями. Мужчина то и дело освобождал руку и делал жест — быстрый и резкий жест украдкой, который тоже воспроизводился отбрасываемыми тенями.

Тьму вокруг наполнили одиночные звуки ночных созданий. Ганима отгородила сознание от этих отвлекающих звуков.

Так что же с этими двумя неладного?

Движения мужчины так осторожны.

Он повернулся. Отражение от одеяния девушки осветило, мясистое красное лицо с большим пятнистым носом. Ганима испустила глубокий и бесшумный вздох узнавания. Внук наиба, сыновья которого пали на службе Атридесов. Лицо — и еще одно, обнажившееся, когда пола его робы взметнулась при повороте, — составили для Ганимы законченную картину. Под накидкой у него был пояс, а к поясу пристегнута коробочка, поблескивавшая рычажками и циферблатами. Наверняка, изделие Тлейлакса или Икшиана. И, несомненно, передатчик, освободивший тигров. Палишамба. Это означало, что еще один наиб перешел на сторону Дома Коррино.

Кто же тогда эта женщина? Неважно. Кто-то, кого Палишамба использует.

Мысль Бене Гессерит вдруг вторглась в сознание Ганимы: «У каждой планеты свой собственный срок, равно как и у каждой жизни».

Она припомнила Палишамбу, наблюдая за ним и этой женщиной, видя его передатчик, его тайные жесты. Палишамба преподавал в школе съетча математику. Начетчик и невежда. Попытался объяснить учение Муад Дибя через математику, пока Жречество этого не запретило. Пора-

ботитель умов, и процесс этого порабощения можно было понять предельно просто: он передавал технические знания, не передавая истинных ценностей.

«Мне бы следовало заподозрить его раньше, — подумала она. — Все признаки были налицо».

Жгущая мысль пронизала ее: «Он убил моего брата!»

Она заставила себя успокоиться. Палишамба и ее убьет, если она попытается настичь его здесь, в тайном входе. Теперь она поняла, и почему совсем не в духе Свободных свет выставлен напоказ, выдавая секретный вход. В этом свете они наблюдали, не ускользнул ли кто-нибудь из жертв. Наверняка испытание для них — ждать так в незнании. И теперь, когда Ганима разглядела передатчик, она могла с уверенностью объяснить движения руки. Палишамба часто и сердито нажимал на один из рычажков передатчика.

О многом говорило Ганиме присутствие этой пары. Весьма вероятно, подобный наблюдатель таится в глубине у каждого входа в сьютч.

В носу зашкотала от пыли. Ее раненая нога продолжала пульсировать, а руку то ломило, то жгло. Пальцы оставались бесчувственными. Если дойдет до использования ножа, ей придется держать его в левой руке.

Ганима подумала о том, что надо воспользоваться пистолетом маула, но его характерный звук наверняка привлечет нежелательное внимание. Следовало найти другой путь.

Палишамба опять отвернулся от входа — темная фигура на фоне света. Наружу стала смотреть разговаривавшая с ним женщина: она знала, как краем глаза следить за тенями. Значит, она не была просто полезным орудием. Она была частью заговора.

Теперь Ганима припомнила, что Палишамба домогался места Каймакана, политического губернатора Регентства. Он часть более широкого заговора, это ясно. У него много сторонников. Даже здесь, в Табре, Ганима рассматривала все грани возникавшей таким образом проблемы, исследуя ее.

Если бы ей удалось хоть одного из этих стражей захватить живьем, то заплатились бы и многие другие.

Внимание Ганимы привлекло «ф-ссс» небольшого животного, пьющего из кваната. Естественные звуки и естественные вещи. Память ее отправилась в поиск через странный барьер безмолвия в ее мозгу, нашла там жрицу Джоуфа, взятую в плен в Ассирии Сенначерибом. Воспоминания этой жрицы подсказали Ганиме, что следует делать. Палишамба и женщина были просто детьми, загораживающими путь и опасными. Они ничего не знали о Джоуфе, не знали даже о той планете, на которой Сенначериб и жрица обратились в прах. То, что вот-вот должно было произойти с парой заговорщиков, могло бы быть объяснением им.

Перекатившись на бок, Ганима скинула фремкит, отстегнула трубку пескошноркеля, откупорила ее, удалила длинный фильтр. Теперь у нее была сквозная трубочка. Выбрала иголку из запасного ремонтного комплекта, обнажила криснож и обмакнула иголку в полость с ядом на кончике ножа — туда, где некогда находился нерв червя. Раненая рука затрудняла ей работу. Движения ее были медленны и осторожны. С опаской держа отравленную иглу, она извлекла из набора комков спайсовой ваты. Тупой конец иглы она туго закрепила в этом комке и затем также туго вогнула свой металлический снаряд в трубку пескошноркеля.

Прямо держа свое оружие, Ганима подползла чуть ближе к свету, двигаясь медленно, чтобы как можно меньше задевать стебли алфалфы. При этом она внимательно присматривалась к танцующему скоплению насекомых. Да, среди них были мухи пьюм, известные своими болезненными укусами. Отравленное острие может остаться незамеченным — по нему хлопнут, как по укусившей мухе, и смахнут с тела. Оставалось решить, кого из них поразить — мужчину или женщину.

Муриц. Имя само по себе всплыло в памяти Ганимы. Так звали женщину. Ей припомнилось то, что о ней говорилось. Одна из тех, кто вьется вокруг Палишамбы, как насекомые вокруг источника света. Она слабее, на нее легче воздействовать.

Очень хорошо. Палишамба выбрал на сегодняшнюю ночь неподходящую напарницу.

Ганима поднесла трубку ко рту, осторожно вздохнула — и выдула воздух одним мощным толчком.

Палишамба хлопнул по щеке, отвел руку с пятнышком крови на ней. Иглы нигде не было видно, он своей собственной рукой смахнул ее прочь.

Женщина сказала что-то утешающее, и Палишамба рассмеялся. Он еще смеялся, но его ноги начали уже подкашиваться. Он осел на женщину, пытавшуюся его поддержать. Она зашаталась под его тяжестью. В это время к ней подошла Ганима и прижала к ее пояснице острие обнаженного крисножа.

Словно болтая о пустяках, Ганима сказала:

— Без лишних движений, Муриц. Мой нож отравлен. Можешь отпустить Палишамбу. Он мертв.

Глава 21

— Наверное, незачем вам это говорить, — сказал Фарадин, — но, во избежание любых ошибок, я сообщу, что здесь скрыт тайный наблюдатель, которому приказано убить вас обоих, если только во мне проявятся признаки, что я поддаюсь колдовским чарам.

Он не ожидал, что его слова произведут какой-то эффект. И леди Джессика, и Айдахо полностью соответствовали его представлениям.

Фарадин тщательно выбирал обстановку для первого допроса этой пары и остановился на прежней Палате Государственных Аудиенций Шаддама. То, что она проигрывала в величественности, наверстывалось экзотикой обстановки. Снаружи был зимний день, но светом в этом помещении без окон создавался бесконечный летний, залитый золотым светом искусно размещенных глоуглобов из чистейшего иксианского хрусталя.

Новости с Арракиса наполнили Фарадина тихой робостью. Лито, брат-близнец, мертв, убит тигром-убийцей. Ганима, выжившая сестра, под опекой своей тетки и, как предполагалось, заложница. Полный доклад во многом объяснил появление Айдахо и леди Джессики. Они искали убежища. Шпионы Коррино докладывали о непрочном перемирии на Арракисе. Алия согласилась подвергнуться проверке, называемой «Испытание на Одержимость», цель которой не полностью была объяснена. Однако не было назначено даты испытания, и шпионы Коррино полагали, что она никогда не будет объявлена. Хотя вот что было несомненным: сражения между Свободными пустыни и Свободными Вооруженных Сил Империи, зачатки гражданской войны, временно парализовавшие правительство. Владения Стилгара являлись теперь нейтральной зоной, предназначенной для обмена заложниками. Ганима явно рассматривалась как одной из них, хотя оставлось неясным, что же именно ждать в отношении нее.

Джессика и Айдахо были доставлены на встречу надежно привязанными к суспензерным креслам. Их опутывали угрожающие тонкие нити шигавира, которые бы впились в тело при малейшей попытке освободиться. Доставили их два сардукарских пехотинца, проверили пути и молча удалились.

Предупреждение было, разумеется, излишним. Джессика заметила вооруженного немого справа от нее, со старым, но эффективным метательным оружием в руке. Взгляд ее стал блуждать по экзотической отделке комнаты. Широкие листья редких железных кустов были отделаны

крупными жемчужинами и переплетались, образуя центральный полумесяц купольного потолка. Пол был выложен алмазным деревом и раковинами кабузу, оправленными в прямоугольные рамочки из кости пассакаста. Из них же были сделаны и плитуса, обрезанные лазером и отполированные. Отобранные твердые материалы украшали стены тисненными переплетающими узорами, окаймлявшими четыре львиных символа — герб, права на который почитали своими потомки покойного Шаддама IV. Львы были сделаны из самородного золота.

Фарадин решил принимать пленников стоя. На нем были короткие форменные брюки и светло-золотистая куртка с шелковым, как у эльфа, воротом. Единственным украшением на нем была величественная пылающая звезда — знак его королевской семьи — слева на его груди. Сопровождавшие его Башар Тайканик был облачен в сардукарский мундир дубленой кожи и тяжелые ботинки; в пристегнутой спереди, у пряжки ремня кобуре, был богато разукрашенный лазерный пистолет. Тайканик, суровое лицо которого было знакомо Джессике по докладам Бене Гессерит, стоял тремя шагами левее и чуть сзади Фарадина. Единственный трон темного дерева стоял у стены прямо позади Фарадина и Тайканика.

— Ну, — Фарадин обратился к Джессике, — что у вас имеется мне сказать?

— Я бы осведомилась, почему мы связаны? — Джессика жестом указала на шигавир.

— Мы только что получили донесения из Арракиса, объясняющие ваше присутствие здесь, — сказал Фарадин. — Возможно, мне скоро придется вас освободить, — он улыбнулся. — Если вы ... — он осекся, потому что через парадную дверь позади пленников вошла его мать.

Вэнсика торопливо прошла мимо Джессики и Айдахо, даже на них не взглянув, и, вручив Фарадину кубик послания, включила его. Фарадин посмотрел на засветившуюся сторону, бросил мимоходом взгляд на Джессику, опять перевел глаза на кубик. Изображение померкло, и он вернул кубик матери, знаком показав ей, чтобы она передала послание Тайканику. Пока она передавала, он хмуро посмотрел на Джессику.

Вскоре Вэнсика уже стояла справа от Фарадина, погасший кубик в ее руке частично был скрыт в складке ее белого платья.

— Бене Гессерит недоволен мной, — сказал Фарадин. — Они считают меня ответственным за смерть вашего внука.

Лицо Джессики не выразило никаких эмоций. Она подумала: «Значит, рассказу Ганимы нужно доверять, если только не ...» Она не любила подозревать неизвестное.

Айдахо закрыл глаза и открыв их, взглянул на Джессику. Та продолжала смотреть на Фарадина. Айдахо рассказал ей о своем видении

Рхаджии, но она, вроде бы, не беспокоилась. Он не знал, к чему отнести ее безразличие. Хотя она явно знает что-то, чего не открывает.

— Такова ситуация, — сказал Фарадин и принялся рассказывать обо всем, что он знал о событиях на Арракисе, ничего не упуская. — Ваша внучка выжила, но она, судя по всему, под опекой леди Алии. Это должно вас радовать, — закончил он.

— Мосго внука убил ты? — спросила Джессика.

Фарадин ответил правду:

— Нет. Недавно я узнал о заговоре, но затеян он был не мной.

Джессика взглянула на Вэнсику, увидела злорадство на ее лице сердечком и подумала: «Ее работа. Козни львицы ради своего львенка. Из тех игр, о которых львица может еще сильно пожалеть».

Вновь перенеся внимание на Фарадина, Джессика сказала:

— Но Сестры убеждены, что убил его ты.

Фарадин повернулся к матери:

— Покажи ей послание.

Поскольку Вэнсика заколебалась, он заговорил, едва сдерживая гнев, что Джессика немедленно отметила, чтобы воспользоваться в будущем:

— Я сказал — покажи ей!

С бледным лицом Вэнсика поднесла рабочую поверхность кубика к глазам Джессики, включила его. По экранчику поплыли слова, скорость их прохождения соразмерялась с движением глаз Джессики: «Совет Бене Гессерит на Валлах Девятой выдвинул официальный протест против Дома Коррино за убийство Лито Атридеса II. Доводы и наличествующие улики направляются во Внутренний Комитет Безопасности Ландсраада. Будет выбрана нейтральная территория, имена судей будут представлены на одобрение всем сторонам. Требуем вашего незамедлительного ответа. От Ландсраада — Сабит Рескуш».

Вэнсика вернулась и встала рядом с сыном.

— Как вы собираетесь ответить? — спросила Джессика.

— Поскольку мой сын не введен еще официально в ранг главы дома Коррино, я буду ... Куда ты уходишь? — последнее адресовалось Фарадину, повернувшемуся и направившемуся к боковой двери возле бдительного немого.

Фарадин сделал паузу, затем полуобернулся:

— Назад к моим книгам и моим занятиям, которые для меня намного интересней.

— Как ты смеешь? — воскликнула Вэнсика, на лицо ее набежала мгновенная тень.

— Я очень немного смею ради себя самого, — ответил Фарадин. — Ты от моего имени принимаешь решения, которые я нахожу крайне противными. Либо с этого момента я сам буду решать, либо поищи Дому Коррино другого наследника!

Джессика, быстро переводившая взгляд с одного на другого участников стычки, увидела на лице Фарадина неподдельный гнев. Башар стоял, застыв по стойке «смирно», всем своим видом стараясь показать, что он ничего не слышит. Вэнсика заколебалась на грани необузданной вспышки ярости. Фарадину, вроде бы был совершенно безразличен любой исход его хода ва-банк. Джессика даже восхитилась его позицией — улавливая в этой стычке многое, что могло оказаться для нее ценным. Похоже было, решение наслать на ее внуков тигров-убийц было принято без ведома Фарадина. Немного оставалось сомнений в правдивости его слов, что он узнал о заговоре только тогда, когда тот был уже запущен. Нельзя было ошибиться в истинности гнева в его глазах, пока он стоял, ожидая решения.

Вэнсика сделала глубокий вздох. Затем сказала:

— Очень хорошо. Официальное введение в должность состоится завтра. Можешь заранее действовать сейчас, как наделенный всей полнотой власти. Она взглянула на Тайканика, спрятавшего от нее глаза.

«Между матерью и сыном будет яростная схватка, как только они выйдут отсюда, — подумала Джессика. — Но я верю, что победит он». Она вернулась мыслями к посланию Ландсраада. Бене Гессерит рассылал свои весточки с тонкостью, делавшей честь их подуманной расчетливости. Под оболочкой официального протеста скрывалось послание для глаз Джессики. Сам факт послания говорил, что шпионы Сестер знают о положении Джессики и что Бене Гессерит очень точно оценивает Фарадина в своем предположении, что он покажет это послание своей пленнице.

— Я бы хотела получить ответ на свой вопрос, — обратилась Джессика к Фарадину, когда тот вернулся и вновь оказался лицом к лицу с ней.

— Я сообщу Ландсрааду, что не имею ничего общего с убийством, — ответил Фарадин. — Я добавлю, что разделяю глубокое отвращение Сестер к тому, как это было сделано, хотя и не могу быть от всей души огорчен исходом. Приношу мои извинения за скорбь, которую это, может быть, вам причиняет. От судьбы не уйдешь.

«От судьбы не уйдешь!» — это было любимой присказкой ее Герцога, и что-то в интонации Фарадина показывало, что это было ему известно. Она заставила себя исключить вероятность того, что Лито действительно убит. Она должна считать страхи Ганимы за Лито полностью обнажившимся замыслом близнецов. А тогда контрабандисты обеспечат встречу Гурни и Лито, и в ход будут пушены механизмы Бене Гессерит. Лито должен будет пройти испытание. Должен. Без испытания он обречен, как Алия. А Ганима ... Что ж, это можно обдумать потом. Нет способа направить предрожденных к Преподобной матери Гаиус Хэлен Моахим.

Джессика глубоко вздохнула.

— Раньше ли, позже, — сказала она, — кому-нибудь придет в голову, что ты и моя внучка могли бы объединить два Дома и залечить старые раны.

— Это было мне уже сказано в одном из вариантов, — Фарадин быстро глянул на мать. — Я ответил, что предпочту подождать исхода последних событий на Арракисе. Нет надобности в поспешных решениях.

— И никуда не денется вероятность того, что ты уже сыграл на руку моей внучки, — сказала Джессика.

Фарадин напрягся.

— Объясните.

— Дела на Арракисе не таковы, какими могут тебе показаться, — проговорила Джессика. — Алия играет свою собственную игру. Игру Богомерзости. Моя внучка в опасности, если только Алия не надумала, как ее можно использовать.

— Вы хотите, чтобы я поверил, будто бы вы и ваша дочь противостоят друг другу, будто Атридесы сражаются против Атридесов?

Джессика поглядела на Вэнсику, затем опять на Фарадина.

— Коррино ведь сражаются против Коррино.

Губы Фарадина тронула кислая улыбка.

— Хорошо поддели. И как же я сыграл бы на руку вашей внучке?

— Оказавшись замешанным в смерти моего сына и в похищении меня.

— В похищении ...

— Не доверяй этой ведьме, — предостерегла Вэнсика.

— Я выберу, кому доверять, мама, — ответил Фарадин. — Простите меня, леди Джессика, но насчет похищения я не понимаю. Я думал, что вы и ваш верный вассал ...

— Являющийся мужем Алии, — проговорила Джессика.

Фарадин смерил Айдахо оценивающим взглядом и повернулся к Башару:

— Что думаешь, Тайк?

Мысли Башара явно были сходны с высказанными Джессикой.

— Мне нравятся ее доводы. Осторожность! — сказал он.

— Он — гхола-ментат, — проговорил Фарадин. — Даже подвергнув его смертельному испытанию, мы можем не получить определенного ответа.

— Но предположение, что нас, вполне возможно, провели, вполне достоверно, — сказал Тайканик.

Джессика поняла, что настал момент сделать ход. Если только печаль Айдахо заставит и дальше держаться в пределах выбранной им роли. Ей не хотелось использовать его таким образом, но были более важные соображения.

— Начать с того, — сказала Джессика, — что я могу открыто заявить: я прибыла сюда по собственному выбору.

— Интересно, — сказал Фарадин.

— Вам бы надлежало доверять мне и предоставить мне полную свободу на Салузе Второй, — сказала Джессика. — Никак нельзя по мне вообразить, будто я говорю по принуждению.

— Нет! — запротестовала Вэнсика.

Фарадин ее проигнорировал.

— Какие у вас есть доводы?

— То, что я полномочный представитель Бене Гессерит, посланный сюда, чтобы заняться твоим образованием.

— Но Сестры обвиняют ...

— Это требует от тебя решительных действий, — сказала Джессика.

— Не доверяй ей! — провозгласила Вэнсика.

Фарадин, взглянув на нее, сказал с предельной учтивостью:

— Если ты еще раз меня перебеешь, мама, я велю Тайку тебя удалить. Он слышал, как ты согласилась на мое официальное введение в права. А это переподчиняет его мне.

— Она ведьма, говорю тебе! — Вэнсика поглядела на него у стены.

Фарадин заколебался и спросил:

— А ты что думаешь, Тайк? Я околдован?

— По моему разумению, нет. Она ...

— Вы оба околдованы!

— Мама, — тон его голоса был беспристрастен и непоколебим.

Вэнсика стиснула кулаки, попробовала заговорить, развернулась всем телом и вылетела из помещения.

Опять обращаясь к Джессике, Фарадин спросил:

— Согласится ли с этим Бене Гессерит?

— Да.

Фарадин продумал все из этого вытекающее, натянуто улыбнулся.

— Чего Сестры хотят всем этим достичь?

— Твоего брака с мосй внучкой.

Айдахо бросил на Джессику вопрошающий взгляд, шевельнулся, будто собираясь заговорить, но промолчал.

— Ты собирался что-то сказать, Данкан? — спросила Джессика.

— Я собирался сказать, что Бене Гессерит хочет того же, чего всегда хотела — такого миропорядка, который бы им не докучал.

— Очевидное предположение, — сказал Фарадин. — Но не понимаю, почему ты с ним вклинился.

Пути шигавира не позволяли Айдахо пожать плечами, поэтому он только поднятием бровей выразил свои чувства. И улыбнулся смущенно.

Фарадин, увидевший улыбку, резко повернулся к Айдахо:

— Я тебе смсшон?

— Мне вся ситуация смешна. Кто-то из твоей семьи договорился с Космическим Союзом, чтобы они доставили на Арракис орудия убийства, орудия, предназначение которых невозможно было скрыть.

Ты оскорбил Бене Гессерит, убив того, кого они хотели для своей программы разви...

— Ты называешь меня лжецом, гхола?

— Нет. Я верю, что ты не знал о заговоре. Но я подумал, что ситуацию нужно прояснить.

— Не забывай, что он ментат, — предупредила Джессика.

— Именно об этом я и думаю, — Фарадин опять повернулся к Джессике. — Допустим, я освобожу вас, и вы выступите со своим заявлением. Все равно останется дело о смерти вашего внука. Ментат прав.

— Это сделала твоя мать? — спросила Джессика.

— Милорд! — остерег Тайканик.

— Все в порядке, Тайканик, — Фарадин непринужденно махнул рукой. — А если я скажу, что это моя мать?

Рискнув проверить, насколько глубока внутренняя трещина между Коррино, Джессика сказала:

— Ты должен осудить ее и изгнать.

— Милорд, — сказал Тайканик. — Здесь могут быть плутни внутри плутен.

— И если кто стал их жертвой, то это мы с леди Джессикой, — сказал Айдахо.

Фарадина сжал губы.

А Джессика подумала: «Не вмешивайся, Данкан! Не сейчас!» Но слова Данкана привели в действие ее собственные логические способности Бене Гессерит. Он ее потряс. Она начала сомневаться, возможно ли, что ее используют таким образом, которого она не понимает. Ганима и Лито ... Прирожденные, способные черпать из внутреннего опыта бесчисленных существований, их запасник, в котором можно найти совет более мудрый, чем тот, от которого зависит любящая из живущих Бене Гессерит. И есть еще один вопрос: совершенно ли были с ней откровенны ее же Сестры? Они могли до сих пор ей не доверять. В конце концов, она однажды их предала ... ради своего Герцога.

Фарадин, недоуменно нахмурясь, посмотрел на Айдахо.

— Ментат, мне нужно знать, что значит для тебя этот Проповедник.

— Он устроил наше прибытие сюда. Я ... Мы не перемолвились и десятью словами. Другие действовали от его имени. Он вполне может быть ... Он вполне может быть Полом Атридесом, но у меня недостаточно данных для полной уверенности. Все, что я знаю наверняка — для меня наступило время удалиться, и у него были для этого средства.

— Ты говоришь, что тебя околпачили, — напомнил Фарадин.

— Алия рассчитывает, что ты нас тихо убьешь и скроешь все концы в воду, — сказал Айдахо. — Избавя ее от леди Джессики, я бы перестал быть ей полезен. А леди Джессика, отслужив целям сестер, бес-

полезна для них. Алия призовет к ответу Бене Гессерит, но она проиграет.

Джессика, сосредотачиваясь, закрыла глаза. Он прав! Она слышала в его голосе твердость ментата, глубокую убежденность в каждом сделанном заявлении. Все сходилось тютелька в тютельку, без зазора. Она два раза глубоко вздохнула, вошла в мнемонический транс, прокрутила все данные в своем мозгу, вышла из транса и открыла глаза. Все это она проделала, пока Фарадин переходил от нее к Данкану и остановился в полшаге перед ним — расстояние не более трех шагов.

— Не говори больше ничего, Данкан, — сказала Джессика, горестно припоминая, как Лито предостерегал ее против методики Бене Гессерит.

Готовый заговорить Айдахо закрыл рот.

— Здесь распоряжаюсь я, — сказал Фарадин. — Продолжай, ментат. Айдахо безмолвствовал.

Фарадин полуобернулся и изучающе посмотрел на Джессику.

Она смотрела застывшим взглядом на точку на дальней стене, обдумывая то, что сложилось в цельную картину благодаря Айдахо и трансу. Бене Гессерит, конечно же, не отверг род Атридесов. Но Бене Гессерит хотел контролировать Квизац Хадераха, и слишком много они вложили в длительную программу развития. Они хотели открытого столкновения между Атридесами и Коррино — ситуации, в которой они смогли бы выступить арбитрами. Они бы взяли под свой контроль и Ганиму, и Фарадина. Это был единственный вероятный компромисс. Удивительно, что Алия этого не разглядела. Джессика слотнула, снимая напряжение в горле. Алия ... Богомерзость! Ганима права, ее жался. Но кто пожалеет Ганиму?

— Бене Гессерит пообещала возвести тебя на трон, и Ганиму тебе в супруги, — сказал Джессика.

Фарадин сделал шаг назад. Эта ведьма что, мысли читает?

— Они действовали в тайне и не через твою мать, — продолжила Джессика. — Они сообщили тебе, что я не посвящена в их план.

Лицо Фарадина выдало все без утайки. До чего же он открыт. Но, значит, все правда. Айдахо продемонстрировал великолепное владение своим ментатным сознанием, и с помощью доступных ему ограниченных данных насквозь видел всю подоплеку.

— Значит, они вели двойную игру и рассказали тебе, — сказал Фарадин.

— Они мне ничего этого не рассказали, — ответила Джессика. — Данкан прав: они меня надули, и кивнула самой себе. Классическая акция замедленного действия по традиционному образцу Сестер — правдоподобная история, в которую верят, поскольку соответствует тому, во что можешь поверить. Но они хотели убрать Джессику с дороги, подпорченную Сестру, которая однажды их подвела.

Тайканик подошел к Фарадину:

— Милорд, эти двое слишком опасны, чтобы ...

— Погоди немного, Тайк, — ответил Фарадин. — Здесь есть планы внутри планов, — он повернулся лицом к Джессике. — У нас есть основания полагать, что Алия может предложить себя мне в невесты.

Айдахо непроизвольно дернулся, сдержал себя. Из его левого запястья, рассеченного шигавиром, закапала кровь.

Джессика позволила себе лишь широко открыть глаза в качестве короткого ответа. Она, знавшая первого Лито как любовника, отца ее детей, наперсника и друга, видела теперь, как присущий ему холодный расчет просачивается сквозь метания Богомерзости.

— Ты примешь это предложение? — спросил Айдахо.

— Оно рассматривается.

— Данкан, я велела тебе молчать, — сказала Джессика. И обратилась к Фарадину. — Ценой ее будут две наши незначительные смерти.

— Мы подозревали предательство, — сказал Фарадин. — Разве не твой сын сказал, что «предательство рождает предательство?»

— Бене Гессерит рвется взять под контроль и Атридсов, и Коррино, — сказала Джессика. — Разве это не ясно?

— Мы играем теперь с идеей принять ваше предложение, леди Джессика, но Данкана Айдахо следует отослать назад, к любящей жене.

«Боль — это функция нервов», — напомнил себе Айдахо. «Боль приходит, как в глаза входит свет. Усилие происходит из мускулов, а не из нервов». Это было то, что зазубривали ментаты, и Айдахо произнес это он начал до конца, на одном дыхании, изогнул правое запястье и рассек его шигавиром.

Тайканик кинулся к креслу, разомкнул замок, убирая путы, призывая во весь голос врачебную помощь. И сразу же из дверей, скрытых в панелях стен, густой толпой сбежались помощники.

«Всегда Данкан был немножко с придурью», — подумала Джессика.

Фарадин с секунду внимательно смотрел на Джессику, пока врачи занимались Данканом.

— Я не сказал, что собираюсь принять его Алию.

— Он не поэтому разрезал себе запястье, — сказала Джессика.

— Да? Я думал, он просто пошелевчился.

— Ты не настолько глуп, — возразила Джессика. — Перестань со мной притворяться.

Фарадин улыбнулся.

— Я отлично понимаю, что Алия меня уничтожит. Никто, даже Бене Гессерит, не вправе рассчитывать, что я приму ее предложение.

Джессика смерила Фарадина пристальным взглядом. Каков он из себя, молодой отпрыск Дома Коррино? Дурака он изображает не слишком хорошо. И опять она припомнила слова Лито, что она получит интерес-

ного ученика. И, по словам Айдахо, этого же хотел и Проповедник. Хотелось бы ей встретиться с этим Проповедником.

— Ты выйдешь Вэнсику в изгнание? — спросила Джессика.

— Вроде бы разумная сделка, — ответил Фарадин.

Джессика взглянула на Айдахо. Врачи закончили. Теперь в обтекаемом кресле его удерживали менее опасные пути.

— Ментатам следует остерегаться абсолютностей, — сказала она.

— Я устал, — ответил Айдахо. — Ты даже не представляешь, как я устал.

— Даже верность в конце концов изнашивается, если ее чересчур эксплуатируют, — сказал Фарадин.

И опять Джессика кинула на него взвешивающий взгляд.

Фарадин, заметив это, подумал: «Со временем она хорошо меня, и это может быть ценным. Моя собственная отступница Бене Гессерит! Единственное, что имел ее сын из того, чего не имею я. Пусть только мельком увидит меня сейчас. Остальное она сможет увидеть потом».

— Честный обмен, — сказал Фарадин. — Я принимаю ваше предложение на ваших условиях, — он сделал знак немому у стены, шелкнув пальцами. Немой кивнул. Фарадин наклонился к системе управления креслом и освободил Джессику.

— Милорд, вы уверены? — спросил Тайканик.

— Разве это не то, что мы обсуждали? — вопросом на вопрос ответил Фарадин.

— Да, но ...

Фарадин хмыкнул и обратился к Джессике:

— Тайканик не доверяет моим источникам. Но из книг и кассет учишься лишь тому, что то-то и то-то может быть сделано. Действительное обучение требует, чтобы ты сделал это на деле.

Джессика задумалась над этим, вставая из кресла. Мысли ее вернулись к сигналам руки Фарадина. Его боевой язык был в стиле Атридесов! Это указывало на тщательный анализ. Кто-то здесь сознательно подражал Атридесам.

— Ты, конечно, захочешь, чтобы я тебя обучила так, как учат в Бене Гессерит? — спросила Джессика.

Фарадин ей улыбнулся.

— Именно то предложение, перед которым я не могу устоять, — сказал он.

Глава 22

Лито был далеко в песках, когда услышал, как сзади к нему приближается червь, привлеченный тампером и запахом спайсовой пыли, которую Лито рассеял вокруг мертвых тигров. Хорошая примета в начале осуществления их плана — чаще всего черви бывали очень редкими в этих местах. Червь не то что был нужен позарез, но очень в помощь. Ганиме не понадобится объяснять исчезновение тела.

К этому времени он знал: Ганима уже внушила себе, веру, что он мертв. Лишь крохотная изолированная капсулка осталась в ее сознании, наглухо запечатанная память, которую отворят лишь слова, произнесенные на древнем языке, известном только им двоим во всем космосе. «Зехер Нбиу». Если она услышит эти слова: «Золотая Тропа» ... лишь тогда она его вспомнит. До тех пор — он мертв.

Теперь Лито и вправду был одинок.

Он припустил беспорядочным шагом, шум от которого воспроизводил естественные шумы пустыни. Ничто в его передвижении не поведает червя, что здесь движется человек. Так глубоко был заложен в Лито подобный способ ходьбы, что ему не надо было и следить за собой. Ноги шли сами по себе, не допуская никакой размеренности и ритмичности. Любой звук из-под его ноги мог быть приписан ветру, самоосыпанию песка. Нет, никакой человек здесь не идет.

Когда червь позади него закончил свою работу, Лито скрючился за дюной, вглядываясь в его сторону. В сторону Спутника. Да, он от него достаточно далеко. Лито установил тампер, — призывая свое средство передвижения. Червь подоспел так быстро, что Лито едва успел занять нужную позицию до того, как червь проглотил тампер. Когда червь шел мимо, Лито взобрался на него по крючьям. Создателя, раздвинул чувствительную направляющую кромку кольца и направил неразумное животное к юго-востоку. Червь был небольшой, но сильный. Лито ощущал мощь в его изгибах, пока тот со свистом скользил по песку.

Дул попутный ветер, Лито ощущал исходящий от червя жар от трения, благодаря которому внутри червя начинал образовываться спайс.

По мере продвижения червя, путешествовал и ум Лито. В первую поездку на черве его брал с собой Стилгар. Лито надо было только позволить своей памяти течь свободно, и ему становился слышен голос Стилгара: мягкий и точный, полный вежливости, из другого века. Не для Стилгара — угрожающе раскачиваться после спайсовой попойки, не тот

это Свободный. Громкий голос и неистовства времен нынешних тоже не для него. Нет, Стилгар блюдет свой долг. Он наставник царских отпрысков: «В древние времена птицам давались имена по их песням. У каждого ветра было свое имя. Ветер в шесть щелчков назывался Пастаза, в двадцать щелчков — Куэшма, в сто щелчков — Хейнали, толкатель людей. Затем был ветер демона открытой пустыни — Хулазикали Вала, ветер, сжирающий плоть».

И Лито, уже все это знавший, кивком выразил свою благодарность мудрости подобных наставлений.

Но еще много чем мог помниться голос Стилгара.

«Были племена в древнее время, известные как охотники за водой. Их называли Идуали, что означает «водные насекомые», потому что эти люди не колебались отнимать воду у другого Свободного. Если они настигали тебя одного в пустыне, то не оставляли тебе даже воду твоего тела. И место, где они обитали, называлось съетч Джакуруту. Затем другие племена объединились и уничтожили Идуали. Было это давным-давно, даже еще до Кайнза — в дни моего пра-прадедушки. И с того дня вплоть до наших дней ни один Свободный не вступает в Джакуруту. Это табу».

Вот так Лито напоминали о знаниях, покоившихся в его памяти. Это был важный урок для понимания, как работает память. Одной памяти недостаточно даже для того, чье прошлое так многолико, как у Лито, до тех пор пока не научишься ей пользоваться и не оценишь ее ценность беспристрастным судом. В Джакуруту будет вода, ловушка для ветра — все, чему положено быть в любом съетче, плюс несравнимая ценность того, что ни один Свободный никогда не откажется туда заглянуть. Многие из молодых даже не знают, что когда-то вообще существовало такое место, Джакуруту. Да, конечно, они знают о Фондаке, но ведь это обиталище контрабандистов.

Идеальное место, чтобы спрятаться мертвому среди контрабандистов и мертвых других времен.

«Спасибо тебе, Стилгар».

Перед зарей червь устал. Лито соскользнул с него и пронаблюдал, как тот зарывается в дюны со свойственной для этих животных медлительностью. Он уйдет вглубь схоронить там свое дурное настроение.

«Я должен переждать день», — подумал Лито.

Он взошел на дюну и тщательно осмотрелся. Пустота, пустота, пустота. Только колышущийся след исчезнувшего червя — вот и все.

Тихий крик ночной птицы призвал первую зеленую линию света вдоль восточного горизонта. Лито зарылся в песок, прячась, завернулся в стилтент и выставил наружу трубку пескошноркеля, чтобы дышать через нее.

Долгое время до того, как к нему пришел сон, он лежал в своей искусственной тьме, размышляя над принятым им с Ганимой решением. Он не все ей рассказал о своем видении и не обо всех выводах, из этого

видения вытекающих. Как он понимал, сейчас это было именно видение, а не сон. Но изюминка его была в том, что Лито видел как бы видение видения. Если существовали какие-то доводы, способные убедить его, что его отец жив, то они заключались в этом двухслойном видении.

«Жизнь пророка запирает нас в его видении, — думал Лито. — И пророк может вырваться из этого видения, лишь устроив себе такую смерть, которая этому видению противоречит». Именно так и явилось это в двойном видении Лито, и, по его разумению — это было связано со сделанным им выбором. «Бедный Иоанн Креститель, — думал он. — Если б только у него достало мужества умереть как-то иначе ... Но, может быть, его выбор и был самым мужественным. Откуда мне знать, перед какими альтернативами он предстал? Хотя я знаю, перед какими альтернативами стоял мой отец».

Лито вздохнул. Повернуться к отцу спиной — все равно, что предать Бога. Но нужно встряхнуть Империю Атридесов. В видении Пола она пала до самого худшего. Как же небрежно она стирает людей. Делается это без долгих размышлений. Главный завод религиозного безумия заведен до упора и оставлен тикать.

«И мы заперты в видении моего отца».

Путь из этого безумия лежит по Золотой Тропе, понимал Лито. Его отец это видел. Но человечество может сойти с Золотой Тропы и оглянуться вспять на времена Муад Диб, решив, что тогда было лучше. Хотя человечество должно либо испытать на себе альтернативу Муад Диб, либо никогда не разобратся в своих собственных мифах.

«Безопасность ... Мир ... Процветание ...»

Предложи выбор — и мало сомнений, что именно выберут большинство подданных империи.

«Хотя они ненавидят меня, — думал он, — хотя Гани возненавидит меня».

Его рука зачесалась, и он припомнил о той суровой рукавице, что виделась ему в двойном видении.

«Это будет, — подумал он. — Да, это будет».

«Арракис, дай мне силу», — взмолился он. Под ним и вокруг него его планета пребывала живой и сильной. Дюна была великаном, считающим свои нагроможденные богатства. Обманчивое существо — и прекрасное, и ужасно уродливое. Единственная монета, которую на самом деле знали купцы Дюны, — это ощущение власти, пульсирующей в их жилках, неважно, как эта власть приобретена. Они обладали этой планетой так, как мужчина мог овладеть пленницей, или как Бене Гессерит владел своими Сестрами.

Неудивительно, что Стилгар ненавидит жрецов-торговцев.

«Спасибо тебе, Стилгар».

Лито затем припомнил красоты прежних обычаев съетчей, ту жизнь, что была до прихода имперской технократии, и ум его унесся вдаль точно

так же, как, он знал, уносились вдаль грезы Стилгара. До глоуглобов и лазеров, до орнитоптеров и спайсовых краулеров была совсем другая жизнь: смуглокожие матери с младенцами на их бедрах, светильники, светившие на спайсовом масле, посреди тяжелого аромата корицы, наибы, убеждавшие свои племена, потому что никого нельзя было заставить делать что-то по принуждению. Темное кишение жизни внутри скалистых впадин ...

Вскоре он уснул.

Глава 23

Фарадин наблюдал за Данканом через систему слежения, ища ключ к поведению этого страшного человека. Едва перевалило за полдень, Айдахо ждал у апартаментов, отведенных леди Джессике, желая быть принятым ею. Примет ли она его?

Фарадин находился в помещении, где Тайканик руководил подготовкой Лазанских тигров в незаконном помещении, по правде говоря, с запрещенными инструментами производства Тлейлакса и Иксиана. С помощью переключателей под своей правой рукой Фарадин мог видеть Айдахо с шести разных точек зрения, либо переключаться на апартаменты леди Джессики, где тоже были вмонтированы следящие устройства.

Глаза Айдахо нервировали Фарадина. Эти утопленные в глазницах металлические орбиты, которые вставляли на Тлейлаксе гхолам, заново рожденным в чанах, становились отчетливым выражением полного отличия их обладателя от всего остального человечества. Фарадин коснулся своих собственных век, ощутил твердые контактные линзы, которые он носил постоянно, чтобы скрыть свидетельство своей наркотической приверженности спайсу — полностью голубые глаза. Глаза Айдахо наверняка видят мир совсем по-другому. Фарадина так и подмывало обратиться к хирургам Тлейлакса, чтобы из собственного опыта получить ответ на этот вопрос.

Почему Айдахо пытался себя убить?

И действительно ли он пытался сделать это? Он ведь должен был понимать, что мы ему этого не позволим.

Айдахо остается опасным знаком вопроса.

Тайканик хотел оставить его на Салузе или убить. Может быть, так будет лучше всего.

Фарадин переключился на вид прямо спереди. Айдахо сидел на жесткой скамье перед дверью в апартаменты леди Джессики, в фойе без окон и со стенами светлого дерева, украшенными пиками с вымпелами. Айда-

хо провел на этой скамье более часа, и, похоже, готов ждать целую вечность. Фарадин наклонился вплотную к экрану. Верный мечевладелец Атридесов, наставник Пола Муад Дибба, пользовался в свое время на Арракис хорошей репутацией. Когда он прибыл сюда, в походке его была весенняя пружинистость юности. Наверняка, твердая спайсовая диета этому способствовала. И чудесный обмен веществ, всегда закладывавшийся в чанах Тлейлакса. Действительно ли Айдахо помнит свое прошлое до этих чанов?

В библиотеке были отчеты о его смерти. Зарубивший его сардукар засвидетельствовал его удаль: девятнадцать нападавших пали от руки Айдахо, прежде чем его удалось сразить. Девятнадцать сардукаров! Да, такое тело более чем заслуживало отправки в возрождающие чаны Тлейлакса. Но Тлейлакс сделал из него ментата. Что же за странное создание живет в этом регенерируемом теле! Как это — ощущать себя человеком-компьютером в добавление к прочим своим талантам?

Почему он пытался себя убить?

Фарадин знал свои собственные способности и не питал насчет них особых иллюзий. Историк-археолог и знаток людей. Стать знатоком тех, кто будет ему служить, его заставила необходимость и внимательное изучение Атридесов. Он рассматривал это как цену, всегда требуемую за высокородность. Править — это обязывает выносить точные и резкие суждения о тех, кто подчиняется твоей власти. Не один властитель пал из-за ошибок и крайностей своих подчиненных.

Внимательное изучение Атридесов выявило в них потрясающие способности в отборе слуг. Они знали, как поддерживать их верность, на какой тонкой кромке удерживать рвение своих воинов.

Айдахо действовал не в своем стиле.

Почему?

Фарадин прищурился, пытаясь разгадать этого человека. От Айдахо веяло устойчивостью, ощущением, что этот человек просто не может сдать. Он производил впечатление выдержанности и самодостаточности — организованной и твердой целостности. Чаны Тлейлакса запустили в ход нечто больше человеческого. Фарадин это ощущал. Было что-то самообновляющееся в этом человеке, словно в нем действовали непреложные законы: в каждом своем конце он находил свое новое начало. Он двигался по фиксированной орбите, с такой же устойчивостью, с какой планета вращается вокруг светила. Никакое давление его не сломит — просто чуть сместит его орбиту, но не изменит в нем ничего действительно важного.

Зачем он разрезал себе запястье?

Каким бы ни был его мотив, он сделал это ради Атридесов. Ради своего правящего Дома. Атридесы были тем светилем, вокруг которого пролегла его орбита.

Почему-то он убежден, что Атридесов усиливает то, что он удерживает здесь леди Джессику.

«И в этом убежден ментат, — » напомнил себе Фарадин.

Это придавало мыслям Данкана добавочную глубину. Ментаты тоже ошибаются, но не часто.

Придя к этому заключению, Фарадин уже готов был послать своих слуг, чтобы увезти леди Джессику подальше от Айдахо. Он замер на пороге отдачи такого приказа — и отказался от него.

Оба они: и ментат, и эта колдунья Бене Гессерит — остаются фишками неизвестной стоимости в игре за власть. Айдахо следует отослать назад, потому что это наверняка не послужит спокойствию на Арракисе. Джессику нужно оставить здесь, выжать из нее все ее странные знания на благо Дома Коррино.

Фарадин понимал, в какую тонкую и смертоносную игру он играет. Но он многие годы готовил себя к такому, с тех самых пор, как осознал, что он более сообразителен и восприимчив, чем окружающие его. Для ребенка это стало пугающим открытием, и библиотека стала не менее важным, чем учитель.

Хотя теперь его грызли сомнения, и он задавался вопросом, вполне ли он на уровне ведущейся игры. Он отстранил мать, лишился ее советов — но ее решения всегда были для него опасны. Тигры! Их дрессировка была злодеянием, а их использование глупостью. Как легко было проследить, откуда они! Она должна быть благодарна, что наказана лишь изгнанием. Тут совет леди Джессики точь-в-точь совпадал с его собственными нуждами. Она прямо создана для того, чтобы выдать на свет образ мышления Атридесов.

Его сомнения стали таять. Он подумал опять о своих сардукарах, становящихся все закаленней и неуступчивей в руководимых им суровых тренировках и через лишение всякой роскоши, о котором он распорядился. Его легионы сардукаров пока невелики, но каждый из бойцов стал ровней Свободному. Они мало пригодны, пока действуют ограничения Арракинского Договора, наложенные на численность его войск. Свободные возьмут числом, если только не будут связаны и обессилены гражданской войной.

Слишком рано еще для прямой схватки сардукаров со Свободными. Ему нужно время. Ему нужны новые союзники среди недовольных Великих Домов и набравших силу Малых. Ему нужен доступ к финансированию КХОАМ. Ему нужно время, чтобы Сардукары усилились, а Свободные ослабели.

И опять Фарадин посмотрел на экран: все та же картина терпеливого гхола. Почему Айдахо понадобилось именно сейчас видеть леди Джессику? Он ведь знает, что за ними следят, что каждое слово, каждый жест будут записаны и проанализированы.

Почему?

Фарадин отвел глаза от экрана, взглянул на бортик своей контрольной панели. В бледном электронном свете он мог различить катушки с последними донесениями с Арракиса. Его шпионы повсюду, надо отдать им должное. Многие в их той странно отредактированной форме, которую он сам выкраивал из донесений ради собственного пользования.

«Поскольку планета сделалась плодородной, Свободные избавились от земельных ограничений, и их новые сообщества утрачивают традиционный характер твердынь-сьетчей. В прежней сьетчевой культуре Свободные с малолетства усваивали назубок: «Являясь основой твоего собственного существования, сьетч создает твердую базу, откуда ты выходишь в мир и в космос».

На следующем экране появилась служанка, открыла дверь леди Джессики. Она поманила Айдахо, тот встал со своей скамьи и прошел в дверь. Служанка позднее предоставит полный отчет. Но у Фарадина опять разгорелось любопытство, он коснулся другой кнопки на пульте, увидел, как Айдахо входит в гостиную апартаментов леди Джессики.

Каким же тихим и выдержанным кажется этот ментат. И до чего же бездонны его глаза гхолы.

Глава 24

Лито лежал на гребне дюны, вглядываясь в извилистое скалистое возвышение за открытыми песками. Скалы возвышались над песком, как огромный червь, плоский и угрожающий в свете утра. Ни единая птица не кружила над головой, ни единое животное не резвилось среди скал. Он видел щели ветроуловителей почти в середине спины червя. Значит, там есть вода. У червя-скалы было сходство с привычным видом сьетча-убежища, вот только все живое отсутствовало. Лито лежал тихо, сливаясь с песком, наблюдая.

В голове его с монотонной настойчивостью блуждал один из напевов Гурни Хэллека:

«Под холмом, где лисица резвится, Где свет солнца так ярко струится, Там мой милый недвижно лежит. Сквозь пахучие травы пройду я, Но его разбудить не смогу я, Умер он и в могилу зарыт».

Где же там вход, гадал Лито.

Он был уверен, что это — Джакуруту (Фондак), но, кроме отсутствия животной жизни, что-то еще было не так. Что-то мерцавшее на краешке сознания и восприятия, предостерегая его.

Что прячется под холмом?

Отсутствие животных беспокоило. Оно пробудило его чувство осторожности Свободного: «Отсутствие говорит больше присутствия, когда дело касается выживания в пустыне». Но там была ветроловушка. Значит, вода и люди, ее потребляющие. За названием Фондак скрывалось место, на которое наложено табу, даже в воспоминаниях большинства Свободных утерлось то, другое имя. И нигде не видно зверей и птиц.

Нет людей, и все же здесь начинается Золотая Тропа.

Его отец однажды сказал: «Неизвестное окружает нас везде и повсюду. Вот где ты ищешь знаний».

Лито поглядел направо, на гребни дюн. Недавно прошла материнская буря. Озеро Азрак, гипсовая равнина обнажилась из-под своего песчаного покрытия. Поверье Свободного гласило, что у увидевшего Бийян, Белые Земли, исполнится жгучее и опасное желание, которое может его уничтожить. Лито видел лишь гипсовую равнину, говорившую ему о том, что некогда на Арракисе была открытая вода.

И она будет здесь вновь.

Он поглядел вперед, все обвел взглядом, пытаясь заметить какое-нибудь движение. Небо было пористым после шторма. Свет, сочившийся сквозь него, порождал впечатление молочной разлитости, серебряного солнца, спрятанного где-то выше пыльной завесы, продолжавшейся держаться в вышине.

Лито опять перенес внимание на извилистую скалу. Вытащил из своего фремкита бинокль, настроил его линзы и посмотрел на обнаженную серость, на это возвышение, где некогда жили люди Джакуруту. Укрупнение сделало видимым колючий кустарник, тот, что называют Царицей Ночи. Кустарник гнезился в тених расселины, которая могла быть входом в старый съетч. Он прикинул длину торчащего нагромождения. Серебряное солнце превращало красное в серое, навело размытую плоскость по всей длинной протяженности скалы.

Он перекатился в другую сторону, повернувшись спиной к Джакуруту, осмотрел в бинокль все его окружавшее. Ничто в пустыне не носило отпечатков прохождения людей. Ветер уже стер и его следы, оставив только смутную округлость там, где ночью он слез с червя.

Опять Лито взглянул на Джакуруту. Кроме ветроловушки не было признаков, что там когда-либо проходили люди. И не будь извилистой протяженности скалы, ничто бы не выделялось на выжженном песке — пустыня от горизонта до горизонта.

У Лито внезапно появилось чувство, что он оказался здесь потому, что не пожелал быть ограниченным системой, завещанной ему его предками. Он припомнил, как смотрели на него люди, все, кроме Ганимы. Как на ошибку мироздания.

Этот ребенок никогда не был ребенком, кроме как для потрепанной толпы его других памятей.

«Я должен нести ответственность за принятое нами решение», — подумал он.

Опять он тщательно обследовал взглядом по всей длине скалы. По всем описаниям, это должен быть Фондак, и никакое другое место не может быть Джакуруту.

Он ощущал странное перекликающееся родство с табу этого места. По методу Бене Гессерит, он отворил свой ум для Джакуруту, стараясь ничего о нем не знать. Знание — это барьер, препятствующий обучению. На несколько мгновений он позволил себе просто откликаться на окружающее, не предъявляя требований и не задавая вопросов.

Проблема в отсутствии животной жизни, но что-то особенное его настораживало. Теперь он это ухватил: не было птиц, питающихся падалью — орлов, стервятников, ястребов. Даже если всякая другая жизнь пряталась, они оставались. Всякий источник воды в пустыне имел такую цепочку жизни. В конце цепочки были вездесущие пожиратели падали. Никто не наведалься выяснить, что это он тут делает. Как хорошо он знал «сторожевых псов съетча», этот ряд нахохлившихся птиц на краю обрыва съетча Табр, примитивных гробовщиков, ждущих мяса. Как говорили Свободные, «наши соперники». Но добавляли, что не испытывают ревности к птицам, потому что эти любопытные твари часто предупреждают о приближении посторонних.

«Что, если Фондак покинут даже контрабандистами?»

Лито сделал паузу, чтобы отпить из влагосборной трубки.

«Что если там на самом деле нет воды?»

Он обдумал свое положение. Он на двух червях добрался сюда, всю ночь подстегивая их своим цепом, оставив их полумертвыми. Это Внутренняя пустыня, где должно найтись пристанище контрабандистов. Если жизнь здесь существует, если способна существовать, то только при наличии воды.

«Что, если там нет воды? Что, если это не Джакуруту?»

Опять он навел бинокль на ветроловушку. Ее внешние края источены песком из-за недостатка должного ухода, но остается еще достаточно. Там должна быть вода.

«Но если ее там нет?»

В заброшенном съетче вода могла испариться, утратиться при любых катастрофах. Почему нет птиц, питающихся падалью? Убиты ради их воды? Но кем? Как можно было уничтожить их всех до единой? Яд?

В легенде о Джакуруту не было такого, как отравленная цистерна, но на деле такое быть вполне могло. Если первоначальные обитатели были убиты, то почему их к этому времени никто не заместил? Идуали были уничтожены много поколений назад, и в рассказах об этом яд никогда не

упоминался. Он опять внимательно осмотрел скалу в бинокль. Как можно было полностью истребить полный съетч? Наверняка ведь кто-то спасся. Обитатели съетча редко оказывались дома все вместе. Кто-то блуждал по пустыне, двигался в города.

Со смиренным вздохом Лито убрал свой бинокль. Он скользнул в укромное место дюны, со сверхпредосторожностями закрылся в свой стилтент и замел все следы своего пребывания, готовясь переждать жаркие часы. Вялые ручейки усталости струились по его телу, и он зарылся во тьму. Большую часть дня он провел в потном и тесном стилтенте, подремывая, воображая ошибки, которые он мог бы совершить. Сны его были защитными, но не могло быть самозащиты в том испытании, которое выбрали они с Ганимой. Неудача сожжет их души. Он ел спайсовое печенье и спал, просыпался поесть, попить, и возвращался в сон. Долгим было путешествие к этому месту, суровая нагрузка для детских мускулов.

К вечеру он проснулся посвежевшим, прислушался, нет ли признаков жизни. Выбрался из своего песчаного савана. Пыль высоко в небе летела в одном направлении, но песок обжигал его щеку с другого — верные признаки идущей перемены погоды. Он ощутил приближение бури.

Он осторожно выбрался на гребень дюны, опять поглядел на загадочные скалы. Воздух между ним и скалами был желт. Приметы говорили, что надвигается буря Кориолис, ветер, несущий смерть в своем животе. Огромная простыня гонимая ветром песка растянется, возможно, выше чем на четыре градуса широты. Заброшенная пустота гипсового поддона обрела теперь желтый оттенок, отражая облака пыли. Лито обволокло обманчиво мирным вечером. Затем свет угас и пала ночь — быстро приходящая ночь внутренней пустыни. Скалы предстали угловатыми вершинами, посеребренными светом Первой Луны. Он ощутил, как в кожу его вливаются песчаные колючки. Раскат сухого грома прозвучал эхом отдаленных барабанов, и в пространстве между лунным светом и тьмой он заметил внезапное движение: летучие мыши. Ему слышны были колыхание их крылышек, их тонкие попискивания.

Летучие мыши.

Случайно или намеренно, это место внушало мысль о заброшенности и запустении. Это, должно быть, и есть полулегендарная твердыня контрабандистов: Фондак. А если не Фондак? Если табу все еще действует и это — лишь призрачная мертвая оболочка Джакуруту?

Лито скорчился на подветренной стороне дюны, дожидаясь ночи, чтобы приноровиться и вписаться потом в ее собственные ритмы. Терпение и осторожность — осторожность и терпение. Нскоторое время он развлекался, припоминая маршрут Чосера из Лондона в Кентерберри, перечисляя места от Сайфмарка: две мили до оазиса Св.Томаса, пять миль до Дептфорда, шесть миль до Гринвича, тридцать миль до

Рочестера, сорок миль до Ситтингбурна, пятьдесят миль до Баутона под Блином, пятьдесят восемь миль до Харблдауна и шестьдесят миль до Кентербери. Сознание, что немногие в его мире помнят Чосера или знают какой-либо Лондон кроме поселения на Гансириде, вызывало в нем воодушевляющее чувство неподвластного времени бакена. Святой Томас сохранился в Оранжевой Католической Библии и в Книге Азхара, но Кентербери исчезло из людской памяти, точно так же, как и планета, где оно находилось. Такова ноша его воспоминаний, всех тех жизней, что угрожают его поглотить. Некогда он совершил эту поездку в Кентербери.

Однако нынешнее его путешествие было длиннее и опаснее.

Вскоре он прокрался через гребень дюны и направился к освещенным луной скалам. Он сливался с тенями, быстро проскальзывал через гребни, не издавая ни звука, способного дать знать о его присутствии.

Пыль исчезла, как это частенько бывало перед бурей, и ночь была великопепной. Сейчас, в отличие от недвижного дня, он слышал, как приближаясь к скалам, маленькие создания суетятся во тьме.

В низине между двумя дюнами он наткнулся на семейство джебоа, бросившееся от него враспынную. Он перемахнул через следующий гребень, соленая встревоженность пронизывала его эмоции. Та расседина, что он видел, — это ли вход? Были и другие заботы: съетки прежних времен всегда охранялись ловушками — отравленные шипы в ямах, отравленные иглы на растениях. На ум ему пришло старое выражение Свободных: «слухом мыслящая ночь». И он прислушивался к малейшему звуку.

Теперь серые скалы возвышались над ним, став гигантскими при приближении. Прислушиваясь, он увидел на этой круче невидимых птиц, тихий звук крылатой добычи для хищников. Голоса принадлежали дневным птицам, но раздавались ночью. Что так круто поменяло их образ жизни? Людские хищники?

Лито замер. Над утесом светил огонь — танец мерцающих и загадочных драгоценностей на фоне черного газа ночи, вид того сигнала, что может подаваться из съетка странствующим по бледу. Кто же обитатели этого места? Он прокрался вперед, к глубочайшим теням у подножия кручи, пошарил по камню рукой, двинулся наощупь в расселину, виденную им днем. Нашел он ее на восьмом шагу, вытащил из фремкита пескошноркель и потыкал во тьму. Когда он сдвинулся, что-то тугое и вязущее упало на его плечи и руки, сковав его.

Капканная лоза!

Он удержался от порыва начать бороться, лоза бы от этого только туже затянулась. Он уронил шноркель, изогнул пальцы правой руки, стараясь добраться до ножа на поясе. До чего же он показал себя несмысленным — надо ж было с расстояния швырнуть что-нибудь в эту расселину, проверить, нет ли опасностей во тьме. Он был слишком занят светом над кручей.

От каждого движения лоза все туже затягивалась, но его пальцы наконец коснулись рукояти ножа. Он осторожно охватил рукой рукоять, начал вытаскивать нож.

Его окутал слепящий свет, сковавший его движения.

— А, славная добыча в наших сетях, — густой мужской голос позади Лито показался ему смутно знакомым. Лито попробовал повернуть голову, отдавая себе отчет, что лоза просто раздавит его тело, если он будет двигаться слишком вольно.

Рука забрала его нож, прежде чем он успел увидеть пленившего его. Та же рука со знанием дела обыскала его сверху донизу, вытащила маленькие приспособленьица, которые он и Ганима носили ради того, чтобы выжить. Ничто не ускользнуло от обыскивавшего, даже удавка из шигавира, спрятанная в волосах.

Лито так его и не видел.

Пальцы что-то сделали с лозой, и Лито обнаружил, что может вздохнуть свободней, затем мужчина сказал:

— Не сопротивляйся, Лито Атридес. Твоя вода — в моей чаше.

Огромным усилием сохранив спокойствие, Лито спросил:

— Ты знаешь мое имя?

— Разумеется. Когда кто-то попадает в ловушку, то это ради чего-то. Он у нас уже намеченная жертва, разве нет?

Лито промолчал, но мысли его закружились вихрем.

— Подозреваешь предательство? — сказал густой голос. Руки повернули Лито мягко, но с явной демонстрацией силы. Взрослый показывал ребенку, за кем превосходство.

Лито посмотрел туда, где полыхали два переносных светильника, увидел черные обводы закрытого маской стилизюта лица, капюшон. Когда глаза его привыкли после темноты, он увидел темную полоску кожи, глубоко запавшие глаза потребителя меланжа.

— Ты удивляешься, почему мы подняли всю эту суету, — голос мужчины, исходивший из закрытой нижней части лица, как-то занятно приглушался, словно мужчина старался скрыть свой выговор.

— Я давно перестал удивляться количеству людей, желающих смерти близнецов Атридесов, — ответил Лито. — Причины очевидны.

Пока Лито это произносил, его мысли метались ища ответов. Ловушка именно на него? Кто знал, кроме Ганимы? Невозможно! Ганима бы не предала собственного брата. Тогда кто-то, достаточно хорошо его знавший, чтобы предугадать его действия? Кто? Его бабушка?

— Тебе нельзя было позволить и дальше продолжать в том же духе, — сказал мужчина. — Очень плохо! Перед тем, как взойти на трон, тебе надо получить образование, — глаза без белков неподвижно посмотрели на Лито. — Ты удивляешься, как кто-то осмеливается браться за образование такой персоны, как ты? Как ты, со знанием множества

обитающих в твоей памяти! В том-то и дело, видишь ли! Ты считаешь себя образованным, но ты лишь склеп мертвых жизней. У тебя еще нет твоей собственной жизни. Ты лишь ходячая перенасыщенность другими, всеми, у которых одна цель — искать смерти. Не годится правителю искать смерти. Ты все устелешь трупами вокруг себя. Твой отец, например, никогда не понимал ...

— Ты осмеливаешься говорить о нем в таком тоне?

— Много раз я на это осмеливался. В конце концов, он был лишь Пол Атридес. Ладно, мальчик, добро пожаловать в свою школу.

Мужчина высвободил руку из-под плаща, коснулся щеки Лито. Лито ощутил толчок, и его понесло куда-то во тьму, в которой развевался зеленый флаг. Это было зеленое знамя Атридесов с его символами дня и ночи, с древком Дюны, скрывавшим трубку с водой. Теряя сознание, он слышал журчание воды. Или это кто-то хихикнул?

Глава 25

Алия жестко разговаривала со стражами, стоявшими перед ней в фойе Храма. Их было девять, в пыльных зеленых мундирах пригородного патруля, и все они еще не могли отдышаться и обливались потом от напряжения. Свет позднего полдня проникал в дверь за ними. Площадь была очищена от пилигримов.

— Итак, мои приказы ничего для вас не значат? — спросила она.

И она удивилась собственному гневу, не пытаясь его сдержать, а выплескивая наружу. Она устала от многих событий, как с цепи всех разом сорвавшихся. Айдахо исчез ... леди Джессика ... никаких сообщений ... Только слухи, что она на Салузе. Почему Айдахо не подал весточки? Что он совершил? Узнал ли он наконец о Джавиде?

На Алии было желтое одесяние, цвет Арракинского траура, цвет палящего солнца Свободных. Через несколько минут она возглавит вторую и последнюю погребальную процессию к Старому ущелью, чтобы установить там мемориальный камень по ее пропавшему племяннику. Работа будет завершена ночью, подходящие почести тому, кому предназначено было править Свободными.

Жреческая стража вроде бы встретила ее гнев с вызовом и уже без всякого страха. Они стояли перед ней, очерченные тающим светом. Запах пота легко проникал сквозь легкие и неэффективные стилисьюты горожан. Их глава, высокий светловолосый Каза, с символами семьи Каделам, убрал в сторону маску стилисьюта, чтобы говорить яснее. Голос его был полон гордыни, которую и следовало ожидать от отпрыска семьи, некогда правившей съетчем Табр.

— Разумеется, мы постарались его схватить!

Он явно был выведен из себя ее нападением:

— Он богохульствует! Мы знаем твои приказы, но мы слышали его собственными ушами!

— И не сумели его схватить, — тихим и обвиняющим голосом сказала Алия.

Одна из стражей, невысокая молодая женщина, попробовала защититься:

— Там была густая толпа! Клянусь, люди нам намеренно встали на пути!

— Мы до него доберемся, — сказал Каделам. — Не вечно же нам терпеть неудачу.

Алия нахмурилась.

— Вы что, не понимаете меня и мне не повинуетесь?

— Миледи, мы ...

— Что ты сделаешь, Каделам, если ты схватишь его и обнаружишь, что он и в самом деле мой брат?

Он явно не уловил оттенков интонации в ее вопросе, хотя не мог он стать жреческим стражем, не имея достаточного образования и сообразительности, чтобы соответствовать своей работе. Он желает пожертвовать собой?

Стражник сглотнул и сказал:

— Мы сами должны убить его, поскольку он сеет смуту.

Остальные воззрились на него с ужасом, отвращением — и все с таким же покорством. Они понимали, что именно они слышали.

— Он призывает племена сплотиться против тебя, — сказал Каделам.

Алия теперь понимала, как его укротить. Она сказала спокойно и с будничной деловитостью:

— Понимаю. Что ж, если ты должен пожертвовать собой таким образом, открыто его настигнув, чтобы все видели, кто ты такой и что ты сделал — наверное, ты и вправду должен, как я понимаю.

— Пожертвовать со... — он осекся, поглядел на товарищей. Как Каза отряда, его назначенный руководитель, он имел право говорить за них, но тут он проявил признаки того, что предпочел бы промолчать. Другие стражи неуютно заерзали. В пылу преследования они открыто пренебрегли приказом Алии. Можно было только размышлять над тем, чем обернется такое неповиновение «Чреву Небесному». После того, как они явно почувствовали себя неуютно, между ними и их Казой родилось отчуждение.

— Ради блага Церкви, наша официальная реакция должна будет быть сурова, — сказала Алия. — Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Но он ...

— Я сама его слышала, — сказала она. — Но это особый случай.

— Он не может быть Муад Дибом, миледи!

«Как же мало ты знаешь!» — подумала она. И сказала:

— Нам нельзя рисковать, захватывая его на людях, где другие могут увидеть причиненный ему вред. Если предоставится другая возможность, тогда конечно.

— Он все эти дни непрестанно окружен толпой!

— Тогда, я боюсь, мы должны быть терпеливы. Конечно, если ты настаиваешь на неповиновении мне ... — она оборвала фразу, предоставив ему из воздуха выловить недосказанное о последствиях, но он хорошо понял. Каделам был честолюбив, перед ним открывалась блестящая карьера.

— Мы имели в виду явить себя непокорными, миледи, — он теперь овладел собой. — Мы действовали поспешно — теперь я это вижу. Простите нас, но он ...

— Ничего не произошло, нечего прощать, — ответила она, пользуясь принятой формулой Свободных: одним из многих способов, при помощи которых племя поддерживало мир в своих рядах, и этот Каделам имеет еще достаточно от Старого Свободного, чтобы это помнить. В его семье — долгая традиция править. Вина — это тот хлыст наиба, которым надо пользоваться скупно. Свободные служат лучше, когда избавлены от вина и упреков.

Он показал, что осознает ее приговор, склонив голову и сказав:

— Ради блага племени — я понимаю.

— Идите и освежитесь, — сказала она. — Процессия начнется через несколько минут.

— Да, миледи, — и они заспешили прочь, каждое их движение выдавало, с каким облегчением они уходят.

Внутри Алии пророкотал бас:

«Ага! Ты донельзя искусно с этим справилась. Один-двое из них до сих пор верят, что ты хочешь смерти Проповедника. Они найдут способ!»

«Заткнись! — прошипела она. — Заткнись! Мне бы никогда не следовало к тебе прислушиваться. Смотри, что ты натворил ...»

«Направил тебя на путь безнравственности», — ответил бас.

Она ощутила, как этот голос откликается в ее голове отдаленной болью, подумала: «Где мне спрятаться? Мне некуда идти!»

«Нож Ганимы остр, — сказал Барон. — Помни это».

Алия моргнула. Да, это то, что следует помнить. Нож Ганимы остр. Может, этот нож избавит их от нынешних затруднений.

Глава 26

Ум Лито плавал в густейшем настое запахов. Он распознал тяжелый коричневый запах меланжа, застоявшийся пот работающих тел, едкий запах из сборника воды мертвых со снятой крышкой, пыль многих видов — кремневая преобладала. Запахи образовывали шлейф через пески грез, творили туманные формы в мертвой стране. Он знал, что эти запахи должны что-то ему поведать, но часть его еще не могла слушать.

Мысли призраками проплывали в его мозгу: «В данное время у меня нет законченных черт — я весь состою из предков. Солнце, опускающееся в песок — это солнце, опускающееся в мою душу. Некогда это множество внутри меня было великим, но с этим кончено. Я — Свободный, и приму, наконец, Свободного. Золотая Тропа кончилась, не начавшись. Ничего нет, кроме заваемого ветром следа. Мы Свободные знали все уловки, чтобы скрыть себя — не оставляли ни экспериментов, ни воды, ни следов ... Смотри теперь, как тает мой след».

Мужской голос повторял у его уха: «Я мог бы убить тебя, Атридес. Я мог бы убить тебя, Атридес». Это повторялось снова и снова, пока не потеряло значения, не стало чем-то вроде бессловесного заклинания, запавшего в дремоту Лито: «Я мог бы убить тебя, Атридес».

Лито прокашлялся и ощутил, как потрясла его чувства реальность этого простого действия. Его пересохшее горло сумело выдавить:

— Кто?..

Голос рядом с ним сказал:

— Я — образованный Свободный, и я убивал уже. Вы забрали наших богов, Атридесы! Что нам пещься о вашем вонючем Муад Дибсе? Ваш бог мертв!

Настоящий это голос урабы или еще один кусок его сна? Лито открыл глаза, обнаружил, что лежит несвязанным на жесткой кровати. Он посмотрел вверх — на камень, на тусклые глоуглобы, на лицо без маски, разглядывая его так близко, что он ощущал, как пахнет дыхание человека обычной едой съетчей. Лицо Свободного: не могло быть ошибки насчет темной кожи, резких черт и обезвоженной плоти. Это не был упитанный горожанин. Это был Свободный пустыни.

— Я — Намри, отец Джавида, — сказал Свободный. — Теперь ты знаешь меня, Атридес?

— Я знаю Джавида, — силно проговорил Лито.

— Да, твоя семья хорошо знает моего сына. Я им горжусь. Возможно, вы, Атридесы, узнаете его еще лучше.

— Что ...

— Я один из твоих школьных наставников, Атридес. У меня только одна задача: я тот, кто мог бы тебя убить. Я бы с радостью это сделал. В этой школе, окончить успешно — означает жить, провалиться — означает попасть в мои руки.

В его голосе Лито услышал неумолимую искренность. Его пробрало морозом. Это Гом Джаббар в человеческом облиции, высокомерный враг, для испытания его права на вход в человеческое сообщество. Лито ощутил в этом руку своей бабушки, а за ней — безликие массы Бене Гессерит. Его скорчило при этой мысли.

— Твое образование начинается с меня, — сказал Намри, — это справедливо. Потому что на мне оно может и кончиться. Теперь слушай меня внимательно. Каждое мое слово несет в себе жизнь. Все во мне несет смерть.

Лито стрельнул глазами по комнате: каменные стены, голо — только его кровать, тусклые глоуглобы и темный проход позади Намри.

— Мимо меня не проскочишь, — сказал Намри. И Лито ему поверил.

— Зачем ты это делаешь? — подумал Лито.

— Это уже объяснено. Подумай, какие замыслы в твоей голове! Ты здесь, а в состоянии настоящего нельзя вставить будущее. Несочетаема эта пара: «теперь» и «в будущем». Но если ты доподлинно узнаешь свое прошлое, если ты согласишься вспять и увидишь, где ты побывал, то, может быть, опять найдешь в нем разумное. Если нет — это будет твоя смерть.

Лито отметил, что в голосе Намри нет злобы, но при всем том звучит он твердо: — обещание смерти сдержит.

Намри повернулся на каблуках, посмотрел в каменный потолок.

— Во время оно Свободные встречали зарю, обратясь лицом на восток. Эос, знакомо? «Заря» — на одном из старых языков.

— Я говорю на этом языке, — с горькой гордостью ответил Лито.

— Значит, ты меня не слушал, — сказал Намри, и металл слышался в его голосе. — Ночь была временем хаоса. День был временем порядка. Вот как было во времена того языка, на котором, по твоим словам ты говоришь: тьма — беспорядок, свет — порядок. Мы Свободные изменили это. Эос стал светом, которому мы не доверяли. Мы предпочли свет луны или звезд. Свет обозначал слишком много порядка, и это могло быть гибельным. Видишь, что сделали вы, Атридесы-Эос? Человек — лишь творение того света, который его защищает. На Дюне солнце было нашим врагом. — Намри опустил взгляд на Лито. — Какой свет ты предпочитаешь, Атридес?

По тому, как Намри приосанился, Лито почувствовал, что этот вопрос очень важен. Убьет ли его этот человек, если он не даст правильного ответа? Может, Лито видел, что рука Намри спокойно покоится на рукояти крисножа. Кольцо в виде магической черепахи блеснуло на боевой руке Свободного.

Лито легко присел на колени, перебирая в уме верования свободных. Они доверяли Закону и любили, когда его уроки преподносились в виде аналогий, эти старые Свободные. Свет луны?

— Я предпочитаю ... свет Лисану, Л'хакку, — сказал Лито, следя за Намри, чтобы уловить малейшую подсказку в его поведении. Тот, вроде бы, был разочарован, но его рука соскользнула с ножа. — Это свет правды, свет истинного мужчины, в котором ясно видно влияние ал-Мутакаллина, — продолжил Лито. — Какой иной свет предпочтет человек?

— Ты говоришь, как цитирующий, а не как верующий, — проговорил Намри.

«Я и цитирую», — подумал Лито. Но начал ощущать направленность мыслей Намри, как тот процеживает свои слова через давний навык старинной игры в загадки. В подготовку Свободных включались тысячи таких загадок, и Лито надо было лишь обратиться памятью к обычаям, чтобы примеры начали всплывать в его уме. Вопрос: «Молчание?» Ответ: «Друг преследуемого».

Намри кивнул себе, как бы разделяя эту мысль, и сказал:

— Есть пещера, являющаяся для Свободных пещерой жизни. Взаправдашняя пещера, спрятанная пустыней. Шаи-Хулуд, прапрадед всех Свободных, запечатал эту пещеру. Об этом мне рассказывал мой дядя Зиамад, а он никогда не лгал мне. Есть такая пещера.

Намри кончил говорить, и наступило вызывающее молчание Лито. Пещера жизни?

— Мой дядя Стилгарт тоже мне рассказывал об этой пещере, — сказал Лито. — Она запечатана, чтобы трусы не могли в ней прятаться.

Отсвет глоуглоба промелькнул в затененных глазах Намри. Он спросил:

— Вы бы, Атридесы, открыли эту пещеру? Вы стремитесь управлять жизнью через духовенство: ваше централизованное духовенство для информации, Оквафа и Хаджжа. Уполномоченный Муалана называется Козар. Он проделал долгий путь от истоков своей семьи в соляных копиях Ниази. Скажи мне, Атридес, что не так с вашим духовенством?

Лито выпрямился, отдавая себе отчет, насколько сильно он втянут в эту игру в загадки с Намри, и что ставка — смерть. Все в этом человеке показывало, что при первом же неправильном ответе он использует свой криснож.

Намри, увидя в Лито это понимание, сказал:

— Верь мне, Атридес. Я — сокрушитель мертвцов. Я — Железный Молот.

Теперь Лито понял: Намри виделся себе Мирзабахом, Железным Молотом, которым побивают тех мертвых, что не могут дать удовлетворительного ответа на вопросы, на которые они обязаны ответить при

входе в рай. Что не так с централизованным духовенством, созданным Алией и ее жрецами?

Лито подумал о том, как он ушел в пустыню, и к нему вернулась маленькая надежда, что Золотая Тропа может еще появиться в его мире. Намри подразумевал в своем вопросе нечто большее, а не то, какой мотив погнал собственного сына Муад Дибя в пустыню.

— Только Господу принадлежит указывать путь, — сказал Лито.

У Намри дернулся подбородок, и он впился в Лито колющим взглядом:

— Может ли быть правдой, что ты действительно в это веришь? — спросил он.

— Поэтому я и здесь, — ответил Лито.

— Хорошо, — сказал Намри. — Твой разум был уже подготовлен. Я убрал шипы. Ладно, еще один вопрос. Ты слышал, что в городах далеского Кадриша имитируют стилсьюты?

Пока Намри ждал, Лито вопрошал свой ум, нет ли здесь скрытого значения. «Имитация стилсьютов? Их носят на многих планетах». И он сказал:

— Кадриш? Пусть расфуфыриваются, как хотят, это давно известно, уже набило оскомину. Умные животные сливаются с фоном.

Намри медленно кивнул и сказал:

— Тот, кто тебя поймал и доставил сюда, скоро тебя навестит. Не пытайся покинуть это место. Это станет твоей смертью.

Встав при этих словах, Намри вышел и исчез в темном проходе.

Долгое время после того, как он ушел, Лито вглядывался в проход. Ему слышны были звуки за пределами его помещения, тихие голоса стоявших на страже. Он вспоминал рассказ Намри о видении-мираже. Далеко надо было добираться по пустыне до того места. Теперь не имеет значения, Джакуруту это или нет. Намри не контрабандист. Он — кто-то намного могущественней. И от игры, в которую играл Намри, пахло леди Джессикой — явный душок Бенс Гессерит. Поняв это, Лито почувствовал опасность со всех сторон. Но темный поход, в который ушел Намри, был единственным выходом из комнаты. И за ним был незнакомый съетч, а за съетчем пустыня. Жесткая суровость пустыни, ее упорядоченный хаос с миражами и песчаными дюнами, виделся Лито частью ловушки, в которую он попал. Он мог бы пересечь пустыню опять, но куда приведет его бегство? Мысль эта была как стоячая вода. Она не утолит его жажду.

Глава 27

«Слова и движения одновременно», — напомнила себе Джессика и направила мысли на необходимые приготовления к близкой встрече.

Это было вскоре после завтрака, золотое солнце Салузы Второй едва начинало касаться дальней стены закрытого сада в ее окне. Оделась она продуманно: черное облачение с капюшоном Преподобной Матери, но на облачении — окаймляющие манжеты гербы Атридесов, вышитые золотом. Джессика осторожно оправила складки своего платья, повернулась спиной к окну, держа левую руку на талии, чтобы ясно был виден ястребиный мотив гербов.

Фарадин заметил гербы Атридесов, отпустил, войдя, замечание по этому поводу, но не показал ни гнева, ни удивления. Джессика заметила оттенок добродушного юмора в его голосе и подивилась этому. Как она и предполагала, он оделся в серое трико. Он сел на предложенный ему Джессикой низкий зеленый диван, расслабился.

«Почему я ей доверяю? — недоумевал он. — Ведь это ж ведьма Бене Гессерит!»

Джессика, увидевшая контраст между расслабленной позой и выражением лица, угадала его мысль, улыбнулась и сказала:

— Ты доверяешь мне, потому что знаешь, что наша сделка выгодна, и хочешь того, чему я могу тебя научить.

Увидев, как хмурая тень скользнула по его лбу, она махнула левой рукой, чтобы его успокоить:

— Нет, я не читаю мыслей. Я читаю по лицу, по телу, по манерам, тону голоса, положению рук. Это может всякий, освоивший путь Бене Гессерит.

— И ты будешь меня учить?

— Я уверена, ты штудировал отчеты о нас. казано в них, что мы не выполнили прямо обещанного?

— Нигде нет, но ...

— Частично мы до сих пор существуем благодаря тому полному доверию, которое люди могут испытывать к нашей правдивости. Это неизменно.

— Нахожу это разумным, — сказал он. — Мне не терпится начать.

— Удивительно, как это ты никогда не обращался к Бене Гессерит с просьбой о наставнице, — сказала она. — Они бы ухватились за возможность сделать тебя своим должником.

— Моя мать и слушать не желала, когда я просил ее об этом ... — он пожал плечами, красноречивый довод за изгнание Вэнсики. — Не начать ли нам?

— Лучше было бы начать, когда ты был намного моложе, — сказала Джессика. — Теперь тебе будет трудней, да и времени понадобится намного больше. Ты должен будешь начать с обучения терпению, крайнему терпению. Молюсь, чтобы ты это не счел слишком высокой ценой.

— Не за ту награду, что ты предлагаешь.

В его голосе она услышала искренность, настойчивость ожиданий и оттенок благоговейного страха. Подходяще, есть откуда начать.

— Тогда искусство терпения, — сказала она. — Начнем с некоторых элементарных упражнений прана и бинду для рук и ног и для дыхания. Кисти рук и пальцы оставим на потом. Ты готов?

Она опустила на табуретку лицом к нему.

Фарадин кивнул, силой сохранив на лице ожидающее выражение, чтобы скрыть внезапный прилив страха. Тайканик предостерегал его, что должна быть какая-то хитрость за предложением леди Джессики, что-то затейное Сестрами. «Нельзя верить, что она их покинула или что они покинули ее». Фарадин прервал этот довод вспышкой гнева, о которой немедленно пожалел. Его эмоциональная реакция заставила его быстрее согласиться с предостережениями Тайканика.

Фарадин посмотрел на углы комнаты, на тонкое поблескивание самоцветов под нишами сводов. Все эти мерцающие штучки на самом деле не были самоцветами: все, происходящее в этой комнате должно быть записано, и надо будет собранно и обдуманно пересмотреть каждый нюанс, каждое слово, каждое движение.

Джессика улыбнулась, увидя направление его взгляда, но не выдала, что понимает, на что отвлеклось его внимание.

— Чтобы научиться терпению на Пути Бене Гессерит, — сказала она, — ты должен начать с распознания сущностной, животной неустойчивости нашего мироздания. — Мы называем природу — имея в виду все ее проявления, вместе взятые — Крайней Не-Абсолютностью. Чтобы освободить свое зрение и уметь распознать эту заданность изменчивости путей природы, вытяни руки перед собой. Посмотри на них, сперва на ладони, затем на тыльные стороны. Рассмотрю свои пальцы, сверху и снизу. Выполняй.

Фарадин повиновался, но чувствовал себя глупо. Это ж его собственные руки. Он их знает.

— Вообрази, что твои руки стареют, — сказала Джессика. — Что они у тебя на глазах становятся более и более старческими. Очень-очень старыми. Заметь, как суха кожа ...

— Мои руки не меняются, — сказал он. Он уже ощущал дрожание в мускулах предплечий.

— Продолжай смотреть на свои руки. Сделай их старыми, такими старыми, как только можешь вообразить. На это может потребоваться время. Но когда ты увидишь, что они состарились, обрати процесс вспять.

Сделай их юными, такими юными, как только сможешь. Превращай их по своей воле из младенческих в старческие, и так снова и снова, туда и обратно.

— Они не меняются! — запротестовал он. У него ноют плечи.

— Если ты потребуешь этого от своих чувств, твои руки изменятся, — сказала она. — Сосредоточься на созерцании того потока времени, который тебе нужен: от младенчества к старости, от старости к младенчеству. Это может занять у тебя часы, дни, месяцы. Но это достижимо. Обращая туда и обратно эти изменения, ты научишься видеть любую систему как нечто вращающееся в относительной стабильности ... только относительной.

— Я думал, я учусь терпению, — сказал он. В его голосе она услышала гнев, на грани разочарования.

— И относительной стабильности, — сказала она. — Это перспектива, которую создаешь через собственную веру, а верой можно манипулировать при помощи воображения. Ты обучен пока лишь ограниченному взгляду на мироздание. Теперь ты должен создать мироздание, тобой самим творимое. Это позволит тебе взнуздывать любую относительную стабильность ради твоих собственных целей, для любых целей, на которые ты будешь способен своим воображением.

— Сколько, ты сказала, на это требуется времени?

— Терпение, — напомнила она ему.

Невольная улыбка тронула его губы. Его глаза перешли на Джессику.

— Гляди на свои руки! — резко приказала она.

Улыбка исчезла. Взгляд его, переметнувшись назад, застыл в сосредоточенности на вытянутых руках...

— Что мне делать, когда мои руки устанут? — спросил он.

— Прекрати разговаривать и сосредоточься, — сказала она. — Если ты устанешь, остановись. Вернемся к этому после нескольких минут отдыха и упражнений. Ты должен упорствовать в этом, пока не преуспеешь. На твоём нынешнем этапе это более важно, чем ты даже можешь себе представить. Выучи этот урок — или других не последует.

Фарадин глубоко вздохнул, пожевал губы, воззрелся на свои руки. Он медленно их поворачивал — вверх ладонями, вниз, вверх, вниз ... Его плечи дрожали от утомления. Вверх, вниз ... Ничего не менялось.

Джессика встала, подошла к единственной двери.

— Куда ты идешь? — спросил он, не отрывая взгляда от рук.

— У тебя это получится лучше, если ты останешься один. Я вернусь примерно через час. Терпение!

— Я знаю!

Она мгновенно внимательно на него смотрела. Какой же у него собравный вид. С шемящей сердце болью он напомнил ей ее собственного утраченного сына. Она вздохнула.

— Когда я вернусь, — сказала она, — я дам тебе упражнения для снятия усталости мускулов. Посвяти этому время. Ты поразишься, когда достигнешь гармонии твоего тела и твоих чувств.

И она вышла.

Вездесущие стражи двинулись на расстоянии трех шагов за ней, когда она направилась в холл. Их благоговение и страх были очевидными. Они были сардукарами, трижды предостереженными о ее отваге, воспитанными на истории о своем поражении от Свободных Арракиса. Эта ведьма была Преподобной Матерью Свободных, Бенс Гессерит и из рода Атридесов.

Джессика, оглянувшись, увидела их строгие лица — путевые столбы ее замыслов. Она отвернулась, подходя к лестнице, спустилась по ней и через короткий коридорчик вышла в сад под окнами.

«Только бы теперь Данкан и Гурни справились со своими задачами», — подумала она, ощутив гравий аллейки под ногами и увидев сочащийся сквозь зелень золотой свет.

Глава 28

— Никогда! — сказала Ганима. — Я убью сго в брачную ночь.

Она сказала это с тем ершистым упрямством, которое до сих пор не поддавалось никаким уговорам. Алия и ее советники прозаседали из-за этого полночи, взбудоражив все королевские покои, посылая за новыми советниками, за едой и питьем. Весь храм и прилегающая Твердыня бурно переживали разочарование невыработанных решений.

Ганима очень спокойно восседала в зеленом суспензорном кресле в своих собственных апартаментах, в большой комнате, обтянутой сыромятной кожей, чтобы симитировать камень сьетча. Потолок, однако ж, был имбиратским кристаллом и светился голубым помаргивающим светом, а пол был черного кафеля. Мебели было мало: маленький письменный столик, пять суспензерных кресел и узкая койка, установленная в алькове, по обычаю свободных. На Ганиме были желтые одеснятия траура.

— Ты невольный человек, имеющий право выбирать самостоятельно. — Алия, наверное, уже в сотый раз это произнесла. «Эта маленькая дурочка должна рано или поздно до этого дойти! Она должна пойти на помолвку с Фарадином. Должна! Пусть потом убивает его, но от обрученной Свободной требуется публичное провозглашение о своей помолвке».

— Он убил моего брата, — Ганима была замкнута на одном. — Всем это известно. Свободные будут плевать при упоминании моего имени, если я соглашусь на эту помолвку.

«И это одна из причин, по которым ты должна согласиться», — подумала Алия. Вслух она сказала:

— Это сделала его мать. Он изгнал ее за это. Чего еще ты от него хочешь?

— Его крови, — ответила Ганима. — Он Коррино.

— Он осудил свою собственную мать, — возразила Алия. — И почему тебя должны беспокоить досужие пересуды Свободных? Они примут все, что мы там ни прикажем им принять. Гани, мир в Империи требует ...

— Я не соглашусь, — сказала Ганима. — Без меня вы помолвку объявить не сможете.

Ирулэн, вошедшая в комнату как раз при этих словах Ганимы, вопрошающе взглянула на Алию и двух советниц, стоявших рядом с ней. Ирулэн увидела, как Алия в отвращении вскинула руки и опустила в кресло напротив Ганимы.

— Поговори с ней ты, Ирулэн, — сказала Алия.

Ирулэн пододвинула суспензорное кресло и села рядом с Алией.

— Ты — Коррино, Ирулэн, — сказала Ганима. — Не думай, что тебе повезет меня уговорить.

Ганима встала, перешла на койку и уселась там, ноги накрест, посверкивая глазами на двух женщин. Ирулэн, видела она, надела черную абу, под стать Алии, откинутый капюшон не скрывал ее золотых волос. Волосы траура — в желтом свете освещавших комнату парящих глоуг-лобов.

Ирулэн взглянула на Алию, встала, подошла к Ганиме, поглядела ей в лицо.

— Ганима, я бы сама его убила, если бы этим можно было разрешить все проблемы. И Фарадин — моей крови, как ты так мило подчеркнула. Но у тебя есть долг намного выше твоих обязательств перед Свободными ...

— Звучит не лучше, исходя от тебя, чем от моей драгоценной тети, — сказала Ганима. — Кровь брата смыть нельзя. — Это больше, чем афоризм каких-то маленьких Свободных.

Ирулэн поджала губы. Потом сказала:

— У Фарадина в пленницах твоя бабушка. У него Данкан, и если мы не ...

— Меня не устраивают твои версии, как все произошло, — сказала Ганима, мимо Ирулэн, глядя на Алию. — Однажды Данкан предпочел умереть, чем дать врагам захватить моего отца. Может быть, его новая плоть гхолы уже не такая же, как ...

— Данкану было поручено охранять твою бабулю, — сказала Алия, поворачиваясь на стуле. — Я убеждена, он выбрал единственный способ для этого. — И подумала: «Данкан! Данкан! Вовсе не предполагалось, что ты сделаешь это так».

Ганима, уловившая неискренние нотки в голосе Алии, пристально посмотрела на тетю:

— Ты лжешь, о Чрево Небес. Я слышала о твоей схватке с бабушкой. Что же такое ты боишься рассказать нам о ней и своем драгоценном Данкане?

— Ты все слышала, — сказала Алиа, но почувствовала укол страха при этом неприкрытом обвинении со всем, что под ним подразумевалось. Она поняла, что устала, потеряла осторожность. Встав, она сказала: — Все, что знаю я, знаешь и ты, — и повернувшись к Ирулэн: Займись ей ты. Ее нужно подвинуть на ...

Ганима перебила ее грубым ругательством Свободных, прозвучавшим шокирующе из девичьих уст.

— У тебя еще есть время внять доводам рассудка, — сказала Алиа.

— Тогда, может, у меня будет время увидеть, как кровь Фарадина захлещет из-под моего ножа, — ответила Ганима. — Поживем — увидим. Если я когда-либо останусь с ним наедине, один из нас наверняка умрет.

— По-твоему, ты любила своего брата больше моего? — спросила Ирулэн. — Ты валяешь дурака! Я была ему матерью, точно так же, как тебе. Я была ...

— Ты никогда его не знала, — ответила Ганима. — Все вы, за исключением временами моей обожаемой тети, упорно считали нас детьми. Это вы дураки! Алиа знает! Посмотри, как она сбегает от ...

— Ни от чего я не сбегаяю, — сказала Алиа, но повернулась спиной к Ирулэн и Ганиме и посмотрела на двух амазонок, делавших вид, будто они ничего не слышат. Они явно подались на сторону Ганимы. Может быть, они ей сочувствуют. Алиа сердито отослала их из комнаты, когда они уходили, на их лицах было написано облегчение.

— Сбегашь, — настаивала Ганима.

— Я выбрала устраивающий меня путь жизни, — Алиа вновь обернулась, чтобы внимательно поглядеть на сидящую на кровати, Ганиму, но не в силах была уловить на лице Ганимы. «Разглядела ли она это во мне? Куда ей?» — засомневалась Алиа.

— Ты боялась стать окошком в мир, — обвинила Ганима. — Но мы предрожденные, и мы знаем: Ты будешь их окошком, сознательно или бессознательно. Ты не можешь их отрицать. — И подумала: «Да, я знаю тебя — Богомерзость. И, может быть, меня заведет туда же, куда завело тебя, но на нынешний день я могу лишь жалеть тебя и презирать».

Молчание повисло между Ганимой и Алией, почти осязаемая вещь, насторожившая обладавшую выучкой Бене Гессерит Ирулэн. Переводя взгляд с одной из них на другую, она сказала:

— Почему вы вдруг притихли?

— Меня только что посетила мысль, требующая размышлений, — ответила Алиа.

— Обдумай на досуге, дорогая тетя,— насмешливо хмыкнула Ганима.

Алия, подавляя гнев, которому ее усталость чуть не дала проявиться, сказала:

— Пока что хватит! Дадим возможность. Может быть, она придет в себя.

Ирулэн встала и сказала:

— Во всяком случае, уже почти заря. Гани, перед тем, как мы уйдем, не выслушаешь ли последнее послание от Фарадина? Он ...

— Не выслушаю,— ответила Ганима.— Исэтих пор прекратите называть меня этим нелепым уменьшительным. Гани! Это только поддерживает заблуждение, будто я ребенок, которого вы можете ...

— Почему ты и Алия так внезапно притихли? — Ирулэн вернулась к предыдущему вопросу, но задала его теперь, тонко используя модуляции Голоса.

Ганима, запрокинув голову, расхохоталась.

— Ирулэн! Ты пробуешь на мне Голос?

— Что? — Ирулэн была ошелоmlена.

— Ты еще полезь в пекло поперек своей бабушки,— сказала Ганима.

— Что-что?

— Сам тот факт, что мне известно это выражение, а ты его никогда прежде не слышала, должен бы заставить тебя замолчать,— ответила Ганима.— Это старая шутка, Бене Гессерит тогда еще только возникла. Но если это не запятнает твоей чистоты, спроси себя, о чем только думали твои родители, называя тебя Ирулэн? Или это Руины-льня?

Несмотря на свою выдержку, Ирулэн вспыхнула.

— Ты пытаешься разгневаться на меня, Ганима.

— А ты попыталась опробовать на мне Голос. На мне! Я помню первые опыты людей в этом направлении. Я помню то время, Руинная Ирулэн? Теперь ступайте отсюда, вы обе.

Но Алия теперь была заинтригована, и в ней возникло предположение, прогнавшее утомление.

— Возможно, у меня есть предложение, которое могло бы заставить тебя передумать, Гани,— сказала она.

— Опять Гани! — с уст Ганимы сорвался жесткий смешок.— Задумайся на миг: если я жажду убить Фарадина, мне нужно лишь согласиться с вашим планом. Мне как дважды два ясно, что есть у тебя такая мысль. Бойся Гани послушную! Вот видишь, я предельно откровенна с тобой.

— То, на что я надеялась,— сказала Алия.— Если ты ...

— Кровь брата не может быть смыта. Я не выйду к моему любимому народу свободных предательницей этого завета. Никогда не забывать, никогда не прощать. Разве не это наша заповедь? Предупреждаю тебя здесь и заявлю об этом публично — ты не сумешь обручить меня с Фа-

радином, посмеваясь при этом в рукав: «Вот-вот, она заманивает его в ловушку». Если ты ...

— Понимаю, — сказала Алия, направляясь к Ирулэн. Ирулэн, заметила она, стоит в потрясенном молчании, поняв уже, куда направлен этот разговор.

— Да, вот так я заманила бы его в ловушку, — сказала Ганима. — Это, соглашусь, было бы то, чего ты хочешь, но он может и не попасться. Если ты хочешь расплатиться этим лжеобручением как фальшивой монетой за выкуп моей бабушки и твоего драгоценного Данкана, да будет так. Но это — на твоей совести. Выкупай их. Фарадин, однако ж, мой. Его я убью.

Ирулэн повернулась к Алии, до того, как та успела заговорить.

— Алия, если мы вспомним о нашем слове ... — она на миг оставила фразу висеть в воздухе, пока Алия с улыбкой размышляла о клятве, данной Великими Домами на Ассамблее в Фофрелучисе, о разрушительных последствиях пропажи веры в честь Атридесов, о потере религиозного опекунства, обо всем, что возводимое по кирпичику рухнет в одночасье.

— Это обернется против нас, — протестуя договорила Ирулэн. — Разрушится вся вера в то, что Пол — пророк. Это ... Империя ...

— Кто осмелится сомневаться в нашем праве решать, что верно и что неверно? — мягким голосом спросила Алия. — Мы связующее звено между добром и злом. Мне надо лишь провозгласить ...

— Ты не можешь этого сделать! — запротестовала Ирулэн. — Память Пола ...

— Это всего лишь один из инструментов Церкви и Государства, — сказала Ганима. — Не говори глупостей, Ирулэн, — она коснулась крисиножа у себя на поясе, подняла взгляд на Алию. — Я неправильно судила о моей умной тетушке, Регентше всего Святого в империи Муад Диба. Да, конечно, я неверно судил о тебе. Заманивай Фарадина в нашу приемную, если хочешь.

— Это безрассудство, — умоляюще проговорила Ирулэн.

— Ты согласна на это обручение, Ганима? — спросила Алия, игнорируя Ирулэн.

— На моих условиях, — ответила Ганима, так и держа руку на крисиноже.

— Я здесь умываю руки, — Ирулэн сделала такое движение руками, словно на самом деле их мыла. — Я готова была отстаивать истинную помолвку ради исцеления ...

— Мы нанесем тебе рану, которую намного труднее будет исцелить, Алия и я, — сказала Ганима. — Давайте его побыстрее сюда — если он поедет. И, возможно, он поедет. Станет ли он подозревать ребенка моих нежных лет? Давайте разработаем формальную церемонию обручения, чтобы потребовать его присутствия. Предусмотрим в цере-

монии возможность для меня остаться с ним наедине ... Все лишь на одну-две минутки ...

Ирулэн содрогнулась при этом свидетельстве, что Ганима, в конечном итоге, Свободная с головы до пят, ребенок, по кровожадности ничем не отличающийся от взрослого. В конце концов, детям Свободным не привыкать было добывать раненых на поле боя, избавляя женщин от этой поденщины, чтобы они могли собирать тела и отволакивать их к водосборникам смерти. И Ганима, говоря, как истинное дитя Свободных, продуманной зрелостью своих слов нагромождала ужас на ужас, древнее чувство вендетты аурой исходило от нее.

— Решено, — сказала Алия, борясь со своим голосом и выражением лица, чтобы они не выдали ее радости. — Мы подготовим формальную грамоту о помолвке. Мы заверим ее подписями надлежащих представителей Великих Домов. Фарадин никак не сможет сомневаться ...

— Он будет сомневаться — но придет, — сказала Ганима. — И при нем будет охрана. Но ведь никто не подумает охранять его от меня.

— Ради любви ко всему, что для вас старался сделать Пол, — запротестовала Ирулэн, — давайте по крайней мере представим смерть Фарадина несчастным случаем или как результат озлобленности ...

— Я с радостью покажу мой окровавленный нож моим собратьям, — сказала Ганима.

— Алия, умоляю тебя, — сказала Ирулэн. — Откажись от этого безумия. Провозгласи против Фарадина канли, все, что ...

— Нам не требуется формальное объявление вендетты против него, — сказала Ганима. — Вся Империя знает, что мы должны чувствовать, — она указала на свой рукав. — Я ношу желтый цвет траура. Когда я сменю его на черный — цвет обручения у Свободных — одурачит ли это кого-нибудь?

— Молись, чтоб это одурачило Фарадина, — сказала Алия. — И делегатов от Великих Домов, которых мы пригласим засвидетельствовать ...

— Все и каждый из этих делегатов обратятся против вас, — сказала Ирулэн. — Вы это знаете!

— Превосходное замечание, — сказала Ганима. — Тщательнее подбирай делегатов, Алия. Нам нужны такие, от кого мы не прочь потом избавиться.

Ирулэн в отчаянии взметнула руки, повернулась и выбежала вон.

— Держи ее под пристальным наблюдением, на случай, если она попытается предупредить своего племянника, — сказала Ганима.

— Нечего учить меня, как устраивать заговоры, — и Алия последовала за Ирулэн, но более медленным шагом. Наружная охрана и ждущие советники шлейфом потянулись за ней — как песчинки во всасывающем вихре поднимающегося червя.

Глава 29

Вскоре после вечерней трапезы Лито увидел, как мимо дверной арки его помещения прошел человек, и ум Лито последовал за этим человеком. Проход оставался открыт, и Лито было видно там некое оживление: корзины со спайсом, провозимые мимо, три женщины в изысканных одеждах не с этой планеты, сразу обличавших в них контрабандисток. Человек, привлечший внимание Лито, не отличался бы ничем особенным, не иди он походкой Стилгара, намного помолодшего Стилгара.

Именно эту особенность походки и отметил его ум. Осознание времени переполняло Лито. Ему были видны бесконечные пространства времени, но для того, чтобы понять, в каком же мгновении пребывает его собственное тело, ему приходилось втискиваться в собственное будущее. Многогранные жизни-памяти приливами и отливами вздымались и опали в нем, но теперь все они были в его подчинении. Они были как волны на морском берегу, но если они поднимались чересчур высоко, он приказывал им, и они отступали, оставляя после себя лишь царственного Харума.

Снова и снова он вслушивался в эти жизни-памяти. Каждая как суфлер, высовывающий голову над настилом сцены, чтобы подсказать нужную реплику актеру. Во время этой умственной прогулки пришел и его отец, сказав: «Ты ребенок, стремящийся стать мужчиной. Когда ты станешь мужчиной, то тщетно будешь стремиться стать тем ребенком, которым был».

Все это время его тело терзали блохи и вши — за старым съетчем был плохой уход. Никто из прислуги, приносившей ему обильно одобренную спайсом еду, как будто и внимания не обращал на этих тварей. Что, у этих людей иммунитет против них, или они прожили здесь так долго, что им наплевать на подобное неудобство?

Кто же эти люди, собравшиеся вокруг Гурни? Как они сюда прибыли? Джакуруту ли это? Его многочисленные памяти давали ответы, ему не нравившиеся. Отвратительные люди, и Гурни — самый отвратительный из всех. Дремлющее в ожидании под уродливой поверхностью здесь было разлитое совершенство.

Частично он понимал, что связан узами спайса, ощущал эти оковы в обильных дозах меланжа в каждом блюде. Его детское тело хотело взбунтоваться, в то время как ум неистово носился сквозь непосредственную реальность памяти, уводящих за тысячи геологических эр.

Ум его вернулся из этого путешествия, и он усомнился, действительно ли тело так и оставалось на месте. Из-за спайса его ощущения смешались. Он чувствовал давление самоограничений, громоздящихся на него, как будто плоские барханы дюн бледа медленно поднимаются все выше у пустынной кручи. И однажды через вершину кручи потечет несколько струек песка, затем еще, еще и еще ... И только песок будет глядеть в небо.

В дверной арке появился Гурни Хэллек, голова против света вырисовывалась — черным силуэтом.

— Принесите свет, — сказал Лито.

— Хочешь и дальше проходить испытания?

Лито рассмеялся:

— Нет. Теперь моя очередь испытывать вас.

— Посмотрим, — Хэллек исчез и через минуту появился с ярким голубым глоуглобом, на сгибе локтя левой руки. Он отпустил его к потолку и оставил плавать над их головами.

— Где Намри? — спросил Лито.

— Прямо за дверью. Могу его позвать.

— А-а-а, Старик Вечность всегда ждет терпеливо, — сказал Лито. Он чувствовал занятое облегчение, стоя на пороге открытия.

— Ты называешь Намри именем, принадлежащим Шай-Хулуду, — сказал Намри.

— Его нож — зуб червя, — ответил Лито. — Значит, он Старик Вечность.

Хэллек хмуро улыбнулся, но промолчал.

— Ты все еще ждешь, чтобы вынести мне приговор, — сказал Лито. — Согласен, без вынесенных приговоров нет способа обменяться информацией. Впрочем, нельзя от мироздания требовать точности.

Шуршащий звук позади Хэллека известил Лито, что входит Намри. Он остановился в полушаге слева от Хэллека.

Оба мужчины пристально на него смотрели.

— Всякий приговор балансирует на грани ошибки, — объяснил Лито. — Претендовать на абсолютное знание, значит стать чудовищем. Познание — это бесконечное приключение на грани сомнения.

— В какую это словесную игру ты играешь? — спросил Хэллек.

— Пусть говорит, — сказал Намри.

— Это игра, которую первоначально затеял со мной Намри, — сказал Лито, и старый Свободный кивнул в знак согласия. Он не мог не узнать игру в загадки. — Наше восприятие имеет два уровня, — добавил Лито.

— Послания внешнее и сокровенное, — сказал Намри.

— Превосходно! — откликнулся Лито. — Ты сообщал мне внешнее — я отвечаю тебе сокровенным. Я вижу, я слышу, я обоняю, я осязаю, я ощущаю разницу температур, вкусовых ощущений. Я ощущаю

течение времени. Я снимаю образчики эмоционального. А-а-а! Я счастлив. Понимаешь, Гурни? Намри? Нет никакой загадки человеческой жизни. Это не проблема, которую нужно разрешить, а реальность, которую нужно прожить.

— Ты испытываешь мое терпение, паренек, — сказал Намри. — Разве здесь ты хочешь умереть?

Но Хэллек сдерживающе поднял руку.

— Во-первых, я не паренек, — сказал Лито, впервые показывая, что желает слышать правильное обращение. — Ты не убьешь меня — я возложил на тебя ишу воды.

Намри наполовину вытащил криснож из ножен.

— Я тебе ничего не должен!

— Опасно играть со мной в непочтительность, — сказал Намри, держа криснож наполовину вытащенным из ножен.

— Непочтительность — наимужнейшая составная часть религии, — сказал Лито. — Не говоря уж о ее важности в философии. Непочтительность — единственный оставленный нам способ попытаться мироздания.

— Так, по-твоему, ты понимаешь мироздание? — спросил Хэллек, освобождая пространство для Намри.

— Мм-да, — сказал Намри и угроза была в его голосе.

— Мироздание может быть понято только ветром, — сказал Лито. — Не обитает в мозгу мощной опоры рассудку. Творение — это открытие. Господь открыл нас в Пустоте, потому что мы двигались на уже знакомом ему фоне. Была ровная стена. Затем пришло движение.

— Ты играешь в прятки со смертью, — предостерег Намри.

— Но вы оба — мои друзья, — Лито поглядел прямо в лицо Намри. — Когда ты предлагаешь кандидатуру, как друг своего съетча, разве не убиваешь ты орла и ястреба — знак, что ты доносишь предложение? И разве не следует ответ: «Бог посылает каждого человека к собственному концу, вот так ястребов, вот так орлов, вот так друзей?»

Рука Намри соскользнула с ножа. Лезвие ушло назад в ножны. Он уставился на Лито расширенными глазами. У каждого съетча был свой тайный ритуал дружбы — и вот она, часть этого обряда.

Но Хэллек спросил:

— В этом ли месте твой конец?

— Я знаю, что тебе нужно от меня услышать, Гурни, — сказал Лито, наблюдая за игрой надежд и подозрений на уродливом лице. Он положил руку на грудь. — Этот ребенок никогда ребенком не был. Мой отец живет внутри меня, но он не я. Ты любил его, и он был доблестным человеком, деяния которого превыше высоких берегов. Намерением его было покончить с круговоротом войн, но в свои расчеты он не включил движения бесконечности, как оно выражаемо жизнью. Это Раджия! Намри знает. Его движение может увидеть любой смертный. Остерегайся

троп, сужающих вероятности будущего. Такие тропы ведут тебя от бесконечности в смертельные ловушки.

— Это ли мне нужно услышать от тебя? — спросил Хэллек.

— Он просто играет словами, — сказал Намри, но голосом, полным глубоких колебаний и сомнений.

— Я объединяюсь с Намри против моего отца, — сказал Лито. — И мой отец внутри меня объединяется с нами против того, что из него сделали.

— Почему? — спросил Хэллек.

— Потому что это то *apog fati*, что я несу человечеству, акт окончательного экзамена, сдаваемого самому себе. Мой выбор в этом мире — быть союзником против любой силы, несущей унижение человечеству. Гурни! Гурни! Ты не в пустыне родился и вырос. Твоя плоть не ведаст истины, о которой я говорю. Но Намри знает. На открытой местности одно направление не хуже другого.

— Я до сих пор не услышал того, что должен услышать, — сердито обрезал Хэллек.

— Он выступает за войну и против мира, — сказал Намри.

— Нет! — ответил Лито. — Как и мой отец несколько не выступал против войны. Но посмотрите, что из него сделали. «Мир» в этой Империи имеет только одно значение — поддержание движения по единственному жизненному пути. Жизнь должна быть однообразна на всех планетах, как едино правительство Империи. Вам велят быть довольными. Главная цель штудий священнослужителей — найти правильные формы жизни. Ради этого они прибегают к словам Муад Диб! Скажи мне, Намри, ты доволен?

— Нет! — отрицание вырвалось спонтанно и бесстрастно.

— Значит, ты богохульствуешь?

— Разумеется, нет!

— Но ты недоволен. Понимаешь, Гурни? Намри это нам доказывает: каждый вопрос, каждая проблема не имеют единственно правильного решения. Надо разрешить разнообразие. Монолит неустойчив. Так почему ты требуешь от меня единственно верного высказывания? Этому ли быть мерилом твоего чудовищного приговора?

— Ты вынудишь меня убить тебя? — спросил Хэллек, глубокое страдание было в его голосе.

— Нет, я тебя пощажу, — ответил Лито. — Пошли весточку моей бабушке, что я буду сотрудничать. Бене Гессерит может еще пожалеть о таком сотрудничестве, но Атридес дает свое слово.

— Это надо проверить Видящей Правду, — сказал Намри. — Эти Атридесы ...

— У него будет шанс сказать перед своей бабушкой то, что должно быть сказано, — Хэллек кивнул головой в сторону прохода.

Намри помедлил, перед тем как уйти, взглянул на Лито.

— Молюсь, что мы поступаем правильно, оставляя его в живых.

— Идите друзья, — сказал Лито. — Идите и поразмыслите.

Когда двое мужчин удалились, Лито повалился на кровать. От совершенного движения голова у него закружилась, он был на грани перегруженного спайсом сознания. И в этот миг он увидел всю планету — каждое поселение, каждый городок, большие города.

Глава 30

— Само получается! — еле слышным шепотом сказал Фарадин.

Он стоял над кроватью леди Джессики, пара охранников прямо позади него. Леди Джессика приподнялась на руках. На ней был парашелковый халат мерцающе белого цвета и такая же лента в бронзовых волосах. Фарадин ворвался к ней несколько мгновений назад. На нем было серое трико. Лицо его вспотело от возбуждения и от отчаянной пробежки по коридорам дворца.

— Сколько времени? — спросила Джессика.

— Времени? — озадаченно переспросил Фарадин.

Один из охранников подал голос:

— Третий час ночи, миледи.

Охрана боязливо поглядывала на Фарадина. Молодой принц стремглав пронесся по освещенным ночными светильниками коридорам, и ошеломленные охранники сорвались вслед за ним.

— Но ведь получается, — сказал Фарадин. Он поднял левую руку, затем правую. — Я видел, как мои собственные руки уменьшаются в пухлые кулачки, и вспомнил! Это мои руки, когда я был маленьким. Я припомнил, как был маленьким, но это была ... более ясная память. Я реорганизовывал мои воспоминания!

— Очень хорошо, — сказала Джессика. Его возбуждение было разительно. — А что произошло, когда твои руки состарились?

— Мой ... мой ум стал ... косным. И у меня заболела спина. Вот здесь, — он коснулся места чуть выше левой почки.

— Ты выучил наиважнейший урок, — сказала леди Джессика. — Ты понимаешь, что это за урок?

Руки его упали, он поглядел на нее и сказал:

— Мой ум управляет моей реальностью, — глаза его сверкнули и он повторил погромче. — Мой ум управляет моей реальностью!

— Это начало равновесия прана-бинду, — сказала Джессика. — Хотя, всего лишь только начало.

— Что мне делать дальше? — спросил он.

— Миледи, — стражник, ответивший на ее вопрос, осмелился теперь вмешаться. — Время ...

«Интересно, есть ли кто-нибудь в такой час на их пунктах слежения?» — подумала Джессика. И сказала:

— Удалитесь. Нам нужно поработать.

— Но, миледи ... — охранник боязливо перевел взгляд с Фарадина на Джессику и обратно.

— По-твоему, я собираюсь его соблазнить? — спросила Джессика. Тот замер.

Фарадина охватило веселье, он расхохотался и выпроваживающе махнул рукой.

— Вы слышали ее? Удалитесь.

Охранники поглядели друг на друга, но повиновались.

Фарадин присел на край кровати Джессики.

— Что дальше? — он покачал головой. — Хотелось мне верить тебе, и все же я не верил. Потом ... потом мой ум как будто стал таять. Я устал. Мой ум сдался, перестал бороться с тобой. Вот так это было. Да, вот так! — он щелкнул пальцами.

— Не со мной боролся твой ум, — сказала Джессика.

— Конечно, нет, — согласился он. — Я сражался с самим собой, с той чушью, которой был обучен. Ну, что дальше?

Джессика улыбнулась.

— Признаться, я не рассчитывала, что ты так быстро добьешься успеха. Тебе понадобилось только восемь дней и ...

— Я был терпелив, — ухмыльнулся он.

— И терпению ты тоже начал учиться.

— Начал?

— Ты едва-едва пригубил от учености. Теперь ты и вправду молодец. До этого ты был ... неродившейся возможностью.

Углы его рта поникли.

— Не будь так мрачен, — сказала она. — Ты это сделал. Это важно. Сколь многие могут сказать о себе, что они родились заново?

— Что следующее? — упорно повторил он.

— Ты будешь упражняться в том, чему научился, — сказала она. — Я хочу, чтоб у тебя это получалось очень легко, в зависимости лишь от твоей воли. Потом я заполню еще одно место в твоём сознании, которое это упражнение распахнуло в тебе наружу. Оно будет заполнено способностью проверять, как действуют твои запросы на любую реальность.

— Это все, что мне сейчас делать?.. упражняться в ...

— Нет. Теперь ты можешь начать тренировку мускулов. Скажи мне, можешь ли ты пошевелить мизинцем левой ноги, чтобы больше ни один мускул твоего тела не дрогнул?

— Мизи... — Она увидела, как на лице его появилось отсутствующее выражение — он пробовал пошевелить мизинцем. Вскоре он поглядел на

свои ноги, уставился на них. На его лбу выступил пот. Из груди вырвался глубокий выдох: «Нет, не могу.»

— Можешь, — возразила она. — Ты этому научишься. Ты познаешь каждый мускул своего тела. Познаешь их точно так же, как знаешь свои руки.

Он был ошеломлен открывшейся перспективой. Затем спросил:

— Для чего ты это со мной делаешь? Каков твой план в отношении меня?

— Я намереваюсь высвободить тебя от пут мироздания, — ответила она. — Ты станешь кем угодно — кем сам больше всего жаждешь стать.

Он осмысливал сказанное одно мгновение.

— Кем я только ни пожелаю стать?

— Да.

— Это невозможно!

— Если только ты не научишься управлять своими желаниями так же, как управляешь своей реальностью, — сказала она. И подумала: «Вот оно! Пусть его аналитики разбираются с этим. Они посоветуют ему принять это, но быть осторожным, а Фарадин на шаг приблизится к пониманию того, что я делаю на самом деле».

Он сказал, проверяя свою догадку:

— Одно дело — сказать человеку, что он осознает свое сердечное желание. Другое дело — на самом деле подвести его к этому.

— Ты пойдешь дальше, как я думала, — сказала Джессика. — Очень хорошо, обещаю: если ты полностью пройдешь эту программу обучения, ты станешь хозяином самому себе. Что ты ни сделаешь, это будет только то, чего ты захочешь.

«И пусть Видящая Правду попробует понять все это», — подумала она.

Он встал, и выражение его лица, когда он склонился над ней, было теплым, и было в нем чувство товарищества:

— Я, знаешь ли, верю тебе. Будь я проклят, если знаю, почему, но верю. И не скажу ни слова о других вещах, о которых думаю сейчас.

Джессика смотрела на него, пока он, пятясь задом, удалялся из ее спальни. Он сказал ей ни много, ни мало, а то, что начал понимать ее умысел, но по собственной воле присоединяется к ее заговору.

«Подожди, пока он не начнет постигать свои собственные эмоции», — подумала она. На этом она успокоилась и вернулась ко сну. Завтра утром ей будут отчаянно докучать случайные встречи с разными придворными, задающими внешне невинные вопросы.

Глава 31

«Касание песка — важно», — сказал себе Лито.

Ему, сидевшему под ослепительным небом, был ощутим крупнозернистый песок под ним. Его принудили съесть еще одну обильную дозу меланжа, и ум Лито обратился на себя самого, подобно водовороту. Глубоко внутри воронки этих завихрений покоился оставшийся без ответа вопрос: «Почему они добиваются того, чтобы я это сказал?» Гурни был упрям — нет сомнений. И приказ свой он получил от леди Джессики.

Лито вывели из сьetchа на дневной свет ради его «урока». Из-за того, что тело его совершило эту короткую прогулку из сьetchа, в то время как ум присутствовал при битве Лито с Бароном Харконненом, наблюдая ее глазами обоих, у него было странное ощущение. Они сражались внутри него, через него, поскольку он не мог дать им сойтись в непосредственной схватке. Эта битва открыла ему, что случилось с Алией. Бедная Алия.

«Я был прав, страшась этого спайсового путешествия», — подумал он.

Горькая обида на леди Джессику переполнила его до краев. Проклятый ее Гом Джаббар! Сразиться с ним и победить — или умереть при испытании. Она не могла поднести отравленную иглу к его шее, но она могла послать его в ту долину опасностей, перед которыми не устояла ее собственная дочь.

Внимание его привлекло сопение. Оно колебалось, становилось громче, тише, громче ... тише. Он не мог определить, принадлежит ли оно нынешней реальности или навеяно спайсом.

Тело Лито поникло на скрещенные руки. Ягодицами он ощущал горячий песок. Прямо перед ним был коврик, но он сидел на голом песке. На коврик упала тень: Намри. Лито поглядел на запачканный рисунок ковра, по которому, чудилось ему, бежит пузырчатая рябь. Его сознание поплыло из настоящего через пейзаж, где до горизонта простирались взбудораженные зеленые кроны.

Голова гудела. Ему было жарко, его лихорадило. Лихорадка была давлением того жара, что заполнял его ощущения, вытесняя осознание собственного тела, пока не остались для него ощутимы лишь движущиеся тени грозящих опасностей. Намри и его нож. Давление ... Давление ... Наконец, Лито простерся ничком между песком и небом, не ощущая ничего, кроме лихорадки. Теперь он ожидал, чтобы что-нибудь произошло, чувствуя, что любое событие станет главным и единственным.

Через какое-то время он очнулся в белой пустоте и вспыхнувшим сознанием понял, где находится его тело: сидит на песке в километре от той кручи съезда, что является его северной стеной. Он теперь не ведал сомнений, что это за съезд: Джакуруту ... и Фондак. Но он очень сильно отличается от легенд и мифов, и от слухов, которым распространяют контрабандисты.

Прямо напротив него сидела на коврике молодая женщина, прицепленный к ее левому рукаву глоуглоб парил над ее головой. Когда Лито поднял взгляд выше глоуглоба, то увидел звезды. Он знал эту молодую женщину — она уже появлялась раньше в его видениях, это она жарила кофе. Она была племянницей Намри, так же готовой пустить в дело нож, как и ее дядя. Нож лежал у нее на подоле, подоле простого зеленого одеяния поверх серого стилсюта. Сабиха, так ее звали. И у Намри были на нее собственные планы.

По его глазам Сабиха увидела, что он очнулся и сказала:

— Уже почти заря. Ты провел здесь целую ночь.

— И большую часть дня, — сказал он. — Ты деласшь хороший кофе.

Это замечание ее озадачило, но она проигнорировала его — с той прямолинейностью мышления, что свидетельствовало, что нынешнее ее поведение определяется суровой подготовкой и подробнейшими инструкциями.

— Вот и час убийства, — сказал Лито. — Но твой нож больше не нужен, — он указал на нож у нее на подоле.

— Намри о том судить, — ответила она.

«Значит, не Хэллеку». Она лишь подтвердила его догадку.

— Шай-Хулуд — великий уборщик мусора и уничтожитель ненужных свидетельств, — сказал Лито. — Я сам его так использовал.

Она непринужденно положила руку на рукоять ножа.

— Как показательно то, где каждый из нас сидит, — сказал Лито. — Ты сидишь на коврике, а я на песке.

Ее рука полунакрыла рукоять ножа.

Лито зевнул, так сильно и широко, что у него заболели челюсти.

— У меня было видение, в котором и ты присутствовала, — сказал он.

Ее плечи слегка расслабились.

— Мы были очень несправедливы в отношении к Арракису, — сказал он. — Просто варварство. Есть некая инерция в том, что мы до сей поры делаем, но кое-что мы должны исправить. Чашечки весов надо уравновесить получше.

По лицу Сабихи скользнуло сомнение.

— Мос видение, — сказал он. — Если только мы не восстановим здесь, на Дюне, танец жизни, не будет больше дракона на полу пустыни.

Поскольку он использовал для червя название, употреблявшееся Старыми Свободными, она чуть замешкалась, чтобы его понять.

— Червь? — спросила она.

— Мы в темном проходе, — сказал он. — Без спайса распадется империя. Не сдвинутся корабли Космического Союза. Воспоминания планет друг о друге будут все больше тускнеть. Планеты замкнутся на самих себя. Спайс станет той границей, на которой навигаторы Союза утратят свое мастерство. Мы станем цепляться за наши дюны, невежды насчет того, что есть над нами и под нами.

— Ты говоришь очень странно, — сказала она. — Как ты видел меня в своем видении?

«Полагайся на суетверия Свободных!» — подумал он. И сказал:

— Я стал пазиграфичен. Я — живая скрижаль, на которой надо высечь те перемены, которые должны проследовать. Если я их не запишу, вы встретитесь с такой сердечной болью, какой еще не испытывало человечество.

— Что это за слова? — спросила она, а рука ее легко покоилась на ноже.

Лито повернул голову на кручи Джакуруту, увидел начинающееся свечение, которым Вторая луна отмечала свой предрассветный поход за скалами. Предсмертный крик пустынного зайца потряс его душу. Он увидел, как Сабиха содрогнулась. Затем послышалось хлопанье крыльев — ночная птица, ставшая здесь ночной. Он увидел янтарное свечение многих глаз, проносящихся мимо него по направлению к трещинам кручи.

— Я должен следовать велениям моего нового сердца, — сказал Лито. — Ты смотришь на меня, как на простого ребенка, Сабиха, но если ...

— Он предостерегал меня насчет тебя, — сказала Сабиха, и плечи ее теперь напряглись.

Услышав страх в ее голосе, он сказал:

— Не бойся меня, Сабиха. Ты прожила на восемь лет больше моего тела. Я отношусь к тебе с почтением. Но во мне намного больше тысяч лет нерассказанных жизней — намного больше, чем знаешь ты. Не смотри на меня, как на ребенка. Я прошел через мосты многих будущих и в одном из них видел нас, переплетенных в любви. Тебя и меня, Сабиха.

— Что ... Этого не может ... — она смущенно осеклась.

— Эта мысль разовьется в тебе, — сказал он. — Теперь помоги мне вернуться в съетч, потому что я побывал во многих местах и ослаб, утомленный моими путешествиями. Намри должен услышать, где я был. — Заметя в ней нерешительность, он добавил: — Разве я не Гость Пещеры? Намри должен узнать то, что открылось мне. Многое мы должны сделать, иначе выродится наш мир.

— Я не верю этому ... Насчет червей, — сказала она.

— И насчет объятий любви тоже?

Она покачала головой. Но ему видно было, как мысли проплывают в ее мозгу подобно несомым ветром перышкам. Его слова и привлекали, и отталкивали ее. Необычайно соблазнительно, конечно, стать супругой

властвующего. Но есть ведь и приказы ее дяди. Но сын Муад Дибба однажды может стать правителем всего их мироздания — от Дюны до самых крайних его пределов. Отвращение, вспыхнувшее в ней к такому будущему, было не в духе Свободных — народа, привыкшего прятаться в пещерах. Спутница Лито будет на виду у всех, станет объектом сплетен и пересудов. Она, однако, будет богата, но ...

— Я — Сын Муад Дибба, способный видеть будущее, — сказал он.

Она медленно убрала нож в ножны, легко поднялась с коврика, подошла к Лито и помогла ему встать на ноги. Лито немало позабавили ее дальнейшие действия: она аккуратно сложила коврик, повесила его через правое плечо. Он видел, что она сравнивает их рост, размышляя над его словами — «переплетенные в любви»?

«Рост — из тех вещей, которые меняются», — подумал он.

Она положила руку ему на руку, помогая ему и направляя его. Он споткнулся, и она резко проговорила:

— Здесь этому не место! — имея в виду нежелательный звук, который мог привлечь червя.

Лито ощутил, что тело его стало сухой скорлупкой, покинутой насекомым. Он узнал эту скорлупку: некогда в ней было общество, основанное на торговле меланжем и на Религии Золотого Эликсира. Ее опустошили крайности. Высокие цели Муад Дибба ниспали до волхвства, поддерживаемого вооруженной силой Ауквафа. Религия Муад Дибба имеет теперь другое имя: Шьен-сан-Шао, иксианское словцо, означающее умоисступление и безумие считающих, будто они могут провести мироздание на острие крисножа. Но и это изменится, как изменилось название Икс — попросту девятая планета их солнца, но они забыли язык, давший им это название.

— Джихад был видом массового безумия, — пробормотал он.

— Что? — Сабиха была сосредоточена на том, чтобы идти вне ритма, не выдавая своего присутствия на открытом песке. На мгновение она задумалась над его словами, затем истолковала их как еще один плод его очевидного истощения. Она ощущала его слабость, то, как он был высок-сан трансом. Ей это казалось бессмысленным и жестоким. Если должно ему быть убитым, как говорит Намри, то следует сделать это быстро, без всех этих игр в кошки-мышки. Но Лито говорил о дивном откровении. Может, именно за этим и гонится Намри. Наверняка должен быть мотив, оправдывающий действия бабушки этого ребенка. С чего бы еще Нашей Госпоже Дюны давать свое добро на столь опасные для жизни ребенка действия?

Ребенка?

Опять она задумалась над его словами. Они были уже у подножия кручи, и она остановила своего подопечного, дав ему секунду передохнуть в местечке побезопасней. Глядя на него в неясном звездном свете, она спросила:

— Как же так может быть, что больше не будет червей?

— Только я могу изменить это, — ответил он. — Не бойся. Я могу изменить, что угодно.

— Но это ...

— На некоторые вопросы нет ответов, — сказал он. — Я видел то будущее, но противоречия только сбывают тебя с толку. Это наш меняющийся мир, и мы самое странное изменение из всех. Мы откликаемся на множество воздействий. Наши будущие нуждаются в постоянной модернизации. Сейчас имеется преграда, которую мы должны устранить. Это диктует нам жестокость, и совершать ее мы будем против наших самых основных и лелеемых желаний... Но это должно быть сделано.

— Что должно быть сделано?

— Ты когда-нибудь убивала друга? — спросил он, отворачиваясь и проходя в расщелину, свод которой нависал над тайным входом в сьютч. Шел он так быстро, как только позволяла усталость, а она сразу его догнала, вцепилась в его одежду и заставила остановиться.

— Что это такое — об убийстве друга?

— Он все равно умрет, — сказал Лито. — Мне не придется убивать его самому, но я мог бы это предотвратить. А если я не предотвращу — разве это не значит, что я его убью?

— Кто это ... кто умрет?

— Альтернатива налагает на меня молчание, — сказал он. — Я, может, буду обязан отдать мою сестру чудовищу.

И опять он отвернулся от нее, и на этот раз оказал сопротивление, когда она потянула его за одежду, отказался отвечать на ее вопросы. «Лучше всего ей не знать, пока не придет время», — думал он.

Глава 32

Возвышавшиеся на расстоянии бурные утесы Защитной стены виделись Ганиме воплощением того призрака, что угрожал ее будущему. Она стояла на краю сада-крыши крепости спиной к заходящему солнцу. Из-за пыльных туч солнце светило раскаленным оранжевым цветом, столь же сочным, как у красв пасти червя. Ганима вздохнула, думая: «Алия ... Алия ... Предстоит ли мне повторить твою судьбу?»

Внутренние жизни в последнее время громче заявляли о себе. Было что-то, связанное с внутренним миром женщин — Свободных — может, и вправду, половые различия с мужчинами, но что бы это ни было, женщина всегда была более восприимчива к подобному внутреннему

приливу. Ее бабушка предупредила ее об этом, когда они строили планы, и Ганима столько же почерпнула из аккумулированной мудрости Бене Гессерит, сколько осознала через эту мудрость угрожавшее ей.

Леди Джессика внутри нее ей сказала:

— За нашим за предрожденных — Богомерзость — долгая история неоднократного горького опыта. Действие Богомерзости, как представляется, таково, что внутренние жизни разделяются. Они расщепляются на благонесущие и злонесущие. Этот процесс, как известно, занимает определенное время, но признаки его легко узнаваемы.

— Почему ты бросила Алию? — спросила Ганима.

— Я в ужасе бежала от самой себя, — тихим голосом ответила Джессика. — Я сдалась. И теперь меня тяготит то, что ... может быть, я сдалась слишком рано.

— Лито ... боялся спайса, — сказала Ганима, обнаружившая, что может говорить о нем тихо. Жестокая потребовалась от них цена!

— И мудро, — ответила Джессика. И больше ничего не сказала.

Но Ганима пошла на обострение всплеска ее внутренних памяти, вглядываясь в прошлое сквозь странно расплывчатую завесу и сквозь тщетно распространяющийся страх Бене Гессерит. Просто объяснение, что сокрушило Алию, не принесет ни капли облегчения. Аккумулированный Бене Гессерит опыт указал ей на возможный выход из ловушки.

И сейчас она призывала жизнь-соучастницу, стоя в зареве заката на краю крыши-сада крепости. И сразу же явилась к ней жизнь-память ее матери. Чани стояла призраком между Ганимой и отдаленными обрывками.

— Войдя сюда, ты съешь плод Заккуума, пищу яда! — воззвала Чани. — Затвори эту дверь, дочка! Так будет безопасней.

Вокруг видения с шумом нахлынула толпа внутренних жизней, и Ганима сбежала, погрузив свое самосознание в Кредо Сестер, действуя больше от отчаяния, чем из доверия. Она быстро произнесла Кредо, шевеля губами, понижая голос до шепота.

Мысли Ганимы понемногу упорядочились. Хотя она ощущала, как трепещет ее тело, и знала, как непрочен достигнутый ею мир и эта расплывчатая завеса в ее мозгу.

— Леб Камай, — прошептала она. — Сердце моего врага, да не станет ты моим сердцем.

И она вызвала в памяти лицо Фарадина, сатурническое молодое лицо с тяжелыми бровями и твердым ртом.

«Ненависть сделает меня сильной, — подумала она. — Через ненависть я смогу сопротивляться судьбе Алии».

Но осталась трепещущая непрочность ее положения, и все, о чем она могла теперь думать — как же Фарадин напоминает своего дядю, покойного Шаддама IV.

— Вот ты где!

Это к Ганиме справа подходила Ирулэн, широко почти по-мужски шагавшая вдоль парапета. Повернувшись, Ганима подумала: «А она — дочь Шаддама».

— Почему ты все время ускользаешь сюда? — спросила Ирулэн, становясь перед Ганимой и возвышаясь над ней с сердитым лицом.

Ганима воздержалась от объяснений, что она не одна, что стража видела, как она взбиралась на крышу. Гнев Ирулэн относился к тому факту, что место было открытое и что здесь их могло настичь дальнбойное оружие.

— Ты не носишь стилсьют, — сказала Ганима. — Разве ты не знаешь, что в прежние времена любой, пойманный вне пределов съетча без стилсьюта, автоматически убивался. Растрачивать воду значило быть опасностью для племени.

— Вода! Вода! — бросила Ирулэн. — Я хочу знать, почему ты сама подвергаешь себя опасности таким образом. Пошли назад, вовнутрь. Мы все из-за тебя переволновались.

— Какая же теперь может быть опасность? — спросила Ганима. — Стилгар казнил всех изменников. Повсюду охрана Алии.

Ирулэн посмотрела на темнеющее небо. На его серо-голубом занавесе уже стали видны звезды. Потом она снова поглядела на Ганиму:

— Не буду спорить. Меня послали сказать тебе, что мы получили послание от Фарадина. Он согласен, но по некоторым причинам он желает отложить церемонию.

— На сколько?

— Мы еще не знаем. Идут переговоры. Но Данкана отсылают домой.

— И мою бабушку?

— Она предпочла остаться пока что на Салузе.

— Кто может ее осуждать? — спросила Ганима.

— А, глупая стычка с Алией!

— Не дурачь меня, Ирулэн. Это не было глупой стычкой. Я слышала рассказы.

— Страхи Сестер ...

— Истинны, — сказал Ганима. — Что же, ты получила мое послание. Постарайся еще раз меня переубедить?

— Нет, сдаюсь.

— Тебе бы следовало знать лучше, чем пытаться мне лгать, — сказала Ганима.

— Очень хорошо! Я не оставляю попыток тебя разубедить. Такой курс — сумасшествие, — и Ирулэн подивилась, почему она позволяет себе так сердиться на Ганиму. Сестры Бене Гессерит ни из-за чего не должны раздражаться. — Я озабочена грозящей мне крайней опасностью. Ты это знаешь. Гани ... ты дочь Пола. Как ты можешь ...

— Потому что я — его дочь, — ответила Ганима. — Мы, Атридесы, ведем свой род от Агамемнона и знаем, что в нашей крови. У нас, Атридесов, кровавая история — и мы не миримся с пролитой кровью.

Отвлеченная, Ирулэн спросила:

— Кто такой Агамемнон?

— До чего же скудно, оказывается, ваше хваленое образование Бене Гессерит, — сказала Ганима. — Я все время забываю, что ты видишь историю в уменьшающейся перспективе. Но мои воспоминания уходят до ... — Она осеклась: лучше не пробуждать эти тени от их хрупкого сна.

— Что бы ты там ни помнила, — сказала Ирулэн, — ты должна знать, как опасен этот курс для ...

— Я убью его, — сказала Ганима. — Жизнь за жизнь.

— А я предотвращу это, если смогу.

— Мы уже это знаем. Тебе не представится возможность. Алия отошлет тебя на юг в один из новых городов, пока все не будет кончено.

Ирулэн уныло покачала головой.

— Гани, я дала клятву, что буду охранять тебя от любой опасности. Я заплачу за это собственной жизнью, если будет необходимо. Если ты думаешь, что я собираюсь бездельничать за кирпичными стенами какой-нибудь джедиды, пока ты ...

— Всегда есть Хуануи, — мягким голосом сказала Ганима. — И альтернатива — водосборник смерти. Уверена, тебе не стоит вмешиваться оттуда, где ты будешь.

Ирулэн побледнела, поднесла руку ко рту, забыв на мгновение всю свою выучку. Это было свидетельством, сколько заботы она вложила в Ганиму — ничего не было, кроме животного страха.

— Гани, за себя я не боюсь. Ради тебя я брошусь в пасть червя. Да, я то, чем ты меня называешь — бездетная жена твоего отца. Но ты — мой ребенок, которого у меня никогда не было. Я умоляю тебя ... — слезы блеснули в углах ее глаз.

Ганима, поборов тяжелый комок в горле, сказала:

— Есть между нами и еще одно различие. Ты никогда не была Свободной. А я являюсь именно ей. Это пропасть, которая нас разделяет. Алия это понимает. Кем там она еще ни будь, но это она понимает.

— Нельзя сказать, что Алия понимает, — с горечью проговорила Ирулэн. — Не знаю я, что она из рода Атридесов, я бы решила, что она задалась целью уничтожить эту семью. «А откуда тебе знать, что Алия до сих пор Атридес?» — подумала Ганима, дивясь слепоте Ирулэн. Она же — из Бене Гессерит, а где же еще лучше знают историю Богомерзости? А она не позволяет себе даже думать об этом, не говоря уж о том, чтобы поверить. Алия, должно быть, заколдовала каким-то образом бедную женщину.

Ганима сказала:

— Я должна тебе воду. Ради этого я буду охранять твою жизнь. Но твой кузен поплатится. И не будем больше об этом.

Ирулэн уняла дрожь губ, вытерла глаза.

— Я так любила твоего отца, — прошептала она. — И даже не знаю, жив он или мертв.

— Может, он и не мертв, — ответила Ганима. — Этот Проповедник ...

— Гани! Порой я тебя не понимаю. Стал бы Пол нападать на собственную семью.

Ганима пожала плечами, поглядела в меркнувшее небо.

— Может быть, его развлекает такое ...

— Как можешь ты так легко говорить об этом ...

— Чтобы держаться подальше от темных глубин, — ответила Ганима. — Я не насмехаюсь над тобой. Видят боги, нет. Но я просто дочь своего отца. Я — каждый из тех, кто вложил свое семя в род Атридесов. Ты не думаешь о Богомерзости, а я ни о чем другом думать не могу. Я — предрожденная. Я знаю, что внутри меня.

Ирулэн непроизвольно наклонилась и обняла Ганиму, обняла крепко, прижавшись щекой к ее щеке.

«Не сделай так, чтобы я должна была убить эту женщину, — подумала Ганима. — Не допусти этого».

И только промелькнула в ней эта мысль, на пустыню опустилась ночь.

Глава 33

Лито пробудило звяканье водных колец в женских волосах. Он поглядел в открытый дверной проем своей камеры и увидел сидящую там Сабиху. Полуспутанным от дурмана спайса сознанием он увидел вокруг нее очертания всего того, что открылось ему о ней в его видении. Она была на два года старше того возраста, когда большинство женщин Свободных выходят замуж или по крайней мере заключают помолвку. Следовательно, ее семья ее для чего-то приберегала ... или для кого-то. Она брачного возраста... Это очевидно. Его подернутые видением глаза видели ее существом из Земного прошлого человечества, темные волосы и бледная кожа, глубокие глазницы, придававшие зеленоватый отлив ее нааполненным синевой глазам. Маленький носик, широкий рот над острым подбородком. И она была для него напоминанием, что здесь, в Джакуруту, знают о плане Бене Гессерит — или подозревают, каков он. Значит, они наделяются возродить через него Империю Фараонов, да? Вот почему они хотят заставить его жениться на их Сестре? Сабиха наверняка не может этого предотвратить.

Хотя его тюремщикам известен этот план. И откуда они его узнали?

Опять звякнули водяные кольца в волосах Сабихи, и этот звук всколыхнул его видения. Он знал, где он побывал и чему научился. Ничто не заставит этого забыть. Он не ехал теперь в паланкине на большом Создатель, под позвякивание водных колец, среди других пассажиров и напевов их путевых песен. Нет... Он был здесь, в камерке Джакуруту, отправившийся в самое опасное из всех путешествий: прочь из Ал аз-сунна уал-джамас и назад в него, прочь из реального мира ощущений и назад в этот мир.

Что она делает здесь, с ее позвякивающими в ушах водными кольцами? О да, помешивает очередную порцию того варева, что, как они считают, держит его в плену — пищу, приправленную эссенцией спайса, чтобы держать его наполовину в реальном мире, либо вне его, пока он либо не умрет, либо не достигнет успеха. Это план его бабушки. И всякий раз, когда он полагал, будто выиграл, они отсылали его назад. Леди Джессика, конечно, права. Старая колдунья! Но что делать? Самое полное припоминание всех жизней внутри него бесполезно до тех пор, пока он не сумеет организовать данные и вспоминать их по своей воле. Эти жизни стали сырьем для анархии. Одна из них или все вместе могли бы его и одолеть. Спайс и его странное пребывание здесь, в Джакуруту, — игра с большими ставкам.

«Сейчас Гурни ждет знака, а я отказываюсь его подать. Сколько продлится его терпение?»

Он посмотрел на Сабиху. Она откинула капюшон, обнажив татуировку племени на висках. Лито сначала не узнал татуировку, затем вспомнил, где он находится. Да, Джакуруту до сих пор живет.

Лито не знал, благодарить ли свою бабушку или ненавидеть ее. Она хотела, чтобы его инстинкты вышли на уровень самосознания. Но инстинкты — это только расовая память о том, как управляться с кризисами. Его непосредственные воспоминания других жизней рассказывают ему намного больше этого. Теперь он их упорядочил и видел, в чем опасность разоблачения себя перед Гурни. И нет способа утаить свое откровение от Намри. Да, Намри — еще одна проблема.

Сабиха вошла в его камеру с чашей в руках. Он восхитился тем, как свет, радужным свечением окаймлял ее волосы. Она нежно приподняла его голову и принялась кормить из чаши. И только тогда Лито осознал, как слаб. Он позволил кормить себя, а ум его блуждал, припоминая беседу с Гурни и Намри. Они ему верят! Намри больше, чем Гурни, но даже Гурни не может отрицать того, что его чувства уже поведали ему о происходящем на этой планете.

Сабиха вытерла его рот краем своего платья.

«А-а-а, Сабиха! — подумал он, припоминая другие видения, болью наполнявшие его сердце. — Много ночей я грезил возле открытой воды, прислушиваясь к дующим над головой ветрам. Много ночей мое тело покоилось рядом со змеиным логовом, и сквозь летний жар я грезил о

Сабихе. Я видел, как она укладывает спайсовый хлеб на раскаленные докрасна пластальные противни. Я слышал чистую воду канала, нежную и сияющую, но буря бушевала в моем сердце. Она отхлебывает кофе и ест. Зубы ее сверкают среди теней. Я вижу ее вплетающей в свои волосы мои водяные кольца. Благоуханный аромат от ее груди поражает меня до глубины души. Она терзает меня и гнетет самым своим существованием».

Давление множественных памятей погрузило его в неподвижность округлившегося времени — то, чему он раньше сопротивлялся. Он ощутил объединившиеся тела, издаваемые любовниками звуки, ритмы, вплетавшиеся в каждое чувственное впечатление — губы, дыхание, влажные выдохи, языки. Где-то внутри его видения возникли утольного цвета завитки, и он ощущал, как пульсируют эти завитки, поворачиваясь внутри него. В его черепе взмолился голос: «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...» Мужская сила вспухала в его чреслах, и он ощутил, держась и цепляясь за восставшую палицу экстаза, как открылся его рот. Затем вздох, медлящая сладость тяжелых волн, опадание.

О, как же сладостно будет воплотить это в реальности!

— Сабиха, — прошептал он. — О, моя Сабиха!

Когда ее подопечный явно погрузился после приема пищи в глубокий транс, Сабиха взяла чашу и ушла, помедлив у дверей, чтобы заговорить с Намри:

— Он опять называл мое имя.

— Вернись к нему и побудь с ним, — велел Намри. — Я должен найти Хэллека и обсудить с ним это.

Сабиха поставила чашу у двери и, вернувшись в каморку, села на край койки, созерцая затененное лицо Лито.

Она накрыла его руку своей, когда он заговорил. Как же он сладок, до чего же сла... Она поникла на койку, ласкаемая его рукой, пока совсем не впала в забытие. Тогда он вытянул руку. Присел, чувствуя, до чего же глубока его слабость. Спайс и видения опустошили его. Он пошарил по клеткам своего тела, собирая все уцелевшие искорки энергии, слез с койки, не потревожив Сабиху. Он должен идти, хоть и знает, что далеко не доберется. Он медленно застегнул свой стилсьют, надел робу, скользнул по коридорам к проходу наружу. Людей было совсем немного, все заняты своими делами. Они знали его — но он ведь не на их попечении. Намри и Хэллек наверняка знают, что он делает, да и Сабиха не может быть далеко.

Он нашел нечто вроде бокового прохода — то, что ему было нужно — и смело двинулся по нему.

Оставленная им Сабиха безмятежно спала, пока ее не разбудил Хэллек.

Она села, протерла глаза, увидела пустую койку, своего дядю, стоявшего позади Хэллека, гнев на их лицах.

Намри ответил на выразившийся на ее лице немой вопрос:

— Да, он ушел.

— Как ты могла дать ему сбежать? — разъярился Хэллек. — Как такое возможно?

— Видели, как он шел к нижнему выходу, — странно спокойным голосом сказал Намри.

Съежившись от страха, Сабиха старалась припомнить.

— Как? — спросил Хэллек.

— Я не знаю. Я не знаю.

— Сейчас ночь, и он слаб, — сказал Намри. — Далеко он не уйдет.

— Ты хочешь, чтобы мальчик умер! — повернулся к нему Хэллек.

— Меня бы это не расстроило.

И опять Хэллек повернулся к Сабихе:

— Расскажи мне, что произошло.

— Он коснулся моей щеки. Говорил и говорил со мной о своем видении ... о нас вместе, — она поглядела на пустую койку. — Он меня усыпил. Какими-то чарами.

Хэллек взглянул на Намри:

— Может он прятать где-нибудь внутри съетча?

— Внутри нигде. Его бы увидели, обнаружили. Он направлялся к выходу. Он где-то снаружи.

— Чары, — пробормотала Сабиха.

— Никаких чар, — проговорил Намри. — Он ее загипнотизировал. Со мной ведь тоже чуть такого не сделал, помнишь? Сказал, что я его друг.

— Он очень слаб, — сказал Хэллек.

— Только телесно, — возразил Намри. — Но далеко он все равно не уйдет. Я вывел из строя каблучные насосы его стилсьюта. Он умрет от обезвоживания, если мы его не найдем.

Хэллек чуть не ударил Намри со всего размаху, но тут же взял себя в руки. Джессика предупреждала его, что Намри, может быть, должен будет убить паренька. Великие боги! До чего же они докатились, Атридесы против Атридесов.

— Возможно ли, что он ушел, как лунатик — в спайсовом трансе? — спросил Хэллек.

— А в чем разница? — спросил в ответ Намри. — Если он ускользнет от нас, то наверняка умрет.

— Мы начнем поиски с первой зарей, — сказал Хэллек. — Он взял фремкит?

— Всегда есть несколько возле наружной двери, — ответил Намри. — Надо быть дураком, чтоб не взять. А он никогда не казался мне дураком.

— Тогда отправь послание нашим друзьям, — сказал Хэллек. — Сообщи им, что произошло.

— Никаких посланий сегодня ночью, — сказал Намри. — Надвигается буря. Племена ушли от нее на три дня пути. Она будет здесь к полу-

ночи. Линия связи уже бездействует. Спутники передали сигнал окончания связи с нашим сектором два часа назад.

Глубокий, судорожный вздох сотряс Хэллека. Мальчик наверняка погибнет, если его настигнет песчаная буря. Она сдерет мясо с костей, а кости иссечет на кусочки. Они думали припугнуть его смертью — но смерть станет настоящей. Он ударил кулаком по ладони. Буря как пить дать запрет их в счетче. Они не смогут даже выйти на вершину. Затишье перед бурей уже изолировало счетч.

— Дистранс, — сказал он, размышляя о том, как бы они могли запечатлеть послание в голосе летучей мыши и отправить ее с сигналом тревоги.

Намри покачал головой.

— Летучая мышь не полетит в бурю. Нет-нет, старина. Они чувствительнее нас. Они уже попрятались в расщелины обрывов. Лучше подождать, пока спутники снова выйдут с нами на связь. Тогда мы сможем попробовать найти его останки.

— Нет — если он взял фремкит и спрячется в песке, — сказала Сабиха.

Ругаясь про себя, Хэллек отвернулся от нее и зашагал прочь размашистым шагом.

Глава 34

— Она обучает его? Обучает Фарадина?

Алия взглянула на Данкана Айдахо с примесью злости и недоверия. Хайлайнер Союза вышел на орбиту Арракиса в полдень по местному времени. Часом позже корабль высадил Айдахо на Арракисе без уведомления, но с явно показываемой беспечностью. Через несколько минут орнитоптер доставил его на плоскую крышу крепости. Предупрежденная о его скором прибытии, Алия встретила его там, держась перед своими стражами с холодной сдержанностью, но теперь они стояли в ее апартаментах под северным краем. Он просто доложил ей обо всем, правдиво, точно, подчеркивая все данные в манере ментата.

— Она выжила из ума, — сказала Алия.

Он воспринял это заявление как проблему для ментата.

— Все данные указывают, что она уравновешенна и в здравом рас-судке. Я бы сказал, ее индекс здравомыслия был ...

— Брось это! — огрызнулась Алия. — Что она может замышлять?

Айдахо, знавший, что теперь его собственное эмоциональное равновесие зависит от того, насколько глубоко он погружается в ментатный холод, ответил:

— По моим расчетам, она думает о помолке своей внучки. — Он тщательно сохранял на своем лице бесстрастное выражение, маску гнетущей скорби, грозившей его поглотить. Алии здесь нет. Алия мертва. На какое-то время он сохранил еще в своих чувствах миф об Алии, сооруженный им для собственных нужд, но ментату такой самообман доступен лишь на ограниченное время. Это создание, рядящееся под человека, — одержимо; демонический психо управляет ей. Его стальные глаза с миллиардами граней способны были по его воле воспроизводить перед его органами зрения множество Алий-мифов. Но когда он соединял их в единый образ, никакой Алии не существовало. Ее черты поневоле вели к другим выводам. Она была лишь оболочкой, под которой вершится возмутительное надругательство.

— Где Ганима? — спросил он.

Она отмахнулась:

— Я отослала ее вместе с Ирулэн на попечение Стилгара.

«Нейтральная территория, — подумал он. — Состоялись еще одни переговоры с мятежными племенами. Она теряет почву под ногами и не понимает этого ... или понимает? Нет ли другой причины? Не предал ли Стилгар?»

— Помолвка, — задумалась Алия. — Каковы условия Дома Коррино?

— Салуза кишмя кишит понаехавшими родственниками, все работают на Фарадина, надеясь урвать свою долю при его возвращении к власти.

— И она готовит его по методике Бене Гессерит?..

— Разве это не годится для Ганимы?

Алия улыбнулась про себя, подумав о несокрушаемой ярости Ганимы. Пусть его Фарадин учится. Леди Джессика обучает труп. Вся работа пойдет впустую.

— Я должна подробно это обдумать, — сказала она. — Ты что-то притих, Данкан.

— Я жду твоих вопросов.

— Понимаю. Я, знаешь ли, очень на тебя сердита. Увезти ее к Фарадину!

— Ты велела, чтобы это выглядело естественно.

— Я вынуждена была выступить с иском, будто бы вы оба захвачены в плен.

— Я повиновался твоим приказам.

— Ты порой так буквален, Данкан, что пугаешь меня. Но если б тебя не было, ладно ...

— Леди Джессика обезврежена, — сказал он. — А ради Ганимы мы должны быть благодарны, что ...

— Чрезвычайно благодарны, — согласилась она. И подумала: «Ему больше нельзя доверять. Он хранит эту проклятую верность Атридесам.

Я должна найти предлог, чтобы отослать его прочь ... и уничтожить. Несчастный случай, разумеется».

Она коснулась его щеки.

Он заставил себя ответить на ласку, взяв ее руку и поцеловав.

— Данкан, Данкан, как же это печально, — сказала она. — Но я не могу тебя здесь со мной оставить. Слишком много происходит вокруг, и слишком немногим я могу полностью доверять.

Отпустив ее руку, он ждал.

— Я была вынуждена отправить Ганиму в Табр, — продолжила она. — Слишком здесь беспокойно. Набегами из Каньонных Земель разрушены каналы Кагга Базина, вся их вода выпущена в песок. Арракин на жестком рационе. Базан живет еще за счет песчаной форели, пожиная урожай воды. Там, конечно, нужно вмешаться, но наши силы растянуты, ослаблены.

Он уже заметил, как мало амазонок из личной гвардии Алии осталось в крепости. И подумал: «Маркизет Внутренней пустыни будет и дальше испытывать на прочность ее оборону. Разве она этого не понимает?»

— Табр остается нейтральной территорией, — сказала она. — Там прямо сейчас продолжаются переговоры. Там Джавид с делегацией Квизарата-Жречества. Но я бы хотела, чтобы ты был в счете Табр и присматривал за ними, особенно за Ирулэн.

— Да, она из Дома Коррино, — согласился он.

По ее глазам он понял, что она поставила на нем крест. До чего же прозрачным стало это новое создание в оболочке Алии!

Она махнула рукой.

— Теперь ступай, Данкан, а то я передумаю и оставляю тебя при себе. Я так по тебе соскучилась ...

— И я по тебе, — в этой короткой фразе он дал вылиться всей своей скорби.

Она воззрилась на него, потрясенная его печалью.

— Ради меня, Данкан ... — и подумала: «Слишком плохо, Данкан». Вслух же сказала: — Зна отвезет тебя в Табр. Нам надо, чтобы орнитоптер вернулся назад.

«Ее любимая амазонка, — подумал он. — Я должен быть с ней осторожен».

— Понимаю, — и он опять поцеловал ей руку. Он посмотрел на дорогое ему тело, некогда бывшее его Алией. Уходя, он не смог заставить себя взглянуть ей в лицо. Кто-то другой взглянул бы на него ее глазами.

Поднимаясь на крышу крепости-Твердыни, Айдахо все думал, сколько же вопросов осталось без ответа. Если говорить о той его части, что была ментатом, не переставшим учитывать все данные и признаки, то встреча с Алией оказалась для него чрезвычайно утомительной. Он ждал возле орнитоптера вместе с одной из амазонок

Алии, угрюмо смотря на юг. Воображение уносило его за Защитную стену, к сьetchу Табр. «Почему в Табр везет меня Зиа? Отгонять назад геликоптеры — лакейская работа. И почему задержка? Не получает ли Зиа особые инструкции?»

Айдахо взглянул на дозорную, забрался в орнитоптер на место пилота. Высунувшись из кабины, он сказал:

— Передай Алии, я немедленно пришлю орнитоптер назад с одним из людей Стилгара.

Дозорная не успела возразить, как он закрыл дверь и включил орнитоптер. Он видел, что дозорная в нерешительности. Как можно возразить супругу Алии? Он поднял в воздух топтер до того, как она решила, что же ей делать.

Теперь, один внутри топтера, он дал волю своей скорби и от полноты чувств разрыдался. Алии больше нет. Они расстались навсегда. Слезы струились по его тлейлаковским глазам, и он прошептал:

— Пусть все воды Дюны уйдут в песок. Им не сравниться с моими слезами.

Это было не ментатское поведение, он заставил себя переключиться на трезвую оценку нынешних нужд. Топтер требовал его внимания. Управление топтером принесло ему некоторое облегчение, и он снова взял себя в руки.

«Ганима опять со Стилгаром. И Ирулэн».

Почему Зиа была назначена ему в попутчицы? Он поставил эту проблему перед собой как перед ментатом — и от ответа у него мороз пробежал по коже: «Со мной должен был произойти несчастный случай».

Глава 35

Все представлялось Лито обманчиво простым: избегать, чтобы его заметили, делать то, чего никто не увидит. Он распознавал ловушку: нити будущего переплетаясь, опутают тебя намертво. Ни в одном сне он не видел себя бегущим по Джакуруту. Значит, ниточку к Сабихе нужно обрезать первой.

Он скорчился в затухающем дневном свете на восточном краю защищавшего Джакуруту утеса. Во фремките нашлись энергетические таблетки и еда. Теперь он набирался сил. К западу располагалось озеро Азрак, гипсовая равнина, где некогда — в дни до червя — была открыта вода. К востоку находилось Бене Шерк, несколько новых разбросанных поселений, вторгшихся в открытый эрг. К югу была Танцеруфт, Страна Ужаса: три тысячи восемьсот километров пустыни, где встречаются порой заплатки укрепляющих дюны трав и ветряные ловушки для их

полива — работа экологического оборудования, преобразующего ландшафт Дюны. Их обслуживали воздушные бригады, и никто не задерживался там надолго.

«Я пойду на юг, — сказал себе Лито. — Гурни ожидает, что я именно так и поступлю. Но не то время сейчас, чтобы поступать опрометчиво».

Скоро наступит тьма, и он сможет покинуть свое временное тайное пристанище. Он поглядел на южную линию горизонта. Там посвистывала с сумрачного неба, перекатывалась подобно дыму, полыхала волнистая полоса пыли — буря. Он увидел, как высокий смерч взметнулся над Великой Равниной, подобно любопытствующему червя. Целую минуту этот столб не двигался ни вправо, ни влево. Старая присказка Свободных вспомнилась ему: «Если центр бури не движется, значит, ты на его пути».

Этот шторм все меняет.

Мгновение он смотрел на запад, назад, на сьетч Табр, вбирая обманчивый сумрачно-серый покой вечерней пустыни, видя слой белого гипса с отшлифованными ветром голышами по краям, необитаемую пустоту с ее нереальной поверхностью светящегося белого цвета, отражающей пылевые облака. Ни в одном из своих видений не видел он себя уцелевшим в вихре бури-матери. Было только видение, когда он перекатиполем катился под ветром... Но ведь это, может быть, случится не сейчас.

А буря уже шла, охватывая широкое пространство, бичами ветра покоряя мир. Можно рискнуть. Были старые истории, слышанные от друзей, будто некто сумел удержать на поверхности истощенного червя, вогнав хук Создателя под одно из его широких колец и, сковав его таким образом, выехать на нем из бури в подветренной тиши. Было в этом искушение дерзновением и безрассудством. Буря, самое раннее, придет лишь к полуночи. Еще есть время. Сколько нитей он может на этом перервать? Все, включая и самую последнюю?

«Гурни будет ожидать, что я направлюсь на юг — но не в бурю».

Он поглядел на юг, ища пути, увидел текущие силуэты глубокой теснины, прорезавшей Твердыню Джакуруту. Увидел он химерического песка. Они, словно вода, струились по равнине высокомерными струйками. Раздирающая горло жажда высушала рот, когда он вскинул на плечи фремкит и направился по спускавшейся в этот каньон тропинке. Еще достаточно светло, и его могут увидеть, но время сейчас — его главный союзник.

Когда он достиг дна каньона, опустилась ночь. Только иссушающее глассандо лунного света освещало ему теперь путь на Танцеруфт. Сердце его забило быстрее, наполняясь всеми теми страхами, что в изобилии хранили его памяти. Он чувствовал, что, может быть, движется прямо в Хуануи-наа, как Свободные в страхе своем называли величайшие бури: Дань Смерти Земле. Но, чтобы ни приближалось, в его видениях этого не

было. Каждый шаг оставлял все дальше позади него спайсом порожденную дхьяну.

«Одним путем или другим, отец, я иду к тебе».

Вокруг него таились в скалах невидимые птицы, давая о себе знать негромкими звуками. Наделенный мудростью Свободных, он прислушивался к эху, чтобы определить дорогу, видеть которую не мог. Часто, проходя мимо трещин, он видел в них злобную зелень глаз — тварей, пртавших в убежищах при приближении бури.

Он вышел из каньона в пустыню. Под ним двигался и дышал живой песок, говоря о глубинной активности и латентных фумаролах. Он оглянулся на тронутые лунным светом чашечки лавы над отрогами съетча. Вся структура была метаморфичной, в основном сформированной давлением. У Арракиса оставалось еще что сказать своему будущему. Лито установил тампер, вызывая червя, и когда тот заколотился о песок, занял позицию, с которой все будет видно и слышно. Его рука бессознательно нашла ястребиное кольцо Атридесов, скрытое под узловатой складкой его дишсаши. Гурни его нашел, но оставил ему. О чем он тогда думал, увидя кольца Пола?

«Отец жди меня вскоре».

Червь пришел с юга. Он изгибался, обходя скалы, был не такой большой, как надеялся Лито. Но ладно, это ничего. Он перехватил червя, вогнал в него крючья, быстро, цепляясь, вскарабкался на чешуйчатый бок червя, пока тот обрушивался на тампер посреди свистящей серой пыльцы. Червь послушно последовал туда, куда направили его крючья Лито. Они поехали с ветерком, развевавшим одеяния мальчика. Он устремил взгляд на южные звезды, потускневшие за завесой пыли, и направил червя туда.

Прямо в бурю.

Когда возшла Первая луна, Лито прикинул высоту бури и приблизительно определил время, когда она придет. Не раньше, чем на заре. Она расширялась, собирала энергию для гигантского броска. Много задаст она работы бригадам экологического преобразования. словно бы сама планета с разумной яростью выходила отсюда на бой с ними, с яростью тем более возраставшей, чем больше земель охватывало преобразование.

Всю ночь он гнал червя к югу, через его движения, передающиеся его ногам, улавливая, какой у червя есть запас энергии. Периодически он давал червя сворачивать к западу, куда того беспрестанно тянуло — либо, чтоб вернуться в невидимые границы собственной территории, либо всеми инстинктами чувствуя приближение бури. Черви закапывались в песок, чтобы спастись от секущих песчаных ветров, но этот червь не уйдет под поверхность, пока крючья Создателя держат одно из его колец открытым.

К полуночи червь стал выдавать множество признаков изнеможения. Лито переместился назад по его большим гребням и заработал цепом, позволив червю замедлить ход, но все так же направляя его на юг.

Буря настигла их на рассвете. Первая пыль заставила Лито застегнуть отвороты стилсбюта на лице. В сгущающейся пыли пустыня стала сумраком, лишенным очертаний. Затем песчаные иглы начали покалывать щеки, впиваться ему в губы. Он ощутил жесткий крупнозернистый песок на языке и понял, что настал решающий миг. Да стоит ли рисковать, полагаясь на старые байки, и еще больше понукать почти изможденного червя? Он за долю секунды отверг этот выбор, опять пробрался к хвосту червя, вытащил крючья. Уже едва шевелясь, червь начал зарываться. Но его переработавшая теплораспределительная система успела выпустить — словно из духовки — циклончик жара в нарастающей буре. Дети Свободных с самых ранних лет знали, как опасно находиться у хвоста червя. Черви были фабриками кислорода — воздух бешено загорался за ними, благодаря обильным выбросам продуктов химических реакций, снимавших в них негативные последствия внутреннего трения.

Песок начал захлестывать его ноги. Лито выпустил крючья и прыгнул подальше, избегая раскаленной топки в хвосте червя. Все зависело теперь от того, успеет ли он зарыться в песок в том месте, где червь разрыхлил спрессованную поверхность.

Сжимая в левой руке прибор стационарного уплотнения, Лито зарылся под скользящую поверхность дюны — зная, что червь слишком устал, чтобы обернуться и проглотить его своей огромной бело-оранжевой пастью. Работая левой рукой, он правой извлек стилтент из своего фремкита и приготовил его к надуванию. Все было сделано меньше чем за минуту — и вот он уже впихивает тент в плотный кармашек песчаных стен с подветренной стороны дюны. Он надул тент, забрался в него. Перед тем, как наглухо застегнуть сфинктер, он втащил внутрь стационарный уплотнитель и выключил его. Скользящие пески дюны поползли на тент. Но лишь несколько песчинок проникло внутрь, прежде чем он закрыл вход.

Теперь он должен работать еще быстрее. Ни один пескошноркель не дотянется отсюда до поверхности, чтобы обеспечить его воздухом. Буря великая, такая, в которой очень немногие выживают. Она может накрыть его тоннами песка. И только нежный пузырек тента да внешнее уплотнение будут его защищать.

Лито вытянулся на спине, сложил руки на груди и погрузился в транс — в спячку, при которой его легкие будут совершать лишь один вдох в час. С этим он и вверил себя неизвестности. Буря пройдет, и если она не разорит его хрупкое укрытие, он еще сможет выбраться ... или

встретиться с Мадинат ас-салам, Обиталищем Мира. Что ни случись, он знает, что обязан был оборвать нити, одну за другой, чтобы только его Золотая Тропа и осталась. Только так, или он не сможет вернуться в калифат наследников его отца. И не будет он больше жить ложью этого Деспозайни, этого ужасного калифата, поющего славословия его обожествленному отцу. Не будет больше хранить молчание, когда уста жреца изрыгают оскорбительную чушь: «Его криснож развеет демонов!»

Придя к этому, разум Лито скользнул в паутину безвременного дао.

Глава 36

Выход Лито из транса был настолько мягким, что одно состояние не отделялось отчетливо от другого. Один уровень сознания просто переместился в другой.

Он помнил, где находится. В нем мощной волной поднималась возрождающаяся энергия, но и другое взывало к нему из спертой мертвенности бедного уже кислородом воздуха внутри стилтента. Лито понимал, что если откажется двигаться, то останется пойманным паутиной безвременья. Эта перспектива его соблазнила. Время виделось ему условностью, которую оформляет коллективный разум всех воспринимающих. Время и Пространство — лишь категории, наложенные на мироздание этим Разумом. Ему надо лишь вырваться на свободу из той множественности, где его искушают провидческие видения. Дерзкие решения могут изменять условные будущие.

Какой же дерзости требует данный момент?

Его искушало состояние транса. У Лито было ощущение, что он вышел из алам ал-митал в мир реальности только для того, чтобы обнаружить их идентичность. Он хотел удержать магию этого откровения, но чтобы выжить — надо принимать решения, его вкус к жизни посылал сигналы его нервам.

Он резко протянул правую руку туда, где оставил стационарный уплотнитель. Схватил его, перекатился на живот, расстегнул сфинктер тента. Ему на руки сразу же потек песок. В темноте, донимаемый спертым воздухом, он работал быстро, прокладывая туннель круто вверх. Он прошел шесть расстояний своего тела, прежде чем выбрался. Выскользнув на освещенную луной поверхность длинной извивающейся дюны, он обнаружил, что находится где-то на одной трети пути от ее вершины.

Над ним была Вторая луна. Она быстро прошла над его головой, уходя за Дюну, а звезды были как маленькие блестящие камешки вдоль тропинки. Лито поискал созвездие Скитальца, нашел его, примерился по протянутой руке к ослепительно сверкавшей Фаум ал-Хаут, Южной Полярной звезде.

«Вот тебе твое проклятое мироздание!» — подумал Лито. Если поглядеть вблизи, — на этих звездах кипит жизнь, неисчислимая, как песчинки вокруг нас, там вечные перемены, уникальное громоздится на уникальное. А смотришь издали — только узоры созвездий и видны, и эти узоры так и подмывают поверить в абсолютное.

«В абсолютном мы можем потерять наш путь». А это напомнило ему знакомое предостережение из песенки Свободных: «Потерявший свой путь в Танцеруфте, потеряет и жизнь». Устоявшиеся образцы могут быть путеводными, а могут привести в ловушку. Надо помнить, что даже узоры созвездий меняются.

Он глубоко вздохнул, побуждая себя к действию. Спустившись назад, в свой туннель, он сдул тент, вытащил его наружу и перепакował свой фремкит.

Над восточным горизонтом проступило свечение винного цвета. Лито вскинул на плечи поклажу, взобрался на гребень дюны и стоял там в зябком предрассветном воздухе, пока восходящее солнце не обогрело его правую щеку. Тогда он подкрасил себе глаза, чтобы солнце не так слепило, понимая, что теперь ему надо заискивать перед пустыней, а не сражаться с ней. Убрав краску обратно во фремкит, он пригубил воды из одной из своих трубок, но высосал оттуда лишь несколько капель, а затем пошел воздух.

Опустившись на песок, он принялся осматривать весь свой стилсьют и добрался наконец до каблучных насосов. Они были хитро продырявлены шилом. Он вылез из стилсьюта и починил их, но от причиненного вреда деться уже было некуда. Потеряна примерно половина воды его тела ... Он грустно поразмышлял над этим, надевая стилсьют, подумал, как же странно, что он ничего не заподозрил. Вот она — явная опасность будущего вне видений.

Затем Лито присел на корточки на гребне дюны, настойчиво изучая пустынную местность. Взгляд его блуждал, выискивая посвистывающую отдушину в песке, какую-нибудь выдающуюся детальку в дюнах, которая могла бы указывать на спайс или на жизнедеятельность червя. Но буря утратила все до полного единообразия. Вскоре он извлек из фремкита тампер, установил его и запустил, вызывая из глубины Шай-Хулуда. Затем стал ждать.

Червь появился очень нескоро. Лито прежде слышал его, чем увидел, обернулся на восток, где сотрясающий землю шорох отдавался дрожью в воздухе, дождался, пока блеснет восстающая из земли оранжевая пасть. Червь поднялся из земли с колоссальным присвистом и обла-

ком пыли, закрывшим его бока. Извивающаяся серая стена взметнулась рядом с Лито, он всадил в нее крючья и легкими шагами взобрался наверх. Взобравшись, он направил оставляющего огромный извивающийся след червя на юг.

Под понукающими крючьями червь увеличил скорость. Ветер хлестал по одеждам Лито. У него было ощущение, будто он понукаем не меньше червя. «У каждой планеты свой период, и точно также у каждого человека,» — напомнил он себе.

Червь был того типа, который Свободные называют «ворчуном». Он часто зарывался передними пластинами в песок, в то время как хвост его работал. От этого возникал раскатистый грохот, часть его тела полностью взмывала над песком движущимся бугром. Однако же червь этот был быстр, и когда они делали рывок, то раскаленные газовые выбросы из его хвоста веяли вокруг них жарким ветерком. Ветерок наполнился едкими запахами, несомыми струей кислорода.

Пока червь двигался к югу, Лито позволил своим мыслям течь по вольному руслу. Он старался думать об этом переезде, как о новой церемонии в своей жизни, о такой, что отвлекала его от размышлений о цене, которую ему придется уплатить за свою Золотую Тропу. Как Свободные прежних лет, он понимал, что должен установить многие новые церемонии, чтобы не допустить расчленения своей личности на отдельные кусочки памяти, чтобы алчные охотники за его душой вечно держались на расстоянии. Противоречивые образы, никогда не сводимые воедино, должны теперь оказаться в единой оболочке живого напряжения.

«Всегда новизна, — подумал он. — Я должен всегда извлекать новые нити из моих видений».

После полудня он заметил возвышение — впереди и чуть справа по его курсу. Вскоре это возвышение предстало узким утесом, скалой, торчащей именно там, где он и ожидал ее найти.

«Теперь, Намри... Теперь, Сабиха, посмотрим, как ваши собраты отнесутся к моему появлению», — подумал он. Перед ним теперь была самая нежная ниточка, опасная своей заманчивостью больше прямых угроз.

Утес долго маячил перед ним, меняясь в размерах. На время Лито даже показалось, что это утес приближается к нему, а не он к утесу.

Усталый же червь повернул налево. Лито скользнул по огромному склону, чтобы по-новому установить крючья и заставить червя идти прямо. Мягкая острота меланжа ударила ему в ноздри, сигнал о богатой жиле. Они миновали фиолетовые пятна проказы — место выброса спайса — и он твердо правил червем, пока жила не осталась далеко позади. Ветерок, полный пряного коричневого аромата, преследовал их еще некоторое время, пока Лито не направил червя новым курсом прямо на возвышающийся утес.

Далеко в южном бледе резко мигнули цвета — опрометчивая радужная вспышка дела рук человеческих посреди безбрежности. Лито поднес к глазам бинокль, навел его и увидел на расстоянии выступающие крылья спайсоискателя, посверкивающие на солнце. Под ним расправлял свои крылья большой сборщик урожая, будто хризалис перед тем, как неуклюже полететь прочь. Когда Лито опустил бинокль, сборщик урожая превратился в точку, и он почувствовал, как его осилил хадхдаб. Ведь и эти охотники за спайсом видят его точно так же, темной точкой между пустыней и небом, что символизирует для Свободных человека. Они его, конечно, тоже увидят и насторожатся. Будут выжидать. Свободные с большим подозрением относятся друг к другу в пустыне, пока либо не признают в приближающемся знакомого, либо не поймут, что он не представляет для них угрозы. Даже под тонким флером цивилизации Империи и ее утонченных правил они оставались полуприрученными дикарями, всегда помнящими, что криснож расстается со смертью его владельца.

«Вот что может спасти нас, — подумал Лито. — Это дикость».

На расстоянии спайсоискатель повернул направо, потом налево — подавая сигнал. Лито представил, как сидящие в нем обшаривают пустыню, выясняя, не может ли он быть чем-то большим, чем одиноким наездником на одиноком черве.

Лито повернул червя налево, удерживая его, пока тот не сменил курс, спустился ему на бок и аккуратно спрыгнул. Червь, избавленный от тяжести, угрюмо выдохнул еще несколько раз, затем на треть зарылся в песок и замер, приходя в себя — верный знак того, что Лито его совсем заездил.

Он отвернулся от червя — пусть пока что остается, где есть. Спайсоискатель кружил, продолжая подавать сигналы крыльями. Наверняка наемные ренегаты контрабандистов, избегающие электронных средств связи. Скоро за спайсом придут охотники. Вот о чем говорит присутствие краулера.

Разведчик сделал еще один круг, сложил крылья и направился прямо на Лито. Он узнал в нем тот тип легкого топтера, что завел на Арракисе его дед. Аппарат сделал над ним еще один круг, пролетел вдоль дюны, на которой он стоял, и приземлился против ветра. Он остановился в десяти метрах от Лито, подняв пыль. Дверь сбоку приоткрылась как раз настолько, чтобы выпустить одного человека в тяжелом одеянии Свободного, со знаком копы на правой стороне груди.

Свободный медленно приближался, предоставляя себе и Лито время изучить друг друга. Человек был высок, глаза полностью ярко-голубого цвета. Маска стилизюта закрывала нижнюю часть его лица, а капюшон был глубоко надвинут, чтобы защитить лоб. Колыхания одежды позволяли угадать, что рука под ней держит пистолет маулу.

Человек остановился в двух шагах от Лито, поглядел на него озадаченного сощуренными глазами.

— Доброй удачи нам всем, — сказал Лито.

Человек поглядел вокруг, обыскивая взглядом пустоту пустыни. Затем перевел взгляд на Лито.

— Что ты здесь делаешь, дитя? — спросил он, голос из-под маски звучал приглушенно. — Пытаешься стать затычкой для пасти червя?

И опять Лито прибег к традиционной формуле Свободных:

— Пустыня — мой дом.

— ВENN? — спросил мужчина. — Какой дорогой ты идешь?

— Я иду с юга, из Джакуруту.

Короткий смешок вырвался у мужчины.

— Ну, Батигх! Ты — самая странная штука, какую я когда-либо видел в пустыне.

— Я не твоя Маленькая Дыня, — ответил Лито, откликаясь на слово Батигх. Жутковатый был подтекст у этого обращения. Маленькая дыня на краю пустыни отдавала свою воду всякому, кто ее найдет.

— Мы не выпьем тебя, Батигх, — ответил мужчина. — Я — муриз. Я — арифа этого тайфа, — он указал головой на отдаленный краулер.

Когда Лито ничего не ответил, Муриз спросил:

— Имя у тебя есть?

— Батигх подойдет.

Муриз усмехнулся.

— Ты ведь не расскажешь мне, что ты тут делаешь?

— Ищу следы червя, — Лито употребил религиозную фразу, означающую, что он в хадже ради собственной уммы, собственного спасения.

— Такой юный? — спросил Муриз. Он покачал головой. — Не знаю, что мне с тобой делать. Ты нас видел.

— Что я видел? — спросил Лито. — Я говорило Джакуруту, и ты мне ничего не ответил.

— Игра в загадки, — сказал Муриз. — Ну, тогда — что это? — он кивнул головой на отдаленный утес.

Лито обратился к своему видению.

— Всего лишь Шулох.

Муриз застыл, а Лито почувствовал, как у него участился пульс.

Последовало долгое молчание. И Лито видел, что мужчина обдумывает и отбрасывает различные варианты. Шулох! В тихое время после вечерней трапезы часто припоминались истории о каравансара Шулохе. Слушатели всегда почитали Шулох мифом, местом, где рассказывали об интересных событиях. Лито припомнил историю Шулоха: на краю пустыни нашли сироту и привели в съезд. Сначала сирота отказывался разговаривать со своими спасителями — а когда заговорил, его языка никто не мог понять. Проходили дни, а он оставался все столь же необщительным, отказывался одеваться сам и всту-

пать в контакты. Каждый раз, когда его оставляли одного, он делал странные движения руками. Всех знатоков съезда собрали, чтобы изучить этого сироту — никто не мог дать объяснений. Затем его увидела проходившая мимо его открытой двери старуха — и рассмеялась: «Он всего лишь подражает движениям своего отца, плетущего веревку из волокон спайса, — объяснила она. — Именно таким способом они досихпор делают это в Шулохе. Он просто старается чувствовать себя не таким одиноким». И отсюда мораль: «На старых путях Шулоха — безопасность и чувство принадлежности к золотой нити жизни».

Поскольку Муриз продолжал безмолвствовать, Лито сказал:

— Я тот сирота из Шулоха, что умеет лишь сучить руками.

Побыстрому движению головы мужчины Лито понял, что Муриз знает эту историю. Ответил он медленно, голосом тихим и зловещим:

— Ты человек?

— Такой же, как и ты, — ответил Лито.

— Для ребенка ты разговариваешь странней некуда. Напоминаю тебе, что я — судья, могущий нести ответственность за такую.

«О, да!» — подумал Лито. В устах такого судьи слово «таква» сулит непосредственную угрозу. «Таквой» назывался страх, вызываемый присутствием демона — доподлинное верование среди старых Свободных. Ариффа знал, как убить демона, и арифу всегда выбирали «потому что он обладает мудростью быть беспощадным, не будучи жестоким, знает, где доброта на самом деле приведет лишь к еще большей жестокости».

Но разговор повернул как раз туда, куда нужно было Лито. И он сказал:

— Я могу подчиниться Машхаду.

— Я буду судьей при любом Духовном Испытании, — сказал Муриз. — Ты это примешь?

— Би-ла-каифа, — ответил Лито. — Безоговорочно.

Хитрое выражение появилось на лице Муриза. Он сказал:

— Не знаю, почему я это разрешаю. Лучше всего было бы прикончить тебя на месте, но ты маленький Батигх, а у меня был сын, который умер. Ну, пойдём в Шулох, и я соберу Иснад, чтобы вынести решение о тебе.

Лито, заметив, что все в поведении мужчины выдает принятое им смертоносное решение, подивился, неужели такое может хоть кого-нибудь провести.

— Я знаю, что Шулох — это Ал ас-сунна уал-джамас, — сказал он.

— Что знает ребенок о настоящем мире? — спросил Муриз, знаком веля Лито идти к топтеру впереди него.

Лито повиновался, но тщательно прислушивался к звуку шагов Свободного.

— Лучший способ хранить тайну — заставить людей поверить, будто они уже знают ответ, — сказал Лито. — Тогда люди не задают вопросов. Очень умно для вас, изгнанных из Джакуруту. Кто поверит, что Шулох, место из легенд, существует на самом деле? И как удобно для контрабандистов и всех остальных, кому нужен доступ на Дюну.

Шаги Муриза затихли. Лито повернулся спиной к боку топтера, крыло слева от него.

Муриз стоял в шаге от него, держа пистолет маулу нацеленным прямо на Лито.

— Значит, ты не ребенок, — сказал Муриз. — Проклятый карлик, пожаловавший шпионить за нами! Я так и думал, что для ребенка твоя речь чересчур мудра, но ты слишком быстро, слишком много сказал.

— Но недостаточно, — ответил Лито. — Я — Лито, сын Муад Дибя. Если ты убьешь меня, ты и твои люди потонут в песках. Если ты пощадишь меня, я приведу вас к величию.

— Не играй со мной в эти игры, карлик, — язвительно хмыкнул Муриз. — Лито — в настоящем Джакуруту, откуда, как ты говоришь ... — он осекся, рука, державшая пистолет, чуть опустилась, а глаза его озадаченно скозились в сторону.

Это был тот момент колебания, который Лито и ожидал. Он всем телом показал, будто хочет двинуться влево, отклонившись при этом не больше, чем на миллиметр, и пистолет Свободного бешено взметнулся по направлению к краю крыла топтера. Пистолет маула вылетел из его руки, и до того, как он сумел оправиться, Лито уже был рядом с ним, прижимая к спине Муриза его же собственный нож.

— Кончик ножа отравлен, — сказала Лито. — Вели своим друзьям в топтере оставаться на местах, вообще не двигаться. Иначе я буду вынужден тебя убить.

Муриз, держась за свою поврежденную руку, сказал, кивнув на фигуру в кабине:

— Мой компаньон Бехалет слышал тебя. Он будет недвижим, как камень.

Понимая, что у него очень мало времени до того, как эти двое вырабатывают совместный план действий или придут их друзья, выяснить в чем дело, Лито быстро заговорил:

— Я нужен тебе, Муриз. Без меня черви и их спайс исчезнут с Дюны, — он почувствовал, как замер Свободный.

— Но откуда ты знаешь о Шулохе? — спросил Муриз. — Я знаю, что в Джакуруту они ничего о нем не говорят.

— Значит, ты признаешь, что я Лито Атридес?

— Кем еще ты можешь быть? Но как ты ...

— Раз ты здесь, значит, Шулох существует, а все остальное до чрезвычайности просто. Вы — Отверженные, бежавшие из Джакуруту, когда оно было разрушено. Я видел, как вы сигналите крыльями, а значит, вы

не пользуетесь аппаратами, сигналы которых можно перехватить на расстоянии. Вы собираете спайс — значит, вы торгуете. А торговать вы можете только с контрабандистами. Ты контрабандист, но ты еще и Свободный. Ты должен быть из Шулоха!

— Почему ты искушал меня убить тебя на месте?

— Потому что ты убил бы меня в любом случае, когда мы прибыли бы в Шулох.

Тело Муриза жестко напряглось.

— Осторожней, Муриз, — предупредил Лито. — Я знаю о вас. Это в вашей истории было, что вы забирали воду беспечных путешественников. И сейчас это было бы тебе не в новинку проделать такое со мной. Как же еще вы заставляете молчать тех, кто случайно на вас натывается? Как еще хранить свою тайну? Батигх! Ты заманивал меня ласковыми прозвищами, добрыми словами. Зачем упускать воду в песок? А если бы я исчез, как многие до меня ... что ж, значит Танцеруфт взяла меня к себе.

Муриз сделал правой рукой знак Родки Червя, чтобы оградиться от Рихани, о котором заставляли думать слова Лито. А Лито, зная, насколько Свободные старой закалки не доверяют ментатам и всему, что поражает их демонстрацией твердой логики, подавил улыбку.

— Манри говорил о нас в Джакуруту, — сказал Муриз. — Его вода будет моей, когда ...

— У тебя не будет ничего, кроме пустого песка, если ты не перестанешь валять дурака, — сказал Лито. — Что ты будешь делать, Муриз, когда вся Дюна станет зеленой травой, деревьями и открытой водой?

— Этого никогда не случится!

— Это случится у тебя на глазах!

Лито услышал, как зубы мужчины скрежещут от ярости и растерянности. Вскоре Муриз проскрипел:

— И как же ты это предотвратишь?

— Я знаю весь план преображения, — сказал Лито. — Я знаю все его сильные и слабые стороны. Без меня Шай-Хулуд исчезнет навсегда.

Опять в голосе Муриза прорезалась хитреца, когда он спросил:

— Ну что нам здесь это обсуждать? Мы на мертвой точке. Ты можешь убить меня, но Бехалет застрелит тебя.

— Я бы быстрее него воспользовался твоим пистолетом, — сказал Лито. — А затем бы я забрал топтер. Да, я умею его водить.

Лоб Муриза под капюшоном угрюмо наморщился.

— Что если ты не тот, за кого себя выдаешь?

— Мой отец меня опознает? — спросил Лито.

— А-а-а, — сказал Муриз. — Вот что тебе ведомо, да? Но ... — он осекся, покачал головой. — Его поводырь — мой собственный сын. Но он говорит, что вы с отцом никогда ... Как может ...

— Значит, ты веришь, что Муад Диб читает будущее, — сказал Лито.

— Разумеется, мы верим! Но он говорит о себе, что ... — Муриз опять осекся.

— И ты считаешь, будто он не осознает вашего недоверия, — сказал Лито. — Я прибыл именно в это место и именно в это время, чтобы встретиться с тобой, Муриз. Я знаю все о тебе, потому что я тебя видел ... и твоего сына тоже. Я знаю, в какой безопасности вы себя чувствуете, как вы глумитесь над Муад Дибом, как замышляете спасти свой маленький клочок пустыни. Но ваш маленький клочок пустыни без меня обречен, Муриз. Пропадет навсегда. Дела на Дюне зашли слишком далеко. Мой отец почти бежал от своего видения, и только на меня вы можете уповать.

— Тот слепец ... — Муриз остановился, сглотнул.

— Он скоро вернется из Арракина, — сказал Лито. — И тогда мы увидим, насколько он слеп. Насколько ты отделился от старых обычаев Свободных, Муриз?

— Что?

— Он же твой Уадкульяс. Твои люди нашли его одного в пустыне и доставили в Шулох. Какое же это оказалось богатство! Богаче спайсовой жиры. Уадкульяс! Он жил с вами — его вода смешивалась с водой племени. Он — часть вашей Духовной Реки. — Лито плотно прижал нож к одеянию Муриза. — Осторожней, Муриз, — левой рукой Лито отстегнул поднятый отворот на лице Свободного, отбросил его.

Поняв, что хочет Лито, Муриз спросил:

— Куда ты отправишься, если убьешь нас обоих?

— Назад в Джакуруту.

Лито прижал мясистую часть своего кулака ко рту Муриза.

— Надкуси и пей, Муриз. Либо это, либо умрешь.

Муриз заколебался, потом злобно впился в руку Лито.

Лито посмотрел на горло мужчины, увидел заглатывающие конвульсии, опустил нож и вернул его Муризу.

— Уадкульяс, — сказал Лито. — Я должен оскорбить племя, прежде чем ты возьмешь мою воду.

Муриз кивнул.

— Вон твой пистолет, — подбородком указал Лито.

— Ты мне теперь доверяешь? — спросил Муриз.

— А как еще я смогу жить с отверженными?

И опять Лито увидел хитрое выражение в глазах Муриза, но на сей раз оно означало оценку и прикидку экономических выгод. Он отвернулся с резкостью, говорившей о принятых тайных решениях, подобрал свой пистолет маулу и поставил ногу на ступеньку крыльца.

— Поехали, — сказал он. — Мы и так слишком замешкались близ логова червя.

Глава 37

В Шулох Муриз вел орнитоптер с легкостью, говорившей о хорошем навыке. Лито, сидевший рядом с ним, спиной ощущал, что Бехалет следит за ним, не выпуская оружия из рук. Все теперь работало на доверии и держалось на узкой ниточке видения, за которое он цеплялся. Если его постигнет неудача, Аллах Акбар. Приходится порой подчиняться более высокому порядку.

Громада Шулоха впечатляла в этой пустыне. Не нанесенный на карты, он говорил о многих подкупках и многих смертях, о многих друзьях на высоких постах. Подножия каньонов окаймляла густая поросль шелушельника и солевых кустов, а внутри был круг веерных пальм, указывающих, что это место богато водой. Среди пальм торчали грубые строения из зеленого кустарника и спайсового волокна. Строения казались зелеными пуговками, разбросанными по песку. Там жили отверженные среди Отверженных, те, кто ниже смерти пасть уже не мог.

Муриз приземлился на плоской площадке у подножия одного из каньонов. Прямо перед топтером виднелось единственное строение с крышей из лозы пустыни и листьев беджато, в основе которых была переплавленная жаром спайсовая ткань. Это было точное воспроизведение самых первых стилтентов, говорившее о деградации некоторых из обитателей Шулоха. Лито знал, что такие строения упускают влагу, и что в них наверняка набегает полным-полно ночных кусачих насекомых из близлежащей поросли. Значит, вот как жил его отец. И бедная Сабиха, вот что ждет ее в наказание.

По приказу Муриза Лито вылез из топтера, прыгнул на песок, зашагал к хижине. Ему видно было множество людей, работавших в отдалении под пальмами. Вид у них был оборванный и бедный, и тот факт, что они едва взглянули на него и на топтер, немало говорил о том, какой гнет здесь царил. Позади работающих Лито видна была каменная губа канала, и нельзя было ошибиться, действительно ли в воздухе ощущается такая влажность; вон она, открытая вода. Проходя мимо хижины, Лито увидел, что сделана она так топорно, как он и предполагал. Он подошел к каналу, поглядел в него, увидел в темной глубине завихрения ходившей там хищной рыбы. Рабочие, избегая его взгляда, продолжали очищать от песка ряд входных отверстий в твердыне.

Муриз подошел сзади Лито, сказал:

— Ты стоишь на границе между рыбой и червем. У каждого из этих каньонов есть собственный червь. Мы открыли этот канал и вскоре уберем хищную рыбу, чтобы привлечь песчаную форель.

— Ну, конечно, — сказал Лито. — Вроде садков. Вы продаете песчаную форель и червей за пределы планеты.

— Так предложил Муад Диб!

— Знаю. Но ни один из ваших червей, ни одна из форелей не прожили долго вдали от Дюны.

— Пока что, да. Но однажды ...

— Нет — хоть за десять тысяч лет, — сказал Лито. И повернулся, чтобы посмотреть на смятение на лице Муриза. Вопросы протекали по нему, как вода по каналу. Действительно ли этот сын Муад Диб способен читать будущее? Некоторые до сих пор верят, что Муад Диб это делал, но ... Как же можно судить о подобном?

Вскоре Муриз отвернулся и отправился назад к хижине. Он отворил грубый дверной замок, поманил Лито, приглашая войти. У дальней стены горела лампа на спайсовом масле, а под ней, спиной к двери, сидела на корточках маленькая фигурка. От горящего масла разносилось сильное благоухание корицы.

— Нам прислали новую пленницу, чтобы она заботилась о сьете Муад Диб, — ухмыльнулся Муриз. — Если она будет хорошо работать, то на какое-то время сохранит свою воду, — он повернулся к Лито. — Некоторые считают, что забирать такую воду — зло. Эти новые Свободные в кружевных рубашках насочиняли в своих городах горы чепухи! Горы чепухи! Когда еще Дюна видела такие горы чепухи? Когда мы получаем вот таких ... — он указал на фигурку под лампой. — Они обычно полубезумевшие от страха, потерянные для своего рода и никогда не приемлемые истинными Свободными. Ты понимаешь меня, Лито Батигх?

— Я понимаю тебя.

Скрюченная фигурка не шелохнулась.

— Ты говоришь о том, чтобы вести нас, — сказал Муриз. — Свободными руководят люди, привыкшие пускать кровь. Куда ты нас поведешь?

— Кразилек, — отвстил Лито, не отрывая взгляда от скрючившейся фигурки.

Муриз поглядел на него вспыхнувшим взглядом, брови высоко поднялись над его глазами цвета индиго. Кразилек? Это не просто война или революция, это — Тайфунный Бой. Это слово из отдаленнейших легенд Свободных — битва при светопредставлении. Кразилек? Высокий фримен судорожно сглотнул. Этот юнец так же непредсказуем, как гордская шеголь! Муриз повернулся к скрюченной фигурке.

— Женищина! Либан вахид! — приказал он. «Принеси спайсовый напиток!»

Она заколебалась.

— Делай, как он говорит, Сабиха, — сказал Лито.

Она вскочила на ноги, развернулась всем телом, воззрилась на него, не в силах оторвать взгляда от его лица.

— Ты знаешь ее? — спросил Муриз.

— Это племянница Намри. Она провинилась в Джакуруту и ее направили сюда.

— Намри? Но ...

— Либан вахид, — сказал Лито.

Она метнулась мимо них, выскочила за дверь, и они услышали звук ее бегущих ног.

— Далеко она не уйдет, — сказал Муриз. Он коснулся пальцем ноздри. — Родственница Намри, гм. Интересно. В чем она провинилась?

— Дала мне сбежать, — Лито повернулся и пошел следом за Сабихой. Он нашел ее стоящей на краю канала. Подойдя и встав рядом с ней, он поглядел на воду. Им слышно было, как перекликаются и трепещут крыльями птицы в всеерных пальмах неподалеку. Со стороны рабочих, убирающих песок, доносились скребущие звуки. Лито стоял так же неподвижно, как и Сабиха, глядя вниз на глубокую воду и отражения в ней. Уголком глаза он увидел голубых длиннохвостых попугаев среди широких листьев пальм. Один из них перелетел через канал и полетел точно над серебряным водоворотиком хищной рыбы, разглядывая свое отражение, двигались они настолько синхронно, как будто и птица, и хищник плыли в одной среде.

Сабиха прочистила горло.

— Ты меня ненавидишь, — сказал Лито.

— Ты опозорил меня. Ты опозорил меня перед моим народом. Они собрали Иснад и отправили меня сюда, чтобы здесь я лишилась своей воды. И все из-за тебя.

Прямо позади них рассмеялся Муриз.

— Теперь ты видишь, Лито-Батигх, у нашей Духовной Реки множество жертвователей.

— Но моя вода течет в твоих жилах, — повернулся к нему Лито. — Никакой жертвы. Сабиха — судьба моего видения, и я следую за ней. Я бежал через пустыню, чтобы здесь, в Шулохе, найти свое будущее.

— Ты и ... — указав на Сабиху, он расхохотался, запрокинув голову.

— Это будет не так, как кто-то из вас способен поверить, — ответил Лито. — Запомни это, Муриз. Я нашел следы своего червя, — и слезы навернулись ему на глаза.

— Он отдает свою воду мертвым, — прошептала Сабиха.

Даже Муриз благоговейно воззрился на Лито. Свободные никогда не плачут, если только не подносят кому-то или чему-то драгоценнейшего дара своей души. Почти смущенный, Муриз застегнул застёжку на долом и натянул низко на лоб капюшон своей джебаллы.

Лито, посмотрев поверх него, сказал:

— Здесь, в Шулохе, до сих пор молятся о росе на краю пустыни. Ступай, Муриз, и молись о Кразилеке. Обещаю тебе, он придет.

Глава 38

— Теперь он у них в надежном месте и в безопасности, — сказал Намри, через квадратное каменное помещение улыбаясь Гурни Хэллеку. — Можешь доложить об этом своим друзьям.

— Где это безопасное место? — спросил Хэллек. Тон Намри ему не нравился, но его сдерживали приказания леди Джессики. Проклятая колдунья! В ее объяснениях нельзя было выудить никакого смысла, кроме предостережения о том, что может произойти, если Лито не удастся стать хозяином над своими жуткими памятьми.

— В безопасном месте, — повторил Намри. — Это все, что мне позволено тебе сообщить.

— Откуда ты это знаешь?

— Получил дистранс. С ним Сабиха.

— Сабиха. Да она просто даст ему ...

— Не на этот раз.

— Ты собираешься убить его?

— Не мне уж это решать.

Хэллек скорчил гримасу. Дистранс. Какова дальность полета у этих проклятых пещерных летучих мышей? Он часто видел, как они легко и бесшумно летят через пустыню, переносчики тайных посланий, запечатленных в их попискиваниях. Но какова дальность их перелетов на этой адской планете?

— Я должен сам его увидеть, — заявил Хэллек.

— Этого не дозволено.

Хэллек сделал глубокий вздох, чтобы сохранить спокойствие. Он провел два дня и две ночи в ожидании отчета о розысках. Теперь было уже следующее утро, и он чувствовал, как все тает его влияние на окружающее, оставляя его обнаженным. Да он никогда и не любил командовать. Командующий должен ждать, пока другие сделают все интересное и опасное.

— Почему не дозволено? — спросил он. Контрабандисты, обустроившие для себя этот съетч, слишком много вопросов оставляли без ответа, и он не хотел больше, чтобы и Намри играл в такие же игры.

— Есть мнение, что увидев тот съетч, ты увидишь слишком много, — ответил Намри.

Хэллек, расслышав угрозу, с небрежной расслабленностью занял позу опытного бойца, рука близко от ножа, но не на ноже. Ему бы очень

хотелось иметь защитное поле, но оно исключалось — во-первых, из-за его действия на червей, и во-вторых, из-за того, что в атмосфере, насыщенной статическим электричеством — порождавшимся бурями — оно очень быстро выходило из строя.

— Скрытность не входила в условия нашей сделки, — сказал Хэллек.

— Убей я его, это вошло бы в условия нашей сделки? — сказал Намри.

И опять Хэллек ощутил козни невидимых сил, о которых леди Джессика его не предупреждала. Проклятый ее план! Может быть, правильно, что не надо доверять никому из Бене Гессерит. И он тут же почувствовал себя изменником. Она объяснила ему проблему, и он взялся действовать по ее плану, так и предполагая, что в этот план, как и в другой, действительность потребует внесения поправок. И не было ничего общего с Бене Гессерит — была леди Джессика из рода Атридесов, никем другим никогда для нее не являвшаяся, кроме как другом и опорой. Без нее он так и плыл по воле волн в мире поопасней того, в котором он обитает теперь.

— Ты не можешь ответить на мой вопрос, — ответил Намри.

— Ты должен был убить его только в том случае, если бы в нем явно проявилась ... одержимость, — проговорил Хэллек. — Богомерзость.

Намри поднял кулак к правому уху.

— Твоя госпожа знала, что мы подвергнем его проверкам на этом. Мудро было с ее стороны передать суд в мои руки.

Хэллек разочарованно поджал губы.

— Ты слышал, что сказала мне Преподобная Мать, — продолжал Намри. — Мы, Свободные, понимаем таких женщин, но вы, люди других миров, их никогда не поймете. Женщины Свободных часто посылают своих сыновей на смерть.

Хэллек заговорил все еще плохо слушающимися губами:

— Ты извещаешь меня, что ты убил его?

— Он жив. Он в безопасном месте. Он продолжает получать спайс.

— Но я должен доставить его к бабушке, если он выживет, — сказал Хэллек.

Намри только плечами пожал.

Хэллек понял, что это единственный ответ, на который он может рассчитывать. Проклятье! Он не может вернуться к Джессике, не имея ответов на такие вопросы. Он покачал головой.

— Зачем спрашивать о том, чего ты не можешь изменить? — спросил Намри. — Тебе хорошо платят.

Хэллек грозно воззрился на него. Свободные! Они считают, будто все иностранцы падки прежде всего до денег. Но Намри говорил о большем, чем просто о предубеждениях Свободных. Здесь трудились другие силы, и это было ясно тому, кто свое обучение прошел под на-

блюдением Бене Гессерит. Все это пахивало интригой внутри интриги...

Принимая оскорбительно фамильярный тон, Хэллек сказал:

— Леди Джессика будет в ярости. Она может послать когорты против ...

— Занадик! — выругался Намри. — Ты, официальный гонец. Держись подальше от Мохалаты! Я с удовольствием отдам твою воду Благородному Народу!

Хэллек положил руку на нож, приготовил левый рукав, где у него был спрятан маленький сюрприз для нападающих.

— Не вижу разбрызганной здесь воды, — сказал он. — Наверное, ты ослеплен своей гордостью.

— Ты живешь, потому что я хотел, чтобы ты узнал перед смертью: твоя леди Джессика не пошлет когорты против кого бы то ни было. Тебе не проскользнуть тихой сапой в Хуануи, ты — отброс другого мира. Я — из Благородного Народа, а ты ...

— А я просто слуга Атридесов, — мягко заметил Хэллек. — Мы — те самые отбросы, что сняли ярмо Харконненов с вашей вонючей шеи.

У Намри так перекосило лицо, что зубы обнажились.

— Твоя госпожа — пленница на Салузе Второй. Приказы, которые по-твоему, идут от нее, поступают от ее дочери.

С усилием, но Хэллек сохранил свой голос бесстрастным.

— Неважно. Алия ...

Намри вытащил свой криснож.

— Что ты знаешь о Чреве Небесном? Я ее слуга ты, шлюха среди мужчин. По ее повелению забираю я твою воду! — и он с безрассудной прямоотой кинулся через комнату.

Хэллек не дал себя обмануть такой притворной неуклюжестью, взмахнул левым рукавом своей робы, высвобождая дополнительный кусок плотной материи, подшитой к нему, — и нож Намри увяз в этой материи. Тем же движением Хэллек закинул на голову Намри складки своей одежды и ударил ножом под это покрывало точно тому в лицо. Он почувствовал, что удар его достиг цели, когда тело Намри стукнулось о Хэллека твердой поверхностью надетого под робой металлического доспеха. Свободный испустил лишь один вопль ярости, запрокинулся назад и упал. Он лежал, кровь хлестала у него изо рта, какое-то время его глаза еще смотрели на Хэллека, потом медленно потускнели.

Хэллек выдохнул воздух сквозь губы. Как мог этот дурак, Намри, рассчитывать, будто хоть кто-то не заметит надетого под робой доспеха? Убирая рукав-ловушку, вытирая нож и вкладывая в ножны, Хэллек обратился к труп:

— Как, по-твоему, обучены мы, слуги Атридесов, дурак?

Он глубоко вздохнул, задумавшись: «Ну, ладно. Чьей же интриги я отвлекающая завеса?» В словах Намри вполне могло быть сколько-то прав-

ды. Джессика в плену у Коррино, Алия плетет собственные козни. Джессика неоднократно предупреждала, что Алия — враг, но вот своего пленения она не предвидела. Однако у него есть приказы, и он будет им повиноваться. Во-первых, необходимо поскорее убраться из этого места. Хорошо, что один закутанный Свободный похож на другого. Он закатил тело Намри в угол, забросил его подушками, передвинул коврик, прикрывая кровь. Когда это было сделано, Хэллек приладил носовую и ротовую трубки своего стилсьюта, надел маску, как всякий, готовящийся выйти в пустыню, поглубже натянул калюшон и вышел в длинный коридор.

«Невиновные ходят беззаботно», — подумал он, приноравливая шаги под такую небрежную походочку. «И я расскажу ей это, если ее увижу». Потому что если слова Намри правдивы, то действует опаснейший встречный план. Алия недолго позволит ему оставаться в живых, если его поймает, но всегда есть Стилгар с суевериями порядочного Свободного.

Джессика ему объяснила: «На естественную натуру Стилгара наложен лишь очень тонкий слой цивилизованного поведения. И вот как снять с него этот слой ...»

Глава 39

Лито сидел, прислонясь спиной к стене хижины, глядя на Сабиху, внутренним зрением следя за разматывающейся нитью своего видения. Сабиха приготовила кофе и отставила его в сторону. Теперь она сидела на корточках напротив него, помешивая вечернюю трапезу, кашу, приправленную меланжем. Руки ее проворно управлялись с ковшиком и с жидкостью цвета индиго, оставлявшей следы на краях чаши. Она склонила свое худое лицо над чашей, размешивая концентрат. Грубая перепонка, составлявшая стилтент хижины, прямо позади нее имела заплату из более светлого материала, и возникал серый ореол, на который падала тень Сабихи, танцующая в помаргивающем свете огня, на котором готовился ужин.

Лампа заинтриговала Лито. Народ Шулоха был расточителен со спайсовым маслом. Лампа, а не глоуглоб. Они владели рабами-отверженными, о которых рассказывается в историях о самых старых обычаях Свободных. И при том пользовались орнитооперами и современнейшими спайсоуборщиками. Жестокая смесь древности и современности.

Сабиха пододвинула ему чашу с кашей, загасила огонь.

Лито не обратил внимания на чашу.

— Меня накажут, если ты это не съешь, — сказала она.

Лито воззрился на нее, думая: «Если я убью ее, разобьется одно видение. Если я расскажу ей о планах Муриза, разобьется другое видение. Если я буду дожидаться здесь отца, это видение-ниточка станет мощным канатом».

Он мысленно рассортировал ниточки. В некоторых было обаяние, не дававшее ему покоя. Одно из будущих — с Сабихой — обладало в его провидении соблазняющей реальностью. Оно угрожало перескрыть все остальное, пока он мучительным усилием не отделался от него.

— Почему ты так на меня смотришь? — спросила она.

Он так и не ответил.

Она пододвинула чашу поближе к нему.

Лито попробовал сглотнуть сухим горлом. Побуждение убить Сабиху нарастало в нем. Он даже задрожал. Как легко было бы разбить одно видение — и выпустить все остальные на свободу!

— Муриз это велит, — сказала она, касаясь чаши.

Да, Муриз это велит. Суеверие побеждает повсюду. Муриз хочет, чтобы ему истолковывали его видения. Он как древний дикарь, просящий ведьминого доктора бросить бычьи кости и истолковать их расклад. Муриз забрал стилсьют пленника «из чистой предосторожности». Здесь была коварная шпилька в адрес Намри и Сабихи. Мол, «только дураки дают пленникам сбежать».

Вода пленника течет в жилах Муриза. Муриз ищет повода, который бы позволил ему убить Лито.

«Каков отец, таков сын», — подумал Лито.

— Спайс только даст тебе твои видения, — сказала Сабиха. От его долгого молчания ей стало не по себе. — У меня самой много раз бывали видения во время оргий. Они ничего не значат.

Лито разглядел весь узор своих видений и знал теперь, по какой ниточке он должен двигаться. «Моя кожа не моя собственная». Он встал, завернулся в балахон. Без стилсьюта, защищающего тело, прикосновение одежды оставляло странное ощущение. Он стоял босиком на полу из плавленной спайсовой ткани, ощущая пробравшиеся внутрь песчинки.

— Что ты делаешь? — спросила Сабиха.

— Воздух здесь плох. Я выйду наружу.

— Ты не сумеешь бежать, — сказала она. — В каждом каньоне есть свой червь. Если ты выйдешь за канал, червь учует тебя по твоей влаге. Эти плененные черви очень бдительны — совершенно не похожи на тех, кто в пустыне. Кроме того ... — как же злорадно звучал ее голос! — На тебе нет стилсьюта.

— Тогда чего же ты боишься? — спросил он, гадая, сумеет ли он спровоцировать ее на правдивый ответ.

— Чтобы тебя не съели.

— И тебя накажут.

— Да!

— Но я уже перенасыщен спайсом. Видение каждый миг, — он указал босой ногой на чашу. — Выплесни это в песок. Кто узнает?

— Они следят, — прошептала она.

Он покачал головой, устранив ее из своих видений, чувствуя, как освобождается от нее. Нет нужды убивать эту бедную пешку. Она танцует под чужую музыку, не зная даже па, веря, что она все еще сможет разделить ту власть, что соблазняет голодных пиратов Шулоха и Джакурту. Лито подошел к дверному замку, положил на него руку.

— Когда придет Муриз, — сказала она, — он очень рассердится, что ...

— Муриз — торговец пустотой, — ответил Лито. — Моя тетка его обезводила.

Она поднялась на ноги.

— Я пройду с тобой.

И он подумал: «Она помнит, как я от нее сбежал. Теперь она чувствует, до чего слабой хваткой меня удерживает. Ее видения волнуются внутри нее. Но она не прислушается к этим видениям. Ей надо лишь поразмыслить, а как он может перехитрить плененного червя в узком проходе? Как он сможет жить в Танцеруфте без стилсьюта или фремкита?»

— Я должен побыть один, чтобы посоветоваться со своими видениями, — сказал он. — Останься здесь.

— Куда ты пойдешь?

— К каналу.

— Ночью косяком пойдет песчаная форель.

— Она меня не съест.

— Червь порой доходит до самого канала. Если ты пересечешь канал ... — она осеклась, чтобы выразить как бы угрожающий смысл своих слов.

— Как я смогу взобраться на червя без крючьев? — спросил он, гадая, не сохранились ли в ней все же крохи от ее видений.

— Ты поешь, когда вернешься? — спросила она, опять приседая на корточки перед чашей, чтобы взять черпачок и еще раз помешать похлебку цвета индиго.

— Всею свое время, — сказал он, зная, что она не в состоянии будет распознать тонкое воздействие Голоса, через внушающую силу которого он превращал свои собственные желания в ее решения.

— Муриз придет и проверит, было ли у тебя видение, — предупредила она.

— С Муризом я разбсрусь по-своему, — сказал он, отмечая, какими медленными и тяжелыми стали ее движения. В том, как он ею сейчас управлял, отражалась естественная склонность всех Свободных, народа необычайно энергичного на рассвете, но часто одолеваемого глубокой ле-

таргической меланхолией при наступлении тьмы. Ее уже клонило в сон и в сновидения.

И Лито один вышел в ночь.

В небе мерцали многочисленные звезды, и ему видны были громады окружающих круч на фоне звездного неба. Он под пальмами прошел к каналу.

Долгое время Лито сидел на корточках у края канала, прислушиваясь к шипению песка в каньоне за водной преградой. Червь маленький, судя по звуку, — несомненно, по этой причине и пойман. Маленького червя легче перевозить. Он подумал о способе ловли червя: охотники глушат его водяным туманом, используя старый метод Свободных, добывающих червя для оргии-обряда преображения. Но этот червь не будет убит водой. Он отправится на хайлайнере Союза к какому-нибудь полному надежд покупателю, пустыня которого почти наверняка окажется слишком влажной. Очень немногие представители других миров понимают, какова же должна быть сухость Арракиса, чтобы там сохранился червь. сохранился — почти в прошедшем времени. Потому что даже здесь, в Танцеруфте, воздух был насыщен влагой во много раз больше, чем когда-либо ведал любой червь — разве что погибая в цистерне Свободных.

Он услышал, как в хижине позади него двигается Сабиха. Она была обеспокоена, язвима своими подавленными видениями. Он недоумевал, каково это было бы быть вне видений вместе с ней, принимая каждый наступающий миг совместно и как существующий сам по себе. Эта мысль привлекла его намного больше, чем любое из навешенных спайсом видений. Была некая ясность в том, чтобы жить лицом к неизвестному будущему.

«Поцелуй в сьетче стоит двух в городе».

Так говорила старая аксиома Свободных. В традиционном сьетче узанаваемое дикарство смешивалось с застенчивостью. Следы этой застенчивости были в людях Джакуруту и Шулоха — но только следы. Он опечалился, уяснив до конца, что же именно теперь потеряно.

Медленно, так медленно, что он полностью понял это прежде, чем сам успел сообразить, его сознание наполнилось шуршанием многих тварей вокруг него.

«Песчаная форель».

Вскоре наступит время перейти от одного видения к другому. Он ощущал движение форели, как движение внутри себя. Свободные прожили целые поколения бок о бок со странными созданиями, зная, что стоит пожертвовать на приманку хоть каплю воды, и эти создания можно заманить в пределы своей досягаемости. Многие Свободные умирали от жажды, рискуя своими последними немногими каплями поставленной на карту воды, зная, что вытягиваемый из форели сладкий зеленый сироп может хоть немного прибавить сил. Но в основном песчаная

форель — это для детей, играючи ловящих ее среди Хуануи. И для забавы.

Лито содрогнулся, какую же забаву это означает для него сейчас.

Он почувствовал, как одна из форелей скользнула по его босым ногам, заколебалась, потом пустилась дальше, привлеченная большим количеством воды в канале.

За мгновение, однако, он понял, что его жуткое решение осуществимо. «Форельная перчатка». Детская игра. Если держишь форель в руке, разглаживая ее, то она образует живую перчатку. Следы крови в порах кожи ощутимы для этих созданий, но почему-то все связанное с водой их отталкивает. Раньше или позже перчатка соскальзывает на песок, и ее подбирают в корзинку из спайсового волокна. Спайс гипнотизирует их до тех пор, пока их не топят в водосборнике смерти.

Ему слышно было, как форель сыплется в канал, как бурлит вода вокруг пожирающих ее хищных рыб. Вода размягчает песчаную форель, делает ее податливой. Дети рано это усваивают. Плевок на форель и из нее сочится сладкий сироп. Лито прислушался к плеску. Мигрирующая форель добралась до открытой воды, но не могла вобрать в себя струящийся поток, охраняемый хищными рыбами.

Но она все шла — и все так же с плеском шлепалась в воду.

Лито пошарил правой рукой по песку, пока его пальцы не накнулись на кожистую форель. Как раз такая большая, какую ему хотелось. Она не попыталась от него ускользнуть, наоборот, с жадностью полезла на его тело. Он свободной рукой наощупь изучил ее форму — нечто, напоминающее алмаз. Ни головы, ни выступов, ни глаз, и все же воду находит безошибочно. Вместе со своими собратьями она может слипаться телом к телу, одна за другой становясь частью грубых переплетений плотно сжимающейся реснички, пока все целое не превратится в единый сосущий организм, поглощающий в себя воду, отгораживающий «яд» от гиганта, которым станет песчаная форель — от Шан-Хулуда.

Песчаная форель извивалась у него на груди, вытягиваясь и удлиняясь. При этих ее движениях он ощутил, как вытягивается и удлиняется и избранное им видение. «Эта ниточка не та». Он почувствовал, как песчаная форель становится все тоньше, все больше и больше обволакивая его руку. Ни одна форель еще не встречала руки, подобной этой, так перенасыщенной спайсом. Ни один человек еще не жил и не мыслил в подобных условиях. Лито тонко подрегулировал свой энзимный баланс, со светлой уверенностью, обретенной им после того, как это было проиграно в видении транса. Знания бесчисленных жизней, сливавшиеся внутри него, обеспечили надежность и точность всех его действий, защитили от смерти от передозировки, которая бы поглотила его, если бы он хоть

на долю секунды ослабил внимание. И одновременно он сливался с форелью, впитывая ее, обильно ее подкармливая, изучая ее. Он действовал точно по лекалу своего видения.

Он почувствовал, как форель делается все тоньше, все больше растекаясь по руке, взобравшись уже на предплечье. Он поймал еще одну, положил поверх первой. При соприкосновении по двум созданиям прокатились судороги. Ну в точности живая перчатка детской игры, но теперь тоньше и чувствительней, поддавшаяся на его приманку, занимая свое место в симбиозе с его кожей. Он опустил руку в живой перчатке, ощущал песок, отчетливо чувствуя каждую песчинку. Это уже не форель, то, что выходит — это крепче, сильнее, и будет делаться все сильнее и сильнее ... Его шарящая рука наткнулась на еще одну форель, с ходу примкнувшую к первым двум и приспособившуюся к новой роли. Кожистая мягкость уже одела всю его руку вплоть до плеча.

Он достиг единства своей новой кожи со своим телом, предотвратил отторжение. На это потребовалось все его внимание, и ни уголка не осталось в мозгу, где могло бы сохраниться осознание устрашающих последствий делаемого им. Только то, что видение его транса представило необходимым, имело значение. Золотая Тропа могла открыться только после этого испытания.

Лито скинул одежды и обнаженным лег на песок, протянув руку к косяку на пути мигрирующей форели. Он припомнил, как однажды они с Ганимой поймали песчаную форель и терли ее о песок до тех пор, пока та не превратилась в «червя-детеныша», жесткую трубочку, налитую изнутри зеленым сиропом. Только аккуратно надкуси и быстро выпей, пока укус не затянулся, спасая хоть немногие капли.

Они были теперь по всему его телу. Он чувствовал, как пульсирует его кровь под этой живой оболочкой. Одна попыталась закрыть ему лицо, но он грубо ее скатал, пока она не вытянулась в тонкую трубочку и удлинилась намного больше червя-детеныша, оставаясь при этом гибкой. Лито надкусил ее кончик и стал смаковать тонкую струйку сиропа, которого вытекло намного больше, чем когда-либо приходилось отведывать Свободному. Он почувствовал, как энергия сиропа разливается по его телу. Его охватило занятое возбуждение. Некоторое время он был занят тем, что отвертывал от лица наползающую пленку, пока не получилось окоченевшей кромки, замкнувшейся в круг ото лба до челюсти и оставляющей его глаза закрытыми.

Теперь надо испытать видение.

Он встал на ноги, повернулся, чтобы побежать назад к хижине, и обнаружил, что бежит так быстро, что не в состоянии сохранять равновесие. Он рухнул в песок, кувырнулся и вскочил на ноги. Прыжок на два метра вознес его над песком, приземлившись, попробовал просто идти, но опять он двигался слишком быстро.

«Стоп!» — велел он себе и погрузился в расслабляющее прана-бинду, собирая все ощущения в пруд своего сознания. Пробежала внутренняя рябь, через которую он живо ощутил Время, и восторг видения его согрел. Оболочка работала в точности так, как предсказало видение.

«Моя кожа — не моя собственная».

Его мускулам надо было немного потренироваться, привыкнуть к усилению любого движения. Когда он пошел, он упал и покатился, а потом сел. В спокойствии кайма под его челюстью попыталась стать пленкой и закрыть ему рот. Он плюнул на нее и надкусил, отведав сладкого сироп. Потом рукой закрутил ее.

Прошло достаточно времени, чтобы возникло единство его новой кожи с телом. Лито вытянулся на спине, перевернулся на живот. Затем он пополз, царапая оболочкой по песку. Он отлично ощущал песок, но ничто не царапало его собственного тела. Сделав лишь несколько плавающих движений, он одолел пятьдесят метров песка. От трения по телу разлилось тепло.

Пленка больше не пыталась закрыть его нос и рот, но теперь ему предстоял второй значительный шаг к Золотой Тропе. Его упражнения вывели его за канал, в каньон, где находился пойманный червь. Он услышал, как червь приближается с шипящим свистом, привлеченный его движениями.

Лито вскочил на ноги, намереваясь встать и подождать, но это движение послало его метров на двадцать вглубь каньона. Невероятных усилий стоило контролировать свои движения, он опять присел на корточки, выпрямился. Теперь прямо перед ним начал пухнуть песок, вздымаясь чудовищным завитком, освещенным лунным светом. Песок разошелся перед ним на расстоянии всего в два его роста. В тусклом свете полыхнули кристалльные зубы. Он увидел, как разверзается рот-пещера, далеко в глубине которой тягуче шевелилось тусклое пламя. Всепобеждающий аромат спайса захлестнул его. Но червь остановился. Он продолжал стоять перед Лито, когда из-за круч вышла Первая луна. Ее свет отразился на зубах твари, окаймлявших пламенные отсветы горения химических реакций внутри нее.

Так глубоко жил в нем закоренелый страх Свободных, что Лито просто с места срывало желание удрать. Но его видение удержало его, очаровав этим затянувшимся моментом. Еще ни один, стоявший так близко к пасти живого червя, не уцелел. Лито тихо двинул правую ногу, зацепился за песчаный бугорок и, среагировав слишком сильно, полетел прямо к пасти червя. Он остановился, упав на колени. Червь так и не шевельнулся.

Он чувствует только форель и не станет нападать на эту глубоко-песочную ядовитую штуку, его родню. Червь нападет на другого червя, посягнувшего на его территорию, или пожалует на обнаженный спайс. Только водный барьер его останавливает, а песчаная форель, живая капсула воды, и есть такой водный барьер.

Ради эксперимента Лито протянул руку к наводящей благоговейный ужас пасти. Червь подался назад на целый метр.

К Лито вернулась уверенность, и он, отвернувшись от червя, принялся обучать свои мускулы жить с этой новой заключенной в них силой. Он осторожно прошелся назад к каналу. Червь позади него оставался недвижим. Когда Лито оказался за водной преградой, он подпрыгнул от радости, пролетел метров десять над песком в парящем полете, шлепнулся, кувырнулся и расхохотался.

Приоткрылся затвор хижины, на песок упал яркий свет. Сабиха, стоя в ореоле желто-сиреневого свечения лампы, воззрилась на него.

Смеясь, Лито опять перебежал через канал, остановился перед червем, протянул руку и повернул лицо к Сабихе.

— Смотри! — окликнул он. — Червь слушается меня!

Пока она стояла, окаменев от шока, он развернулся и бегом промчался мимо червя в глубь каньона. Приобретя какой-то новый опыт в своей новой коже, он уже выяснил, что может бежать, лишь чуть-чуть напрягая мускулы. Усилий почти не требовалось. Когда он бежал, прилагая усилия, то взмывал так, что его незащищенное лицо обжигал ветер. В глухом конце каньона он не остановился, а подпрыгнул метров на пятнадцать вверх, вцепился в обрыв и пополз наверх, как насекомое. Он вышел на гребень Танцеруфта.

Перед ним простиралась пустыня в лунном свете бескрайними серебриющимися волнами.

Лито успокоился.

Он присел на корточки, чувствуя потрясающую легкость тела. После сделанного им физического упражнения он покрылся тонкой пленочкой пота, которую стилсьют впитал бы и прогнал через влагоемкую прокладку, удаляющую соли. Теперь пот исчез, как только он расслабился, мембрана поглотила его быстрее любого стилсьюта. Лито, задумавшись, развернул рудончик оболочки под губой, засунул его в рот, отпил сиропа.

Вот рот его не закрыт. Чутким разумом Свободного он ощущал, как влага его тела теряется через рот. Лито натянул оболочку себе на рот, закатил ее край, попытавшийся запечатать ноздри, и держал так, пока ограничивающая ее свернутая трубочка не осталась на месте. В пустыне он дышал уже автоматически по принципу: вдох через нос, выдох через рот. Оболочка над его ртом вздулась маленьким пузырьком, но осталась неподвижной. Не теряется ни крупичка влаги, собирающейся в носу и на губах. Значит, он все теперь приладил.

Между Лито и луной пролетел топтер, сделал вираж, опустился на широкую посадочную площадку на вершине, метрах в ста слева от Лито. Лито глянул на него, отвернулся, поглядел на тот путь, которым он взобрался из каньона. Внизу, у канала, виднелось множество огней, различалось мельтешение большой толпы. Он услышал далекие

выкрики, звучавшие с различной истерией. От топтера к нему приближались двое. Лунный свет блестел на их оружии.

«Машхад», — подумал Лито, и это была печальная мысль. Отсюда — его гигантский скачок на Золотую Тропу. Он надел живой, саморемонтирующийся стилсьют из мембран песчаной форели, вещь неизмеримой ценности на Арракисе ... пока не поймешь уплаченную цену. «Я больше не человек. Легенды об этой ночи будут расти и раздуваться среди неузнаваемости среди всех, кто ее застал. Но она будет правдой, эта легенда».

Он поглядел вниз, прикинул, что уровень пустыни метрах в двухстах внизу. Луна высвещала выступы и трещины на крутой поверхности, но никакой непрерывной тропки. Лито встал, сделал глубокий вдох, взглянул на приближающихся мужчин и прыгнул в воздух. Примерно тридцатью метрами ниже него ноги наткнулись на узкий выступ. Напрягшиеся мускулы погасили удар и, спружинив, направили его полет в сторону, до другого выступа, который он задел руками, отскочил еще метров на двадцать вниз, наскочил — опять руками — на следующий выступ и опять пошел вниз, отпружинивая, прыгая, хватаясь за крохотные выступы. Наконец, заключительные сорок метров он одолел одним прыжком, приземлился, поджимая колени, вонзился в покатый склон дюны, подняв тучи песка и пыли. У подножия дюны он поднялся на ноги, одним прыжком взлетел на гребень следующей дюны. Он услышал хриплые крики с вершины обрыва, но проигнорировал их, сосредоточась на широких прыжках с вершины на вершину дюны.

Приспособясь к новой силе своих мускулов, он испытал радость, что в предвидениях не было того, насколько мощными станут его движения. Он был пулей пустыни, таким вызовом Танцеруфту, который никто до него не бросал.

Когда он решил, что двое из орнитоптера достаточно оправились от шока, чтобы возобновить преследование, он нырнул на теневую сторону дюны и зарылся там. Для его новых мускулов песок был как тягучая жидкость, вот только температура опасно поднималась, когда он рыл слишком быстро. Он вышел наружу с другого конца дюны и обнаружил, что мембрана закрыла его ноздри. Удаляя ее, он ощутил, как пульсирует его новая кожа, вовсю трудясь, чтобы поглотить его пот.

Лито пристроил себе в рот трубочку, отпил сиропа, глядя вверх на звездное небо. По его подсчетам он был в километрах пятнадцати от Шулоха. Вскоре на фоне звезд возникли очертания топтера, огромной птицы, а за ней еще и еще одной. Он услышал тихое присвистывание их крыльев, ропот их приглушенных реактивных двигателей.

Потягивая жидкость из живой трубочки, он ждал. Первая луна прошла по своему пути, потом Вторая.

За час до зари Лито выбрался из своего укрытия на гребень дюны, оглядел небо. Никаких охотников. Теперь он знал, что вступил на тропу, в которой нет возврата. Впереди Время и Пространство уже приготовили ему ловушку, незабываемого урока для него самого и всего человечества.

Лито повернул на северо-восток и пропрыгал еще пятьдесят километров, прежде чем на день зарыться в песок, оставив только крохотный выход на поверхность, через который высывалась форельная трубочка. Оболочка училась жить с ним одной жизнью точно так же, как он учился жить с ней. Он старался не думать обо всем, что она делает с его плотью.

«Завтра я совершу набег на Гара Рулен, — подумал он. — Я разрушу их канал и выпущу их воду в песок. Затем я пойду на Виндсак, Старое ущелье и Харг. За месяц экологическое преобразование будет отброшено назад на целое поколение. Это даст нам время для разработки нового расписания».

И, конечно, дикость мятежных племен будет осуждена. Кое в ком проснутся воспоминания о Джакуруту. У Алии будет хлопот не впропорот. Что до Ганимы ... Лито беззвучно, одними губами, произнес слова, которые вернут ей память. Время этому позже ... если они уцелеют в этом жестоком переплетении нитей.

Золотая Тропа заманчиво простиралась перед ним по пустыне, почти материальная вещь, видимая им открытыми глазами. И он подумал о том, как это бывает: животные должны перемещаться по земле, чтобы существовать, а существование людей зависит от движения души человечества, заблокированной на целые годы, нуждающейся в пути, по которому она сможет двинуться.

Затем он подумал об отце, говоря себе: «Скоро мы обсудим все это, как мужчина с мужчиной, и выявится одно-единственное видение».

Глава 40

Алия сидела на кровати, скрестив ноги, стараясь успокоить себя Заклинанием Против Страха, но в голове отдавалось насмешливое хихиканье, блокировавшее все ее усилия его сказать. Вскоре ей стал слышен голос — он завладел ее ушами, ее умом.

— Что это за чушь? Чего тебе бояться?

Мыскульы дрогнули, словно ноги ее пытались пуститься бегом. Но бежать некуда.

На ней был только золотой халат из чистейшего палианского шелка, он не скрывал припухлостей ее начинавшего полнеть тела. Только что миновал

Час Убийц — заря уже близка. Отчеты за последние три месяца лежали перед ней на красном коврике. Ей слышно было жужжание кондиционера, легкий ветерок колыхал таблички на катушках шигавира.

Советники боязливо разбудили ее два часа назад с новостями о последних потрясениях, и Алия затребовала отчеты, чтобы поискать через них ясное представление о происходящем.

Она отказалась от Литании.

Эти нападения наверняка работа мятежников. Явно. И все больше и больше из них обращаются против религии Муад Дибя.

— Ну, и что тут дурного? — спросил насмешливый голос внутри нее.

Алия яростно затрясла головой. Намри ее подвел. Дурой она была, что доверилась такому опасному двойному оружию. Ее советники перешептывались, что на очереди обвинение Стилгару, что он скрытый мятежник. И что случилось с Хэллеком? Затаился среди своих друзей-контрабандистов? Вероятно.

Алия ощутила под рукой холод шигавира.

Где же тогда Лито? Ганима отказывалась считать его иначе как мертвым. Видящая Правду подтвердила ее рассказ: Лито задран Лазанским тигром. Тогда кто же этот ребенок, о котором докладывают Намри и Муриз?

Она вздрогнула.

Разрушено сорок кванатов, их вода выпущена в песок. Верные Свободные и даже мятежники — все невежественные суеверы, все! Ее отчеты полным-полны рассказами о загадочных событиях. Песчаная форель прыгает в кванаты и распадается на великое множество своих копий. Черви умышленно топят себя. Кровь сочится из Второй луны, падая на Арракис, где она вызывает великие бури. А ведь частота бурь и вправду возрастает!

Она подумала о Данкане, отрезанном в Табре от внешнего мира, раздраженном ограничениями, наложения которых на него она настоятельно потребовала от Стилгара. Он и Ирулэн болтают и еще кое о чем, кроме того, каково истинное значение всех этих знамений. Дураки! Даже ее шпионы поддаются влиянию этих возмутительных побасенок!

Почему Ганима настаивает на своей истории с Лазанским тигром?

Алия вздохнула. Только одно из сообщений на шигавирах было для нее утешительным. Фарадин прислал отряд своей личной гвардии, чтобы «помочь вам в тревогах и подготовить путь для Официального Обряда Обручения». Алия улыбнулась самой себе и присоединилась к хихиканью, рокотавшему в ее черепе. Этот план, по крайней мере, остается в целости. Надо найти логические объяснения, чтобы развеять всю остальную суеверную чушь.

Тем временем она использует людей Фарадина, чтобы помочь под Шулохом и арестовать известных диссидентов, особенно среди наивов. Она прикинула, не предпринять ли действий против Стилгара, но внутренних голос предостерег ее от этого.

— Пока еще — нет.

— У моей матери и Сестер до сих пор еще имеется свой собственный план, — прошептала Алия. — Почему она тренирует Фарадина?

— Может, он ее возбуждает? — сказал Старый Барон.

— Нет, что ты, такая льдышка?..

— Ты не думаешь о том, чтобы потребовать от Фарадина вернуть ее?

— Я знаю опасности этого!

— Хорошо. Между тем, недавно заходила твоя молодая советница, Зиа. Как его звать? Агарвис? Да, Бур Агарвис. Если б ты пригласила его нынче вечером ...

— Нет!

— Алия ...

— Уже почти заря, ненасытный ты старый дурак! Нынче утром собирается военный совет, жрецы будут ...

— Не доверяй им, дорогая Алия.

— Конечно, нет!

— Очень хорошо. Теперь этот Бур Агарвис ...

— Я сказала — нет!

Старый Барон промолчал, но она начала испытывать головную боль. Боль медленно поползла от левой щеки внутрь черепа. Однажды она заставила ее метаться, как безумную, по коридорам. Теперь она твердо решила ему воспротивиться.

— Будешь упорствовать — приму болеутоляющее, — сказала она.

Ему ясно было видно, что она и в самом деле это сделает. Боль начала слабеть.

— Очень хорошо, — сказал он с обидой. — Тогда в другой раз.

— В другой раз, — согласилась она.

Глава 41

Непреложным было это пророчество, нитки превращаются в канаты, и Лито теперь казалось, что он знал об этом всю свою жизнь. Он посмотрел вперед за вечерние тени над Танцеруфтом. В ста семидесяти километрах к северу находится Старое Ушелье, глубокая извивающаяся расщелина в Защитной стене, через которую первые Свободные мигрировали в пустыню.

У Лито не оставалось сомнений. Он знал, почему он стоит здесь в пустыне, в одиночестве, и с чувством притом, что вся эта страна принадлежала ему, что она должна повиноваться его велению. Он ощущал нить, связывающую его со всем человечеством, и глубинную необходимость жизненных опытов, придававших ему логический смысл.

«Я знаю это мироздание».

Червь, доставивший его сюда, явился на притоптывание его ноги, и, восстав перед ним, замер, как послушный зверь. Он вскочил на него и, при помощи своих обладающих новой силой рук развел ведущую губу колец червя, чтобы держать его на поверхности. Червь совсем притомился за целую ночь гонки на север. Его кремниевое-серная внутренняя «фабрика» работала на полную мощь, щедро выбрасывая клубы кислорода, которые попутный ветер доносил до Лито обволакивающими вихрями. По временам у него начинала от теплых выбросов кружиться голова и он испытывал странные ощущения. Рефлекторная и круговая субъективность его видений обратилась вовнутрь, на его предков, заставляя его припоминать кусочки его прошлого на Земле, сравнивая затем эти кусочки с его изменившимся «я».

Он уже ощущал теперь, как его все больше уносит от чего-то узнаваемо человеческого. Соблазняемый спайсом, который он заглатывает, где только может, и оболочка его больше не была песчаной форелью, как и сам он больше не был человеком. Реснички проникли в его плоть, создав новое творение, которому искать теперь свою собственную метаморфозу в грядущих эрах.

«Ты видел это, отец, и отверг это», — подумал он. — «Слишком ужасающе это было, чтобы посмотреть этому в лицо».

Лито знал, что думает о его отце, и почему.

«Муад Диб умер от предвидения».

Но Пол Атридес ушел из мира реальности в алам ал-мифал, хоть и живет еще, сбежал от того, на что отважился его сын.

Теперь есть только Проповедник.

Лито присел на корточки и стал неотрывно смотреть на север. Оттуда придет червь, а на нем — двое: юный Свободный и слепец.

Над головой Лито пронеслась стайка мертвенно бледных летучих мышей, держа курс на юго-восток. Они были редкими крапинками в темном небе, и глаз знающего Свободного по направлению их полета способен определить, к какому убежищу лежит их путь. Однако, Проповедник обойдет это убежище стороной. Место его назначения — Шулох, где не допускается никаких летучих мышей, чтобы они не привели посторонних к этому тайному месту.

Червь появился сперва темным движущимся пятнышком между пустыней и северным ветром. Матар, песочный дождь, принесенный с гор-

ных вершин умирающей бурей, на несколько минут скрыл его из виду, затем он стал виден яснее и ближе.

Линия холода у основания дюны, где примостился Лито, начала источать ночную влагу. Он ноздрями почувствовал слабую сырость, прикрыл рот пузырящейся чашечкой мембраны. Для него больше не было необходимости охотиться за каждой крохотной капелькой. От матери ему досталась в наследство большая кишка Свободных, длиннее и больше обычной, возвращавшая в организм воду из всего, что в нее попадало. Живой стилсют хватал и усваивал каждую достижимую капельку влаги. Даже сейчас, пока он сидел, его оболочка, коснувшись песка, сразу же выпустила реснички-псевдоподы, чтобы запастись до крохи всей энергией, какую они смогут собрать.

Лито присматривался к приближающемуся червю. Он знал, что юный поводырь к этому времени его уже видел, заметил темное пятно на вершине дюны. Наездник не мог определить с расстояния особенности видимого объекта, но Свободные издавна знали, как поступать в таких случаях. Незнакомый объект может быть опасен. Действия юного поводыря были предсказуемы, никакого предвидения не надо.

Все верно, он чуть изменил курс и поехал прямо на Лито. Гигантские черви были оружием, которым Свободные пользовались множество раз. Черви помогли разбить Шаддама под Арракином. Этот червь, однако же, не стал повиноваться наезднику. Он остановился метрах в десяти, и, как тот его ни понукал, больше не на песчинку не продвинулся вперед.

Лито встал, почувствовал, как реснички резко втянулись назад в мембрану. Освободив рот, он окликнул:

— Ахлан, васах-ахлан! — «Добро пожаловать, дважды добро пожаловать!»

Слепец стоял на черве позади проводника, одна рука на плече юноши. Он высоко поднял голову, нос устремлен на голову Лито, словно старался унюхать, кто это у них на пути. Закат окрасил оранжевым его лоб.

— Кто это? — спросил слепец, тряся плечо поводыря. — Почему мы остановились? — сквозь затворы стилсьюта его голос звучал гнусаво.

Юноша, боязливо поглядев на Лито, сказал:

— Всего лишь одинокий в пустыне. По виду, ребенок. Я попробовал направить на него червя, но червь не идет.

— Почему ты ничего не сказал? — спросил слепец.

— Я думал, это всего лишь кто-то один в пустыне! — запротестовал проводник. — Но это демон.

— Сказано истинным сыном Джакуруту, — заметил Лито. — А вы, достопочтенный отец, вы — Проповедник.

— Да, это я, — и страх был в голосе Проповедника, потому что, наконец, он встретился со своим прошлым.

— Здесь не сад, — сказал Лито. — Но приглашаю разделить на сегодня со мной это место.

— Кто ты? — спросил Проповедник. — Как ты остановил нашего червя? — зловещие нотки узнавания были в голосе Проповедника. Он призывает воспоминания о своем альтернативном видении ... понимая, что может найти здесь конец.

— Это демон! — протестовал юноша-поводырь. — Мы должны бежать отсюда, или наши души ...

— Молчи! — взревел Проповедник.

— Я — Лито Атридес, — сказал Лито. — Ваш червь остановился, потому что я ему приказал.

Проповедник остолбенел.

— Пойдем, отец, — сказал Лито. — Слезай и проводи ночь со мной. Я напою тебя сладким сиропом. Я вижу, у тебя есть фремкит с водой и кувшинами. Мы разделим наши богатства здесь, на песке.

— Лито еще ребенок, — возразил Проповедник. — И, говорят, он погиб по подлости Коррино. В твоем голосе нет детства.

— Ты знаешь меня, отец, — сказал Лито. — Я мал для своего возраста, как и ты был, но мой опыт древен, и мой голос обучен.

— Что ты делаешь здесь, во Внутренней Пустыне? — спросил Проповедник.

— Бу джи, — ответил Лито. «Ничего из ничего». Это был ответ скитальца Зензунни, того, кто действует только с позиций отдыха, не прилагая усилий и в гармонии с тем, что его окружает.

Проповедник потряс поводыря за плечо:

— Это ребенок, и вправду ребенок?

— Айджа, — ответил поводырь, бросая на Лито опасливый взгляд.

Глубокий до дрожи вздох вырвался из груди Проповедника.

— Нет, — сказал он.

— Это демон в облике ребенка, — сказал поводырь.

— Вы проведете ночь здесь, — сказал Лито.

— Мы сделаем так, как он говорит, — проговорил Проповедник. Он убрал руку с плеча проводника, соскользнул по боку червя и по его кольцу на песок, отпрыгнув, когда его ноги коснулись земли. Обернувшись, он сказал: — Отгони червя и дай ему потом уйти в песок. Он так устал, что не станет нам докучать.

— Червь не уйдет! — запротестовал поводырь.

— Он уйдет, — сказал Лито. — Но если ты попытаешься бежать на нем, я отдам тебя ему на съедение, — он подошел к сенсорной бровке червя и указал ему в том направлении, откуда они прибыли. — Иди туда.

Юноша хлопнул червя по кольцу позади себя, понукая его, покачал крюк, державший кольцо открытым. Червь медленно заскользил по песку, повернул, когда юноша наклонил крюк.

Проповедник, двигаясь на голос Лито, забрался на дюну и остановился в двух шагах от него. Сделано это было с уверенностью и проворством, поведавшим Лито, что состязание будет нелегким.

Здесь их видения расходятся.

— Сними маску стилсьюта, отец, — сказал Лито.

Проповедник повиновался, откинул складку своего капюшона и удалил прикрытие со рта.

Зная свой собственный внешний облик, Лито изучал это лицо, так ясно видя черты сходства, как будто они были подчеркнуты светом. Эти черты необъяснимо согласовывались, хоть и не было в них ничего резкого, но нельзя было ошибиться насчет генетической тропинки, на которой они помещались. Именно эти черты унаследовал Лито из дней, полных жужжания и сочащейся воды, из волшебных морей Келадана. Но теперь они стоят на разделяющей их точке Арракиса, и ночь вот-вот падет на дюны.

— Итак, отец, — сказал Лито, глянув налево, где тащился к ним по пескам поводырь, и где был отпущен червь.

— Му зейн! — и Проповедник резко рубанул воздух правой рукой. «Это не к добру!»

— Кулиш зейн, — мягко ответил Лито. «Только это добро нам и дано когда-либо иметь». И добавил на чакобсе, боевом языке Атридесов. — Я здесь, и здесь я останусь!» Нам нельзя забывать этого, отец.

У Проповедника поникли плечи. Полузабытым жестом он поднес обе руки к своим пустым глазницам.

— Однажды я поглядел твоими глазами и изучил твои воспоминания, — сказал Лито — Я знаю твои решения, и я побывал в том месте, где прятался ты.

— Знаю, — Проповедник опустил руки. — Ты останешься?

— Ты назвал меня в честь того, что этот девиз вписал в фамильный герб, — ответил Лито. — Дж'и суа, дж'ресте!

Проповедник глубоко вздохнул:

Как далеко это зашло, то, что ты над собой сделал?

— Моя кожа — не моя собственная, отец.

Проповедник содрогнулся.

— Тогда я знаю, как ты меня здесь нашел.

— Да, я пристегнул свою память месту, где мое тело никогда не было. Мне нужен был вечер со своим отцом.

— Я не твой отец. Я только бедная копия, пережиток, — он повернул голову на звук приближающегося поводыря. — Я больше не обращаюсь к видениям, чтобы узнать свое будущее.

Пока он говорил, тьма накрыла пустыню. Над ними вспыхнули звезды, и Лито тоже повернул голову к приближающемуся к ним поводырю.

— Вубак ул кухар! — окликнул Лито юношу. — «Привет тебе!»

— Субак ун нар! — последовал ответ.

Проповедник сказал хриплым шепотом:

— Этот юный Ассан Траик — из опасных ...

— Все Отверженные опасны, — ответил Лито. — Но не для меня, — он говорил тихо, спокойно.

— Если в этом твое видение, то я в нем соучаствовать не буду, — сказал Проповедник.

— Возможно, у тебя нет выбора, — сказал Лито. — Ты — филхаквиква, Реальность. Ты — Абу Дхур, отец Бесконечных Дорог Времени.

— Я не больше, чем приманка в ловушке, — сказал Проповедник и в голосе его была горечь.

— И Алия уже проглотила эту приманку, — сказал Лито. — Но мне не нравится ее вкус.

-- Ты не сможешь этого сделать! — прошипел Проповедник.

— Я уже это сделал, отец. Моя кожа — не моя собственная.

— Может, еще не слишком поздно для тебя ...

— Слишком поздно, — Лито наклонил голову набок. Ему слышно было, как по склону дюны на звук их голосов тяжело взбирается Ассан Тарик. — Привет тебе, Ассан Тарик из Шулоха, — сказал Лито.

Юноша остановился на склоне как раз под Лито, темная тень в звездном свете. В его осанке и в том, как он задирает голову, сквозила нерешительность.

— Да, — сказал Лито. — Я — тот, кто бежал из Шулоха.

— Когда я услышал ... — начал Проповедник. И повторил: Ты не сможешь этого сделать!

— Я это делаю. Что будет, если тебя еще раз ослепят!

— Ты думаешь, я этого боюсь? — спросил Проповедник. — Разве ты не видишь чудесного поводыря, которого они ко мне приставили?

— Вижу, — Лито опять повернулся лицом к Тарику. — Ты что, не слышишь меня, Ассан? — сказал Лито. — Но ты — мой демон, — и Лито ощутил, как возрастает напряжение между ним и его отцом. Вокруг них всталась игра теней, проекции неосознанных обликов. И Лито ощущал воспоминания своего отца — нечто вроде пророчества в прошлое, отбравшего видения из устойчивой реальности этого момента.

Тарик почувствовал это, эту битву видений. Он скользнул на несколько шагов вниз по склону.

Вскоре Лито ощутил запах озона в своих ноздрях, разоблачительный запах защитного поля. Верный приказам, данный ему Отверженными, юный Тарик пытается убить обоих этих опасных Атридесов разом, не ведая об ужасах, которые это обрушит.

— Нет, — шепнул Проповедник.

Но Лито знал, что сигнал истинен. Он чуял озон, но воздух вокруг них не позвякивал. Тарик использовал в пустыне псевдополе — оружие, разработанное исключительно для Арракиса. Эффект Холцмана призывает червя, в то же время приводя его в неистовство, ничто не остановит такого червя — ни вода, ни присутствие песчаной форели... Ничто. Да, поводырь установил устройство на склоне дюны и теперь выбирался бочком из опасной зоны.

Лито вспрыгнул на вершину дюны, услышал протестующий вопль отца, но мощнейший импульс усиленных мускулов Лито ракетой швырнул вперед его тело. Одна взметнувшаяся рука ухватила Тарика за шею, через стилисьют, другая обвилась вокруг поясницы обреченного юноши. Раздался один короткий щелчок — шея сломалась. Лито кувырнулся, подняв свое тело, словно отменно сбалансированный инструмент, и нырнул прямо туда, где в песке было спрятано псевдополе. Его пальцы нашли приспособление, он извлек его из песка и по широкой дуге швырнул далеко к югу.

Вскоре из того места, куда упало псевдо-поле, донесся шипяще-молотящий грохот. Потом он смолк, и вновь наступила тишина.

Лито поглядел на вершину дюны, где стоял его отец, все еще непокорный, но уже побежденный. Да, это Пол Муад Диб там — слепой, гневный, близкий к отчаянию из-за последствий его бегства от того видения, которое принял Лито. Пол мог бы поразмыслить теперь над словами из Долгого Коана Зензуни: «При одном из актов прозрения будущего Муад Диб ввел элемент роста и развития в самое предвидение, через которое он видел человеческое существование. Через это он тратил несомненность. Стремясь к абсолютности упорядоченного прозрения, он умножил беспорядок.

Одним прыжком вернувшись на вершину дюны, Лито сказал:

— Теперь я твой поводырь.

— Никогда!

— Вернешься ли назад в Шулох? Даже если они и хорошо тебя примут, когда ты вернешься без Тарака, то куда теперь делся Шулох. Видят ли его твои глаза?

Тогда Пол повернулся к сыну, устремив на него безглазые глазницы:

— Ты действительно знаешь тот мир, который здесь создал?

Лито уловил особый смысл в вопросе. Видение, которое, как они оба знали, запущено здесь в ужасающее движение, требовало, чтобы акт создания произошел в установленной точке времени. В тот миг все чуткое мироздание разместится в линейной перспективе времени, обладающего характеристиками упорядоченной прогрессии. Они вошли, когда могли бы вскочить в движущийся транспорт — и сойти могли точно так же.

Против этого у Лито были в руках поводья из многих нитей, уравновешенные его собственным, видениями. Он был зрячим в мире слепых. Только он мог разгромить упорядоченные логические основания, потому что его отец больше не держал поводья. С точки зрения Лито, он изменил прошлое. А мысль, даже и невообразимая еще, из отдаленнейшего будущего могла повлиять на него в этот момент.

Только его рукой.

Пол понимал это, потому что не мог больше видеть, как Лито способен управлять поводьями, мог только распознать человеческие последствия, которые принял для себя Лито. И он подумал: «Вот перемена, о которой я молился. Почему я ее боюсь? Потому что это — Золотая Тропа!»

— Я здесь, чтобы придать целесообразность эволюции, и, следовательно, придать целесообразность нашим жизням, — сказал Лито.

— Ты желаешь прожить все эти тысячи лет, изменяясь так, как теперь?

Лито понял, что отец говорит не о физических изменениях. Физические последствия понимали они оба: Лито будет приспосабливаться и приспосабливаться, кожа не его собственная будет приспосабливаться и приспосабливаться. Эволюционное взаимопроникновение переплавит обе части, они сольются, преобразенные в единое, возникнет новое целое. Когда состоится метаморфоза — если состоится — возникнет мыслящее создание ужасающих размеров, и мир станет поклоняться ему.

Нет ... Пол имел в виду перемены внутренние, мысли и решения, которые будут влиять на жизнь поклоняющихся.

— Те, кто думают, что ты мертв, — сказал Лито, — знаешь, какие они приписывают тебе последние слова?

— Конечно.

— «Сейчас я делаю то, что вся жизнь должна сделать во имя службы жизни». Ты никогда этого не говорил, но жрец, думавший, будто ты никогда не сможешь вернуться и обозвать его лжецом, вложил эти слова в твои уста.

— Я бы не назвал его лжецом, — Проповедник глубоко вздохнул. — Это хорошие последние слова.

— Останешься ли ты здесь, или вернешься в свою хижину у водоема в Шулоха? — спросил Лито.

— Теперь это твой мир, — ответил Пол.

Это признание поражения как ножом резануло Лито. Пол постарался управлять последними нитями личного видения — выбор, за много лет до того сделанный им в сьете Табр. Ради этого он принял свою роль инструмента мщения Отверженных, оставшихся от Джакуруту. Они осквернили его, но он предпочел скорее принять это, чем тот взгляд на мир, который выбрал Лито.

Печаль Лито была так велика, что он несколько минут не мог говорить. Справившись наконец со своим голосом, Лито сказал:

— Итак, ты заманил Алию, смутил ее и обрек на бездействие и на неверные решения. А теперь она знает, кто ты.

— Знает... Да, она знает.

Голос Пола звучал по-стариковски и полнился скрытым протестом. Но запас сопротивления в нем еще оставался. Он сказал:

— Я отберу у тебя это видение, если сумею.

— Тысячи мирных лет, — ответил Лито. — Вот что я им дам.

— Спячка! Застой!

— Конечно. И те формы насилия, которые я разрешу. Это будет урок, который человечество никогда не забудет.

— Плюю я на твой урок! — сказал Пол. — Думаешь, мне не виделось сходного с тем, что выбрал ты?

— Ты видел это, — согласился Лито.

— И разве твое видение сколько-то лучше моего?

— Ни на гран лучше. Хуже, может быть.

— Тогда что я могу, кроме как не сопротивляться тебе? — спросил Пол.

— Убить меня, может быть?

— Я не настолько наивен. Я знаю, чему дан ход. Я знаю о разрушенных кванатах и о брожении.

— А теперь Ассан Тарик никогда не вернется в Шулох. Ты должен пойти туда вместе со мной или не ходить вообще, потому что теперь это мое видение.

— Я выбираю не возвращаться.

«До чего же старо звучит его голос», — подумал Лито, и эта мысль причинила ему терзающую боль. Он сказал:

— Со мной — ястребиное кольцо Атридесов, спрятанное в моей диш-даше. Хочешь, чтобы я тебе его вернул?

— Если бы только умер, — прошептал Пол. — Я действительно хотел умереть, отправившись той ночью в пустыню, но знал, что не могу покинуть этот мир. Я должен был вернуться и ...

— Возродить легенду, — сказал Лито. — Понимаю. А шакалы Джакуруту ждали тебя в ту ночь, и ты знал, что они будут ждать. Им нужны были твои видения! Ты знал это.

— Я отказывался. Я не сообщил им ни одного видения.

— Но они осквернили тебя. Они закармливали тебя эссенцией спайса и потчевали женщинами и грезами. И у тебя были видения.

— Иногда, — как же хитро звучал его голос.

— Так ты возьмешь назад свое ястребиное кольцо? — спросил Лито.

Пол внезапно опустился на песок — темная клякса в темном свете:

— Нет!

«Значит, он понимает бесполезность той тропы», — подумал Лито. Это приоткрывало многое, но недостаточно. Соперничество видений пере-

местилось из нежной плоскости выборов к массивному откидыванию альтернатив. Пол знал, что не может победить, но он еще надеялся обратить в ничто то единственное видение, за которое цеплялся Лито.

Вскоре Пол сказал:

— Да, я был осквернен Джакуруту. Но ты осквернил сам себя.

— Правда, — признал Лито. — Я же твой сын.

— И ты хороший Свободный?

— Да.

— Дозволишь ли ты слепцу окончательно уйти в пустыню? Дозволишь ли мне обрести мир на моих собственных условиях? — Он хлопнул рукой по песку.

— Нет, я тебе этого не позволю, — ответил Лито. — Но ты имеешь право броситься на свой нож, если будешь настаивать?

— И ты получишь мое тело?

— Да.

— Нет!

«Значит, и эту тропу он знает», — подумал Лито. Если б сын Муад Диба поместил тело отца в святую раку: это послужило бы чем-то вроде цемента для видения Лито.

— Ты никогда им не рассказывал, да, отец? — спросил Лито.

— Я им никогда не рассказывал.

— Но я им рассказал, — сказал Лито. — Рассказал Муризу. Кразилек, Тайфунный Бой.

Плечи Пола поникли.

— Ты не сможешь, — прошептал он. — Ты не сможешь.

— Я теперь творение пустыни, отец, — ответил Лито. — Говорил бы ты так с бурей Кориолис?

— Ты считаешь меня трусом за отказ от той тропы, — сиплым и дрожащим голосом проговорил Пол. — О, я хорошо тебя понимаю, сын. Авгуры и прорицатели всегда были пыткой для самих себя. Но я никогда не терялся в возможных будущих, потому что то, о котором ты говоришь непроизносимо!

— Твой Джихад будет летним пикником на Келадане, если сравнить с этим, — согласился Лито. — А теперь, я отведу тебя к Гурни Хэллеку.

— Гурни! Он служит Сестрам через мою мать.

И теперь Лито понял, какова область видения отца.

— Нет, отец, Гурни больше никому не служит. Я знаю место, где его найти, и могу отвести тебя туда. Настало время сотворить новую легенду.

— Вижу, мне от тебя не отделаться. Дай мне коснуться тебя, поскольку ты мой сын.

Лито подал правую руку навстречу шарящим пальцам, ощутил их силу, ответил ей равной, и не шелохнулся, как Пол ни тянул туда и сюда.

— Даже отравленный нож не причинит мне вреда, — сказал Лито. — Во мне теперь другой химический состав.

Слезы выступили на незрячих глазах, Пол разжал свою хватку, уронил руку.

— Если бы я выбрал твою тропу, я бы стал бикурсом шайтана. Кем станешь ты?

— Некоторое время и меня будут называть посланником шайтана, — ответил Лито. — Затем начнут удивляться, и наконец, поймут. Ты не предугадал всего, отец. Твои руки вершили и добро, и зло.

— Но зло распознается лишь после события!

— Таков путь многих великих зол. Ты проник только в часть моего видения. У тебя было недостаточно силы?

— Ты знаешь, я не мог в нем оставаться. Я никогда не мог сделать зло, о котором еще до совершения его известно, что это зло. Я не Джакурту, — он поднялся на ноги. — Ты что, думаешь, я один из тех, кто в одиночку смеется по ночам?

— Печально, что ты никогда по-настоящему не был Свободным. Мы, Свободные, знаем, как выбирать арифу. Наши судьи могут выбирать среди зол. Так всегда у нас было.

Глава 42

— Кавен вахид, — сказал Стилгар. «Подайте кофе». Он посигналил поднятой рукой слуге, стоявшему за порогом единственной двери в аскетическую комнату с каменными стенами, где Стилгар проводил свои бессонные ночи. Здесь старый наиб Свободных и завтракал обычно, поспартански — и время завтрака как раз подступало — но после такой ночи ему не хотелось есть. Он встал, разминая мускулы.

Данкан Айдахосидел на низенькой подушке возле двери, он постарался подавить зевок. Он только что осознал, что за их разговорами промелькнула целая ночь.

— Прости меня, Стил, — сказал он. — Я продержал тебя всю ночь.

— Прободрствовать целую ночь, значит, прибавить день к своей жизни, — ответил Стилгар, принимая переданный из-за двери поднос с кофе. Он подвинул к Айдахо низенькую скамеечку, поставил на нее поднос и уселся напротив гостя.

На обоих были желтые одеяния траура, но Айдахо носил одолженную одежду, потому что его зеленый официального цвета мундир Атридесов вызвал резкую неприязнь обитателей Табра.

Стилгар разлил горячую темную жидкость из пузатого медного кувшинчика и, пригубив первым, поднял свою чашку, делая знак Айдахо. Старинный обычай Свободных: «Это безопасно — я это отведал».

Кофе готовила Харах, и приготовлен он был как раз так, как Стилгар больше всего любит: зерна прожарены до розовато-коричневого, еще горячими растерты в тончайший порошок в каменной ступке и сразу же сварены — и добавить щепотку меланжа.

Айдахо, вдыхая густой аромат спайса, прихлебывал осторожно, но шумно. Он так и не знал, удалось ли ему убедить Стилгара. Его способности ментата застопорились к началу утра, любые его размышления заходили в тупик, не увязываясь с неопровержимыми данными, содержащимися в сообщении Гурни Хэллека.

Алия знала про Лито! Знала!

И Джавид не мог не быть здесь замешан.

— Я должен быть освобожден от наложенных тобой ограничений, — сказал наконец Айдахо, еще раз изложив все доводы.

Но Стилгар стоял на своем:

— Соглашение о нейтралитете требует от меня вынесения тяжких приговоров. Ганима здесь в безопасности. Ты и Ирулэн здесь в безопасности. Но тебе нельзя отправлять посланий. Получать послания пожалуйста, но не отправлять их. Я дал свое слово.

— Это вообще-то не обращение, подобающее для гостя и старого друга, пережившего вместе с тобой немало опасностей, — сказал Айдахо, отлично помня, что он уже прибегал к этому доводу.

Стилгар поставил чашку, аккуратно установив ее на место на подносе и не отводя от нее взгляда, заговорил:

— Мы, Свободные, не чувствуем вины за те вещи, которые обычно возбуждают подобное чувство в других, — сказал он. И поднял взгляд на Айдахо.

«Его нужно заставить забрать Ганиму и бежать отсюда», — думал Айдахо. Вслух он сказал:

— Совсем не в моих намерениях раздувать в тебе бурю вины.

— Понимаю, — ответил Стилгар. — Я поднял этот вопрос лишь для того, чтобы подчеркнуть подход к этому нас, Свободных — поскольку именно с этим мы и имеем дело: со Свободными. Даже Алия мыслит, как Свободная.

— А жрецы?

— Они — другое дело, — сказал Стилгар. — Они хотят, чтобы люди проглатывали срыв ветер греха и чтобы он безысходно пребывал внутри них. Они хотят, чтобы на фоне грязных пятен была лучше различима их набожность, — говорил ровным голосом, но Айдахо уловил оттенок горечи и подивился, почему эта горечь не может поколебать Стилгара.

— Есть старый-престарый трюк автократического правления, — сказала Айдахо. — Алии он отлично известен. Хорошие должны чувствовать вину. С вины начинается ощущение неудачи. Хороший автократ создает много возможностей, чтобы население чувствовало себя неудачниками.

— Я это заметил, — сухо проговорил Стилгар. — Но ты должен простить меня, если я еще раз тебе напомним, что та, о которой ты говоришь, — твоя жена и сестра Муад Дибя.

— Она одержима, говорю тебе!

— Многие это говорят. Однажды она должна будет подвергнуться испытанию. Тем временем, есть другие соображения, более важные.

Айдахо печально покачал головой:

— Все, что я рассказал тебе, можно доказать. Связь с Джакуруту всегда проходила через Храм Алии. Там были сообщники для заговора против близнецов. Деньги за межпланетную торговлю червями поступают туда. Все ниточки ведут в палаты Алии, к Регентству.

Стилгар покачал головой, глубоко вздохнул:

— Это нейтральная территория. Я дал слово.

— Так просто не может идти дальше! — запротестовал Айдахо.

— Согласен, — Стилгар кивнул. — Алия поймана, и каждый день кругсужается. Это как наш старый обычай — иметь много жен. Сразу говорит о мужском бесплодии, — он кинул на Айдахо вопросительный взгляд. — Ты говоришь, она обманывала тебя с другими мужчинами, «использовала свой секс как оружие», как ты, по-моему, выразился. Тогда тебе открыта совершенно законная и прямая дорога. Джавид здесь, в Табре, с посланиями от Алии. Тебе надо только ...

— На твоей нейтральной территории?

— Нет, вне ее, в пустыне.

— А если я воспользуюсь этим, как возможностью для побега?

— Тебе не представится такой возможности.

— Стил, я клянусь тебе, Алия одержима. Что мне сделать, чтобы убедить тебя в ...

— Трудненько такое доказать, — сказал Стилгар. Этим доводом он уже неоднократно пользовался в течение ночи.

Айдахо, припомнив слова Джессики, сказал:

— Но у тебя есть способы доказать это.

— Способ, да, — Стилгар опять покачал головой. — Болезненный, не обратимый. Вот почему я напомнил тебе о нашем отношении к войне. Мы можем освободиться от любой войны, которая могла бы нас погубить, от любой, кроме Суда Одержимости. В этом случае, трибунал, целиком состоящий из наших людей, принимает полную ответственность.

— Вы делали это раньше, верно?

— Уверен, Достопочтенная Мать не избегала в своих повествованиях историю Свободных,— сказал Стилгар.— Ты хорошо знаешь, что мы делали это раньше.

— Я не стараюсь запутать тебя ложью,— откликнулся Айдахо, заметив раздражение в голосе Стилгара.— Это просто ...

— Ночь была долга, и вопросы — без ответов,— сказал Стилгар.— А теперь утро.

— Мне должно быть дозволено послать весточку Джессике,— сказал Айдахо.

— Это было бы весточкой на Салузу,— ответил Стилгар.— Я не даю пустых обещаний. Если я даю слово — то буду его держать, вот почему Табр — нейтральная территория. Я не дам тебе заговорить отсюда.

— Я поклялся в этом всей своей родней.

— Алия должна предстать перед вашим Трибуналом!

— Возможно. Во-первых, мы должны выяснить, нет ли изменяющих обстоятельство. Неудачи власти, может быть. Или просто невезения. Это может быть делом естественных дурных склонностей, которым подвержены все люди, и даже неодолимые.

— Ты хочешь быть уверен, что я не просто оскорбленный муж, ищущий в других исполнителей своей мести,— сказал Айдахо.

— Такая мысль приходит в голову другим, но не мне,— ответил Стилгар, улынувшись, чтобы убрать заключенное в этих словах жало.

— У нас, Свободных, есть своя наука традиции, наш Хадит. Когда мы боимся ментата или Достопочтенную Мать, мы обращаемся к хадит. Сказано, что единственный непоправимый страх — это страх перед своими ошибками.

— Леди Джессика должна быть освещена,— сказал Айдахо.— Гурни говорит ...

— Может, послание пришло и не от Гурни Хэллека.

— Ни от кого другого оно не пришло. У нас, Атридесов, есть свои способы проверки достоверности посланий. Стил, не исследуешь ли ты, по крайней мере, некоторые из ...

— Джакуруту больше нет,— сказал Стилгар.— Оно было разрушено много веков назад,— он коснулся рукава Айдахо.— Да и в любом случае я не могу выделить вооруженных бойцов. Непокойные времена, угроза кванату ... Понимаешь? — он откинулся назад.— Нет, когда Алия ...

— Алии больше нет,— сказал Айдахо.

— Ты так говоришь,— Стилгар отпил еще глоточек кофе, поставил чашку на место.— Оставим это в покое, друг Айдахо. Частенько не бывает нужды отрывать руку, чтобы удалить занозу.

«Нельзя ему быть таким наивным»,— подумал Айдахо.

Но Стилгар вставал на ноги, показывая, что беседа закончена.

Айдахо поднялся, почувствовал, как у него затекли колени. Когда Айдахо встал, вошел слуга и остановился сбоку. В комнату вслед за ним вошел Джавид. Айдахо одним быстрым движением выхватил свой нож и вонзил его в грудь ничего не ожидающего Джавида. Тот покачнувшись, лезвие вышло у него из груди. Он повернулся и рухнул ничком. Ноги его дернулись: и он был мертв.

— Это чтобы унять сплетни, — сказал Айдахо.

Слуга стоял с обнаженным ножом, не зная, как реагировать. Айдахо уже убрал в ножны свой нож, оставив кровавый след на краю своей желтой робы.

— Ты опозорил мою честь! — закричал Стилгар. — Это нейтральная ...

— Заткнись! — Айдахо бросил разъяренный взгляд на потрясенного наиба. — Ты носишь ошейник, Стилгар!

Для Свободного это было одним из трех самых смертельных оскорблений. Стил побледнел.

— Ты слуга, — сказал Айдахо. — Ты продаешь Свободных за воду.

Это было второе смертельное оскорбление, то самое, что разрушило первоначальный Джакуруту.

Стилгар заскрежетал зубами, положил руку на криснож. Слуга отступил назад от лежащего в дверях тела.

Повернувшись спиной к наibu, Айдахо шагнул в дверь, в узкий проход рядом с телом Джавида, и, не оборачиваясь, изверг третье смертельное оскорбление.

— У тебя нет бессмертия, Стилгар. Ни в одном из твоих потомков нет твоей крови.

— Куда ты теперь идешь, ментат? — окликнул Стилгар, когда Айдахо снова двинулся из комнаты. Голос Стилгара был холоден, как ветер с полюсов.

— Искать Джакуруту, — все так же, не оборачиваясь, ответил Айдахо.

Стилгар выхватил свой нож:

— Может быть, я тебе помогу!

Айдахо был теперь на выходе из коридора. Не оборачиваясь, он сказал:

— Если ты хочешь помочь мне своим ножом, водяной вор, то бей мне, пожалуйста, в спину. Только так и подобает носящему ошейник демона.

Двумя прыжками Стилгар пересек комнату, перемахнул через тело Джавида и настиг Айдахо во внешнем коридоре. Жилистая рука рывком повернула и остановила Айдахо. Стилгар стоял перед ним с оскаленными зубами и с ножом наготове. Его ярость была такова, что он даже не заметил улыбку на лице Айдахо.

— Вытаскивай свой нож, погань ментатская! — взревел Стилгар.

Айдахо рассмеялся и резко отвесил Стилгару — сначала левой рукой, потом правой — две жгучие пощечины.

Стилгар ударил Айдахо ножом в живот, и направленный снизу вверх нож проник сквозь диафрагму в сердце.

Айдахо осел на лезвие и улыбнулся Стилгару, ярость которого растаяла во внезапном шоке.

— Две смерти за Атридесов, — просипел Айдахо. — И причина второй, не лучше, чем у первой.

Он осел на бок и рухнул лицом на каменный пол. Из его раны растекалась кровь.

Стилгар поглядел на свой окровавленный нож, на тело Айдахо и глубоко вздохнул. Джавид лежал мертвый рябом с ним. И супруг Алии, Чрева Небесного, пал от собственной руки Стилгара. Можно было доказывать, что наиб лишь защищал свою честь, мстя за поругание своего нейтралитета. Но этим мертвецом был Данкан Айдахо. Ни разумные доводы, ни «извиняющие обстоятельства» ничто не могло оправдать такого поступка. Даже если в душе Алиа это и одобрит, публично она должна будет ответить мстью. В конце концов она — Свободная. Для того чтобы править Свободными, она должна была ни на йоту от них не отличаться.

Только тогда Стилгару пришлось в голову, что своей «второй смертью» Айдахо добился именно той ситуации, которой хотел.

Стилгар поднял взгляд, увидел потрясенное лицо Харахи, своей второй жены, смотрящей на него из толпы. Куда Стилгар ни бросал взгляд, везде на лицах было одно и то же выражение: шок и понимание последствий.

Стилгар медленно выпрямился, вытер нож о рукав и убрал его в ножны. Обратился к этим лицам, небрежным тоном сказав:

— Идущие со мной должны немедленно укладываться. Пошлите людей пригнать червей.

— Куда ты уходишь, Стилгар? — спросила Харах.

— В пустыню.

— Я пойду с тобой.

— Конечно, ты пойдешь со мной. И все мои жены пойдут со мной. И Ганима. Достать ее, Харах. Немедля.

— Да, Стилгар ... немедленно, — она заколебалась. — А Ирулэн?

— Если пожелает.

— Да, мой муж, — она все еще колебалась. — Ты берешь Гани в заложницы?

— В заложницы? — он был неподдельно удивлен этой мыслью. — Женщина ... — он мягко коснулся носком ноги тела Айдахо. — Если этот ментат прав, я единственная надежда Гани. И припомнил затем предостережение Лито: «Остерегайся Алии. Ты должен взять Ганиму и бежать».

Глава 43

Это был съетч Тьюка на внутренней части Ложной Стены. Хэллек стоял в тени каменного столба, защищавшего высокий вход съетча, дожидаясь, пока находящиеся там решат, дать ли ему убежище. Он поглядел вдаль, на северную пустыню, а затем вверх, на серо-голубое утреннее небо. Здешние контрабандисты были изумлены, узнав, что он, рожденный другой планетой, поймал червя и приехал на нем. Но и Хэллека их реакция изумила не меньше. Это же просто для ловкого мужчины, несколько раз видевшего, как это делается.

Хэллек опять поглядел на пустыню, серебряную пустыню со сверкающими складами и серо-зелеными полями, где вершила свое чудо вода. Все это внезапно представилось ему необычайно хрупким вместилищем энергии, жизни — всего, чему угрожают резкие перемены.

Он понял, причину тревоги. Контейнеры с мертвой песчаной форелью тащили в съетч для перегонки и извлечения ее воды. Их были тысячи, этих созданий. Они пришли к воде. Потоки ее и дали первоначальный толчок мыслям Хэллека.

Хэллек поглядел вниз, на поля съетча и границу кваната, более не наполненную драгоценной водой. Он видел дыры в каменных стенах кваната, ободранную каменную облицовку, откуда вода ушла в песок. Кто же проделал эти дыры? Некоторые тянулись метров на тридцать вдоль самых уязвимых секций кваната, в местах, где сыпучий песок образовывал воронки. В них и кишела форель. Дети съетча убивали ее и собирали.

Ремонтные бригады трудились над разбитыми стенами кваната. Другие поливали самые нужные растения, расходуя минимальное количество влаги. Источник гигантского резервуара под ветроловушкой был наглухо закрыт, чтобы вода не текла в разоренный кванат. Работающие на солнечной энергии насосы были отключены. Воду для орошения брали из тающих луж на дне кваната и усердно носили из резервуара съетча.

Металлическая рама бронированной двери позади Хэллека шелкнула неожиданно резко.словно этот звук направил его глаза, Хэллек посмотрел на самый дальний извив кваната, туда, где быстрее всего вода уходила в пустыню. Полные надежд на сад, планировщики съетча посадили там особое дерево, которое обречено, если только водный поток не удастся быстро остановить. Хэллек поглядел на жалкую ветку ивы,

обдираемой песком и ветром. Для него это дерево символизировало новую реальность и его самого, и Арракиса в целом.

«Мы оба здесь чужаки».

Они уже совещаются в сьете, какое решение им принять, но им могут пригодиться хорошие бойцы. Хорошие мужчины контрабандистам всегда нужны. Хэллек не питал особых иллюзий. Контрабандисты этого века совсем не те, что приютили его много лет назад, когда он бежал из павших владений своего Герцога. Нет, это была новая поросль, быстро соображающая, как нажиться.

Он опять сосредоточил свой взгляд на глупой иве. И подумалось ему, что бури новой реальности могут снести этих контрабандистов и всех их друзей. Могут уничтожить Стилгара с его хрупким нейтралитетом, а вместе с ним и все племена, сохраняющие верность Алие. Все они стали колонистами. Хэллек видел, как это происходило раньше, отведал горький вкус этого в своем родном доме. Он видел это ясно, припоминая манерность городских Свободных, структуру пригородов и то, насколько даже в этом закутке контрабандистов стираются безошибочно узнававшиеся черты деревенских сьетчей, деревенские сьетки становились колониями крупных городов. Они научились носить ярмо с мягкой прокладкой, загнанные в него своей жадностью, если не своими суевериями. Даже здесь, особенно здесь, в людях узнавались повадки покоренного населения, а не действительно Свободных. Они были насторожены, скрытны, уклончивы. Любая демонстрация власти становилась предметом ненависти — любая власть: Регентства, Стилгара, их собственного Совета ...

«Мне им нельзя доверять, — подумал Хэллек. — Ушли прежние взаимные уступки свободных людей. Старые обычаи свелись к ритуальным словам, их истоки утрачены памятью.

Алия хорошо сделала свою работу, карая оппозицию и награждая за помощь, наугад тасуя силы Империи, скрывая главные элементы ее имперской власти. Шпионы! Великие боги, у нее наверняка есть шпионы!

Если Свободные останутся в спячке, она победит.»

Дверь позади него скрипнула и открылась. Вышел служитель сьетча по имени Мелидес: коротышка с телом, похожим на тыкву и перекладывшим в тоненькие ножки, уродство которых лишь подчеркивал стилсьют.

— Ты принят, — сообщил ему Мелидес.

Что-то хитрое и лицемерное послышалось Хэллеку в интонациях этого голоса, и Хэллек понял: убежище ему здесь — только на короткий срок.

«Только до тех пор, пока я не угоню один из их топтеров», — подумал он.

— Моя благодарность Совету, — произнес он и подумал о Эзмаре Тьюке, в честь которого был назван этот съезд. Эзмар, давно павший в результате предательства, перерезал бы горло этому Мелидесу, едва взглянув на него.

Глава 44

— Почему я не испытываю скорби? — Алия адресовала этот вопрос в потолок своего маленького приемного покоя, помещения, которое было десять шагов в ширину и пятнадцать шагов в длину. В нем были два высоких и узких окна, смотревших на крыши Арракина, на Защитную Стену.

Был уже почти полдень, солнце выжигало плато, на котором был построен город.

Алия опустила взгляд на Бур Агарвиса, бывшего Табрита, а теперь служителя Зии, руководившей Храмовой стражей. Агарвис принес известия о том, что Джавид и Айдахо мертвы. Вместе с ним вошла толпа лизоблюдов, служителей и стражей, и еще больше их толпилось снаружи, показывая, что им уже известно сообщение Агарвиса.

Дурные новости быстро доходят на Арракисе.

Невысок он был, этот Агарвис, с лицом, слишком круглым для Свободного, почти инфантильным в своей округленности. Он был из той новой поросли, что достигла упитанности водой. Алии он виделся, словно расщепленным на два облика: один — с серьезным лицом и непроницаемыми глазами цвета индиго, озабоченная складка у рта, а другой — чувственный и уязвимый, возбуждающе уязвимый. Ей особенно нравилась пухлость его губ.

Хотя еще и полдень не наступил, Алия в потрясенном молчании ощутила нечто, говорившее о закате.

«Айдахо следовало бы умереть на закате», — сказала она себе.

— Как же так вышло, Бур, что ты приносишь мне эти новости? — спросила она и отметила, как бдительное и живое выражение появилось на его лице.

Агарвис проглотил комок в горле и заговорил хриплым голосом, более напоминающим шепот.

— Я поехал с Джавадом, вы помните? И когда ... Стилгар отослал меня, он велел передать, что я несу вам его конечное повиновение.

— «Конечное повиновение»? — откликнулась она. — Что бы это значило?

— Не знаю, леди Алия, — взмолился он.

— Объясни мне еще раз, что ты видел, — приказала она и удивилась, почувствовав озноб.

— Я видел... — он нервно качнул головой, поглядел в пол перед Алией. — Я видел Святого Супруга мертвым на полу центрального прохода, а Джавид лежал неподалеку в боковом проходе. Женщины уже готовили их для Хуануи.

— И Стилгар вызвал тебя туда?

— Верно, миледи. Стилгар послал Модибо, Склоненного, своего рассылного в съетче. Модибо меня ни о чем не предупредил. Он просто сказал, что Стилгар хочет меня видеть.

— И ты видел тело моего мужа там на полу?

Он быстро взглянул на нее и опять посмотрел в пол перед тем, как кивнуть:

— Да, миледи. И Джавид, мертвый рядом. Стилгар сказал мне ... сказал мне, что Святой Супруг убил Джавида.

— А моего мужа, ты говоришь, Стилгар ...

— Он сам мне это сказал, миледи. Стилгар сказал, что он сделал это. Он сказал, Святой Супруг искушал его ярость.

— Ярость, — повторила Алия. — А как?

— Я спрашивал, но никто не сказал.

— И вот тогда тебя отправили ко мне с этими новостями?

— Да, миледи.

— Ты там ничего не мог сделать?

Агарвис облизнул губы перед тем, как ответить:

— Стилгар приказал, миледи. Это его съетч.

— Понимаю. И ты во всем подчинялся Стилгару.

— Во всем, миледи, пока он не освободил меня от моих обязательств.

— Ты имеешь в виду, когда ты был отправлен со своим поручением?

— Теперь я подчиняюсь лишь вам, миледи.

— Да, правда? Скажи мне, Бур, если я прикажу тебе убить Стилгара, твоего старого Наиба, ты это сделаешь?

Он встретил ее взгляд более уверенно:

— Если ты прикажешь, миледи.

— Я и приказываю. Ты не имеешь представления, куда он отправился?

— В пустыню. Это все, что я знаю, миледи.

— Скольких людей он взял с собой?

— Может быть, половину боеспособных.

— И Ганима, и Ирулэн с ним?

— Да, миледи. Остались обремененными своими женщинами, своими детьми и своими пожитками. Стилгар предоставил каждому свободный выбор: идти с ним или быть освобожденным от крепости. Многие предпочли быть освобожденными. Они будут выбирать нового наиба.

— Я им выберу их нового наиба! И им станешь ты, Бур Агарвис, в гот день, когда ты принесешь мне голову Стилгара.

Агарвис мог вызвать на поедино. Такое в обычаях Свободных. Он сказал:

— Как прикажешь, миледи. Какие силы я могу ...

— Поговори с Зией. Я не могу дать тебе много топтеров, они нужны повсюду. Но бойцов ты получишь достаточно. Стилгар опозорил себя честь. Многие с радостью пойдут вместе с тобой.

— Тогда я этим займусь, миледи.

— Погоди! — она с секунду его изучала, размышляя, кого бы послать для надзора за этим уязвимым младенцем. За ним надо как следует следить, пока он не докажет свою благонадежность. Зия сообразит, кого послать.

— Мне можно идти, миледи?

— Нет, еще не уходи. Я должна обсудить с тобой лично в подробностях твой план по захвату Стилгара, — она подняла руку к лицу. — Я не буду скорбеть, пока ты не осуществишь мою месть. Дай мне несколько минут прийти в себя, — она опустила руку. — Одна из моих служительниц тебя проведет, — она подала незаметный знак одной из служительниц и шепнула Шалусе, своей новой камер-даме.

— Вымойте его и надушите, прежде чем привести. Он пахнет червем.

— Да, госпожа.

Затем Алия отвернулась, изображая печаль, которой не чувствовала, и ушла в свои апартаменты. Там, в спальне, она с грохотом захлопнула дверь, выругалась и топнула ногой.

«Проклятье этому Данкану! Почему? Почему? Почему?»

Она ощущала, что это была осознанная провокация Айдахо. Он убил Джавида и раздражил Стилгара. Это доказывало, что он знал о Джавиде. И все вместе выглядело посланием от Данкана, его прощальным жестом.

Она топала ногой опять и опять, в ярости кружа по спальне.

«Проклятье ему! Проклятье ему! Проклятье ему!»

Стилгар перешел к мятежникам, и Ганима с ним. И Ирулэн тоже.

«Проклятье им всем!»

Ее нога наткнулась на что-то металлическое. Вскрикнув от боли, она поглядела вниз, ища, обо что ушиблась, и обнаружила металлическую пряжку. Она схватила ее — и окаменела. Это была старая пряжка, из платины и серебра, настоящее изделие келадана, которыми некогда Герцог Лито Атридес I награждал своего мечевластителя Данкана Айдахо. Она много раз видела ее на Данкане. А теперь Данкан бросил ее здесь.

Пальцы Алии судорожно стиснули пряжку. Данкан бросил ее здесь, когда ... когда ...

Слезы брызнули у нее из глаз, пересилив сдержанность Свободной. Рот свела гримаса, и мозг почувствовал начало прежней

раздвоенности распространившейся потелу в плоть до кончиков пальцев рук и ног. Она стала двумя людьми в одном теле, и один из обитателей смотрел на эти телесные корчи с изумлением, а другая — охотно уступила сильной боли, разлившейся у нее в груди. Слезы теперь свободно текли у нее из глаз, а тот, изумленный, брюзгливо вопрошал: «Кто плачет? Кто это плачет? Кто сейчас плачет?»

Но ничто не останавливало слез, и она, рухнув на кровать и свернувшись на ней, ощутила, как боль словно прожигает ее грудь.

А нечто так и продолжало вопрошать в полном изумлении:

«Кто плачет? Кто это ...»

Глава 45

Птицы жадно охотились за насекомыми, кишмя кишевшими в сыром песке за разломанным каналом: попугаи, сороки, сойки. Прежде здесь был джедида, последний из новых городов, построенный на фундаменте обнажившегося базальта. Теперь он был покинут. Ганима, пользовавшаяся утренними часами для того, чтобы изучать местность, за естественной растительностью заброшенного съетча уловила движение и увидела пеструю ящерку гекко. До того пролетел дятел джила, гнездившийся в глинобитной стене джедида.

Она-то думала об этом, как о съетче, но на самом деле это оказалось собранием низких стен, сделанных из закаленного глинобитного кирпича и окруженных посадками, сдерживающими дюны. Находилось это внутри Танцеруфта, шестистами километрами южнее Хребта Сихайя. Без человеческих рук, поддерживавших съетч в порядке, он уже начал таять в пустыне, его стены разрушались песчаными ветрами, секущими как наждак, его растения умирали, его плантация потрескалась под палящим солнцем. И все же песок за разрушенным каналом оставался влажным, свидетельствуя, что приземистая глыба ветроловушки все еще работает.

За месяцы после бегства из Табра, беглецы обращались за защитой к нескольким таким местам, которые Демон Пустыни сделал необитаемыми. Ганима не верила в Демона Пустыни, хотя нельзя было отрицать наглядного доказательства канала, кем-то разрушенного.

Случайно до них дошла весточка из северных поселений, переданная через встречавшихся им мятежных охотников за спайсом: несколько топтеров — некоторые говорили, более шести — совершают разведывательные полеты, ища Стилгара, но Арракис велик, и пустыня дружелюбна к беглецам. По сообщениям, существовала группа поиска и уничтожения, которой поручено было найти отряд Стилгара, но эти силы, воз-

главляемые бывшим Табритом Буром Агарвисом, имели и другие обязанности и часто отзывались в Арракин.

Мятежники рассказывали, что между ними и отрядами Алии происходит мало сражений. Беспорядочные погромы Демона пустыни сделали первой заботой Алии и набов охрану населенных мест. Даже контрабандисты пострадали, но о них рассказывали, что они рыщут по пустыне в поисках Стилгара ради цены, назначенной за его голову.

Стилгар привел свой отряд в джедиду накануне, как раз перед наступлением тьмы, пользуясь опытом Свободного, безошибочно чующим влагу. Он пообещал, что скоро они двинутся на юг, к пальмам, но отказался назначить дату выхода. И хотя за его голову была назначена такая цена, на которую можно купить целую планету, Стилгар казался счастливейшим и беззаботнейшим из людей.

— Это хорошее место для нас, — сказал он, указывая на все еще функционирующую ветроловушку. — Наши друзья оставили нам немного воды.

Их отряд был теперь маленьким, всего шестьдесят человек. Старики, больные и совсем юные были тайком доставлены на юг, в пальмы, и расседоточены там среди семей, которым можно доверять. Остались только самые стойкие, и у них было много друзей и на севере, и на юге.

Ганима подвинулась, почему Стилгар отказывается обсуждать то, что происходит с планетой. Разве ему не видно? Каналы рушатся, Свободные оттесняются назад к тем южным и северным границам, что очерчивали некогда пределы их владений. Движение это — наверняка проявление того, что вершится в самой Империи. Состояние одной зеркально отражало состояние другого.

Ганима запустила руку под воротник своего стилсьюта и ослабила его. Несмотря на тревоги, она чувствовала себя здесь замечательно вольной. Внутренние жизни больше ее не преследовали, хотя она ощущала порой, как их памяти проникают в ее сознание. Она знала из этих воспоминаний, какой пустыня была прежде, до экологического преобразования. Непочиненная ветроловушка функционировала до сих пор, потому что воздух был влажен.

Многие создания, некогда чуравшиеся пустыни, теперь рискнули в ней поселиться. Многие в отряде отмечали, как расплодись дневные совы. Да вот, прямо сейчас Ганиме видны муравьеловы, припрыгивающие и пританцовывающие среди линий насекомых, кишущих в сыром песке в конце разрушенного канала. Можно даже найти нескольких барсуков, а вот мышей-кенгуру просто не сосчитать.

Новыми свободными правил сусверный страх, и Стилгар был не лучше остальных. Эта джедидка была возвращена пустыне после того, как канал был разрушен в пятый раз за последние одиннадцать месяцев. Че-

тыре раза они отремонтировали его после разрушительных налетов Демона пустыни, затем у них не осталось в запасе воды, чтобы рисковать еще одной ее потерей.

То же самое происходило со всеми джедидами и со многими старыми съетчами. Каждые восемь из девяти новых поселений были покинуты. Многие старые съетчи были перенаселены так, как никогда не бывало. И в то время, как пустыня вступала в эту новую фазу, Свободные обращались на прежнюю стезю. Во всем они видели знамения. Червей стало очень мало. Видели мертвых червей — без всяких признаков, отчего они умерли. Они быстро после смерти превращались в пыль пустыни, но Свободных наполняло ужасом, когда они наталкивались на этих разрушающихся громадин.

Отряд Стилгара наткнулся на такую тушу в прошлом месяце, и им понадобилось четыре дня, чтобы избавиться от неприятного ощущения. От червя разило прокисшим и ядовитым разложением. Его рассыпающееся тело сидело на огромном спайсовом выбросе.

Ганима отвернулась от кваната и поглядела назад на джедиду. Прямо перед ней была разрушена стена, некогда защищавшая муштамалу, небольшой прилегающий садик. Она обследовала это место, подчиняясь собственному неумемному любопытству, и нашла запас плоского и пресного спайсового хлеба в каменной коробке.

Стилгар уничтожил этот хлеб, сказав: «Хорошую еду Свободный никогда не оставит».

Ганима заподозрила тогда, что он ошибается, но это не стоило ни споров, ни риска. Свободные менялись. Некогда они свободно перемещались по бледу, влекомые собственными нуждами: вода, спайс, торговля была для них сигналом тревоги. Но жизнь животных, активация жизни пошла теперь в странных новых ритмах, в то время как большинство Свободных струдились в своих старых пещерах-лабиринтах под тенью северной Защитной стены. Редкостью стали в Танцеруфте охотники за спайсом, и только отряд Стилгара продвигался по старым дорогам.

Она доверяла Стилгару и его страху перед Алией. Ирулэн теперь лишь подкрепляла его доводы, обратясь к причудливым размышлениям Бене Гессерит. Но на далекой Салузе до сих пор жил Фарадин. Однажды обязательно наступит день, который станет для него судным днем.

Ганима поглядела на серебристо-серое утреннее небо, мысленно ища ответ. Откуда же придет помощь? Где, кто будет ее слушать, когда она поведаст, что она видела, что происходит вокруг них? Леди Джессика на Салузе, если верить сообщениям. А Алия — она стоит на пьедестале, и в то же время все больше и больше теряет связь с реальностью. Гурни Хэллека нигде не найти, хотя отовсюду сообщают, что его видели. Проповедник где-то укрылся, его еретические проповеди — лишь тускнеющая память.

И Стилгар.

Она поглядела через сломанную стену туда, где Стилгар помогал чинить резервуар. Стилгар упивается своей ролью блуждающего огонька пустыни, цена за его голову ежемесячно возрастает.

Ничто больше не имеет смысла. Ничто.

Кто этот Демон Пустыни, это создание, способное разорять каналы, словно они — лживые идолы, которые должны быть брошены в песок? Был ли это блуждающий червь? Была ли это третья сила в мятеже — много людей? Никто не верил, что это червь. Вода убила бы любого червя, рискнувшего напасть на канал. Многие Свободные считали, что Демон Пустыни был на самом деле революционным отрядом, стремящимся свергнуть Махдинат Али и вернуть Арракис на прежние пути. Верившие в это говорили, что такое будет во благо. Избавиться от этих жадных апостольских когорт, не занятых почти ничем, кроме созерцания собственной посредственности. Вернуться к истинной религии, которой отдал себя Муад Диб.

Глубокий вздох потряс Ганиму. «Ах, Лито, — подумала она. — Я почти рада, что ты не живешь и не видишь этих дней. Я бы сама к тебе присоединилась, но я — еще неокровавленный нож. Алия и Фарадин. Фарадин и Алия. Ее демон — Старый Барон, и этого нельзя позволять».

Из джедиды вышла Харах, подошла к Ганиме твердо меряющим песок шагом. Остановясь перед Ганимой, она спросила:

— Что ты делаешь здесь одна?

— Это странное место, Харах. Нам следует его покинуть.

— Стилгар дожидается здесь встречи кое с кем.

— Да? Он мне не говорил.

— А с чего ему тебе все рассказывать? Маку? — она хлопнула по меху с водой, вздувавшемуся у Ганиме на животе. — Ты что, взрослая женщина, чтобы быть беременной?

— Я бывала беременной так много раз, что их и не сосчитать, — ответила Ганима. — Не играй со мной в эти игры взрослого с ребенком!

Харах отступила на шаг.

— Вы — компания дураков, — продолжила Ганима, взмахом руки охватывая джедиду и деятельность Стилгара и его людей. — Мне бы никогда не следовало идти с вами.

— Ты была бы уже мертва, если б не пошла.

— Может быть. Но вы не видите того, что прямо у вас под носом! С кем это Стилгар дожидается встречи?

— С Буром Агарвисом.

Ганима воззрилась на нее.

— Он будет тайно доставлен сюда друзьями из съезда Красное Ущелье, — пояснила Харах.

— Игрушечка Али?

— Его повезут с завязанными глазами.

— И Стилгар в это верит?

— Бур попросил о переговорах. Он согласился на все наши условия

— Почему мне об этом не сказали?

— Стилгар знал, что ты выступишь против этого.

— Выступлю против ... Это безумие!

Харах насупилась:

— Не забывай, что Бур ...

— Он — семья! — огрызнулась Ганима. — Он внук кузины Стилгара. Знаю. И Фарадин, чью кровь я однажды пушу, — мой не менее близкий родственник. По-твоему, я оставлю свой нож в ножнах?

— Мы получили дистранс. За нами никто не следует.

Ганима тихо проговорила:

— Ничего хорошего из этого не выйдет, Харах. Нам надо немедленно отсюда удалиться.

— У тебя было знаменьё? — спросила Харах. — Это мертвый червь, которого мы видели! Был он ...

— Запихай это в свое чрево, и пусть это родится где-нибудь в другом месте! — рассвирепела Ганима. — Мне не нравятся ни эта встреча, ни это место. Разве этого недостаточно?

— Я скажу Стилгару, что ты ...

— Я сама ему скажу! — и Ганима широким шагом прошла мимо Харах, которая вслед ей сделала «рожки червя», чтобы отогнать зло.

Но Стилгар только посмеялся над страхами Ганимы и велел ей идти собирать песчаную форель, словно она была ребенком. Она сбегала в один из заброшенных домов джедиды и скорчилась в углу, лелея свой гнев. Хотя чувство гнева быстро прошло — она ощутила оживление среди внутренних жизней и припомнила чью-то присказку: «Если мы сможем все остановить, то все пойдет, как мы планируем».

«Что за странная мысль».

Глава 46

Гурни Хэллек сидел на круче Шулоха, его бализет лежал рядом с ним на коврик из спайсового волокна. Замкнутая котловина внизу была полна рабочими, занятыми посевами. Песчаный спуск, по которому Отверженные заманивали червей на спайсовый след, был перегорожен новым кванатом, и новые посадки укрепляли его.

Было почти уже время полуденной трапезы, и Хэллек находился на круче большого часа. Он искал уединения, чтобы подумать. Люди внизу усердно трудились, но все, им видимое, было работой меланжа. Личная оценка Лито была такова, что производство спайса ско-

ро упадет и стабилизируется на одной десятой своего пика в годы Харконенов. Пакеты с едой по всей Империи вдвое возрастали в цене при каждом новом объединении. Говорили, семье Метулли было уплачено за половину планеты Новебрунс триста двадцать один литр спайса.

Отверженные трудились как попускаемые дьяволом — и, возможно, так оно и было. Перед каждой трапезой они обращались лицом к Танцеруфту и молились воплощению Шай-Хулуда. Так им виделся Лито и, их глазами Хэллек видел будущее, где их веру разделит почти все человечество. Хэллек не был уверен, что ему нравится эта перспектива.

Лито заложил основы этому, когда доставил сюда Хэллека и Проповедника на угнанном Хэллеком топтере. Лито разломал канал Шулоха голыми руками, отшвыривая огромные камни более чем на пятьдесят метров. Когда Отверженные попробовали вмешаться, Лито почти незаметным взмахом руки обезглавил первого же, приблизившегося к нему. Остальных он отшвырнул назад, к их товарищам, смеясь над их оружием. Он заорал на них голосом Демона:

— Огонь меня не коснется! Ваши ножи не причинят мне вреда! На мне кожа Шай-Хулуда!

Отверженные узнали его и припомнили его бегство, когда он с обрыва прыгнул «прямо в пустыню». Они простерлись перед ним, и Лито отдал свои приказы:

— Я привез вам двух гостей. Вы будете их охранять и почитать их. Вы восстановите свой канал и начнете сажать сад оазиса. Однажды я сделаю это место своим домом. Вы приготовите мне мой дом. Вы больше не будете продавать спайс, вы будете сохранять каждую собранную крошку.

Он продолжал свои наставления в том же духе, и Отверженные ловили каждое слово, смотря на него остекленелыми от страха глазами.

Вот он пришел наконец из песков Шай-Хулуд!

Ни намек на эту метаморфозу не было, когда Лито нашел Хэллека с Гиадревном ал-Фали в одном из мятежных съетчей Гаре Рудена. Лито со своим слепым спутником прибыл из пустыни на черве, по старому спайсовому маршруту, через те области, где черви стали редкостью. Он говорил о нескольких обходных петлях, которые вынужден был сделать из-за влажности воздуха, достаточной, чтобы отравить червя. Они прибыли вскоре после полдня, и охрана повела их в общее помещение с каменными стенами.

Воспоминания об этом завладели Хэллеком.

— Значит, это Проповедник, — сказал он.

Вышагивая вокруг слепца, изучая его, Хэллек припомнил рассказы об этом человеке. В съетче лицо старика не было закрыто маской стилсьюта, и можно было мысленно сравнивать черты этого лица с другими. Да, этот человек и впрямь очень похож на старого Герцога, в честь которого назван Лито. Случайно ли сходство?

— Ты знаешь рассказы об этом человеке? — спросил Хэллек, обращаясь в сторону к Лито. — Что это твой отец, вернувшийся из пустыни?

— Я слышал такие версии.

Хэллек повернулся, чтобы оглядеть мальчика. На том был странный стилсют с закрученными краями вокруг лица и ушей. Покрывала его черная роба. На ногах его были пескоступы. Очень многое в отношении его присутствия здесь требовало объяснений. Как он умудрился бежать еще раз?

— Почему ты привез сюда Проповедника? — спросил Хэллек. — В Джакуруту мне сказали, что он работает на них.

— Больше, нет. Я привез его, потому что Алия хочет его смерти.

— Вот как? По-твоему, здесь убежище?

— Ты его убежище.

К этому времени Проповедник стоял рядом с ними, слушая, но ничем не показывая, будто его волнует, какой оборот примет их дискуссия.

— Он хорошо мне послужил, Гурни, — сказал Лито. — Дом Атридесов не до конца утратил чувство признательности к тем, кто нам служит.

— Дом Атридесов?

— Я Дом Атридесов.

— Ты бежал из Джакуруту до того, как я успел завершить проверку, о которой распорядилась твоя бабушка, — сказал Хэллек холодно. — Как можешь ты допускать ...

— Жизнь этого человека следует охранять так, словно она твоя собственная, — проговорил Лито, — будто и нет никакого спора. Он встретил взгляд Хэллека не дрогнув.

Джессика обучила Хэллека многим тонкостям умения наблюдать. Но в Лито он не мог разглядеть ничего, кроме спокойной уверенности. Но еще оставались в силе приказы Джессики.

— Твоя бабушка поручила мне завершить твое образование и удостовериться, что ты не одержим.

— Я не одержим.

— Почему ты сбежал?

— У Намри был приказ убить меня, неважно, что я делаю. Приказ этот исходит от Алии.

— Так ты что, Видящий Правду?

— Да.

— И Ганима тоже?

— Нет.

Тут Проповедник нарушил свое молчание, устремив слепые глазницы на Хэллека, но указывая на Лито:

— По-твоему, ты можешь его проверять?

— Не вмешивайся, ничего не зная о проблеме и ее последствиях, — ответил Хэллек, даже не глянув на слепца.

— О, мне достаточно хорошо известны ее последствия, — сказал Проповедник. — Однажды меня проверяла старуха, воображавшая, будто знает, что делает. Как выяснилось, она не знала.

Тогда Хэллек на него поглядел:

— Ты тоже Видящий Правду?

— Всякий может быть Видящим Правду, даже ты, — ответил Проповедник. — Это проявление честности перед самим собой. Для этого требуется внутренняя согласованность с легко распознаваемой правдой.

— Почему ты вмешиваешься? — спросил Гурни, кладя руку на нож. — Кто он, этот Проповедник?

— Я ответствен за эти события, — сказал Проповедник. — Моя мать могла бы возложить на алтарь даже свою собственную жизнь, но у меня другие мотивы. И я действительно понимаю твою проблему.

— Ну? — Хэллек теперь был неподдельно заинтригован.

— Леди Джессика приказала тебе отличить собаку от волка, зе'еб и ке'еб. По ее определению, волк — это тот, наделенный силой, кто этой силой злоупотребляет. Однако между собакой и волком есть предассветный период, когда ты не можешь отличить их друг от друга.

— Почти в цель, — сказал Хэллек, заметив, что все больше и больше обитателей съегца заходят в помещение, чтобы послушать. — Откуда тебе это известно?

— Потому что я знаю эту планету. Не понимаешь? Подумай, как это. На поверхности — скалы, грязь, осадочные породы, песок. Это память планеты, картины ее истории. Точно так же с людьми. Собака напоминает волка. Всякое мироздание вращается вокруг ядра бытия, и из этого ядрышка идут наружу все воспоминания, прямо на поверхность.

— Очень интересно, — сказал Хэллек. — И как это поможет мне выполнить приказанное?

— Пересмотри картину твоей истории внутри себя. Приобщись к ней по-звериному.

Хэллек покачал головой. В Проповеднике была подчиняющая себе прямота, качество, многократно встречавшееся ему в Атридесах — и не один намек он уловил, что этот человек пользуется силой Голоса. Хэллек почувствовал, как у него сердце начинает ходить ходуном. Возможно ли?..

— Джессика хочет окончательной проверки, потрясения, при котором проявится подкладочная ткань ее внука, — сказал Проповедник. — Но эта ткань всегда перед тобой, открытая взору.

Хэллек повернулся и посмотрел на Лито — произвольно, подчиняясь неодолимой

А Проповедник продолжал, словно читая назидание упрямому ученику:

— Этот молодой человек смущает тебя, поскольку он не единичное явление. Он сообщество. И как в любом обществе, при потрясении любой его член может взять на себя руководство. Такое не всегда во благо, и мы получаем наши истории о Богомерзости. Но ты уже достаточно ранил это сообщество, Гурни Хэллек. Разветы не видишь, что трансформация уже произошла? Этот юноша достиг такой внутренней общности, которая обладает безмерной силой, которую уже не сокрушить. Я и без глаз это вижу. Сперва я противостоял ему, но теперь следую его велениям. Это — Целитель.

— Кто ты? — спросил Хэллек.

— Я — большее, чем видимо тебе. Не смотри на меня, смотри на того, кого тебе приказали учить и проверять. Он сформировался через кризис. Он уцелел в смертоносной среде. Он здесь.

— Кто ты? — настойчиво повторил Хэллек.

— Я велю тебе смотреть только на этого юношу Атридеса! Он — та основополагающая связь, от которой зависит наш человеческий род. Он заново введет в систему результаты ее прошлых разработок. Никто не в состоянии знать эти прошлые разработки так, как знает он. А ты помышляешь уничтожить такого!

— Мне было приказано проверить его, и я не по ...

— Помышлял!

— Богомерзость ли он?

Проповедник утомленно рассмеялся:

— Ты упорствуешь в чуши Бене Гессерит. Как же они творят мифы, усыпляющие людей!

— Ты — Пол Атридес? — спросил Хэллек.

— Пола Атридеса больше нет. Он пытался стоять верховным моральным символом, в то время как сам отрекся от всех моральных претензий. Он стал святым без Бога, каждое слово — богохульство. Как ты можешь думать ...

— Не меня ли ты будешь верить? Остерегайся, Гурни Хэллек.

Хэллек сглотнул и заставил себя опять посмотреть на бесстрастного Лито, который так и стоял, хладнокровно наблюдая.

— Кто кого проверяет? — спросил Проповедник. — Не может ли быть так, что леди Джессика проверяет тебя, Гурни Хэллек?

Медленно, осмотрительно Хэллек перевел взгляд с Лито на слепца. Джессика частенько повторяла, что ему следует достигать равновесия клириса — «ты ты — будь не будь». Она называла это наукой вне слов и фраз, вне правил и доводов. Это отточенный край его собственной внутренней — всепоглощающей — истины. Что-то в голосе слепца, его тоне, его манерах, загло ярьость Хэллека, перегоревшую в нем в глухое спокойствие.

— Ответь на мой вопрос, — сказал Проповедник.

Хэллек ощутил, как эти слова усугубили его сосредоточенность на данном месте, данном конкретном моменте и его требованиях. Его положение в мире определялось только сосредоточенностью. В нем не осталось никаких сомнений. Это Пол Атридес, не мертвый, а вернувшийся. И это не дитя — Лито. Хэллек еще раз поглядел на Лито и теперь действительно его увидел. Увидел приметы перенесенного потрясения вокруг глаз, чувство уравновешенности в осанке, пассивный взгляд с его причудливым чувством юмора. Лито выделился из фона, как будто в фокусе ослепительного света. Он достиг гармонии, просто ее приняв.

— Скажи мне, Пол, — проговорил Хэллек, — твоя мать знает?

Проповедник вздохнул.

— Для сестер, для всех них я мертв. Не пытайся меня оживить.

Так и не глядя на него, Хэллек спросил:

— Но почему она ...

— Делает то, что ей должно. Строит собственную жизнь, полагает, будто управляет многими другими жизнями. Все мы играем в бога.

— Ноты жив, — прошептал Хэллек, потрясенный теперь до глубины души осознанием этого, поворачиваясь, наконец, чтобы взглянуть на этого человека, который был моложе его, но которого так состарила пустыня, что он казался вдвое старше Хэллека.

— Ну что? — спросил Пол. — Живой?

Хэллек посмотрел вокруг на наблюдающих Свободных, на их лицах застыло смешанное выражение сомнения и благоговения.

— Моя мать никогда не должна была усваивать мой урок, — это был голос Пола. — Быть богом вполне способно в конечном итоге сделать тебя скучающим и деградирующим. Одно это было бы достаточной причиной для изобретения свободы воли! Бог мог бы захотеть тогда сбежать в сон и жить только среди бессознательных проекций созданий своих грез.

— Но ты жив! — громче проговорил Хэллек.

Пол, проигнорировав возбуждение в голосе своего старого товарища, спросил:

— Ты бы действительно сравнил его и сестру в испытании Машад? Какая смертельная чушь! Каждый из них заявил бы: «Нет! Убей меня! Отдай другому жизнь!» И куда бы привело такое испытание? И что тогда значит жить, Гурни?

— Это было не испытание, — сказал Хэллек. Ему не понравилось, как Свободные плотнее стеснились вокруг них, разглядывая Пола, не обращая внимания на Лито.

Но теперь вмешался Лито.

— Погляди на ткань, отец.

— Да... Да ... — Пол высоко поднял голову, как будто принохиваясь. — Так это Фарадин!

— Как легко следовать нашим мыслям, а не нашим чувствам, — сказал Лито.

Свободные вокруг них не могли больше сдерживаться. Они полезли между Хэллеком и Полом, между Лито и Полом, оттеснив Лито и Хэллека. Хриплые вопросы хлынули градом.

— Ты Муад Диб? Ты вправду Муад Диб? Это правда, то, что он говорит? Скажи нам!

— Вы должны думать обо мне только как о Проповеднике, — совсем зажатый ими ответил Пол. — Я не могу быть Полом Атридесом или Муад Дибом никогда больше. Я не супруг Чани, не Император.

Хэллек, боясь того, что может случиться, если эти разочарованные вопросы не получат логического ответа, собирался уже было вмешаться, когда Лито его опередил. Вот когда Хэллек впервые узред стихию жуткого изменения, совершившегося в Лито. Взревел бычий голос: «По сторонам!» — и Лито шагнул вперед, раскидывая взрослых Свободных налево и направо, сшибая их, молотя их руками, вывертывая ножи у них из рук, хватаясь за лезвия.

Меньше чем через минуту те Свободные, что оставались на ногах, в ужасе жались по стенам. Лито встал рядом с отцом.

— Когда говорит Шаи-Хулуд, вы повинуетесь, — сказал Лито.

И когда кое-кто из Свободных вздумал спорить, Лито отломил кусок у каменной стены прохода при выходе из помещения и раскрошил его голыми руками, не переставая улыбаться.

— Я разрушу ваш съетч у вас на глазах, — сказал он.

— Демон Пустыни, — прошептал кто-то.

— И ваши каналы, — сказал Лито. — Я разорву их на куски. Нас здесь не было, вы слышите меня?

Головы испуганно и покорно закивали.

— Ни один из вас нас не видел, — сказал Лито. — Один шепоток от вас — и я выгоню вас в пустыню без воды.

Хэллек увидел руки, поднятые в предостерегающем жесте — знаке червя.

— Теперь мы пойдем, мой отец и я, в сопровождении нашего старого друга, — сказал Лито. — Приготовьте нам топтер.

... А затем Лито направил их на Шулох, объяснив по пути, что они должны двигаться быстро, потому что «Фарадин прибудет на Арракис совсем скоро. И, как сказал мой отец, тогда ты увидишь настоящее испытание, Гурни».

Глядя вниз с кручи Шулоха, Хэллек опять себя спросил, как спрашивал каждый день: «Что за испытание? Что он имеет в виду?»

Но Лито больше не было в Шулохе, а Пол отказывался отвечать.

Глава 47

Ганима сидела за пределами светового круга спайсовых ламп, наблюдая за Буром Агарвисом. Ей не нравились его крутое лицо и непрестанно движущиеся брови, то, как при разговоре он шевелит ногами, словно его слова были скрытой музыкой, под которую он танцевал.

«Он здесь не для того, чтобы вести переговоры со Стилгаром», — сказала себе Ганима, видя подтверждение этому в каждом слове и движении Бура. Она еще дальше отодвинулась от круга Совета.

Во всяком съезде было помещение, подобное этому, но зала собраний заброшенной джедиды производила на Ганиму впечатление удушающе тесного места — слишком низок был потолок. Шестьдесят людей отряда Стилгара плюс девять прибывшим вместе с Агарвисом, все уместились в одном конце залы. Масляные светильники отбрасывали отсветы на низкие несущие балки потолка, и дрожащие тени, танцевали на стенах, а едкий дым наполнял все помещение запахом корицы.

Встреча началась в сумерках, после молитв о влаге и вечерней трапезы. Теперь уже она длилась более часа, и Ганима не могла объяснить все в поведении Агарвиса. Слова его представлялись вполне ясными, но с ними не согласовывались движения его тела и глаз.

Сейчас говорил Агарвис, отвечая на вопрос одного из заместителей Стилгара, племянницы Харихи по имени Раджия. Эта сумрачно аскетичная молодая женщина с опущенными углами губ казалось взирала на мир с непреходящим отвращением. Ганима сочла это выражение лица Раджии вполне соответствующим обстоятельствам.

— Разумеется, я верю, что Алия дарует всем вам полное и совершенное прощение, — говорил Агарвис. — Иначе бы я не находился бы здесь со своей миссией.

Раджия собиралась еще что-то сказать, но вмешался Стилгар:

— Меня не настолько беспокоит, доверяем ли ей мы, как то, доверяет ли она тебе, — в голосе Стилгара слышались рыкающие полутона. Он неуверенно чувствовал себя от этого предложения занять свое прежнее место.

— Неважно, доверяет ли она мне, — сказал Агарвис. — Если быть искренним — мне в это не верится. Я слишком долго искал вас, вас не находя. Но я всегда чувствовал, что она не очень-то хочет, чтоб тебя на самом деле схватили. Она ...

— Она была женой человека, которого я убил, — сказал Стилгар. — Заверяю тебя, он сам на это напросился. Мог бы с равным успехом кинуться на собственный нож. Но от этого нового подхода пахнет ...

Агарвис пританцовывая вскочил, гнев ясно был написан на его лице.

— Она тебя прощает! Сколько раз я должен это повторять? Она заставила жрецов устроить большой спектакль ниспрошения о божественном наставлении о ...

— Это лишь поднимает другую проблему,— это Ирулэн, наклонилась вперед, мимо Раджии, темные волосы Раджии подчеркнута оттеняют ее светлую головку.— Она убедила тебя, но у нее могут быть другие планы.

— Жречество ...

— Но доходят самые разнообразные слухи,— сказала Ирулэн.— Что ты не только ее военный советник, что ты ее ...

— Довольно! — Агарвис был вне себя от ярости. Бушующие эмоции кровью бросили ему в лицо, исказили его черты.— Верьте чему хотите — но я не могу больше с этой женщиной! Она оскверняет меня! Она пачкает все, к чему ни прикоснется! Я использован. Я замаран. Но я никогда не подниму нож против моей родни! Нет, никогда!

Ганима, наблюдавшая за ним, подумала: «Тут по крайней мере из него полезла правда».

Как ни удивительно, Стилгар рассмеялся.

— А, кузен,— сказал он.— Прости меня, но гнев выдает правду.

— Значит, ты согласен?

— Я этого не сказал,— он поднял руку, предупреждая новый взрыв гнева Агарвиса.— Это не ради меня, Бур, но ради других, кто здесь есть,— он обвел рукой вокруг себя.— Они на моей ответственности. Давай поразмыслим, какое возмещение предлагает Алия.

— Возмещение? Нет ни слова о возмещении. Прощение, но не ...

— Тогда что же предлагает она порукой за свое слово?

— Счетч Табр, и ты в нем наибо, полная автономия нейтральной стороны. Она теперь понимает, как ...

— Я не войду опять в ее свиту и не буду поставлять ей вооруженных бойцов,— предупредил Стилгар.— Это понятно?

Ганима услышала, что Стилгар начинает сдавать, и подумала: «Нет, Стил! Нет!»

— В этом нет нужды,— ответил Агарвис.— Алия хочет только, чтобы Ганима вернулась к ней и выполнила данное обязательство об обручении с ...

— Так вот оно, наконец! — у Стилгара сдвинулись брови.— Ганима — цена моего прощения. Неужели она считает меня ...

— Она считает тебя разумным,— возразил, усаживаясь Агарвис.

Ганима восторженно подумала: «Он этого не сделает. Переведи дух. Он этого не сделает».

И только она это подумала, тихий шорох послышался сзади и левее от нее. Она не успела обернуться, как ее схватили сильные руки. Плотный коврик, пахнущий снотворным, накрыл ее лицо до того, как она успела позвать на помощь. Теряя сознание, она ощутила, как ее несут к

двери в самом темном уголке залы. И подумала: «Мне бы следовало догадаться! Мне бы следовало быть начеку!» Но державшие ее руки были сильными. Она не могла вывернуться.

Последними ее впечатлениями были холодный воздух, мерцание звезд, лицо под капюшоном, взглянувшее на нее и спросившее:

— Она ведь не пострадала, а?

Ответа она уже не слышала, звезды завертелись у нее перед глазами, вытягиваясь в полосы, и пропали во вспышке света, который был ядрышком его внутреннего «я».

Глава 48

Поднятый песок туманом висел на горизонте, затмевая восходящее солнце. В тених дюн песок был холоден. Лито стоял перед кольцом пальм, глядя на пустыню. Он чувствовал запах пыли и колючих растений, слышал утренние звуки людей и животных. В этом месте у Свободных не было канала, только минимум посадок вручную, орошаемых женщинами, носивших воду в кожаных мехах. Их ветроловушка была хрупкой, легко сокрушаемой бурями, но и легко восстанавливаемой. Тяготы, суровость спайсового помысла и приключения — вот так протекала здесь жизнь. Эти Свободные до сих пор верили, что рай — звук льющейся воды, но лелеяли древнюю концепцию свободы, которую и Лито с ними разделял.

«Свобода — это состояние одиночества», — подумал он.

Лито расправил складки белой рубы, закрывавшей его живой стилсьют. Ему было уже ощутимо, насколько изменила его оболочка песчаной форели — и вместе с этим он всегда испытывал чувство огромной утраты. Он уже не был полностью человеком. Станные вещи плавали в его крови. Реснички песчаной форели проникли в каждый орган, приспособившая его и изменяя. Сама форель тоже приспособлялась и изменялась. Но, зная это, Лито чувствовал себя оторванным от всех прежних нитей утраченной человечности; жизнь его лоймана острой тоской, тянувшейся из древности. Он понимал, однако, какая ловушка в потакании подобным эмоциям. Он хорошо понимал.

«Пусть будущее наступит для самого себя, — думал он. — Единственное правило, руководящее творчеством, — это само творение».

Трудно было отвести взгляд от песков, от дюн — от великой пустоты. Здесь, на краю песка, было несколько скал, но воображение бежало вперед, за них, к ветрам, пыли, редким и одиноким растениям и животным, дюне, сливающейся с дюной, пустыни с пустыней.

Позади него раздался звук флейты, зовущей на утреннюю молитву, молитву по влаге, звучала чуть измененная серенада Шав-Хулуду. Едва Лито это понял, как музыка зазвучала для него напевом вечного одиночества.

«Я мог бы попросту уйти в эту пустыню», — подумал он.

Все тогда изменится. Одно направление станет не хуже другого. Он уже научился жить жизнью, свободной от страстей. Его мистицизм Свободного утончился до жуткой грани: все что он имел при себе, было ему необходимо — но только это и было его. А это составляло всего лишь накинутую робу, спрятанного в его складках ястреба Атридесов и кожу, которая не его собственная.

Было бы легко уйти отсюда прочь.

Внимание его привлекло движение в небесах — по косо выкроенным кончикам крыльев он узнал стервятника. От этого заныла грудь. Как и дикие Свободные, стервятники живут в этой стране, потому что здесь они рождены. Ничего лучше они не знают. Пустыня делает их такими, какие они есть.

Но в кильватере Муад Диб и Алии выросла другая порода Свободных. Она-то и была причиной того, почему он не мог уйти в пустыню, подобно своему отцу. Лито припомнил давние слова Айдахо: «Эти Свободные! Они восхитительно жизненны! Я никогда не встречал жадного Свободного!»

Теперь жадных Свободных полным-полно.

Волна печали захлестнула Лито. Он должен проложить курс, который все это изменит, но жестокой ценой. И управлять будет все трудней и трудней по мере их приближения к вихрю.

Кразилек, Тайфунный бой, впереди ... но Кразилек или худшее будут расплатой за неправильный шаг.

Позади него слышались звуки, затем чистый и пронзительный детский голосок произнес:

— Вот он.

Лито обернулся.

Из-под пальм выходил Проповедник, ведомый ребенком.

«Почему я думаю о нем, как о Проповеднике?» — подивился Лито.

Ответ был ясно начертан на скрижали ума Лито: «Потому что он больше не Муад Диб, не Пол Атридес». Пустыня сделала его тем, что он есть сейчас. Пустыня и шакалы Джакуруту с их чрезмерными добычами меланжа и постоянным предательством. Проповедник состарился. Да, состарился, несмотря на спайс, а благодаря ему.

— Мне сказали, ты хочешь меня видеть, — заговорил Проповедник, когда ребенок-поводырь остановился.

Лито поглядел на это дитя пальмовой рощи, мальчика ростом почти с него самого, благоговение которого умерялось ненасытным любопытством. Молодые глаза томно поблескивали над маской стилсьюта детского фасона.

Лито махнул рукой:

— Оставь нас.

Мальчик хотел возразить, но благоговение и естественное уважение Свободного к личной жизни других взяли верх. Ребенок удалился.

— Ты знаешь, что Фарадин здесь, на Арракисе? — спросил Лито.

— Гурни рассказал мне, когда прилетал вчера ночью.

И Проповедник подумал: «Как же холодны его слова. Он совсем как я в прежние мои дни».

— Я стою перед трудным выбором, — сказал Лито.

— Я думал, все выборы тобой уже сделаны.

— Мы понимаем ту ловушку, отец.

Проповедник откашлялся. Напряжение дало ему понять, как близки они к сокрушительному кризису. Теперь Лито будет полагаться не на чистое видение, а на управление видением.

— Тебе нужна моя помощь? — спросил Проповедник.

— Да. Я возвращаюсь в Арракин и хочу пройти туда как твой поводырь.

— Для чего?

— Ты будешь еще читать проповедь в Арракине?

— Может быть. Есть вещи, которых я им еще не сказал.

— Ты не вернешься назад в пустыню, отец.

— Если пойду с тобой?

— Да.

— Я сделаю все, как ты решишь.

— Ты подумал? Ведь вместе с Фарадином там будет и твоя мать.

— Несомненно.

И опять Проповедник смутился, проявляя нервозность, чего Муад Диб себе никогда не позволял. Слишком долго это тело пребывало вне прежнего режима самодисциплины, слишком часто Джакуруту предательски наполняло этот мозг безумием. И Проповедник подумал, что, может, и не слишком мудро возвращаться в Джакуруту.

— Ты не обязан идти туда со мной, — сказал Лито. — Но там моя сестра, и я должен вернуться. Ты можешь отправиться вместе с Гурни.

— И ты пойдешь в Арракин один?

— Да. Я должен встретить Фарадина.

— Я пойду с тобой, — вздохнул Проповедник.

И Лито, ощутив в Проповеднике промелькнувшую тень прежнего безумия видений, подумал: «Играет ли он в игру предвидения?» Нет. Он никогда больше не пойдет этой дорогой. Он ведал о ловушке частичных уступок. Каждое слово Проповедника подтверждало, что он передал видения своему сыну, понимая, что все в этом мире предугадано.

Нет, старые противоречия мучили сейчас Проповедника. Он убежал из парадокса в парадокс.

— Тогда мы отправимся через несколько минут, — сказал Лито. — Ты скажешь Гурни?

— Разве Гурни с нами не пойдет?

— Я хочу, чтобы он уцелел.

И опять Проповедник всем телом ощутил напряжение. Оно было разлито в воздухе вокруг него, в земле у него под ногами, в парящей птице, смотревшей не на ребенка, который был его сыном. Резкий вопль его прежних видений рвался из горла.

Глава 49

Женщины-пилигримы танцевали под барабан и флейту на Храмовой площади, головы их обнажены, браслеты на шеях, платья открыты и тонки. Длинные черные волосы развевались, закрывали им лица, когда они кружились.

Алия глядела на эту сцену, и привлекательную и отталкивающую, с высоты своего храма. Была середина утра, час, когда на площади начинал растекаться запах сдобренного спайсом кофе, идущий от торговцев под тенистыми аркадами. Вскоре она должна будет выйти приветствовать Фарадина, преподнести официальные дары и присутствовать при его первой встрече с Ганимой.

Все шло согласно плану. Гани убьет его, и из последующих потрясений только один человек извлечет выгоду. Куклы танцуют точно так, как потянешь за веревочку. Как она и надеялась, Стилгар убил Агарвиса. А Агарвис привел похитителей к джедиде, не ведая о том, что секретный передатчик был спрятан в новых сапогах, которые она ему подарила. Теперь Стилгар и Ирулэн ждут в темницах Храма. Может, они и умрут, а может, их можно будет с пользой употребить. Пусть подождут, вреда не будет.

Она заметила, что городские Свободные пристально наблюдают за танцовщицами на площади. Принцип равенства, начав с пустыни, переселился и в города, и в городки Свободных, до сих пор упорно в них сохраняясь, но социальные различия между мужчиной и женщиной уже давали о себе знать. Это тоже отлично соответствует плану. Разделяй и властвуй. Алия улавливала, что в том, как двое Свободных смотрят на этих инопланетянок и их экзотический танец, уже ощущается еле заметная перемена.

Весело смеясь про себя, Алия подумала: «Пусть танцуют». В танце выходит энергия, которая иначе могла бы найти более разрушительное применение. И музыка приятна, тонкие завывания, плоские тимпаны, барабаны из тыквы, хлопающие ладони.

Внезапно музыку заглушил гул множества голосов на дальнем конце площади. Танцовщицы сбились, потом после краткого замешательства опять поймали ритм, но уже не отдавались танцу, их взгляды обратились к воротам площади, где толпа растекалась по каменным плитам, как хлещущая через открытый клапан канала вода.

Алия взгляделась в надвигающуюся волну.

Теперь ей стали слышны слова: «Проповедник! Проповедник!»

Затем она увидела его, шагающего широкими шагами в первом приливе волны, рука на плече мальчика-поводыря.

Пилигримы-танцовщицы перестали кружиться и удалились на террасы ступеней под Алией. Там к ним присоединились зрители — и на лицах, наблюдающих за Проповедником, она различила благоговение. Ее же собственным чувством был страх:

«Как он смеет!»

Она полуобернулась послать стражу, но вновь пришедшие соображения остановили ее. Толпа уже заполнила площадь. Она может повести себя совсем не мирно, если станет упрямяться в своем явном желании услышать слепого провидца.

Алия сжала кулаки.

Проповедник! Зачем Пол это делает? Для половины населения он — «сумасшедший пустыни» и, следовательно, свят. Другие перешептываются на базарах и в лавках, что это почти наверняка Муад Диб. С чего бы еще Махдинату позволять его гневную ересь?

Среди толпы Алии были видны беженцы, крохи добравшихся из брошенных съетчей, их одежды в лохмотьях. Опасное там внизу место. Место, где можно допустить ошибки.

— Госпожа?

Голос раздался позади Алии. Она обернулась и увидела Зию, стоящую в арке дверного проема внешней палаты. При ней была вооруженная охрана из Личной Гвардии.

— Да, Зия?

— Миледи, Фарадин за дверьми и просит аудиенции.

— Здесь? В моих покоях?

— Да, миледи.

— Один?

— С ним два телохранителя и леди Джессика.

Алия положила руку на горло, припомнив последнюю немирную встречу с матерью. Времена, однако, изменились. Их отношения будут определяться новыми условиями.

— До чего же он импульсивен, — сказала Алия. — Какую причину он выдвигает?

— Он слышал о... — Зия указала на окно, на площадь. — Он говорил, что слышал, будто отсюда лучше видно.

Алия нахмурилась.

— Ты веришь этому, Зия?

— Нет, миледи. По-моему, он слышал крики и хочет видеть вашу реакцию.

— Это моя мать его настроила!

— Вполне вероятно, миледи.

— Зия, дорогая моя, я хочу, чтобы ты выполнила особый ряд очень важных приказаний. Подойди сюда.

Зия остановилась на расстоянии шага от Алии.

— Миледи?

— Пригласи Фарадина, телохранителей и мою мать. Затем приготовь Ганиму. Ее следует облачить, как невесту, по обычаям Свободных, до последней детали — полностью.

— И нож, миледи?

— И нож.

— Миледи, это ...

— Ганима не представляет для меня угрозы.

— Миледи, есть основания полагать, что она сбежала со Стилгаром в пустыню, больше чтобы его защитить, чем по любой другой ...

— Зия!

— Миледи?

— Ганима уже подала свое ходатайство за Стилгара, и Стилгар останется в живых.

— Но она предполагаемая наследница!

— Просто выполни мои приказы. Пусть Ганиму приготовят. Когда ты скажешь, чтоб это делалось, пошли пять служителей из храмового жречества на площадь. Пусть пригласят Проповедника сюда. Пусть подождут удобного случая и заговорят с ним, больше ничего. Силу им применять нельзя. Я хочу, чтобы они его вежливо пригласили. Абсолютно никакого принуждения. И, Зия ...

— Миледи? — как же насупленно она это произнесла.

— Проповедник и Ганима должны быть введены сюда одновременно. Они должны вместе войти по моему сигналу. Понимаешь?

— Я понимаю план, миледи, но ...

— Просто сделай это! Все, — и Алиа кивнула своей амазонке, отпуская ее. Когда Зия уходила, Алиа сказала: Выходя, пригласи Фарадина и его сопровождающих, но позаботься, чтобы перед ними вошли десять моих самых достойных доверия стражей.

Зия, оглянувшись на ходу:

— Все будет сделано по вашим распоряжениям, миледи.

Она услышала, как вошел Фарадин с сопровождающими, услышала голос матери:

— Алиа?

Не оборачиваясь, Алиа сказала:

— Добро пожаловать, Принц Фарадин, матушка. Идите сюда, любуйтесь спектаклем, — затем она оглянулась и увидела рослого сардукара, Тайканика, злобно хмурившегося на стражей, загоротивших дорогу. — Но это негостеприимно, — сказала Алия. — Дайте им пройти. — Двое стражей, явно действуя по приказам Зии, подошли к ней и встали между ней и остальными. Прочие расступились. Алия отошла к правой стороне окна, сделала жест: Отсюда и вправду наилучший вид.

Джессика, в своей традиционной черной абе, сумрачно глянула на Алию, сопровождая Фарадина к окну, но встала между ним и стражами Алии.

— Так это любезно с вашей стороны, леди Алия, — сказал Фарадин. — Я столько слышал об этом Проповеднике.

— И вот он во плоти, — сказала Алия. На Фарадине был серый мундир командующего сардукарами. Строгая грациозность его движений восхитила Алию. Возможно, этот Принц Коррино будет не просто забавой от безделья.

Голос Проповедника загремел в помещении через усилители возле окна. Алия почувствовала, как этот звук пронизал ее трепетом до самого сердца, и стала слушать зачарованная его музыкой.

— И обнаружил я, что я — в пустыне Зан, — вскричал Проповедник, — в ее бесплодии и дикости. И Господь повелел мне очистить это место. Поскольку мы искушаемы пустыней, и скорбны в пустыне, и соблазняемы ее дикостью.

«Пустыня Зан, — подумала Алия. Такое название было дано месту первого испытания Скитальцев Дзэнсунни, от которых произошли Свободные. Но его слова? Завоевывает ли он доверие, чтобы обратить его на разрушение твердынь съетчей верных ей племен?»

— Дикие звери лежат на ваших землях, — голос Проповедника гремел над площадью. — Скорбные твари наполняют ваши дома. Вы, бежавшие из своих домов, не умножите больше ваших дней на песке. Да, вы, забросившие свои пути, вы умрете в смраднейшем гнезде, если и дальше будете идти по этой дороге. Но если внимлете моему предупреждению, то Господь проведет вас через страну западней в Горы Господни. Да, Шай-Хулуд вас поведет.

В толпе послышались тихие стоны. Проповедник сделал паузу, поводя безглазыми глазницами в направлении звуков. Затем он воздел руки, широко их раскинул и воззвал:

— О, Господь, моя плоть томится по пути Твоему в сухой и полной жажды стране!

Проповедник полуобернулся, устремил свои мертвые глазницы на храм и поднял руку, указывая на высокие окна Алии.

— Одно богохульство остается! — возопил он. — Богохульство! И имя это богохульству — Алия!

На площади воцарилась тишина.

Алия стояла, оцепенев от ужаса. Она знала, что толпа не может ее видеть, но почувствовала себя, выставленности напоказ. Эхо успокоительных слов в голове боролось с быстрым биением сердца. Она могла лишь окаменело взирать на живую картину внизу. Проповедник продолжал указывать рукой на ее окна.

Но для жрецов его слова оказались последней каплей. Нарушив молчание гневными криками, они бросились вниз по ступеням, расталкивая в стороны людей. На их передвижение толпа отреагировала волной, накатившись на ступени, сметая первые ряды зрителей, унося перед собой Проповедника. Тот слепо спотыкался, отделенный от своего юного поводыря. Затем над толпой взметнулась облаченная в желтое рука — вместе с ней взлетел криснож. Алия увидела, как нож пал вниз, по рукоятке входя в сердце Проповедника.

Из шока Алию вывел громоподобный грохот захлопывающихся гигантских ворот храма. Стража сделала это, заграждаясь от толпы. Но люди уже отхлынули, образуя пустое пространство вокруг валявшейся на ступенях фигурки. Неестественное молчание охватило площадь. Алии видно было неподвижное тело.

Над толпой пронесся вопль:

— Муад Диб! Они убили Муад Диб!

— Великие боги, — дрожащим голосом проговорила Алия. — Великие боги!

— Чуть поздновато для сожаления, ты не думаешь? — спросила Джессика.

Алия повернулась всем телом, заметила при этом, какая ошарашенность появилась на лице Фарадина при виде ее ярости:

— Это Пол — тот, кого они убили! — взвизгнула Алия. — Это был твой сын! Когда это подтвердится, ты знаешь, что будет?

Джессика застыла на бесконечно долгий для нее миг, ей казалось, она сейчас услышала нечто, уже ей известное. Из этого застывшего мгновения ее вывел Фарадин, положив руку ей на плечо.

— Миледи, — сказал он, и в его голосе было столько сочувствия, что, подумалось Джессике, она могла прямо сейчас от него умереть. Она перевела взгляд с полыхающего холодную яростью лица Алии на несчастное и сочувствующее Фарадина и подумала: «Я слишком хорошо сделала мою работу».

Нельзя было сомневаться в словах Алии. Джессика припомнила каждую интонацию голоса Проповедника, расслышала в нем свои собственные уловки, долгие годы наставлений, которые провела она с юношей, которому предназначалось стать Императором и который комком кровавых тряпок валялся сейчас на ступенях Храма.

«Меня ослепила гхафла», — подумала Джессика.

Алия сделала знак одной из прислужниц, приказав:

— Теперь введите Ганиму.

Джессика заставила себя задуматься над этими словами: «Ганима? Почему Ганима — теперь?»

Прислужница повернулась, чтобы отворить, но не успел никто и слова произнести, как дверь просела вперед. Лопнули дверные петли. Засов щелкнул, и дверь — толстая пластальная конструкция, которая по мысли должна была выдерживать сильнейшее давление, рухнула в комнату. Стража кинулась из-под нее врассыпную, хватаясь за оружие.

Но в дверном проеме оказалось лишь двое детей: слева — Ганима, в черных одеждах обручения, и справа — Лито, из-под его белых, запятнанных пустыней одежд виднелся серый лоснящийся стилсют.

Алия перевела взгляд с упавшей двери на детей, ее охватила дрожь.

— Семья здесь, чтобы нас приветствовать, — сказал Лито. — Бабушка, — он кивнул Джессике, перевел взгляд на Принца Коррино. — А это, должно быть, Принц Фарадин. Добро пожаловать на Арракис, Принц.

В глазах Ганимы было пусто. Она держала правую руку на рукояти церемониального крисножа на поясе, и вроде бы пыталась уйти от Лито, жесткой хваткой державшего ее. Лито встряхнул ее руку, и все ее тело затрепетало.

— Возри на меня, семья, — сказал Лито. — Я — Ари, Лев Атридесов. А это ... — он опять встряхнул руку Ганимы с такой могучей легкостью, что все ее тело дернулось. — Это Ариз, Львицы Атридесов. Мы пришли направить вас на Сехер Нбиу, Золотую Тропу.

Ганима впитала ключевые слова — «Сехер Нбиу» — почувствовала, как отворилась запертая перегородка в ее сознании, как что-то потоком потекло в ее мозг. Оно втекало с линейной четкостью, и над ним парило внутреннее присутствие ее матери, стоявшей на страже у ворот. И Ганима поняла, что в этот момент она покорила свое крикливо-навязчивое прошлое. Они обрели ворота, через которые, если надо будет, сможет созерцать его. Месяцы самогипнотического подавления соорудили внутри нее безопасное место, из которого она способна править своей собственной плотью. Она начала поворачиваться к Лито, чувствуя необходимость объяснить ему это, когда внезапно до нее дошло, где и с кем она стоит.

Лито отпустил ее руку.

— Твой план сработал? — прошептала Ганима.

— Вполне хорошо, — ответил Лито.

Алия, оправясь от шока, крикнула кучке стражей слева:

— Схватить их!

Но Лито наклонился, одной рукой поднял упавшую дверь и запустил ею в стражников. Двух из них она пригвоздила к стене. Остальные в ужа-

се упали на пол. Дверь, весящую половину метрической тонны, швырнул этот ребенок!

Алия, разглядевшая, что в коридоре за дверью валяются поверженные стражники, сообразила, что это не кто иной, как ...

Джессика тоже увидела тела, почувствовала грандиозную силу Лито — и пришла к исходным заключениям, но слова Ганимы были ухвачены самой сердцевиной ее тренированного Бене Гессерит и обученного науке хладнокровия мышления.

— Какой план? — спросила Джессика.

— Золотая Тропа, наш Имперский план, — сказал Лито. Он кивнул Фарадину. — Не держи на меня зла, кузен. Я действую не меньше и ради тебя. Алия надеялась, что Ганима зарежет тебя. Мне предпочтительней, чтобы ты прожил жизнь в относительном счастье.

Алия завизжала охране, оробело теснившейся в проходе.

— Я велю вам их схватить!

Но стража отказалась войти в помещение.

— Подожди меня здесь, сестра, — сказал Лито. — У меня есть неприятная задача, — и он направился к Алии.

Та подалась от него в угол, сжалась там и вытащила свой нож. В свете из окна полыхнули зеленые драгоценные камни на рукояти.

Лито просто продолжал на нее наступать с руками безоружными, но широко расставленными наготове.

Алия сделала выпад.

Лито подпрыгнул почти до потолка, ударил ее левой ногой. Он нанес удар ей в голову, оставив кровавую отметину на лбу — и Алия распростерлась на полу. Нож выпал у нее из рук и по полу скользнул прочь. Алия потянулась за ножом, но обнаружила, что перед ней стоит Лито.

Алия заколебалась, вспомнила все, чему учили ее Бене Гессерит. Встала с пола, тело расслаблено в боевой позиции.

И опять Лито двинулся на нее.

Алия правым плечом обозначила ложный выпад влево, в то время, как ее правая нога, наносила точечный удар, который мог бы распороть человеку живот.

Лито принял удар на руку, схватил ногу Алии, оторвал ее от земли и закружил у себя над головой. От скорости ее вращения раздался и шипящий звук бьющихся о ее тело одежд.

Остальные отпрянули, присев.

Алия визжала и визжала, но все вращалась, вращалась и вращалась. Вскоре она умолкла.

Лито медленно снизил скорость вращения и мягко опустил ее на пол. Она повалилась запыхавшимся комком.

Лито наклонился над ней:

— Я мог бы швырнуть тебя в стену, — сказал он. — Может, так было бы лучше всего, но мы сейчас в главной точке нашей борьбы. Ты имеешь свой шанс.

Глаза Алии бешено стрельнули из стороны в сторону.

— Я победил свои внутренние жизни, — сказал Лито. — И Гани тоже. Она может ...

— Алиа, я могу показать тебе ... — вмешалась Ганима.

— Нет! — это слово словно с натугой произнесла Алиа. Грудь ее вздымалась, из ее уст хлынули слова — несвязные, клянушие, умоляющие. — Вот видишь! Почему ты не слушала? — А затем: — Зачем ты это делаешь? Что происходит? — И другой голос: — Останови их! Заставь их прекратить!

Джессика закрыла руками глаза, почувствовала, как ее ободряюще поддерживает рука Фарадина.

А Алиа неистовствовала:

— Я тебя убью! — ее рот изрыгнул отвратительные ругательства. — Я выпью твою кровь! — из нее полились голоса на многих языках, все спутанные и перемешанные.

Теснящиеся в проходе странники сделали знак червя, затем стиснутыми кулаками заткнули уши. Она одержима!

Лито встал, покачивая головой. Он подошел к окну и тремя быстрыми ударами разнес якобы несокрушимое, укрепленное хрусталем, оконное стекло, выбив его из рамы.

По лицу Алии скользнуло хитрое выражение. Джессика услышала, как из перекошенного рта вырвалось нечто похожее на собственный голос — пародия на самоконтроль Бене Гессерит:

— Вы, все! Стойте, где стоите!

Джессика, опустив руки, обнаружила, что они влажные от слез.

Алиа перевернулась и встала на колени, потом поднялась на ноги.

— Разве вы не знаете, кто я? — спросила она. Это был ее прежний голос, сладостный и звенящий голос той юной Алии, которой больше не было. — Почему вы все так на меня смотрите? — она повернулась к Джессике, умоляюще на нее глядя. — Мама, заставь их прекратить.

Джессика смогла только покачать головой, охваченная предельным ужасом. Все старые предостережения Бене Гессерит были истиной. Она поглядела на Лито и Ганиму, рядышком стоящих возле Алии. А что значат эти предупреждения для бедных близнецов?

— Бабушка, — сказал Лито и голос его был умоляющ. — Должны ли мы проводить Трибунал Одержимости?

— Кто вы такие, чтобы говорить о трибунале? — осведомилась Алиа, и голос ее был голосом желчного мужчины, мужчины автократичного и чувственного, слишком далеко зашедшего в самолюбование.

И Лито, и Ганима узнали этот голос. Старый Барон Харконнен. Ганима услышала, как тот же самый голос эхом откликается у нее в голове, но внутренние ворота заперты, и ее мать неусыпно возле них.

Джессика промолчала.

— Тогда решение за мной, — сказал Лито. — А выбор твой, Алиа. Либо Трибунал Одержимости, либо ... — он кивнул на открытое окно.

— Кто ты такой, чтобы предлагать мне выбор? — спросила Алиа и опять-таки это был голос Старого Барона.

— Демон! — вскрикнула Ганима. — Дай ей выбрать самой!

— Мама, — в интонациях маленькой девочки взмолилась Алиа. — Мама, что они делают? Что ты от меня хочешь? Помоги мне.

— Сама себе помоги, — приказал Лито и вкратчайший миг увидел в глазах Алиа присутствие своей униженной тети, ее собственное «я», без всякой надежды бросившее на него жаркий взгляд и исчезнувшее. Но тело ее задвигалось — деревянными, отталкивающими шажками. Она вихляла, спотыкалась, сбивалась с пути и возвращалась на него — все ближе и ближе к открытому окну.

Теперь с ее уст звучал неистовый голос старого Барона:

— Остановись! Остановись, я говорю! Я велю тебе! Остановись! На, получай, — Алиа стиснула руками голову, еще ближе подковыляла к окну. Она уже касалась коленями подоконника, а голос все бушевал. — Не делай этого! Остановись, я помогу тебе! У меня есть план! Послушай меня! Остановись, я сказал! Подожди! — но Алиа оторвала руки от головы, вцепилась в разбитую оконную раму. Одним дерганным движением она перевалилась через подоконник и исчезла. Падая, она не издала ни единого звука.

Находившиеся в палате слышали крик толпы, тяжелый мягкий шлепок — Алиа рухнула на ступени далеко внизу.

Лито поглядел на Джессику:

— Мы говорили тебе, чтоб ты ее жалела.

Джессика отвернулась и спрятала лицо в тунике Фарадина.

Глава 50

— Он бежит по ночам, кузен, — сказала Ганима. — Он бежит. Ты видел, как он бежит?

— Нет, — ответил Фарадин.

Он ждал вместе с Ганимой в приемной малого зала аудиенции Твердыни, куда Лито пригласил их. Тайканик стоял с дугой стороны, вместе с леди Джессикой, чувствуя себя неуютно рядом с ней, а у леди Джессики

вид был отстраненный, словно мыслью она обитала где-то не здесь. И часа еще не прошло после утренней трапезы, но многое уже было сделано — извещение Союза, послания КХОАМ и Ландсрааду.

Фарадин находил затруднительным понимать этих Атридесов. Хоть леди Джессика и предупреждала его, но реальность все равно оставляла его озадаченным. Они продолжали говорить о помолвке, хотя вроде бы почти все политические причины для нее развеялись. Лито воссядет на трон — в этом, похоже, сомневаться не приходится. Его странную живую кожу следует, конечно, удалить ... но, со временем...

— Он бежит, чтобы утомить себя, — сказала Ганима. — Он воплощенный Кразилек. Ни один ветер не обгонит его бега. Он — пятнышко на дюнах, я видела его. Он бежит и бежит. А когда он, наконец, изматывается, он возвращается и кладет голову на колени. «Попроси нашу мать внутри тебя найти для меня способ умереть», — молит он.

Фарадин воззрился на нее. Всю неделю после бесчинств на площади Твердыня жила странным ритмом, таинственными приходами и уходами. Истории о яростном сражении за Защитной стеной дошли до него через Тайканика, к которому обратились за военным советом.

— Не понимаю тебя, — сказал Фарадин. — Найти для себя способ умереть?

— Он просил меня подготовить тебя, — сказала Ганима. Не впервые поразила ее занятая невинность того Принца Коррино. Работа леди Джессики — или врожденное?

— К чему?

— Он больше не человек, — сказала Ганима. — Вчера ты спросил, когда он собирается снять свою живую кожу? Никогда. Она — часть его, а он — ее часть. По приблизительным подсчетам Лито, он, вероятно, проживет около четырех тысяч лет, прежде чем его уничтожит метаморфоза.

Фарадин попытался проглотить комок в горле.

— Теперь понимаешь, почему он бежит? — спросила Ганима.

— Но если он собирается прожить так долго и быть таким ...

— Потому что слишком богата его память о человеческом бытии. Подумай обо всех его жизнях, кузен. Нет. Ты не можешь представить, что же это такое, поскольку ты этого не испытал. Но я знаю. Я могу представить его боль. Наш отец удалился в пустыню, пытаясь бежать от этого. Алия в страхе перед этим стала Богомерзостью. В нашей бабушке — лишь расплывчатые зачатки этого состояния, и все же ей приходится прибегать ко всем уловкам Бене Гессерит, чтобы жить с этим — с тем, с чем все равно приходится иметь дело, если ты — Преподобная Мать. Но Лито! Он совсем одинок и никогда не будет воспроизведен.

Фарадин был напрочь оглушен ее словами. Император на четыре тысячи лет?

— Джессика знает.— Ганима поглядела на бабушку.— Он рассказывал ей вчера вечером. Он называет себя первым воинстину долгосрочным планировщиком в человеческой истории.

— Что ... что он планирует?

— Золотую Тропу. Он объяснит тебе позже.

— И в этом ... плане у него есть роль для меня?

— Да, моего спутника. Он возьмет на себя программу развития Бене Гессерит. Уверена, бабушка рассказывала тебе о мечте Бене Гессерит создать мужчину — Квизац Садерах с необычными силами. Он ...

— То есть, мы попросту будем ...

— Не попросту,— ее теплая рука стиснула его руку.— У него будет много ответственных поручений для нас обоих. То есть, когда мы не будем производить детей.

— Ну, для этого ты пока еще маловата,— сказал Фарадин, убирая ее руку.

— Никогда не повторяй этой ошибки,— сказала она. И льдинка была в ее голосе.

Джессика подошла к ним вместе с Тайкаником.

— Тайк рассказывает мне, боевые действия распространились на всю планету,— сказала Джессика. Центральный Храм на Биареке взят в осаду.

Фарадину показалось странным спокойствие, с которым она это произнесла. Ночью он проглядывал доклады вместе с Тайкаником. Пожар мятежа ширится по всей Империи. Он, конечно, будет погашен, но Лито придется восстанавливать Империю из печального состояния.

— Вот и Стилгар,— сказала Ганима.— Его поджидали,— и снова она взяла Фарадина под руку.

Старый наиб Свободных вошел в двери в сопровождении двух своих соратников из Команды Смерти по прежним дням в пустыне. Все они были одеты в официальные черные робы с белыми разводами, на головах их были желтые траурные повязки. Они подошли твердым широким шагом. Стилгар задержал взгляд на Джессике. Он остановился перед ней, настороженно кивнул.

— Ты все еще терзаешься из-за смерти Данкана Айдахо,— сказала Джессика. Ей не понравилась эта настороженность в старом друге.

— Преподобная Мать,— сказал он.

«Вот, значит, что,— подумала Джессика.— Все официально и в соответствии с кодексом Свободных, есть кровь, которую нельзя стереть».

И она сказала:

— С нашей точки зрения, ты лишь сыграл ту роль, на которую назначил тебя Айдахо. Почему они это делают, Стил? Потому ли, что знают, как велико бывает вознаграждение Атридесов?

— Я счастлив, что ты не ищешь предлога для мести, — сказал он. — Но есть дела, которые я должен обсудить с твоим сыном. Эти дела могут разлучить нас навсегда?

— Ты имеешь в виду, Табр не принесет вассальной присяги? — спросила Ганима.

— Я имею в виду, что погожу с суждением, — он холодно поглядел на Ганиму. — Мне не нравится то, чем стали мои Свободные, — проворчал он. — Мы вернемся на прежние пути. Без вас, если будет необходимо.

— На время — возможно, — ответила Ганима. — Но пустыня умирает, Стил. Куда ты денешься, когда не будет больше червей, не будет больше пустыни?

— Я не верю этому!

— Через одну сотню лет, — сказала Ганима, — здесь будет менес пятидесяти червей, да и те будут больными, содержащимися в тщательном оберегаемом заповеднике. Их спайс будет только для Космического Союза, а его цена ... — она покачала головой. — Я видела подсчеты Лито. Он побывал на всей планете. Он знает.

— Еще один ваш трюк, чтобы оставить Свободных своими вассалами?

— Когда ты был нашим вассалом? — спросила Ганима.

Стилгар поугрюмел. Что он ни сделай или ни скажи — эти близнецы всегда представляют это его грехом.

— Вчера вечером он рассказывал мне о Золотой Тропе, — бухнул Стилгар. — Мне это не нравится!

— Странно, — сказала Ганима, взглянув на бабушку. — Большинство империи будет ее приветствовать.

— Разрушение нас всех, — пробормотал Стилгар.

— Но всякий жаждет Золотого Века, — сказала Ганима. — Разве не так, бабушка?

— Всякий, — согласилась Джессика.

— Они жаждут империи Фараонов, которую даст им Лито, — сказала Ганима. — Жаждут богатого мира, изобильных урожаев, процветания торговли и ремесел, равенства всех, кроме Золотого Правителя.

— Это будет смертью для Свободных! — возразил Стилгар.

— Как ты можешь так говорить? Разве нам не нужны будут солдаты и храбрецы, чтобы справляться со случающимися возмущениями? Нет, Стил, ты и brave соратники Тайка будут по шею загружены работой.

Стилгар взглянул на сардукарского офицера — и между ними промелькнул странный свет взаимопонимания.

— И Лито будет контролировать спайс, — напомнила Джессика.

— Он будет под его абсолютным контролем, — добавила Ганима.

Фарадин, слушавший тем новым сознанием, которому Джессика его научила, уловил в репликах Ганимы и ее бабки игру по заранее согласованному между собой сценарию.

— Мир будет сохраняться, пока за него борешься, — сказала Ганима. — Память о войне что угодно, но не исчезнет. Лито будет вести человечество этим садом по меньшей мере четыре тысячи лет.

Тайканик вопросительно взглянул на Фарадина, кашлянул.

— Да, Тайк?

— Я бы хотел поговорить с вами лично, мой Принц.

Фарадин улыбнулся, зная вопрос, возникший в военном уме Тайканика, и зная, что еще по меньшей мере двое из присутствующих поняли этот вопрос.

— Я не продам сардукаров, — сказал он.

— Нет надобности, — сказал Ганима.

— Ты слушаешься этого ребенка? — спросил Тайканик. Он был в ярости. Вот этот старый наиб понимает проблемы, возникающие из всех этих замыслов, но никто дольше ни дьявола не смыслит в ситуации!

Ганима мрачно улыбнулась:

— Объясни ему Фарадин.

Фарадин вздохнул. Легко забыть о странности этого ребенка, который вовсе не ребенок. Ему легко вообразилась вся жизнь в браке с ней, скрытые уловки за всем интимным. Не слишком приятная перспектива, но он начинал постигать ее неизбежность. Полный контроль над скудеющими поставками спайса! Никто в мире не двинется без спайса!

— Позже, Тайк, — сказал Фарадин.

— Но ...

— Позже, я сказал! — Фарадин впервые опробовал на Тайканике Голос, увидел, как тот моргнул от изумления и примолк.

Тугая улыбка тронула губы Джессики.

— Он на одном дыхании говорит о мире и смерти, — сказал Стилгар. — Золотой Век!

Ганима сказала:

— Он поведет людей через культ смерти на вольный воздух изобилия жизни! Он говорит о смерти, потому что это необходимо, Стил. Это — напряжение, через которые живущие понимают, что живы. Когда Империя падет ... О, да, она падет. Ты думаешь, будто Кразилек — сейчас, но Кразилек еще только наступит. А когда он наступит, люди обретут обновленную память о том, что такое быть живым. Память будет упорно сохраняться до тех пор, пока жив хоть один человек. Мы еще раз пройдем через суровое испытание, Стил. И мы выйдем на него. Мы всегда воскресаем из собственного пепла. Всегда.

Фарадин понял, слушая ее слова, что она имела ввиду, рассказывая ему о бегавшем Лито. Он — человеком не будет.

Стилгар все еще не был убежден.

— Никаких больше червей, — проворчал он.

— О, черви вернутся, — заверила его Ганима. — Через две сотни лет все они будут мертвы, но они вернутся.

— Как ... — Стилгар осекся.

Фарадин поплыл по волне откровения. Он понял, что скажет Ганима еще до того, как она заговорила.

— Союз с трудом переживет скудные годы, и только лишь благодаря собственным и нашим запасам, — сказала Ганима. — Но и после Кразилека будет изобилие. Черви вернутся после того, как мой брат уйдет в песок.

Глава 51

Лито сидел на Львином троне, принимая присягу племен. Ганима стояла рядом с ним, одной ступенькой ниже. Церемония в Великой Зале длилась целые часы. Племя за племенем Свободных представляло перед ним, через своих делегатов.

Он через испуг привел их к покорности, устроив спектакль перед общей арифой всех племен. Судьи увидели, как он заходил в огненную яму и, выйдя из нее невредимый, попросил их внимательно осмотреть его кожу — что на ней нет никаких отметин. Он приказал бить себя ножами — и его непреодолимая кожа запечатывала при этом его лицо так, что ножу не было куда проникнуть. При малейшем дымке из него начинали сочиться кислоты. Он съел их яды — и посмеялся над ними.

Под конец он вызвал червя и постоял в его пасти лицом к ним. Затем он повел их на летное поле Арракина и там нагло опрокинул фрегат Союза, подняв его за один из посадочных стабилизаторов.

Арифа отчиталась обо всем этом с благоговейным страхом, и теперь прибыли делегации племен, чтобы официально закрепить свою покорность.

Сводчатое пространство Великой Залы, с акустическими свойствами его увлажнительных систем, почти поглощало резкие шумы, но непрестанный шорох движущихся ног, плывущий на волнах пыли и запахов кремниевой гальки, принесенных снаружи, неотступно проникал в слух.

Джессика, отказавшаяся присутствовать, наблюдала из потайного глазка за тронем. Взгляд ее был прикован к Фарадину — с сознанием, что и ее, и Фарадина переиграли. Конечно же, Лито и Ганима

предвидели действия Сестер! Внутри себя близнецы могли посоветоваться со множеством более великих бене гессериток, чем все живущие ныне в Империи.

Особенно ей было горько из-за того, как именно мифология Сестер поймала в западню Алию. На фоне ее судьбы еще трудней было видеть, чего достигли Лито и Ганима — даже ни одного выхода из западни, а двух. И самым горчайшим были победа Ганимы над своими внутренними жизнями и ее настояния, что Алия заслуживает только жалости. Гипнотическое подавление под стрессом, сцепленное с опекуном благого предка, спасли Ганиму. Они могли бы спасти и Алию. Но, не имея надежды, она ничего не предприняла, пока уже не стало слишком поздно. Вода Алии ушла в песок.

Джессика вздохнула, перевела взгляд на Лито на троне. Огромный глобусообразный кувшин с водой Муад Диба занимал почетное место по его правую руку. Он похвалился Джессике, что его отец-память посмелся над этим жестом, хоть и восхищаясь им в то же время.

Кувшин и похвальба укрепили решимость Джессики не принимать участия в ритуале. Сколько ни проживи, знала она, она никогда не сможет принять Пола, говорящего из уст Лито. Она радовалась, что устоял Дом Атридесов, но невыносимы мысли о том, что могло бы быть.

Фарадин сидел, скрестив ноги, рядом с сосудом с водой Муад Диба. Это было место Царственного Писца, почести новопожалованной и новопринятой.

Фарадин чувствовал, что отменно приспосабливается к новым реалиям, хотя Тайканик до сих пор был в ярости и сулил злоешие последствия. Он вошел со Стилгаром в союз на основе недоверия к происходящему — и их смычка, похоже, забавляла Лито.

За часы церемонии принесения присяги, Фарадин переходил от благоговения к скуке, а от нее опять к благоговению. Нескончаемым потоком текли эти люди, эти бесподобные бойцы. Их обновленная верность Атридесу на троне уже не ставилась под вопрос. Они стояли перед ним в покорном ужасе, напрочь запуганные тем, о чем доложила Арифа.

Наконец, все почти кончилось. Перед Лито стоял последний наиб — Стилгар, шедший «последним и почетным». Вместо тяжелых корзин со спайсом, полыхающих драгоценных камней и любых других дорогостоящих даров, горами громоздившихся вокруг трона, Стилгар держал плетеную из волокон спайса повязку для головы. На ней был Ястреб Атридесов, исполненный в золоте и зеленом.

Ганима узнала повязку и искоса бросила взгляд на Лито.

Стилгар положил повязку на вторую ступень, низко поклонился.

— Я подношу тебе повязку, которую носила твоя сестра, когда я увел ее в пустыню, чтобы ее защитить, — сказал он.

Лито подавил улыбку.

— Я знаю, что тяжелые тебе выпали времена, Стилгар,— сказал он.— Есть ли что-нибудь, способное стать тебе возмещением? — он указал на груды дорогих даров.

— Нет, милорд.

— Тогда я принимаю твой дар,— Лито наклонился вперед, ухватил край одеяний Ганимы и оторвал от него тонкую полоску.— В обмен я даю тебе кусочек одежды Ганимы, той одежды, в которой она была, когда ее похитили из твоего лагеря в пустыне, вынудив прийти ей на выручку.

Стилгар принял дар дрожащей рукой.

— Ты смеешься надо мной, милорд?

— Смеюсь над тобой? Именем своим клянусь, Стилгар, никогда бы я не стал над тобой смеяться. Я велю тебе всегда это носить близко к сердцу — как напоминание, что все люди подвержены ошибкам, и что все вожди — люди.

Стилгар слегка усмехнулся.

— Какой бы из тебя получился наиб!

— Какой я есть наиб. Наиб наивов. Никогда об этом не забывай!

— Как скажешь, милорд,— Стилгар сглотнул, припоминая отчет своего ариффа. И подумал: «Однажды у меня была мысль его убить. Теперь уже слишком поздно». Взгляд его упал на изящный сосуд, покрытый плотной позолотой и с зеленой крышкой.— Это вода моего племени.

— И моего,— сказал Лито.— Приказываю тебе прочесть, что на нем написано. Прочти громко, чтобы всякий мог слышать.

Стилгар бросил на Ганиму вопрошающий взгляд, но она лишь подбородок вздернула — холодный ответ, от которого у Стилгара пробежали мурашки. Не намереваются ли эти Атридесовские бесенята призвать его к ответу за его горячность и его ошибки?

— Читай,— указал Лито.

Стилгар медленно поднялся по ступеням, наклонился, разглядывая сосуд. Вскоре он прочел:

— «Эта вода есть первосушность, источник вонне текущего творчества. Хотя и неподвижна, эта вода есть основа любого движения».

— Что это значит, милорд? — прошептал Стилгар. Он ощутил священный трепет перед этими словами, затронувшими в нем нечто, непонятное ему самому.

— Тело Муад Диба — сухой панцирь, наподобие сброшенного насекомым,— сказал Лито.— Овладевая внутренним миром, он с презрением относился к внешнему, и это привело к катастрофе. Овладевая внешним миром, он исключал внутренних, и это отдало его потомкам демонам. Золотой Эликсир исчезнет с Дюны, но будет продолжаться семья Муад Диба, и вода его будет двигать мироздание.

Стилгар склонил голову. Мистическое всегда приводило его в смятение.

— Начало и конец — есть одно, — сказал Лито. — Мы живем в воздухе и его не видим. Фаза завершена. Из ее завершения произрастает начало ее противоположности. Отсюда у нас будет Кразилек. Потом все вернется в измененном виде. Ты ощущал и ощущаешь мысли в своей голове — твои потомки ощутят их нутром. Возвращайся в сьетч Табр, Стилгар. Там к тебе присоединится Гурни Хэллек, он будет моим представителем в твоём совете.

— Ты не доверяешь мне, милорд? — тихо проговорил Стилгар.

— Доверяю полностью, иначе не послал бы к тебе Гурни. Он начнет вербовку новых сил, которые нам скоро понадобятся. Я принимаю твою присягу верности, Стилгар. Ты можешь идти.

Стилгар низко поклонился, спустился со ступеней, повернулся и вышел из залы. Остальные нанбы шаг в шаг потянулись за ним, в соответствии с принципом Свободных, что «последние будут первыми». Но некоторые из вопросов уходящих доносились до трона.

— О чем вы там говорили, Стил? Что это значит, эти слова на воде Муад Дибба?

Лито обратился к Фарадину:

— Ты ничего не упустил, писец?

— Нет, милорд.

— Моя бабушка говорит, что хорошо тебя подготовила по мнемонике Бене Гессерит. Это славно. Мне не хочется, чтобы ты строчил рядом со мной.

— Как прикажешь, милорд.

— Иди сюда, встань передо мной, — сказал Лито.

Фарадин повиновался, более чем когда-либо благодарный Джессике за науку. Когда принимаешь тот факт, что Лито больше не человек, не может больше мыслить по-человечески — курс Золотой Тропы становится еще более пугающим.

Лито посмотрел на Фарадина. Стражи находились далеко, вне пределов досягаемости слуха. В Великой Зале оставались лишь советники Внутреннего Присутствия, но их заискивающие группки были далеко от первой ступени. Ганима подошла поближе и положила руку на спинку трона.

— Ты все еще не согласен отдать мне своих сардукаров, — сказал Лито. — Ты не согласишься.

— Я должен тебе многое, но не это, — сказал Фарадин.

— Ты думаешь, они не сойдутся с моими Свободными?

— Сойдутся не хуже этих новых друзей, Стилгара и Тайканика.

Ганима убрала руку со спинки трона, подошла к Фарадину, взяла его за руку.

— Как моя мать не была женой, так ты не будешь мужем, — сказал Лито. — Но, может быть, будет любовь, и этого будет достаточно.

— Каждый день, каждый миг приносит свою перемену, — сказала Ганима. — Учишься, постигая мгновения.

Фарадин ощущал настойчивость тепла крохотной ручки Ганимы. Он хорошо постиг ее приливы и отливы доводов Лито, но тот не единожды использовал Голос. Взывая к нутру, а не к уму.

— Это твоё предложение за моих сардукаров? — спросил Фарадин.

— Больше, много больше, кузен. Я предлагаю твоим потомкам Империю. Я предлагаю тебе мир.

— Каков будет исход твоего мира?

— Его противоположность, — голос Лито прозвучал спокойно и насмешливо.

Фарадин покачал головой.

— Слишком высока цена за моих сардукаров. Должен ли я остаться Писцом, тайным отцом твоих детей?

— Должен.

— Будешь ли ты стараться навязать мне свой уклад мира?

— Буду.

— Я буду ежедневно и до конца жизни сопротивляться этому.

— Но именно этого я от тебя и ожидаю, кузен. Вот почему я выбрал тебя. Я оформлю это официально. С этого момента ты будешь называться Харк ал-Ада, что на одном из древних языков означает «Ломающий Уклад». Ну-ну, кузен, не упрямысь. Бабушка хорошо тебя обучила. Отдай мне своих сардукаров.

— Отдай, — эхом откликнулась Ганима. — Он так или иначе их возьмет.

Фарадин расслышал страх в ее голосе. Значит, любовь? Лито звал не к рассудку, а к интуитивному прыжку.

— Возьми их, — сказал Фарадин.

— Разумеется, — Лито поднялся с трона занятно струящимся движением, словно держа свою ужасную силу под самым пристальным контролем. Спустился на уровень Ганимы, он мягко повернул сестру, так что она оказалась затылком к нему, повернулся сам и встал с ней спиной к спине. — Запомни это, кузен Харк ал-Ада. Так всегда будет с нами. Мы будем стоять так, когда поженимся. Спиной к спине, каждый глядя вперед, в другую сторону от другого, чтобы защитить то единое, чем мы были и есть, — он обернулся, насмешливо поглядел на Фарадина, понизил голос. — Помни об этом, кузен, когда будешь с моей Ганимой лицом к лицу. Помни об этом, нашептывая ей любовные ласки. Твоя спина останется неприкрытой.

Отвернувшись от них, он зашагал со ступеней к ждущим придворным, те шлейфом, словно спутники, потянулись за ним, и он покинул залу.

Ганима опять взяла Фарадина за руку, но взгляд ее был прикован к дальнему концу залы еще очень долго после ухода Лито.

— Один из нас должен был принять страдания, — сказала она, — а из нас двоих он всегда был сильнее.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

ДОРОГИЕ ПОКЛОННИКИ СЕРИИ!

В редакцию стали поступать письма, в которых Вы спрашиваете: закончилась ли 21-ым томом публикация сериала "Звездные войны"? Спешу сообщить Вам, что мы будем продолжать его дальнейшее издание параллельно с модернизацией первых томов серии и заменой их на "Войны пустыни". Более подробно о планах этой модернизации мы поделимся с Вами в последующих выпусках.

Хочу сообщить, что до конца 1994 года нами запланировано издание следующих книг:

"ТРЕТЬИ ВОЙНЫ ПУСТЫНИ" - том 4*.

"ЧЕТЫРНАДЦАТЫЕ ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ" - том 22.

"ЧЕТВЕРТЫЕ ВОЙНЫ ПУСТЫНИ" - том 5*.

"ПЯТНАДЦАТЫЕ ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ" - том 23.

С уважением...

А. САЯПИН.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Заговор	3
2. Близнецы	175

ФРЭНК ХЕРБЕРТ

"Вторые войны пустыни". / "Библиотека зарубежного крим. и прикл. романа." Выпуск 2*-3* /.

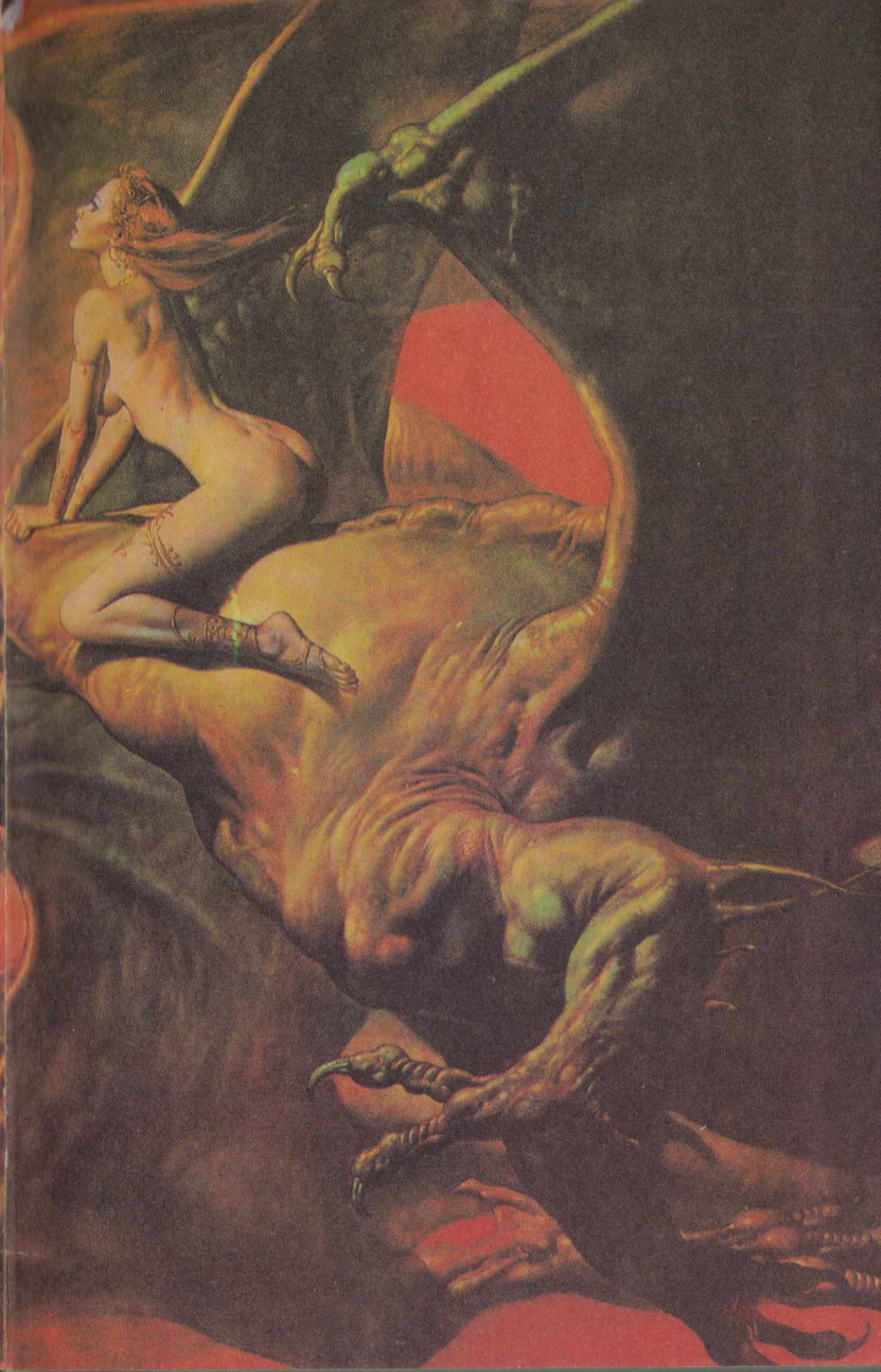
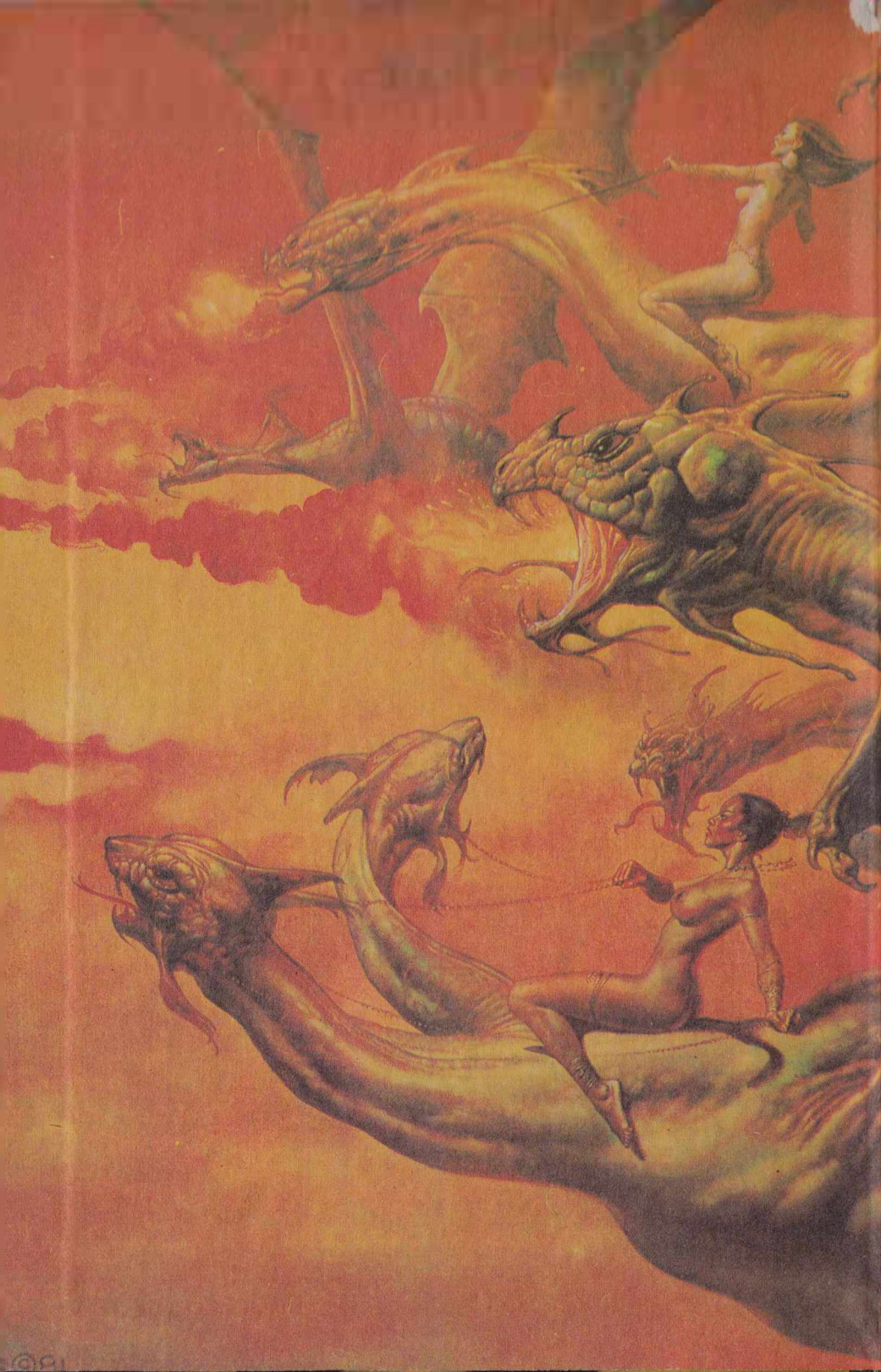
Художественный редактор А.САЯПИН
Технический редактор Л.ЗАИЧКИНА, И.ТЫРВА

"МЕЛОР". ЕЕ0601. Эстония, г.Таллинн, а/я 3515.

ЛР N06693 от 7 июня 1993г. Сдано в набор 17.08.94г. Подписано в печать 15.09.94 г. Формат бумаги 60х90 1/16. Бумага лисчая. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная. Усл. печ. л. 26. Уч.-изд. л. 27,1. Заказ № 4552. Тираж 15 000 экз. Заказное.

Качество печати соответствует качеству диапозитивов, представленных издателем.

Отпечатано на Смоленском полиграфическом комбинате Комитета Российской Федерации по печати. 214020, Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА

2*3